

ВАСИЛИЙ ШУКШИН
ПОВЕСТИ
ДЛЯ
ТЕАТРА И КИНО

ББК 84Р7
Ш95

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ СОВЕТСКОЙ ПРОЗЫ

Председатель редакционного совета
Сергей Баруздин

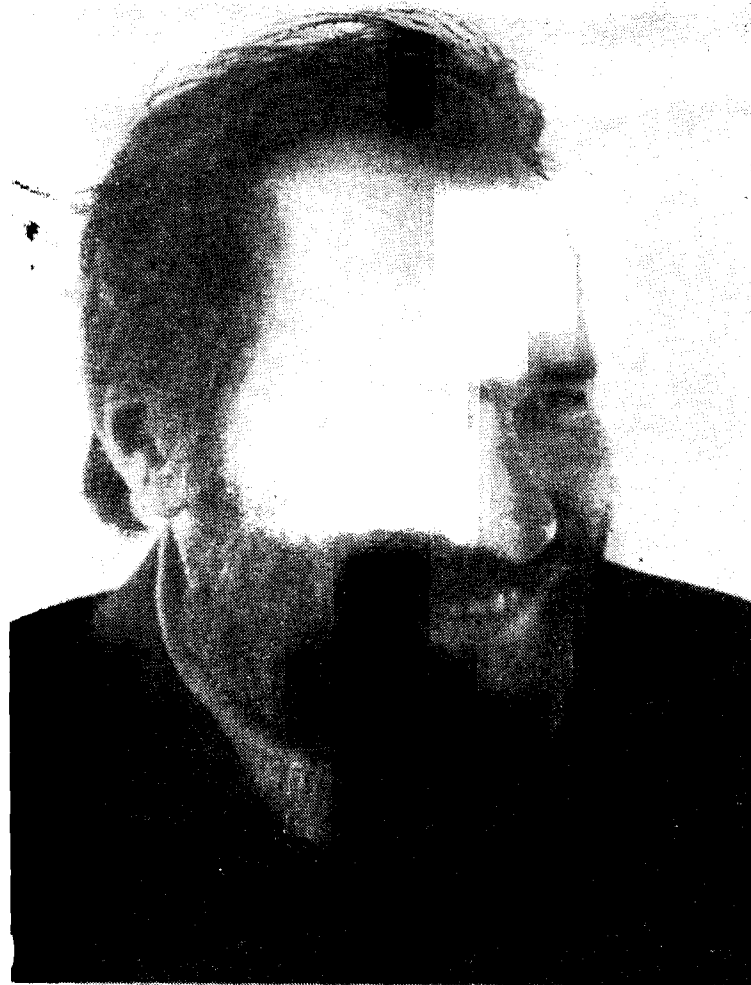
Первый заместитель председателя
Леонид Теракопян

Заместитель председателя
Александр Руденко-Десяк

Ответственный секретарь
Елена Мовчан

Члены совета:

*Ануар Алимжанов, Лев Аннинский,
Альгимантас Бучис, Игорь Захорошко,
Имант Знедовис, Мирза Ибрагимов,
Юрий Калещук, Алим Кешоков, Юрий Киршин,
Вадим Ковский, Григорий Корабельников,
Георгий Ломидзе, Андрей Лупан,
Юстинас Марцинкявичюс, Рафаэль Мустафин,
Леонид Новиченко, Александр Овчаренко,
Борис Панкин, Вардгес Петросян,
Инна Сергеева, Юрий Суровцев,
Бронислав Холопов, Иван Шамякин,
Константин Щербаков, Камиль Яшен*

Ш $\frac{4702010200-082}{074(02)-84}$ 79-84

© Составление и оформление. Издательство «Известия» 1984 г.

Петр Ивлев рано узнал, почему фунт лиха. Осиротел в один год сразу, когда не исполнилось и четырех лет. Отец умер от воспаления легких, мать спустя три месяца — не разродилась девочкой.

Мальчика взяла сперва бабушка, потом, когда бабушка умерла, приютила вдовья тетка.

Петр с грехом пополам дотянул до пяти классов и пошел работать в колхоз.

Шла война. В колхозе работали глубокие старики, бабы и молодняк-подростки. Трудное было время.

Поедет, бывало, Петька на мельницу зимой... А мешки, каждый — пятьдесят — шестьдесят килограммов. Навалят на спину такую матушку и неси. А нести надо вверх по сходне: ноги трясутся, в глазах — оранжевые круги. Сходня — три-четыре сшитых тесины, поперек — рейки набиты. Обледенеет эта сходня, замызгают, заглядят ее ногами, поскользнешься — мешок так и припечатает тебя к ней. Лицо — в кровь. И не занюнишь — говарищи рядом и старик мельник большой насмешник. Петька сплевывал солоновато-вязкую красную слюну и матерился. Материться он был мастер: дружки хохотали, а мельник одобрял:

— Так, Петька, легче будет.

Или за горючим в город ездили. Тулупишко дражный, пимы третью зиму одни — подшитые-переподшитые, никакого тепла в них. А мороз — под сорок — сорок пять, дышать больно. И ехать не двадцать, не тридцать километров, а шестьдесят с гаком. Окаменеет Петька, спрыгнет с саней и бежит километр-полтора, пока

Художник М. ПАПКОВ

не упреет. Так до самого города: половину едет, половину бежит. И не простывали как-то!

Был он парень не бойкий, но и не робкий. Если дело доходило до драки,—что частенько случалось среди ребят в те годы,—спуску не давал, стоял до конца. И был очень упрямый: что задумает, сделает. Будет ходить, думать... Изведется весь, а своего добьется. Захотел купить черный шерстяной костюм — увидел в городе, в ларьке. Ночами снился проклятый костюм. А денег нет. Думал-думал — надумал: повез зерно молоть и один куль свалил бабке Акулине. (Бабка самогоном промышляла.) Попались. Бабке — год «принудилочки», Петьку простили по молодости и за то, что безотказный работник. Придумал другую штуку: в свободные вечера (а то и ночи прихватит) стал вырубать корытца. Едет с сеном или порожнем откуда, выберет березку поровней, срубит, завезет домой. Обсочит ее, напилит чурбаков и вырубает корытца. Наделает — и на базар. Так раз пять съездил в город, купил костюм. Выпал свободный день, Петька надел костюм, слегка напустил брюки на хромовые сапоги (весна была), сдвинул фуражку на бочок — из-под козырька горсть мягких ручьего волос — и так прошелся по селу. И все. Больше ничего не требовалось — разок пройтись таким образом.

С девками не хороводился — не знал, о чем с ними говорить. Попробовал проводить одну с вечерки — всю дорогу молчал. Измучился. Проклял себя и зарекся провожать. А девки между тем заглядывались на него: был он не по годам рослый, с крепким, сильным, всегда обветренным лицом; взгляд хоть несколько угрюмый, но прямой и твердый. Внимательный.

С парнями тоже не любил много колготиться. Любил бывать один. А в основном — работал, работал, работал. В страдную пору день-деньской, от зари до зари, на жнейке. Приезжал на стан весь серый от горячей пыли, в голове еще звенит и стрекочет машина... Поужинает со всеми вместе и уйдет спать куда-нибудь к ближайшей скирде. Перед сном сидел иногда, привалившись к теплой соломенной стене, слушал поздних перепелов, шорох мышей в соломе, глуховатый поскон спутанных коней. О чем думалось?.. Неясно как-то. Смутно. Хотелось попасть в какой-то большой светлый город — не в тот, куда он ездил за горючим, а в большой, красивый, который далеко... И чтоб сам он — на-

рядный, веселый — шел рядом с городской девушкой и рассказывал ей что-нибудь, а она бы смеялась. И была бы она образованная... Чтоб руки у нее были мягкие, и чтоб не ругала она судьбу. Где он такую видел?..

Кончилась война. Тетка вышла замуж за фронтовика-инвалида, а Петр уехал в тот город, куда ездил за горючим, поступил в «ремеслуху».

Окончив училище, столярничал. Потом — армия. Отслужил и остался работать, где служил, — в большом городе. В деревню не поехал.

Жил на квартире у одной пожилой женщины, вечерами ходил в кино, случалось — на танцы, но не танцевал, а стоял в сторонке или пил с ребятами пиво в буфете. Вот тут-то — на танцах, на улице — встречались такие, какие мерещились давно в деревне: нарядные, нежные, беспечные. Рядом с ними были молодые люди, вежливые и веселые. Петр с удовольствием смотрел на них. Купил шикарный костюм, шляпу, зачастил в театр. Однажды в антракте, в буфете, подошел к одной такой. Она стояла в сторонке, ела мороженое.

— Не простудитесь? — спросил Петр участливо. И через силу улыбнулся.

Девушка удивленно посмотрела на него и отошла. Петр ушел в курилку и одну за другой подряд высадил три «беломоринны».

«Как же подходить-то к ним?» — думал. Было стыдно за свою улыбку и за дурацкий вопрос. Девушка не нравилась ему, но захотелось познакомиться. И вот — не вышло. Не большая беда, что сейчас не вышло, стыдно только. А если бы сильно захотелось? Ведь может так случиться.

Случилось иначе.

Кончилось лето. Осенью Ивлева вместе с другими рабочими послали в деревню помогать колхозникам убирать картошку.

Деревня, куда приехали, большая. Помощников понаехало больше, чем надо, — рабочие, студенты, служащие... Многие откровенно лоботрясничали, жгли на полях костры, дурачились.

Вечерами в деревне стало шумно. Возле клуба выставляли оглушительную радиолу и до глубокой ночи танцевали.

А вечера стояли хорошие — теплые, темные. С неба

срывались звезды и, прожив маленькую, яркую жизнь, умирали.

Ивлев сидел на крыльце (он жил возле самого клуба, у колхозного бригадира), курил, слушал радиолу, женский смех...

Один раз, в субботу, засиделся до утра. Накурился до тошноты, пошел на край деревни, к озеру. Сел на берегу и стал смотреть, как в лучах восходящего солнца занимается огнем ветхая заброшенная церквушка. Оттого ли, что церковка отражалась в синей воде особенно чисто — как в сказке, оттого ли, что горела она в то утро каким-то особенным — горячим рубиновым светом и было удивительно тихо вокруг, — вдруг защемило сердце. Петр лег на землю, лицом вниз, вцепился пальцами в траву, заскрипел зубами... И — церковь, что ли, навеяла такую мысль — подумалось о боге, но странным образом: что женщина лучше бога. Тот где-то далеко, а эти рядом ходят, и есть ведь среди них такая, с которой легко станет.

На другой день опять пошел к озеру — смотреть, как горит церквушка на закате. И встретил на улице Ольгу Фоякину. И ошолбенел: такой женщины ему не доводилось видеть. Пошел за ней... Пошел, ни о чем не думая, не подумал даже, что потом опять будет стыдно. Ольга оглянулась.

— Здравствуйте, — сказал Петр.

— Здравствуйте.

Петр ласково, как мог, улыбнулся — его пугала красота женщины. И удивляла. Он стоял и смотрел на нее. Она тоже посмотрела на него, спокойная, рослая, гладкая.

— Вы что, обознались? — спросила она.

— Нет. — Петр не знал, что говорить.

У Ольги насмешливо дрогнули уголки губ; она повернулась и пошла прочь.

Ивлев все смотрел на нее. Странно: он не запомнил ее лица. Он даже не был сейчас уверен: красива она или нет. Помнил только, что насмешливо дрогнули уголки ее губ.

Ивлев вернулся домой, надел выходной костюм и пошел к клубу.

Ольга стояла в кругу девушек. Рядом толпились парни. Радиола еще не гремела, еще только налаживали ее.

Ивлев подошел к Ольге.

— Отойдемте в сторонку,— вежливо сказал он.

Ольга не удивилась, улыбнулась ему, как знакомо-му, только улыбка у нее вышла опять насмешливая, как будто хотела сказать: «Знала, что подойдешь, вот и подошел».

— Зачем?

— Мне надо сказать пару слов...— У Петра от волнения перехватило горло. Он замолчал и уставился на Ольгу.

Ольга негромко засмеялась. Засмеялись и те, кто стоял близко. У Ивлева от стыда, от любви и злости свело затылок. Он тоже улыбнулся и, сам не понимая, что делает, вернее, понимая, что делает глупо, взял женщину за руку и хотел отвести в сторону. Ольга оттолкнула его... И тут — как из-под земли вырос — появился чернявый парень, броско красивый тонкой южной красотой.

— Одну минуту,— сказал он с акцентом.— В чем дело?

Ольга с любопытством смотрела на Ивлева.

Чернявый ловко оттер Петра в сторону, взял за локоть и, немножко рисуясь, проговорил:

— Здесь вам делать нечего, молодой человек.

В глазах Ивлева стояла Ольга — смотрела на него. Теперь он запомнил ее лицо — красивое, сытое, очень спокойное. С каким любопытством она смотрела!.. Впрочем, она показалась усталой.

— Вы меня поняли?

— Нет.

Чернявый смело улыбнулся.

— Объяснить?

— Объясни.

Чернявый оглянулся для пущей важности, взял Ивлева за грудки, встряхнул.

— Я говорю: уйти надо.

Петр хотел оторвать от себя руку чернявого, но она точно приросла — парень был цепкий.

— Отпусти,— сказал Ивлев,— не надо... А то ударю.

— О? — Парень сильно рванул его на себя, отпустил и дал пинка под зад.— Чтоб я тебя больше здесь не видел!

Драться не хотелось — злости не было. В глазах стояла насмешливая, умная, красивая Ольга, и было

все равно: драться — драться, обнять чернявого — обнял бы... Душа ликовала. Почему-то именно в этот момент, совсем неподходящий, он поверил: пришла любовь.

Он взял чернявого за руку:

— Отойдем подальше, я тебе все объясню.

Отошли.

Чернявый, ни слова не говоря, больно ткнул Петра в грудь. Тот, не разворачиваясь, дал ему снизу в челюсть. Дрались без азарта... Чернявый пытался боксировать, но не умел, прыгал, делал обманные движения и схватывал по лбу гораздо чаще. Их разняли. Чернявый успел разорвать Петру новую рубашку до пула и разбил в кровь губы. Зато у самого надолго зажмурился левый глаз.

Ивлев, как только их растащили, ушел домой, умылся, надел другую рубашку... И опять пошел к клубу. Опять подошел к Ольге.

— Меня Петром зовут,— сказал он.— А вас как?

У Ольги азартно заблестели глаза. Ей нравилось безрассудное упрямство парня. Петр сам не ждал от себя такой нахрапистости. Все в нем ликовало; вся неистраченная горячая сила двадцати четырех прожитых весен выплеснулась из груди, ударила в голову. Он ошалел.

— Отойдемте на минутку...

— Мне здесь хорошо.

— На минуту... Чего вы? — Ивлев улыбнулся разбитыми губами. Он не знал, что он сказал бы, если бы она отошла. Все было не важно. Хотелось смотреть и смотреть на Ольгу.— Боишься, что ли?

— Ты сам-то не боишься?

— Нет.

— А тебе не кажется, что ты нахал?

— Нет, что ты!

— А мне кажется.

— Перестань... Никогда я нахальным не был.

Тут опять подскочил чернявый.

Ольга отошла от них.

— Я провожу ее сегодня домой,— заявил Петр.— Понял? Не смотри на меня так, а то другой глаз шкрякнет.

Чернявый задохнулся от возмущения. Некоторое время молчал.

— Ты что? — спросил он.

— Ничего. Иди за мной.— Ивлев пошел за клуб — от света. Чернявый — за ним.

«Посмотрим»,— зло, упорно думал Петр. Его взбесило упрямство Ольги.

Он слышал, что сзади, с чернявым вместе, идут еще двое.

Шли долго — подальше от людей. Петр шагал, не разбирая дороги. Он понимал, что трое могут всыпать ему, но остановить его это не могло — Ольга стояла в глазах.

Перелезли через прясло в чей-то огород. Зашуршала под ногами картофельная ботва.

«Хватит»,— решил Петр.

— Иди, иди,— с дрожью в голосе сказал чернявый и толкнул его в спину.

— Ударишь сзади,— изувечу насмерть,— предупредил Петр. Его слегка начало трясти.

Неожиданно тишину ночи просверлил противный млицейский свисток: их догоняли.

Все четверо остановились.

— Милиция,— сказал один из парней.— Всё. Свадьбы не будет.— Сказал как будто даже с облегчением — слишком уж нехорошо и решительно был настроен Петр.

Подождал милиционер.

— Ну-ка, кончайте канитель! Давайте, давайте... Давайте разойдемся.

Чернявый и два его товарища ушли.

Петр закурил с милиционером. (Милиционер был молодой парень.)

— Влюбился, что ли? Мне сказали...

— Влюбился,— честно сказал Петр.

— И-да... Интересно, между прочим: когда влюбляются, малость дураками делаются. Другой бы подумал: куда к черту — одному на троих? А тебя понесло.— Вышли из огорода, направились к клубу.— Я по себе погонюсь: я, значит, когда влюбился,— а она за рекой жила, жена-то моя теперь,— дак я ночью к ней через реку плавал. А ночь! Вода холодная — сведет судорога, и все, конец. Нет — плыл, дурачина!

— Она где живет, не знаешь? — спросил Петр.

— Кто?

— Эта... Ну, эта!..

— Она — там,— неопределенно сказал милиционер. Помолчал и добавил:— Мой тебе совет: отстань от нее.

— Почему?

— По-моему... черт ее знает, конечно, но, по-моему, она... это... того. Я уж со вторым ее здесь замечаю. До черненького еще один был. Тот уехал чего-то. Красивая, конечно... А они все красивые — балованные. Измучаешься с такой: пойдешь куда-нибудь — вся душа изболит. На ее же оглядываются! Тут нервы да нервы надо. Каждый раз драться не полезешь...

— Она откуда?

— Секретарша, однако... С учреждения какого-то. А откуда — не знаю. У нас тут чуть не со всего света. Понаедут,— все молодые,— конечно, порядка не будет.

— А живет где? — снова спросил Петр.

— Там... у одной старухи. Возле сельмага. Ты не затевай ничего, а то мне и так третьего дня выговор сунули: «Следи!..» Уследишь за вами.

— Нет, я просто так спросил.

У клуба уже никого не было. Разошлись.

Петр попросился с милиционером, пошел домой. Отошел метров двадцать, подождал, когда милиционер повернул в темный переулок, и скорым шагом направился к сельмагу. Шел и думал: «Что я делаю?» Хотелось еще раз увидеть Ольгу. Это было выше сил.

И вдруг он их встретил.

Чернявый шел в обнимку с Ольгой, что-то негромко рассказывал. Ольга молчала.

Ивлев первый узнал их — по голосу чернявого. Загородил дорогу. Ольга испуганно вскрикнула, а ее каналер ошалело уставился на своего недруга.

— Мне надо поговорить с тобой,— сказал Петр, в упор глядя на Ольгу.

Она молча обошла его и стала быстро удаляться. Чернявый не знал, что делать: догонять ее или оставаться с Ивлевым выяснять отношения.

— Как ее зовут, слушай? — спросил Петр.

Тот молчал.

Петр пошел за Ольгой.

Чернявый догнал его, схватил сзади за ворот... Петр обернулся, и чернявый отскочил — уверенность покинула его. Страшное упорство незнакомого парня действительно могло испугать. Наверно, потому же уходила и Ольга — напугалась.

Петр догонял ее.

Чернявый некоторое время шел за ними. Петр на ходу вывернул кол из плетня; чернявый отстал.

Сердце Петра колотилось где-то в горле; впереди, недалеко, белела кофта Ольги.

Петр догнал ее.

— Подожди!.. Не бойся ты меня.

— Что тебе нужно? — Ольга сбавила шаг.

— Слушай!.. — Ивлев взял ее за руку, остановил. — Почему ты не хочешь даже поговорить со мной? Я же не бандит какой-нибудь... Я сам не знаю, что со мной творится.

Ольга некоторое время молчала. Руки не отняла.

— Тебя ведь избыют сейчас, — сказала она.

— Пусть. Не избыют.

— Они придут сейчас...

— Как зовут тебя?

— Странный человек! — Опять любопытство появилось в ее глазах, только теперь внимательное, серьезное. — Непонятный.

— Влюбился, — сказал Петр. — Никогда так не было...

Ольга засмеялась.

— Кто же так делает, дурной?

— Как?

— Так... Я ведь тоже человек.

— А как надо?

Ольга пожала плечами.

— Ты даже не знаешь, как зовут меня. И уж в любви объясняешься...

В улице раздался топот нескольких пар ног.

— Беги! — негромко сказала Ольга. Вырвала руку и быстро пошла. Обернулась, еще раз сказала: — Уходи!

Первым бежал чернявый...

Сошлись сразу. Молча. С чернявым были те двое. У всех колья. Петр не успел бросить свой — забыл.

...Удары звучали мягко, тупо. Сопели, кхэкали, негромко ругались... Петр крутился меж трех колов. Доставал своим то одного, то другого, то третьего. Чаше попадало чернявому. Не заметил Петр, кто из троих изловчился и тяпнул его по голове. В глазах лопнул и рассыпался искрами огненный шар. Петр враз оглох, выронил кол и, схватившись за голову, боком стал са-

даться на дорогу. Его оттащили к плетню и ушли, сморкаясь и отхаркиваясь.

Очнулся Петр глубокой ночью. Долго припоминал, где он и что произошло. Голову раскалывала страшная боль. Даже тошнило от боли. Он с трудом приподнялся, сел, привалился спиной к плетню. И вдруг все вспомнил... Вспомнил, как держал Ольгу за руку, как она засмеялась и сказала: «Кто же так делает, дурной?» Вспомнил и троих с кольями.

«Крепко угостили».

Вдруг он увидел — невдалеке замаячила знакомая белая кофточка. Ольга осторожно шла вдоль плетня.

Петр притаился зачем-то. И в эти несколько минут, пока она, не видя его, шла к нему, он, как в миг гибельной опасности, вспомнил разом всю свою не такую уж долгую жизнь, все мечты свои. И с великим облегчением подумал: «Теперь будет все хорошо».

— Я здесь, — сказал он.

Ольга вздрогнула, схватилась за сердце.

— Ох... ты?

— Иди, сядь со мной.

— Избили. — В голосе Ольги была неподдельная жалость. Она села рядом. На Петра пахнуло странно знакомым и родным теплом — легко сделалось, даже боль в голове унялась. — Говорила ведь — не послушал.

— Завтра мы уедем отсюда.

Ольга всмотрелась в него.

— Что? — спросил он.

— Посмотрим. — Она бережно обняла его, погладила ладоншкой избитую голову. — Сильно побили-то?

— Ничего, — сказал он. — Пройдет.

...На третий день они уехали из деревни.

И началась эта новая жизнь.

Ивлев переехал в город, где работала Ольга. Он устроился на стройку, в бригаду отделочников.

Сняли на краю города квартиру в частном доме — полдома... И пошли кривляться неопрятные, бессмысленные дни и ночи. Точно злой ветер подхватил Ивлева и поволок по земле.

Кого только не видел он вечерами в своей квартире! Какие-то неприятные молодые люди с обсосанными лицами, с жиденьким нахальным блеском в глазах, какие-то

девицы в тесных юбках. Девушки садились с ногами на диван и мучили Ивлева белыми тупыми коленками. Приходили полуграмотные дяди с красными лицами, беззаботно похотывали... Эти, кажется, где-то что-то приворовывали, перепродавали с помощью молодых — денег было много. Часто пили дорогой коньяк, шампанское. Молодые были модно одеты, ужасно много болтали: про общих знакомых, про фильмы, про певцов и певиц... Приносили магнитные пленки с записями, и тогда в квартире визжало, мяукало, стонало, выло. Молодые с удовольствием слушали. Ивлев подозревал, что они притворяются. Много острили, смеялись. Чем они занимались, он так и не узнал до конца. Некоторые, кажется, учились, другие, как Ольга, работали. Где? — черт их разберет. О работе не говорили. Дяди налегали на коньячок, заигрывали с девушками.

Сперва Петр удивлялся — не знал он, что так тоже можно жить. Потом душа его глубоко возмутилась.

Между ним и этими людьми завязалась глухая, нешуточная война.

Началось со свадьбы.

Грянула она, крикливая, через неделю после того, как они приехали.

Много пили. Упившись, забыли иностранные песни и, потные, развинченные, взявшись за руки, пели хором:

Лиза-Лиза-Лизавета,
Я люблю тебя за это,
И за это, и за то, —
Вот и боле ничего!

Некто пьяный, с голубыми вылинявшими глазами, все пытался бить посуду. Его держали за руки и объясняли:

— Нельзя! Нельзя, понял?

Пышногрудая девица переплясала трех парней, вышла на четвертого и свалилась. Хохот, визг... А девица — лежит. Поняли: с ней плохо. Вынесли в сени на свежий воздух.

То в одном углу, то в другом начинали громко выяснять отношения и пытались драться.

Ольга и в этой пьяной, безобразной хляби оставалась красивой. Распустила по плечам тяжелые волосы, засучила рукава кофты и, улыбаясь, ходила среди гостей, дурачилась. Ей вроде нравилась эта кутерьма. Когда она плясала, то так бессовестно и с таким искусством играла крупным телом своим, что у видавших виды молокососов деревенели от напряжения лица. Петр в такие минуты особенно жгуче любил ее и ненавидел.

Кряжистый дядя, по фамилии Шкурупий («Шкура» — называли его), пьяный меньше других, хитрый и умный, постучал вилкой по графину.

— Ти-ха! Сейчас жених споет нам! Просим!

Откуда он, паразит, взял, что жених поет? Может, решил просто поиздеваться?

На жениха вообще-то не обращали внимания, не замечали. А тут посмотри — действительно, сидит жених.

— Давай!.. Алё! Женихало петь будет, хэх!..

Кто-то не понял, в чем дело, заорал:

— Горька-а!

Кто-то продекламировал:

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной!..

— Да ти-ха! — опять закричал Шкурупий. — Просим жениха!

Когда так заорали, Петр заметно побледнел и, стиснув зубы, сидел и смотрел на всех злыми глазами.

— Жених, дэва-ай! — стонала своенравная свадьба.

Ольга посмотрела на мужа, подошла к нему, положила на плечо тяжелую горячую руку, сказала требовательно:

— Спои, Петя. — Как кипятком ошпарила.

— Перестань, — негромко сказал он.

Человек с вылинявшими глазами пробрался к ним, облапил Петра сзади и, обдавая теплым перегаром, заговорил:

— Есенина знаешь? Спои Есенина. — И крикнул всем: — Вы, шас — Есенина!

Его не услышали.

Петр сшиб с себя руки пьяного, встал и пошел на улицу.

Был тусклый поздний вечер, задумчивый, не осеннему теплый. Кропотливо, въедливо доделывала

свое дело осень. Это — двадцать пятая в жизни Петра Ивлева, самая нелепая и желанная.

Он ушел в дальний конец двора, сел на бревно, уперся локтями в колени, задумался... Собственно, дум никаких не было, была удушающая ненависть к людям, визг, суетню и топот которых он слышал и здесь.

Из дома кто-то вышел. Петр взгляделся, узнал Ольгу, позвал.

Ольга подошла, села на корточки перед ним.

— Ну что?

— Этот бардак надо разогнать, — сказал Петр. — Пусть догуляют сегодня и забудут сюда дорогу.

Ольга ответила не сразу.

— Мне весело с ними, — сказала нехотя.

— Неправда. Ты просто... от скуки.

Ольга опять долго молчала.

— С тобой-то разве веселее, Петя? Нет.

Петра передернуло от ее слов.

— Правда, что ли?

— Правда.

— Хм... — Он не знал, что говорить. Решил быть тоже спокойным. — Неделю прожили... и уже? Месяц-то протянем?

— Не знаю. — Ольга говорила серьезно, трезво.

Петра слегка начало трясти. Хмель, какой был, вылетел из головы: спокойствие Ольги было неподдельно.

— Ты что говоришь-то? Ты думаешь?

Ольга вздохнула, положила голову ему на колени, сказала, как говорят прочувствованное:

— Опротивело все. Никого я не люблю и ничего не хочу... Плевать на все. Не могу любить. Думала, сумею, — нет.

Петр вконец растерялся.

— Выпила лишнего. Я сейчас пойду выгоню всех, ты ляжешь и отдохнешь... Надо отдохнуть. — Говорил и сам понимал: не то.

— Не в этом дело.

— А в чем?

— Я устала.

«От чего? — изумился про себя Петр, но сказать это вслух не решился. Подумал про тех, в доме: — Довели они ее, сволочи, закружили».

— Побудь здесь, я сейчас приду.

— Куда ты?

— Спичек нет, пойду прикурю.

Ольга села на бревно, тоже склонилась, сказала негромко, с грустью:

— Не шей ты мне, матушка... Не надо.

Ивлев вошел в дом.

— Так! — громко обратился он ко всем. — Собирай-те шмотки и вытряхивайтесь отсюда!

Те, кто услышал это, остановились, замолчали, с интересом смотрели на него.

— Я кому сказал?! — заорал Ивлев. — Марш отсюда! И больше чтоб ни одна сволочь не появлялась здесь!

Теперь его слушали все. Прямо перед ним стоял без пиджака человек с вылинявшими глазами.

— Ты на кого это, сопля, голос повысил? — спросил он довольно трезво. — А? Вошь, ты на кого орешь? Ты чье сегодня жрал-пил? А?

— Семен! — предостерегающе сказал Шкурупий.

Семен двинулся на Ивлева.

— Ты на кого голос повысил?!

Петр, не дожидаясь, когда набывшийся Семен кинется на него, сам выступил вперед и хлестко дал ему в челюсть. Семен, взмахнув руками, мешком стал падать. Его подхватили. И сразу, как по команде, на Ивлева бросились четверо. Так дружно кидаются на постороннего, на чужого в своем пиру. Ивлев отпрыгнул в сторону, сорвал со стены ружье, взвел курки...

— Постреляю всех, гадов, — сказал негромко.

Четверо наскочивших попятились от ружья. Зато Семен, очухавшись от удара, опять полез на хозяина. Его схватил сзади Шкурупий... Семен стал вырываться, Шкурупий отпустил его и, развернувшись, ахнул кулаком по морде. Семен рухнул на пол, как куль с овсом.

— Пошли. Действительно поздно уже, — спокойно сказал Шкурупий, глядя на Ивлева маленькими пронительными глазами. — Спасибо, хозяин, за угощение. «Этот припомнит мне», — подумал Петр.

Пока разбирались с одеждой, пока одевались, он стоял в стороне с ружьем, караулил движения парней. Кто-то хихикнул и сказал негромко:

— Весело было нам.

И тут вошла Ольга. Остановилась на пороге, пораженная диковинной сценой. Посмотрела на Петра,

ничего не сказала, только прищурила глаза. Тоже оделась и ушла вместе со всеми. Случилось все это как-то поразительно быстро.

Потянулась бесконечная ночь. Петр сперва ходил по комнате, мычал от бессильной ярости, думал:

«Придешь, куда не денешься. Подумаешь — обидел сволочей».

Потом стало невмоготу. Сел к столу, начал пить. Но сколько ни пил — не брало. Только на душе становилось еще муторнее. Он выругался, встал и опять начал ходить.

«Неужели совсем ушла?»

Взял ружье, заглянул в казенник — пусто. Знали бы об этом парни давеча. Полез под кровать — там в чемодане хранились патроны. Достал их, зарядил оба ствола.

— Ну и что? — спросил сам себя, остановившись посреди комнаты.

В сенях послышалась какая-то возня. Петра как током дернуло... Выскочил из комнаты — стоит та самая девица, с которой давеча стало плохо. Шарит руками по стенке — ищет дверь.

Петр прислонился спиной к косяку, уставился на нее.

— Что? — спросила девица.

— Очухалась?

— А где все?

— Ушли. Крепко ухлесталась, сердешная.

Девица прошла в комнату, оглядела себя при свете.

— Все ушли?

— Все.

Петр повесил ружье на место; тут только девица обратила внимание, что хозяин стоял с ружьем. Вопросительно посмотрела на него.

— Похмелиться хочешь? — спросил Петр; ему стало легче — хоть одна живая душа есть. — Голова-то болит небось?

— Ты что, стреляться хотел?

Петр налил ей коньяку. Себе тоже.

— Давай.

— Что-нибудь случилось? — спросила девица.

— Нет.

— Драка была?

— Да нет, ну ты к дьяволу! Не знаю я ничего, сам пьяный был.

Девица выпила, сморщилась, закрутила головой. Петр сунул ей лимон, она оттолкнула его.

— Дай закурить лучше.

— Эхх!.. — не вытерпел Ивлев. — Бить тебя некому! Девушка...

Девица прикурила, затянулась несколько раз, глубоко вздохнула и сказала облегченно:

— Вот... — Села на стул.

— Неужели не стыдно так жить? — спросил Петр. — Или тут уж про совесть говорить не приходится?

Девица посмотрела на него, как на стенку, безучастно.

— Думаешь, Ольга тебя любит? — спросила. Улынулась — губы припухшие, чувственные; осоловелые глаза поражают покоем и покорностью. Красивая вообще-то. — Можешь не волноваться — не любит.

— Заразы вы! — с дрожью в голосе громко сказал Ивлев. Сорвался с места, заходил по комнате. — Поганки на земле, вот вы кто! — Остановился перед девицей, стиснул кулаки в карманах, чтобы унять дрожь. — Шелк натянула! Ногами дрыгать научилась?.. — Дрожь не унималась; Ивлев побледнел от ярости и обиды, но слов — убийственных, разящих — не находил. — Что поняли в жизни?.. Жрать! Пить! Ложиться под кого попало!.. Сволочи. — Он сразу устал — понял: ничего не доказать.

Девица презрительно смотрела на него. Усмехнулась.

— Ольга не лапайте! — опять взвился Ивлев. — Она вам не пара! Я вас отважу от нее.

— Посмотрим.

— Я вас каленым железом выжгу из города. Вы же воруете, гады, я же знаю. Эти, мордастые, воруют, а вы сбываете. Скоро эта лавочка закроется.

— Сколько времени сейчас? — спросила девица.

— Не знаю. Утро. — Ивлев кивнул на окно — на улице светло.

— Ольга с ними ушла?

Петр не ответил, взял свою рюмку, выпил. Напомнили об Ольге, и опять заняла душа.

Девица поднялась, поправила волосы, нашла на кровати свою шляпку, плащ... Остановилась на пороге перед тем, как выйти.

— Насчет лавочки... это доказать надо, а то...

— А то что?

— Ничего. Нечего зря на людей говорить.
— А я не говорю на людей, я на паразитов говорю.
— Вот так. А то быстро заткнут рот.
— Иди отсюда, — негромко, сквозь зубы сказал Ивлев. — Пошла — иди.
Девушка ушла.

Ольга пришла на другой день к вечеру.

Петр прибрал в комнатах, перемыл посуду, выветрил тяжкий запах попойки... Сидел у окна, положив подбородок на кулаки, смотрел на улицу — ждал жену. Он ждал ее весь день. Утром сходил на стройку, отпросился у бригадира, пришел и сел ждать.

Ольга вошла тихонько... Дверь на улицу была открыта. Петр не слышал, как она вошла. Она кашлянула. Петр вздрогнул, оглянулся... С минуту, наверно, смотрели друг на друга.

— Ну? — спросил Петр.

— Что?

— Нагулялась?

Он встал, подошел к жене, взял в руки ее голову, жадно поцеловал в мягкие губы... Она стояла покорная, смотрела на мужа с вялым любопытством.

— Где была-то?

— Там, — кивнула она. — Петя... Мне почему-то страшно жить. Не страшно, а тяжело как-то.

— Устала просто. Это — психика, — авторитетно сказал Ивлев. — Надо отдохнуть, и все пройдет.

— Как отдохнуть?

— Так. Спокойно пожить, не дергаться, не беситься до утра.

— Спокойно, — значит, скучно. Не хочу.

— Сядем потолкуем, — предложил Петр. — Поесть хочешь?

— Петя, ты, наверно, хороший парень, тебе, наверно, нужна хорошая жена...

— Перестань, завела панихиду какую-то. Сядь. — Ивлев посадил ее на кровать, а сам стал ходить. — Ты малость не так начала жить, — заговорил он уверенно. — Я тебя хорошо понимаю. Бывает так: идешь где-нибудь — в лесу или в поле, доходишь до такого места, где дорога расходится на две. А места незнакомые. По какой идти — неизвестно. А идти надо. И до того

ажело это — выбирать, аж сердце заболит. И потом, когда уж идешь, и то болит. Думаешь: «А правильно? Может, не сюда надо было?» Так и в жизни, по-моему: надо дорогу знать...

— Ты знаешь?

— Я?.. — Петр никогда не думал так о себе: знает ли или не знает. — Я одно знаю: ты поворачиваешь не туда.

— Господи, какой умница: туда, не туда... А куда надо, скажи? — Ольга прилегла на подушку, закрыла глаза.

Петр минуты две ходил по комнате, молчал. Собирался с мыслями. Он понимал, что разговор важный.

— Эти... друзья твои... я их не виню, — осторожно заговорил он. — Бывает — сами по себе хорошие люди, но запутались и других путают. Они научат...

— Я старше их... Больше видела. В свое время газеты читала...

— Это неважно. Я докажу, что они запутались. Первое: они ни черта не делают. Как так можно? Да возьми ты, к примеру, первобытное общество — там же все работали! А кто не работал, тому голову разбивали дубиной.

— Мы не в первобытном обществе, — нехотя возразила Ольга.

— Тем более!

— Как это ничего не делают? Одни учатся, другие работают... А время проводят, как хотят, никому до этого нет дела.

— Они воруют! — сорвался на крик Ивлев, но взял себя в руки. — Работают... Где это можно так работать, чтобы коньяк чуть не каждый день пить? Иди поинтересуйся: часто рабочий человек коньяк пьет?

— Голову на плечах надо иметь.

— А у меня что, тыква? Чем я хуже их?! Я вот с таких лет работаю...

— Ну и работай. От каждого — по потребности. Чего ты обижаешься? — Ольга, кажется, нарочно злила мужа и сама начинала злиться. — Ты — рабочий, гордись этим. А они — хлюпики, стилиаги... Чего они тебя волнуют?

Петру вспомнились нарядные, нагловатые парни, ленивые улыбки их... И ярость опять охватила его.

— Они народ обворовывают! Работают! Вижу я.

как они работают. Подружка твоя учится?! Она что, знать больше хочет?! Ей, гадине, лишь бы диплом получить да сесть на шею кому-нибудь... Думаешь, это интеллигенты?

— Сволочь ты, — откровенно зло и резко сказала Ольга. Села, посмотрела на мужа уничтожающим взглядом. — Верно сказал: тыква у тебя на плечах. Чего ты на людей налетел? Научился топором махать — делай свое дело.

Этот отпор Ольги был так неожидан, что Ивлев сперва растерялся. Молчал.

Ольга встала с кровати, мельком оглядела комнату.

— Я ухожу. Совсем. Люди, о которых ты говоришь, — не такие уж хорошие. Никто не обманывается, и они сами тоже. А ты — дурак. Загнали тебя на «правильную дорогу» — шагай и помалкивай. Кто тебе дал право совать нос в чужие дела?

Точно гвозди вколачивали в голову Ивлева.

«Сейчас ударю», — подумал он и не двинулся с места, слушал слова, от которых у него, казалось, распухали уши.

— Чем ты лучше этих людей? Они умнее тебя, честнее, если хочешь знать. Сознательный... Если тебе за твою работу дадут в два раза больше, ты половину отдашь народу? Трепач... Я думала, ты парень... мужчина... Сопляк. Научили десять слов говорить — живи с этим, хватит. В первобытном обществе и этого не знали. Прощай. — Ольга направилась к выходу.

Ивлев подошел к двери, толкнул жену на кровать.

— Сядь. Объясни мне, я не могу понять: неужели... Она встала и пошла грудью вперед.

— Уйди. Прочь! — Глаза совсем чужие. Ненавидящие.

Петр опять толчком посадил ее. Она встала и опять пошла... Трижды сказала:

— Прочь с дороги! Вон! Ненавижу тебя!

«Все», — понял Ивлев.

Ольга вышла.

Больно стало Ивлеву, так больно!.. Показалось: не хватит сил превозмочь эту боль.

Ольга не пришла на другой день. Не пришла она и на третий и на четвертый. Петр ждал ее вечерами, она не шла.

На пятый день вместо нее пришла с чемоданом та самая девица, с которой Ивлев беседовал после свадьбы.

— Здравствуйте, — вежливо сказала она.

Петра удивила такая ее вежливость.

— Здравствуй. — Он приготовился услышать что-нибудь о жене. «Мириться, наверно, хочет. Слава те, господи».

— Ольга попросила взять кое-какие ее вещи. Нужно...

— Пусть сама придет.

— Она не придет никогда.

У Ивлева упало сердце.

— Тогда ничего не получите. — Сказал и сам не понял: зачем?

Девица уставилась на него укоряющим взглядом.

— Как не стыдно...

— Нет, это вам как не стыдно?! Сбили человека с панталыку да еще вякаете, приходите! Закрой дверь с той стороны.

Помолчали.

«Зря разоряюсь», — подумал Ивлев. — Кому доказываю?»

— Забирай, что надо, и уходи.

— Я только попрошу на минуту выйти.

— Зачем?

— Нужно... Я буду женские вещи брать.

— Ну и бери, что ты пионерку из себя строишь? Юбки, что ли, бюстгалтеры? Забирай, не стесняйся — я это видел.

— Все равно... Я прощу выйти, — уперлась на своем девица.

Ивлева кольнула догадка: «А юбки ли ей нужны-то? Может, вовсе не юбки?»

— Бери при мне.

— Нет.

— Тогда будь здорова.

— Как не совестно!

— Ты только насчет совести... не надо, слушай.

— Выйди на пять минут. Неужели трудно?

— Трудно.

«Не за юбками ты пришла, милая, нет. За чем-то другим».

— Не выйдешь?

— Не выйду.

— Но я прошу... как мужчину, как джентльмена.

— Я же — «дьявня», я этого не понимаю.

— Скотина.— Девица повернулась и вышла, крепко хлопнув дверью.

Ивлев принялся искать то, за чем приходила на- рочная. И сразу почти нашел: в диване, под сиденьем, лежали заготовки для женских туфель. Пар на двад- цать. Ивлев долго перебирал в руках это богатство. Хром был высокого качества, светло-коричневый, мас- терской выделки.

«Сапожники,— ядовито думал Ивлев.— Я вам уст- рою». Об Ольге, что она причастна к воровским де- лам, он почему-то не думал. Напротив, захотелось ско- рей доказать ей, ткнуть носом: вот они, твои хорошие, умные!

Он собрал весь материал в вещмешок, дождался, когда на улице малость стемнеет, и пошел с мешком в милицию.

— Мне нужен начальник,— заявил он дежурному офицеру.

— Зачем?

— Ему скажу. Лично.

— Говорите мне, какая разница? — обиделся офи- цер.— В чем дело-то?

— Я сказал: буду говорить только с начальником.

— Его нет сейчас.

— Тогда я завтра приду.

— Подождите... Дело-то важное?

— В общем... не маленькое.

— Сейчас вызову, посидите.

— Хорошо.

Начальник пришел скоро. Вошел с Ивлевым в свой кабинет, присел на стол, посмотрел на мешок.

«Тоже работка у них,— невольно подумал Петр, вы- трягивая на пол содержимое мешка.— Телевизор, на- верно, дома смотрел, а тут — хошь не хошь — иди».

— Что это? — спросил начальник. Наклонился, взял пару заготовок, помял в руках.— Хорош!

— Высший сорт. Для заграницы, наверно.

Начальник кивнул головой.

— Ну, а в чем дело-то?

— Ворованное,— пояснил Ивлев.— Дома у себя на- шел.

— Подробней немного.

Ивлев подробно все рассказал, назвал фамилии, ка- кие знал.

— А жена, думаешь, не причастна?

— Нет, уверен. Просто прятали у нее, она не знала.

— Н-да-а.— Начальник долго смотрел в окно.— Ну ладно. Спасибо. Не боишься?

— Чего?

— Ну... могут ведь прийти за этим.— Начальник по- казал глазами на товар.— Такими кусками не бро- саются.

— Ничего.

— Вызывать будем...

— Понимаю.

Недели через две тугой узелок подпольных делишек развязали. Собственно, это был не узелок, а большой, довольно крепко запутанный узел.

Ивлева раза три вызывали к следователю. Один раз он встретил там Шкурупия. Тот нисколько не из- менился, смотрел маленькими умными глазами спо- койно, даже весело.

«Крепкий, черт»,— подумал Петр.

Шкурупий обрадовался, увидев Ивлева.

— Вот! Пусть он подтвердит! — воскликнул он, по- казывая на Петра пальцем.— Помнишь, я на вашей свадьбе ударил одного? Он еще полез на тебя драть- ся... Семен-то!

— Ну.— Петр хорошо помнил и Семена и то, как Шкурупий ударил его.

— Так он теперь все на меня валит. Ты ж пони- маешь!.. Гад какой — мстит!

Ивлев посмотрел на следователя. Тот рылся в бу- магах и, слушая Шкурупия, чуть заметно улыбался.

— Часто вы видели у себя дома этого человека? — спросил он Ивлева.

— Раза четыре.

— Он ничего не приносил с собой? Или, может, уносил...

— Что он, дурак, что ли, при мне приносить.

— Он действительно ударил Семена?

— Да.

— За что?
— Ну, тот развозился... хотел действительно кинуться на меня...
— А чем вы объясняете такое заступничество?
Ивлева стали раздражать вопросы следователя.
— Просто он боялся лишнего шума, неужели не ясно?
Шкурупий угрожающе посмотрел на Ивлева. Того этот взгляд обозлил.
— По моему, ты у них главный был,— сказал он, глядя на Шкурупия.— Хочешь на Семене отыграться? Шкурупий только хмыкнул, покачал головой.
— На самом деле ни за что посадят... От народ!
— Уведите,— велел следователь милиционеру.
Шкурупия увели.
Следователь нахмурился, долго копался в бумагах.
— Мне надо сказать вам...
Ивлев похолодел от недоброго предчувствия.
— Что?
— Жена ваша тоже замешана.
— Да что вы!
— Да.
— И она... сидит сейчас?
— Нет, она пока не сидит. Сидят вот такие, вроде Шкурупия.
— Как же так-то? — Ивлев расстегнул ворот рубашки.— Как же так?
— Пугаться не надо,— успокоил следователь.— Преступление не такое уж... — он показал рукой,— не очень большое.— Хранение, перепродажа...
Ивлев налил из графина воды, напился. Глубоко вздохнул.
— Черт возьми!.. Никак не верится. Она тоже продавала?
— Хранила ворованное.
— Так она же не знала! Я сразу говорил...
— Знала.
— Вот это номер...
— Зайдите к начальнику, он просил.
Ивлев прошел в кабинет начальника милиции.
— Узнал? — спросил тот, увидев взволнованного Ивлева.— Садись.
— Может, она врет? Чтобы тех выгородить. А? Она такая — на себя...

— Нет, не врет.
— Сроду не думал.
— Если б думал, не сообщил бы?
Ивлев помолчал и сказал честно:
— Нет.
Начальник кивнул головой.
— Ты сам откуда?
— Из-под Барнаула... За хранение ворованного что бывает?
— Тюрьма.
— Значит, посадят?
— А как же?
— И сколько дадут?
— Немного, наверно... Для первого раза.
«Все. В тюрьме она окончательно свихнется,— думал Петр.— Сам в яму толкнул».
— А ничего нельзя сделать?
Начальник прикурил от зажигалки.
— А что можно сделать?
— Черт возьми совсем! — Ивлев тоже достал папиросы.— Испортится она там.
— Ну... это напрасно. Ты где работаешь?
— В СМУ-5.
Помолчали. Начальник задумчиво смотрел в окно трогал пальцами гладко выбритый подбородок.
— Знакомые есть в городе?
— Нет. А что?
— Так... — Начальник поднялся.— До свиданья. Если почувствуешь, что... следят... следит кто-нибудь — сразу скажи. Могут попытаться отомстить. С женой... тут сам решай. Лучше всего бы уехать сейчас отсюда. А если захочешь найти потом — найдешь, поможем. Как считаешь?
— Никак не считаю: все из головы вылетело. Я думал, она не виновата. Нет, пока не уеду.— Ивлев встал.— До свиданья.
— Будь здоров.
Ивлев вышел из милиции... Остановился, долго соображал: что делать? Из головы все вылетело. Пусто.
«Что делать? Что делать?» — терзал он себя. Шел, как ночью: ждал, что сейчас оборвется и будет долго падать в черную какую-то, гулкую яму. «Нет Ольги. И не будет. В тюрьме». От этой мерзкой мысли хотелось завить.

Дома в двери нашел записку:

«Не радуйся сильно, свое получишь. Скрываться бесполезно — смерть будет тяжелее».

«В смерть балуются, — равнодушно подумал Петр. — Всякая гнида хочет быть вошью».

В комнатах холодно, пусто... Петр включил свет, не раздеваясь, лег на кровать лицом вниз. Подумал, что надо бы запереться, но лень было вставать. Страх не было.

«Пусть приходят. Пусть казнят».

Захотел представить человека — автора записки.

Всплыло лицо, похожее на лицо Шкурупия.

«Посадить тебя, паскуду, задом в навоз и забивать осиновым колом слова твои обратно тебе в глотку. Чтоб ты наелся ими досыта и никогда больше не говорил».

Опять потянулась бесконечная ночь. Часа в два Петр встал, нашел письма к Ольге с родины, списал адрес и составил телеграмму ее отцу. Он знал только, что отец работает председателем колхоза.

«Срочно вылетайте помочь Ольге». Подпись: «Ивлев».

И стал ждать утра. Ходил по комнате, вспоминал свою жизнь. Вспомнил почему-то, как пацаном возил копы и его однажды растрепала лошадь. То ли укусил ее кто, то ли испугалась чего — черт ее знает: вырвала из его слабых рученок повод и понесла. За ним на другой лошади летел старик стогоправ, не мог догнать взбесившуюся кобылу, кричал сзади: «Держись за гриву, Петька! Крепче держись — не отпусти!» А его тогда — он помнил — подмывала от страха мысль: «Может, лучше самому упасть, чем ждать?» Но старик кричал: «Держись, Петька! Она сейчас пристанет!» Действительно, кобыла скоро выдохлась и стала. Эх, старик, старик...

За окнами стало светать.

Через три дня прилетел отец Ольги.

Петр шел с работы, увидел на крыльце своего дома незнакомого пожилого человека. Он догадался, кто это.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Я — отец Ольги, Павел Николаевич.

— Я понял. Сейчас все расскажу. — Петр отомкнул замок, пропустил вперед Фоякина.

— Ну? — Глаза Фоякина покраснели от бессонницы. — Что?

— Ольга спуталась здесь с плохими людьми... В общем, ей грозит тюрьма.

Фоякин болезненно сморщился.

— Что они делали... люди-то?

— Воровали. Ворованное хранилось у Ольги.

Левый уголок рта Фоякина нервно дергался, он прикусил папироску зубами.

— Ты — муж ее, насколько понимаю?

— Да.

Разговаривали стоя.

— Как же ты допустил?

— Я не знал ничего. Она до меня была знакома с ними.

— Сейчас где она? Сидит?

— Нет. Но я не знаю где. Она... ушла из дома. Можно в милиции узнать.

— Пойдем в милицию.

Почти всю дорогу молчали. У самого входа Петр тронул Фоякина за руку, остановил. Сказал, глядя ему в глаза:

— Как-нибудь отведите ее от тюрьмы. Она пропадет там.

Фоякин смотрел на зятя устало и внимательно.

— Как вы жили-то с ней? Долго?

— Плохо жили.

Фоякин отвернулся. Десять лет назад он отправил дочь учиться в город, в институт. Через полтора года она сообщила, что вышла замуж. Потом написала — разошлись. Потом бросила институт, приехала домой. Пожила с год, ничего не делая, уехала снова в город. Опять вышла замуж. За какого-то талантливую ученого. И снова — не то, развод. Писала, что работает, денег не просила. Все это, вся ее скособоченная жизнь убивали его; что мог, он скрывал от людей. И вот — тюрьма. И какой-то новый ее муж перед ним...

— Телеграмму-то раньше надо было дать.

— Я не думал, что так обернется.

— Пошли. Наколбасили вы тут... черт вас возьми

К начальнику Фоякин вошел один. Ивлев сел на диван и стал ждать.

Ждать пришлось долго.
Наконец Фоякин вышел... Увидел Ивлева, подошел, сел рядом.

— Ну?

— Плохо,— тихо сказал Фоякин.

— Я тоже зайду к нему. Подождите.

Фоякин молча кивнул. Уходя, Петр увидел, как он опять поморщился и потрогал под пиджаком левую сторону груди.

— Подожди-ка!.. Я сейчас пойду к ней, а ночевать приду к тебе,— сказал он, вставая.

— Найдете? Мой дом-то...

— Найду.

Ивлев вошел к начальнику.

— Отца ты вызвал? — спросил тот сухо.

— Я.

— Для чего? Пожилого человека... Я же объяснил: сделать ничего нельзя.

— А что тут такого? Он отец.

— Он больной, из больницы раньше времени выписался.

— Я не знал этого.

— Сделать ничего нельзя. Объясни ему, а то он хлопотать кинется — совсем доконает себя. Написать сперва надо было...

Зазвонил телефон. Начальник взял трубку.

— До свиданья,— зло сказал Петр.

Начальник кивнул.

Ивлев пошел домой.

Фоякин пришел поздно. Печальный.

— Вот так,— сказал он.— Дай умыться. Упал у вас во дворе...

Ивлев налил воды в рукомойник, подал полотенце. Очень хотелось спросить об Ольге — как она? Фоякин будто подслушал его мысли.

— Что о жене-то не спросишь?

— Как она?

— Вы разошлись, оказывается?

«Уеду к чертовой матери из этого города», — решил вдруг Ивлев.

— Я думал, она еще вернется,— сказал он.

Фоякин вздохнул, помолчал.

— Ужинать будете?

— Я бы выпил сейчас от всех этих хороших дел. Можно достать?

— У меня есть.

...Сидели за столом, молчали. Выпили по рюмке — и молчали. Все было ясно.

На улице сеялся поздний осенний дождик. Уныло шуршало за окнами. Далеко-далеко свистели паровозные гудки, навевая грустные мысли.

«Уеду», — думал Петр.

— Ты здешний? — спросил Фоякин.

— Нет.

— Откуда?

— Тоже из Сибири.

— А как сюда попал?

— Служил здесь... Недалеко.

— А родители в Сибири?

— У меня нет их. Померли. Тетка там.

Фоякин еще налил по полрюмке коньяку.

— Неужели нельзя было раньше разогнать эту свору? — тихо спросил он.— Уехали бы куда-нибудь, что ли. Увез бы ее... — Фоякину было горько. И Ивлеву тоже сделалось горько, и досада взяла.

— Послушалась бы она меня!

— Ты муж был! Как же ты мог допустить до этого?

— А как вы, отец, допустили? Что вы с себя-то вину сваливаете?

— Но ты же рядом был...

— Я рядом был! Полторы недели... А вы всю жизнь.

Нехорошо посмотрели друг на друга.

— Мужик называется... Муж! — сердито сказал Фоякин.— Полторы недели с тобой рядом воровали, пили, а ты глазами хлопал. Молокососы, черти.

Какая-то доля правды была в словах Фоякина: от этого стало Петру особенно обидно и горько.

— Не я ее учил пить.

— Кто же, я, что ли?

— Ну и не я!

— Но надо было хоть маленько усилий приложить!.. За любовь-то свою. Надо или нет? — Фоякин повысил голос.

— Надо! — Петр тоже повысил голос.— А вам не надо было?!

Фонякин посмотрел на взъерошенного зятя, потрогал прокуренными пальцами виски.

— Ладно... чего мы тут. Поздно хватились.

Помолчали.

— Сколько ей сулят?

— Года полтора вяпают. Стыд головушкой... Чего не хватало?! Мм...— Фонякин поморщился. Полез за папиросами.— Напиши мне, как тут все будет...

— Я уезжаю тоже...

— Куда?

— Где жил. Не могу больше в этом городе... Видеть его не могу.— Петр тоже закурил.

— Эх, вы,— вздохнул Фонякин.— Молодежь... Всё — сами, сами! Что же у самих-то не получается?

— У вас все получалось?

— Но уж такого... безобразия не было. Захотели — сошлись, пожили неделю, захотели — разошлись. Да вы что?

— Это вы у нее спросите.

— А твоя хата с краю?

— Не хочу говорить про это,— заявил Ивлев.— Все равно ни до чего не договоримся. Я вам одно, вы — другое. Я понимаю: вам тяжело. Мне тоже не легче. А оправдываться перед вами... нет никакого смысла. Давайте спать.

— Спи. Я посижу маленько.

— Ложитесь на кровать, я — на диване.

Фонякин кивнул головой и, уставившись взглядом в стол, остался сидеть.

Рано утром простились.

— Закурим на дорогу,— сказал Фонякин. Сел на свой чемодан. Закурили.

— Может, подождал бы пока уезжать,— посоветовал Фонякин.— Узнать бы, как будет?.. Я бы остался, но... что-то худо мне. Как бы не залечь тут — совсем нехорошо.

Петру сделалось нестерпимо жалко усталого, больного человека. Выглядел он действительно очень плохо.

— Останусь. До суда. Сообщу.

— Только не домой, а... вот тут я тебе запишу...— Фонякин вырвал из блокнота чистый листок, написал

карандашом адрес.— А то мать там с ума сойдет. И ей не буду говорить ничего. Скажу, что болела, а теперь, мол, ничего. Да и от людей стыдно...

— Ладно. Я аккуратно сделаю.

Еще посидели немного. Встали.

— Ну... бывай.— Фонякин пожал руку Петру.— Может, увидимся.— Говорить ему было тяжело. Он повернулся и вышел, не оглядываясь. И потом, когда шел по улице, ни разу не оглянулся на дом, где жила дочь.

Петр прилег на диван, закинув руки за голову; до работы оставалось два часа с лишним. Можно было вздремнуть пока. Эту ночь он почти не сомкнул глаз.

Прошло восемь месяцев.

Петр Ивлев работал в том городе, где жил до встречи с Ольгой. Квартировал у другой, тоже доброй, тихой хозяйки, в небольшой уютной комнате окнами на живописный пустырь.

Вечерами, если не ходил в кино, читал книги из фабричной библиотеки. Любил читать про путешествия.

И в тот немного душный июньский вечер сидел, примостившись у открытого окна, читал. Темнело уже, а встать и зажечь свет — лень. Петр положил книгу, засмотрелся вдаль. За пустырем, внизу, протекала сонная речушка, за речушкой зеленой стеной вставал лес. И уходил лес далеко-далеко, куда хватал глаз,— терялся в призрачной вечерней дымке. Тихо было в этой части города, покойно. Как в деревне.

Вошла хозяйка.

— Петь, к тебе барышня какая-то.

— Какая барышня?

— Не знаю. «Дома?» — спрашивает. А я завертелась со стиркой-то и забыла: дома ты или нет? Пойду, говорю, погляжу.

«Кто?» — недоумевал Петр, включая свет.

Он не сразу узнал Ольгу: то ли от неожиданности, то ли изменилась она. Она, пожалуй, изменилась: пополнила немного, глаза все такие же смелые и умные, только была в них теперь какая-то жесткая наглынка, что-то вызывающе-высокомерное, но внимательное.

— Вот так номер,— только и сказал он.

Ольга улыбнулась. И в улыбке нечто неувлочно новое: чуть-чуть виноватость, что ли, некая неловкость, которую хотя бы побороть, скрыть.

— Как в кино,— сказала Ольга.

— Точно...— Петр поглупел от такой неожиданной встречи. Засуетился: подставил стул — оказалось, близко к порогу, переставил ближе к столу.— Садись, чего стоишь-то!

— Тут ты и живешь? — Ольга села, огляделась.

— Ну да.

Петр все смотрел на нее, не верилось, что перед ним — Ольга.

— Я все время хотела бы вот так жить, а не получается,— сказала Ольга.

— Как? — не понял Петр.

— Вот в такой уютной комнатке, одна, на краю города. Зимой, наверно, ветер за окном воет, а у тебя — тепло.— Она опять улыбнулась.— Правда, хорошо. Тут стихи сочинять можно. Не пробовал?

— Нет.

— Зря.

Петру пришло в голову, что за все время, пока не видел ее, он ни разу не подумал о ней плохо, помнил только красивой, желанной и чужой.

— Это хозяйка? — спросила Ольга, кивнув на дверь.

— Хозяйка. Ты как раньше-то? Освободилась-то...

— Потом. Сходи купи вина... И поговорим.

— Сейчас.

— Денег дать?

— Брось ты!..— Ивлев надел пиджак и вышел.

Он рад был, что побудет один,— надо собраться с мыслями. Но никак не получалось — расплзались мысли. Рад он был или не рад — непонятно. Рад, конечно. Но с чем пришла Ольга?.. Из магазина чуть не бежал. Не терпелось опять видеть ее, понять: с чем она пришла?

...Сели к столу, когда за окном стало совсем темно.

Вино попало хорошее, хотя Петр не выбирал — ткнул пальцем в первое попавшееся.

— Вкусное. Правда?

— Ничего.— Петру не терпелось узнать, почему Ольга оказалась на свободе раньше срока (ей давали

два года), почему она здесь, в этом городе, как нашла его и зачем нашла.

Ольга не торопилась.

— Хорошо у тебя, правда.

— Тебя почему раньше-то отпустили? — не выдержал Петр.

— За красивые глаза.

— Нет, серьезно.

— Серьезно.

— Давно?

— Полмесяца уже...

— А меня как нашла?

— Ну!.. В наше время найти человека — раз плюнуть. Оттуда почему уехал? Испугался?

— Нет. Противно стало.

Ольга надолго задумалась. И не притворялась — опять ей чего-то остро не хватало в жизни, опять не скрывала она, что то, что вокруг нее, с ней, не нужно ей. И снова злая досада и любовь сжали сердце Ивлера. Что ей нужно, что?

— Чем ты занимаешься?

Ольга очнулась от своих дум, выпила вина, крепко поставила рюмку на стол.

— Поедем со мной? В деревню... ко мне.— А дальше заговорила не с ним:— Черт с ней, не вышло — не надо! Начну новую жизнь. Правильную.— Она насмешливо глянула на Петра, поморщилась и продолжила серьезно:— Только не такую правильную, от которой клопы дохнут, а — правильную!.. Понимаешь? Буду учить людей, чтобы они были смелыми, свободными, сильными... Не веришь?

— Я ничего не говорю.

— И ничего мне больше не нужно.

— А кто я-то при тебе буду? Вроде шута горохового?

— Нет, слушай меня, я серьезно. Я много об этом думала. Любви нет, не спорь со мной. Ты думаешь, ты любишь?

— Понял.

— Что понял?

— Это в тюрьме такие учителя нашлись?

— Я серьезно, Петро. Знаешь, как мы с тобой хорошо заживем! Я окончу наконец этот институт — заочно, мне полтора года осталось,— стану учительницей.

Буду учить сибирячат... Я же училась в институте, бросила. Теперь кончу. Поедешь со мной?

— Зачем я тебе нужен?

— Нужен. Нужен же мне муж в конце концов. Я серьезно говорю: ты лучше всех, кого я встречала. Только не ревнуй меня, ради Христа. Я не тихушница, сама презираю таких. Буду тебе верной женой.— Ольга встала и в неподдельном волнении заходила по тесной комнате.— Нет, Петя, это здорово! Какого черта мы тут ищем? Здесь тесно, душно... Ты вспомни, как там хорошо! Какие там люди... доверчивые, простые, мудрые.

Почему-то Ивлев понял, что это не пустые слова, не блажь. И не то даже, что она побывала не на свободе, струсилась и сломя голову кинулась мечтать — как можно хорошо, свободно, спокойно жить. Если так — она доедет до Новосибирска, вернется и опять будет беситься и звереть от тоски. Нет, почему-то поверилось, что ее беспокойная, не совсем женская энергия, которая мучительно требовала работы, дела, нашла выход.

И совсем как-то иначе, счастливо, по-девичьи, закинув руки за голову, Ольга сказала вдруг:

— Я на сеновале спать стану. А по утрам буду бегать на речку купаться. У нас вода в реке ледяная. Поедем?

— Поедем.

— Я знала, что поедешь. Давай выпьем, за... счастье. Оно есть, я верю. Мне прямо не терпится скорей начать действовать.

Выпили.

— Хорошо? Ты не кисни.

— Хорошо, Ольга, ты же знаешь, хоть ты и натрепалась тут, что любви нет. Есть.

— Ну и слава богу! И со спокойной душой заснем. Иди скажи хозяйке, что жена приехала... А то я не люблю так. А завтра проснемся и начнем действовать. Я готова. Будем ходить завтра за всякими бумажками, выписываться... Получим самую глупую справочку — уже что-то сделали, радость. Верно? А потом поедем. Будут мелькать деревеньки, маленькие полустанки... Будут поля, леса... Урал проедем. Потом пойдет наша Сибирь... Я раздеваюсь. Иди говори. Мы потушим свет и еще поговорим. А потом заснем.

Петр пошел объявлять хозяйке, что приехала жена.

Он обалдел от счастья, самому не терпелось начать подробно-подробно думать и говорить о том, какую можно прекрасную жизнь создать. «Господи, послала же мне судьба такого... непутевого, родного человека!»

Дорогой Ольга смеялась и дурачилась, рассказывала Петру в коридоре анекдоты. Петр, чтобы не обижать ее, смеялся. Смешно было не всегда. Беспокоила некая надсадность ее веселья; Ольга как будто заставляла себя веселиться. А то подолгу молча сидела у окна. О чем думала, непонятно. Петр уставал от этих перемен, сам тоже частенько задумывался. «Ненадолго ее хватит», — приходила мысль. Но все забывалось, когда Ольга ласково смотрела на него.

— Славный мой... — говорила она. — Все бросил — поехал. Куда!

В Крутойское с дороги дали телеграмму. Подписали: «Ольга. Петр».

На вокзале их встретил Фонякин. Стоял на перроне высокий, болезненно худой человек в легком кожаном пальто. Смотрел на них веселыми внимательными глазами.

— Здравствуйте, здравствуйте, — сказал глуховато. Целовко обнял дочь, ткнулся ей в щеку. Ивлеву поддал руку и тут только сам едва узнал его. — А-а!.. Вот как? Ну, вот... видишь. Здравствуй. Пошли.

Петр нес чемоданы, наблюдал сбоку за Ольгой. Ольга присмирела, не смеялась. Зато ему сделалось отчего-то весело.

«Какого черта я унываю?» — подумал он.

До Крутойского доехали за час с лишним. Дорогой мало-помалу разговорились.

— Как приехали-то? — спросил Фонякин.

— В смысле — на чем, что ли? — не поняла Ольга. —

На поезде.

— Насовсем или в гости?

Ольга посмотрела на мужа, сказала твердо:

— Насовсем.

Фонякина, чувствовалось, обрадовал такой ответ. Он сидел впереди, разговаривал, не оборачиваясь.

— Ну вот, — сказал тихо.

- Мама здорова?
- Ничего.
- А ты?.. Худой какой-то. Не болеешь?
- Работы много,— уклончиво сказал Фонякин.—

Я теперь директор совхоза.

Петр заметил, как смотрит на Ольгу шофер Фонякина, крепкий парнишка лет двадцати пяти — двадцати шести: с изумлением. Ольга раза два перехватила взгляд шофера, усмехнулась сама себе.

«Ах, как нравится, когда на тебя так смотрят!» — не без досады подумал Петр.

...Вечером собрались к Фонякиным гости.

Ивлев отвык от сельских людей. Впрочем, к таким сельским людям он и не привыкал никогда — это было районное начальство: парторг совхоза, ветврач, директор школы, второй секретарь райкома... Все с женами. Были какие-то родственники Фонякиных. Всего человек двенадцать. Петр с интересом присматривался к ним; и к нему тоже присматривались.

Особенно весело не было. Мужчины разговаривали о предстоящей партконференции, про общих знакомых, о командировках. Женщины колготились на кухне. Ивлев рассматривал толстый семейный альбом Фонякиных. Перелистал один раз, закурил и стал листать сначала. Ольга в какой-то из комнат (их в доме было четыре) приводила себя в порядок.

За столом оживились. Выпили. Фонякин тоже выпил, хотя жена пробовала удержать его.

— Что ты? — сказал Фонякин.— Сегодня положено.

Петр пил много, чем неприятно удивил тещу, полную молодящуюся женщину. Пил, но почему-то не пьянел. Люди нравились ему. Он только не знал, о чем говорить с ними. Старался улыбаться, поддакивал.

Ольга была весела. Ивлев пригляделся и понял: притворяется, не хочет обижать родных.

Завели патефон, пошли танцевать.

Фонякин с Ивлевым ушли в соседнюю комнату, незаметно прихватили с собой бутылку вина.

— Потолкуем,— сказал Фонякин.— Вот тут жигь будете. Ничего?

Петр оглядел комнату.

— Хорошо, чего еще надо.

— Пока... А гам видно будет. Садись.

Закурили. Выпили молча по рюмке.

— Что делал это время?

— Работал.

— Столярничал?

— Да.

— Сама нашла тебя?..

— Сама.

— Ну и как?.. Как теперь думаешь? — Фонякин имел в виду дочь.

— Если в двух словах: по-моему, дело идет к лучшему. Не сразу, наверно... Не знаю, по-моему, она взялась за ум. Я верю. Учиться хочет.

— Здесь тоже столярничать думаешь?

— А что еще?

Фонякин налил по рюмке. Оглянулся на дверь.

— Не прихватят нас с тобой?

— Нельзя пить?

— Дэ-э... Давай.

Выпили.

— Кхэ... А где столярничать хочешь?

— В МТС.

— В РТС. Эмтээсов нет теперь.

— Ну в РТС. Какая разница.

Помолчали.

— Рад, что приехали,— сказал Фонякин.— Старею, наверно... Сны какие-то дурацкие вижу.

— Одна она у вас была?

— Она не говорила?

— Нет.

— Сын был... Убит под Курском. Николай. Ступай позови ее... Пусть споет. Охота послушать.

Ольга вошла в комнату, вопросительно посмотрела на отца.

— Садись, дочь. Давно не виделись...— Просительная нотка прозвучала в голосе Фонякина; и весь он был какой-то беспомощный перед крупной, красивой дочерью.

«Оба мы перед ней какие-то... маленькие,— признался себе Петр.— И не знаем, что делать. Вот человека!»

— Спеть?

— Спой. Сейчас я гитару принесу.— Фонякин встал и вышел из комнаты.

— Сдал крепко отец-то,— сказал Петр.

Ольга, оперев руки в бока, задумчиво смотрела в темное окно. Ничего не сказала.

— Покажи брата,— попросил Петр.

Ольга показала глазами на портрет (увеличенную фотографию) молодого круглолицего, до удивления похожего на Ольгу парня в офицерской форме. Взгляд такой же — прямой, твердый, открытый. Петр взгляделся.

«Он бы сумел с ней поговорить»,— подумал невольно.

Фонякин принес гитару, неумело тренькнул струнами, подавая ее дочери.

— Твоя. Помнишь?

— Помню.— Ольга взяла гитару, села на стул, положила ногу на ногу. Тесная юбка чудом не затрещала.

— Что желаете?— Посмотрела с усмешкой на отца и мужа. Когда она так усмехалась, у нее отчетливо обозначались темные усики над ярким, капризно очерченным ртом.

— Чего-нибудь,— сказал Фонякин.

Петр всего раза два слышал, как она поет: хорошо, ему очень нравилось.

Ольга настроила гитару, подумала. Посмотрела на отца, на мужа... И запела негромко:

Мне помнится сказка,
Забятая сказка:
О том, как влюбился в огонь мотылек,
Он думал, что будет тиха его ласка,
Но огненных сил превозмочь он не мог.

При первых же звуках песни у Петра сделалось хорошо на душе; уютно стало в комнате. Пела Ольга низким, чистым голосом, просто, будто нехотя. Но голос шел от сердца, и так был он дорог!.. Полузабытое, редкое чувство далекой молодости — когда хотелось отчего-то вдруг заплакать — вспомнилось.

Гитара задумчиво гудела.

И вечером чистым, порою лучистой
В окно растворенное тихо влетел
И, словно безумный, не чувствуя боли,
В огне серебристом мгновенно сгорел.
Любовь моя тоже — забытая сказка...

Петр посмотрел на тестя. Тот сидел, накоршунившись над столом, печально и хмуро смотрел перед собой. Многие он прощал дочери за ее песни. Любил он ее, крепко его заботила ее судьба.

Ольга допела песню, положила крупную белую ладонь на струны, посмотрела с усмешкой на обоих.

— Чего носы повесили?

Фонякин очнулся, поднял голову.

— Так.

— Давайте вместе какую-нибудь? — предложила Ольга.

— Ну, уж нет! — возразил Петр.

Фонякин тоже сказал:

— Зачем? Спой еще.

Я о прошлом уже не мечтаю,—

запела Ольга; и опять властное чувство тоски и скорби охватило Ивлева, но странной какой-то скорби: как будто и не скорбь это, а такое чувство, когда хоть и грустно, хоть и плакать хочется и жаль чего-то, но если плакать, то и смеяться и любить — вместе. И прощать и жалеть: «Милые, милые, родные люди, ничего, хорошо ведь?»

«Моя ты или не моя? Если б ты была моя совсем, с твоими песнями вместе! Ничего бы не надо больше»,— думал Петр.

Ольга кончила петь.

Некоторое время все трое сидели молча, додумывали думы, какие породила песня. Жалко было уходить из того смутного, зыбкого, бесконечно доброго и печального мира, куда увели песни.

В комнату вошел директор школы, низенький, плохо скроенный человек в бостоновском костюме, сказал громко:

— А, вот они где!.. Ольга Павловна, без вас там всё разваливается. Пойдемте танцевать.— Посмотрел на Петра вопросительно.

— Я не танцую,— сказал тот.

Ольга положила гитару на стол, легко поднялась. Петра всегда поражало, с какой легкостью она носит свое большое тело.

— Пойдемте.

Они ушли.

— Вот так,— сказал Фонякин. И надолго умолк.

Петр слушал патефон, веселый говор и смех, звучащий в соседней комнате. Опять новая жизнь...

— Значит, столярничать? — спросил неожиданно Фонякин.

— А что?
— Так просто. А поучиться... не думал? У тебя сколько?

— Пять классов.
— М-да-а... не густо. Но ведь и годов-то тебе еще не много.

«К чему он?» — недоумевал Петр.

— А что? — опять спросил он.

— Да ничего!.. Время сейчас такое — все учатся. У нас вечерняя школа хорошая. Хотя бы техникум... Жизнь большая.

— Посмотрим, Павел Николаич.

Жизнь дальше пошла так.

Столярного дела в РТС Петру не нашлось. Мелкие, шабашные заказы по селу выполняли старики-пенсионеры. Да и стыдно было бы заниматься этим. Зато его с великой охотой взяли в плотничью бригаду на строительство кошары.

Ольга не на шутку привялась за книги.

Рано утром Петр осторожно вставал с кровати, умывался во дворе под рукомойником, одевался, ел на кухне невкусные пироги с морковью, которые почему-то в изобилии пекла теща, запивал молоком... Если Фонякин был дома, он беззлобно ругался с кем-нибудь по телефону в прихожей. Иногда вместе ели пироги с морковью.

Теща и Ольга спали еще.

— Как дела? — спрашивал Фонякин.

— Ничего. Как у вас?

— Ничего.

И каждый думал о своем.

Позавтракав, Петр уходил на улицу, садился на скамейку у ворот, закуривал в ожидании автобуса. (Стройка была в пяти километрах от села, рабочих возили на работу и с работы.) Это было самое хорошее время дня — эти полчаса, пока он ждал автобуса. Солнце еще не поднялось из-за горы, но светло уж, и все село воршится. Поднимаемая пыль, прошло стадо коров. Небольшое. Большое оно будет в конце села. Хлопают калитки; запоздавшие бабы догоняют пасуха, подстегивая коров хворостинками.

— Ну, отелилась ли, чо ли?! — ругаются. Как будто не сами виноваты, что пронежились лишних пяток минут в теплой постели.

Протарахтит телега с мужиком. Мужик что-нибудь крикнет запоздавшей бабе, а та в долгу не останется. Засмеются. Голоса еще с хрипотцой — со сна, теплые. Люди не успели наработаться — не сердитые. Да и шибко уж просторно, ясно, свежо вокруг, так и подмывает крикнуть через дорогу что-нибудь самое пустяковое.

— Здорово, сосед!

— Здоров! Как ночевал?

— А ничо, слушай! Жена бы не растолкала, дак ишо бы поспал. На коровьем-то реву оно, это, спится, язви ее!

А подальше еще двое переговариваются через плетник.

— Ты что сёдня вечером делаешь-то?

— Дак а чо?.. Вроде особо-то нечего.

— Может, сплавам в островишко, посидим?

— Оно можно бы... у меня припасишки вышли. Я эт-то заказывал Семке Косому: поедешь в город, возьми на мою долю с кило. Забыл, окаянная душа!

— У меня есть маленько, я дам.

— Но давай. А я на днях сам поеду, дак куплю. Дробь-то я накагаю...

— У меня дробь есть. Правда, тоже не магазинная...

— Да дробь не надо. Я вон парнишку заставлю, накагат сколько надо.

— Ну и сплавам, посидим.— А дальше негромко:— Я тада возьму на литровку?..— Кивок в сторону крестового дома, где живут две учительские семьи.— Штук шесть-то добудем, поди.

— Бери, добудем.

Договорились вечером сплавать на охоту. Пороху один другому одолжит. Дробь пойдет самодельная. А так как деньжонок у обоих нет, а выпить после охоты надо, один возьмет у учителей шесть рублей под уток (бутылка — пара), купит две бутылки и поставит в погреб. Приплывут затемно, разложат во дворе огонь под таганком, сами отеребят, опалят, распотрошат утку и заварят целиком в чугуне. Вкусно и долго пахнет потом на улице паленым; блаженно покряхтывают двое, прихваливают:

— А ничо получилось!..

— Мм.

— Жалко, в одну промазал. Прямо над головой шаркнула, гадина... Темно.

— Ничо, это от пуза.

Трепыхается слабый огонек под таганком, выхватывая из тьмы две фигуры. Бывает, со двора не в лад, но задушевно поплывет в теплом стоялом воздухе:

Аб чем, дева, плачешь?

Аб чем, дева, пла-ачешь?

Аб чем, дева, пла-а-ачешь?..

Мужской голос, с плохо скрытой завистью, прикрикнет с улицы:

— Огонь-то затопчите потом, девы!

Если «девы» не успокоятся, выходят жены.

— Ну-ка, марш по домам!

...На работе к Ивлеву сперва было несколько настороженное отношение — директорский зять. Скоро, однако, наладилось. Работать Петр умел, за счет других не ловчил, плохого к людям за душой не таил — это скоро понимают.

Ольга целыми днями читала, забравшись с ногами на диван. Мужа с работы встречала не то что прохладно, — спокойно: оторвется от книги — мысли далеко-далеко.

— В печке на сковородке картошка жареная, в селях — огурцы, капуста. Хлеб — в шкафу.

Ивлева не очень огорчало такое.

«Ничего, — думал, — лишь бы тосковать не начала».

Сам серьезно подумывал над словами тестя: не начать ли учиться? Жизнь выровнялась, на душе устоялся желанный покой. Листал вечерами Ольгины книги, и крепко желание: сидеть рядом с женой и введаться в неведомый, чужой мир.

Ночью, в темноте, негромко разговаривали.

— Мне тоже отец советует учиться. А? Я ведь, если возьмусь...

— Правильно советует. У него только другое, наверно, на уме... свое. Я сама возьмусь за тебя. Странно мне, Петя! Как будто, знаешь, шла, шла и вдруг — море. Совсем не ждала. И прямо не знаю, что мне с ним делать — большущее такое!.. — И добавляла сердито: — А мне уж скоро тридцать.

— Ерунда какая. Люди...

— Да я не об этом. Жалко!

— Чего жалко?

— Ничего. Тебя жалко, что не понимаешь.

— Понимаю, почему не понимаю. Жалко, что время зря много ухлопала?

— Спи. Дай твою руку... Я не знаю: может, я испугаюсь, что оно такое большое...

— Не бойся. Хорошее дело надумала — не робей. Я тоже с тобой: рога черту свернем. Я ведь мужик крепкий, мне если что западет в башку...

— Не хвались. А учиться будешь, я без отца давно решила. Хорошо от тебя потом пахнет — сосновым. Спи.

Петр засыпал счастливый. Иногда, когда он засыпал так, Ольга вдруг говорила сама себе гвердо, зло и отчаянно:

— Нич-чего у меня не выйдет.

Приехав в Крутойярское, Петр написал тетке письмо с новым адресом. Похвалился в письме, что живет хорошо. И вдруг получил телеграмму от дяди:

«Срочно приезжай, тетя безнадежная».

Петр в тот же день выехал на родину.

Случилось так, что в тот день, в который уехал Петр, в село привезли хороший фильм. Ольга слышала о нем и вечером пошла в клуб. Сидеть ей пришлось рядом с молодым человеком, которого она два раза видела на улице, знала, что он учитель истории и географии, что сам откуда-то из Ленинграда, кажется. Худощавый, среднего роста, бледный, опрятно одетый. Ольга тогда еще подумала: «Интересно, как он о Стеньке Разине рассказывает? «Дорогие дети, Степан Тимофеевич был человек энергичный и очень мужественный...»?»

— Здравствуйте, — вежливо сказал молодой человек Ольге, когда она села рядом.

Ольга тоже сказала:

— Здравствуйте.

И все. И стали ждать начала картины. Ольга, как бы между прочим, два раза глянула на него: сидит, облокотившись на спинку стула, терпеливо ждет.

Сеанс все не начинался.

Молодой человек ослабил галстук, посмотрел на часы.

— Что-то долго они...

— Вы давно здесь? — спросила вдруг Ольга. Сама не ждала, что заговорит.

— Здесь, в зале? — простодушно уточнил молодой человек, повернувшись к Ольге; ей показалось, что он близорукий. — Минут пятнадцать уже.

— Нет, в деревне?

— В этой? — опять уточнил молодой человек. — В этой — год.

Ольге сделалось весело: очень смешно он уточнял вопросы.

— Нравится у нас?

— Почему «у нас»? Вы ведь сами приехали.

— Я родилась здесь.

— Да? В отпуск?

— Нет, домой приехала. Совсем.

— Хорошее дело. — Он произносил: «дево». Опять посмотрел на часы. — Ужасный механик. Копуша.

Ольге хотелось разговаривать.

— Нравится у нас?

Молодой человек сморщил лоб и погладил его вдоль морщинок средним пальцем. (У него была такая привычка.)

— Нравится. Не все только.

— Привыкнете. — Ольга ужаснулась пустому слову. Странно, у нее пропала легкость, с какой она находила слова в любом почти разговоре — ироничные, никогда не серьезные и всегда серьезные, более или менее остроумные и едкие. Парень предложил неожиданный тон разговора: простой и недвусмысленный.

— Привыкнем, — согласился он. У него, кажется, не было охоты разговаривать. Это задело Ольгу за живое. Она ждала, что он, изголодавшись по «светским» разговорам, пойдет щеголять, станет показывать, что «и мы здесь» кое-что понимаем. Эдит Пиаф? Извольте: поет хорошо, а книжки писать не умеет. Нет такой — женской литературы. Знаете, что подумала каждая третья женщина, прочитав ее исповедь: «Если бы я рассказала!..» После Чехова или Толстого так не подумаешь. Ну, что еще? Поэзия? Наша? Как сказать...

Было время, когда Ольге такие слова кружили голову, как вино, потом она научилась сама говорить их,

потом они стали злить ее. Все это хорошо, мило, но очень уж дорого надо платить.

Ольга ненароком еще раз посмотрела на молодого человека. Из каких же он? По облику, по костюму он даже не из тех, кто поначалу кружит голову, а из тех, кого и поначалу жалко: слабенькие, начинают с отрицания всех и вся, объявляют жизнь «болотом», потом объясняются в любви. А кончают тем, что снова объявляют жизнь болотом и стесняются давать деньги на аборт.

Сеанс все не начинался.

— Ужасный механик, — сердито сказал молодой человек и опять посмотрел на часы. Сердиться он не умел.

— А куда вы торопитесь?

— Да куда!.. Но так тоже нельзя — впустить людей и томить их тут.

— Видите — плохо в деревне.

Молодой человек вдруг негромко засмеялся. Ольге кровь бросилась в лицо.

— Вы как шпион: потихоньку выпрашиваете у меня... — Смеялся молодой человек искренне, необидно. — Если это самое плохое в деревне, я согласен ждать еще час.

— Что же самое плохое? — Ольга вконец потерялась. Никак не могла обрести легкий путь в разговоре. А говорить хотелось. Она даже ругнулась по-мужски про себя. «Что со мной?»

— Да ничего, все нормально. Вы кино любите?

— Хорошее.

— А я — всякое. Черт его знает: понимаю, что это глупо («гвупо»), а хочется смотреть. Если совсем дрянь — тоже смешно.

— Это опять-таки деревня, — уперлась на своем Ольга.

Посмотрели друг на друга. И вдруг рассмеялись оба. Ольге стало легко.

— Доконаю я вас этой деревней.

— А что вы делать приехали?

— Я тоже учительница. — Ольга чуть поторопилась. — Не совсем еще. Мне нужно дотянуть полтора года заочно.

— В нашем полку прибыло.

— А разве возьмут так?

— Возьмут. У нас треть таких — дотягивают. С руками-ногами возьмут. Не хватает же. У вас какой?

— Литература.

— Возьмут.

— Seriously: вы не скучаете здесь? Почему летом-то остались?

— Тут... всякие дела. Не скучаю, я серьезно говорю. Только надо... Да нет, впрочем...

— Что?

— Так. Найдется что-нибудь, чтоб не скучать. Были в школе?

— Нет еще.

— Отличная школа. Вот такие нужны.

— А ребята как?

— Как везде — разные. Многих бы я попер из школы. Нельзя. Это плохо.

— Плохо, что гнать нельзя?

— Да. Зачем?.. — Молодой человек совсем повернулся к Ольге и с горячностью стал ей доказывать: — Зачем, скажите, и ему и себе нервы трепать?!

— Но восемь-то классов надо...

— Да восемь-то ладно. А он за восемь перевалил, а учиться не хочет. Ну и иди с богом! Сглупил? Ошибся? Вечерняя школа к услугам. А мы врем, тройку ставим, когда надо двойка прочный. Кол осиновый!

— О!..

— А есть славные. Одно удовольствие. При чем тут деревня?

Свет погас наконец.

— Поехали, — сказал молодой человек и снял пиджак.

Фильм, правда, был хороший. Но Ольгу волновала близость молодого человека, она почувствовала плечом его руку и отвлеклась от картины. Можно бы отодвинуться и сосредоточиться на картине... В конце концов Ольга так и сделала. Но теперь она слышала запах шипра, исходивший от его лица. И это тоже отвлекало. Это вконец вывело из себя Ольгу. Впору было встать и уйти. Черт знает что лезло в голову: захотелось вдруг крепко прижать его к себе и шепнуть на ухо ласково: «А ты еще совсем-совсем маленький». У нее даже голова заболела от волнения. И в ушах пошумливало. «Да ты что, девка?» — пыталась она унять себя. Едва досидела до конца сеанса.

Вышли вместе. Ольга глубоко вздохнула.

— Душно...

— Хорошая картина. Оказывается, не надо ничем удивлять. — Молодой человек задумчиво сморщил лоб и потрогал его пальцем. — Лев Толстой говорил: «Если хочешь что сказать, скажи прямо». Правильно.

— Пойдемте на речку? Так пить захотелось, не дотерплю до дома.

Пошли на речку.

Волнение Ольги поулеглось, и она теперь думала: «Что это? Любовь, что ли? Боже милостивый!..»

— Как вас зовут?

— Юрий. А вас?

— Ольга. Вот такие-то дела, Юрий Батькович. — Ольгу опять стало одолевать волнение. — Как говорил Лев Толстой?

Юрий что-то начал понимать. Молчал. Растерялся, наверно.

В темном месте Ольга остановилась. Юрий тоже. Ольгу слегка затрясло... Теперь уж она не могла — обняла его, нашла его губы и нежно поцеловала. Едва сдержала себя, чтоб не впиться в них с жадностью.

— Вот так... как учил Лев Толстой. Ну что? Говори что-нибудь! — Ольга еще держала его в объятиях.

— Оля, это что? — Голос Юрия вздрагивал. — Что-то не понимаю...

Ольге стало легко и весело. Теперь она обрела себя.

Отпустила его, вздохнула полной грудью.

— Пойдем на речку, я утоплюсь. Только не молчи, а то мне сейчас станет стыдно.

— Я не молчу. Я только не понимаю...

— Да я сама не понимаю! А чего непонятного, кстати? Ну, поцеловались. Ты что, до этого никогда не целовался?

— Почему?..

— Ну и вот. Влюбилась в тебя. Но убей бог, не знаю, за что. Ты красивый, что ли? В тебя влюблялись?

— Кой черт влюблялись! Я как тюлень...

— Вот, а я как раз люблю тюленей.

Подошли к речке. Ольга оперлась руками о берег, припала к воде.

— Охх!.. Сейчас всю выпью. — Еще раз припала.

Юрий сел на камни. Молчал. Он еще не пришел в себя от случившегося.

— Ну пойдем.— Ольга поднялась, ополоснула руки.— Я объясню, что произошло.— Действительно стало немножко стыдно. «Тороплюсь. Всегда тороплюсь».— Произошло... я не знаю что. Кажется, я правда влюбилась. Но поступила сейчас ужасно-ужасно глупо.— Ольга говорила тихо. Ей захотелось вдруг плакать.— Ужасно!.. Дура.

— Не надо так, Ольга.

— А иначе не могла. Мне показалось, что я тебе нужна, понимаешь? Не сейчас, не... Всегда. И ты мне нужен. Но я... махнула так, что теперь не понимаю: это показалось или это так и есть?

— Ольга,— сказал вдруг твердо Юрий,— я слабохарактерный человек, но иногда на меня находит... Не мучайся. Я знаю, что тебя мучает: сама первая сказала. Да еще так... сразу. Только, ради бога, не мучайся. Во-первых: если мне не сказать, я сам никогда не скажу. Во-вторых... Черт, я еще не очухался...

— Иди домой. Давай очухаемся.

— Подожди, Оля.

— Нет, давай подумаем. Надо. Иди. До свиданья.— Ольга повернулась и пошла в свою улицу. Шла скоро, не разбирая дороги. Она плакала. Это впервые за много-много лет. Она даже не помнила, когда она последний раз плакала. Плакалось, не могла успокоить себя и не могла понять: отчего же плачется-то?

На другой день Юрий рано утром пришел к Фонякиным.

Фонякин ругался по телефону в прихожей.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Счас, минуточку...— Фонякин выяснил наконец, сколько машин пойдет с рабочими на покос, повесил трубку.

— Ольга Павловна дома?

— Ольга?.. Спит, наверно. Счас посмотрю.

Юрий остался в прихожей.

— Идет,— сказал Фонякин, проходя в кухню.— Садитесь, пожалуйста.

— Ничего, спасибо.— Юрий подождал немного в прихожей, потом вышел на крыльцо. Не заметил сам, как начал ходить по крыльцу туда-сюда.

Вышла Ольга в халате... Наступил тот самый момент, которого оба, наверно, боялись и ждали. Сколько он продолжался, этот мучительный момент?.. Смотрели в глаза друг другу...

— Я не умытая еще,— словно оправдываясь, сказала Ольга. Сказала негромко.

Юрий шагнул к ней, взял за руки.

— Оля..

— Подожди, не надо. Не говори. Я сейчас... возьму полотенце.

— Оля, я только хочу сказать...

Ольга, не слушая его, ушла в дом.

Вышла она в легком ситцевом платье, которое очень было к лицу ей. На плече — полотенце.

— Оля..

— Не надо! Ты же сказал. Я все поняла, Юра.

— Я ничего еще не сказал. Я всю ночь думал...

— Теперь ты торопишься. Не надо. Давай спокойно идти... Я тоже всю ночь думала.

— Мы куда?

— На речку. Купаться.

— Я, кстати, там пиджак забыл вчера.

Ольга засмеялась.

Утро было на редкость прекрасное. Солнце выплыло из-за горы и всю землю затопило прозрачным теплым светом. Все отсыревшее в ночной прохладе — крыши домов, заборы, деревья, — все отходило теперь, чуть парило, издавало волнующе-свежий, резковатый запах подгнившей древесины, зелени, подсыхающей земли... Взошло солнце, и природа светло безмолвно ликовала. Человеку бы так!

— Побежим? — предложила Ольга. И первая побежала.

Юрий побежал за ней следом.

— Неудобно немного... Оля?! — негромко крикнул он на бегу.

— Учитель?.. За бабой с утра пораньше?!.. — Ольгу взяла такой смех, что она остановилась и долго хохотала, запрокинув голову.

Юрий стоял рядом, улыбался, любуясь ею, такой же свежей, здоровой, чистой, как само это утро.

— Ты как это утро, Ольга,— сказал он.

— Милый ты мой,— с нежностью сказала Ольга, погладила его мягкой, теплой ладошкой по го-

лове, по щеке.— Уменьенький мой. Малышечка моя...

Юрия обожгла такая неожиданно сердечная, неподдельно-родная интонация и нисколько не обидело, что он «малышечка».

Пришли к реке. Пиджак Юрия лежал на берегу.

— Купаться будешь? — спросила Ольга, глядя на Юрия, готовая опять смеяться.

— Я плавки не взял,— простодушно сказал Юрий.

Ольга опять засмеялась: что-то смешно ей было сегодня, все смешило.

— Сколько тебе лет, Юра? — спросила она, раздеваясь.

— А что? — Юрий покраснел и всячески старался не выдать волнения, какое охватило его при виде ее полуобнаженного тела.

— А что?

— Ну так. Сколько?

— Двадцать шесть.— Он прибавил себе полтора года.

— А мне — двадцать девять.— Ольга бросила платье на камни, распрямилась, чуть прогнулась назад, раскинула руки.— Двадцать девять, тридцать, тридцать пять, сорок — все. Бабий век — сорок лет.

— Чепуха,— счел нужным сказать Юрий, думая в это время: раздеваться ему или нет. И решил, что не нужно.

Ольга постояла над водой, глядя на нее, потом сразу ухнула с головой вниз... Вынырнула, охнула и поплыла от берега, загребая одной рукой. Крикнула:

— Хорошо! Обожгло всю!..

Юрий понимал, что не надо бы ему сейчас раздеваться — показывать свое отнюдь не атлетического сложения тело, но и сидеть дураком на берегу, когда женщина купается, тоже как-то неловко. Он быстренько, пока Ольга была далеко, скинул одежду и тоже, как она, ринулся с головой в студеную воду. Действительно обожгло.

— Плыви сюда!

Юрий поплыл было, но вернулся.

«Еще судорога, на грех, сведет», — подумал он.

...Лежали на теплых камнях. Юрий нет-нет да невольно взглядывал на Ольгу. Молочно-белое, гладкое, крепкое тело ее все было в мелких светлых капельках и блестело под солнцем, как чешуйчатое.

«Такой я еще не видел», — должен был признаться Юрий.

«Приедет Петр, наделает беды, — думала в это время Ольга.— Убьет кого-нибудь: меня или его».

— Юра, я ведь замужем, — сказала она серьезно. И ждала, что скажет Юрий. Рук с лица, которыми защищала глаза от солнца, не отняла.

— Ну и что? — спросил Юрий.— Разве не бывает?..

— Бывает, — согласилась Ольга.— Ты сможешь мне закончить институт.— Ольга отняла руки от лица, поднялась на локте.— Я все перезабыла.

— Вспомним! Чего там помогать-то, господи.

— Нет, не просто окончить — не так. Так я могу.

Все должно быть очень серьезно, Юра. Все должно быть удивительно серьезно, ты не представляешь себе, как! Должна быть огромная библиотека с редкими книгами. Должно быть два стола... Ночь. За одним ты, за другим я. Полумрак, только горят настольные лампы. И больше ничего. Два стола, два стула, две раскладушки... Нет, одна такая широченная старинная кровать, застеленная лоскутным одеялом. И наволочки на подушках — ситцевые, с цветочками... Ты кого больше всех любишь из ученого мира?

— Коперника, — первое, что пришло в голову, сказал Юрий; он никогда так не думал: кого именно больше всех.

— А я — Циолковского. Я видела в Калуге его домик... Здорово это — почти всю жизнь прожить непризнанным. Только под конец, когда уже ничего не нужно... А?

— Это — подвижники, — согласился Юрий. Его тоже постепенно захватывало чувство, какое владело сейчас Ольгой; она умела заражать.— Это — чисто российское явление.

— Вот именно! А еще в доме должна быть мастерская...

— Какая мастерская?

— Столярная и слесарная. Много-много всяких инструментов! Столы мы себе сами сделаем...— Ольга резко качнула головой, стряхивая каплю воды, наполнив со лба на глаз. Пристально посмотрела на Юрия, так, что тому не по себе как-то стало. Легла на спину и опять закрыла лицо руками. И замолчала.

Четыре дня не было Петра Ивлева. Все эти четыре дня Ольга уходила вечером из дома и возвращалась глубокой ночью.

Фонякин зачуял что-то недоброе. Попробовал было поговорить с женой, та отмахнулась.

— В клуб ходит, куда еще.

— Каждый вечер-то?

— А чего тут такого? Что она, старуха, что ли?

— Она мужняя жена — вот что тут такого! — рассердился Фонякин. — Нет мужа дома — нечего одной по ночам шляться.

Жена нехорошо покривилась.

— Муж...

— А кто же он ей?

— Не пара — вот кто! — выпалила жена. — Вывезла!.. Таких-то у нас своих хоть отбавляй.

— Во-он ты как, — Фонякин понял, что жена, если что и знает, не скажет: зять был ей не по душе.

И запала ему в голову беспокойная дума.

«Против Петьки что-то замышляют, не иначе».

Один раз застал мать и дочь, о чем-то оживленно беседующих. При его появлении обе враз смолкли. Ольга ушла в свою комнату.

— Чего затеваете? — прямо спросил Фонякин.

Жена притворно всполошилась:

— Ты что?!.. Чего затеваем? Господи-батюшка!.. Скажет тоже.

— Смотри, — пригрозил Фонякин. — Я вам парня в обиду не дам. Поняла?

А на пятый день ему принесли в кабинет письмо. Ему лично.

«Уважаемый т. Фонякин!

Мы вас на самом деле уважаем, вы тут ни при чем. Но уймите как-нибудь свою кобылу дочь. Это же стыд гольный! Ведь он, как ни говорите, учитель, наших детей учит. И она, мы слышали, тоже учительствовать собирается. Какой же они пример...»

Фонякин не дочитал письмо; у него в кабинете было много народу. Сидел, как помоями облитый, боялся посмотреть в глаза людям.

«Вот оно!.. Начинается», — думал.

Крепился, сколько мог, потом не выдержал, сказал:

— Товарищи, мне что-то... того... худо малость. Пойду полежу. Закончим на этом.

Шел домой скорым шагом. Правая рука — в кармане, письмо в кулаке — сжал так, что ладонь вспотела.

«Вся деревня знает уже. Сволочи! Одни мы с Петькой, как Исусы... Ну, погодите!»

Вошел в дом мрачнее тучи.

Жена, увидев его, встревожилась.

— Что? Опять? Врача, может?..

— Позови Ольгу. Сама уйди куда-нибудь с глаз долой.

— А что такое, Павел?..

— Я кому сказал!

Жена, чувствуя грозу, пошла исполнять приказание.

Ольга явилась спокойная, чуть собраннее, чем всегда. «Какая женщина... жена, мать могла бы быть», — невольно подумал Фонякин.

— Что, папа?

— Вот!.. — Фонякин бросил к ногам дочери письмо. — Сочинение прислали. Учительницей собираешься быть? Читай! — Фонякин раскалился все больше. — Там ошибки, наверно, но там в лицо плюют!

Ольга даже не глянула на письмо.

— Анонимка? Не надо было читать...

— А что мне делать?! — крикнул Фонякин. — Глаза себе выколоть?

— Не надо читать, я сама все расскажу.

Фонякин не ожидал такого. Даже несколько расгелся.

— Что ты можешь рассказать?

— Я познакомилась с учителем Юрием Александровичем, мы стали друзьями...

«И как спокойно!» — с холодной яростью подумал Фонякин.

— Мы, очевидно, поженимся. Вот и все.

Как молотком били по голове, только удары были какие-то тупые и туго доходили до сознания Фонякина.

— А как же... — хотел заговорить он тоже спокойно. — Как же Петька?.. — Голос прерывался, спокойствия не получалось. Он чувствовал, что сейчас сорвется. И Ольга чувствовала это, но оставалась спокойной. Это-то больше всего и взбесило Фонякина. — Муж как же?..

— Я никогда не любила его. Он знает об этом.
Фонякин поднялся.

— Иди сюда,— сказал он.

Ольга помедлила секунду, подошла.

Отец ударил ее по щеке. И потом еще раз и еще...

Ольга попятилась от него.

— Еще,— попросила.

Фонякин шагнул и ударил еще.

— Шлюха.

— Еще бей!

— Шлюха! Вон из...— Фонякин задыхался.

— Еще бей! — требовала Ольга.

Фонякин схватился за сердце, стал торопливо искать глазами место, куда присесть. Он сделался белый, губы посинели...

— Папа! — вскрикнула Ольга. — Папа, что с тобой?

Вбежала мать.

— Паша!

— Не орите! — с трудом сказал Фонякин, осторожно опускаясь в кресло. — Дай глицерин. Скорей. В баночке...

Жена нашла нитроглицерин, Фонякин проглотил таблетку, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Женщины замерли около него.

Долго все молчали.

— Седин не пожалела,— негромко заговорил Фонякин, не открывая глаз. — Не пощадила...

— Папа, при чем здесь ты?

Мать дернула дочь за руку, показала глазами на дверь. Ольга вышла.

— Отец, конечно, ни при чем. Эх, вы...

— Паша, успокойся. Ну не надо сейчас-то...

— Ты замолчи! — Фонякин вздохнул и сам замолчал. Только часто и глубоко дышал.

Вечером Ольга ушла из дома. Совсем.

Через два дня приехал Петр.

Тещи дома не было. Петр прошел в комнату Фонякина.

Павел Николаевич лежал в кровати.

— Что, опять? — спросил Петр. Даже не поздоровался.

Фонякин за эти два дня изменился до неузнавае-

мости: глаза впали, нос заострился, как у покойника, на щеках, в морщинах залегли нехорошие тени.

— Сядь, Петро,— сказал он. Сам несколько приподнялся на подушках. — Как дома?

— Тетку схоронил.— Петр отодвинул на стуле лекарства, присел на краешек. Хотел закурить, но спохватился.

— Да кури! Дай, я тоже закурю.

— Может, не надо?

Закурили.

— Что с теткой-то?

— Рак желудка. Пятнадцать килограмм от чело-

века осталось.

— Успел еще?

— Успел. Только не узнала...

Долго молчали.

— Ну, крепись, Петро... Все к одному: Ольга ушла из дома. К учителю... есть тут у нас...

Петр не понял.

— Как ушла?

— Ушла. Совсем. Замуж вышла.— Фонякин опустился на подушки. Видно, не малого стоили ему эти слова. Прикрыл глаза, шумно вздохнул.— От тебя ушла, не понимаешь, что ли?

Волной — от макушки до пят — окатил Петра мерзкий озноб. И слынул. Жарко сделалось. Он молчал. Фонякин посмотрел на него... и отвернулся.

— Где он живет? Учитель...— спросил Петр.

— У бабки Маланьи... Спросишь — покажут.

Петр поднялся.

— Петя...— Фонякин привстал, глянул прямо в глаза зятю. — Не делай там греха... прошу. Хоть ты-то... Ничего же не изменишь. Как сына прошу...

Слова Павла Николаевича дошли до него, когда он шел к учителю. Он сбавил шаг. Надо было сообразить, как действовать. Но что тут сообразишь?!.. Так и пошел, ничего не придумав — какие слова говорить, что вообще делать?

— Здравствуйте.

Они о чем-то оживленно и, кажется, резковато беседовали. Юрий ходил по комнате, Ольга сидела у стола, положив ногу на ногу. И первое, что бросилось в глаза Петру,— круглые, тупые, крепкие коленки Ольги. Не сама Ольга, не взгляд ее, не Юрий Александрович —

колени. И почему-то это успокоило, отрезвило. Потом уж он увидел и Ольгу и учителя... А так как они промолчали на его «здравствуйте», он еще раз громко сказал:

— Здравствуйте, говорю. Что за невежливость такая?

— Здравствуйте, — сказал Юрий.

Ольга внимательно — с таким знакомым любопытством! — смотрела на Петра.

— Сесть-то можно? — весело спросил тот. И сел, не ожидая приглашения.

Вспомнилось ему, как когда-то, в ранней молодости, случилось одному нарваться на ораву ребятни из чужого, враждебного края. Точь-в-точь такое же чувство: сперва мгновенная оторопь — она хоть и мгновенная, хоть и оторопь, а успеешь заметить: высок ли плетень, что рядом, не махнуть ли через него? Успел заметить Петр, что Юрий растерялся, если не испугался, Ольга приготовилась — ждет какой-нибудь выходки от Петра, вся настроилась, но спокойная и — вот-вот — в глазах появится насмешка.

— Давайте познакомимся! — Петр встал, шагнул к Юрию... И опять успел заметить, как в глазах Ольги метнулся испуг. И погас. Но еще самую малость — шагнул Петр решительнее или сунься в карман — она или вскочила бы, или крикнула. — Ивлев Петр, — представился он.

— Юрий.

Петр сел.

— Ты любишь ее? — в упор спросил он Юрия.

— Да, — ответил Юрий несколько более решительно, чем этого требовал простой вопрос, несколько даже торжественно. Он тоже, наверно, шагнул в яму. Ольгу поразило это.

— Ты, Ольга?

— Когда я еще была в пионерах, меня учили, что на допросах надо молчать. Я...

— Ты любишь? — переспросил Петр, меняясь в лице. Ольга знала, что это такое, когда он меняется в лице.

— Да, — сказала она.

— Вот и все, — сказал Петр.

«Убить!» — стукнуло в голову, и уже гнилостный, страшный холодок беды дохнул в грудь.

— Вот и все, — повторил он. И полез закуривать. — Разговор кончен. — Он устал, и все стало безразлично. Сунул обратно папиросы, поднялся и пошел к двери. — Прощайте, — сказал на ходу. И хлопнул дверью.

Во дворе его догнала Ольга.

— Я провожу тебя.

— Зачем?

— Мне хочется.

— Пойдем.

Долго шли молча. Петр шагал широко, Ольга едва поспевала за ним.

— Отца видел? — спросила она.

— Видел.

— Как он?

— Лежит.

— А там... с теткой?

— Померла.

Опять долго молчали, почти до самого дома Фонякиных.

— Петр... у меня сердце кровью плачет... Я проклинаю себя... Мне жалко вас — тебя и отца...

— Это ты брось. Зря.

— Все равно вы самые хорошие, самые родные мне...

— Брось, Ольга! Чего ты?.. Совсем непохоже на тебя. Не нам с тобой плакать.

— Я домой не пойду.

— Почему?

— Не надо, отец разволнуется. Я подожду.

Фонякин сидел в кровати, когда вошел Петр.

— Что? — спросил он испуганно. — Скоро как-то...

— Ничего, все обошлось. Успокойтесь. — Петр присел к нему на кровать. Говорить было совершенно не о чем. Тяжело было бы о чем-нибудь говорить.

— Ну, поехал. — Петр поднялся. — Выздоровливайте. Фонякин кивнул.

— Трудовую книжку вышлите потом.

— Ладно. Куда сейчас?

— К дяде. Старенький он уже стал... инвалид.

Фонякин опять кивнул.

— Не обессудь, Петро. Я ничего тут не мог сделать.

— Да что вы! Поправляйтесь, главное. Я не пропаду. — Петр пожал крупную слабую ладонь тестя. Когда-то — он даже и не успел заметить, — когда и за что, —

полюбил он этого доброго человека, вечного труженика. И понял это только сейчас. И его тоже больно отрывать от сердца.— Будьте здоровы.

— Счастливо тебе.— Фоякин глядел вслед Петру, пока за ним не закрылась дверь.

Ольга ждала его.

— Вот так, Ольга.

— Как он? — пока Петра не было, она заметно успокоилась.

— Ничего. Поругались, наверно?

— Да. Хуже — он меня ударил. Первый раз в жизни...

— Ну... ты больней бьешь.

— Куда сейчас?

— Домой. Дядька плохой тоже... Ничего, Ольга, все будет нормально.

— Не торопись, куда бежишь-то?

Петр сбавил шаг.

— Он хороший человек? Учитель-то?

— Хороший,— не сразу ответила Ольга.— Но это... опять не то. Я не знаю.— Она не жаловалась, не сожалела.

На Петра никак не подействовали ее слова. Вышли уже к краю села, а за селом открывалась даль. Всколмленная, в лесах, но необозримо широкая, раздольная. Представилось Петру, что надо идти ему в эту даль — незнакомую, необъятную. Непривычно, чуть страшновато, но уже думалось о том, как будет ТАМ, ВДАЛИ. Уже шагал он ТУДА, и остановить его было нельзя. Именно оттого, что непривычно, и неведомо, и неоглядно широко, манило и влекло ТУДА.

Увидев колодец в конце улицы, Петр свернул к нему.

— Подожди, напьюсь на дорожку.

Ольга тоже подошла к колодцу.

Вал с визгом долго раскручивался. Глубоко внизу гулко ударилась в воду кованая бадья. Забулькала, залопотала вода, заглываемая железной утробой бадьи. Тихонько, расслабленно звенели колечки мокрой цепи. Потом цепь рывком натянулась — бадья, наполнившись, утонула. Вал надсадно, с подвывом застонал, как заплакал. Цепь с противным, трудным скрежетом наматывалась на вал. Срывались вниз капли, громко шлепались.

Петр подхватил тяжелую бадью, поставил на сруб, широко раскорячил ноги, склонился и стал жадно пить.

— Мх,— простонал он, отрываясь от бадьи,— холодно! Аж зубы ломит. Не хочешь?

Ольга отказалась.

Петр еще раз пристроился к бадье, долго пил. Потом не торопясь вылил воду. Оба стояли и смотрели, как льется на грязную, затоптанную землю прозрачная вода.

— Вот, Ольга... так и с любовью бывает,— сказал Петр, продолжая смотреть, как льется вода.— Черпанул человек целую бадью, глотнул пару раз, остальное — в грязь. А ее бы тут на всю жизнь хватило.

— Да,— бездумно согласилась Ольга. Мысли ее тоже были где-то далеко-далеко.— Прости, Петр, что так получилось.

— Брось...

— Как хочется, чтобы ты счастлив был! Правда, всем хочется счастья, даже больше, чем себе, и вот... так получается.

— Ты так говоришь, как будто я тебе какого-нибудь худа желаю. Мне тоже охота, чтоб у тебя все хорошо было.

— Спасибо. Не будет.

— Будет. Не унывай.

Вывернулась из села попутная машина. Петр «голоснул». Машина притормозила.

— Прощай.

— Будь здоров.

Петр поцеловал Ольгу. Подержал в ладонях ее лицо, посмотрел в глаза... Еще раз поцеловал.

— Прощай.

Когда поехали, Петр крепился, не оглядывался. Потом оглянулся. Ольга стояла на дороге, смотрела вслед ему...

Есть на Алтае тракт — Чуйский. Красивая стремительная дорога, как след бича, стегавшего по горам.

Много всякой всячины рассказывается, поется, выдумывается о нем. Все удалые молодцы, все головорезы былых лет, все легенды — все с Чуйского тракта.

Села, расположенные вдоль тракта, издавна поставляли ему сперва ямщиков, затем шоферов. Он (тракт) манит к себе, соблазняет молодые души опасным ремеслом, сказками, дивной красотой. Стоит разок проехать от Бийска до Ини хотя бы, заглянуть вниз с перевала Чике-атаман (Чик-атаман, как зовут его шоферы) — и жутковато станет, и снова потянет перевозом страх и увидеть утреннюю нагую красоту гор, почувствовать кожей целебную прохладу поднебесной выси...

И еще есть река на Алтае — Катунь. Злая, белая от злости, прыгает по камням, бьет в их холодную грудь крутой яростной волной, ревет — рвется из гор. А то вдруг присмирет в долине — тихо, слышно, как утка в затоне пьет за островом. Отдыхает река. Чистая, светлая — каждую песчинку на дне видно, каждый камешек. И тоже стоит только разок посидеть на берегу, когда солнце всходит... Красиво, очень красиво! Не расскажешь словами.

И вот несутся они в горах рядом — река и тракт. Когда глядишь на них, думается почему-то, что это брат и сестра, или что это — влюбленные, или что это, наоборот, ненавидящие друг друга Он и Она, но за какие-то грехи тяжкие заколдованы злой силой

быть вечно вместе... Хочется очеловечить и дорогу и реку. Местные поэты так и делают. Но нельзя превозмочь красоту земную словами.

Много, очень много машин на тракте. День и ночь гудят они, воют на перевалах, осторожно огибают бомы (крутые, опасные повороты над кручей). И сидят за штурвалами чумазые внимательные парни. Час едут, два едут, пять часов едут... Устают смертельно. В сон вдруг поклонит. Тут уж лучше остановиться и поспать часок-полтора, чтоб беды не наделать. Один другому могут так рассказывать:

— Еду, говорит, и так спать захотел — сил нет. И заснул. И заснул-то, наверно, на две секунды. И вижу сон: будто одним колесом повис над обрывом. Дал тормоз. Проснулся, смотрю — правда, одним колесом повис. Сперва не испугался, а вечером, дома, жутко стало...

А зимой, бывает, заметет Симинский перевал — по шесть, по восемь часов бьются на семи километрах, прокладывают путь себе и тем, кто следом поедет. Пять метров разгребают лопатами снег, пять — едут, снова пять — разгребают, пять — едут... В одних рубахах пластаются, матерят долю шоферскую, и красота вокруг не красота. Одно спасение — хороший мотор. И любят же они свои моторы, как души свои не любят. Во всяком случае, разговоров, хвастовства и раздумий у них больше о моторе, чем о душе.

Я же, как сумею, хочу рассказать, какие у них хорошие, надежные души.

Такой суровый и такой рабочий тракт не мог не продиктовать людям свои законы. Законы эти просты:

Помоги товарищу в беде.
Не ловчи за счет другого.
Не трепись — делай.
Помяни добрым словом хорошего человека.

Немного. Но они неумолимы. И они-то определяют характеры людей. И они определяют отношения между ними. И я выбирал героя по этому признаку. Прежде всего. И главным образом.

В хороший осенний день шли порожняком по Чуйскому тракту две машины «ГАЗ-51». Одну вел молодой

парень, другую — пожилой, угрюмый с виду человек с маленькими, неожиданно добрыми глазами.

Парень задумчиво, с привычным прищуром смотрит вперед — это Пашка Колокольников. Пожилого зовут Кондрат Степанович.

На тракте в сторонке стоит «козлик». Под «козлик» — шофер, а рядом — молодой еще, в полувоенном костюме, председатель колхоза Прохоров Иван Егорович.

Надежды, что «козлик» побежит, нет. Прохоров «голоснул» одной машине, она пролетела мимо. Другая притормозила. Шофер откинул дверцу — это Пашка.

— До Баклани подбрось.

— Ты один?

— Один.

— Садись.

Прохоров крикнул своему шоферу:

— Прислать, что ль, кого-нибудь?!

Шофер вылез из-под «козлика».

— Пришли Семена с тросом!

Пашка с Прохоровым поехали.

...Летит под колеса горбатый тракт. Мелькают березки, мелькают столбики...

— Ты куда едешь? — поинтересовался Прохоров.

— В командировку, — откликнулся Пашка.

— В колхоз, что ли?

— Мгм. Помочь мужичкам надо.

— А куда?

— Деревня Листвянка.

Прохоров внимательно посмотрел на Пашку — видно, в начальственной его голове зародилась какая-то «мысль».

...Летит машина по тракту. Блестит, сверкает глупинной чистотой Катунь.

...Прохоров и Пашка продолжают разговор.

— Тебя как зовут-то? — как бы между прочим спрашивает Прохоров.

— Меня-то? — охотно отвечает Пашка. — Павел Егорыч.

— Тезки с тобой, — идет дальше Прохоров. — Я по батьке тоже Егорыч. А фамилия моя — Прохоров.

— Очень приятно, — говорит Пашка любезно. — А я — Колокольников.

— Также приятно.

Машина остановилась — перед ними целая очередь из бензовозов и лесовозов.

Пашка вылез из кабины.

— Что там? — спросил Прохоров.

— Завал. Счас рвать будут.

Прохоров тоже вылез. Пошел за Пашкой.

— Поехали ко мне, Егорыч? — неожиданно предложил он.

— То есть как?

— Так. Я в Листвянке знаю председателя и договорюсь с ним насчет тебя. Я — тоже председатель. Листвянка — это вообще-то дыра дырой. А у нас деревня...

— Что-то не понимаю. У меня же в командировке точно сказано...

— Да какая тебе разница! Я тебе дам документ, что ты отработал у меня — все честь по чести. А мы с тем председателем договоримся. За ним как раз должок имеется. Что, так не делают, что ли? Сколько угодно.

— Я же не один.

— А кто еще?

— А он... — Пашка показал на Кондрата, который прошел мимо них. — Старший мой.

— А ты поговори с ним. Пусть он — в Листвянку, а ты — ко мне. Я прямо замучился без хороших шоферов. А? Я же не так просто, я заработать дам. А?

— Не знаю... Надо поговорить.

— Поговори. На меня шофера никогда не обижались. Мне сейчас надо срочно лес перебросить, а своих машин не хватает — хоть Лазаря пой.

— Ладно, — сказал Пашка.

Так попал Павел Егорыч в Баклань.

Вечером, после работы, уписывал у Прохорова жирную лапшу с гусятиной и беседовал с его женой.

— Жена должна чувствовать, — утверждал Пашка.

— Правильно, Егорыч, — поддакивал Прохоров, стаскивая с ноги тесный сапог. — Что это за жена, понимаешь, которая не чувствует?

— Если я прихожу домой, — продолжал Пашка, — так? усталый, грязный, меня первым делом должна встречать энергичная жена. Я ей, например: «Привет, Маруся!» Она мне весело: «Здорово, Павлик! Ты устал?»

— А если она сама, бедная, наматается за день, то откуда же у нее веселье возьмется? — замечала хозяйка.

— Все равно. А если она грустная, кислая, я ей говорю: «Пирамидон!» — и меня потянет к другим. Верно, Егорыч?

— Абсолютно! — поддакивал Прохоров.

Хозяйка притворно сердилась и называла всех мужиков «охальниками».

В клубе Пашка появился в тот же вечер. Сдержанно веселый, яркий, в белой рубашке с распахнутым воротом, в хромовых сапогах-вытяжках, в военной новенькой фуражке, из-под козырька которой вился чуб.

— Как здесь население... ничего? — поинтересовался он у одного парня, а сам стрелял глазами по сторонам, проверяя, какое произвел впечатление на «местное население».

— Ничего, — неохотно ответил парень.

— А ты, например, чего такой кислый?

— А ты кто такой, чтобы допрос устраивать? — обиделся парень.

Пашка миролюбиво оскалился.

— Я ваш новый прокурор. Порядки приехал наводить.

— Смотри, как бы тебе самому не навели здесь.

— Не наведут. — Пашка подмигнул парню и продолжал рассматривать девушек и ребят.

Его тоже рассматривали.

Пашка такие моменты любил. Неведомое, незнакомое всегда волновало его.

Танец кончился. Пары расходились по местам.

— Что это за дивчина? — спросил Пашка у того же парня: он увидел Настю Платонову, местную красавицу.

Парень не пожелал больше с ним разговаривать, отвернулся.

Заиграли фокстрот.

Пашка прошел через весь зал к Насте, слегка поклонился и громко сказал:

— Предлагаю на тур фокса.

Все подивились изысканности Пашки — на него уже смотрели с нескрываемым веселым интересом.

Настя спокойно поднялась, положила гяжелую руку на сухое Пашкино плечо. Пашка, не мигая, ласко-

во уставился на девушку. Тонкие ноздри его острого носа трепетно вздрагивали.

Настя была несколько тяжела в движениях. Зато Пашка с ходу начал выделять такого черта, что некоторые даже перестали танцевать — смотрели на него. Пашка выпендривался как только мог. Он то отпускал от себя Настю, то рывком приближал к себе — и кружился, кружился...

Настя весело спросила:

— Откуда ты такой?

— Из Москвы, — небрежно бросил Пашка.

— Все у вас там такие?

— Какие?

— Такие... воображалы.

— Ваша серость меня удивляет, — сказал Пашка, вонзая многозначительный ласковый взгляд в колодезную глубину темных глаз Насти.

Настя тихо засмеялась.

Пашка сказал:

— Вы мне нравитесь. Я такой идеал давно искал.

— Быстрый ты. — Настя в упор смотрела на Пашку.

— Я на полном серьезе!

— Ну и что?

— Я вас провожаю сегодня до хаты? Если у вас, конечно, нет какого-нибудь хахалы. Договорились? Мм?

Настя усмехнулась, качнула отрицательно головой. Фокстрот окончился.

Пашка проводил девушку до места, опять изящно поклонился и вышел покурить с парнями в фойе.

Парни косились на него.

— Что, братцы, носы повесили? — спросил Пашка.

— Тебе не кажется, что ты здесь развел слишком бурную деятельность? — спросил тот самый парень, с которым Пашка беседовал до танца.

— Нет, не кажется.

— А мне кажется.

— Перекрестись, если кажется.

Парень нехорошо прищурился.

— Выйдем на пару минут... потолкуем.

Пашка улыбнулся.

— Не могу.

— Почему?

— Накостыляете ни за что... А вообще-то, чего вы

на меня надулись? Я, кажется, никому на мозоль не наступал.

Парни не ожидали такого поворота. Им понравилась Пашкина прямота. Понемногу разговорились...

Пока разговаривали, заиграли танго, и Настю пригласил другой парень. Пашка с остервенением растоптал окурки... И тут ему рассказали, что у Насти есть жених, инженер из Москвы, и что у них дело идет к свадьбе. Пашка внимательно следил за Настей и, казалось, не слушал, что ему говорят. Потом сдвинул фуражку на затылок и прищурился.

— Посмотрим, кто кого сфотографирует, — сказал он и поправил фуражку. — Я этих интеллигентов одной левой делаю.

Танго кончилось.

Пашка подошел к Насте.

— Вы мне не ответили на один вопрос.

— На какой вопрос?

— Я вас провожаю сегодня до хаты?

— Я одна пойду. Спасибо.

Пашка сел рядом с девушкой. Круглые глаза его стали серьезны. Длинные тонкие пальцы незаметно дрожали.

— Поговорим, как желтмены...

— Боже мой, — вздохнула Настя и, поднявшись, направилась в другой конец зала.

Пашка смотрел ей вслед... Слышал, как вокруг него посмеивались. Но не испытывал никакого стыда. Только стало горячо под ложечкой. Горячо и больно. Он встал и вышел из клуба.

На следующий день к вечеру Пашка нарядился лучше прежнего. Попросил у Прохорова вышитую рубашку, надел свои диагональные галифе, бостонский пиджак — и появился такой в сельской библиотеке (Настя работала библиотекарем).

— Здравствуйте! — солидно сказал он, входя в просторную избу, служившую и библиотекой и читальней.

Настя улыбнулась ему, как старому знакомому.

У стола сидел молодой человек интеллигентного вида, листал «Огонек».

Пашка начал спокойно рассматривать книги, на Настю — ноль внимания. Он сообразил, что парень с «Огоньком» и есть тот самый инженер, жених.

— Хочешь почитать что-нибудь? — спросила Настя, несколько удивленная поведением Пашки.

— Да, надо, знаете...

— Что хотите? — Настя тоже невольно перешла на «вы».

— «Капитал» Карл Маркса. Я там одну главу не дочитал.

Парень оторвался от «Огонька», взглянул на Пашку.

Настя едва не прыснула, но, увидев строгие Пашкины глаза, сдержалась.

— Ваша фамилия?

— Колокольников Павел Егорыч. Год рождения 1937, водитель-механик второго класса. Холост.

Пока Настя записывала все это, Пашка незаметно искоса разглядывал ее. Потом посмотрел на парня... Тот наблюдал за ним. Встретились взглядами. Пашка подмигнул.

— Кроссвордиками занимаемся?

— Да...

— Между прочим, Гена, он тоже из Москвы, — объявила Настя.

— Ну, — Гена искренне обрадовался. — Вы давно отсюда? Расскажите, что там нового.

Пашка излишне долго расписывался в абонементе, потом критически рассматривал том «Капитала», молчал.

— Спасибо, — наконец сказал он Насте. Потом подошел к парню, протянул руку. — Павел Егорыч Колокольников.

— Гена. Очень рад. Как Москва-то?

— Москва-то? — переспросил Пашка, придвигая к себе несколько журналов. — Шумит Москва, шумит... — И сразу, не давая инженеру опомниться, затараторил. — Люблю смешные журналы. Особенно про алкоголиков. Так разрисуют подчас...

— Да, смешно бывает. А вы давно из Москвы?

— Из Москвы-то? — Пашка перевернул страничку журнала. — Я там не бывал сроду. Девушка меня с кем-то спутала.

— Вы же мне вчера в клубе сами говорили! — изумилась Настя.

Пашка глянул на нее, улыбнулся.

— Что-то не помню.

Настя посмотрела на Гену, Гена — на Пашку.

Пашка разглядывал картинки.

— Странно, — сказала Настя. — Значит, мне приснилось.

— Бывает, — согласился Пашка, продолжая рассматривать журнал. — Вот, пожалуйста, — красавец, — сказал он, подавая журнал Гене. — Кошмар!

Гена взглянул на карикатуру, улыбнулся.

— Вы надолго к нам?

— Так точно. — Пашка посмотрел на Настю, та улыбнулась, глядя на него. Пашка отметил это. — Сыграем в шашки? — предложил он инженеру.

— В шашки? — удивился инженер. — Может, в шахматы?

— В шахматы скучно, — сказал Пашка (он не умел в шахматы). — Думать надо. А в шашечки — раз-два и пирамидон.

— Можно в шашки, — согласился Гена.

Настя вышла из-за перегородки и под села к ним.

— За фук берем? — спросил Пашка.

— Как это? — не понял Гена.

— А это когда игрок прозевает бить, берут штрафную шашку. — пояснила Настя.

— А-а... Можно брать. Берем.

Пашка быстренько расставил шашки. Взял две, спрятав в кулаки за спиной.

— В какой?

— В левой.

— Ваша не пляшет. — Белыми играл Пашка.

— Сделаем так, — начал он игру, устраиваясь удобнее на стуле; выражение его лица было довольное и хитрое. — Здесь курить, конечно, нельзя? — спросил он Настю.

— Нет, конечно.

— Нельзя так нельзя... — Пашка пошел второй шашкой. — Сделаем некоторый пирамидон, как говорят французы.

Инженер играл слабо, это было видно сразу. Настя стала ему подсказывать. Он возражал:

— погоди! Ну так же нельзя, слушай... зачем же подсказывать?

— Ты же неверно ходишь.

— Ну и что? Играю-то я.

— Учиться надо.

Пашка улыбнулся. Он ходил уверенно, быстро и с голком.

— Вон той, Гена, крайней,— снова не выдержала Настя.

— Нет, я не могу так! — закипятился Гена.— Я сам только что хотел этой, а теперь не пойду принципиально.

— А чего ты волнуешься? Вот чудак!

— Как же мне не волноваться?

— Волноваться вредно,— вмешался в спор Пашка и подмигнул Насте. Та покраснела и засмеялась.

— Ну и проиграешь сейчас. Принципиально.

— Нет, зачем? — снисходительно сказал Пашка.— Тут еще полно шансов меня сфотографировать... Между прочим, у меня дамка. Прошу ходить.

— Теперь проиграл,— с досадой сказала Настя.

— Занимайся своим делом! — обиделся Гена по-настоящему.— Нельзя же так в самом деле. Отойди!

— А еще инженер.— Настя встала.

— Это уже... не остроумно. При чем тут инженер?

— Боюсь ему понравиться-а... — запела Настя и ушла в глубь библиотеки.

— Женский пол,— снисходительно заметил Пашка.

Инженер смешал шашки, сказал чуть охрипшим голосом:

— Я проиграл.

— Выйдем покурим? — предложил Пашка.

— Пойдем.

На крыльце, закуривая, инженер пожаловался:

— Не понимаю, что за натура? Во все обязательно вмешается.

— Ничего, — сказал Пашка. — Пройдет... Давно здесь?

— Что?

— Давно здесь живешь?

— Живу-то? Второй месяц.

— Жениться хочешь?

Инженер с удивлением глянул на Пашку. Пашкин взгляд был прям и серьезен.

— На ней? Да. А что?

— Правильно. Хорошая девушка. Она любит тебя?

Инженер вконец растерялся.

— Любит?.. По-моему, да.

Пашка курил и сосредоточенно рассматривал сигарету. Инженер хмыкнул и спросил:

— Ты «Капитал» действительно читаешь?

— Нет, конечно.— Тут Пашка увидел на улице автобус — «Моды в село».— Пойдем посмотрим,— предложил он.

— А что там? — спросил Гена.

— Костюмы показывают.

— «Дом моделей?» — с удивлением прочитал Гена.

— Сходим вечером, посмотрим? — Пашка повернулся к Гене.— Музыка играет...

— Здравствуйте, дорогие друзья! — сказала приветливая женщина.— Мы показываем вам моды осенне-зимнего сезона. Обратите внимание на удобство, простоту и красоту наших моделей. Мы показываем вам не только выходную одежду, но и рабочую... Машенька, пожалуйста!

Музыканты, стоявшие в глубине клубной сцены, заиграли что-то очень трогательное. На сцену вышла миленькая девушка в платьице с передничком и стала плавно ходить туда-сюда.

— Это — Маша-птичница! — пояснила приветливая женщина.— Маша не только птичница, она учится заочно в сельскохозяйственном техникуме.

Маша-птичница улыбнулась в зал.

— На переднике, с правой стороны, предусмотрен карман, куда Маша кладет книжку.

Маша вынула из кармана книжку и показала, как это удобно.

— Читать ее Маша может тогда, когда кормит своих маленьких пушистых друзей. Маленькие пушистые друзья очень любят Машу и, едва завидев ее в этом простом красивом платьице, толпой бегут к ней навстречу. Им нисколько не мешает, что Маша читает книжку, когда они клюют свои зернышки.

Настя, Гена и Пашка сидят в зале. Пашку меньше всего интересует Маша-птичница и ее маленькие пушистые друзья. Его интересует Настя. Он осторожно взял ее за руку. Настя силой отняла руку, чуть наклонилась к Пашке и негромко сказала:

— Если ты будешь распускать руки, я опозорю тебя на весь клуб.

Пашка отодвинулся от нее.

— А вот костюм для полевых работ! — возвестила стареющая женщина.

На сцену, под музыку (музыка уже другая — быстрая, игровая), вышла другая девушка — в брюках, в

сапожках и в курточке. Вся она сильно смахивает на девицу с улицы Горького.

— Это — Наташа, — стала пояснять женщина. — Наташа — ударник коммунистического труда, член полеводческой бригады. Я говорю условно, товарищи, вы меня, конечно, понимаете. — Женщина обаятельно улыбнулась. — Здесь традиционную фуфайку заменяет удобная современная куртка, — продолжает она рассказывать. — Подул холодный осенний ветер...

Наташа увлеклась ходьбой под музыку — не среагировала на последние слова.

— Наташа! — Женщина строго и вместе с тем ласково посмотрела на девушку. — Подул ветер!

Наташа подняла воротник.

— Подул холодный осенний ветер — у куртки имеется глухой воротник.

Музыканты играют, притопывают ногами. Особенно старается ударник.

— Наташа передовая не только в труде, но и в быту. Поэтому все на ней опрятно и красиво.

Наташа улыбнулась в зал, как будто несколько извиняясь за то, что она такая передовая в быту.

— Спасибо, Наташенька.

Наташа ушла со сцены и стала переодеваться в очередное, вечернее платье. А женщина стала рассказывать, как надо красиво одеваться, чтобы не было крикливо и в то же время модно. Упрекнула «некоторых молодых людей», которые любят одеваться крикливо (ей очень нравилось это слово — «крикливо»).

...Пашка склонился к Насте и сказал:

— Я уже вторые сутки страдаю — так? — а вы мне — ни бэ, ни мэ, ни кукареку.

Настя повернулась к Гене.

— Ген, дай я на твое место сяду.

Пашка засуетился громко.

— Загораживают, да? — спросил он Настю и постучал пальцем по голове впереди сидящего товарища. — Эй, товарищ! Убери свою голову.

Товарищ «убрал» голову.

Настя осталась сидеть на месте.

— ...Вот — вечернее строгое платье простых линий. Оно дополнено шарфом на белой подкладке. Как видите, красиво, просто и ничего лишнего. Каждой девушке приятно будет пойти в таком платье в театр, на

банкет, на танцы... В этом сезоне очень модно сочетать цветы черного с белым.

Пашка потянул к себе кофту, которая была у Настя на руке, как бы желая проверить, в каком отношении здесь цвета черный и белый...

— Гена, сядь на мое место, — попросила Настя.

Гена с готовностью сел на место Настя.

Пашка заскучал.

А на сцене в это время демонстрировался «костюм для пляжа из трех деталей».

— Платье-халат. Спереди на кнопках.

Кто-то из зрителей громко хохотнул. На него зашикали.

— Очень удобно, не правда ли? — спросила женщина.

...Пашка встал и пошел из клуба.

Опять сорвалось.

Дома он, не раздеваясь, прилег на кровать.

— Ты чего такой грустный? — спросил Прохоров.

— Да так... — отозвался Пашка. Полежал несколько минут и вдруг спросил: — Интересно, сейчас женщин воруют или нет?

— Как это? — не понял Прохоров.

— Ну как раньше... Раньше ведь воровали.

— А-а... Черт его знает. А зачем их воровать-то? Они и так, по-моему, рады, без воровства.

— Это конечно. Я так просто, — согласился Пашка. Еще немного помолчал. — И статьи, конечно, за это никакой нет?

— Наверно. Я не знаю.

Пашка поднялся с кровати, заходил по комнате. О чем-то сосредоточенно думал.

А в это время в ночной библиотеке ссорились Настя с Геней.

— Генка, это же так все смешно, — пыталась урезонить Настя жениха.

— А мне не смешно, — упорствовал тот. — Мне больно. За тебя больно...

— Неужели ты серьезно думаешь, что...

— Думаю! Потому что — вижу! Если ты можешь с первым встречным...

— Перестань! — оборвала его Настя.

— А почему «перестань»? Если ты можешь...

— Перестань!! — опять властно сказала Настя.

Стоит Пашка у окна, о чем-то крепко думает. И вдруг сорвался с места и пошел вон из комнаты, пропел свое любимое:

И за борт ее бросает
В набежа-авшую волну...

Хлопнула дверь.
Гена тоже сорвался с места и без слов пошел вон из библиотеки.

Хлопнула дверь.
Настя осталась одна.
Горько ей.

Была сырая темная ночь. Недавно прошел хороший дождь, отовсюду капало. Лаяли собаки. Тарахтел движок.

Во дворе РТС его окликнули.

— Свой,— сказал Пашка.

— Кто свой?

— Колокольников.

— Командировочный, что ль?

— Да.

В круг света вышел дедун — сторож в тулупе, с берданкой.

— Ехать, что ль?

— Ехать.

— Закурить имеется?

— Есть.

Закурили.

— Дождь, однако, нишю будет.— сказал дед и зевнул.— Спать клонит в дождь.

— А ты спи.— посоветовал Пашка.

— Нельзя. Я тут давеча соснул было, да, знаешь...

Пашка прервал словоохотливого старика:

— Ладно, батя, я горюплюсь.

— Давай, давай.— Старик опять зевнул.

Пашка завел машину и выехал со двора.

На улицах в деревне никого не было. Даже парочки куда-то попрятались. Пашка ехал на малой скорости. У Настинго дома остановился. Вылез из кабины. Мотор не заглушил.

— Так,— негромко сказал он и потер ладонью грудь: волновался.

Света в доме не было. Присмотревшись во тьме, Пашка увидел сквозь голые деревья слабо мерцающие

темные окна горницы. Там, за этими окнами,— Настя. Сердце Пашки громко колотилось.

Он кашлянул, осторожно потряс забор — во дворе молчание. Тишина. Каплет с крыши.

Пашка тихонько перелез через низенький забор и пошел к окнам. Слышал только приглушенное ворчание своей верной машины, свои шаги и громкую капель.

Около самых окон под его ногой громко треснул сучок. Пашка замер. Тишина. Каплет. Пашка сделал последние два шага и стал в простенке. перевел дух.

Он вынул фонарик. Желтое пятно света поползло по стенам горницы, вырывая из тьмы отдельные предметы: печку-голландку, дверь, кровать... Пятно дрогнуло и замерло. На кровати кто-то зашевелился, поднял голову — Настя. Не испугалась. Легко вскочила и подошла к окну. Пашка выключил фонарик.

Настя откинула крючки и раскрыла раму.

Из горницы пахло застойным сонным теплом.

— Ты что? — спросила она негромко.

«Неужели узнала?» — подумал Пашка. Он хотел, чтобы его принимали пока за другого. Он молчал.

Настя отошла от окна... Пашка снова включил фонарик. Настя направилась к двери, прикрыла ее плотнее и вернулась к окну. Пашка выключил фонарь.

Настя склонилась над подоконником... Он отстранил ее и полез в горницу.

— Додумался? — сказала Настя слегка потеплевшим голосом.— Ноги-то хоть вытри, Геннадий Николаевич.

Пашка продолжал молчать. Сразу обнял ее, теплую, мягкую... Так сдавил, что у ней лопнула на рубашке тесемка.

— Ох,— глубоко вздохнула Настя.— Что же ты делаешь? Шальной...

Пашка начал ее целовать... Настя вдруг вырвалась из его объятий, отскочила, судорожно зашарила рукой по стене, отыскивая выключатель.

«Все. Конец». Пашка приготовился к худшему: сейчас она закричит, прибежит ее отец и будет его «фотографировать». На всякий случай отошел к окну. Вспыхнул свет... Настя настолько была поражена, что поначалу не сообразила, что стоит перед посторонним человеком в нижнем белье.

Пашка ласково улыбнулся ей.

— Испугалась?

Настя схватила со стула юбку, надела ее, подошла к Пашке...

— Здравствуйте, Павел Егорыч.

Пашка «культурно» поклонился... И тотчас ощутил на левой щеке сухую звонкую пощечину. Он ласково посмотрел на Настю.

— Ну зачем же так, Настя?

А Гена ходит, мучается по комнате.

«Неужели все это серьезно?» — думает он.

Постоял у окна, подошел к столу, постоял... Взял журнал, прилег на диван.

И тут вошел Пашка.

— Переживаешь? — спросил он.

Гена вскочил с дивана.

— Я не понимаю, слушай... — начал он строго.

— Поймешь, — прервал его Пашка. — Любишь Настю?

— Что тебе нужно?! — взорвался Гена.

— Любишь, — продолжал Пашка. — Иди — она в машине сидит.

— Где сидит?

— В машине! На улице.

Гена взял фонарик и пошел на улицу.

— А ко мне зря приревновал, — грустно вслед ему сказал Пашка. — Мне с хорошими бабами не везет.

Настя сидела в кабине Пашкиной машины.

Гена постоял рядом, помолчал... Сел тоже в кабину. Молчат. Чем нелепее ссора, тем труднее бывает примириться — так повелось у влюбленных.

А Пашка пошел на Катунь — пожаловаться родной реке, что не везет ему с идеалом, никак не везет.

Шумит, кипит в камнях река... Слушает Пашку, понимает и несется дальше, и уносит Пашкину тоску далеко-далеко. Жить все равно надо, даже если очень обидно.

Утро ударило звонкое, синее. Земля умылась ночным дождиком, дышала всей грудью.

Едет Пашка. Устал за ночь.

У одной небольшой деревни подсадил хорошенькую круглолицую молодую женщину.

Некоторое время ехали молча.

Женщина поглядывала по сторонам.

Пашка глянул на нее пару раз и спросил:

— По-французски не говорите?

— Нет, а что?

— Так, поболтали бы... — Пашка закурил.

— А вы что, говорите по-французски?

— Манжерокинг!

— Что это?

— Значит, говорю.

Женщина смотрела на него широко открытыми глазами.

— Как будет по-французски женщина?

Пашка снисходительно усмехнулся.

— Это — смотря какая женщина. Есть — женщина, а есть — элементарная баба.

Женщина засмеялась.

— Не знаете вы французский.

— Я?

— Да, вы.

— Вы думаете, что вы говорите?

Бежит машина. Блестит Катунь под нежарким осенним солнышком.

— ...А почему, как вы думаете? — продолжается разговор в кабине.

— Скучно у нас, — отвечает Пашка.

— Ну, а кто виноват, как вы думаете?

— Где?

— Что скучно-то. Кто виноват?

— Начальство, конечно.

Женщина заметно заволновалась.

— Да при чем же здесь начальство-то? Ведь мы сами иногда не умеем сделать свою жизнь интересной. Причем, с мелочей начиная. Я уж не говорю о большем. Вы зайдите в квартиру к молодой женщине, посмотрите! ... Боже, чего там только нет! Думочки разные, подушечки, слоники дурацкие...

Пашкиному взору представилась эта картина: думочки, сумочки, вышивки, слоники... Катя Лизунова вспомнилась (знакомая его).

— ...Кошечки, кисочки, — продолжает женщина. — Это же пошлость, элементарная пошлость. Неужели это трудно понять? Ведь это же в наших руках — сделать жизнь интересной.

— Нет, если, допустим, хорошо вышито, то... почему? Бывает, вышивать не умеют, это действительно, — вставил Пашка.

— Да, все равно, все равно!.. — загорячилась женщина. — Поймите вы это, ради бога! Неужели трудно поставить какую-нибудь тахту вместо купеческой кровати, повесить на стенку три-четыре хорошие репродукции, на стол — какую-нибудь современную вазу...

Пашке опять представилась комната знакомой ему Катьки Лизуновой. Волшебством кинематографа высокая Катькина кровать сменяется низкой тахтой, срываются со стен вышивки и заменяются репродукциями картин больших мастеров, исчезают словники...

— Поставить книжный шкаф, на стол бросить несколько журналов, торшер поставить, — продолжает женщина.

...А в комнате Катьки Лизуновой (по команде женщины, под ее голос) продолжают происходить чудесные преобразования...

И вот — кончилось преобразование. (Смолк голос женщины.)

И сидит в комнате не то Катька, не то совсем другая женщина, скорей всего француженка какая-то, но похожая на Катьку. Читает.

И входит в комнату сам Пашка — в цилиндре, в черном фраке, с сигарой и с тросточкой. Раскланялся с Катькой, снял цилиндр, уселся в кресло. И начали они с Катькой шпарить по-французски. Да так это у них все ловко получается! Пашка ей с улыбкой слово, она ему — два, он ей слово, она ему — два. Да все с прононсом, все в нос.

— Неужели все это трудно сделать? — спрашивает женщина Пашку. — Ведь я уверена, что денег для такой обстановки потребуется не больше.

Пашка с интересом посмотрел на женщину. Она ему явно нравится.

— Можно, наверно.

— Можно!.. Все можно. Сами виноваты. Это же в наших возможностях.

А над русской землей встает огромное солнце. Парит пашня. Дымят далекие костры. Стелется туман.

Едут Пашка с женщиной.

Пашка заметил, что женщина что-то уж очень нетерпеливо стала поглядывать вперед. Спросила:

— А долго нам еще ехать?

— Еще километров тридцать с гаком. Да как — километров десять. Сколько?

Женщина затосковала.

Пашка понял: приспичило. Выбрал место, где тракт ближе всего подходит к Катунни, остановил машину.

— Ну-ка, милая, возьми ведро да сходи за водой. А я пока мотор посмотрю.

— С удовольствием! — воскликнула женщина, взяла ведро и побежала через кустарник вниз, к реке. Пашка внимательно посмотрел ей вслед.

Муж действительно ждал жену на тракте. Длинный, опрятный, с узким остроносым лицом. Очень обрадовался. Растерялся: не знал — то ли целовать жену, то ли снимать чемоданы с кузова. Запрыгнул в кузов.

Женщина полезла в сумочку за деньгами.

— Сколько вам?

— Нисколько. Иди к мужу-то... поцелуйтесь хоть — я отвернусь. — Пашка улыбнулся.

Женщина засмеялась.

— Нет, правда, сколько?

— Да нисколько! — заорал Пашка. — Кошмар с этими... культурными. Другая давно бы уж поняла. Женщина пошла к мужу.

Тот стал ей подавать чемоданы. Негромко стал выговаривать:

— Почему все-таки одна приехала? Я же писал: не садись одна с шофером. Писал?

— А что тут особенного? — тоже негромко возразила женщина. — Он хороший парень.

— Откуда ты знаешь, хороший он или плохой? Что у него на лбу написано? Хороший... Ты еще не знаешь их. Они тут не посмотрят...

Пашка слышал этот разговор. Злая, мстительная сила вытолкнула его из кабины.

— Ну-ка плати за то, что я вез твою жену. Быстро!

— А она что, не заплатила? Ты разве не заплатила? — Муж растерялся: глаза у Пашки были, как у расшвыренпешей кошки.

— Он не взял... — женщина тоже растерялась.

Пашка не смотрел на нее.

— Плати! — рявкнул он.

Муж поспешно сунулся в карман... Но тут же спохватился.

— А вы что кричите-то? Заплачу, конечно. Что вы кричите-то? Сколько?

— Два рубля.

— Что-о? Тут же только пятьдесят копеек берут!

— Два рубля!!

— Олег! — сказала женщина. — Немедленно заплати ему... заплати ему *два* рубля.

— Пожалуйста. — Муж отдал Пашке два рубля.

Машина рванула с места и поехала дальше.

Пашка догнал Кондрата (напарника своего).

Кондрат сидел со стариком хозяином, у которого он остановился. Старики толковали про жизнь. Хозяин рассказывал:

— Да... вот так, значит. Вырастил я их, лоботрясов, шесть человек, а сейчас один остался, как гвоздь в старой плахе. Разъехались, значит, по городам. Ничего, вроде, живут справно, а меня обида берет: для кого же я весь век горбатился, для кого дом этот строил?

— Такая уж теперь жизнь пошла — ничего не делаешь.

— Жись эта меня не касается!

— Она всех касается, кум.

— Кхх!.. Мне вот надо бы крышку сейчас новую, а не могу — сил не хватает. А эта, лонись, приехал младший: поедет, говорит, тять, со мной. Продай, говорит, дом и поедет. Эх ты, говорю, сопля ты такая! Я сейчас кто? Хозяин. А без дома кто? Пес бездомный.

— Ты зря так... Зря.

— Нет, не зря.

— Зря.

— Ты, значит, никогда не крестьянствовал, если так рассуждаешь.

— Я до тридцати пяти годов крестьянствовал, если хочешь знать. А опора сейчас — не дом.

— А кто же? Тилифизоры ваши? Финтифлюшки разные?

Тут вошел Пашка.

— Здорово, старички!

Кондрат нахмурился.

— Подольше не мог?

— Все в порядке, дядя Кондрат.

Кондрат хочет изобразить из себя — перед хозяином — наставника строгого, как бы отца.

— Шалапутничать начинаешь, Павел. Сма-а-три! Я на сколько тебя отпускал?

Пашка для приличия виновато наморщился.

Пауза.

— Чего делал-то там? — мягче спросил Кондрат.

— Лес возили. — Пашка пошел переодеваться в другую комнату.

— Посиди с нами, — пригласил хозяин. — Мы тут как раз про вас, кобелей, разговариваем.

— Некогда, братцы, — отказался Пашка. — В гости иду.

— Далеко ли? — поинтересовался Кондрат.

— К Лизуновым.

— Это кто такие?

— Тэ-э... знакомая одна...

— Расплодил ты этих знакомых!.. — строго заметил Кондрат. — Переломают где-нибудь ноги-то.

— Искобелились все, — согласно проворчал хозяин. — А вот был бы при хозяйстве-то, небось, не побежал бы сейчас к Катьке-разведенке, а копался бы дома.

— Свобода личности, чего вы хотите! — возразил Пашка.

— Избаловала вас Советская власть, избаловала. Я бы вам показал личность! Встал бы у меня в пять часов и работал бы, сукин сын, допоздна, пока солнце не сядет. Вот тогда не до Катьки было бы.

Тут вошла хозяйка. Закудахтала...

— Кум! Здравствуй, кум!

— Марфынька, — заныл старик хозяин. — Однако ж где-то было ведь у нас... кхэ...

— Чего было? Чего закрихтел?..

— Было же где-то... Нам бы с кумом — по махонькой.

— Э-эх... Ладно, для кума...

— Давай, давай...

Лизуновы ужинали.

— Приятного аппетита! — сказал Пашка.

— Садитесь с нами, — пригласил хозяин.

— Спасибо. — Пашка присел на припечке. — Только что из-за стола.

Катя поспешно дохлебала, встала.

Прошли в горницу.

— Ты что?

Пашка смотрел на Катерину. Стоит — молодая еще, а уже намучилась, накричалась на своем веку, устала.

— Так... зашел попроведать.

Пашка натянуто улыбнулся, стало жалко Катю.

— Опять в командировку, что ль? — Катерина угадала.

— Ага.

— Надолго?

— Да нет.

— Ну, садись.

Пашка присел на крашенный табурет.

— Как живешь-то? — спросил он.

— Ничего. Какая моя жизнь? Кукую. — Катерина тоже присела на высокую свою кровать, невесело задумалась.

— Не сошлась с мужем-то?

— Не сошлась.

— Что он сейчас делает-то?

— Пьет. Что ему еще делать?

— Мдэ... На танцы пойдем вечером?

Катю удивленно посмотрела на Пашку, усмехнулась.

— Легко вам, ребятам: тридцать лет — вы все еще по танцулкам бегаете. Даже завидки берут.

— А тебе кто запрещает?

— Куда же я на танцы попрусь? Ты что? Совесть-то есть у меня?

— Серость, — сказал Пашка.

— Серость или нет, а мои танцы кончились, Паша.

— Ну, тогда я в гости приду попозже. Мм?

— Зачем?

— В гости!

— Как же ты придешь? Что я, одна, что ль?

— А чего они тебе? Ты на них — ноль внимания.

— Ноль внимания...

— Ну, выйди тогда. В садик. Попозже. Мм?

— А для чего?

Пашка ответил не сразу. Действительно — для чего?

— А я откуда знаю? Так просто. Тоскливо ж тебе одной-то. И мне тоскливо.

— Тоскливо, верно.

— Ну и вот!

— Думаешь, нам веселее будет? Вдвоем?

— Не знаю. Не ручаюсь.

— Нет, не будет нам веселее. Так это... самообман. Не будет веселее.

— Ну, ты сильно-то не унывай.

— Я и не унываю.

— Взяла бы да снова замуж вышла, раз такое дело.

Катерина усмехнулась.

— Бери. Пойду.

— Вот и выходи. Сегодня потолкуем. — Пашка сам не ждал, что так брякнет.

— Перестань ты, болтало! — рассердилась Катерина. — Зачем пришел-то?

— Некультурная ты, Катерина. Темнота.

— Ох, батюшки!.. Давно культурным-то таким стал?

— Что это, например, такое? — Пашка подошел к слоникам, взял пару самых маленьких. — Для чего, спрашивается? Для счастья? Или олень вот этот... — Пашка презрительно прищурился на оленя. (Олень, кстати, ему нравился.) — Это же... пошлость! В горнице, как в магазине. Мой тебе совет: выкинь все это, пока не поздно.

Катерина удивленно слушала Пашку. А Пашку неудержимо повело.

— Вы сами, Катю, виноваты во всем: обвиняете ребят, что они за городскими начинают приударять, а вас забывают. А нет, чтобы подумать: а почему так? А потому, что городские интереснее вас. С ней же поговорить и то тянет. Наша деревенская — она, может, в десять раз красивше ее, а как нарядится в какой-нибудь малахай — черт не черт и дьявол не такой. Нет, чтобы подтянуть все на себе да пройтись по улице весело, станцевать, спеть... Нет, вы лучше будете семечки проклятые лузгать да сплетничать друг про дружку. Ммх, эти сплетни... — Пашка, стиснув зубы, крутнул головой. — Бросать это надо к чертовой матери — эти сплетни. Ты делай вид, что ничего не знаешь. Не твое дело, и все. А то ведь пойдешь с иной, и вот она начинает тебе про своих же подружек: ля-ля-ля... Все плохие, она одна хорошая. Бросать надо эту моду.

— Ты что, с цепи сорвался? — спросила Катерина.

— Ну вот, пожалуйста, сразу по лбу: «С цепи сорвался?» А ты бы сейчас спросила меня с улыбкой: «В чем дело, Павлик?»

— Пошел к дьяволу!.. Приперся нотации тут читать. Мне без них тошно.

— А ты перебори себя. Тебе тошно, а ты улыбайся. Вот тогда будешь интересная женщина. Ходи, вроде тебя ни одна собака сроду не кусала: голову кверху, греть вперед. И улыбайся. Но громко не хохочи — это дурость. А когда ты идешь вся разнесчастная, то тебя только жалко, и все. Никакой охоты нету к тебе подходить.

— Ну и не подходи. Я и не прошу никого, чтобы ко мне подходили, пошли вы все к чертям, кобели проклятые. Ты зачем приперся? Тебе чего от меня надо? Думаешь, не знаю? Знаю! А туда же — некультурная. Так иди к своим культурным. Или не шибко они тебя принимают, культурные-то?

— Никакого сдвига в человеке! — горько воскликнул Пашка. — Как была Катя Лизунова, так и осталась. Я ж тебе на полном серьезе все говорю. Ничего мне от тебя не надо!

— Я тебе тоже на полном серьезе: пошел к черту! Культурный нашелся. Уж чья бы корова мычала, а твоя бы молчала. Культурный — по чужим бабам шастать. Наверно, уж весь Чуйский тракт охватил?

— Я от тоски, — возразил Пашка. — Я нигде не могу идеал найти.

— Вот когда найдешь, тогда и читай ей свои нотации. По воскресеньям. А мне они не нужны. Ясно? Выметайся отсюда, культурный! Чего ты с некультурными разговариваешь?

— Знаешь, как я вас всех называю? — сказал Пашка. — «Дайте мужа Анне Заккео». Мне вас всех жалко, дурочка.

— От дурачка слышу. Уходи, а то огрею чем-нибудь по заправку-то, — враз жалеть перестанешь.

— Эхх, — вздохнул Пашка. И вышел.

Над деревней, в глухом теплом воздухе, висел неуютливый вечерний гомон: мычали коровы, скрипели колодцы, переговаривались через ограды люди. Где-то стыдливо всхлипнула гармонь и смолкла.

Пашка шел к дому, где они остановились с Кондратом на постой.

Хозяин и Кондрат спали уже — «нафилософствовались» давеча.

Хозяйка ворожила на картах. И ее тоже беспокоила судьба сынов, которые разъехались по белому свету.

— Что там слышно — вы вот в разных местах бываете — война-то будет или нет? — спросила она.

— Не будет, — уверенно сказал Пашка. — Не дадут.

— Господи, хоть бы не было. В народе тоже не слышно. А то ведь перед войной-то всякие явления бывают...

— Какие явления? — любопытствовал Пашка, попивая молоко.

— Вот перед той-то войной — явление было.

— Какое?

— А вот едет шофер сверху откуда-то, с гор, и подъезжает к одному месту... А место это — как выезжать в Долину Свободы...

— Знаю, — сказал Пашка.

— Вот. Выезжает из лесочка-то, глядь: впереди баба стоит. Голая. Подняла руку. Шофер маленько оробел. Остановливается. Подходит она к нему и говорит: «На, говорит, тебе двадцать рублей...»

— По новым деньгам, что ли? — встрял Пашка.

— По каким по новым. Дело-то до войны было, как раз перед войной.

— Так.

— «...На, говорит, тебе двадцать рублей и купи мне на платье белой материи. Когда, говорит, поедешь назад, я тебя здесь встрену. Только смотри, говорит, купи — вишь, я голая вся». Ну, шофер что, взял. «Ладно, говорит, куплю». — «Только смотри — не забудь», — она-то ему еще раз. И ушла. В лес. Едет шофер. Приехал на свою базу какую-то...

— На автобазу.

— Ну. И расскажи этот случай товарищам своим. Те его — на смех. «Пойдем, говорят, пропьем лучше эти деньги». Тот шофер-то махнул рукой, пошел и пропил эти деньги. Да. А когда назад-то ехать стал — струсил: «Боюсь, говорит, хоть убейте». Пошел к жене, рассказал ей все. Та — ругать его. Ну, поругала, поругала, а деньги дала. Да. Купил шофер белую материю, опять заехал на свою базу. Ну, двое поехали с ним — чтобы убедиться: есть такая баба или нет. Едут.

Не доезжая до того места с версту, эти два шофера поснули убойным сном. Спят, и все. Уж тот шофер, который материю-то вез, толкал, толкал их, бил даже — ничего не помогает, спят. Делать нечего — надо ехать. Поехал. Доезжает до того места — баба ждет его. «Купил?» — спрашивает. «Купил». — «Спасибо». Взяла материю. А потом поглядела на шофера и спрашивает: «Ты зачем же мои деньги-то пропил?» Тот молчит. Она так тихонько засмеялась и говорит: «Ну, ладно, они ведь деньги-то не мои, а ваши. А вот этих зачем с собой взял? — показывает на двух сонных. — Испугался?» Опять засмеялась и ушла в лес. Отъехал шофер с полверсты, те двое проснулись...

Пашка крепко спит.

— Спит, — сказала старуха. — Рассказывай им.

...Едет Пашка по тракту. Подъезжает он к тому месту, где тракт выходит из гор в Долину Свободы, глядь: впереди стоит какая-то женщина. Руку подняла. А сама вся — в белом, в какой-то простыне. Остановился он. Подходит женщина — а это Настя Платонова.

— Здравствуй, Павлик.

Пашка очень удивился.

— Ты чего тут?

А она ему так грустно-грустно:

— Да вот тебя жду.

— Что, опять с инженером поругались?

— Нет, Павлик. На вот тебе двадцать рублей, купи мне белой материи на платье — вишь, я какая. —

А сама смотрит, смотрит на Пашку.

— А зачем тебе белое-то? Ты что, замуж вы...

— Павел! А, Павел! — будит старуха Пашку. —

Павел!..

Пашка проснулся.

— Я что, заснул, что ли?

— Заснул.

— Ох ты... фу! А чем кончилась история-то?

— А-а, интересно?

— Привез он ей материи-то?

— Привез. Привез, отдал ей, а она спрашивает:

«Зачем же ты, говорит, мои деньги-то пропил?..»

— Так откуда она узнала, что он деньги-то пропил?

— Так разве ж это простая баба была! — изумилась старуха. — Это же смерть по земле ходила —

саван себе искала. Вот вскоре после этого и война началась. Она, она, матушка, ходила...

Пашка откровенно зевнул.

— Ну-ка, ложись спать, — спохватилась старуха. —

Вам завтра вставать рано.

Пашка лег и сразу уснул.

И опять звонкое синее утро.

Выехали с проселка на тракт две машины — Кондрат и Пашка.

Кондрат впереди.

Едут.

Кондрат задумчив.

Пашка не выспался, усиленно курит, чтобы прогнать дремоту.

Впереди, близ дороги, большой серый валун. На нем что-то написано.

Поравнявшись с камнем, Кондрат остановился. Пашка — тоже.

Вышли из кабин, прихватив каждый по бутылке пива из-под сидений.

Пошли к камню.

На камне написано: «Тут погиб Иван Перетягин. 4. 5. 62 г.»

Кондрат и Пашка сели на камень, раскрыли бутылки (вокруг камня много валяется бутылок из-под пива), отпили.

— Сколько ему лет было? — спросил Пашка.

— Ивану? Лет 35—38. Хороший был парень.

Пауза.

Еще отпили из бутылки.

Молчат. Долго молчат. Думают.

— Слышь, Павел, — сказал Кондрат, — помнишь, ты говорил насчет этой...

— Тетки Анисьи?

— Ну.

— Надумал?

— Черт ее знает... — Кондрат мучительно сморщился — Не знаю. Колебаюсь.

— А чего тут колебаться? Сейчас заедем к ней и потолкуем. Сколько бобылем-то жить!

— Надоело, вообще-то...

— А мне, думаешь, не надоело? Как только найду идеал, с ходу фотографируюсь. А у тетки Анисьи и домик хороший, и хозяйство. Я к вам заезжать буду,

в баню с тобой ходить будем, пузырек раздавим после баньки... Благодать!

Кондрат задумчиво, можно сказать, мечтательно улыбается. Но сдержанно.

— Ты хорошо ее знаешь?

— Два года к ней заезжаю.

— А вдруг она скажет: «Вы что!»

— Да она мне все уши прожужжала: «Найди, говорит, мне какого-нибудь пожилого одинокого, пускай, мол, здесь живет... Вдвоем-то легче».

— Да?

— Конечно! Чего тут колебаться-то? Она баба умная, хозяйственная... Ты там будешь сыт, пьян и нос в табаке.

— Ну, я же тоже не с голыми руками приду. Мы ж зарабатываем как-никак. Потом... на книжке у меня малость имеется... Так что...

— Вы будете как у Христа за пазухой жить!

— Черт ее...— Кондрат опять мечтательно улыбнулся.— Охота, действительно, так вот приехать, натопить баню, попариться как следует. Шибко уж надоело по этим квартирам.

— Что ты!— воскликнул Пашка, поддакивая.

— Разбередил мне вчера душу этот кум, язви его. В деревне-то ведь... это... хорошо! Встанешь чуть свет— еще петухи не орал, идешь на речку... Тихо. Спят все. А ты идешь и думаешь: «Спите, спите — проспите все царство небесное: красота ж вокруг!» А от речки туман подымается. Я рыбачить ужасно люблю. Купил бы лодку...

— Можно с мотором!

— Можно, ага.

— Я бы приехал к тебе в гости, мы бы заплыли с тобой на острова, порыбачили бы, постреляли, а вечером разложили бы костерчик, сварили бы уху, пузырек раздавили...

Кондрат улыбается.

— Ага, я тоже люблю на островах. Ночь, тихо, а ты лежишь, думаешь об чем-нибудь. Думать шибко люблю.

— А костер потрескивает себе, угольки отскакивают. Я тоже думать люблю.

— Речка шумит в камушках.

— Можно баб с собой взять!

— Нет, баб лучше не надо, они воды боятся, визжат,— возразил Кондрат.

— Вообще — правильно,— легко согласился Пашка.— И насчет пузырька — не дадут.

Тетка Анисья, женщина лет под пятьдесят, сухая, жилистая, с молодыми хитрыми глазами, беспокойная. Завидев из окна гостей, моментально подмахнула на стол белую камчатную скатерть, крутнулась по избе — одернула, поправила, подвинула... И села к столу как ни в чем не бывало. Сказала сама себе:

— Пашка-то... правда, однако, кого-то привез.

Пашка вошел солидный.

— Здорово ночевала, тетка Анисья! — сказал.

— Здравьете,— скромно буркнул Кондрат.

— Здравьете, здравьете,— приветливо откликнулась тетка Анисья, а сама ненароком зыркнула на Кондрата.— Давно чего-то не заезжал, Паша.

— Не случилось все... кхм! Вот познакомься, тетка Анисья. Это мой товарищ — Кондрат Степанович.

— Мгм.— Тетка Анисья кивнула головкой и собрала губы в комочек. (Очень приятно, мол.) А Кондрат осторожно кашлянул в ладонь.

— Вот, значит, приехали мы...— продолжал Пашка, но тетка Анисья и Кондрат, оба испуганно взглянули на него. Пашка понял, что слишком скоро погнался дело...— Заехали, значит, к тебе отдохнуть малость,— сполз Пашка с торжественного тона.

— Милости просим, милости просим,— застрекотала Анисья.— Может, чайку?

— Можно,— разрешил Пашка.

Анисья начала ставить самовар.

Пашка вопросительно поглядел на Кондрата. Тот страдальчески сморщился. Пашка не понял: отчего? Оттого ли, что не нравится «невеста», или оттого, что он неумело взялся за дело?

— Как живешь, тетка Анисья?

— Живем, Паша... ничего, вроде бы.

— Одной-то небось тяжело? — издали начал Пашка.

— Хе-хе,— неловко засмеялась Анисья.— Знамо дело. Кондрат опять сморщился.

Пашка недоуменно пожал плечами. Даже губами спросил: «Что?»

Кондрат безнадежно махнул рукой. Пашка рассердился — как ни начни, все не нравится.

— Самогон есть, тетка Анисья? — пошел он напрямик.

Кондрат удовлетворенно кивнул головой.

— Да вроде был где-то. Вы с машинами-то... ничего?

— Ничего. Мы по маленькой.

Анисья вышла в сенцы. И, как по команде, сразу торопливо заговорили Кондрат и Пашка.

— В чем дело, дядя Кондрат?

— Что ж ты сразу наобум Лазаря начинаешь? Ты... давай посидим, по...

— Да чего с ней сидеть-то?

— Тьфу!.. Ну кто же так делает, Павел? Ты... давай посидим...

— А вообще-то как она тебе? Ни...

Вошла Анисья.

— Вёдро-то какое стоит! Благодать господня. В огороде так и прет, так и прет все.— Анисья поставила на стол графин с самогоном.

— Прет, говоришь? — переспросил Пашка, трогая графин.

— Прет, прямо сердце радуется.

— Садись, дядя Кондрат.

— Садитесь, садитесь... Давайте к столу. У меня, правда, на стол-то шибко нечего выставить.

— Ничего-о,— сказал Кондрат.— Что мы сюда, пировать приехали?

— Счас огурчиков вам порежу, капустки...— хлопотала Анисья, сама все нет-нет да глянет на Кондрата.

— Значит, хорошо живешь, тетя Анисья? — опять спросил Пашка. — Здоровьишко как?

— Бог милует, Паша.

— Самое главное Так... Ну что, дядя Кондрат? Сфотографируем по стаканчику?

— По стаканчику — это много,— рассудил Кондрат.

Анисья поставила на стол огурцы, помидоры, нарезала ветчины. Присела с краешку сама.

— Тебе налить, тетка Анисья?

— Немного!.. С наперсток!

Пашка разлил по стаканам.

— Ну... радехоньки будем!

Выпили.

Некоторое время мужики смачно хрустели огурцами, рвали зубами розоватое сало. Молчали.

— Замуж-то собираешься выходить, тетка Анисья? — ляпнул Пашка.

Анисья даже слегка покраснела.

— Госноди-батюшки!.. Да ты что это, Павел? Ты с чего это взял-то?

Теперь Пашка очень удивился.

— Привет! Так ты же сама говорила мне!

Кондрат готов был сквозь землю провалиться.

— Ну и балаболка ты, Павел — сказал он с укоризной.— Ешь лучше.

— Желтмены! — воскликнул Пашка.— Я вас не понимаю! Мы же зачем приехали?

→ Тьфу! — Кондрат горько сморщился и растерянно поглядел на Анисью.

Анисье тоже было не по себе, но она женским хитрым умом своим нашлась, как вывернуться из того трудного положения, куда их загнал Пашка. Она глянула в окно и вдруг всплеснула руками.

— Матушки мои! Свины-то! Свины-то! В огороде! — И вылетела из избы.

— Все! — Кондрат встал и бросил на стол вилку.— Поехали! Не могу больше: со стыда лопну. Ты что же это со мной делаешь-то?

— Спокойно, дядя Кондрат! — невозмутимо сказал Пашка.— Я в этих делах опытный. Если мы разведем тут канитель, то будем три дня сидеть и ничего не добьемся. Надо с ходу делать нокаут. Понял?

— Да что же ты меня позоришь-то так на старости лет! Вить мне не тридцать, чтобы нокауты твои дурацкие делать.

— Ничего,— успокоил Пашка,— сперва неловко, потом пройдет. Спокойствие, только спокойствие. Нам нельзя ждать милости от природы. Садись. Давай еще по махонькой. Что тут позорного? Ты говоришь «позор». Мы же не ворует.

— По-другому как-то делают люди... Язви ее, прямо хоть со стула падай.

— Глянется она тебе?

— Да ничего, вроде...— Кондрат сел опять к столу.— Живая, вроде, бабенка.

— Все! — Пашка сделал жест рукой.— Наша будет!

— Но ты все-таки полегче, Павел, ну тя к шутам.

— А ты посмейвайся надо мной,— посоветовал Пашка.— Вроде бы я — дурачок. А с дурачка взятки гладки.

— Ну, а как она-то? Как думаешь? Может, возьмет потом да скажет: «Вы что?»

— О-о, мне эти фраера! — изумился Пашка.— Да ты видишь, она с тебя глаз не спускает.

— Ты хаханьки тут не разводи! — разозлился Кондрат.— Тебя дело спрашивают.

— А что ты спрашиваешь, я никак не пойму?

— Вот мы ей сейчас скажем, что... это... ну, мол, согласная? А она возьмет да скажет: «Вы что». Она же сказала тебе, что, мол, ты что, Павел, когда это я замуж собиралась?

— О-о,— застонал Пашка,— о, наивняк! Ты же совсем не знаешь женщин! Женщины — это сплошной кошмар. Давай, быстро хлопнули, потом, пока она выгоняет свиней, я тебе прочитаю лекцию про женщин.

— Хватит «хлопать», а то нахлопаешься.

— Начнем со свиней,— заговорил Пашка, встал из-за стола и стал прохаживаться по избе — ему так легче было подыскивать нужные слова.— Вот она сейчас побежала выгонять свиней. Так?

— Ну.

— Вопрос: каких свиней?

— Не выпендривайся, Пашка.

— Нет, нет, каких свиней?

— Ну... обыкновенных... белых. Грязные они бывают... Пошел ты к черту! Дурака ломает тут...

— Стопинг! Мы пришли к главному: она побежала выгонять свиней, а... что?

— Что?

— Вопрос: она побежала...

— Тьфу! Трепач! Пирамидон проклятый.

— Внимание! Женщина побежала выгонять свиней из огорода, а никаких свиней нету! — Пашка торжественно поднял руку.— Что и требовалось доказать. Она притворилась, что в огороде свиньи. Значит, она притворилась, когда сказала: «Что ты, Паша, я не собираюсь

замуж». Потому что она мне самому говорила: «Найди, мол, кого-нибудь пожилого». А когда я, как желтмен, привез ей пожилого, она начинает ломаться, потому что она — женщина, хоть и старая. Женщина — это стартер: когда-нибудь да подведет.

— Ни хрена ты сам не знаешь — трепешься только.

— Я? Не знаю?

— Не знаешь.

— Я женский вопрос специально изучал, если хочешь знать. Когда в армии возил генерала, я спер у него из библиотеки книгу: «Мужчина и женщина». И там есть целая глава: «Отношение полов среди отдельных наций». И там написано, что даже индусы, например...

Вошла Анисья. Пожаловалась:

— Ограда вся прохудилась — свиньи так и прут, так и прут в огород. Наказание господнее.

Пашка перестал ходить, постоял, подумал, что-то решил.

— Тетка Анисья...

— Аиньки, Паша.

— Выйдем с тобой на пару слов...

— Хе-хе,— посмеялась Анисья,— чудной ты парень, ей-богу. Ну пойдем, пойдем...

Вышли. Несколько минут их не было. Кондрат сидел неподвижно за столом, смотрел в одну точку.

Вошел Пашка.

— Дядя Кондрат, мы в полном порядке. Первое: она, конечно, согласная. Хороший, говорит, мужик, сразу видно. Второе: я сейчас поеду, а вы останетесь тут... Потолкуете. В совхозе я скажу, что ты стал на дороге — подшипники меняешь. К вечеру, мол, будет. Вечером ты приедешь. Третье: налей мне 75 грамм, и я поеду.

— Ты ничего тут не... это... не придумал? — спросил Кондрат.

— Нет, нет.

— Что-то мне... страшновато, Павел,— признался Кондрат.— Войдет, а чего я ей скажу?

— Она сама чего-нибудь скажет. Наливай 0,75 килограмма...

— Пить хватит — поедешь.

Пашка подумал и согласился.

— Правильно. Мы лучше в совхозе навестаем.

— Боязно мне, Пашка,— опять сказал Кондрат.— Не по себе как-то.

— В общем, я поехал. Гудбай! — Пашка решительно вышел.

Через минуту вошла Анисья с тарелкой соленых помидоров.

— Ведро-то какое стоит! Благодать господня! — заговорила она.

— Да-а,— согласился Кондрат.— Погода прямо как на заказ.

На хмелесовхозе, куда приехал Пашка, он сперва потрепался с бабами, собиравшими хмель... Потом нашел директора.

— А где другой? — спросил тот, заглянув в Пашкину путевку.

— У него подшипники поплавились — меняет,— сказал Пашка.

— А ты шибко устал?

— Нет. А что?

— Надо бы поехать на нефтебазу — горючее получить. Я свои машины все раскидал, а у нас горючее кончается...

— Сфотографировано,— сказал Пашка.

— Что? — не понял директор.

— Будет сделано.

День был тусклый, теплый. Дороги раскисли после дождя, колеса то и дело буксовали. Пашка, пока доехал до хранилища, порядком умаялся.

Бензохранилище — целый городок, строгий, стройный, однообразный, даже красивый в своем однообразии. На площади гектара в два аккуратными рядами стоят огромные серебристо-белые цистерны — цилиндрические, квадратные.

Пашка подъехал к конторе, поставил машину рядом с другими и пошел оформлять документы.

И тут — никто потом не мог сказать, как это случилось, почему — низенькую контору озарил вдруг яркий свет.

В конторе было человек шесть шоферов, две девушки за столами и толстый мужчина в очках (тоже сидел за столом). Он и оформлял бумаги.

Свет вспыхнул сразу. Все на мгновение ошалели. Стало тихо. Потом тишину эту, как бичом, хлестнул чей-то вскрик на улице:

— Пожар!

Шарахнули из конторы...

Горели бочки на одной из машин. Горели как-то зловеще, бесшумно, ярко.

Люди бежали от машин.

Пашка тоже побежал вместе со всеми. Только один толстый человек (тот, который оформлял бумаги), отбежав немного, остановился.

— Давайте брезент! Э-э,— заорал он.— Куда вы?! Успеем же! Э-э!

— Бежи — сейчас рванет! Бежи, дура толстая! — крикнул кто-то из шоферов.

Несколько человек остановились. Остановился и Пашка.

— Сча-ас... Ох и будет! — слышался сзади чей-то голос.

— Добра пропадет сколько! — ответил другой.

Кто-то заматерился. Все ждали.

— Давайте брезент! — непонятно кому кричал толстый мужчина, но сам не двигался с места.

— Уходи! — опять крикнули ему.— Вот ишак... Что тут брезентом сделаешь? Брезент...

Пашку точно кто толкнул сзади. Он побежал к горящей машине. Ни о чем не думал. Видел, как впереди, над машиной, огромным винтом свивается белое пламя.

Не помнил Пашка, как добежал он до машины, как включил зажигание, даванул стартер, «воткнул» скорость — человеческий механизм сработал точно. Машина рванулась и, набирая, скорость, понеслась прочь от цистерн и от других машин с горючим.

Река была в полукилометре от хранилища! Пашка правил туда, к реке.

Машина летела по дороге, редела... Горящие бочки грохотали в кузове. Пашка закусил до крови губу, почти лег на штурвал...

В палате, куда попал Пашка, лежало еще человек семь. Большинство лежало, задрав кверху загипсованные ноги.

Пашка тоже лежал, задрав кверху левую ногу.

Около него сидел тот самый человек с нефтеба-

зы, который предлагал брезентом погасить пламя.

— Сколько лежать-то придется? — спросил толстый.

— Не знаю. С месяц, наверно, — ответил Пашка.

— Перелом бедренной кости? — спросил один бело-
брысый паренек (он лежал, задрав сразу обе ноги).
Лежал, видно, долго, озверел и был каждой бочке за-
тычка). — А сто суток не хочешь? Быстрые все какие...

— Ну, привет тебе от наших ребят, — продолжал
толстый. — Хотели прийти сюда — не пускают. Меня
как профорга и то еле пропустили. Журналов вот тебе
прислали... — Мужчина достал из-за пазухи пачку жур-
налов. — Из газеты приходили, спрашивали про те-
бя... А мы и знать не знаем, что ты такой. Сказали,
что придут сюда.

— Это ничего, — сказал Пашка самодовольно. — Я им
тут речь скажу.

— Речь? Хех!.. Ну ладно, поправляйся. Будем за-
ходить к тебе в приемные дни — я специально людей
буду выделять. Я бы посидел еще, но на собрание то-
роплюсь. Тоже речь надо говорить. Не унывай.

— Ничего.

Профорг пожал Пашке руку, сказал всем «до сви-
дания» и ушел.

— Ты что, герой, что ли? — спросил Пашку один
«ходячий», когда за профоргом закрылась дверь.

Пашка некоторое время молчал.

— А вы разве ничего не слышали? — спросил он
серьезно. — Должны же были по радио передавать.

— У нас наушники не работают. — Белобрысый щелк-
нул толстым пальцем по наушникам, висевшим у его
изголовья.

Пашка еще немного помолчал. И ляпнул:

— Меня же на Луну запускали.

У всех вытянулись лица, белобрысый даже рот
приоткрыл.

— Нет, серьезно?

— Конечно. Кха! — Пашка смотрел в потолок с
таким видом, как будто он на спор на виду у всех про-
глотил топор и ждал, когда он переварится, — как буд-
то он насколько не сомневался в этом.

— Врешь ведь? — негромко сказал белобрысый.

— Не веришь, не верь, — сказал Пашка. — Какой
мне смысл врать?

— Ну, и как же ты?

— Долетел до половины, и горючего не хватило.
Я прыгнул. И ногу вот сломал — неточно приземлился.
Первым очнулся человек с «самолетом».

— Вот это загнул! У меня ажник дыхание остано-
вилось.

— Трепло, — сказал белобрысый разочарованно. —
Я думал — правда.

— А как это ты на парашюте летел, если там воз-
духа нету? — спросил «ходячий».

— Затяжным.

— А кто это к тебе приходил сейчас? — спросил че-
ловек с «самолетом». — По-моему, я его где-то...

Тут в палату вошли старичок доктор с сестрами и
с ними — молодая изящная женщина в брюках, ма-
ленькая, в громадном свитере — «странная и прекрас-
ная».

Доктор подвел девушку к Пашке.

— Вот ваш герой. Прошу любить.

— Вы будете товарищ Колокольников?

— Я, — ответил Пашка и попытался привстать.

— Лежите, лежите, что вы! — воскликнула девушка,
подходя к Пашкиной койке. — Я вот здесь присяду не-
множко. Можно?

— Боже мой! — сказал Пашка и опять попытался
сдвинуться на койке.

Девушка села на краешек белой плоской койки.

— Я из городской молодежной газеты. Хочу пого-
ворить с вами.

Белобрысый перестал хохотать, смотря то на Паш-
ку, то на девушку.

— Это можно, — сказал Пашка и мельком глянул
на белобрысого.

Тот начал теперь икать.

— Как вы себя чувствуете? — спросила девушка,
раскладывая на коленях большой блокнот.

— Железно, — сказал Пашка.

Девушка улыбнулась, внимательно посмотрела на
него. Пашка тоже улыбнулся и подмигнул ей. Девуш-
ка опустила глаза к блокноту.

— Для начала... такие... формальные вопросы: от-
куда родом, сколько лет, где учились...

— Значит, так... — начал Пашка, закуривая. — А по-
том я речь скажу. Ладно?

— Речь?

— Да.

— Ну... хорошо... Я могу потом записать. В другой раз.

— Значит, так: родом я из Суртайки — семьдесят пять километров отсюда. А вы сами откуда?

Девушка весело посмотрела на Пашку, на других больных; все, притихнув, смотрели на нее и на Пашку, слушали. Белобрысый икал.

— Я из Ленинграда. А что?

— Видите ли, в чем дело,— заговорил Пашка,— я вам могу сказать следующее...

Белобрысый неудержимо икал.

— Выпей воды! — обозлился Пашка.

— Я только что пил — не помогает,— сказал белобрысый, сконфузившись.

— Значит, так... — продолжал Пашка, затягиваясь папироской. — О чем мы с вами говорили?

— Где вы учились?

— Я волнуюсь,— сказал Пашка (ему не хотелось говорить, что он окончил только пять классов). — Мне трудно говорить.

— Вот уж никогда бы не думала! — воскликнула девушка. — Неужели вести горящую машину легче?

— Видите ли... — опять напыщенно заговорил Пашка, потом вдруг поманил к себе девушку и негромко — так, чтобы другие не слышали, доверчиво спросил: — Вообще-то в чем дело? Вы только это не пишите. Я что, на самом деле подвиг совершил? Я боюсь, вы напишете, а мне стыдно будет потом перед людьми. «Вон, скажут, герой пошел!» Народ же, знаете, какой... Или — ничего, можно?

Девушка тоже засмеялась... А когда перестала смеяться, некоторое время с интересом смотрела на Пашку.

— Нет, это ничего, можно.

Пашка приободрился.

— Вы замужем? — спросил он.

Девушка растерялась.

— Нет... А, собственно, зачем вам это?

— Можно я вам письменно все опишу? А вы еще раз завтра придете, и я вам отдам. Я не могу, когда рядом икают.

— Что я, виноват, что ли? — сказал белобрысый и опять икнул.

Девушку Пашкино предложение поставило в тупик.

— Понимаете... я должна этот материал дать сегодня. А завтра я уезжаю. Просто не знаю, как нам быть. А вы коротко расскажите. Значит, вы из Суртайки. Так?

— Так.— Пашка скис.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь на меня, я ведь тоже на работе.

— Я понимаю.

— Где вы учились?

— В школе.

— Где, в Суртайке же?

— Так точно.

— Сколько классов кончили?

Пашка строго посмотрел на девушку.

— Пять. Не женатый. Не судился еще. Все?

— Что вас заставило броситься к горячей машине?

— Дурость.

Девушка посмотрела на Пашку.

— Конечно. Я же мог подорваться,— пояснил тот.

Девушка задумалась.

— Хорошо, я завтра приду к вам,— сказала она. — Только я не знаю... завтра приемный день?

— Приемный день в пятницу,— подсказал «ходячий».

— А мы сделаем! — напористо заговорил Пашка. — Тут доктор добрый такой старик, я его попрошу, он сделает. А? Скажем, что ты захворала, бюллетень выпишет.

— Приду.— Девушка улыбнулась. — Обязательно приду. Принести чего-нибудь?

— Ничего не надо! Меня профсоюз будет кормить.

— Тут хорошо кормят,— вставил белобрысый. — Я уж на что — вон какой, и то мне хватает.

— Я какую-нибудь книжку интересную принесу.

— Книжку — это да, это можно. Желательно про любовь.

— Хорошо. Итак, что же вас заставило броситься к машине?

Пашка мучительно задумался.

— Не знаю,— сказал он. И виновато посмотрел на девушку. — Вы сами напишите чего-нибудь, вы же умеете. Что-нибудь такое...

Пашка покрутил растопыренными пальцами.

— Вы, очевидно, подумали, что если бочки взорвутся, то пожар распространится дальше — на цистерны. Да?

— Конечно!

Девушка записала.

— А ты же сказала, что уезжаешь завтра. Как же ты приедешь? — спросил вдруг Пашка.

— Я как-нибудь сделаю.

В палату вошел доктор.

— Девушка, милая, сколько вы обещали пробыть? — спросил он.

— Все, доктор, уйду. Еще два вопроса... Вас зовут Павлом?

— Колокольников Павел Егорыч. — Пашка взял руку девушки, посмотрел ей прямо в глаза. — Приди, а?

— Приду. — Девушка ободряюще улыбнулась. Оглянулась на доктора, нагнулась к Пашке и шепнула: — Только бюллетень у доктора не надо просить. Хорошо?

— Хорошо. — Пашка ласково, благодарно смотрел на девушку.

— До свиданья. Поправляйтесь. До свиданья, товарищи!

Девушку все проводили добрыми глазами.

Доктор подошел к Пашке.

— Как дела, герой?

— Лучше всех.

— Дай-ка твою ногу.

— Доктор, пусть она придет завтра, — попросил Пашка.

— Кто? — спросил доктор. — Корреспондентка? Пусть приходит. Влюбился, что ли?

— Не я, а она в меня.

Смешливый доктор опять засмеялся.

— Ну, ну... Пусть приходит, раз такое дело. Веселый ты парень, я погляжу.

Он посмотрел Пашкину ногу и ушел в другую палату.

— Думаешь, она придет? — спросил белобрысый Пашку.

— Придет, — уверенно сказал Пашка. — За мной не такие бегали.

— Знаю я этих корреспондентов. Им лишь бы распросить. Я в прошлом году сжал много, — начал рас-

сказывать белобрысый, — так ко мне тоже корреспондента подослали. Я ему три часа про свою жизнь рассказывал. Так он мне даже пол-литра не поставил. Я, говорит, не пьющий, то, се — начал вилять.

Пашка смотрел в потолок, не слушал белобрысого. Думал о чем-то. Потом отвернулся к стене и закрыл глаза.

— Слышь, друг! — окликнул его белобрысый.

— Спит, — сказал человек с «самолетом». Не буди, не надо. Он на самом деле что-то совершил.

— Шebutной парень! — похвалил белобрысый. — В армии с такими хорошо.

Пашка долго лежал с открытыми глазами, потом действительно заснул. И приснился ему такой сон.

— Как будто он генерал. И входит он в ту самую палату, где лежал он сам... Но только в палате лежат женщины. Тут Катя Лизунова, корреспондентка, Маша-птичница, городская женщина, женщина с нефтебазы и даже тетка Анисья... И свита вокруг Пашки — тоже из женщин.

Вошел Пашка и громко поздоровался.

Ему дружно ответили:

— Здравствуйте, товарищ генерал!

— Почему я не слышу аплодисментов? — тихо, но строго спросил Пашка-генерал у свиты. Одна из свиты угодливо пояснила:

— Дамская палата...

И она же попыталась надеть на Пашку халат.

— Не нужно, — сказал Пашка, — я стерильный.

И началось стремительное шествие генерала по палате — обход.

Первая — Катя Лизунова.

— Что болит? — спросил Пашка.

— Сердце.

— Желудочек?

Катя смотрит на Пашку, как на дурака.

— Сердце!

Пашка повернулся к свите.

— Считается, что генерал — ни бум-бум в медицине. — И снисходительно пояснил Кате: — Сердце тоже имеет несколько желудочков. Ма-аленьких.

И дальше. Дальше — корреспондентка, «странная и прекрасная».

— Что? — ласково спросил Пашка.

— Сердце.

— Давно?

— С семнадцати лет.

— Ну, ничего, ничего...

Пашка двинулся дальше. Маша-птичница.

— Тоже сердце? — изумился Пашка.

— Сердце.

— Кошмар.

Пашка идет дальше.

Городская женщина.

Пашка демонстративно прошел мимо.

Тетя Анисья. Поет.

Пашка остановился над ней.

— И у тебя сердце?

— А что же, я хуже других, что ли? — обиделась Анисья. — Смешной ты, Павел: как напаялит человек мундир, так начинает корчить из себя...

— Выписать ей пирамидону! — приказал Пашка. — Пятьсот грамм. Трибуну.

Принесли трибуну. Пашка взошел на нее.

— Я вам скажу небольшую речь, — начал он, но обнаружил беспорядок. — Где графин?!

— Несут, товарищ генерал.

— Ну, что?! — Пашка обращался к женщинам, лежащим в палате. — Допрыгались?! Докатились?! Доскакались?!..

...И тут засмеялся белобрысый. Пашка поднял голову.

— Ты чего?

Белобрысый все смеялся.

— Это он во сне, — пояснил один пожилой больной. Все другие уже спали. Была ночь.

— Вот жеребец, — возмутился Пашка. — Здесь же больница все же.

Он лег и крепко зажмурился... И снова он на трибуне.

— На чем я остановился? — спросил он свиту.

— Вы им сказали, что они доскакались...

— Куда доскакались? — с начальственным раздражением переспросил Пашка. — Рабочники! Только форсить умеете!

И опять его разбудил смех белобрысого.

— Вот паразит, — сказал Пашка, поднимаясь. — Что он ржет-то всю ночь?

— Выздоровливает он,— опять сказал пожилой больной.

— Можно же потихоньку выздоравливать. Может, разбудить его, а? Сказать, что у него дом сгорел — ему тогда не до смеха будет.

— Не надо, пусть смеется.

Пашка опять крепко зажмурился — но больше не получалось, не спалось.

— А вы чего не спите? — спросил он пожилого больного.

— Так... не хочется.

Помолчали.

— Вот вы принадлежите к интеллигенции,— заговорил он.

— Ну, допустим.

— Книжек, наверно, много прочитали. Скажите: есть на свете счастливые люди?

— Есть.

— Нет, чтобы совсем счастливые.

— Есть.

— А я что-то не встречал. По-моему, нет таких. У каждого что-нибудь да не так...

— Вот хочешь, я прочитаю тебе...

— Что, письмо?

— Нет.— Больной взял с тумбочки ученическую тетрадку.— Сочинение одного молодого человека...

— Ну-ка, ну-ка...— Пашка приготовился слушать

«С утра мы пошли с пацанами в лес,— начал читать больной.— Все были почти из нашего четвертого «б». Пошли мы сорок зорить. Ну, назорили яичек, испекли и съели. Потом Колька Докучаев рассказывал, как они волка с отцом видали. Мы маленько струсили. В лесу было хорошо. А потом мы хохотали, как Серега Зиновьев из второго «а» петухом пел. В лесу было шибко хорошо. Потом мы пошли домой. Мне мама маленько всыпала, чтобы я не шлялся по лесам и не рвал последние штаны. А потом мы ели лапшу. Папка спросил меня: «Хорошо было в лесу?» Я сказал: «Ох, и хорошо!» Папка засмеялся. Вот и все. Больше я не знаю, чего».

— А для чего это вы? — спросил Пашка.

— Это писал счастливый человек.

— Так какое же тут счастье-то? — изумился Пашка.

— Самое обыкновенное: человек каждый день

открывает для себя мир. Он умеет смеяться, плакать. И прощать умеет. И делает это от души. Это — счастье.

— Так он же маленький еще!

— Ну, найдется кто-нибудь и большого его научит таким же быть.

— Каким?

— Добрым. Простым. Честным. Счастливых много... Ты тоже счастливый, только... учиться тебе надо. Хороший ты парень, врешь складно... А знаешь мало.

— Когда же мне учиться-то? Я же работаю.

— Вот поэтому и надо учиться.

— А вы — учитель, да?

— Учитель.

— Значит, вы счастливый, если вы учите?

— Наверно. Позови-ка сестру.

— Что, плохо??

— Нет, просто устал.

— Лиля Александровна! — позвал Пашка.

Вошла сестра и сделала учителю укол.

— Ну, вот теперь уснем,— сказал тот и выключил свет.

Пашка долго еще лежал с открытыми глазами, думал о чем-то. А как только стал засыпать, услышал голос Насти:

— Павел, иди ко мне.

...И опять снится Пашке сон:

Ждет его Настя на том самом месте, где встречала его во сне в первый раз.

— Здравствуй, Павел.

— Здравствуй.

— Как живешь?

— Ничего.

— Идеал-то не нашел еще?

Пашка усмехнулся.

— Нет.

— Помнишь сказку? — спросила вдруг Настя.— Бабушка тебе рассказывала...

— Про голую бабу, что ли?

— Да.

— Помню.

— Так вот ты не верь: это не смерть была, это любовь по земле ходит.

— Как это?
— Любовь. Ходит по земле.
— А чего она ходит?
— Чтобы люди знали ее, чтоб не забывали.
— Она что, тоже голая?
— Она красивая-красивая.
— Хоть бы разок увидеть ее.
— Увидишь. Она придет к тебе.
— А если не придет? Ведь нельзя же сидеть и ждать, что придет кто-нибудь и научит, как добиться счастья. Будешь ждать, что придет, а он возьмет и не придет. Так и проживешь дураком. Правильно я рассуждаю?

— Правильно. А учиться можно не только в школе. Жизнь — это, брат, тоже школа, только лучше.

— И опять: если я буду сидеть и ждать...

— Зачем же ждать, — перебивает его Настя. — Надо искать. Надо все время искать, Павел.

— Так вот я и ишу. Но я же хочу идеал!

Опять засмеялся белобрысый. Пашка проснулся.

Утро. Еще спят все. Пашка огляделся по палате. И вдруг ему показалось...

— Братцы! — заорал он

Повскакали больные.

— Ты чего, Пашка? — спросил белобрысый.

Пашка показал на учителя, который лежит недвижно.

— Няня! — рывкнул белобрысый.

Учитель приподнялся.

— Что такое? В чем дело?

Все смотрят на него.

— Что случилось-то?

Пашка негромко засмеялся.

— А мне показалось, ты помер, — сказал он просто душно.

Учитель досадливо сморщился.

— Первую ночь спокойно уснул... Надо же!

Пашка лег и стал смотреть в потолок. На душе у него легко.

— Значит, будем жить, — сказал он, отвечая своим мыслям.

А за окнами больницы — большой ясный день. Большая милая жизнь...

ПОЗОВИ МЕНЯ В ДАЛЬ СВЕТЛУЮ...

В небольшом русском городке, где-то на окраине, где дальше — за пустырем — виден уже и лес и не дымят трубы, в аккуратном домике из трех комнат жила женщина. Звали женщину красиво — Агриппина, Агриппина Игнатьевна Веселова, попросту — Груша. Было ей тридцать четыре года, и были у нее сын Витька двенадцати лет да брат Николай Игнатьевич, главный бухгалтер пригородного совхоза, да где-то был муж... С мужем они разошлись три года назад: тот взял в подруги... бутылку, и та подруга белоголовая завлекла его куда-то далеко, и даже не слышно было, где он.

Брат Николай приезжал по воскресеньям к сестре и племяннику, старался как-нибудь им помочь, продукты привозил, деньжонок иногда.

И один раз, в воскресенье, приехал он с важным каким-то делом... Но пока дело это не выкладывал, а, как обычно, они с Витькиной матерью воспитывали Витьку.

— Ну сладу нет — не слушается, и все, — жаловалась мать. — Совсем парень выпрягся...

— Что же это ты, Витька? — гудел большой дядя Николай, постукивая толстыми прокуренными пальцами по клеенке. — Не годится так, не годится. А что же дальше-то будет, если ты уже сейчас... черт те чего вытворяешь? Ведь матери-то одной трудно с тобой, как ты это не поймешь!..

— Ни дьявола не понимает! На днях чего удумал: взял да соседской свинье глаз выбил...

— Глаз? — удивился дядя Николай.

— Но! Ветеринар, сосед-то... ладно, мужик добрый —

не пошел никуда жаловаться. А то бы было дело!

— Зачем же ты ей глаз-то выбил? — спросил дядя.

Лобастый Витька сидел тут же, за столом, делал вид, что усердно читает книгу. Молчал.

— Витька!

— Ну?

— Зачем глаз-то свинье выбил?

— Я нечаянно, — буркнул Витька.

— Нечаянно! — воскликнула мать. — Знаю я, как нечаянно... Нечаянно. — И повернулась к брату — рассказать: — Я его все в пример ставлю, ветеринара-то: выучился человек, теперь живет-поживает, в доме-то только живой воды, наверно, нет... Бери, мол, пример — приглядывайся. А он его невзлюбил...

— При чем же тут животное, если тебе человек не поглянулся? Витька!

— Ну?

— Разве можно такие вещи делать?! Ты что, живодер, что ли?

Витька молчал.

— Папа родимый — набычится, и не сдвинешь с места, — заключил дядя Николай. Помолчал. Спросил сестру: — Где он сейчас? Не слышно?

— Где! — горько воскликнула мать. — У него дорог много, и все — веселые.

— Алименты-то шлет?

— Шлет.

— Эх, Витька, Витька... — вздохнул дядя Николай. — Что ж ты так живешь-то? А?

Витька молчал.

— Витька!

— Ну?

— Чего молчишь?

— Я читаю.

— Что ты мне очки втираешь! — рассердился дядя Николай. — Читает он! — Потянулся, взял у Витьки книгу. — Что ты читаешь? То ж — задачник! Кто же так задачник читает... как художественную литературу. Менделеев мне нашелся!

— Вот так он меня все время обманывает, — сказала мать. — Спросишь: Витька, выучил уроки? Выучил! А где выучил, где выучил — ничего не выучил, одна улица на уме...

— Ты эту улицу брось, Витька, — резонно стал убеждать дядя Николай. — Она до добра не доведет. Хватишься потом, да поздно будет. Вот он, близко будет, локоть-то, да не укусишь. Улица от тебя не убежит, а время уйдет, не воротишь. Ты лучше возьми да уроки хорошенько выучи, чем... глаза-то свиньям вышибать. Чем выбил-то, камнем, что ли?

Витька водил пальцем по синим клеточкам клеенки. На вопрос только неопределенно поморщился и пожал плечами.

Дядя помолчал и спросил совсем другим тоном — мирно, несколько удивленно:

— Так что, здесь тоже свиней держут?

— Держут, — откликнулась мать. — А чего? Мужик-то в доме, так и держут. Зато всю зиму без горюшка — с мясом. Мужик-то есть, чего не держать?

— Витька, — повернулся дядя к Витьке, — иди учи уроки в ту комнату, мне надо с матерью поговорить.

Витька незаметно с облегчением вздохнул и ушел в другую комнату. Накачка кончилась.

— Я вот о чем с тобой, — заговорил Николай негромко. И посмотрел на часы. — Помнишь, я тебе говорил про мужика-то?..

— Ну, помню.

— Это... видал я его в пятницу, говорил с ним...

Груша насторожилась. Заинтересовалась.

— Ну?

— Он придет сегодня... — Николай опять глянул на часы. — Через десять минут.

— Батюшки! — испугалась Груша. — Чего же ты молчишь-то сидишь? Надо же хоть маленько прибраться, что ли?..

— А что у тебя?.. Нормально и так.

Груша вскочила было, но, оглянувшись, села опять.

— Так ты расскажи про него... Что хоть за человек-то? Ты откуда его знаешь-то?

— Учился с ним на курсах бухгалтеров вместе...

— Так это когда было-то!

— Давненько. А тут встретил его — я в банк приехал, и он туда же пришел. Ну, разговорились... Ну как, мол, живешь?.. То, се... Одинокий он сейчас — разошлись тоже, двое детей было...

— А чего разошлись-то?

— Пил тоже...

— Вот те на! Так это, что же мне, шило на мыло менять?

— Да погоди ты! Пил, сейчас не пьет — лечился, что ли, или так бросил, не спрашивал. Но твердо знаю, что сейчас не пьет. Хороший мужик. Я рассказал про тебя: вот, есть, мол, сестра — одинокая тоже, парнишка в пятом классе... Приду, говорит. Посмотри, может, что и выйдет у вас. Чего же одна будешь с этих лет...

Через приоткрытую дверь в горницу Витька слышал весь разговор. Навострил уши.

— Страшно, Коля, — говорила мать. — С одним всадила до ушей... Но тогда хоть молодая была — простительно, а теперь-то — это уж глупость будет несусветная. Сама себя исклянешь...

— А не торопись, никто тебя силком не гонит, — отвечал на это Николай. — Присмотрись сперва... Да и он, думаю, тоже не кинется сломя голову. Алименты только с него здоровые дерут...

— Да это-то... черт бы его бей, с алиментами, они все нынче с алиментами. И я-то ведь не девка. Был бы человек хороший. Не зряшний какой...

— Да нет, он так-то ничего, вроде. Вот он идет! Особо не суетись — тоже не в поле обсевок. Но и... это... не строй из себя... Нормально, как всегда...

— Да уж как-нибудь сумею. А семья-то его где, здесь живет?

Николай не успел ответить. В дверь снаружи постучали.

— Ну? — кивком показал на дверь Николай — откликнись, мол.

Груша чего-то растерялась...

Помолчали и вместе сказали:

— Да!

— Войдите!

Вошел носатый, серьезный, преуспевающий на вид человек лет этак сорока трех — сорока пяти. В добром, сталистого цвета, плаще, при шляпе и при большом желтом портфеле. Маленькими глазами сразу с любопытством воткнулся в женщину... Но смотрел ровно столько, сколько позволило первое приличие.

— Ну, вот, не заблудился, — сказал он. — Здравствуйте.

Николай поднялся ему навстречу.

Поздоровались за руку.

— Сестра моя... Груша — знакомьтесь, — представил Николай.

Груша, по-молодому еще стройная, ладная, тоже поднялась, подала руку.

— Владимир Николаевич, — назвался гость.

— Груша.

— Груша — это... Графена?

— Агриппина, — сказал Николай. — Это родители наши верующие были, ну, крестили, конечно... Хорошо, я под Миколу-Угодника угодил, а то был бы тоже какой-нибудь... Евлампий. — Николай мелко, насильственно посмеялся. — У нас в деревне один Евлампий...

— Он потом переменял имя, — сказала Груша.

— Да, потом, правда, променял на... забыл, кто он стал-то?

— Владимир?

— Тезки, значит. — Владимир Николаевич тоже искусственно посмеялся.

— Садитесь, — пригласила Груша.

— Спасибо. Я бы разделся...

— О, господи! — спохватилась Груша. И покраснела. — Раздевайтесь, пожалуйста!

Она была еще хороша, Груша. Особенно заметно стало это, когда она суетилась, и на тугие скулки ее набежал румянец, и глаза, широко расставленные, простодушно, искренно засмеялись.

Владимир Николаевич опять ненароком прицелился к ней мелким, острым взглядом.

— Витька! — громко позвал дядя Коля. — Иди-ка сюда.

Вошел Витька.

— Познакомься с... дядей Володей, — сказал дядя Коля.

Витька стоял и смотрел на носатого дядю Володю.

— Ну, герой!.. — добренько сказал дядя Володя. И поискал в карманах у себя... — На-ка — пиратом будешь. — Подал простенький пистолетишко, который даже и без пистонов был, а просто чакал.

Витька не смог сдержать снисходительную ухмылку. Чакнул пару раз...

— Это для первачей только.

Матери стало неловко, что сын у нее такой неблагодарный. Она опять покраснела.

— Ну, Витька!..— сказала она. И засмеялась, и опять доверчиво и ясно засмеялись ее глаза.

— Ну, дядя Володя тебя еще не видел, не знал, что ты такой большой,— пришел на выручку дядя Коля.— В следующий раз принесет... А что тебе, пушку, что ли, надо? Какой!

— Садитесь, Владимир Николаевич,— пригласила мать.

Владимир Николаевич прихватил портфель и прошел с ним к столу. Присел, портфель поставил возле ног.

— Тепло как на улице-то,— сказал он.— Все же — сентябрь месяц, должно уже чувствоваться...

— Ну что, Витька? — спросил дядя Коля.— Небось, на улицу лыжи наострил? Ну, иди, иди, а то там дружки твои заждались.

Витька вопросительно глянул на мать.

— Иди поиграй,— разрешила мать.

Витька ушел.

Дружков у Витьки было несколько. Но самый душевный, самый верный и умный, кому Витька подражал во всем почти, был Юрка, девятиклассник, квартирант старика Наума Евстигнеича, что жил по той же улице, через три дома.

У Юрки нелегкое положение. Отца у него нет, погиб на лесоповале, одна мать, а у матери кроме Юрки еще трое на руках — мал мала меньше. Мать живет в небольшой деревне, в сорока километрах отсюда, там вот нет десятилетки. Мать бьется из последних сил: хочет, чтоб Юрка окончил десятилетку. Юрка и сам хочет окончить школу. Больше того, он мечтает потом поступить в институт. В медицинский. Единственный, перед кем Витьке совестно, что он плохо учится,— перед Юркой.

Огромный старик Наум Евстигнеич хворал с похмелья. Лежал на печке, стонал.

Раз в месяц — с пенсии — старик аккуратно напивался. И после этого дня по два лежал в лежку.

— Как черти копытьями толкут! — слабо удивлялся старик на печке.— О! О! — что делают!..

Юрка учил уроки.

— Кончаюсь, Юрка,— возвестил старик.— Все.

— Не надо было напиваться,— жестко сказал Юрка: старик мешал ему.

— Молодой еще рассуждать про это — надо, не надо. Шибко уж много вы нынче знаете!

Юрка ниже нагнулся к книге.

— А что же мне делать, если не выпить? — Старику охота поговорить: все, может, полегче будет.— Все ученые стали! — Старик всерьез недолюбливает Юрку за его страсть к учению. У него свои дети все выучились и разъехались по белому свету; старик остался один и винит в этом только ученье.— В собаку кинь, в ученого попадешь.

Юрка молчит. Шевелит губами.

Вошел Витька.

— Здорово, Витька! — сказал старик.— Хвораю.

— Опять? — спросил Витька.

— Вон дружок твой ругает, что выпил... Должен же я хоть раз в месяц отметитья.

— Зачем? — спросил Юрка, откинувшись на спинку стула и подмигнув Витьке на старика.— Зачем напиваться-то?

— Что я, не человек, что ли?

— Хм...— Юрка качнул головой.— Рассуждения, как при крепостном праве. Это тогда считалось, что человек должен обязательно пить.

— А ты откуда знаешь про крепостное время-то? — Старик смотрит сверху страдальчески и снисходительно.— Откуда ты знаешь-то? Тебе всего-то от горшка два вершка, а сидит рассуждает...

Юрка скосоротился и безнадежно махнул рукой.

Витька подсел к нему.

— Как дела? — спросил Юрка негромко.

— Ничего!

— Все знают! — разошелся старик.— Все на свете знают. А чего человек с похмелья хворает, это вы знаете, товарищи ученые?

«Ученые» переглянулись...

— Отравление организма,— отчеканил Юрка.— Отравление сивушным маслом.

— Где масло? В водке?

— Так точно, ваше благородие! — Юрка с Витькой хихикнули.

— Доучились! — Старик доволен, что поймал зеле-

ных на явной глупости.— А сыра там нет случаем? Хэх, елки-палки!..

— Хочешь, я тебе формулу покажу? — вскочил Юрка.— Сейчас я тебе наглядно докажу... На! Вот она, формула...

— Пошел ты со своей формулой! О-ох, опять нака- тило... О, что делается!

— Ну, похмелись уж тогда, чего мучиться-то?

Старик никак не реагирует на это предложение.

Витька заговорщически наклонился близко к другу и сказал тихо:

— Денег жалко. На похмелку-то.

Юрка согласно кивнул головой: знаю, мол.

— Я тебе сала маленько принес. В сенцах оставил.

— Дядька приехал?

Витька кивнул.

— Еще какой-то гусь пришел — к маме. Володя ка- кой-то.

— Зачем?

Витька пожал плечами.

— Сватать, что ли... Он прямо не говорит. Пистолет вот подарил.

— Ну-ка? Ой, ну и пистолет!

— Он думал, я еще маленький.

— Витька, отец-то пишет? — спросил старик.— Где он сейчас?

— Не знаю,— неохотно сказал Витька.

— Помогает вот он вам?

— Не знаю. Помогает.

— Носит нынче людей по белому свету... И моих где-то черт носит. Вот оно, ученье-то!

— Радоваться надо, что дети выучились, а он... вор- чит,— заметил Юрка.

Старик приподнялся на локте.

— Сколько тебе лет учиться до хирурга?

— Шестнадцать. Десять плюс шесть в медицинском институте.

— Так,— зловеще гнул старик.— А сколько ты бу- дешь получать.

— Не в этом дело...

— Нет, сколько?

— Я не интересуюсь зарплатой.

— А-а — завилжал? Зарплатой он не интересуется... Видали ухаля? Витька, дай ему там подзатыльник,

хвастунишке. Зарплатой они не интересуются!.. Только старикам шиш высылают.

— Что, у тебя денег, что ль, нету?

— Есть. Не про вашу честь.

— Ну и вот.

— Я тебе про другое толкую: на кой шут жилы-то из себя тянуть столько лет? Иди вон на шофера выучись да работай. Они вон по сколь зашибают. Да ищо приво- ровывают: где лешишко кому подкинет, где угля — день- ги. И матери бы помог. У ей ведь трое на руках... Шут- ка в деле! Кажилится на тебя, кажилится, а ты потом — хвост трубой и завьется в большой город.

— Не твое дело.

— Знамо, не мое. Я чужой человек, плотишь мне пять рублей — живи на здоровье. Мне матерю твою жал- ко. Легко, думаешь, ей одной с вами?

— Проживем! — резко сказал Юрка.— Никому до этого... Нечего! Жили, и проживем.

— Сбили вас с толку этим ученьем — вот и мотае- тесь по белому свету. Ты ищо кто? — сосунок, а уж по квартирам ошиваешься. Дома родного не знаешь.

— Если дома нет десятилетки, что я теперь?

— Во-от! Десятилетки, пятилетки... Жили раньше без всякого ученья — ничо, бог миловал: без хлебушка не сидели.

— У вас только одно на уме — раньше!

— А то... ирапла-анов наделали — дерьма-то.

— А тебе больше глянется на телеге?

— А чем плохо на телеге? На телеге-то я если по- ехал, то хоть знаю: худо-бедно — доседу. А ты навернесся с этого своего ираплана — костей не соберут.

Юрка махнул рукой.

— Витька, спорь с ним, если охота. Мне надо учить.

— А космос? — значительно спросил Витька старика.

— Что «космос»?

— Космос. Куда наши космонавты лѣтают...

— Лѣтают,— поправил Юрка.

— Лѣтают,— поправился Витька.

— Гагарин-то?

— Не один Гагарин. Много уже.

— А чего они туда лѣтают? Ну, и что, что лѣтают?

Что толку-то?

— Во, дает! — воскликнул Юрка, опять откинувшись на спинку стула.

— Понял? — сказал Витька. — А что, им лучше на печке лежать?

— Чего вы привязались с этой печкой? — обиделся старик. — Доживите до моих годов, тогда вякайте. Только сперва доживите.

— Я же не в обиду тебе говорю, — продолжал Витька. — Но спрашивать, зачем люди в космос летают, — это я тебе доложу...

— Доложи, сделай милость. Доложи старику. Я, видишь, не спрашиваю, зачем ты, паршивец, ко мне в сад лазишь: знаю потому что, а в космос — не знаю, доложи, сделай милость.

Витька великодушно пропустил мимо ушей замечание про сад.

— Ну, во-первых: основание космоса — это... надо. Придет время, люди совсем сядут на Луну. А еще придет время — долетят до Венеры, так? А на Венере, может, тоже люди живут...

— На Марсе, — поправил Юрка.

— Ну, на Марсе. Разве ж не интересно глянуть на их?

— Они такие же, как мы?

Витька оглянулся на Юрку... Юрка пожал плечами.

— Этого я точно не знаю, — честно сказал Витька. — Может, маленько пострашней, потому что там атмосфера не такая — больше давит.

— Ишо драться кинутся, — сказал старик.

— За что?

— Ну, скажут: зачем прилетели? — Старик явно заинтересовался Витькиным рассказом. — Незванный гость хуже татарина.

— Не кинутся. Они тоже обрадуются.

— Еще неизвестно, кто из нас умнее, — включился в разговор Юрка. — Может, они. Тогда мы у них будем учиться. А потом, когда техника разовьется, дальше полетим... — Юрку самого захватила такая перспектива человечества. Он встал и начал ходить по избе. — Мы же еще не знаем, сколько еще таких планет, похожих на Землю. А их, может, много! И везде живут... существа. И мы будем летать друг к другу... И получится такое... мировое человечество. Все будем одинаковые.

— Жениться, что ли, друг на дружке будете?

— Я говорю, в смысле образования! Жениться...

— У них одно на уме — жениться, — недовольно заметил Витька.

— Может, где-нибудь есть такие человекоподобные, что мы все у них поучимся. Вот тогда будет жизнь! Захотел ты, допустим, своих сыновей повидать прямо с печки — пожалуйста: включил видеоприемник, настроился на определенную волну — они здесь, разговаривай. Ругайся, если хочешь. А медицина будет такая, что люди будут до ста — ста двадцати лет жить.

— Ну, это уж ты... приврал.

— Почему?! Уже сейчас эта проблема решается. Сто двадцать лет — это нормальный срок. Мы только не располагаем данными... Но мы их возьмем у соседей по Галактике.

— А сами-то не можете — чтоб сто двадцать?

— Сами пока не можем. Это медленный процесс... — Юрка даже слегка кокетничает, изображает из себя какого-то учителя. — Может, мы и докатимся когда-нибудь, что будем сто двадцать лет жить, но еще не скоро.

— Сто двадцать лет сам не захочешь. Надоест.

— Ты не захочешь, а другие — с радостью. Будет такое средство...

— «Средство»... Открыли бы лучше какое-нибудь средство от похмелья. А то башка, как...

— Не надо пить.

— Пошел ты!..

Замолчали. Юрка опять решительно сел за учебник.

— У вас только одно на языке: «Будет! Будет!» — опять начал старик. — Трепачи. Ты вот — шешнадцать-то лет будешь учиться, а начнет человек помирать, что ты сделаешь?

Юрка не намерен больше болтать. Молчит.

— Вырежет ему чего-нибудь, — сказал Витька.

— Да если ему срок подошел помирать, чего ты ему вырежешь?

Витька не знал.

— Я на такие... темные вопросы не отвечаю.

— Нечего отвечать, вот и не отвечаете. Светлые ваши головушки... только мякиной набиты.

— Нечего? — опять вскочил Юрка. — А вот эти люди?.. — сгреб кучу книг и показал. — Вот этим людям тоже нечего отвечать?! Ты хоть одну прочитал?

— Там читать нечего — вранье одно. У меня на квартире жил один...

— Во, дает?! — сказал Витька.

— Ладно! — Юрка опять начал ходить по избе. — Чума раньше была?

— Была. У нас в двадцать....

— Где она теперь? Есть?

— Не приведи господи! Может, будет...

— В том-то и дело, что больше не будет. С ней научились бороться. Дальше! Если бы тебя раньше укусила бешеная собака, что бы с тобой было?

— Сбесился бы.

— И помер бы. А сейчас — сорок укулов, и все. Человек живет. Туберкулез был неизлечим? Сейчас, пожалуйста: полгода — и человек как огурчик! А кто это все придумал? Ученые. «Вранье»... Хоть бы уж помалкивали, если не знаете.

Старика раззадорил тоже этот Юркин наскок.

— Так. Ладно. Собака — это ладно. А змея укусит?.. Где они были, доктора-то, раньше? Не было. А бабка, бывало, пошепчет — и как рукой снимет. А ведь она институтов ваших не кончала.

— Укус был не смертельный, вот и все. Это элементарно.

— Иди подставь: пусть она тебя разок чикнет...

— Пожалуйста! Я до этого укол сделаю и пусть кусает, сколько влезет, — я только улыбнусь.

— Хвастунишка.

— Да вот же они, во-от! — Юрка опять показал на книги. — Люди на себе экспериментировали! А знаешь ты, что когда академик Павлов помирал, то он созвал студентов и стал им диктовать, как он умирает...

— Как это? — очень заинтересовался старик.

Витька тоже не слышал про это.

— Так. «Вот, говорит, сейчас у меня холодеют ноги — пишите». Они писали. Потом руки отнялись. Он говорит: «Руки отнялись».

— А они пишут?

— Они пишут. Потом сердце стало останавливаться, он говорит: «Пишите». Они плакали и писали. — У Юрки у самого на глазах показались слезы. На старика рассказ тоже произвел сильное действие.

— Ну?..

— И помер. И до последней минуты все рассказывал,

потому что это надо было для науки. А вы с этими вашими бабками еще бы... триста лет в темноте жили. «Раньше было! Раньше было!» Какие-то кулацкие уклады... Вот так было раньше? — Юрка подошел и включил радио. Пела певица. Немного все послушали ее. — Где она? — спросил Юрка.

— Кто?

— Певица-то. Ее же нет здесь, а поет.

— Так это по провода-ам.

— Это радиоволны! «По провода-ам». По проводам — это у нас здесь. А она, может, где-нибудь в Москве или в Ленинграде поет — что, туда провода протянуты?

— Провода. Я в прошлом году ездил к Ваньке, видел: вдоль железной дороги провода висят. На столбах. Чего ты говоришь-то?

Юрка махнул рукой.

— Тебе не втолковать! Мне надо уроки учить. Все.

— Ну и учи.

— А вы отрываете. — Юрка сел за стол, зажал ладонями уши и стал усердно читать.

Долго в избе было тихо.

— Витька, а ты на кого хочешь учиться? — спросил старик.

Витьку этот вопрос застал врасплох.

— Я пока выбираю, — сказал он.

— На кого он будет учиться! — оторвался от книги Юрка. — У него по арифметике плохо. Не исправил, Витька?

— Не...

— Что ж ты?

— Знаешь, на кого учишь? На судью, — посоветовал старик.

— О-о! — удивились ребяташки. — Чего это?

— Люди будут бояться. Скажут: вон, вон судья идет! Большое дело.

— Тогда уж — на прокурора, — сказал Витька. — Он пострашней.

— Прокурор — это не все понимают, что страшно. А вот судья... это судья. Это уже тюрьмой пахнет.

Еще помолчали.

— Он есть на карточке? — спросил вдруг старик.

— Кто?

— Тот ученый, помирал-то который.

— Академик Павлов? Вот он.

Юрка подал старику книгу и показал Павлова. Витьке тоже показал редкостного ученого.

— Старенький уж был,— сказал Евстигней жалостливо.

— Он был до старости лет бодрый и не напивался, как... некоторые.— Юрка отнял книгу.— И не валялся потом на печке, не матерился...

— Чего вы взъелись-то на меня?! — вскричал больной старик.— Ты гляди что! — житья не дают. Комиссары нашлись... Вам ба по тогдашнему делу — только комиссарами быть. Они тогда молодые были... Такие же вот... молокососы заполошные. Командовали.

Юрка сел опять за учебники, а Витька стал листать книжку с портретами ученых.

— Ох, мать ты моя-а!.. — закричал опять старик. И полез с печки. Надел валенки, взял нож и вышел в сени.

— Куда это он? — спросил Витька.

Юрка пожал плечами.

— Ну, и что этот гусь? — спросил Юрка.— Наверно, отцом твоим станет?

Витька устался на друга, точно до него только сейчас дошел истинный смысл прихода дяди Володи в их дом.

— Отцом? — переспросил он.

— Ну, а кем же? Не родным, конечно, но жить-то у вас будет.

Вошел старик... Нес в руке добрый кус сала.

— Натe поешьте... ученые. А то, пока дойдете до своих хирургов-то,— загнетесь.

— Зачем? У меня есть — мне Витька принес...

— Ешьте! Витька принес... У Витьки у самого... зад сверкает. Безотцовщина. Ешьте, это доброе сало, не базарное.

— Нам дядя Коля привез из деревни — тоже доброе,— вступился Витька за свое сало.

— В деревне теперь разучились солить. Не разучились, а... не хотят. Также все на базар норовят: как попало посолил, лишь бы вид сохранить.— Старик опять полез на печку.— Ох, язвы ты в душеньку!.. Как ляжешь, так опять подступает.

— Давай, мы сбегает за четвертинкой? — еще раз предложил Юрка.

Старик помолчал.

— Не надо,— сказал.— Перемаюсь как-нибудь.

Ребятишки достали хлеб и принялись за сало.

— Ну, и как, мне его теперь папкой, что ли, звать? — спросил Витька негромко.

Юрка пожал плечами.

— К нам, когда папка помер, тоже приходил один... я его дядей Сашей звал. Не мог. Я папку-то хорошо помню.

— И я помню.

— Ну, и будешь дядей звать... Нечего их наваживать. Старый?

— Старый,— сказал Витька, всерьез озабоченный новым «папкой».

— А у него что же, родных-то никого не было, что ли? — спросил старик с печки.

— У кого? — не понял Юрка.

— У того академика-то. Одни студенты стояли?

— У Павлова? Были, наверно. Я точно не знаю. Завтра спрошу в школе.

— Дети-то были, поди?

— Наверно. Завтра узнаю.

— Были, конечно. Никого если б не было родных-то, немного надиктуешь. Плохо человеку одному. Не приведи господи!

Мать Витькина громко засмеялась.

— Не знаю,— сказала она.— Я так не думаю.

— Уверяю вас! — тоже улыбаясь, воскликнул слегка заалевший Владимир Николаич.

И дядя Николай тоже слегка заалел... Всем было хорошо, все слегка поразмякли.

— А не спеть ли нам?! — догадался дядя Николай.— А? Эх, Витьки нет, он бы нам сейчас на баяне подобрал какую-нибудь.

— Хорошо играет? — спросил Владимир Николаич.

— Мой подарок,— не удержался, похвастал дядя Николай.— На день рождения ему отвалил — пускай учится.

— Люблю музыкальных детей,— сказал Владимир Николаич.

— Так споем, что ли!

— Какую? — спросила Груша.

— Давай какую-нибудь. Ты у нас песельница.

— Ну, прямо!.. Нашел песельницу.
И вдруг Владимир Николаич, прикрыв маленькие петушинные глаза, зачастил не шутя козлом:

— Небо, небо, небо, небо-о!..

Хотел-то он всерьез, но так это вышло смешно и нелепо, что Николай и Груша засмеялись. Тогда засмеялся и Владимир Николаич — будто он хотел пошутить.

— Давай, Груша! — попросил опять Николай. — Помнишь, про колечко как-то... Про любовь, про колечко. Ты часто пела...

Груша, справившись со смущением, вскинула голову, как-то протестно-смело глянула на «суженого», усмешливо улыбулась и негромко, красиво запела:

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина-а?
Головой-ой склоняясь,
До самого тына-а...

Брат Николай неожиданно хорошо, в лад поддержал:

Головой-ой склоняясь,
До самого-о тына-а.

Они, видно, певали раньше — славно у них вышло.

Там через дорогу,—

повела дальше Груша,—

За-а реко-ой широкой
Та-ак же о-одинок
Ду-уб стоит высокий.

Владимир Николаевич заблеял было:

Та-ак же одиноко-о...

Но — смолк. Не умел он. Стал слушать.
Брат с сестрой пели:

Как бы мне, рябине,
К ду-убу перебраться,
Я б тогда-а не стала-а
Гнуться и качаться-а!..
Ох, я б тогда-а не стала-а...

Тут вошел Витька.

Песня погибла. Мать что-то опять смутилась, вскочила из-за стола, улыбаясь, и какой-то извиняющийся тон появился.

— Сынок пришел! Поесть хочешь?

— Нет,— сказал Витька.— Я у Юрки поел...

— Господи!.. У Юрки. Он и так едва концы с концами сводит, а он объедает ходит...

— Нам дед Ефим сала дал.

— Витьк, ну-ка сыграй нам! — сказал дядя Коля.— А

— Я уроки не выучил,— сказал Витька. И посмотрел на дядю Володю не очень любезно.

— Ну, сыграл бы...— попросила и мать.

— Хо!.. Говорят: уроки не выучил...

— Что ж ты их до сих пор не выучил? — обиделся дядя Коля.— Ох, Витька, Витька... Ну, иди учи.

Матери неловко стало за столь открытую нелюбезность сына.

— Ну, иди, иди — учи,— тоже сказала она.

Витька ушел в горницу.

Дядя Володя поднялся...

— Ну, пора и честь знать, как говорят.

— Да посиди еще! — воскликнул Николай.— Чего ты? Еще успеешь. Куда торопиться-то?

— Посидите,— сказала и Груша.

— Да нет, пойду... А то темно станет. Включу сейчас телевизор, постановку какую-нибудь посмотрю.

Витька у себя в горнице похоже передразнил дядю Володю.

— Да нет, пойду... А то темно станет, хулиганов полно на улицах... Гусь-Хрустальный.

— Ну, приходите... Не забывайте,— слышалось из большой комнаты. Мать говорила.

— Ладно, ладно — приду,— опять изобразил Витька ненавистного ему гостя.— В воскресенье приду. Может, в субботу... Явлюсь, так сказать.

И стал дядя Володя являться. По субботам и воскресеньям.

Раз явился:

— Здравствуйте. Немного все же похолодало. Чувствуется. Лист уже пожелтел.

Два явился:

— Здравствуйте. Сегодня потеплей. Но все равно скоро — конец. Лист только до первого ветра: слетит.

Три явился:

— Слетел. Голенькие стоят. Пора...

Один раз мать с Витькой откровенно поговорили.

— Уроки выучил?

— Выучил.

— Ну-ка сядь — поговорим. Как тебе дядя Володя-то?

Витька хотел увильнуть от ответа. Пожал плечами, как он делал, когда не хотел говорить прямо.

— Что? — спросила мать.

— Ничего...

— Не глянется?

Витька опять пожал плечами.

Мать кивнула головой, подумала... И вдруг засмеялась милым своим, ясным смехом.

— Ох, и по-ос!.. На семерых рос, одному достался. А, Витька?.. Вот так нос!

Витька моментально осмелел, затараторил:

— Да он этим своим носом всю мебель нам пошибает! Это же не нос, а форштевень!

— Руль, — коротко определила мать. — Но... Витька... дружок: нам не до жиру — быть бы живу. Так, сына. Дело наше... неважнецкое.

— Да что, с голоду, что ль, помираем?

Мать засмеялась.

— Да нет, что же?.. Нет. Немолодая уж я, сынок, — выбирать-то. Вот штука-то. Время мое ушло. Ушло времечко... — Мать вздохнула. — Десять бы годков назад — этот бы дядя Володя... — И не стала досказывать. А стала говорить совсем другое — может, себя убеждала:

— Да он неплохой — так-то... Вон какой рассудительный. Не пьет.

— Не пьет, а по бутылочке всегда приносит.

— Да это ж... что ж? Разве это пьет? Так-то пьет — это не страшно...

— С бутылочки все и начинается, — стал тоже рассуждать Витька.

Мать опять засмеялась.

— Нет, у него тоже уж теперь — не начинается. Сам немолодой. Нет, так-то... зачем же зря человека хаять? Не надо. Не витязь, конечно, но...

— Какой уж там витязь — гусь!

— Не надо так! — строго велела мать. — Разговорился! Малой еще — так разговаривать. Ишь ты...

Подрасти сперва, потом уж рассуждай. А то... больно языкастые нынче стали.

И опять пришел дядя Володя.

Витька увидел его раньше, в окно.

— Идет! — крикнул он.

— Кто?

— Ну, кто?.. Хрустальный!

— Витька! — сердито сказала мать. — Ну-ка, отойди оттуда, не торчи.

Витька отошел от окна.

— Играть, что ли?

— Играй. Какую-нибудь... поновей.

— Какую? Может, марш?

— Да зачем же марш-то? Генерал, что ли, идет? Вот, какую-то недавно учил...

— «Венок Дуная»? Мы его еще не одолели. Давай «Смешное сердце»?

— Играй. Она грустная?

— Помоги-ка снять... Не так чтобы очень грустная, но за душу возьмет. Ручаюсь.

Мать сняла со шкафа тяжелый баян, поставила Витьке на колени.

— Там есть, например, такие слова: «Смешное сердце, не верь слепой надежде: любовь уходит...» Куда уж грустней — зареветь можно.

— Да уж...

Витька заиграл «Смешное сердце».

Вошел дядя Володя, аккуратноенько отряхнул шляпу у порога и тогда только сказал:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, Владимир Николаич, — приветливо откликнулась мать.

Витька перестал было играть, чтоб поздороваться, но увидел, что дядя Володя не смотрит на него, отвернулся и продолжал играть.

— Дождик, Владимир Николаич?

— Сеет. Пора уж ему и сеять.

Дядя Володя говорил как-то очень аккуратно, обстоятельно, точно кубики складывал. Положит кубик, посмотрит — переставит. За время, пока он сюда ходил, он осмелел, вошел во вкус единоличного говорения — когда слушают.

— Пора... Сегодня у нас... что? Двадцать седьмое? Через три дня — октябрь месяц. Пойдет четвертый квартал.

— Лист облетел? — спросил Витька.

— Весь. Отдельные листочки еще трепыхаются, но... скоро и эти слетят.

Дядя Володя прошел к столу, вынул из портфеля бутылку шампанского. Поставил на стол.

— Все играешь, Витя?

— Играет! — встряла мать. — Приходит из школы и начинает — надоело уж... В ушах звенит.

Это была несуетная ложь; Витька даже приостановился играть, изумленно глянул на мать... и продолжал играть. Вообще, Витьку удивляло, что мать, обычно такая живая, острая на язык, с дядей Володиной во всем тихо соглашалась.

— Хорошее дело, — похвалил дядя Володя. — В жизни пригодится. Вот пойдешь в армию — все будет строевой шаг отрабатывать, а ты в красном уголке на баяне тренироваться.

— На баяне не тренируются, — сказал Витька. — Тренируются на турнике.

— А на баяне что ж делают?

— Репетируют.

Дядя Володя снисходительно посмеялся... Посмотрел на мать, показал глазами на Витьку.

— Все знают.

— Ну, они нынче...

Витька тоже посмотрел на дядю Володю... И ничего не сказал. Продолжал играть «Смешное сердце».

— Садитесь, Владимир Николаич. Садитесь.

— Если талант есть — большое дело, — продолжал дядя Володя, сев за стол. — С талантом люди крепко живут.

— Наоборот, — опять не выдержал Витька. — Юрка говорит: талантливый всегда первым попадает.

— Витя!..

— Какой Юрка?

— Да мальчик тут один... по соседству, — пояснила мать.

— Давайте, Владимир Николаич...

— С плохими товарищами не знайся, — сказал дядя Володя.

— Да вот, он хороший мальчик... учится хорошо. На квартире здесь живет. Витя, ты, если сел играть, играй.

— Играю.

— Попадает, Виктор, не талантам, попадает... неслу-

хам, грубиянам — этим попадает, верно. А талант... — это талант. Ну, и учиться, конечно, надо, само собой.

— Вот учиться-то... — Мать строго посмотрела на Витьку. — Лень-матушка... вперед нас, видно, родилась.

Витька поддал на баяне.

— Витька, смори маленько. В ушах, правда, звенит.

— Плохо с учебой, Виктор?

— Чего только не делаю: сама иной раз сяду с ним: «Учи! Тебе ведь надо-то, не мне». Ну!.. В одно ухо влетело, в другое вылетело. Был бы отец-то... Нас-то много они слушают!

— Отец-то пишет, Виктор?

— А чего ему писать? — отвечала мать. — Алименты свои платит и довольный. А тут расти как знаешь.

— Алименты — это удовольствие ниже среднего. — заметил дядя Володя. — Двадцать пять?

— Двадцать пять.

— Стараться надо, Виктор. Маме одной трудно.

— Понимали бы они...

— Ты пришел из школы, сразу раз — за уроки. Уроки приготовил — поиграл на баяне. На баяне поиграл — пошел погулял.

Мать вздохнула.

Витька играл «Смешное сердце».

Дядя Володя открыл бутылочку шампанского.

— Как она у нас — лук! — засмеялся он, довольный.

— Надо наклонять, — встряла Витька, — тогда и «пук» не будет.

— Шампанское должно пу... стрелять, — авторитетно сказал дядя Володя. — Прошу вас, Агриппина Игнатьевна. — И дядя Володя опрокинул шампанское в большой рот.

— Х-у-у, — сказал он. И поморгал маленькими глазами. — В нос дает.

Витька захохотал.

Мать с укоризной поглядела на него.

— Держите, Агриппина Игнатьевна.

Мать тоже выпила... И долго улыбалась и вздрагивала.

— Стремиться надо, Витя, — продолжал дядя Володя, наливая еще два фужера.

— Уж и то говорю ему: «Стремись, Витька...»

— Говорить мало. Что говорить!

— Как же воспитывать-то?

Дядя Володя кивнул головой, приглашая Грушу опрокинуть фужерчик.

— Х-у-у,— опять сказал он.— Все: пропустили по поводу воскресенья, и будет.— Дядя Володя закурил.— Я ведь злоупотреблял, крепко злоупотреблял...

— Вы уже рассказывали. Счастливый человек — сократились... Взяли себя в руки.

— Бывало, утром на работу идти, а от тебя, как от циклона, на версту разит. Зайдешь, бывало, в парикмахерскую — не бриться, ничего — откроешь рот: он побрызгает, тогда уж идешь. Хочешь на счетах три положить — кладешь пять.

— Гляди-ка!

— Да. В голове — дымовая завеса,— обстоятельно рассказывал дядя Володя, полагая, что это и занимательно и поучительно.— А у меня еще стол напротив окна стоял, в одиннадцать часов солнце начинает в лицо бить — пот градом!.. И мысли же комичные возникают: в ведомости, допустим, написано: «Такому-то на руки семьдесят пять рублей». А ты думаешь: «Это ж сколько поллитр выйдет?!» Хе-хе... И ведь начинаешь делить, вот что самое любопытное. Делить начинаешь невольно!

— До чего можно дойти! — сочувственно заметила мать.— Ай-яй!

— Гораздо дальше идут. У меня приятель был: тот все по ночам шанец искал...

— Что это?

— Шанс. Он его называл — шанец. Один раз искал, искал, и показалось же ему, что кто-то позвал с улицы, шагнул с балкона — и все, не вернулся.

— Разбился?!

— Ну, с девятого этажа... Он же не голубь мира. Когда летел, успел, правда, крикнуть: «Эй, вы что?!»

— Сердешный,— вздохнула мать.

Дядя Володя посмотрел на Витьку.

— Отдохни, Виктор. Давай в шахматы сыграем. Заполним вакуум, как у нас главный говорит. Тоже бросил пить и не знает, куда деваться. Не знаю, говорит, чем вакуум заполнить. Давай заполним.

Витька посмотрел на мать.

Мать улыбнулась.

— Ну отдохни, сынок.

Витька с великим удовольствием вылез из-под бая-

на... Мать опять взгромоздила баян на шкаф, накрыла салфеткой. Дядя Володя расставлял на доске фигуры.

— В шахматы тоже учишь, Виктор. Попадешь в какую-нибудь компанию: кто за бутылку, кто разные фигли-мигли с женским полом, а ты — раз — за шахматы: «Желаете?» К тебе сразу другое отношение. У тебя по литературе как?

— Трояк.

— Плохо. Литературу надо зубок знать. Вот я хожу пешкой и говорю: «Е-два, Е-четыре, как сказал гроссмейстер». А ты не знаешь, где это написано. А надо бы знать. Двигай.

Витька походил пешкой.

— А зачем говорят-то: «Е-два, Е-четыре...»? — спросила мать, наблюдая за игрой.

— А шутят,— пояснил дядя Володя.— Шутят так. А люди уже понимают: «Этого голой рукой не возьмешь». У нас в типографии все шутят. Ходи, Виктор.

Витька походил фигурой.

— А вот пили-то,— поинтересовалась мать,— жена-то как же?

— Жена-то? — дядя Володя задумался над доской: Витька сделал неожиданно каверзный ход.— Реагировала-то?

— Да, реагировала-то?

— Отрицательно. Из-за этого и разошлись, можно сказать. Не только из-за этого, но большинство из-за этого. Вот так, Витька! — Дядя Володя вышел из трудного положения и был доволен.— Из-за этого и горшок об горшок у нас получился.

— Как это? — не понял Витька.

— Горшок об горшок-то? — дядя Володя снисходительно посмеялся.— Горшок об горшок — и кто дальше.

Мать тоже засмеялась.

— Еще рюмаху, Владимир Николаич?

— Нет,— твердо сказал дядя Володя.— Зачем? Мне и так хорошо. Выпил для настроения — и будет. Раньше не отказался бы. Я ведь злоупотреблял...

— Вы говорили уже. Не думаете сходить-то? — вдруг спросила мать.

— С кем, с ней? Нет,— твердо сказал дядя Володя.— Дело принципа: она мне параллельно с выпивкой таких... вещей наговорила... Я, по ее мнению, оказываюсь «тоскливый дятел».

Мать и Витька засмеялись. Но мать тотчас спохватилась.

— Что же это она так? — сказала она якобы с осуждением той, которая так образно выразилась.

— Сильно умная! — в сердцах сказал дядя Володя. — Пускай теперь...

Пока дядя Володя волновался, Витька опять сделал удачный ход.

— Ну, Виктор!.. — изумился дядя Володя.

Мать незаметно дернула Витьку за штанину — уступи, мол. Витька протестующе дрыгнул ногой: он вошел в азарт.

— Так, Витенька... — дядя Володя думал, сморщившись. — Ты так? А мы — вот так!

Теперь Витька задумался.

— Детей-то проведуете? — спрашивала мать.

— Проведую. — Дядя Володя закурил. — Дети есть дети. Я детей люблю.

— Жалеет сейчас, небось?

— Жена-то? Тайно, конечно, жалеет. У меня сейчас без вычетов на руки выходит сто двадцать. И все целенькие. Площадь — тридцать восемь метров, обстановка... Сервант недавно купил за девяносто шесть рублей — любо глядеть. Домой придешь — сердце радуется. Включишь телевизор, постановку какую-нибудь посмотришь. Хочу еще софу купить.

— Ходите, — сказал Витька.

Дядя Володя долго смотрел на фигуры, нахмурился, потрогал в задумчивости свой большой, слегка подкрашенный нос.

— Так, Витька... Ты так? А мы — так! Шахович. Софы есть чешские... Раздвижные — превосходные. Отпускные получу, обязательно возьму. И шкуру медвежью закажу...

— Сколько же шкура станет?

— Шкура? Рублей двадцать пять. У меня племянник часто в командировку в Сибирь ездит, закажу ему, он привезет.

— А волчья хуже? — спросил Витька.

— Волчья вообще не идет для этого дела. Из волчьих дохи шьют. Мат, Витя.

Дождик перестал, за окном прояснилось. Воздух стал чистый и синий. Только далеко на горизонте гро-

моздились темные тучи. Кое-где в домах зажглись огни.

Все трое некоторое время смотрели в окно, слушали глухие звуки улицы. Просторно и грустно было за окном.

— Скоро зима, — вздохнула мать.

— Это уж как положено. У вас батареи не за... Хотя, у вас же печное! Нет, у меня паровое. С пятнадцатого затопят. Ну, пошел. Пойду включу телевизор, постановку какую-нибудь посмотрю.

Дядя Володя надел у порога плащ, шляпу, взял портфель...

— Ну, до свиданья.

— До свиданья.

— Виктор, а кубинский марш не умеешь?

— Нет, — сказал Витька.

— Научись, сильная вещь. На вечера будут приглашать. Ну, до свиданья.

— До свиданья.

Дядя Володя вышел.

Через две минуты он шел под окнами по тротуару, осторожно обшагивая отставшие доски, — серьезный, сутуловатый, положительный.

Мать и Витька проводили его взглядами... И долго молчали.

— Так это что же, — не скрывая изумления, заговорила мать, — он так и будет ходить теперь? Чего же ходить-то?

— Тоже ж... один кукует, — сказал Витька. — Вот и ходит. Гнать его в три шеи!

— А?

— Так и будет ходить. А чего ему?

Мать все никак не могла понять:

— Нет, так чего же тогда ходить? Нечего и ходить тогда.

Витька о чем-то вдруг задумался.

Дня через два они с Юркой решили одну хитроумную задачу. Волновались, спорили.

Тут же, в избе, у порожка, старик Наум налаживал улей.

— Если тут вот подпилить, он здесь наступит — она только вон где сработает. Она же не достанет его. — Так рассуждал умный Юрка.

— Почто не достанет?

— А рычаг-то вот где! Вот — нога наступила, а вот — рычаг, а вот аж где голова.

— Ну, а как?

— Надо рычаг ближе... И под тротуаром маленько подрывать...

— Кого это там пилить-то собираетесь? — спросил старик.

— Кто собирается? — поспешно сказал Витька. — Никто не собирается.

— Пакостить чего-нибудь надумали?

— Одно на уме! — воскликнул Витька.

— Это у вас одно на уме: где бы напакостить.

— Дед, — вступил Юрка, — надо же сперва доказать, потом уж говорить. Чего же зря-то говорить?

— Да ну его, — прошептал Витька. — Я понял: надо доску короче выбрать. Эти, другие, все маленько с виду подпортить, а эту нарочно сверху подновить — чтоб он на нее и наступил. Понял? Он наступит... Понял?

— А вдруг другой кто-нибудь пойдет и наступит? Витька об этом не подумал.

— А знаешь как? Как ему выходить, я выскочу и незаметно чурбак вытащу. А до этого чурбачок будет подпирать, чтоб никто не провалился. У нас там ходят-то — в день три человека. Я это все там сделаю.

И опять было воскресенье. Опять приходил дядя Володя. Приносил бутылку шампанского... Опять играли с Витькой в шахматы, опять говорили с матерью о сервантах, коврах и... алкоголиках. Долго, нудно...

А теперь дядя Володя стоял у порога и обстоятельно, нудно прощался.

— Ну, до свиданья.

— До свиданья, до свиданья, — говорила мать.

— Виктор, сейчас в моду входит летка-енка. Не умеешь?

— Не умею.

— Красивый танец.

— Все равно не умею.

— А вы, Агриппина Игнатьевна?.. Не умеете?

— Не умею.

— Вообще-то... это... я бы на вашем месте научился.

Попробуйте.

— Кто, я, что ли? — удивилась мать.

— Да.

— Танцевать?.. Или на баяне?

— Нет, танцевать. Есть одно обстоятельство... Ну ладно, потом. До свиданья.

— До свиданья.

— У меня тут родственники... У нас один диссертацию защищает... Ну, ладно, потом. До свиданья.

— До свиданья.

Дядя Володя вышел.

Мать не знала, сердиться ей или смеяться.

— Так и не отелился. Мычал, мычал, и — никак.

Вот же смешной человек!

— Счас он у нас... захохочет, — тихонько сказал Витька, глядя в окно.

В окне показался дядя Володя — серьезный, даже несколько важный...

Вдруг дядя Володя делает руками так, и его по шляпе хлопает доска...

— Хватит миндальничать! — сказал дядя Коля. Они разговаривали с матерью в большой комнате. А в маленькой горенке сидел грустный Витька и катал по столу бильярдный шар. — Дальше еще хуже будет. Испортим парня.. Завтра поедет ко мне и поживет пока. До зимних каникул хотя бы. Не реви, не хуже делаю, не хуже. Наоборот, мои ребяташки ему там по школе помогут.

Мать Витькина плакала, вытирала слезы концом платка.

— Жалко, Коля... Сердце запеклось, ничего тебе сказать-то путем не могу... Жалко.

— Да что, насовсем, что ли! — убеждал брат. — Да было бы хоть далеко!.. Двадцать верст — эка! Ну, приедешь когда, попроведуешь... До Нового года-то пускай поживет. Не даст он вам тут дело наладить, не даст. А наладить надо. И зря ты про мужика так думаешь, зря. Хороший мужик...

— Да больно уж он какой-то...

— Какой? А тебе что, красавца кудрявого...

— Да не красавца! У него же разговоров больше нету: пить бросил да мебель покупает.

— Ну, и что, хорошее дело.

— Да что же все об одном да об одном.

— Ну, рад, что бросил, вот и говорит про это. Потом, не знаю, конечно, но ему же тоже, наверно, охота с лучшей стороны себя показать. Вот мебель покупает. Бабам же нынче што — лишь бы не пил да деньги зря не мотал. Вот он и жмет на это. Его тоже понять надо. Мой тебе совет: не торопись с выводами. Подожди. А Витьку я заберу. И не переживай: хуже не будет. Будет только лучше.

— У тебя у самого там тесно...

— Ничего.

— Да Нюра бы не осердилась: скажет вот-от, еще племянника привез. Своих мало!

— Ну и дура будет, если так скажет. Да и не скажет сроду — поймет. Давай, нечего думать. Испортим парня. А так — мы его сейчас оторвем от всяких его дружок да от улицы, он волей-неволей за книжки сядет. Пусть поживет в деревне, пусть... Давай, собирай его — прямо сейчас и поедем. Чего тянуть-то? Да и мне надо сегодня же вернуться... Давай. Где он?

— Там.

Дядя Коля заглянул в горницу.

— Да где?

— Нету?! — испугалась мать. — Мать пресвятая богородица!.. Здесь был!

Дядя Коля подошел к окну, тронул створки — они распахнулись.

— Не пужайся — здесь он где-нибудь. В окно вылез.

Мать кинулась сразу к Юрке.

Витька был там. Юрка и Витька сидели на лавочке, дед лежал на печке, но не хворал, а так — погреться залез. Молчали.

, Быстро вошла встревоженная мать.

— Витька... Здравствуйте! Ох, Витька... — мать успокоилась, но еще не могла отойти от быстрой ходьбы. — Что же ты ушел, сынок? Там дядя Коля ждет...

Витька, Юрка и старик молчали.

— Пойдем домой. — Матери стало неловко, потому что она почувствовала в их молчании суд себе.

— Что, Витька... в ссылку ссылают? — сказал старик.

— В какую ссылку?! — вспыхнула мать. — Что ты, дедушка, говоришь-то!

— Да я шутейно,— успокоил старик.— Так я... болтанул. В гости он поедет. Хорошее дело.

— Пойдем, Витя,— опять сказала мать.

Витька сидел. Молчал.

— Я не в осуждение говорю,— продолжал старик.— Кого осуждать?— такая теперь жизнь. Но вот раньше понимали: до семнадцати годов нельзя парня из дома трогать. У нас тада вся деревня на отхожий промысел ходила... И вот, кто поумней был — отцы-то, те до семнадцати лет сына в город не отпускали. Как ушел раньше, так все: отстал человек от дома. Потому что не укрепился, не окреп дома, не пустил корешки. А как раньше время оторвался, так все: начинает его крутить по земле, как лист сухой. Он уж и от дома отстал и от крестьянства... А потому до семнадцати, что надо полюбить первый раз там, где родился и возрос. Как полюбил на месте — дома, так тебе это и будет — родина. До самой твоей смерти. Тосковать по ей будешь...

— Чего ты, дедушка, мелешь лежишь! — осердилась мать.— Полюбил не полюбил... Чего попало! Пойдем, Витька.

Витька встал... Подал Юрке руку.

— Пока.

— До свиданья. Пиши.

— Ладно. Ты тоже пиши. До свиданья, деда.

— До свиданья, Витька. Не забывай нас.

— Господи, прямо как на войну провожают... — не могла скрыть удивления мать.— Или, правда,— на заработки куда. Он едет-то — двадцать верст отсюда! К дяде родному!

— Это хорошо,— опять сказал старик.— Чего же?

Потом, когда шли по улице, мать сказала:

— Тебе там хорошо будет, Вить.

Витька молчал.

— Неохота?

Витька молчал.

Мать тоже замолчала.

Зато дома мать выпряглась.

— Никуда он не поедет,— заявила она брату с порога.— Не пуцу. Вот.

Дядя засмеялся.

— Ну, конечно, не надо: а то он там... потеряется. Заблудится. Волки его съедят... Витька, а ты-то чего? Тоже, как баба, елки зеленые! Чего ты? Мужик ты или не мужик?..

Ехали в деревню к дяде в легком коробке, сытая сильная лошадь бежала податливо. Коробок мягко качался на рессорах.

— Витька, почему ты не учишься, как все люди,— хорошо?

— Все, что ли, хорошо учатся? У нас в классе семь двоешников.

— А тебя разве самолюбие не заедает, что ты попал в эту семерку?

Витька промолчал на это.

— И все семь — мальчишки? Или и девчонки есть?

— Одна. Мы ее жучим, чтоб она исправлялась. Она бестолковая.

Дядя захохотал.

— Дак а себя-то... ха-ха-ха!.. Себя-то чего не жучите? О какие!.. А вы-то чем умнее — такие же двоешники, как она. А? Витьк?

— Она к нам не касается. Она же работать не пойдет.

— Во-он вы куда-а!.. — понял дядя.— Вот оно что. Та-ак. Ну, и кем, например, ты хочешь работать? Когда подрастешь мало-мало.

— Шофером.

Дядя даже сплюнул в огорчении.

— Дурак. Вот дурак-то! Это вас кто-нибудь подготавливает там? Или вы сами придумали — с работой-то?

— Сами.

— Вот долдоны-то! А учителя знают про ваш уговор?

— Нет. По восемь классов мы как-нибудь кончим...

— Тьфу! — расстроился дядя.— Хоть поворачивай и выдавай всю эту... шайку. Ты думаешь, шофером — хитрое дело? Это ведь кому уж деваться некуда, тот в шофера-то идет. Голова садовая! — Ну, ничего, ничего!! Я возьмусь за тебя. Шофером!.. Да это уж кого приперло: грамотешки нет — ну, в шофера. А так-то его бы черт туда затолкал, в шофера-то. А тебе... Ну, ничего, я тебя направлю на путь истинный. Ты у меня пятерошник будешь — на удивление всем.

А ехали лесом, воздух в лесу был зеленый. Тишина пугала. Витьке было интересно... И грустно.
— Ох, то-о... — запел вдруг дядя негромко, задумчиво.

То не ве-ете-ер ве-етку кло-онит,
Ох, да не дубра-авушка-а шуми-ит:
То-о мое, ох, мое сердечко сто-онет,
Как, ох, как осе-енни-ий лист дрожжи-ит...

И замолчал. И задумался.

— Эх, Витька-а,— сказал дядя невесело,— махнул-ся б я с тобой годами. Эх, и махнулся бы! — не глядя! Я б — не то что учиться, я бы черту рога свернул. Знаю теперь, как их свернуть можно, только... Но нам, Витька, война дорогу переехала. Война, будь она проклята. Не война, так я б теперь высоко-о летал. Да-а... А ты учиться не хочешь. Глупыш ты такой.

— Мама же вон не воевала, а тоже не выучилась.

— Мама не воевала, зато с голоду пухла здесь... Мама лет с пятнадцати работать пошла. Чего ты на маму киваешь? Счас не то время. Счас ты бо-ольшого дурака сваляешь, если не выучишься. Большого, Витька. Попомни мое слово.

...Приехали в деревню затемно.

Распрягли во дворе лошадь, дали ей овса.

— Ну, пойдем знакомиться... Не робей, там все свои.

В большой прихожей избы сидела за столом одна только круглолицая, ясноглазая, чем-то отдаленно напоминающая Витькину мать девушка, учила уроки.

— Знакомьтесь брат с сестрой,— сказал дядя Коля.

— Это Витя? — радостно спросила девушка.

— Витя. Собственной персоной.— Дядя разделся, взял у Витьки чемодан.— Раздевайся, Витька, будь как дома. Где все-то? Мать...

— Телевизор у Баевых смотрят.

— А наш чего же?

— Опять сломался. Раздевайся, Витя! Давай, я тебе помогу. Ну?.. Меня Ольгой зовут...— Ольга помогла Витьке снять пальтишко. Была она рослая, красивая и очень какая-то простая и приветливая. Витьке она очень понравилась.

— Надо же: такие глаза, и парню достались! — засмеялась Ольга.

Глаза у Витьки, правда, девичьи: большие, синие. Витька смутился. Нахмурился.

— Ты сперва не глаза разглядывай,— строго сказал отец,— а давай-ка накорми нас. Потом уж глаза разглядывай. А потом сделаешь мне его отличником. Срок — три месяца.

В городке дела хоть медленно, но подвигались к завершению.

В одно воскресенье Владимир Николаич пригласил Грушу к себе домой.

Шли принаряженные по улицам городка.

— Меня тут... некоторые знают... — предупредил Владимир Николаич,— могут окликнуть или позвать... куда-нибудь.

— Куда позвать?

— В пивную. Не надо обращать внимания. Ноль внимания. Я их больше никого не знаю, оглоедов. Чужбинников. Я сейчас опять на почете стал... Меня в приказах отмечают. Они злятся. Им же ведь все равно: уровень, не уровень — лезут!

— А самого-то не тянет больше к ним?

— К ним?! Я их презираю всех до одного!

— Хорошо,— искренне похвалила Груша.— Это очень хорошо! Теперь жить да радоваться.

— Я и так пропустил сколько времени! Я бы уж теперь главным был.

— А теперь-то еще опасаются пока главным-то ставить?

— Я думаю, что уже не опасаются. Но дело в том, что у нас главным работает старичок... Он уже на пенсии, вообще-то, но еще работает, козел. Ну, вроде того, что неудобно его трогать. Но, думаю, что внутреннее решение они уже приняли: как только этот козел уйдет, я занимаю его кабинет.

Пошли через городской парк.

Там на одной из площадок соревновались городошники. И стояло много зрителей, смотрели.

Владимир Николаич и Груша остановились тоже, посмотрели...

— Делать нечего,— негромко сказал Владимир Николаич, трогаясь опять в путь.

— А у вас, Владимир Николаич, я как-то все не спрощу, родные-то здесь не живут?

— Здесь! — почему-то воскликнул Владимир Николаич. — Тут вот в чем дело: они все на известном уровне, а я — отстал, когда принялся злоупотреблять-то. Ну, и... наметилось такое охлаждение. — Владимир Николаич говорил об этом, не сожалея, не огорчаясь, а как бы даже злясь на этих, которые «на известном уровне». — Но они об этом еще крупно пожалеют. Я им не... это... не мальчик, понимаешь, которого можно сперва не допускать к себе, потом, видите ли, допустить. У меня ведь так: я молчу, молчу, потом ка-ак покажу зубы!.. Меня же вот в районе-то все же боятся. Как выезжаю куда с ревизией... А дело в том, что меня иногда, как сильно-го бухгалтера, просят из других учреждений съездить обревизовать на местах. Как приезжаю, так сразу говорят: «Дятел прилетел!» Страх и уважение нагоняю. Меня же ничем не купишь. Сколько уж раз пытались: то барана подсунут, то намекут, мол, шифоньер по заказу сделаем или книжный шкаф... Фигу! А один раз поехал в промартель, тут вот, километров за сорок, ну, сижу в конторе. Приходят: «Владимир Николаич, мы тут валенки хорошие катаем... Может, скатать?» Что ж, давайте, говорю. Я заплачу по прейскуранту, все честь по чести. Это не возбраняется. Ладно. Через два дня приносят валенки. Так они что сделали: чтобы угодить мне, взяли да голенища-то несколько раз — вот так вот — изогнули, изогнули... Раза в три слой получился.

— Как бурки?

— Как бурки, только это не бурки, а нормальные валенки, но с голенищами такая вот история. Ладно. Я помалкиваю насчет голенищ. Сколько, спрашиваю, стоит? «Да ничего, мол, не надо». Кэ-эк я дал счетами по столу, как заорал: цена?! Полная стоимость по прейскуранту! И развернуть голенища, как у всех трудящихся!.. Я вам покажу тут!..

Прохожие, некоторые, стали оглядываться на них — Владимир Николаич всерьез кричал.

— Потихе, Владимир Николаич, — попросила Груша. — А то оглядываются.

— Да, да, — спохватился Владимир Николаич. — Это не очень интеллигентно. Горячность чертова...

И вот пришли они домой к Владимиру Николаичу. Этакая уютенькая квартирка в пятиэтажном кирпич-

ном ковчеге... Вся напрочь уставленная и увешанная предметами.

— Ну тс-с... Вот здесь мы и обитаем! — оживленно сказал Владимир Николаич.

И стал вежливо, но несколько поспешно предлагать Груше: снять плащик шуршащий, болонью, сесть в креслице, полистать журнал с картинками с журнального столика на гнутых ножках... Вообще, дома он сделался суетливым и чего-то все подхихикивал и смущался. И очень много говорил.

— Раздевайтесь. Вот так, собственно, и живем. Как находите? Садитесь. Я знаю, вы сейчас скажете: не чувствуется в доме женской руки, женского глаза... Что я на это скажу? Я скажу: я знаю! Не хотите? — журналичка... Есть любопытные картинки. Как находите квартирку?

— Хорошо, хорошо, Владимир Николаич, — успела сказать Груша.

— Нет, до хорошего тут еще... Нет, это еще не называется хорошо. — Владимир Николаич налаживал стол: появилась неизменная бутылка шампанского, лимоны в хрустальной вазочке, конфеты — тоже в хрустальной вазочке. — Хорошо здесь будет... при известных, так сказать, обстоятельствах.

— Холодильник-то как? В очереди стояли?

— В очереди. Мы вместе в очереди-то стояли, а когда разошлись, я сходил да очередь-то переписал на новый адрес — на себя. Она даже не знает, ждет, наверно. — Владимир Николаич посмеялся. — Ругает, наверно, Советскую власть... Прошу! Сейчас мы еще музыку врубим... — Владимир Николаич потрусил в другую комнату и уже оттуда сообщил: «Мост Ватерлоо!»

И из той комнаты полилась грустная, человечнейшая мелодия.

Владимир Николаич вышел довольный.

— Как находите? — спросил.

— Хорошо, — сказала Груша. — Грустная музыка.

— Грустная, — согласился Владимир Николаич. — Иной раз включишь один, плакать охота...

Груша глянула на него... И что-то в лице ее дрогнуло — не то жалость, не то уважение за слезы, а, может, — кто знает? — может, это любовь озарила на миг лицо женщины.

— Прошу! — опять сказал Владимир Николаич.

Груша села за стол.

— Нет, жить можно! — воскликнул Владимир Николаич. И покраснел. Волновался, что ли. — Я так скажу, Агриппина Игнатьевна: жить можно. Только мы не умеем.

— Как же? Вы говорите, умеете.

— В практическом смысле — да, но я говорю о другом: душевно мы какие-то неактивные. У меня что-то сердце волнуется, Груша... А? — Владимир Николаич смело воткнулся своим активным взглядом в лицо женщины, в глаза ей. — Груша?

— А?

— Я волнуюсь, как... пионер. Честное слово.

Груша смутилась.

— Да чего же вы волнуетесь?

— А не знаю. Я откуда знаю? — Владимир Николаич с подчеркнутым сожалением перевел взгляд на стол, налил в фужеры шампанского. — Выпьем на брудершафт?

— Как это? — не поняла Груша.

— А вот так вот берутся... Дайте руку. Вот так вот берут, просовывают, — Владимир Николаич показал, как, — и выпивают. Вместе. Мм?

Груша покраснела.

— Господи!.. да для чего же так-то?

— А вот — происходит... тесное знакомство. Мм?

— Да что-то я... это... Давайте уж прямо выпьем!

— Да нет, зачем же прямо? Все дело в том, что тут образуется кольцо.

— Да неловко ведь так-то.

— Да чего тут неловкого?.. Ну, давайте. Смелей! Музыка такая играет... даже жалко. Неужели у вас не волнуется сердце? Не волнуется?

— Да нет, волнуется... Господи, чего говорю-то?.. Зачем говорить-то об этом?

— Да об этом целые книги пишут! — взволнованно воскликнул Владимир Николаич. — Поэмы целые пишут.

Груша все никак не могла уразуметь, почему надо выпить таким заковыристым образом.

— Ну?.. — торопил Владимир Николаич. Он и правда волновался. Но жесты его были какие-то неуверенные, незавершенные. — Ну? А то шампанское выдыхается.

— Да давайте прямо выпьем, какого лешего мы будем косობочиться-то?

— Так образуется два кольца. Неужели непонятно? После этого переходят на «ты».

— Ну и перейдем на «ты»... без этих фокусов.

— Мы ломаем традицию. Традицию не надо ломать. Смелей!.. Просовывайте сюда вот руку... — Владимира Николаича даже слегка трясло. — Музыка такая играет!.. Мы ее потом еще разок заведем.

— Вот наказание-то! — воскликнула Груша. И засмеялась.

Витьку принялись подгонять в учебе сразу три отличницы: сестра Оля и две ее подружки, Лидок и Валья. Все девушки рослые и, как показалось Витьке, на редкость скучные. Особенно Витька невзлюбил Лидок. Лидок без конца сосала конфеты и поглаживала Витьку по голове. Витька стряхивал ее руку и огрызался. Девушки смеялись.

— Ну! — скомандовала Оля. — Повторим домашнее задание.

— Хоть уж в воскресенье-то... — попробовал было увильнуть Витька. Но Оля была непреклонна.

— Никаких воскресений! Ты у нас будешь... Циолковским.

— Нет, он у нас будет Жолио Кюри. — Лидок погладила Витьку по голове. — Верно, Витя?

— Да иди ты! — Витька так тряхнул головой, что у него шея хрустнула.

Девушки засмеялись.

— Не хочет. А кем же ты хочешь, Витя?

— Золотарем.

Лидок не знала такой профессии. Решила, что это что-то связанное с золотом.

— Ну, Витя, это тяжело. Это где-то в Сибири — там холодно.

Витя в свою очередь посмеялся от души. И не стал объяснять невестам, кто есть золотарь.

Сели за стол.

— Ты таблицу умножения знаешь, конечно? — начала Лидок.

— Знаю, конечно.

— Перемножь вот эти цифры. Только не сбейся.

Витька умножил скучное число на число еще более скучное, получил скучнейший результат.

— На.

— Пра-льно. Еще. Тренируйся больше.

— Ну и дура ты! — не выдержал Витька.

Лидок сделала большие глаза и перестала сосать конфетку.

— Витя, да ты что?! — изумилась сестра Оля. — Разве так можно?

— А чего она?..

— Чего она?

— Тренируйся... Кто же тут тренируется? Тренируются на турнике или в футбол.

— А зачем же обзывать-то? Нехорошо это.

— А еще городской! — вставила Валя.

— Они, городские-то, хуже наших, — заметила Лидок. — Получают там раннее развитие... и начинают. — Она опять принялась сосать конфетку. — Давай дальше. Умножь от это на это.

Витька стал умножать.

Лидок склонилась над ним сзади и следила.

— Не пра-льно, — сказала она. — Семью осемь — сколько?

— Пятьдесят шесть.

— Ну... А ты сколько пишешь?

— Шесть пишем... А!

— Ну, о-от.

Витька принялся снова вычислять.

Лидок стояла над ним.

— Та-ак, та-ак...

— Перестань сосать свои конфеты! — взорвался Витька.

Лидок толкнула ладошкой Витьку — носом к тетрадке.

— Умножай.

— Дура, — сказал Витька.

— Папа! — позвала сестра Оля.

Из горницы вышел дядя, строгий и озабоченный: он составлял какой-то отчет, на столе в горнице лежал ворох всяких ведомостей.

— Как же ему помогать? — пожаловалась Оля. — Он на нас говорит: «дуры».

— Зайди ко мне, — велел дядя Коля.

Витька не без робости зашел к дяде в горницу.

— Вот что, дорогой племянничек, — заговорил дядя, стоя посреди горницы с бумажкой в руке, — если ты будешь тут язык распускать, я с тобой по-другому поговорю. Понял? Я тебе не мать. Понял?

— Понял.

— Вот так. Иди извинись перед девками. Они целые невесты уж, а ты... Сопляк какой! С ним же занимаются, и он же начинает тут, понимаешь... Иди.

Витька вышел из горницы. Сел на свое место.

Девушки неодобрительно посматривали на него.

— Попало? — спросила Лидок.

Витька взял чистый лист бумаги... подумал, глядя на крупную Лидок... И написал размашисто, во весь лист: «ФИФЫЧКА». И показал одной Лидок.

Лидок тихонько ахнула, взяла лист и тоже что-то написала. И показала Витьке.

«ШИРМАЧ ГОРОДСКОЙ» — было написано на листе.

Витька не понял, что это такое. Взял новый лист и написал: «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА».

Лидок фыркнула, взяла лист и быстро написала: «ТЫ ЕЩЕ НЕ ДОРОС».

Витька долго думал, потом написал в ответ: «СВЕ-ЖАСРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО ДУБ».

Лидок быстро нагнулась и выхватила лист у Витьки. И пошла было с ним в горницу.

— Ну давай умножать-то?! — воскликнул Витька. — Чего ты бегаешь-то туда-сюда?

Какой-то родственник Владимира Николаича защитил диссертацию. По этому случаю давался банкет в ресторане. Приглашены были и Владимир Николаич с Грушей.

Опять шли улицей городка. Опять было воскресенье; где-то из громкоговорителя рвалась железная музыка.

Шли под ручку. И были нарядны пуще прежнего.

— Я вот этого знаю, — негромко сказал Владимир Николаич. — Только не оглядывайся! Попозже оглянись. Груша прошла несколько шагов и оглянулась.

— Ну? И что?

— Он раньше в «Заготконторе» работал... Мы однажды приехали с ним в командировку, он говорит: «У меня тут приятель в доме отдыха, пойдем к нему». Ну, пошли к приятелю... Выпили, конечно. И вот этот, который сейчас прошел-то, Струков его фамилия, берет гитару и начинает петь «Не шей ты мне, матушка»...

Потом идет в прыгательный бассейн... А там какие-то соревнования по прыжкам были. Он идет с гитарой на самую вышку и прыгает солдатиком, и поет.

— Да он что?!

— И что характерно: даже когда летел, он умудрялся играть на гитаре. Потом вынырнул, вылил из гитары воду и все равно продолжал играть и петь.

— В воде-то? Как же?

— Ногами работал... Ну, конечно, сообщили на работу. Приходил ко мне: «Напиши, как свидетель, что я случайно сорвался».

— Ну, и ты что?

— Ничего. Что я, дурак, что ли? Он случайно зашел на вышку, случайно прыгнул, случайно плавал в бассейне и орал... Все случайно! Кто поверит? Не стал я ничего писать.

— Ну, выгнали? С работы-то?

— Наверно. Не знаю, не встречал его после. Наверно, выгнали. Таких спортсменов долго не держат.

— Вот дурак-то!

— Не дурак! Какой он дурак? Это так называемые духари: геройство свое надо показать. Я, если напивался, сразу под стол лез...

— Под стол?

— Не специально, конечно, лез, но... так получалось: Я очень спокойный по натуре.

В ресторане для банкета был отведен длинный стол у стены.

Приглашенные некоторые уже сидели за столом. Сидели чинно, прямо. Строго поглядывали на другие столы, где ужинали, выпивали, курили, разговаривали...

Играла музыка, низенький, толстый человек пел итальянскую песню.

— Гордо, но — с уважением, — учил второпях Владимир Николаич, пока они с Грушей шли через зал к банкетному столу. — Станут интересоваться, где работаешь, — фабрика тонкорунного волокна. Все. Кем, неважно. В поведении можно быть немного небрежнее. Вон та, в голубом платье... Да вон, вон! — зашипел Владимир Николаич, показывая глазами, — возле самовара-то!

— Ну?

— Эту опасайся насчет детского воспитания: она в садике работает, какая-то там начальница, — загрызет...

— За что?

— Все. — Владимир Николаич широко заулыбался, полупоклонился всем и пошел здороваться с каждым отдельно.

Груша следовала за ним. На нее смотрели вопросительно, строговато. Женщина в голубом платье посмотрела даже подозрительно. Груша очень смущалась.

Наконец, они сели на отведенное им место. Получилось — напротив женщины в голубом, а по бокам пожилые и не очень пожилые, серьезные люди, явно не завсегдатаи ресторанные, больше того, кажется, презирающие всех, кто в тот вечер оказался в ресторане.

Смотрели в зал, переговаривались. Делали замечания. Не одобряли они все это — весь этот шум, гам, бестолковые разговоры.

— А накурено-то! Неужели не проветривается?

— Дело же в том, что тут специально одурманивают себя. Зачем же проветривать?

— А вон та, молоденькая... Вон-он, хохочет... Заливается!

— С офицером-то?

— Да. Вы посмотрите, как хохочет! — будущая мать.

— Почему будущая? У них сейчас это рано...

— Это уж вы меня спросите! — воскликнула женщина в голубом. — Я как раз наблюдаю... результат этого хохота.

— А где наш диссертант-то? — спросил Владимир Николаич.

— За руководителем поехал.

— За генералом, так сказать?

— За каким генералом?

— Ну, за руководителем... Я имею в виду Чехова, — пояснил Владимир Николаич. И повернулся к Груше: — У него руководитель какой-то известный профессор.

— А ты говоришь, генерал.

— Ну, генерал — в переносном смысле, — даже рассердился Владимир Николаич. Но говорил он негромко. — Я шучу так. Ты тоже пошути с кем-нибудь... Соседи чего-нибудь. Чего сидишь, как...

Груша, изумленная таким требованием, посмотрела на своего жениха... И ничего не сказала.

— Немножко будь оживленнее, — уже мягче сказал Владимир Николаич. — Не теряйся, я с тобой. Покритикуй алкоголиков, например.

Груша молчала.

А вокруг говорили. Подходили еще родственники и знакомые диссертанта, здоровались, садились и включались в разговор.

— Кузьма Егорыч,— потянулся через стол Владимир Николаич к пожилому, крепкому человеку,— не находишь, что он слишком близко к микрофону поет?

— Нахожу,— кивнул пожилой, крепкий.— По-моему, он его сейчас съест.

— Кого? — не поняли со стороны.

— Микрофон.

Ближайшие, кто расслышал, засмеялись.

— Сейчас, вообще, мода такая: в самый микрофон петь. Черт знает, что за мода!

— Ходит с микрофоном! Ходит и поет.

— Шаляпин без микрофона пел...

— Шаляпин! Шаляпин свечи гасил своим басом,— сказал пожилой, крепкий. Сказал так, как если бы он лично знал Шаляпина и видел, как тот гасил своим басом свечи.

— А вот и диссертант наш! — сказали родные.

К столу пробирался мимо танцующих мужчина лет сорока, гладко бритый, в черном костюме. И с ним пожилой, добрый, несколько усталый, очевидно, профессор.

Встали, захлопали в ладоши. Женщина в голубом окинула презрительным взглядом танцующих бездельников.

— Прошу садиться,— сказал диссертант.

— А фасонит-то! — тихо воскликнул Владимир Николаич.— Фасонит-то! А сам на трояк, наверно, с грехом пополам натянул. Фраер.

— Откуда ты такие слова знаешь?—удивилась Груша.

— Боже мой! — в свою очередь удивился Владимир Николаич.— Выпивать-то с кем попало приходилось. Нахватался, так сказать.

Захлопали бутылки шампанского.

— Салют! — весело сказал один курносый, в очках.— В честь свежеепеченного кандидата.

— Товарищ профессор, ну, как он там? Здорово плавал?

Профессор вежливо улыбнулся.

— За здоровье нового кандидата! — зашумели.

Кандидат встал.

— За здоровье наших дам! — сказал он.

Это всем очень понравилось. Выпили. Потянулись к закуске. Разговор не прекращался.

— Огурчики соленые или в маринаде?

— Саша, подай, пожалуйста, огурчики. Они соленые или в маринаде?

— В маринаде.

— А-а, тогда не надо. У меня сразу изжога будет.

— Тебе подать в маринаде? — спросил Владимир Николаич Грушу.

— Подай.

— Саша, подай-ка, пожалуйста, в маринаде. Что там за огурчики?..

— А танцуют ничего. А?

— Сергей... уже отметил. Слышите?! Сергей уже отметил: «Танцуют ничего».

Засмеялись.

— Подожди, он сам скоро пойдет. Да, Сергей?

— Можно. А что?

— Неисправимый человек, этот Сергей!

Владимир Николаич потыкал вилкой в огурчики, в салат... Потянулся поговорить с Кузьмой Егорычем. Но его как-то не замечали.

Поднялся курносый в очках.

— Позвольте?!

— Тише, товарищи!

— Дайте тост сказать! Двинь, Саша.

— Товарищи! За дам уже выпили... Это правильно. Но все-таки мы собрались здесь сегодня не из-за дам...

— Да, не из-за их красивых глаз.

— Да. Мы собрались... приветствовать нового кандидата, нашего Вячеслава Александровича. Просто, нашего Славу! И позвольте мне тут сегодня скаламбурить: слава нашему Славе!

Посмеялись, но не дружно.

Курносый посерьезнел.

— Мы надеемся, Слава, что ты нас... так сказать, не подведешь в своей дальнейшей деятельности.

Захлопали.

Курносый сел было... Но тут же вскочил.

— И позвольте, товарищи... Товарищи, и позвольте также приветствовать и поздравить, так сказать, руководителя, который направлял, так сказать, и всячески помогал и являлся организатором руководимой идеи! За вас, товарищ профессор!

Опять захлопали. Дружно захлопали.

Еще закусили. Но больше налегали на разговоры.

Кузьма Егорыч и человек с золотыми зубами наладили через стол разговор с укорами. А так как гремела музыка, то и они тоже говорили очень громко.

— Что же не звонишь? — спросил Кузьма Егорыч.

— А?

— Не звонишь, мол, почему?

— А ты?

— Я звонил! Тебя же никогда на месте нет.

— А я виноват, что меня нет на месте?

— Ну, так позвонил бы хоть! Я-то на месте.

— А я звонил вам, Кузьма Егорыч, — хотел влезть в разговор Владимир Николаич.

— А? — не расслышал Кузьма Егорыч.

— Я, говорю, звонил вам!

— Ну и что? А чего звонил-то?

— Да так. Хотел... это...

Но Кузьма Егорыч уже отвернулся.

— А где бываешь-то? В командировках, что ли? — опять стал допрашивать он человека с золотыми зубами.

— В командировках, — откликнулся тот. Но говорить ему не хотелось, он больше посматривал на танцующих.

— Ну, как? — спросил Владимир Николаич Грушу. — Ничего?

— Ничего, — сказала Груша. — Долго тут будем?

— А что?

— Да ничего, просто спросила.

— Не нравится, что ли?

— Нравится.

— Я уж думал, тебя перевели куда! — кричал Кузьма Егорыч.

— Никуда меня не перевели.

— Думаю, повысили его, что ли?

— Дождись, повысят! Скорей, повесят.

— Ха-ха-ха-ха!..

— Ну, что, Таисья Григорьевна? — обратился Владимир Николаич к женщине в голубом. Но женщина в голубом постучала вилкой по графину и сказала всем:

— Товарищи, давайте предложим им нормальный, хороший вальс. Ну что они... честное слово, неприятно же смотреть!

— В чужой монастырь, Таисья Григорьевна, со своим уставом не ходят.

— Почему не ходят? Мы же в своей стране, верно же. Давайте попросим сыграть вальс.

— Не надо. Не наше дело: пусть с ума сходят.

— А вот это... очень неправильное суждение! В корне неправильное!

— Да хорошо танцуют, чего вы? — сказал человек с золотыми зубами. — Я был бы помоложе, пошел бы... подергался.

— Именно — подергался. Разве в этом смысл танца?

— А в чем?

— В кра-со-те, — отчеканила Таисья Григорьевна.

— А что такое красота? — все пытался тоже поговорить Владимир Николаич. — А, Таисья Григорьевна? Если вы находите, что, допустим, вот этот виноград...

— Нет, Алексей Павлыч, вы что, не согласны со мной?

— Согласен, согласен, Таисья Григорьевна, — сказал человек с золотыми зубами. — Конечно, в красоте. В чем же еще?

Владимир Николаич помрачнел.

— Пойдем домой? — предложила Груша.

— Подожди. Неловко. Поймут, как позу.

— Саша, Саш!.. У тебя Хламов был? — разговаривали за столом.

— Был. Позавчера.

— Ну, как он?

— Он в порядке!

— Да? Устроился?

— Да.

— Довольный?

— Что ты!..

— Пойдем, Володя, — еще сказала Груша.

Владимир Николаич вместо ответа постучал вилкой по графину.

— Друзья! Минуточку, друзья!.. Давайте организуем летку-енку? В пику этим...

— Да что они вам?! — вконец рассердился человек с золотыми зубами. — Люди танцуют, нет, надо помешать.

Владимир Николаич сел.

Помолчал и сказал негромко:

— Ох, какие мы нервные! Ах ты, батюшки!..

Взял фужер с шампанским и выпил один.

— Володя, ты что это? — встревожилась Груша.

— Какие мы все... воспитанные, но слегка нервные! — не мог успокоиться Владимир Николаич. — Зубы даже из-за этого потеряли.

Никто не слышал его. Их с Грушей как будто даже и не было за столом — никто с ними не общался, никому не было до них дела.

— Какие мы все нервные! Да, Таисья Григорьевна?! — повысил голос Владимир Николаич, обращаясь к женщине в голубом. — Воспитанные, но слегка нервные. Точно?

Таисья Григорьевна внимательно посмотрела на Владимира Николаича.

— Нервные, говорю, все!.. — Владимир Николаич насильственно посмеялся.

— Что, опять? — спросила Таисья Григорьевна.

— А вы только не смотрите, не смотрите на меня таким... крокодилом-то: я же не в детсадишке. Верно? Что вы на меня так смотрите-то?

К Владимиру Николаичу повернулись, кто сидел ближе и слышал, как он заговорил.

Владимир Николаич встал.

— Пойдем! — велел Груше.

И они вышли из-за стола... И пошли.

За столом замолчали. Смотрели вслед им.

Пробрались через танцующих...

Надели в гардеробе плащи...

И вышли из ресторана.

— Что с тобой? — спросила Груша.

Владимир Николаич молчал.

— Зачем надо было так уходить?..

— Помолчи! — резко сказал Владимир Николаич. Но спохватился, что резко... Взял Грушу под руку. — Не сердись.

— Чего ты на них так?

— В гробу я их всех видел! — зло и громко сказал Владимир Николаич. И еще добавил:

— В белых тапочках!

Витька ходил по избе и учил наизусть.

...Вот и солнце встает,
из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поет,
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! Отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

Витька передохнул и еще повторил:

Не боли ты, душа! Отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

Подошел к окну и засмотрелся на улицу.

По улице, поднимая пыль, шло стадо коров... Коровы мычали. Хлопали ворота, впуская кормилиц. А где ворота не открывались, там коровы сами пробовали рогами поддеть их. Мычали.

Вошла сестра Оля.

— Что не учишь? — спросила.

— Я выучил. — Витька был настроен грустно.

— Проверим, — сказала Оля. Взяла учебник... — Какое задавали?

— «Утро».

— Давай. С выражением.

Витька стал читать:

Звезды меркнут и гаснут.

В огне облака,

Белый пар по лугам расстилается.

По зеркальной воде, по кудрям лозняка

От зари алый свет разливается.

Птички солнышка ждут, птички песни поют,

И стоит себе лес...

— Здравствуй! — воскликнула Оля. — Поехал.

— Что?

— Куда заехал-то? Дремлет чуткий камыш...

— А-а!

Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг,
Чуть приметна тропинка росистая...

— Ладно. Еще что?

— Составить описание вечера в деревне.

— Составил?

— Составил.

— Читай.

Витька прочитал:

— «Вечер. Солнышко закатилось. Курицы залезли на длинные жердочки и заснули. Петух спел последний разок и тоже задремал. Ночью опять будет орать. Стало тихо. У нас в городе лучше».

— И все?

— Все.

Оля засмеялась.

— Вечером вместе напишем. Я сейчас в кино бегу. «Длинные жердочки». — Оля опять засмеялась. — На — письмо тебе от мамки.

Оля ушла, а Витька пристроился ближе к окну и стал читать письмо. Читал, и письмо слегка подрагивало в его руках...

Пришел дядя Коля с работы.

— Здорово, Витька. Что это?.. От мамки?.. Ну-ка, чего она там?

Дядя Коля стал читать... Нахмурился, помычал, покусал губу...

— Ну! — сказал он огорченно. — Так у нас ничего не выйдет: не успел отъехать, она уже... ночей не спит. Эдак она себе всю душу растравит и нам тут... Чего так-то уж?

Дядя Коля посмотрел на Витьку.

Витька пожал плечами. Промолчал.

— Ты, Витька, читать читай, а к сердцу всякие эти... слова не допускай. Она — женщина, а ты мужик, должен быть крепче ее. Садись и напиши ей: ты, мол, мамка, не блажи там, у меня, мол, все в порядке, и душу мне не бреди такими письмами. Я сам ей напишу. Мы ее сюда в гости позовем. Пусть возьмет с недельку за свой счет и приедет. Ладно, Витька?

Витька кивнул головой — ладно.

— Не расстраивайся, — сказал дядя Коля. И ушел в горницу.

Витька посидел немного у окна... И вышел из избы.

...И ушел он за деревню, на косогор... Сел и стал смотреть в степь.

Вечер был серый, темное небо образовало над степью крышу. Под этой крышей было пасмурно, тепло и просторно. На западе сквозь тучи местами пробивалась зоря. Ее неяркий светло-розовый блеск делал общую картину еще печальней. Стал накрапывать мелкий-мелкий теплый дождик. Витька свернулся калачиком и лег. Земля была тоже теплая. Витьке сделалось совсем грустно. Он думал о матери...

Он вспомнил, как мать разговаривает с предметами — с дорогой, с дождиком, с печкой... Когда они шли в прошлом году из леса с грибами, она просила: «Матушка

дороженька, помоги нашим ноженькам — приведи нас скорей домой». Или если печка долго не разгорается, она выговаривает ей: «Ну, милая... ты уж сегодня совсем что-то... Чего раскапризничалась-то? Барыня какая». Витька любил мать, но они, к сожалению, не всегда понимали друг друга. Витьке, правда, очень хотелось быть шофером... А мать со слезами (вот еще не нравилось Витьке, что она часто плакала) умоляла его: «Учись ты, ради Христа, учись, сынок! Ты видишь, такая теперь жизнь пошла — ученые-то вон как живут! Я осталась неученая, так хоть ты-то выучись. Нам с тобой надеяться не на кого». Соседом ветеринаром она все глаза протыкала Витьке. Когда он едет домой на своей машине, она всякий раз вздыхает и говорит: «Вот живет человек, Витька! Вот это — живет». Верно, что из-за этого Витька и выстегнул его свинье глаз. Левый. Два дня караулил ее у забора с рогаткой...

— Матушка степь, помоги мне, пожалуйста, — попросил Витька.

А в чем помочь, он сам хорошо не знал. Он хотел бы быть сейчас дома. А как это сделать?

Он незаметно заснул.

...Разбудил его дядя Коля.

Когда Витька проснулся, дядя Коля стоял над ним и снимал с себя брезентовый плащ. Все сеялся нехолодный мелкий дождик. Было совсем темно.

— Замерз? — спросил дядя Коля.

— Не...

— Нет... — Дядя Коля поднял Витьку и стал закутывать в плащ. Плащ громко шуршал, а дождик тихонько шумел. — Ох, Витька, Витька... обормот ты мой милый... — Он взял Витьку на руки и понес. Тут только увидел Витька, что рядом стоит конь. — Садись.

Витька устроился на теплой конской спине. Дядя Коля сел впереди в седло.

— Ну что? — спросил он, когда поехали.

— Ничего.

— Тоскуешь без мамки?

Витька промолчал.

— Что мне с вами делать? — вздохнул дядя Коля. — Охота помочь, и не знаю, как. Вот же судьба, черт ее!.. Выпала. Стрел бы где-нибудь папу твоего... родимого, я

бы ему сказал пару ласковых. Дурак. Себе жизнь загробил и другим... Дурак,— еще раз крепко сказал дядя Коля.— Нашел радость в жизни. Пьют же люди, но не так же, чтобы все за ее, гадину, отдавать. Все, самое дорогое...

Дядя Коля закурил и долго молчал.

Ехали шагом.

Дождик перестал сеяться. Кое-где показались на небе звезды. По селу лаяли собаки. Разговаривали невидимые люди, слышался молодой беспечный смех. Близко где-то били палкой по чему-то мягкому, по перине, наверно, и приговаривали:

— Ты гляди, что делается — пыли-то! Пыли-то!

— Ничего, Витька...— заговорил дядя Коля.— Этот дядя Володя-то, он неплохой мужик. Пить хоть не будет. Не витязь, конечно... но уж... что теперь? Черт его бей уж — хоть такой: все хоть поможет вам. Все мужик в доме...

Витька представил почему-то, как дядя Володя танцует в их доме летку-енку. За него — сзади — держалась мать и тоже подпрыгивала. А за матерью подпрыгивали дед Наум, Юрка, разные молодые тети, подружки материны...

...Когда приехали домой, у Витьки окончательно созрел план действий.

У ворот дядя Коля соскочил с коня, открыл одну воротину, впустил Витьку.

— Расседлай его и насыпь овса. Седло в сенцы занеси — дождь, наверно, опять будет. Я пошел на собрание. Сам раздевайся и лезь сразу на печку.

Дядя Коля пошел от ворот и сразу пропал из виду, растворился в чернильной темноте.

Витька подождал, когда совсем затихнут его шаги, выехал из ворот, подстегнул коня...

Мерин разохотился в беге, нес ровно, быстро. Витька сперва ждал, что он где-нибудь споткнется, потом успокоился. Дорогу конь находил сам.

...К рассвету Витька приехал домой.

Мать спала, когда Витька въехал во двор. Она услышала стук ворот, вскочила. Прильнула лицом к окну.

Витька соскочил с коня, набросил повод на штакетину, постучал в дверь.

— Кто там? — Мать не на шутку испугалась.

— Я, — сказал Витька.

— Витька?! — Мать трясущимися руками долго отодвигала засов и все повторяла: — Господи, да что же это?.. Господи!.. Витенька, родной ты мой-то! — Она обняла сына, прижала к себе. — Господи!.. Да ты как? А дядя Коля где?

— Я один.

— Один-ин?! — от испуга мать даже запела. — Да ты что? Да как же? Да говори ты скорей, господи!.. Не случилось ли чего с вами дорогой-то?

— Нет. — Витька прошел в комнату, дождался, когда мать включит свет. Огляделся — искал, видно, признаки присутствия в доме чужого человека.

Мать во все глаза смотрела на сына.

— Да что случилось-то, Витька?!

— Ничего. — Витька присел на краешек кровати, долго молчал. И мать молчала, смотрела на Витьку... Какой-то он был странный, повзрослевший, что ли.

— Мам... — Голос у Витьки чуть дрогнул. — Ты... замуж-то не выходи. Не надо. Я теперь послушный буду. Учиться... ладно уж — хорошо буду. Мне только захотеть — я сумею... — Витька говорил негромко, с трудом. Смотрел куда-то в сторону.

Мать вспыхнула горячим румянцем, посмеялась — совсем некстати... Заговорила торопливо, фальшиво как-то — она что-то вдруг растерялась.

— Да тебе кто сказал, что я замуж-то выхожу? Во!.. Ты откуда взял-то? Ты что?

— Пойду коня расседлаю, — сказал Витька.

Когда он вышел, мать скоро натянула платишко, покружилась по комнате, не зная, что сделать, потом села к столу и заплакала. Плакала, и сама не понимала, отчего: от радости ли, что сын помаленьку становится мужчиной, от горя ли, что жизнь, кажется, так и пройдет... Так и пройдет теперь.

Когда Витька вошел, она еще плакала.

Витька сел напротив матери... Неловко, бережно тронул ее по волосам — погладил.

— Не надо, мам.

— Я ничего, сынок. Я — так. Чаю хочешь?

— Я насовсем приехал...

— Ну и хорошо! Это хорошо, сынок. Я бы в субботу сама за тобой приехала. Плохо мне без тебя... Не могу.

...Когда Витька засыпал уже в своей маленькой горенке, в своей родной кровати, он слышал неясно: приехал дядя Коля. Обрывки разговора слышал.

— Да уж вижу, вижу — конь-то стоит. Отлегло от сердца... Чуток не рехнулся, ей-богу, — гудел дядя Коля. — Ладно бы свой: перепугались с матерью, да все одни. А тут — вдвойне...

— Утром... не рассвело хорошо, слышу: стук — ворота стукнули...

— Да, главное, пришел домой, разделся, лег уж — я-то! Ну, спит, думаю. И мой — тоже — не хватились. А потом вспомнил: а чего же конь-то не заржал? А он у меня всегда: как прихожу откуда ночью, потихоньку всегда заржет. Соскочил да в сарай — нет коня...

— Я-то думала: вы вместе ехали-то. Думаю, задержался где...

— Думали, думали, — сказал полусонный Витька. — Я думал, ты думал, он думал... Мы думали.

Потом, совсем уж сквозь сон, едва-едва слышал:

— Да почему? Почему? Ты можешь толком мне объяснить?

— Не могу. Сама толком не знаю: не лежит душа, и все. Хоть ты что! Сама себя уговаривала, убеждала — не могу. Лучше век одна буду жить, только... Нет! Нет, нет и нет!

— Во! — удивился дядя Коля. — Это даже суметь надо — так опротивить за короткий срок. Чем уж он так насолил-то?

— Да, наоборот, все хорошо. Ни одного грубого слова... Нет, все хорошо. Только — нет, и все тут.

— Ну, на нет и суда нет. Насильно мил не будешь, не зря говорят. Ладно... Я думал, у вас выйдет что-нибудь. Ладно...

Дальше Витька не слышал. Заснул.

Проснувшись, Витька маленько поперебирал свое хозяйство: бильярдные шары, подковы, покрышку футбольного мяча, лампочку от автомобильной фары, автомобильное зеркальце... Все было на месте.

В прихожей комнате, на столе, лежала записка:

«Витя! Я поехала на базар. Поешь молоко и хлеб. Все в шкафу, скоро приду».

Витька открыл шкаф... Но есть не хотелось... Он вышел из дому.

Пошел к Юрке.

Старик и Юрка были дома. Очень обрадовались, увидев Витьку.

— О!.. Кто к нам пришел-то!

— Витька?.. Эгей! — смешно обрадовался старик. — На побывку, что ли?

— Совсем, — сказал Витька.

— Совсем? — удивился Юрка.

— Совсем. — Витька тоже был очень рад. Но он радость свою никогда особо-то не показывал. — Чего делаете?

— Чего делаем? — переспросил старик. — Мы тут, брат Витька, с разных сторон жизнь окружаем: я — сзади, он — спереди. Я себе гроб вот строгаю, вроде того, что досвиданькаюсь с ней, с жизнью-то, а Юрка в лоб ей метит — переделать норовит. — Старик и правда строгал какие-то доски, но вид у него был вовсе не печальный. — Вот чем мы тут занимаемся, Витька.

Витька посмотрел на Юрку: правда ли, мол, что гроб-то? Юрка кивнул, что правда.

— Я уж тут убеждал, убеждал его — бесполезно, — сказал он.

— Нет, тут вы меня не убедите. В своем гробике буду лежать... Своими руками сделанный.

— Во, дает! — сказал Витька.

— Я ее, каждую тесиночку-то, с лаской обделаю, аккуратно... Как жених в ём буду лежать!

— Да зачем?! — загорячился было Юрка. — Что за... дикость такая?

— Это не дикость. Какая дикость? У нас в деревне все старики так: кто мог, завсегда сам себе гроб делал. Что я, не знаю, какой мне гроб сделают? Тяп-ляп — и готово. Лежи потом... в хреновом гробу. Там сук вылезет, там трещина... На кой мне это надо? Я лучше сам... все тут по-людски сделаю.

— А что, заболел, что ли?

— Ничего подобного. С пенсии — опять заболею. А так — ни одно ребрышко еще не ноет. А гроб... Сделаю — пусть стоит, место-то не простоит. Вот так, ребяташки, так, орелики мои... Ничего тут удивительного нет: все помрем. Я уж, слава богу, пожил. Да и еще проживем! Пенсия вот скоро... масла опять купим в магазине... — Старик искренне засмеялся. — По Юркиному учению — это масло. Потом хворать полезу на печку...

— Вот логика! — сказал Юрка, тоже улыбаясь. — Железная. А чего ты приехал, Вить?

— Да этот гусь-то... он больше не будет ходить. Мама не велела больше.

— Да?

— Да.

— Давайте чай пить, раз такое дело! — весело сказал старик. Отложил рубанок, стряхнул с рубахи и со штанов стружки. — Счас медку принесем, яблоков... Заварим чай с парами. Слыхали такой — чай с парами?

— Нет. А как это?

— А вот счас сделаем. Это меня один сибиряк научил... У их там холода страшные, вот они и выдумали чай с парами. Подмети пока, Юрка, а я за медом схожу. Подмети, чтоб и мы в чистоте посиживали и чаек попивали. Будем чаек попивать и беседовать.

Старик вышел, а Юрка взял веник и стал подметать.

— Хорошо в деревне? — спросил он.

— Хорошо. Только скучно.

— Ну, это ты... не понимаешь. Разве там скучно? Это ты один там оказался, поэтому тебе показалось скучно. А так-то там не скучно.

— Может быть. Мне здесь больше нравится.

— Ну, конечно, — согласился Юрка. — Хорошо, что ты приехал.

— Я там скучал без вас, — признался и Витька.

— Мы тоже тебя тут вспоминали...

Вошел старик.

— Вот и медок. Счас... загуляем, запьем и ворота запрем. Не журись, ребята, — не пропадем!

БРАТ МОЙ...

В путанице ферм, кранов и тросов большой стройки девушка-почтальон нашла бригадира Ивана Громова... Иван, задрав голову, кричал кому-то:

— Смотреть надо, а не ворон считать!

Сверху что-то отвечали.

— Слезь у меня, слезь... Я тут с тобой потолкую! — проворчал Иван.

— Вы Громов?

— А?

— Громов Иван Николаич?

— Ну?

— Телеграмма...

Иван взял телеграмму, прочитал... Посмотрел на девушку, сел на грудь кирпичей, вытер рукавом лоб. (Девушка, видно, знает содержание телеграммы, понимающе смотрит на бригадира, ждет с карандашиком и квитанцией, где Иван должен расписаться.)

Иван еще раз прочитал телеграмму... Склонил голову на руки.

Подошли двое рабочих из бригады.

— Что, Иван?

— Отец помирает, — сказал Иван, не поднимая головы.

— Распишитесь, — попросила девушка.

— А?

— За телеграмму...

Иван машинально чиркнул, куда ему показали. Девушка ушла.

— Наука. — Один из рабочих взял телеграмму, прочитал.

— Семен-то... кто это?

- Брат.
- Нд-а...
- Подошли еще рабочие.
- Что?
- Отец у Ивана помирает.

...Взвыл с насадной тоской паровоз.
Иван в тамбуре вагона. Курит. Смотрит в окно...

...Сеня Громов, маленький, худой парень, сидел один в пустой избе, грустно и растерянно смотрел перед собой. Еще недавно на столе стоял гроб. Потом была печальная застолье... Повздыхали. Утешили, как могли. Выпили за упокой души Громова Николая Сергеевича... И разошлись. Сеня остался один.

...Вошел Иван.

Сеня, увидев его, скривил рот, заморгал, поднялся навстречу...

— Все уж... отнесли.

Иван обнял шуплого Сеню, неумело приласкал. Тот, уткнувшись в грудь старшего брата, молча плакал, хотел остановиться и не мог... Досадливо морщился, вытирал рукавом глаза.

— Ладно, перестань. Ладно, Сеня...

— Он все ждал... кхэх... На дверь все смотрел...

— Ладно, Сеня.

Братья не были похожи. Сеня — поджарый, вихрастый, обычно непоседа и говорун — выглядел сейчас много моложе своих двадцати пяти лет. Ивану — за тридцать, среднего роста, но широк и надежен в плечах, с открытым крепким лицом, взгляд спокойный, твердый, несколько угрюмый...

— Ладно, Сеня, ничего не сделаешь.

Сеня высморкался, вытер слезы, пошел к столу.

Иван огляделся.

— Что же один-то?

— А кому тут?.. Были. Посидели маленько, помянули и ушли. Вечером тетка Анисья придет, приберется.

Иван закурил, присел к столу, отодвинул локтем тарелку с кутьей. Еще раз оглянулся.

Сеня тоже сел.

— Поглядел бы, какой он сделался последнее время — аж просвечивал. Килограмм двадцать, наверно, осталось... А до конца в памяти был.

Иван глубоко затянулся сигаретой.

— Может, поешь с дороги?

— Пошли на могилу сходим.

Когда вышли из ограды, Иван оглянулся на родительскую избу. Она потемнела, слегка присела на один угол... Как будто и ее придавило горе. Скорбно смотрели в улицу два маленьких оконца... Тот, кто когда-то срубил ее, ушел из нее навсегда.

— Завалится скоро, — сказал Сеня, догадавшись, о чем думает брат. — Перебраться бы — никак руки не доходят.

— Тут, я погляжу, все-то не лучше.

— А кому строиться-то? Разъехались строители.. города строить.

Некоторое время шли молча.

— Почему так пусто в деревне-то? — спросил Иван. — Как Мамай прошел.

— Я ж тебе говорю..

— Да ну, все, что ли, разъехались?

— Много. А кто есть — все на уборке.

— У вас совхоз, что ли?

— Теперь совхоз... Отделение, а центральная усадьба в Завьялове. Когда колхоз был, поживее было. И район был в Завьялове — рядом совсем.

— А сейчас где?

— В Березовском.

— А ты шоферишь все?

— Шоферу. У нас в отделении шесть машин, я — главный.

— Механик, что ли?

— Старший шофер, какой механик.

Пришли на кладбище.

Остановились над свежей могилкой, обнажили головы... Мир и покой царства мертвых, нездешняя какая-то тишина кладбища, руки-кресты, безмолвно воздетые к небу в неведомой мольбе, — все это действует на живых извечно одинаково: больно.

Иван стиснул зубы, стараясь побороть подступившие к горлу слезы. Сеня шаркнул ладонью по глазам.

— Давай помянем, — сказал он.

Он, оказывается, прихватил бутылку красного вина и рюмку. Налил брату...

Иван выпил... Помолчал. Склонился, взял горсть влажной земли с могилы, размял в руке, сказал:

— Прости, отец.

— Уберемся с хлебом — оградку сделаю, — пообещал Сеня. — И березу посажу.

Налил себе, тоже выпил.

— Пошли, Сеня. Тяжело. Хоть по деревне пройдемся.

Обратно шли медленно.

— У тебя в семье-то все хорошо? — спрашивал Сеня.

— Нету семьи, — неохотно ответил Иван. — Разошлись.

— Почему?

— Потом...

Сеня качнул головой, но больше об этом говорить не решился.

— Поживешь здесь хоть маленько-то?

— Некогда, Сеня.

— Поживи, братка. А то мне одному... Хоть с недельку. А?

Иван переменял тему разговора

— Ты-то почему не женишься?

Сеня горестно оживился.

— Женись... когда они, паразитки, не хотят за меня. У меня душа кипит, — он стукнул себя в грудь сухим крепким кулачком, — а им — хаханьки. Пулей прозвали — и довольны. А я просто энергичный. И не виноват, что не могу на месте усидеть. Вон она — недалеко живет, Валька-то Ковалева... Помнишь, нет?

— Ефима Ковалева?

— Но.

— Так она же вот такая была.

— А сейчас под потолок вымахала. Вот люблю ее, как эту... как не знаю... Прямо задушил бы, гадину! — Сеня говорил скоро, беспрестанно размахивая руками. — Но я ее допеку, душа с меня вон.

— Красивая девка?

— На тридцать семь сантиметров выше меня. Вот здесь — во, полная пазуха! Глаза горят, вся гладкая... Я, как увижу, так полдня хвораю.

— Выбрал бы поменьше. Куда она тебе такая?

— Тут на принцип дело пошло. Вот тут оглобля одна рядом поселилась, на сорок три сантиметра выше меня...

— Кто?

— Ты не знаешь, они с Украины приехали. Мыкола. Он тоже в нее втюрился. Так тот хочет измором взять. Как увидит, что я к ней пошел, надевает, бендеровец, бостоновый костюм, приходит и сидит. Верись — нет, может два часа сидеть и ни слова не скажет. Сидит и все — специально мешает мне. Мне уж давно надо от слов к делу переходить, а он сидит.

— Поговорил бы с ним.

— Говорил! Он только мычит. Я говорю: если ты — бык, оглобля, верста коломенская, так в этом все? Тут вот что требуется! — Сеня постучал себя по лбу. — Я говорю, я — талантливый человек, могу сутки подряд говорить, и то у меня ничего не получается. Куда ты лезешь? Ничего не понимает!

Иван узнавал младшего брата. Как только не называли его в деревне — «пулемет», «трещетка», «сорока на колу», «корсак», — все подходило Сене, все он оправдывал. Но сейчас ему действительно, видно, горько было. Взъерошенный, курносый, со сверкающими круглыми глазками, он смахивал на подстреленного воробья (Сеня слегка прихрамывал), возбужденно крутил головой; показывал руками, какого роста «оглобля», Валька Ковалева, и как много у нее всего.

— А она?

— Что?..

— Она-то как к нему?

— Она не переваривает его! Но он упрямый, хохол. Я опасюсь, что он — сидит, и чего-нибудь высидит. Парней-то в деревне — я... да еще несколько.

— Трепещься много, Сеня, поэтому к тебе серьезно не относятся.

— А что же мне остается делать? — остановился Сеня. — Что я, витязь в тигровой шкуре? Мне больше нечем брать. — Сеня вдруг внимательно посмотрел на брата. — Пойдем сейчас к ней, а?

— Зачем?

— Ты объяснишь ей, что внешность — это нуль! Ты сумеешь, она послушает тебя. Ты ей докажи, что главное — это внутреннее содержание. А форма — это вон, оглобля. Пойдем, братка. Ты хоть поглядишь на нее.

Я ведь весь уж высох из-за нее. А ей хоть бы что! Я сохну, а она поперек себя шире делается. Это не девка, а Малахов курган какой-то...

— Ты не захмелел?

— Да ничего! Что я?.. Я редко пью. Это сейчас уже...
Пойдем.

— Ну пошли.

Уже вечерело. На улице появились люди — шли с работы.

Возле соседнего с домом Ковалевых двора Сеня остановился, спросил белоголового карапуза, который таскал на веревочке грузовик и гудел:

— Жиоф дома?

— Ой, — сказал карапуз, — он тебя мизинчиком поднимет.

— Скажи ему, чтоб он вышел. Иди, скажи. А я тебе завтра петушка привезу.

— Не обманешь?

— Нет. Сейчас помотришь эту оглоблю. Иди, Васька, скажи: пошли, мол, крепость брать.

Карапуз побежал в дом.

— Зачем ты? — спросил Иван.

— Сейчас увидишь...

— Ко-олька, иди клепись блать, Сенька-пуля зовет! — закричал еще на крыльце карапуз.

— Пойдем, ни к чему это, — опять сказал Иван.

— Подожди, подожди... Сейчас увидишь...

На крыльцо из дома вышел огромный парень, еще в рабочей одежде.

— Здорово, Микола! — вежливо поприветствовал Сеня. — Иди познакомься с братом.

Микола вытер тряпкой грязные огромные ладони, подошел к воротцам, протянул Ивану руку.

— Микола.

— Иван.

— Костюм погладил? — спросил Сеня.

— Он у меня всегда глаженный, — ответил Микола, не удостоив взглядом Сеню.

— Все, Микола. — Сеня высморкался на дорогу. — Больше он тебе не понадобится: идем договариваться насчет свадьбы.

Простодушный Микола беспокойно и вопросительно посмотрел на Ивана. Иван, чтоб скрыть неловкость, стал закуривать.

— Мели, Емеля... — сказал Микола.

— В общем, мы пошли. — Сеня первый деловито пошагал к дому Ковалевых.

...Валя только пришла с работы, умывалась во дворе под рукомойником. Увидев входящих Ивана и Сеню, ойкнула и, накинув полотенце, побежала в дом.

— Куда вы?! Я же без кофты!

— Видал? — спросил Сеня, грустно глядя вслед девушке.

— Это Валька? — удивился Иван.

— Она.

— Ну, Сеня... тут, по-моему, тебе нечего делать. Господи, растут-то как!..

— Пошли в дом.

— Она же не одетая.

— Она в горнице, а мы пока в прихожей посидим.

Громовы — отец, мать, молодая женщина с ребенком (невестка), младшая сестра Вали, школьница, тоже не по годам рослая, очень похожая на нее.

Поздоровались.

— Подсаживайтесь с нами, — пригласил хозяин.

— Спасибо, мы только из-за стола.

Братья присели на лавку у порога.

Ели хозяйева молча, с крестьянской сосредоточенностью. Натруженные за день руки аккуратно, неторопливо носили из общей большой чашки наваристую похлебку. Один хозяин позволил себе поговорить во время еды.

— Не захватил отца-то, Иван.

— Нет.

— Что же долго ехать шибко?

— Четверо суток почти.

Хозяин качнул головой.

— Эка... занесло тебя.

Из горницы выглянула Валя.

— Заходите.

Сеня с готовностью поднялся, ушел в горницу. Иван остался поговорить с хозяином.

— Где робишь там?

— На стройке.

— Ничто получаешь-то, хорошо?

— Да ничего, хватает. А Петро-то ваш где?

— А тоже, вроде твоего, в город подался, судьбу искать. Вы ить какие нонче: хочу крестьянствую, хочу хвост дудкой и... Наоставляют вот, с такими, и горя мало.— Старик кивнул в сторону невестки.

— Да уеду я, уеду, господи!— в сердцах сказала та.— Устроится он там маленько— уеду, лишнего куска не съем.

— Мне куска не жалко,— все так же спокойно, ровно продолжал старик.— Меня вот на их зло берет.— Он посмотрел на Ивана.— Уехать— дело нехитрое. А на кого землю-то оставили? Они уехали, ты уедешь, эти (в сторону младшей дочери) тоже уедут— им надо нивирситеты кончать. Кто же тут-то останется? Вот такие, как мы со старухой? А нам веку осталось— год да ишо неделя. Вон он, Сергеич-то... раз-два и скоырнулся. Так и все уйдем помаленьку. Что же тогда будет-то?

Из горницы выглянул Сеня.

— Иван, зайди к нам.

Иван бросил окурок в шайку, пошел в горницу. Слова старика нежданно вызвали в нем чувство вины; когда шел по улице и поразился пустотой в деревне, почему-то не подумал о себе.

Сеня ходил по горнице, засунув руки в карманы брюк. Видно, он только что-то горячо доказывал.

— Здравствуй, Валя.

— Здравствуйте.— Навстречу Ивану поднялась рослая, крепкая, действительно очень красивая девушка. Круглолицая, с большими серыми глазами... Высокую грудь туго облегал белая простенькая кофта. Здоровье, сила чувствовались в каждом ее движении, в повороте опрятной, гладко причесанной головы, во взгляде даже.

— Валя!..— невольно сказал Иван, пожимая ей руку.— Ты когда успела так вырасти?

— Годы, Иван... Вы уж сколько не были дома-то?

— Да ну, сколько?.. Ну, может, много. Только ты все равно не «выкай», я не привык как-то. Ты... ну, Валя, Валя...

Валя засмеялась, довольная.

— Что «Валя»?

— Красавица ты прямо.

— Да ну уж...

— Вот так мы ее тут и испортили,— встрял Сеня.— Каждый, кто увидит: «Красавица! Красавица!» А ей на руку.

— Сеня, ты же первый так начал,— с улыбкой сказала Валя.

— Когда?

— Когда из армии-то пришел. Ты что, забыл?

— Так то я один, а то вся деревня, языки вот такие распустили...

— Нет, Сеня, тут распускай, не распускай, а факт остается фактом.— Иван сел на стул.— Как живешь-то, Валя?

— Хорошо,— Валя внимательно посмотрела на Ивана, усмехнулась.— Надолго к нам?

— Да не знаю,— неопределенно ответил Иван.— Вспомнились слова старика Ковалева, и он невольно опять подумал о них.— Курить здесь можно?

— Пожалуйста. Я сейчас принесу чего-нибудь...— Валя вышла из горницы.

— Видал, что делается? — спросил Сеня.

— Видал. Неважные твои дела.

— Просто пройдет по горнице, а у меня вот здесь, как ножами... Видал, как счас прошла?

Иван не успел ответить. Вошла Валя, поставила на стол блюдец.

— Вот сюда пепел.

— Ты вот послушай его, если мне не веришь. Он больше нашего повидал,— начал Сеня.

— Ну? — Валя опять весело посмотрела на Ивана.

— Как было при царизме? — рассуждал Сеня.

— Как? — спросила Валя.

— Ручной труд. Эксплуатация человека человеком.— Сеня не мог сидеть, когда говорил.— Тогда, конечно, надо было, чтобы мужик был здоровый. Кого лучше эксплуатировать? Миколу или меня? Миколу. На него можно два куля навалить, и он понесет. Со мной хуже: где сядешь, там и слезешь. Теперь: наше время — атомный век. Спрашивается, для чего мне надо расти с колокольню? Я нажимаю стартер, завожу машину и везу три тонны. Сейчас даже модно маленьким быть. Японцы, например, все маленькие, и ведь живут — ничего! У нас же как вымахает какая-нибудь жердь, так все рады-радешеньки, без ума прямо! — Сеня не на шутку расхохотался.— Вырос детинушка. Лад-

но, он, допустим, один восемьдесят. А вот этот фактор у него работает? — Сеня постучал себя по лбу.

— Пулемет ты, Сеня,— сказала Валя.— Наговорил сорок бочек... Ну, к чему ты все? Ведь по твоей теории выходит, что я... какая же я модная?

— Я про мужиков говорю.

— Так если мужикам не надо быть здоровыми, то уж бабам-то и подавно. А я вон какая...

Иван засмотрелся на девушку. Валя перехватила его взгляд, усмехнулась и покраснела.

— Куда же мне деваться-то такой? — спросила обоих.— Эксплуатации нет, кули не надо таскать. Что же мне, закрывать глаза да головой в прорубь?

Сеня беспомощно, с надеждой посмотрел на старшего брата. Тот пожал плечами.

— Иван, хорошо в городе? — спросила Валя, как-то излишне пристально глядя на него. Ей хотелось говорить с ним.

— По-разному, Валя. Как везде.

— Ну, с нами-то не сравнишь.

— Сами виноваты! — опять встрял Сеня.— Умоляют людей: записывайтесь в самодеятельность — нет, понимаешь...

— Пошли вы со своей самодеятельностью! Что я, дура, что ли, вылезу на сцену ногами дрыгать. Я ее проломлю там у них.

— Ты можешь любую роль играть, не обязательно ногами дрыгать. Дрыгают в танцевальном кружке, а есть — драматический.

В дверь горницы постучали.

— Внимание,— Сеня поднял палец кверху.— Счас будет — акт!

— Да,— сказала Валя.

Вошел Микола в бостоновом костюме.

— Здравсте.

— Здравствуй, Коля. Садись.

Микола сел на стул, подпернул на коленях наглаженные брюки. Видно, что это его привычная поза.

— Рассказал бы нам чего-нибудь про город, Иван,— попросила Валя серьезно.— Как там живут?

— Живут... Лучше расскажите, как вы живете? Мне тоже интересно.

— Микола, расскажи,— попросил Сеня.

— На провокации не идем,— ответил Микола.

— Иной раз посмотришь в кино, душа заболит,— заговорила Валя.— Вот, думаешь, живут люди! Все нарядные ходят, чистенькие... В комнатах все блестит, все под руками... Господи. Правда, что ли, так живут?— Валя смотрела на Ивана. Сеня и Микола тоже смотрели на него. Ждали.

Иван долго молчал, задумчиво глядя на кончик сигареты.

Опять некстати припомнились слова старика. Поднял голову, увидел, что его с интересом ждут, усмехнулся.

— Я вам не скажу за всю Одессу... По-разному живут, ребята. Бывает, как в кино, бывает, похуже. Мне вот ночами часто деревня снится. Покос... Изба родительская. А давеча глянул на нее — и больно стало: то ли она постарела, то ли я...

— Ну вот у тебя сколько комнат в квартире? — Сене неприятно было упоминать об избе: его совести дело, что она заваливается, так он чувствовал.— Комнаты три?

— Перестань, Сеня. Что вы взялись допрашивать меня?

— Кого же нам допрашивать больше? — спросила Валя.— Друг друга, что ли?.. Мы и так все знаем.

— Мне расскажите.

— Я могу за всех ответить: середка на половинке живем,— сказал Сеня.

— Скучновато живем,— добавила Валя.

— Выходи за Миколу,— посоветовал Сеня,— каждый день будешь со смеху умирать.

Микола спокойно посмотрел на Сеню, хотел что-то сказать, но решил, видно, не стоит.

— Замуж надо, действительно,— согласился Иван.

— Замуж — не напасть... — непонятно сказала Валя. И, глядя на Ивана, спросила прямо: — А за кого замуж-то? Сене не подхожу — высокая, говорит, Микола — молчит. Не станешь же сама навязываться.

Обоих женихов слова эти ударили по сердцу.

— Минуточку!.. — взвился Сеня...

Микола пошевелился на стуле, так что стул угрожающе скрипнул.

— Легкая провокация.

Валя запрокинула назад голову, громко, искренне расхохоталась. Все трое невольно засмотрелись на девушку, открыто любясь ею.

— Все хаханьки,— заметил Сеня.

Микола пожирал Валю влюбленными глазами.

Иван смотрел внимательно, несколько удивленно.

Валя досмеялась до слез, вытерла воротничком кофты глаза, сказала:

— Не обижайтесь, ребята. Меня что-то смех разобрал. Бывает...

— Ну что, Сеня?.. Пойдем? — Иван поднялся.

— Посидите,— с просительной ноткой в голосе сказала Валя, глядя на Ивана. И такой это был взгляд — необычный, что Микола, например, обратил на него внимание.

— Устал я, Валя. Вы сидите, а я пойду прилягу немного.

— Ну уж...

— Правда. До свиданья.

Сеня посмотрел на Миколу. Микола на Сеню... Оба остались сидеть. Валя встала и пошла провожать Ивана.

— У нас в сенцах темно...

В прихожей отужинали.

Младшей дочери не было дома.

Невестка переодевала для сна девочку. Хозяйка убирала со стола. Старик рубил у порога табак в корытце.

Иван остановился около него.

— Самосад?..

— Он самый. Какой-то не крепкий — неонче уродился. Листовухи добавлю — все слабый.

Иван присел на корточки.

— Дай-ка попробую... Давно не курил.

— Спробуй, спробуй.

Валя стояла рядом, смотрела сверху на Ивана.

— Валька, ужинать-то... простынет все,— сказала мать.

— Потом,— откликнулась Валя.

Дед с Иваном закурили.

— Как?

— Хорошо!

— Донничка ишо потом добавлю — ничего будет.

— Ну, бывайте здоровы.

— Мгм.

Иван с Валею вышли в темные сени.

— Давай руку,— сказала Валя.— А то тут лоб разбить можно. Вот здесь ступенька будет.

— Где?.. Ага, вот она.

— Вот... теперь ровно.

Остановились. Плавал в темноте огонек Ивановой папироски.

Некоторое время молчали.

— Ну иди, а то там женихи-то... скучают.

— Пусть маленько поскучают.

— Сенька-то правда любит, Валя.

— Я знаю. И Микола тоже.

— Ну?..

— А я не люблю.

Молчание.

— Что делать? — спросила Валя.

— Что делать... На нет — спроса нет. Обидно, конечно, за брата... Но этому горю не поможешь.

— Нет, а что мне-то делать?

— Валя!.. Ты уж сама большая — смотри.

— А я любить хочу.

— Пора.

— А почему ты с женой разошелся?

— Кто тебе сказал?

— Сеня.

— Во звонарь-то... успел уж.

— Почему?

— Сложно это, Валя...

— Разлюбил? Или она тебя?

— Иди к женихам-то.

— Сколько поживешь у нас?

— Не знаю... Побуду пока. Сеньке тяжело одному...

Он хоть тараторит, крепится, а душонка болит...

Между тем в горнице происходил такой разговор:

— Тебе надо громоотводом работать, — советовал Сеня.

— А тебе — комиком, — невозмутимо отвечал Микола.

— Ты хоть знаешь, сколько комики получают? — спросил снисходительно Сеня.

— По зубам, в основном. За провокации.

— Комики даже лауреаты есть, комики есть депутаты Верховного Совета. Вы ж не понимаете ничего...

— А с какого этажа их спускают оттуда?

— Кого?

— Комиков.

— Я — комик? Ладно. Вот она сейчас придет, я буду молчать. Ты ж за счет меня только держишься, поэтому, что я говорю, а тебе молчать можно. А сейчас я буду молчать. Посмотрю, что ты будешь делать. Проведем такой опыт.

Микола молчал.

— Много вывезли сегодня? — спросил Сеня.

— Двенадцать ездов. Потом сразу два комбайна стали. Пока возились — стемнело.

— Сделали?

— Один. Ты ничего не заметил своим фактором?

— Чего заметил?

— Так. — Микола, видно, заметил какую-то перемену в Вале.

— Чего заметил-то?

Молчание.

— Ладно, сейчас я тоже буду молчать.

— Зря, — сказал Микола.

— Чего я не заметил?

Молчание.

— Все. Молчу и смеюсь внутренним смехом.

Вошла Валя. Села на кровать.

— Ну, что будем делать?

Молчание. Долгое.

— Вы что, поругались, что ли?

Молчание.

— Сень?

Молчание.

— Коля?

Молчание.

— Что случилось-то?

— Провоцируют, — пояснил Микола.

— Кто провоцирует?

— Вон... — Микола кивнул на Сеню.

— Я провожу опыт, — кратко сказал Сеня.

— Какой опыт?

Сеня сделал знак рукой.

Долго молчали все трое.

— Да ну вас! — рассердилась Валя. — Сидят, как два сыча.

Молчание.

— Тогда я ложусь спать.

— Сенька, брось, — взмолился Микола.

Сеня замотал головой — нет.

А Иван пошел к другу детства Девятову Василию.

Пришел, а у Девятовых — дым коромыслом: Василий спорил с женой, как назвать поворожденного сына.

— Ванька!.. — кричала жена Настя. — Где это ты их видел нынче, Ванек-то?! Они только в сказках остались — Вани-дурачки. Умру, не дам Ванькой назвать.

— Сама ты дура, — тоже резко говорил Василий. — Сейчас в этом деле назад повернули, к старому. Посмотри в городах...

— На черта он мне сдался, твой город! Там с ума начнут сходить, и ты за ними? Я своим умом живу...

— Да сын-то мой! — заорал Василий. Он был в рабочей одежде — заехал на время домой; у ворот стояла его машина. — Или чей?

— А мне он кто?!.

Супруги так увлеклись важным спором, что сперва даже не заметили гостя.

— Можно к вам? — спросил Иван.

— О! — удивился Василий. — Иван! Заходи.

Поздоровались.

— Что за шум, а драки нет?

— А вон — сына не дает Ванькой назвать.

— И не дам, — стояла на своем Настя.

— А как ты хочешь? — спросил ее Иван.

— Валериком.

— Иваны, говорит, одни дураки остались, в сказках. Много ты понимаешь! Спроси вот у него, как в городе...

— Мне ваш город не указ.

Иван заглянул в кроватку к младенцу.

— Лежит... А тут из-за него целая война идет. А чего ты, Настя, Иванов-то списала со счета? — спросил он Настю. — Не рано?

— Не рано.

— Зря. Иваны еще сгодятся.

— Вот кому сгодятся, тот пускай с ними и живет, а мы будем жить с Валериком. Правда, сынок? — Мать подошла тоже к кроватке, склонилась над сыном. — Уй

ти мой маленький, мой холесенький... Иваном. Еще чего!

— Ну, Валерик — это тоже не подарок, — заметил Иван, отходя от кроватки.

— Да плохо просто! — загорячился опять Василий. — Чем нехорошо — Иван Васильевич?.. Царь был Иван Васильевич...

— У нас сейчас, скажи, царей нету, — тютюшкалась мать с младенцем. — Нету, скажи, царей, нечего на них и оглядываться.

— Ну что ты будешь делать? — с отчаянием сказал Василий.

— Ну, е-мое, Валериком он тоже не будет, это я тебе тоже не дам. Как недоносок какой — Валерик... Он должен быть мужиком, а не...

— Будет Валериком.

— Нет, не будет!

— Нет, будет!

— Назовите в честь деда какого-нибудь, — посоветовал Иван. — В честь твоего отца или твоего.

— Да они обои — Иваны! — воскликнул Василий. — В том-то и дело!

Домой Микола пришел мрачный и решительный.

— Ты чего такой? — спросил отец.

Микола сел к столу, положил подбородок на кулаки, задумался.

— А?

— Так.

Отец готовился спать. Сидел на кровати в нижней рубашке, в галифе, босиком. Шевелил пальцами ног.

На печке лежал хворый дед Северьян.

До прихода Миколы они разговаривали и теперь вернулись к разговору.

— Он, старик-то, говорит: мы, говорит, пахали их, те поля. Приехали, обрадовались, землищи-то! И давай. Ну, год, два, три — пашем. Глядим, а песок-то с той стороны все ближе да ближе к нам. Нам, говорит, тогда старики и советуют: «Пусть эта земля лучше залежью будет, лучше поурежьте свои пашни, которые к северу, а эти не трожьте. Бросьте эти поля пахать, не трогайте». Собрались, говорит, мы миром и порешили: не пахать к югу от Сагырлака. И верно: остано-

вился песок. Трава-то его держать стала. А счас опять все распахали... И уж заметно, как сохнет к северу. Еще вот лет пять попашем — и сгубим пашню. Тогда и удобрениями ничего не сделаешь — сожжем только землю...

— Сказали бы начальству.

— А то не говорили! Доказывали: никакая это не целина, это залежь, специально которую не трогали, чтобы пески держать с юга. Ну, рази ж послушают!..

— Тять, я жениться надумал, — сказал Микола.

— Эка!.. — удивился отец. — Кого же брать хочешь?

— Вальку Ковалеву, — негромко ответил Микола.

Отец кивнул головой: слышал кое-что.

— Ты говорил с ней насчет этого?

— Та-а... — Микола мучительно сморщился. — Нет.

— Я сватать не пойду, — твердо заявил отец.

— Почему?

— Не хочу позора на старости лет. Знаю я такое сватовство: придешь, а девка ни сном, ни духом не ведает. Сперва договорись с ей, как все люди делают, тогда пойду. А то... ты вечно, Микола... — все за тебя отец. Прогонют, потом житья в деревне не будет, бежать от стыда придется.

— Ну, ты тоже прынь выискался: сватать он не пойдет, — сердито сказал дед Северьян. — Ты забыл, Тимоха, как я за тебя невесту ходил провожать? Забыл.

Тимофей недовольно нахмурился.

— Ведь не пойдет она за него. Слышал я — бабенки трепались — не глянется он ей.

— Пойдет! — сказал дед. — За такого парня!.. Чего ей еще надо?

— Почему ты думаешь, что не пойдет? — спросил Микола.

— Это уж тебе лучше знать. Хоть бы поговорил с девкой!..

— Пойдем, тять. Я один не сумею.

— Счас, что ли? — испугался отец.

— Счас.

— Ты что, опупел?

— Надо... А то поздно будет. Прощу тебя; один раз в жизни сделай!..

— Тимоха, помоги парню.

— Да почему счас-то? Кто так делает?..

— А то поздно будет. Фактор один появился... погн по будет.

— Какой фактор?

— Ну... поздно будет. Ее спровоцируют.

— Тимоха...

— Да ну вас к черту, вы что, на самом деле! Ночь-полночь — сваты заявились. Завтра хохотать все будут.

— Вот как раз счас самое время идти, — рассуждал дед с печки. — Никто не увидит. Откажут, никто знать не будет.

Тимофей вздохнул, задумался.

— Какой фактор-то? — спросил он сына. — Сенька, что ли?

— Нет.

— Собирайтесь и идите, а то спать лягут люди. Ничего с тобой, Тимоха, не случится — сходишь, не поху-дешь. Сделай одолжение парню. А девка, правда, хорошая — на ней пахать можно.

— Пойдем, тять.

— Язви вас в душу!.. Может, с матерью сходишь? Она счас придет...

— Та-а...

— Чего она, мать?.. Баба есть баба. Иди, Тимоха. Вишь, загорелось парню: значит, надо. Раз какой-то хвактор появился, не надо тянуть. Они нонче такие: не успеешь глазом моргнуть — поздно будет. опередить надо.

Отец снял грязные галифе, нашел в сундуке новые брюки, надел и, болезненно сморщившись, долго ловил негнушимися темными пальцами маленькую скользкую пуговицу на ширинке.

— Тц... сердце мое чует — на радость зубоскалам идем. Ни хрена из этого сватовства не выйдет. Подо-ждем хоть дня-то?

— Днем хуже.

— Какая тебе разница, Тимофей?

— Вот сошьют, оглоеды!.. Не лезет, хоть матушку-ренку пой.

— Чего там?

— Пугвица не лезет, мать ее...

— Подрежь ножницами петельку-то, — посоветовал дед.

Микола пригладил жесткие волосы. Долго стоял перед зеркалом.

— Чего бы сделать над собой? — спросил он деда. Дед подумал.

— Ничего, иди так. И так хорошо. Главное, смейся там побольше. Смешно, не смешно — ты: «Ха-ха-ха-ха...» Девкам это глянется. Был бы я не хворый, пошел бы с вами.

— Пол-литра-то брать, что ли? — спросил Тимофей отца.

— Возьмите в карман, — сказал дед. — Понадобится — она при себе. Не робейте, главное. Ты, Тимоха, тоже посмеивайся там поболее. А то ведь придете сейчас два земледава... слова сказать не сумеете.

Сеня был уже дома, когда пришел Иван.

— Что так скоро? — спросил Иван.

— Я один опыт провел: начал тоже молчать, как Микола. Он меня комиком зовет, а я ему сейчас доказал.

— Чего доказал?

— Что он без меня совсем пропадет.

— Чем доказал-то?

— Молчал.

— Ну?

— Ну, она нас обоих выгнала.

— Обоим вы комики... Как дети, честное слово.

— Нет, пусть он теперь не вякает.

— Что, девок, что ли, не хватает в деревне?

— Они не такие...

— Зря ты, Сенька... Ты же видишь, не любит она тебя.

Сеня — в майке и в длинных трусах — задумался около сундука.

— Видать-то я вижу, братка, — серьезно и грустно сказал он. — А отстать не могу. Умом все понимаю, а вот тут... болит. И ничего не могу сделать. Девки есть... полно. Но все не такие.

— Чем она тебе так уж?..

— Она какая-то надежная. Я бы с ней не пропал. Мне с ней легко как-то. Увижу ее, радуюсь, как дурак. Прямо, как праздник делается. И вот ты же заметил: я сразу остроумный какой-то становлюсь, жизнерадостный... Сейчас уж — какое горе, и то... вспомнишь про нее, легче становится. Я бы с ней хорошо прожил.

Иван прилег на кровать. Закурил. Непонятно, то ли слушал брата, то ли думал о чем-то своем.

— А так просто жениться — лишь бы жениться — не охота. Вон ребята женятся... Год-два поживут — и уже надоели друг другу. Он норовит, как бы скорей из дому да выпить с друзьями, она — ругается. И как скоро ругаться выучиваются! Так поливает, другой старухе не угнаться. Что за жизнь?.. Ни себе, ни людям. Охота не так.

— Всем охота, — сказал Иван. — Не всегда получается. Ты сам крепко виноват: смеются над тобой люди...

— Они ж не со зла.

— Какая разница. Доверчивый ты, душонка добрая и та... вся открытая. А есть любители — кулаком туда ткнуть. Тоже не со зла, а так — от скуки: интересно посмотреть, как скорчишься.

— Да меня, вроде, ничего... любят.

— Хм...

— Так ведь и я их люблю! Оттого иной раз и выкинешь какую-нибудь штуку, чтобы посмеялись хоть. А то ходят, как сонные... Жалко порой делается.

— Мало били... не рассуждал бы так.

— Тебе что, часто попадало?

— Я так, к слову. — Иван поднялся. Прошел к порогу, бросил окурочек в шайку. — Это хорошо, что ты парень веселый. Но иногда надо и зубы показать. А то заласкают, как... собаку шалавую, и последний кусок отнимут, и ничего не сделаешь. Пора это понимать, тебе уж, слава богу, двадцать шестой годик — не ребенок.

Помолчали.

Иван прошелся по избе, остановился у окна.

— Тишина на улице... Ни песен, ни гармошки. Как повымерло все.

— Нароботались люди — не до песен.

— Раньше-то что, не работали, что ли?

— Молодежи больше было.

— А где Ванька Свистунов? Тоже уехал?

— Ванька милиционером работает. Участковым. А живет в районе. Хорошо живет, дом недавно себе поставил.

— А Ногайцевы ребята?.. Колька, Петька.

— С Петькой я вместе в армию уходил. Меня-то в первый же год помяло в танке, а он дослужил. Отслужил

и завербовался куда-то. Не знаю даже где. А Колька на агронома выучился, тоже в районе живет.

— Нда-а...

— Да жить можно! — сказал Сеня, словно возражая кому. — От самих себя много зависит. Бежали-то когда? Когда действительно жрать нечего было. Счас же нет этого. Так уж... разбаловались люди, от крестьянской работы отвыкли. Учиться многие едут. Вот и нет никого. Ужинать будешь?

— А ты?

— Я не хочу что-то.

— Я тоже.

— Ты где был-то?

— К Васке Девятому заходил. Чего-то мне, Сенька, мысли всякие в башку полезли... Шел счас дорогой, раздумался...

— Какие мысли?

— Всякие. Нехорошо как-то стало.

— Залезла бы тебе одна мысль в голову — вот было бы дело.

— Какая?

— Остаться здесь. Я не из-за себя, а так... вообще. А чего? Все равно же... семьи там нету...

— А ты сам не подумывал уехать отсюда? — спросил Иван.

— Нет. Я один-то год в армии и то едва прослужил — тянет домой.

— Привык бы. Меня первое время тоже тянуло...

— Сам же говоришь: покос снится.

— Покос снится. Вообще, какой бы сон ни увидел — все я вроде вот в этой избе.

Помолчали.

— Он сколько в больнице лежал?

— Месяц. Потом меня вызвали: вези, говорят, домой.

— Он знал или нет, что у него...

— Нет. Может, догадывался последнее время. Один раз, недели за полторы, подозвал к себе и говорит: «Я знаю, у меня рак». Я успокоил его, бумажки всякие начал совать — вот, мол, гляди, тут написано. Меня в больнице научили. А последние три дня знал, что умирает...

— Что говорил?

— Ничего. Молчал. Тебя ждал...

— Пораньше бы телеграмму-то дал.

— Я думал, поживет еще. Кхах... Не надо про это... Забудешься — вроде ничего, а как... это... Лучше не надо.

— Не буду.

— С семьей-то почему не получилось?

— Та... длинная история. И поганая. Спуталась она там с одним... На работе у себя. Ну ее к... Тоже не хочу об этом.

— Любил?

— Дочь жалко... Иной раз подкатит вот сюда — хоть на стенку лезь.

— Видаешь ее?

— Переехали они... В другом городе. Не надо, Сеня. Долго молчали.

— Остался бы здесь, правда.

— Давай спать, поздно уже. Тебе ж на работу рано. Выключили свет, легли.

Но не спалось обоим — лежали с открытыми глазами, думали.

...Утром чуть свет к братьям пришла Валя.

— Поднялись? Здравствуйте! Давайте стоговлю вам чего-нибудь... — Сразу в маленькой избе сделалось как будто просторней, светлее, когда появилась она и зазвучал ее молодой, сильный, свежий голос. — Сеня, давай за картошкой!.. Мясо-то есть?

— Господи! — воскликнул Сеня. — Завались! В погреб.

— Давай в погреб! А я пока приберусь маленько, а то заплесневеете тут. Иван, собирай половик, неси на улицу — вытрясем. Шевелитесь, ядрена мать! Мне тоже на работу надо.

Сеня побежал в погреб. Иван неумело — ногой, начал было скатывать половик.

— Да не так, господи! Руками! Спина, что ли, отвалится — нагнуться-то боишься? Вот как... Неси. Я сейчас выйду. Отвык от деревенской работы?

— Какая это деревенская?..

— Она тут всякая, милок. У нас вон ребята коров доят, ничего.

— Брось ты?

— Чего? Поломались маленько и пошли. Комсомол помог, правда. Еще как доят-то!..

— Руками?

Валя засмеялась.

— Счас аппараты есть. Но и аппарат тоже не ногами управляется. Первое время матерились, а потом ничего... Смешно только смотреть на них. Неси.

Иван взял половик, понес во двор. Валя шла следом. Развернули половик, начали трясти. Сеня вылез из погреба с куском мяса.

— Картошки я начищу.

— Давай.

Мимо ворот по улице прошел на работу Микола. Увидев Валю во дворе Громовых, склонил голову и прибавил шагу.

— Что же не здороваешься, Коль? — крикнула Валя. Микола буркнул что-то и свернул в переулок.

Валя посмотрела на Ивана и засмеялась.

— Чего ты?

— Так. Смешинка в рот попала. Держи крепче... Пыли-то! Жени ты его, ради Христа, Иван. А то старуха-то измучилась...

— Какая старуха?

— Тетка Анисья-то ваша. Шутка в деле — с конца на конец деревни ходить старой хозяйничать тут.

— Он же говорит, в столовой ест.

— Да ест — одно, а прибрать вот, помыть, постирать...

Выскочил Сеня на крыльцо.

— Жарить будем или как?

— Это — как хотите.

— Иван?

— Мне все равно.

— Поджарим.

— Неси, хватит.

Иван свернул половик, и они ушли с Валею в избу.

На крыльцо опять вскочил счастливый Сеня... Пробежал по двору, набрал дров, снова исчез в избе.

...А над деревней, над полями вставало солнце... Ти-хо загорался нежаркий, светлый осенний день. Незримые золотые колокольчики высоко и тонко вызванивали прозрачную музыку жизни...

— Хо-о, Валюха!.. — Сеня отвалился от стола. — На весь день наелся.

— Едок, — упрекнула Валя. — Съел-то всего ничего. Вот оттого и не вырос — ешь мало.

— Начинается старая песня, — недовольно заметил Сеня. — Шел я лесом-просекой...

— Спасибо, Валя, — сказал Иван.

— На здоровье.

Сеня заторопился на работу.

— Закурим, братка, и я побежал. Надо еще свой «шевролет» собрать. На ходу сыпется, зараза.

Валя принялась убирать со стола. С затаенной надеждой глянула на Ивана.

Сеня прихватил из-под кровати какие-то железки, остановился на пороге.

— Не тоскуй здесь один-то. Хошь, возьми у дяди Ефима ружьишко, перепелов сходи постреляй. Они жирные сейчас. Вечером похлебку заварим. Или порыбачь... Удочки в кладовке, в углу...

— Сеня, — сказал вдруг Иван, — возьми меня с собой.

Валя и Сеня посмотрели на него.

— Зачем? — спросил Сеня.

— Ну... посмотреть поля родные...

Валя усмехнулась и качнула головой.

— Поехали! — сказал довольный Сеня.

...Посреди поля стоят комбайн и грузовик. Неподалеку — «начальственный» «газик». В «газике» директор совхоза. Рядом стоит комбайнер.

Из-под грузовика торчат ноги шофера.

Сеня с Иваном подлетели на мотоцикле, вздымая за собой вихрь пыли. Сеня издала зорал:

— По пятьдесят восьмой пойдешь! Понял? — Осадил мотоцикл, взял гаечный ключ и пошел к шоферу. Тот торопливо вылез из-под капота. — Развинчивай!

— Сеня...

— Быстро! А то я тебе счас нос отверну и к затылку приставлю.

— Не я же взял-то, разорался.

— А кто взял?

— Вон. — Шофер кивнул в сторону директора. Тот уже шел к ним.

— Здравствуй, Сеня.

— Что же получается: я...

— Подожди, Сеня, я сейчас все объясню. Этот охладмон залил в картер грязное масло и побил вал. А так как тебя нет...

— Что, меня век, что ли, не будет?

— Но комбайн-то стоит. А твоя все равно разобрана...

— Ее собрать — полчаса.

— Ну...

— Что же я-то делать буду?!

— Надо достать вал.

— Где? — Сеня подбоченился, склонил голову набок. — Интересно, где? Адрес.

— Чего-нибудь надо придумать, Сеня. Такое положение...

Иван наблюдал эту сцену со стороны.

— Ну, тогда я рожу его. — Сеня высморкался на стерню. — Если получится — можно двойняшку.

Шофер, незнакомый Ивану, хмыкнул и сочувственно заметил:

— Трудно тебе придется.

— Чего трудно? — повернулся к нему Сеня.

— Рожать-то. Он же гнутый, спасу нет... — Он кивнул на свой израненный вал, валявшийся тут же.

Сеня пошел на него с ключом. Шофер отскочил.

— Сенька!..

— Ладно, Сеня, брось его, — сказал директор. И крикнул на шофера:

— Делай свое дело! Остряк... Ты мне еще за вал выплатишь.

Шофер полез под капот. Директор взял Сеню под руку, отвел в сторону.

— Знаешь, у кого есть валы?

— У Макара?

— У Макара.

— Не даст. Вообще, я не хочу иметь с ним ничего общего.

— Хочешь не хочешь, а надо выходить из положения. Я бы сам поехал. Но мне он принципиально не даст. Ты как-нибудь на обаяние возьми его...

— Я его взял вчера на обаяние... Ладно, попробую.

— Попробуй.

Сеня с Иваном уехали.

...Через десять минут они подлетели к правлению колхоза «Пламя коммунизма». Сеня опять высморкался, молодежато взбежал на крыльцо... и встретил в две-

рях Макара Сударушкина. Тот собирался куда-то уезжать.

— Привет! — воскликнул Сеня. — А я к тебе... С добрым утром! — Сударушкин молча подал руку и подозрительно посмотрел на Сеню.

— Как делишки? Жнем помаленьку? — затараторил Сеня.

— Жнем, — сказал Макар.

— Мы тоже, понимаешь!.. Фу-у! Дни-то, а!.. Золотые денечки стоят!

— Ты насчет чего? — спросил Сударушкин.

— Насчет коленвала. Подкинь парочку.

— Нету. — Макар легонько отстранил Сеню и пошел с крыльца.

— Послушай, монумент!.. — Сеня пошел за ним следом. — Мы же к коммунизму подходим... Я же на общее дело...

Макар невозмутимо шагал к своей «Волге».

— Дай пару валов! — рывкнул Сеня.

— Не ори.

— Дай хоть один. Я же отдам... Макар.

— Нету.

— Кулак, — сказал Сеня, останавливаясь. — На критику обиделся?

— Осторожней, — посоветовал Макар, залезая в «Волгу». — Насчет кулаков поосторожней.

— А кто же ты?

— Поехали, — сказал Макар шоферу.

«Волга» плавно тронулась с места.

Сеня завел мотоцикл, догнал «Волгу», крикнул:

— Поехал в райком!.. Жаловаться. Готовь валы! Штук пять!

— Передавай привет в райкоме! — сказал Макар.

Сеня дал газку и обогнал «Волгу».

Когда выехали опять в степь, Иван попросил:

— Завези меня домой, Сеня.

— Чего?

— Да... неловко мне как-то: люди делом заняты, а я, как... этот, как тунец. Да еще не знаю никого... Сколько много людей новых! Все приезжие, что ли?

— Есть приезжие. А Мишку-то Докучаева ты разве не знал?

— Какого Мишку?

— А шофер-то? Лаялся-то я с которым...
— Это Мишка?!
— Мишка.
— Не узнал. Гляди-ка!.. А директор приезжий?
— Он, вообще-то, из нашего района. В райкоме раньше работал, попросился в совхоз. Сам попросился. Толковый мужик. А Макар — кулак.
— Ты не боишься с ними так разговаривать-то?
— А чего? — удивился Сеня.
— Да нет, я так... Ссади меня здесь, я пешком прой-
дусь.

Сеня остановился.

Иван слез и пошел по малой тропинке в деревню.

— Не скучай там! — крикнул Сеня. И газанул — поехал, оставляя за собой пыльный шлейф.

Иван догнал по дороге медленно двигающуюся подводу. Молодой человек, очень не деревенский на вид, вез на дрожках листовое железо.

— Отца хоронить приезжали? — спросил молодой человек.

— Да, — ответил Иван. — Только не успел.

— Он был безнадежен.

— А вы кто?

— Я здешний доктор. Он у нас лежал.

Иван с удивлением посмотрел на молодого человека — очень уж он не походил на доктора.

— Хороший старик, — продолжал доктор. — Совестьливый. Сам попросился из больницы — неудобно, что за ним ухаживают, судно подкладывают. Не привык, говорит, так. Ну, как там город поживает?

— Поживает... Что ему?

Молодой человек вдруг посмеялся своим мыслям.

— Видите, как у нас: поменялись местами. Я — коренной горожанин.

— Вы, что же, совсем сюда?

— Нет... Не думаю, — честно сказал доктор. — Наверно, как все: отработаю свои три года и поеду в свой город. А вас не тянет сюда?

— Как вам сказать... — замялся Иван.

— Значит, не тянет. — Молодой человек весело посмотрел на Ивана. — «Знать, в далекий тот век жизнь не в радость была, коль бежал человек из родного села». Так раньше певали? Все нормально, все естественно...

— Куда это железо-то?

— Холодильник будем делать. Выроем глубокую землянку, изнутри обошьем деревом и железом... Сам додумался: медикаменты хранить. Едва выбил железо — дошли до личных оскорблений с директором совхоза. Он говорит: буду жаловаться, а я: не буду ваш плеврит лечить. У него, видите ли, плеврит, так вот пусть дальше шагает с ним. Придет на прием, я ему велю клизму поставить... — Доктор весело поглядывал на Ивана.

— Но он же дал. Железо-то. — Иван тоже настроился на веселый лад. Как-то удивительно легко было с доктором.

— Да, но обозвал молокососом.

— А вы его как?

— Я? Я почему-то назвал его венником. Хотя почему венник? — сам не знаю.

Иван засмеялся.

В приемной райкома партии было человека три. Сидели на новеньких стульях с высокими спинками, ждали приема. Курили.

Мягко хлопала дверь кабинета... Выходили то мрачные, то довольные.

Сеня присел рядом с каким-то незнакомым мужчиной усталого вида. Мужчина держал на коленях большой желтый портфель.

— Вы крайний? — спросил его Сеня.

— Э... кажется, да, — как-то угодливо ответил мужчина.

Сеня тотчас обнаглед.

— Я вперед пойду.

— Почему?

— У меня машина стоит. Так бы я ничего.

— Пожалуйста.

К Сене подсел цыгановатый парень с курчавыми волосами, хлопнул его по колену.

— Здорово, Сеня!

Сеня поморщился, потер колено.

— Что за дурацкая привычка, слушай, руки распускай!

Курчавый хохотнул, встал, поправил ремень гимнастерки. Посмотрел на дверь кабинета.

— Судьба решается, Сеня.

— Все насчет тех тракторов?

— Все насчет тех... Я сейчас скажу там несколько слов,— курчавый заметно волновался.— Не было такого указания, чтобы закупку ограничивать.

— А куда их вам? Солить, что ли?

— Тактика нужна, Сеня,— поучительно сказал курчавый.— Тактика.

Из кабинета вышли.

Курчавый еще раз поправил гимнастерку, вошел в кабинет... И тотчас вышел обратно. Достал из кармана блокнот, вырвал чистый лист, пошел в угол к урне. Сеня с недоумением смотрел на него. Когда он чего-нибудь не понимал, он чуть приоткрывал рот. Курчавый склонился и стал вытирать грязные сапоги.

Сеня хихикнул.

— Ну, что?.. Сказал несколько слов? Или не успел?

— Ковров понастелили,— проворчал курчавый. Брезгливо бросил черный комочек в урну.

Усталый гражданин пошевелился на стуле.

— Что, не в духе сегодня? — спросил курчавого (он имел в виду секретаря райкома). Курчавый ничего не сказал.

— Не в духе,— сказал усталый, повернувшись к Сеня.— Точно?

— Я сам не в духе,— ответил Сеня.

...— Вот так,— сказал секретарь курчавому.— Так и передай там.

— Ладно. — Курчавый вышел.

Вошел Сеня.

— Здравствуйте, Иван Васильевич.

— Здорово. Садись. Что?

— Прорыв. Один наш охломон залил в картер грязное масло... И, главное, без меня! Она, говорит, у тебя все равно стоит!..— Сеня даже руками развел.

— Что случилось-то? — секретарь тряхнул головой.— Короче можно?

— Вал потел. В результате стоит машина. А запасных нету...

— У меня тоже нету.

— У Сударушкина Макара есть. Но он не дает. И главное, убеждает: нету. А я знаю...

— Так что ты хочешь-то?

— Позвоните Сударушкину, пусть он...

— Сударушкин пошлет меня куда подальше и будет прав.

— Не пошлет! — убежденно сказал Сеня.— Побойтесь.

— Ну, так я сам не хочу звонить. Что вам Сударушкин, снабженец? Докатались, что ни одного вала в запасе нету! Передай своему директору, чтобы он к обеду позвонил мне и доложил: «Вал достали». Я узнаю, будет стоять машина или нет. Все.

— Все понятно. До свиданья. Значит, мы звоним?

— Звоните.

Сеня вышел.

— Великолепно! — Сеня не знал, куда теперь двигаться.

В приемной остался один усталый гражданин. Сидел, не решаясь входить в кабинет.

— Пятый угол искали? — вежливо спросил он и улыбнулся.

Сеня грозно глянул на него... И вдруг его осенило: городской вид, а главное, желтый портфель — все это вызвало в воображении Сени чарующую картину склада запчастей... Темные низкие стеллажи, а на них, тускло поблескивая маслом, рядами лежали валы — огромное количество коленчатых валов. И городской незаметно сует ему пару...

— Слушай, друг! — Сеня изобразил на лице небрежность и снисходительность.— У тебя на авторемонтном никого знакомого нету? Пару валов вот так надо. Пол-литра ставлю.

Городской снял со своего плеча Сенину руку.

— Я такими вещами не занимаюсь, товарищ,— сказал он. Потом деловито спросил: — Он сильно злой?

— Кто?

— Секретарь-то?

Сеня посмотрел в глаза городского и опять увидел стройные ряды коленчатых валов на стеллажах.

— Нет, не очень. Бывает хуже. Иди, я тебя подожду здесь. Иди не робей.

Городской поднялся, поправил галстук. Прошелся около двери, подумал...

Дверь неожиданно распахнулась — на пороге стоял секретарь.

— Здравствуйте, товарищ первый секретарь,— негромко и торопливо заговорил усталый, ибо секретарь собирался уходить.— Я по поводу своей жалобы.

Секретарь не разобрал, по какому поводу.

— Что?

— Насчет жалобы. Она теперь в вашем районе живет и...

— Кто живет в нашем районе?

Усталый досадливо поморщился.

— Я вот здесь подробно, в письменной форме...— Он стал вынимать из портфеля листы бумаги.— Целый «Война и мир», хе-хе...

— Вот тут на улице, за углом, прокуратура,— сказал секретарь,— туда.

— Не в этом дело, товарищ секретарь. Они не поймут... Я уже был там.

Секретарь прислонился спиной к дверному косяку.

— Идите, там все понимают.

Усталый помолчал и дрожащим от обиды голосом сказал:

— Ну что же, пойдём выше.— Повернулся и пошел на выход совсем в другую сторону.— Все забыли!..

— Не туда,— сказал секретарь.— Вон выход-то!

Усталый вернулся. Проходя мимо секретаря, горько прошептал: — А кричим: «Коммунизм! Коммунизм!»

Секретарь проводил его взглядом, повернулся к Сене.

— Кто это, не знаешь?

Сеня пожал плечами.

— А ты чего стоишь тут?

— Уже пошел, все.

Грустный грустно шагал серединой улицы — большой, солидный. Круглая большая голова его сияла на солнце.

Сеня догнал его.

— Разволновался? — спросил он.

— Заелся ваш секретарь-то,— сказал грустный, глядя перед собой.— Заелся.

— Он зашился, а не заелся. Погода вот-вот испортится, а хлеб еще весь на полях. Трудно.

— Всем трудно,— сказал грустный.— У вас чайная где?

— Вот, рядом.

— Заелся, заелся ваш секретарь,— еще раз сказал грустный.— Трудно, конечно, такая власть в руках — редко кто не заестся.

— Ты из города?

— Да.

— У тебя там на авторемонтном никого знакомого нету?

— А что?

— Пару валов надо...

— Воллов?

— Валов. Коленчатых.

Грустный человек грустно посмеялся.

— Мне слышалось: валов. Надо подумать.

— Подумай, а?

Подошли тем временем к чайной. Вошли в зал. Грустный сказал:

— Сейчас... Сделаем небольшой забег — что-нибудь сообразим.

— Какой забег?

— В ширину.

Сеня не понял. Грустный опять посмеялся.

— Ну, выпьем по сто пятьдесят... Выражение такое есть.— Он грузно опустился на стул, портфель поставил на стол.— Садись.

— Слушай, тут же нет по сто пятьдесят.

— Как?

— Не продают.

— Тьфу!.. Демократия!

— Красного можно.

— Ну возьми хоть красного. На деньги.

Сеня принес бутылку вина, стакан.

— А себе стакан!

— Мы же в город поедем. На мотоцикле же. Как я поведу-то?

— А валы-то...— Грустный налил полный стакан, выпил, перекопился...— Ну и гадость!.. Чего только не наделают.— Налил еще полстакана и еще выпил.— От так.

Закурили.

— Валы, говоришь?

— Валы.

— Прямо хоть караул кричи?

— Точно. Погода стоит...

— Мне бы ваши заботы... А на кой они тебе сдались, эти валы?

— Я же тебе объяснял: полетел...

— Нет, я про тебя говорю. Машина-то чья?

— Моя.

— Личная?

— Какая личная!..

— А, государственная?
— Ну.
— А почему тебе жарко?
— Так я же на ней работаю!
— А ты не работай. Нет валов — загорай. У них же все есть — пусть достанут. Они же самые богатые в мире. Они, вообще, самые свобододолюбивые. Законов понаписали — во! — грустный показал рукой высоко над полом. — А все без толку. Что хотят, то делают.

Сеня оглянулся в зал.
— Чего ты орешь-то?
— Братство! Равенство!.. — Грустного неудержимо повело. Он еще выпил полстакана. — Они на «Волгах» развезают, а мы вкалываем — равенство.

Сене было нехорошо. Он не знал, что делать.
— Брось ты, слушай, чего ты развьякался-то? Поедем за валами.
— Вот им, а не валы! Пусть они на своих законах ездят. Я им покажу валы... — Грустный вылил остатки в стакан, выпил. — Пусть они — петушком, петушком... Пошли их к...

— Да мне нужны валы-то, мне-е! — Сеня для убедительности постучал себя пальцем в грудь.
— Вот им — принципиально! — Грустный показал фигу.

— Значит, не поедем?
— Нема дурных, как говорил...
— Что же ты мне, гад, голову морочил? Я сейчас возьму бутылку, как дам по твоей люстре, чтоб ты у меня рабочее время не отнимал. Трепач.
— Потихе, молодой человек. Сопляк. Разговаривать научились! Еще гадом обзывается... Я тебе найду место. Надо честно работать, а не махинациями заниматься! — Грустный явно хотел привлечь внимание тех немногих посетителей, которые были в зале. — А я на махинации не пойду!

Сеня оглянулся — никого знакомых мужиков не было. А одному такую глыбу не свалить. Это, видно, понял и грустный, и это его приободрило.

— Шенок еще, а уже махинациями занимаешься! Химичишь уже... Я вот отведу сейчас в одно место, там тебе покажут валы.

— Вот сука! — удивился Сеня. И хотел было уже идти. И увидел, как в чайную вошел Микола... Повер-

нулся к грустному и коротко и властно скомандовал:

— Встать!
Теперь удивился грустный. Маленькие его глаза вовсе сошлись у переносья.

— Что-о?..
— Микола! — позвал Сеня. — Иди-ка сюда, тут твои поршня требуются.

Огромный, грязный Микола пошел к столику...
Грустный тухнул.
— Чего? — спросил Микола.
— Шпион, — показал Сеня на лысого. — Сейчас мы его ловить будем. Встать!

— Брось дурить-то...
— Микола, ты бери портфель — там факты лежат, — а я буду его окружать. — Сеня двинулся «окружать».

Лысый взял портфель и пошел из чайной.
— Хулиганье, черти.

Сеня провожал его до двери. У двери дал ему хромой ногой пинка под зад.

— От-тютюшеньки мои!
Лысый оглянулся во гневе...

— От так!.. по мягкой по твоей! — Сеня еще разок достал лысого. — Микола, иди, тут с моей ногой ничего не сделаешь — она у него, как перина. Тут кувалду надо...

Лысый плюнул и ушел от греха подальше.
Все сидевшие в зале с интересом и любопытством наблюдали за этой сценой.

Сеня вернулся к столику, где стоял Микола.
— Ты что делаешь-то? С ума, что ли, сошел?

— Посулился гад такой вал достать, а сам обманул.
— Какой вал?

— Коленчатый. У нас вал полетел, а запасного нету. У вас нету?

— Что ты!..
— Хоть матушку-репку пой. К Макару, что ли, еще съездить...

— А что это за человек-то был?
— А хрен его знает.

— Так он же тебя сейчас посадит.
— Не посадит. А в «Заре» нет запасных, не знаешь?

— Ты лучше иди отсюда, он сейчас с милиционером придет.

Сеня посмотрел в окно, потом на Миколу.

— Да? Вообще-то лучше, конечно, без приключений... — И Сеня скорее похромал из чайной.

Микола подошел к стойке, посмотрел меню... Задумался, посмотрел в окно и тоже пошел из чайной.

— Еще в свидетели сейчас запишут, — сказал он буфетчице на прощанье.

...Только к вечеру Сеня добыл вал. Но теперь у него стал мотоцикл. Сеня, грязный по уши, копался в нем.

...Микола издали узнал знакомую маленькую фигурку на дороге. Подъехал, остановился.

— Чего у тебя?

— Прокладку пробило... Зараза. Весь изматерился.

Микола подошел, тоже склонился к мотоциклу.

— Вроде сделаю, пачку заводить — чихнет пару раз и глохнет.

Микола внимательно исследовал неполадку... Покачал головой.

— Надо новую.

— Надо... Курево есть?

— Есть.

— Давай перекурим это дело.

Микола, вынимая из кармана папиросы, увидел коленчатый вал.

— Достал?

— Достал. Новенький. Если теперь кто сунется еще раз к моей машине, стрелять буду.

— А где достал?

— Тайна, папаша, покрытая мраком.

— Трепло.

— Там больше все равно нету.

...Сидели курили.

Мимо, по тракту, шли и шли машины, груженные хлебом. Навстречу ехали пустые. А когда машин не было, слышно было, как в сухом теплом воздухе стрекочут кузнечики и заливаются вверху невидимые жаворонки.

Поле за трактом было уже убрано; земля отдыхала от гула машин и тучной ноши своей — хлеба. Только одинокие свежие скирды соломы золотились под солнцем.

Парни смотрели вдаль, думая каждый о своем.

— По двадцать семь на круг выходит, — сказал Микола. — Такой — даже у нас редко бывал.

Сеня взял с земли какой-то плоский предмет, обернутый тряпкой... Развернул тряпку, показал — патефонная пластинка.

— В районе купил.

Сеня прищурил глаза, прочитал:

— Рада Волшанинова. «Уйди». «Когда душа полна» — в скобках. Нет, вот эта: «Не уезжай ты, мой голубчик». Тоже Рада. Братке везу, пусть послушает. Тонкий намек...

Микола глянул на Сеню... Поднялся, задавил каблук окурком.

— Нужны ему твои... голубчики, как собаке пятая нога.

— Ничего говорить не буду, заведу молчком и сяду. Вот поет, слушай!.. Я давеча в раймаге чуть не заплакал. Давай забросим к тебе мотоцикл, а то я тут ночевать буду. Бери его... — Сеня завернул пластинку, взял коленчатый вал и понес в кабину.

Микола повел мотоцикл к задку кузова.

Вместе забросили мотоцикл в кузов.

Поехали.

Сеня положил пластинку в багажник. Вал держал в руках, как ребенка.

Некоторое время молчали.

Иван курил, сидя на кровати.

Валя подошла к нему.

— Встань-ка, я застелю.

Иван поднялся... Оказались друг против друга. Близко. Иван засмотрелся в ее чистые, чуть строгие от смущения глаза..

— Сватать меня вчера приходили, — тихо сказала Валя.

Иван молчал.

— Что же не спросишь — кто?

— Я догадываюсь.

— Ну? — требовательно и нетерпеливо спросила она.

— Что?
— Что же не спросишь, чем кончилось-то? Сватовство-то.
— Я знаю.
— Господи!.. Все-то он знает. Какой ведь еще... Чем?
— Отказом.
— Отказом... Легко сказать: мне их жалко обоих. Сеньку даже жалче.
Помолчали.
— Почему ж ты молчишь-то, как каменный?
— Потому что мне тоже жалко.
— А меня так вот никому не жалко!.. Или ты это — из жалости?
Иван повернул ее лицом к себе.
Валя быстро смахнула ладошкой слезу.
— Господи... так скоро и такой дорогой стал. — Валя сняла у него с подбородка табачинку, прижалась горячей ладошкой к заросшей щеке, погладила. — Колючий...
Иван обнял ее, прижал к груди. Долго стояли так.
— Валя, Валя... Мне кажется, я сумку отнимаю у нищего на дороге.
— Ты про Сенью?
— Про Сенью и про...
— Ну, а что же мне-то делать, Ваня, голубчик? Мне ведь тоже любить охота. Кто же любить не хочет?
— Все хотят, — согласился Иван.
— Если бы я пожила-пожила да снова родилась — тогда можно и так как-нибудь. А снова-то не родишься.
— Также верно. Все понимаешь.
— Господи, я вообще все понимаю! Мне, дуре, надо было мужиком родиться, а я вот...
— Не жалей!
— Как не жалеть! Были бы у нас права одинаковые с вами, а то...
— Что?
— Вам все можно, а наше дело — сиди скромничай.
— Что — «все»-то?
— Да все! Захотел парень подойти к девке — подходит. Захотел жениться — идет сватает. А тут сиди выжидай...
Иван крепко поцеловал ее.
— Чего глаза-то закрыла?

— Совестно... И хорошо. Как с обрыва шагнула: думала — разобьюсь, а взяла — полетела. Как сон какой...
Иван поцеловал ее в закрытые глаза.
— Теперь смотри...

Когда он ее целовал, вошел Сеня... Мгновение стоял, пораженный увиденным, потом повернулся и хотел выйти незамеченным. Но споткнулся о порог... В этот момент его увидел Иван. Валя ничего не видела, не слышала. Открыла глаза, счастливая, и ее удивило, как изменился в лице Иван.

— Ты что?

Иван прижал ее, погладил по голове.

— Ничего. Ничего.

— Так как-то изменился...

— Ничего, ничего. Так.

Сеня загремел в сенях, закашлял.

— Сеня идет.

Валя отошла к столу, принялась готовить.

— Как раз к ухе-то. Он ее любит. Сейчас — страда, некогда, а то все время на речке пропадает.

Вошел Сеня. Улыбчивый.

— Привет!

— Здравствуй, Сеня! Как раз ты к ухе своей любимой подоспел.

— Так я ведь... Где только не подспею! — Сеня мельком глянул на Ивана, проверяя: видел тот его, как он выходил из избы? Иван ничем себя не выдал — сидел как всегда спокойный. Он боролся с собой, как мог, — горько было. — Ходил удить?

— Посидел маленько. Плохо клюет.

— Э-э, это уметь надо! Мы вот с дядей Емельяном всегда вместе ходим и сидим на одном месте — он нарочно подсаживается... И что ты думаешь? Я не успеваю дергать, а он только матерится. А я и сам не знаю, как у меня получается. Иной раз и не хочешь, а смотришь — клюет.

Иван кивнул головой, поддакнул:

— Бывает. Что это у тебя?

Сеня положил пластинку, достал патефон, завел.

— Ты чего это, Сень? — спросила Валя.

— Пластинку одну купил... Услышал давеча в раймаге — поглянулось.

Иван, когда Сеня суетился с патефоном, смотрел на него. И ему нелегко было. Только Вале было легко и хорошо.

— Какую пластинку-то?
— Вот... слушай.

Не уезжай ты, мой голубчик,
Печально жить мне без тебя;
Дай на прощанье обещанье:
Что не забудешь ты меня.

Цыганистый с надрывом голос больно ударил по трем потревоженным сердцам. Трое, притихнув, внимательно слушали.

Скажи ты мне, скажи ты мне,
Что любишь меня.
Что любишь меня.
Скажи ты мне, скажи ты мне,
Что любишь ты меня,—

стонал, молил голос.

Сеня, пытаюсь унять боль и волнение, хмурился, шваркал носом. Ни на кого не смотрел.

Валя повлажневшими глазами открыто смотрела на Ивана.

Иван курил, тоже слегка хмурился, смотрел вниз, как виноватый.

Когда порой тебя не вижу,
Грустна, задумчива сижу;
Когда речей твоих не слышу,
Мне кажется,— я не живу.

Слушают...
Сеня...
Иван...
Валя...

Скажи ты мне, скажи ты мне,
Что любишь меня.
Что любишь меня.
Скажи ты мне, скажи ты мне,
Что любишь ты меня.

«Она» допела... Сене невольно было оставаться здесь еще. Он вскочил, глянул на часы...

— Я ж опаздываю! Елкина мать, у меня же дел полно еще!

— Уху-то,— сказала Валя.

— Не хочу,— сказал на ходу Сеня и вышел, не оглянувшись.

— Хорошая песня,— похвалила Валя.— Душевная.

Иван встал с места, принялся ходить по избе.

— Сенька все видел.

Валя резко обернулась к нему... Ждала, что он еще скажет.

— Ну? Что дальше?

— Все. Отнял все-таки сумку-то... Встретил на дороге и отнял. Среди бела дня.

— Так...— Валя села на стул, положила руки на колени.— Жалко?

— Жалко.

— Что же теперь делать-то? Ограбил нищих — ни стыда, ни совести, теперь хватай меня, догоняй этих нищих и отдавай обратно.— Валя насмешливо и недобро прищурила глаза.— А как же?

Иван остановился перед ней. Тоже резковато заговорил:

— А усмешка вот эта... она ни к чему! Больно мне, ты можешь понять?

— Нет, не могу. Ты куда приехал-то? К нищим, к темным... И хочет, чтоб его тут понимали. Не пойдем мы.

— Ну, и к черту все! — Иван обозлился.— И нечего толковать. Вас, я вижу, не тронь здесь: «Мы темные, такие-сякие»...

— Да не мы, а ты нас сюда жалеть-то приехал, болеть за нас.

— Значит, уехать надо!

— Уезжай, правильно. А то мы тут с жалобами полезли со всех сторон... с любовью. Обрадовались.

— Перестань так говорить! — резко сказал Иван.— Если не понимаешь, слушай, что другие говорят.

— Вот теперь понятно.— Валя встала, подошла к раковине, сполоснула руки, вытерла их... И вышла.

Иван сел к столу, склонился на руки... Болезненно сморщился, скрипнул зубами.

— Ммх...

— Встал, начал ходить.

Сеня пришел на берег родной своей бурной реки.

Река здесь врывалась в теснину, кипела, катила крутую волну. Купались в ней редко — холодно и опасно.

Неподалеку от деревни находился санаторий — белел издали поместьем.

Дул ветерок, похоже, нагоняло дождя. Река была вовсе неприветлива...

На берегу собралась туристы, отдыхающие... Смотрели на реку, бросали ей в рассерженную морду палки. Кто-то, глядя на эти палки, обнаружил такую закономерность:

— Смотри, чем дальше палка от берега, тем дольше ее не выбрасывает.

— Да.

— Простите, сэр, — это велосипед.

— Почему?

— Это давно известно. Корабли в шторм стараются уйти подальше от берега.

— Я думал не о законе, как таковом, а о том, что это... похоже на людей.

— ? ?

— Сильные идут дальше. В результате: в шторм... в житейский, так сказать, шторм выживают наиболее сильные — кто дальше отгребется.

— Это слишком умно.

— Это слишком неверно, чтобы быть умным.

— Почему?

— Вопрос: как оказаться подальше от берега?

— Я же и говорю: наиболее сильные...

— А может быть, так: наиболее хитрые?

— Это другое дело. Возможно...

— Ничего не другое. Есть задача: как выжить в житейский шторм? И есть решение ее: выживают наиболее «легкие» — любой ценой. Можно за баркас зацепиться...

— Это по чьему-то опыту, что ли?

— По опыту сильных.

— Я имел в виду другую силу — настоящую.

— Важен результат...

В этот момент Сеня появился на берегу.

— Освежиться, что ли, малость! — сказал он.

— Куда вы? — удивились очкарики. — Вы же простынете! Вода — пять градусов.

— Простынете.

Сенька даже не посмотрел на очкариков. (Там была девушка среди них. Сеня на них на всех обиделся.) Снял рубаху, штаны... Поднял большой камень, покидал

с руки на руку — для разминки. Бросил камень, сделал несколько приседаний и похромал волнам навстречу. Очкарики смотрели на него.

— Остановите его, он же захлебнется! — вырвалось у девушки. (Девушка еще и в штанах, черт бы их побрал с этими штанами. Моду взяли!)

— Здешний, наверно.

— По-моему, он к своим тридцати шести добавил еще сорок градусов.

Сенька взмахнул руками, крикнул.

— Эх, роднуля! — И нырнул в «набежавшую волну». И поплыл. Плыл саженками, красиво, пожалуй, слишком красиво — нерасчетливо. Плыл и плыл, орал, когда на него катилась волна:

— Давай!

Подныривал под волну, выскакивал и опять орал:

— Хорошо! Давай еще!..

— Сибиряк, — сказали на берегу. — Все нипочем.

— Верных семьдесят шесть градусов.

— ...авай! — орал Сеня. — Роднуля!

Но тут «роднуля» подмахнула высокую крутую волну... Сеня хлебнул раз, другой, закашлялся... А «роднуля» все накатывала, все била наглеца. Сеня закрутился на месте, стараясь высунуть голову повыше. «Роднуля» била и била его холодными мягкими лапами, толкала в глубь...

— ...сы-ы! — донеслось на берег. — Тру-у-сы спаси-и!..

Тону!

Очкарики заволновались.

— Он серьезно, что ли?

— Он же тонет, ребята!

— Э-эй! Ты серьезно, что ли?!

— Да, серьезно, какого черта!..

— ...у-у, — орал Сенька. Он серьезно тонул. Видно было, как он опять хлебнул... Скрылся под водой, но опять выкарабкался. Но больше уже не орал.

— Лодку! Лодку!.. — забегали на берегу. — Эй, держись!

Побежали к лодке, что лежала метрах в ста отсюда и далеко от воды. Но кто-то разглядел:

— Она примкнута к коряге.

— Черт, утонет ведь! Еще хлебнет пару раз...

— Ребята, ну что же вы?! — чуть не плакала девушка в штанишках.

Голова Сеньки поплававком качалась в волнах, скрывалась из виду, опять появлялась... И руками он теперь взмахивал реже.

— Ребята, ну что вы?!

Двое очкариков начали торопливо сбрасывать с себя одежду. Вот скинул один, прыгнул в воду, ойкнул и сильно погреб к Сеньке. И второй прыгнул в воду и стал догонять первого.

— Эй, держись! Держи-ись! — кричала девушка и махала зачем-то руками. — Ребята, они успеют?

— Успеют.

— Вот фраер-то!..

— Зачем он полез-то!

— Семьдесят шесть градусов, Николай верно говорил.

— Трепач-то!.. Хоть бы успели.

— Мне эти сильные!.. Сибиряки. Куда полез? Зачем?

— Ребята, успеют или нет? Где он, ребята?!

Ребята только-только успели: поймали Сеню за волосы и погребли к берегу.

Сеня наглотался изрядно. Очкарики начали делать ему искусственное дыхание по всем правилам где-то когда-то усвоенной науки спасения утопающих: подложили Сеню под поясницу кругляш, болтали бесчувственными Сениными руками, давили на живот... Сеня был без трусов, девушка издали спрашивала, отвернувшись от компании:

— Ребята, вам теперь медали дадут, да?

Те, что возились с Сеней, захихикали.

— Ирочка, без трусов не считается.

— Как не считается?

— Если вытащили утопающего, но он без трусов, то не считается, что спасли. Надо достать трусы, тогда дадут медаль.

— Ира, иди поддержи голову.

— Да ну, какие-то!..

Сеня стал подавать признаки жизни. Открыл глаза, замычал... Потом его стало рвать водой и корезить. Рвало долго. Сеня устал. Закрыв глаза. Потом вдруг — то ли вспомнил, то ли почувствовал, что он без трусов, — вскочил, схватился... там, где носят трусы... Очкарики засмеялись. Сеня бегом — по камням, прикрывая руками стыд, — добежал к своей одежде, схватил, еще

три-четыре прыжка, и он скрылся в кустах. И больше не появлялся.

— Вот теперь и выпить полагается!

— Зря он сбежал! — сокрушались. — Лютенко намурится: «В честь чего выпивка?» — «Спасли утопающего». Не поверит. Скажет, выдумали. Ира, подтвердишь?

— Если вам не полагаются медали, то и выпивка не полагается. Я против.

Сеня, между тем, пришел в магазин. Продавщица была молодая. Сеня оглянулся, спросил продавщицу негромко:

— Здесь бумажник никто не находил?

— Какой бумажник?

— Кожаный... в нем пятнадцать отделений.

— Твой, что ли?

— Не имеет значения. Никто не поднимал?

— Нет. А что там было?

— Деньги.

— Твои, что ли?

— Не имеет значения.

— Много денег?

— Три тысячи.

— Новых?!

— Новых... Новеньких. Никто не подымал?

Тут только сообразила продавщица, что Сеня ее разыгрывает.

— Господи!.. Сенька, зайкой сделаешь так. Да ведь как серьезно, черт такой! Ты хоть раз в глаза видел такие деньги?

Сеня криво улыбнулся.

— Хочешь, я тебе сейчас... Ну, ладно. Замнем для ясности. Дай бутылку. — Сеню всего трясло — замерз.

— Чего «я сейчас»?

— Ладно, ладно. Давай бутылку и помалкивай. Я про деньги не спрашивал.

— Женился бы ты, чудак-человек, — с искренним сочувствием сказала продавщица. — Женишься — заботы пойдут, некогда выдумывать-то будет, что попало...

— Ладно, ладно, — сказал Сеня, не попадая зуб на зуб. Еще раз предупредил продавщицу: — Имей в виду: я про деньги не спрашивал. Если кто найдет, станут тебе отдавать — ты ничего не знаешь, чьи они.

— Ладно, Сеня, не скажу. Только ведь не отдадут.

— Как?

— А то не знаешь — как? Найдут и промолчат. Три тыщи — это дом крестовый, какой же дурак отдаст. Присвоят, и все.

— На всякий случай: ты ничего не знаешь. Они — фальшивые.

...Пришел Сеня поздно. Заметно выпивши.

— А где... она?

— Что ж ты один? Прихватил бы сюда — вместе бы выпили.

— ...А она ушла?

— Ушла.

— Почему? Почему она ушла?

— Завтра поеду.

— Почему?

— Ты что, так уж пьян, что ли? Заладил, как попу-гай: «Почему? почему?» Когда-никогда надо ехать.

— Надо?

— Тьфу!..

— Не сердись, братка. Правда, маленько выпил. Но ведь... ладно. Теперь слушай меня: не торопись. Поживи еще маленько... Никуда твой город не денется.

— Не могу.

— Можешь. Я знаю, почему ты заторопился. Ну вот слушай: женись на ней. Если у тебя такие дела с семьей — женись. Лучше ее тебе нигде не найти. Это я тебе не пьяный говорю. Я для того и выпил, чтобы сказать. Если смущает, что я тут со своей... с этой... с любовью, то не обращай внимания. Я тут пришей-пристебай, никогда она за меня не пойдет, мы все это прекрасно понимаем. А и пойдет, то что я с ней буду делать, с такой? За тебя пойдет. Кладу голову на отсечение: лучше ее ни в жизнь не найти. Ваня, братка, я рад буду: женись на ней. Живите здесь Я найду себел.. Их тут навалом. Дом поставишь, семья будет... Ты же крестьянин, Ваня, как ты можешь так легко уехать? Тут не мамай прошел... Тут твои руки нужны, голова твоя умная. Разве ты не понимаешь? Ты привык там, я знаю... Отвыкни. Трудно же без вас, черти! Мы справимся, урожай уберем, все сделаем... не то делали. — Сеня крепко зажмурился, тряхнул головой. — Не в этом дело. Вот ты говоришь: «Пусто». А что мы не видим, что ли? Что нам не охота, чтоб тут народу кишмя-кишело, чтоб гармошки орали по ночам, девки пели,

чтоб праздники были, гуляли бы, на покос собирались. Помнишь, говоришь, покос-то? — Сеня помолчал. — То же люблю... Ребятишек бы своих косить учили. Помнишь, отец учил: «На пятку жми, сукин сын!» А про меня ты не думай, не жалей меня. Жалеть будешь — мне обидно станет. Это мне тебя жалко, но я молчал. А сейчас — раз уж пошел такой разговор — говорю: жалко и удивительно. Как только у тебя сердце терпит?

— Эхх, — вздохнул Сеня, — братка милый мой...

— А знаешь, какой дом можно сделать? — сказал вдруг Иван. Двухэтажный. Сейчас мода — двухэтажные. Красиво, я видел. Мне один раз даже во сне такой при-снился...

— Да зачем он, поди, двухэтажный-то?

— Да что ты?! — заволновался Иван. — Знаешь, как удобно! Вот, смотри, как: низ — как обычный пятистенок, так? Но кладовка и сенцы не пристраиваются, а — в срубе. Так?

— А крыша как? Флигелем?

— Нет, кругом. Теперь смотри: на втором этаже — где кладовка и сенцы — пойдет веранда. Причем, ее можно пропустить и с торца — под окнами, балкон такой...

— А крышу — свесить, — подхватил Сеня. — А?

— Но!

Сеня снялся с места и заходил по избе.

— Знаешь, где его можно поставить? На берегу, где Змеиный лужок-то выходит... Где кузня-то была! Знаешь?

— Знаю.

— А баню прямо на берегу поставить...

— А с кручи спустить трос...

— Для чего?

— Воду доставать. Ворот, колесо какое-нибудь — и мотай.

— Да там и принести не так уж высоко.

— Да на кой черт носить, если можно приспособление сделать?

— Ну, да, — согласился Сеня. — А то жена беременная будет, ей тяжело будет.

При упоминании о «жене» оба как бы спохватились, замаялись. Помолчали малость и выправились.

— Еще я бы полати сделал в избе, — сказал Сеня. — Черт ее знает что — люблю полати!

— Помнишь, как мы на полатах спали?
— Помню. Но полати — это... Ну, можно и полати.
А что баню — на самом обрыве, — это хорошо.

— Как хорошо-то! Я люблю, когда моешься, чтоб из окошечка далеко видно было. А еще лучше, когда в окошечке видно, как солнышко закатывается...

— А дома самовар стоит.

— А жена выйдет на крыльцо: «Сенька, ты чего там?»

— Помнишь мама все выходила: «Ванька, вы ничего там? Не угорели?!» Эх, братка...

— Вот пойдя такая жизнь, я согласный по пятнадцать часов в день работать — и ни разу не пожалуюсь. А в субботу — под воскресенье — поплыли бы лучить. Ох, я знаю одно место-о! В субботу завестись пораньше да хорошего смолья успеть заготовить — хоть до утра рыбачь...

— Любишь лучить?

— Нет, я лучше с удочкой уважаю.

— Верно, я тоже больше с удочкой люблю. Культурней как-то. Хошь книжку возьми, одеяло, раскинь на бережку — так поваляйся, благодать. А детишки пойдут? Детишек с собой взять.

Иван качнул головой и задумался.

Сеня, чтоб не спугнуть его хорошие думы, чтобы его так и оставить с этими думами, поспешно сказал:

— Давай-ка соснем пока, братка. Верно говорят: утро вечера мудренее.

— Пойдем на сеновал спать, — предложил Иван.

— Пошли, — охотно согласился младший брат.

Они вынесли одеяла, подушки и устроились спать на сеновале в сарае.

Только оба долго не могли заснуть — глядели сквозь щели сарая в большую лунную ночь. Молчали.

Утром, чуть свет, когда Сеня еще спал, Иван осторожно поднялся... Осторожно прокрался по сараю...

Вошел в избу.

Достал из-под кровати свой маленький чемоданчик, с каким приехал... Открыл его: там кое-какие подарки, которые он привез отцу и Сене, — пара рубах, зажигалка Сене, шарфик какой-то... Иван все это выложил на кровать, взял чемодан, постоял с ним...

Присел перед дорогой на кровать, посидел, встал и пошел.

И вышел из избы.

Оглянулся на сарай, на избу...

И решительно пошагал прочь.

На улицах деревни никого не было.

Только из ограды Ковалевых вышел отец Вали...

Иван, увидев его, хотел было свернуть в переулок, но уже поздно было.

Поздоровались.

— Поехал? — спросил старик.

— Надо, — ответил Иван.

— Закури на дорожку, — предложил старик. —

Подмешал вчера доннику в табак — ничо, скусный стал. Закурили.

— Тут машины ходят счас?

— Машин полно, — сказал старик. — Хлеб круглые сутки возют. Все на вокзал едут.

Постояли. Говорить больше не о чем было.

— Ну, счастливо доехать тебе, — молвил старик.

— До свиданья, — сказал Иван.

И разошлись.

Иван удалялся по улице. Потом свернул с улицы в сторону большака. И пропал из виду.

Накануне, ближе к вечеру, собралась родня: провожали Ивана Расторгуева в путь-дорогу. Ехал Иван на курорт. К морю. Первый раз в жизни. Ну, выпили немного — разговорились. Заспорили. Дело в том, что Иван, имея одну путевку, вез с собой еще жену Нюру и двух малых детей. Вот о том и заспорили: надо ли везти детей-то? Иван считал, что надо. Даже обозлился.

— Вот что я вам скажу, уважаемая родня: пеньком дремучим — это я сумею прожить. Я хочу, чтоб дети мои с малых лет развитие получили! Вот так. Не отдых мне этот нужен!.. Я вон пошел с удочкой, посидел на бережку в тенечке — и все, и печки-лавочки. Отдохнул. Да еще бутылочку в кустах раздавлю... Так? А вон им, — в сторону маленьких детей, — им больше надо. Они, к примеру, пошли в школу, стали проходить море — а они его живьем видели, море-то? Скажут, папка возил нас, когда мы маленькие были. Я вон отца-то почти не помню, а вот помню, как он меня маленького в Березовку возил. Вот ведь что запомнилось! Ведь тоже, небось, и ласкал и конфетку когда привозил — а вот ничего же не запомнил, а запомнил, как возил с собой на коне в Березовку...

— А я тебе скажу, почему, — заговорил Васька Чулков, двоюродный брат Ивана. — Это потому, что на коне.

— Что «на коне»?

— На коне возил, а не на мотоцикле. Поэтому ты и запомнил. Я вон своих вожу...

— Да это не поэтому! — зашумели на Ваську.

— Это ерунда! Какая разница — что на коне, что на мотоцикле?

— Сравнил козлятину с телятиной!

— Дайте мне досказать-то! — застучал вилкой по графину Иван. — Я для того и позвал вас — выяснить...

— Да не пропадут! — воскликнул дед Кузьма, храбрый старый матрос. — Что, в Америку, что ли, едут? В Россию же.

— Да шибко уж маленькие, прямо сердце заходит-ся, — повернулась к нему теща Ивана, Акулина Ивановна. — Чего уж так зазудело-то?

— Он же говорит чего.

— Блажь какая-то...

— Да с грудными и то ездют.

— Да с грудными-то легче. Его накормил, он и спит себе. А ведь тут, отвернись куда, они уж — под колесами.

— Ну уж — под колесами. Чего уж?.. Езжай, Ванька, не слушай никого.

— Нюр, — обратились к жене Ивана, — ты-то как? Чего молчишь-то?

— Да я прям не знаю... Он мне все мозги запудрил с этим морем. Я уж и не знаю, как теперь... Вроде, так-то, охота, а у самой душа в пятки уходит — боюсь.

— Чего боишься-то?

— А ну как да захворают дорогой?

— Чирий тебе на язык!

— В сумку, чтоб сухари не мялись, — в сердцах молвил языкастый Ванька. — Ворона каркнула во все воронье горло.

— А захворают, вы — так, — стала учить Нюру и Ивана одна молодая бабочка не совсем деревенского покроя, — сразу кондуктора: так и так — у нас заболели дети. Вызовите, пожалуйста, нам на следующей станции врача. Все! Она идет в радиоузел — она обязана, — вызывает по рации санслужбу, и на следующей станции...

— Ну, тут семь раз дуба врежешь, пока они там по рации...

— Это все — колеса. Ты, Иван, держи на всякий случай бутылку белой, — стал по-своему учить Васька Чулков. — Как ребенок захворал, — ты ему компресс на грудь. Нюра, возьми с собой ваты и бергаментной бумаги. У меня вон...

— Я взяла.

— А?

— Взяла, говорю! Бергамент-то.

— Вот. Ты вон глянь, что у меня с горлом-то делается... Нет, ты глянь! А-о!.. О-о! — Васька растопырил перед Нюрой свой рот. — Меня же ангина, сволочь, живьем ест! У меня же гланды в пять раз увеличены... Ты глянь!

— Да пошел ты к дьяволу со своими гландами! — рассердилась Нюра. — Водку пить — у вас гланды не болят.

— Так я потому и пью-то! Вынужден! Если бы не гланды, я бы ее, заразу, на дух не принял.

— Не, Иван, ты как приедешь, ты перво-наперво... Слышь? Ты как приедешь, ты... Слышь! Ваня, слушай сюда!.. Ты как приедешь...

— Ты дай сперва приехать, елки зеленые! — все злился Ванька. А злился он потому, что говорили все сразу и никому до его забот не было дела, а так — лишь бы поговорить. — Приедешь с вами.

— А вот приехал тоже один мужик в город и думает: где бы тут подцепить?..

— Чего подцепить?

— Не чего, а кого, это же одушевленный предмет.

— Кто?

— Ну, кто?.. Что, не понимаешь?..

— Не, ну ты говоришь — подцепить. Кого подцепить?

— Кралю каку-нибудь, кого.

— А-а. Ну, так.

— Ну, слушай!.. — Двое говоривших склонились лбами над столом. Тот, который хотел рассказать историю мужика в городе, был очень серьезен и даже намеревался взять соседа за грудки и подтянуть его ближе к себе, но сосед отпихивал руки.

— Ты слушай!

— Я слушаю, чего ты руки-то тянешь?

— Я не тяну. Слушай!

— Ну?

— Приехал и думает: где б тут подцепить?

— Да сколько же он думать-то будет? Все думает и думает... Чего ты руки-то тянешь?

В другом конце стола подняли тему — как надо лечить язву желудка.

— Я и разговорись с им в автобусе-то, — рассказывал худой мужичок с золотыми зубами. Обстоятельно

рассказывал, длинно. Со вкусом. — Да. Он меня спрашивает: чо, мол, такой черный-то? Не хвораешь? Да и хворать, мол, не хвораю, но и сильно здоровым тоже не назовешь, это я-то ему. Язва двенадцатиперстной, говорю. Он говорит: я тебя научу, как лечить. За месяц как рукой снимет.

— Как же?

— Возьми, говорит, тройного одеколону — флаконов пять сразу, слей в четверть. Потом, говорит, наруби мелко-мелко — алая — и намешай...

— А почему одеколон, а не водку?..

— Обычно же на спирту настаивают.

— А черт его знает — обязательно, говорит, тройной одеколон.

— Ну, и по сколько принимать?

— А вон и Лев Казимирыч идет! — увидел кто-то. — Э-эй, Лев Казимирыч!..

По дороге с палочкой медленно и культурно шагал седой старичок, Лев Казимирыч.

Застучали в окно, позвали в несколько голосов:

— Лев Казимирыч!..

Лев Казимирыч поднял умную голову в шляпе, посмотрел на окна и свернул к воротчикам. Шагу не прибавил.

И сразу все за столом заговорили об одном — какой умный этот Лев Казимирыч, сколько он, собака, знает всякой всячины, выращивает даже яблоки и выписывает книги.

— Это иду лонись мимо его ограды, он мне шумит из-за штафетника: зайди! Зашел. Он держит в одной руке журнал какой-то, а в другой — яблоко. Вот, говорит, — теория, а вот — практика. Покушай. Ну, я куснул яблоко...

— А как он рой Егору Козлову посадил! Ведра, тазы, миски хватайте, кричит, чо попало — стучите! Гром нужен! Я тогда в суматохе Нюрашке Козловой крынок штук пять расколосил — они сушились на плетне, я и пошел колышком по им — гром делать...

Засмеялись.

— Нюрашка-то по голове тебе гром не сделала?

— Рой сажал! — тут не до крынок.

— Ой, и башка же у этого Казимирыча!

— А мы как-то...

Вошел Лев Казимирыч... Снял шляпу, слегка — с достоинством — поклонился честной компании.

— Дом миру сему.

— С нами, Казимирыч!

— Дайте стул-то!..— засуетились.

— По поводу чего сбор? — спросил Лев Казимирыч, присаживаясь на стул к столу.

— Да вот Ивана провожаем. На море едет...

Лев Казимирыч слегка удивился.

— На море?

— Отдыхать. В санаторий. Да вот, Казимирыч, помоги советом: хочет детишек взять, Иван-то, а мы — против,— обратилась к умному Казимирычу Акулина Ивановна, теща Ивана. — У меня сердце загодя мрет — шибко уж маленькие дети-то! А он их потащит. На кой же черт?

— Зачем? — спросил Казимирыч Ивана.

— Чего «зачем»? — не понял тот.

— Детей-то?

— Позагорать... Море посмотреть.

— Ты в своем уме?

За столом замерли. Все смотрели на Казимирыча.

— А что? — спросил Иван.

— Ты хочешь оставить там детей?

— То есть?

— То есть, у них там сразу откроется дизентерия...

Если еще не по дороге. Папа... ничего умнее не придумал?

— Да?

— Да,— спокойно сказал Казимирыч.

Всем сразу стало как-то легко. Даже весело.

— Вот, Ванька!.. А ведь говорили ему! Говорили!

Нет, уперся, дубина!.. Спасибо, Лев Казимирыч!

— Не за что.

— Выпьете, Лев Казимирыч? Махонькую...

— Нет, спасибо. Нельзя.

— Махонькую!

— Нельзя. Спасибо.

— Лев Казимирыч! — полез к старичку с дальнего конца стола мужичок с золотыми зубами. — А вот скажите мне на милость: если намешать алой с тройным одеколоном...

— Да не лезь ты со своим тройным одеколоном! Если уж хочешь знать, то я тебе скажу: «Красный

мак» лучше. Лев Казимирыч, у меня к вам другой вопрос: вот, допустим, у вас засорился жиклер...

— Так,— сказал Лев Казимирыч, склонив набочок головку.

— Засорился. Прекратилась подача топлива в цилиндры. Ну?

— А мотор работает!

— Мотор не работает!

— Работает!

— Значит, жиклер не засорился.

— Нет, засорился: идет натуральная стрельба.

— Значит, засорился, но не совсем. Логика.

— Споем, Лев Казимирыч?!

В дальнем конце стола, где мужичок с золотыми зубами, услышали «споем» и запели:

«А сброшу кольца, сброшу серьги.

В шумный город жить пойду... —

запела здоровенная, курносая девица и скосила... опасный, как ей, должно быть, теперь казалось, глаз на молодого соседа.

Там назову себя цыганкой,

Себя цыганкой назову.

Раз я сидела и мечтала

Да у открытого окна;

А чернобровая, в лохмотьях,

Ко мне цыганка подошла...»

Опасный глаз не встревожил молодого соседа. Он о чем-то задумался... Потом потянулся к мужику, у которого жиклер засорился, а мотор работает.

— А дело в том,— сказал он,— что это не жиклер засорился! Понял?!

— А что же?

— Поршни подработались. Кольца. Ты давно их смотрел?

— Я их никогда не смотрел.

— Смени кольца!

«А горят свечи восковые;

Гроб черным бархатом обшит.

А в том гробу лежит девчонка —

Да и она крепко, крепко спит».

Прислушались было к песне, но... петь вместе не умели, а чего же так сидеть слушать? — не на концерт же пришли.

«А на коленях перед гробом
Стоит изменник молодой...»

— Зина. А Зин! — едва остановили крупную девушку, — давай каку-нибудь, каку все знают. Давай, голушка, а то уж ты шибко страшно как-то — гроб...

— Эх-х!.. — Сосед Льва Казимирыча, рослый мужик, серьезный и мрачноватый, положил на стол ладонь-лопату; Лев Казимирыч вздрогнул. — Лев Казимирыч, давай что-нибудь революционное! А?

— Спойте хорошую русскую песню, — посоветовал Лев Казимирыч. — «Рябинушку», что ли.

И запели «Рябинушку». И славно вышло... Песня даже вышагнула из дома и не испортила задумчивый хороший вечер — поплыла в улицу, достигла людского слуха, ее не обругали, песню.

— У Ваньки, что ли?..

— Ну. Провожают. Поют.

— Поют. Хорошо поют.

— На курорт, что ли, едет?

— На курорт. Деньги девать некуда дураку.

— Ваня, он и есть Ваня: медом не корми, дай вылупиться. Нюрка-то едет же?

— Берет. Хочет и детей взять.

— О-о!.. Знай наших!

— Ты поросят-то не ходила глядеть к Ивлевым?

— Нет. Я нонче не буду брать... Одну покормлю до ноября — и хватит. Ну их к черту.

— Почем же, интересно, Ивлевы-то отдают?

— Да почем?.. Двадцать пять, известно. Месячные?

— Месячные.

— Двадцать пять.

— Сходить завтра поглядеть... Я бы боровка взяла одного. Покормила бы уж, черт его бей. Тоскливо без мяса-то, тоскливо.

— Знамо, тоскливо.

— Тоскливо.

Утром Ивана с Нюрой провожали до автобуса. На тракт.

Шли серединой улицы — Иван с Нюрой в центре, по бокам — тетки, дяди. Иван при шляпе, в шуршащем плаще, торжественный и помятый после вчерашних проводов. Нюрка в цветастой шали, в черной юбке,

в атласной бордовой кофте — нарядная, как в праздник.

Шел также молодой племянник Ивана с гитарой и громко играл что-то нездешнее, с маху вколачивая по струнам.

Встречные останавливались, провожали глазами группу и шли дальше по своим делам. Может, кому и доведется когда-нибудь уезжать из села — так же вот пойдет с родней по улице, так же будут все обращать внимание.

Пришли на автобусную станцию... Иван с двоюродными братьями отошли в чайную. Жена Нюры и старшие в родне промолчали: положено. На дорожку.

Скоро Иван и братья вышли из чайной — красные, покашливали. Закуривали.

— Дай твоих, у меня мятые какие-то...

— Спал, что ль, на них?

— Сел где-то...

— Ваньк, дорогой-то не пей шибко.

— Да ну, что я?..

— Ты пивко лучше. Захотел выпить, возьми пару бутылок пива — не задуреешь, все будет нормально.

— Да ну, что я?..

Братья — ребята все крепкие, кулакастые — вместе кому хошь свернут шею. А города опасались. Иван слегка волновался.

— Не духарись там особо...

— Да ну, что я?..

Подошел автобус.

Родные наскоро перецеловались...

— Иван, гляди там!..

— Мама, ребятишек-то, это — смотри тут за ими.

На реку бы не ходили...

— Да ехайте, ехайте — погляжу тут.

— А то у меня душа болит...

— Ехайте! Раз уж тронулись, — ехайте. Чего бы, дуракам, здесь-то не отдохнуть? Ехайте уж...

— Нюра, Нюр, — подсказывали под руку, ты деньги-то под юбку, под юбку, ни один дьявол не догадается... Я сроду под юбкой вожу... Целеньки будут.

— Мам, ребятишек-то гляди... На реку бы, на реку — гляди!

— Пишите! Иван, пиши!

— Все будет — печки-лавочки! — кричал уже из окна Иван.

— Мама, ребятшек... ради Христа!..

Поехали. Автобус двинулся. Поехали наши — не робейте, держитесь! Привыкайте.

Иван маленько в автобусе принахмурился; все глядел в окно, пока проезжали деревню, знакомые с детства места... Пискотину проехали, лесок...

— Первый раз? — поинтересовался сосед Ивана, пожилой добрый человек.

Иван отвернулся от окна и зачем-то бодро соврал:

— Да ну, что вы!.. — И посмотрел на Ньюру, и опять принахмурился, и отвернулся к окну. Посидел маленько, повернулся к соседу. — Куда первый раз?

— В далекий путь-то.

— А вы почему догадались?

— Ну... видно: всей родней провожали.

— Нет, я в городе-то бывал, а так далеко не бывал — первый раз.

— А куда?

— К Черному морю.

— Хорошее дело.

— В санаторий.

— Хорошее дело.

Билеты продавали снаружи вокзала, и была большая очередь. Иван устроил Ньюру с чемоданом возле скверика, а сам побежал занимать очередь.

Стал за каким-то человеком в шляпе — шляпа за шляпой. Иван проявил какую-то странную, не свойственную ему говорливость. Вообще, в городе он стал какой-то суетливый. Волновался, что ли.

— За билетом? — спросил он человечка в шляпе.

Человечек читал газету, оторвался на малое время, посмотрел на Ивана...

— Нет, за колбасой.

Иван не обиделся.

— Далеко?

Человечек опять отвлекся от газеты, посмотрел на Ивана...

— В Ленинград.

— А я — к югу.

— Хорошо.

— Да решил, знаете... Ну ее, думаю, все к черту — поезду. Билетов-то хватит?

— Должно хватить. А там... бог ее знает. Народу много.

— Да. — Иван понизил голос, приблизил свою шляпу к шляпе человека с газетой. — Куда к черту едут? Чего дома-то не сидится?..

Человек еще раз глянул на Ивана... И стал опять читать газету.

Иван помолчал, посмотрел вокруг... Посмотрел на длинную очередь... Заглянул через плечо человеку — в газету.

— Ну, что там?

Человек раздраженно качнул головой, сказал резко:

— В Буэнос-Айресе слона задавили. Поездом.

— Ох, о!.. — удивился Иван.

Еще некоторые удивились в очереди, посмотрели на человека с газетой.

— А как же поезд? — спросил Иван.

— Поехал дальше. Слушайте, неужели охота говорить при такой жаре?

Иван виновато замолчал. Он думал, что в очереди, наоборот, надо быть оживленным — всем повеселей будет. Постоял еще немного, потом молча поманил рукой Ньюру... Та подошла.

— Поймай маленько, — сказал Иван. — Я покурю.

— Иди к чемодану, там покури.

Иван пошел к чемодану, а Ньюра осталась стоять в очереди — терпеливо, с пониманием, что надо стоять, долго надо стоять.

Билетов всем хватило... Даже еще, наверно, остались лишние, так как в купе, кроме Ивана с Ньюрой, был только один пассажир.

Иван вошел в купе несколько шумно, покрикивал на Ньюру.

— Вот!.. Здесь — двадцать два, двадцать три. Давай сюда! Здравствуйте!

У столика сидел уверенный человек, чуть даже нагловатый, снисходительный, с легкой насмешечкой в глазу... Записной командировочный.

— Ну, — сказал командировочный, глядя на Ньюру, — будем знакомиться? Николай Николаевич.

— Иван Расторгуев, — сказал Иван. — А это жена моя, Нюра.

— Так, так... — И как-то сразу понял командировочный, что с этой парой можно говорить снисходительно, в упор их разглядывать, Нюру особенно, только что не похлопывать. — Далеко ли?

— К югу. — Иван старался быть вежливым, знаящим.

Николай Николаевич засмеялся.

— Вы что, перелетные птицы, что ли? К югу?

Ивана обидел этот смешок, но он не подал виду. Вошел проводник.

— Постель будете брать?

— Мне не потребуется, — сказал командировочный, — я в Горске схожу. А им вот потребуется, конечно. Они — к югу. — И командировочный опять посмеялся, глядя на Нюру.

— Да, да, — поспешно сказал Иван, — нам, конечно, потребуется. Тащите.

Проводник принес два комплекта — постели.

— Два рубля.

— Каких два рубля? — не понял Иван.

— За две постели.

— Это... — Иван почуял некий подвох с этими двумя рублями. — А что, за постели отдельная плата?

Командировочный и проводник переглянулись.

— Отдельная, отдельная. Давайте поскорей, мне некогда.

— Нюся, дай два рубля, пожалуйста, — спокойно сказал Иван.

— Загороди меня, — тихонько попросила Нюра.

Иван стал так, чтоб загородить жену от мужчин.

— Счас мы свои рублишки достанем из чулочка... И отдадим. — Ивану страсть как неловко было, что деньги — где-то у жены «в чулочке»... И он прямо, вызываяще прямо посмотрел на ухмыляющихся проводника и командировочного, и тоже улыбнулся, но зло улыбнулся. Если бы командировочный посмотрел внимательней на Ивана, он бы перестал улыбаться. Но он смотрел невнимательно — он улыбнулся. — Жена у меня боязливая... возьмут, говорит, да и своруют наши рублишки... А кому они нужны, наши рублишки? Верно?

Нюра достала, наконец, пятерку... Подала кондуктору. Тот сдал трояк сдачи и ушел.

— Первый раз? — весело спросил командировочный.

— Что?

— Едешь-то. Первый раз?

— Так точно! А что?

— Надо доверять людям... Вот вы едете со мной вместе, например, а деньги спрятали... аж вон куда! — командировочный опять посмеялся. — Значит, не доверяете мне. Так? Объективно так. Не зная меня, взяли меня под подозрение. А ехать вам далеко — вы так и будете всем не доверять? Деревенские свои замашки надо оставлять дома. Раз уж поехали... к югу, как ты выражаешься, надо соответственно и вести себя... Или уж сиди дома, не езд. А куда ж югу-то? Юг большой...

— На кудыкину гору. Слыхали такую? Там курорт новый открылся... Вот я туда первый и смазал лыжи.

Нюра засмеялась. Невольно.

Командировочного задело за живое. Особенно ему не понравилось, что Нюра засмеялась.

— А ты что это сразу в бутылку-то полез?

— А вы что это сразу тыкать-то начали? Я вам не кум, не...

— О-о! — Командировочный удивился и засмеялся насильственно. — Да мы, оказывается, с гонором!

— Вот так, дорогой товарищ... Я бы лично эти ваши ухмылочки не строил. Что, вы от этого сильно умный, что ли, стали? Нет же...

— Иван! — вмешалась Нюра.

— Слушайте!.. — посерьезнел командировочный. — Вы все-таки... это, научитесь вести себя, как положено, — вы же не у себя в деревне. Если вам сделали замечание, надо прислушиваться, а не хорохориться. Поняли? — Командировочный повысил голос. — Научись сначала ездить. Еще жену с собой тащит...

— А что тебе моя жена? — зловеще тихо спросил Иван. — Что тебе моя жена?

Нюра знала, что после таких вопросов — так сказанных — Иван дерется.

— Вань!..

— Что тебе моя жена-то?

— То, что надо сначала самому научиться ездить, потом уж жену за собой возить.

— А твое какое дело? Я тебе что, на хвост нечаянно наступил?

— Да вы только не это... не стройте из себя припадочного. Не стройте. Видели мы и таких... И всяких.— У командировочного серьезно побелели глаза.— Не раздувайте ноздри-то, не раздувайте! А то ведь — как сел, так и слезть можешь.

— Это кто же, ты ссадишь?

— Ванька! Да перестань ты, господи-батюшки!.. И вечно с им какие-нибудь истории!

Командировочный весь встрепенулся, осмелел еще пуще.

— Так вот, чтобы историй этих больше не было — мы поможем ему... Ишь ты, понимаешь...

— Ну-ка, помоги.

— Сча-ас. Вот до следующей станции доедем и вызовем милицию. Может, с историями-то придется остановку сделать... суток на пятнадцать. Подумать, как вести себя в дороге. А то...

— Профурсетка в штанах,— отчетливо сказал Иван.— Он еще пугать будет... Сам у меня слезешь. Спрыгнешь?.. И — по шпалам, по шпалам...— Иван встал; Нюра вцепилась в него.

Командировочный вскочил с места. Он сделал это поспешно, и сам же усовестился своей поспешности, гордо потрянул головой.

— Ах, так? Ну, погоди...— И он пошел из купе, но в дверях еще оглянулся.— Счас ты у меня уедешь.— И вышел.

Нюра перепугалась.

— Опять!.. На кой черт потащил тогда, на самом-то деле, если с характером своим поганым совладать не можешь?..

— Не гнуси. Я, что ли, начал?

— Ссадут, правда, на станции — кукуй там...

— Счас — ссадили.

— Он, может, начальник какой, откуда ты знаешь?

— Он дурак. Чего он начал ухмылочку строить?

— А ты что, с лица спал от этих ухмылочек? Строй он их!.. Как хорошо поехали! — нет, надо свой характер показаты!..

— Не ори. И не пужайся — наоборот, держи теперь нос выше, а то, правда, не ссадили бы.

— Как хорошо поехали!..— горько горевала Нюра.

Дверь в купе отодвинулась...

Стояли два кондуктора, а за ними — командировочный.

— Вы что тут? — спросил кондуктор, который выдавал постели.

— Что? — откликнулся Иван.— Ничего.

— Чего шумите-то?

— Кто шумит? Никто не шумит.

— А кто меня из вагона выбросить хотел? — спросил командировочный.

— Вы что-то перепутали,— спокойно сказал Иван.— Это вы меня ссадить хотите... А мне неохота — слезать-то... Я затосковал.

Кондукторы увидели, что пассажир — не пьян, обратились к командировочному:

— Перейдите в другое купе, места есть. Во втором есть два места.

Командировочный взял свой портфель и, смерив Ивана презрительным, обещающим взглядом, сказал:

— В Горске мы еще увидимся.

— Давайте. По кружке пива выпьем...

— Ты это... не очень! — прикрикнул на Ивана кондуктор.— А то выпьешь у меня.

И они ушли.

— Вот так! — сказал Иван. Встал, засунул руки в карманы и прошелся по свободному купе.— А то будут тут мне... печки-лавочки строить, понимаешь.

— Сиди уж!.. Герой! У самого, небось, душа в пятки ушла.

— У кого? У меня? Мне только на станции сидеть неохота, а то бы ему... сказал несколько слов. Зато вон как свободно стало!.. Хорошо! — Иван полез в карман — закуривать.

— Иди в коридор курить-то. Здесь нельзя, наверно. Иван вышел в коридор.

В коридоре стоял молодой мужчина... Смуглый, нарядно одетый, улыбчивый. Морда — кирпич просиг.

Иван похлопал по карманам — в одном брякнули спички... Но все равно смуглый, вежливо улыбнувшись, подставил свою папирску. Иван прикурил.

— Маленькое недоразумение? — спросил смуглый, кивнув в сторону служебного купе.

— Да один товарищ... начал чего-то — ни с того ни с сего...

— Далеко?..

— Еду-то! К югу. Надо, знаете, отдохнуть малость. На курорт.— Иван теперь решил быть вежливым со всеми подряд.

— Один? — все расспрашивал смуглый, скорый.

— Нет, с женой.

Смуглый вдруг протянул руку — знакомиться.

— Виктор.

— Иван.

— Кроме вас в купе есть кто-нибудь?

— Нет? Этот-то ушел...

— Я тогда перейду к вам...— Виктор вошел в соседнее купе, вынес большой желтый чемодан.— А то у меня там одни женщины... Пойдем в твоё.

— Пошли.

Вошли в купе. Виктор приветливо поздоровался и засунул чемодан под сиденье.

— Ну, вот...— сказал он облегченно. И улыбнулся Нюре.— Ну, как там... в колхозе-то?

— Да ведь оно — как? — пустился в рассуждения Иван.— С одной стороны, конечно, хорошо — материально нас поддержали, с другой стороны... А вы кто будете по специальности?

— Я?

— Ну...

— Конструктор.

— Вот — городской человек. Вот нам говорят: давайте сравняем город с деревней. Давайте! Значит, для вас в городе главное что, деньги? Ну, значит, давайте и для деревни так же сделаем — деньги будут главными.— А — хрен!.. Так нельзя.

— Иван,— сказала Нюра.

— Ну?

Нюра притворно посмеялась.

— Ты с какими-то разговорами... Человек, может, устал, а ты...

— Нет, нет, я не устал,— сказал Виктор.— Ну так — деньги?

— Деньги. Я, например, тракторист, она — доярка. Мы в добрый месяц зашибаем где-то — две, две с лишним сотни.

— Да? — удивился конструктор.— Я думал меньше.

— Да что вы! Иной раз до трех выходит!..

— Вань...

— Чего тебе?!

— Ну, ну? — любопытствовал дальше конструктор.

— Теперь,— продолжал Иван, входя во вкус коренной беседы.— Что получается? Если я не поленюсь, я эти свои сто двадцать рублей завсегда вышибу. Так? Буду вкалывать с утра до ночи... а то и ночи прихватчу... Так?

— Ну.

— Правильно! — Иван всерьез волновался.— Но один маленький вопрос: чем больше я получаю, тем меньше я беспокоюсь, что после меня вырастет. Вот.

— А в чем вопрос-то? Это ответ.

— Ну, ответ. А вопрос еще хуже: спроси?

— Кого?

— Меня.

— О чем?

— Беспокоюсь я за пашню? Нет, я по-человечески, конечно, беспокоюсь, как же. Но, все равно, это, не то. Я вспахал, и моя песенка спета. Все?

— Все.

— Хрен!.. Это на заводе — сковал я, допустим, ось, так она ось и нужна — я все сделал...

— Но ось-то — тоже для машины! На одной оси-то не поедешь.

— Правильно! А машину потом соберет другой — и за это тоже ему плати денюжку...

— Но ведь и у вас: ты вспахал, другой посеял...

— Я вспахал — получил, он посеял — получил, а хлеба, например, нету. А мы денюжки получили. Я к примеру говорю.

— Это какой-то Гегель получается...

— Да никакой не Гегель!

— Да почему хлеба-то нету? Неурожай, что ли?

— Да меня это не касается, вот штука-то! Не знаю, может, неурожай. Я пахал хорошо. И получил хорошо — на курорт вот поехал... Хватило.

— Вань...

— Не ванькай! Я ж за колхоз волнуюсь, а не... чего-нибудь. Мне тоже понять охота.

— Значит, вы живете хорошо,— подвел итог конструктор.

— Хорошо. Вон у меня ряшка-то — с похмелья не... это... Она и у те... Да. Хорошо живем!

— А почему вы в город из деревни бежите?

— Это не вопрос, это — семечки. Я же эти сто двадцать рублей везде могу заработать. Заработаю же я их в городе?..

— Наверно.

— Заработаю! Силенка есть, и башка на плечах — сумею...

— Сумеешь.

— То в городе я на эти сто двадцать рублей.. интересней проживу. В городе у меня все под боком: и магазин, и промтовары, и парикмахерская, и вино... А у себя-то я со своим рубликом еще побегаю поищу — где пальтишко девчонке купить, где рубаху себе, где пальто демисезонное супруге... За любым малым пустяком — в райцентр. А до райцентра — семьдесят километров. Да еще приедешь, а там тоже нету.

— Мда. А куда сейчас-то? Место подбирать, куда бежать.

Иван обиделся.

— Ать! — поймал! Пойма-ал, конструктор... — Посмеялся недобро. — Что, есть на примете хорошее местечко?

— Обиделся! — конструктор тоже посмеялся — добрее. — Оби-и-деляс, пахарь. Не обижайся, я без всякого умысла. Куда едете-то?

— Я же говорил — к югу.

— А, да. К югу — это хорошо, — похвалил конструктор. — Я сам думаю махнуть скоро... — И конструктор пропел шутливо: — Там море Черное, песок и пляж, там жизнь привольная чарует нас!.. Да?

Нюра засмеялась. Она была очень смешливая женщина. И смеялась как-то очень доверчиво и мило — хотелось ее смешить.

— Так, так, — сказал довольный конструктор. И поднялся. И достал из-под сиденья чемодан. — Ну, что нам тут положили? Собираешься вечно второпях... вечно торопишься... Ну, конечно — ключи забыл дома. На пианино. Вечная история! Ножик есть, Ваня?

— Есть.

— Да зачем же ломать такой добрый чемодан! — встряла Нюра.

— Ничего. На наш век чемоданов хватит. Верно, Иван? — Конструктор ловко поддел концом ножа блестящие замочки, и они один за другим отскочили.

— Вы не по тракторам конструктор?

— Нет. По железной дороге.

— А то бы я вам задал пару вопросов...

— Нет, лучше не надо, Иван. — Конструктор с чрезвычайным любопытством рылся в чемодане, отвечал на вопросы нехотя. — Я устал от вопросов... Ага — коньячишко!.. КВК. Прекрасно. А тут что?.. Кюпюры. О, мне эти интеллигенты: кто же деньги кладет в чемодан! — Конструктор переложил деньги из чемодана в карман. — Что-то я не вижу здесь литературы. Обычно этого.. Мда. Ну? — Конструктор весело посмотрел на Ивана, на Нюру... И какая-то мысль влетела ему в лоб. Он достал из чемодана очень нарядную кофточку.

— Ну-ка, Маруся, встань.

— Нюра. Маруся у нас дома осталась.

— Ну-ка, Нюра, примерь...

— Зачем?

— Примерь, я посмотрю.

— Ой, да я сроду и не нашивала таких...

— Да примерить просют! — воскликнул Иван.

— Ну, отвернись.

Мужчины отвернулись. И, отвернувшись, поговорили малость.

— Какое отношение к коньяку? — спросил конструктор негромко.

— У меня? Хорошее.

— Рюмочку — не возражаешь? КВК.

— Что это, коньяк?

— Да. Генеральский.

— Не возражаю.

— Ну, глядите! — сказала Нюра. Кофточка так ее скрасила, так преобразила!.. Нюра покраснела под взглядами мужчин. Засмеялась милым своим смехом.

— Идет вам.

— Это кому же вы такое богатство везете? — спросила Нюра.

— Носите на здоровье, — просто сказал конструктор.

— Да что вы! — испугалась Нюра.

— Ничего, носите. Это так вам к лицу!.. — Смугловатый джентльмен улыбнулся. — У нас хватит. Ах, как она вам идет! Шик-блеск — тру-ля-ля, как мы говорим, когда заканчиваем какую-нибудь конструкцию.

— У нас... это... — растерялся и Иван, — деньжонок в обрез... На дорогу только. А она ж дорогая, наверное...

Конструктор укоризненно покачал головой.

— Не обижай, Иван. Деньги — это бяка. Скажи лучше, чем мы закусим коньячишко?

— У нас огурцы малосольные есть...

— Нет, огурцы здесь не... Ага! — Конструктор нашел в чемодане шоколад. — Ах, молодцы! Все продумали.

— Заботливая у вас жена, — сказала Нюра, желая сказать что-нибудь очень хорошее доброму человеку.

— Ничего... Немножко рассеянная.

— Работа, видно, такая. У нас на квартире жил один ученый — такой умница, такой башковитый, добрый тоже такой, а ширинку вечно забывал застегнуть. — Нюра засмеялась. Конструктор тоже посмеялся. И Иван посмеялся. Все посмеялись, так всем что-то хорошо стало.

— Держи, Иван.

Нюра дернула было Ивана за пиджак — чтоб он не увлеклся коньяком-то, но Иван только ногой дрыгнул и досадливо, с укором поморщился.

— Вот так вот живешь, работаешь... а радости — нет. Радость — на нуле. — Конструктор чего-то вдруг взгрустнул. — Настоящей творческой работы мало. Так — мелочишка суффиксов и флексий... устаю. Все время в напряжении, все время нервы, как струны, натянуты, и я боюсь, что когда-нибудь они лопнут.

— Железная дорога! — понимающе сказал Иван. — Тут так-то просто проедешь, и то голова кругом, а вам все время думать надо. Это ж не печки-лавочки, понимаешь.

— Ну?..

— Поехали...

Они хватили по рюмочке дорогого коньяку, заели шоколадом. Конструктор закурил сигарету с золотым обрезом — тоже из чемодана, вытянул ноги, чуть прикрыл глаза.

— Покой нам только снится, — сказал он негромко.

— Но я вам так скажу, Виктор...

— Александрович. Друзья меня называют — Виктор.

— Я вам так скажу, Виктор, — пустился в подхалимаж Иван, — без вашей работы мы бы тоже далеко не уехали...

— Куда вы без нас!

— Вот я — тракторист. Я поучился три месяца — и готово дело: управляю. А ведь его же придумать

надо было, сконструировать!.. Сколько там всяких узлов, систем... — Иван повернулся к Нюре, стал загибать пальцы. — Система питания, система зажигания, система охлаждения...

— Молодец, хорошо знаешь трактор, — похвалил Виктор. — А вот нам, авиаконструкторам...

— Вы же — по железной дороге.

— Нет, я по железной дороге, но с авиационным уклоном. Мы сейчас разрабатываем систему игрек: железная дорога без мостов.

— Как это?

— Так. Вот идет поезд, на пути — река... А моста нет.

— Ну, а как же?

— Очень просто: поезд пла-авненько поднимается в воздух, перелетает реку и снова опускается на рельсы.

— Где же у него крылья-то будут? — тоже очень заинтересовалась Нюра.

— Никаких крыльев — воздушная подушка. Паровоз пускает под себя мощную струю отработанного пара — и по пару, по пару...

Иван засмеялся.

— Премию большую могут дать за такую механизацію!

— Могут дать, — согласился Виктор, улыбаясь.

— Так что, правда, что ли? — не поняла Нюра. Мужчины засмеялись вместе.

— Что ты, шуток не понимаешь? — сказал Иван.

Поезд стал замедлять ход, стал громко стучать на стыках.

— Это какая станция? — встрепенулся Виктор.

Иван выглянул в окно.

— Гор... ск. Горск.

— Сколько здесь стоит?

— Не знаю.

— Наливай по рюмочке... И продолжаем мирно беседовать.

— Хватит бы вам, — сказала Нюра. — Виктор Александрович, выпейте один, а мой пусть пропустит. А то он счас по вагону начнет бегать.

— Зачем? — не понял Виктор.

— А он всегда так: как выпьет, так...

— Да брось-ка ты! — обиделся Иван. — С коньяка не забегаешь! Это тебе не самогон.

— Зачем же он бегать будет? Мы будем спокойно сидеть — беседовать. Вы на съезде колхозников были?

— Нет.

— Но какие вопросы...

В это время дверь в купе отодвинулась: стояли милиционер, а за ним... командировочный.

— Вот, пожалуйста, коньяк сидит дуэт! — брезгливо сказал командировочный. — Он до Новосибирска не доедет. И эта — тоже... куда с таким пьянчугой поехала! На курорт!..

— Куда едете? — строго спросил милиционер Ивана.

— К югу. А чего, я не понимаю?.. Вот билеты, вот путевка...

— Тебе не на курорт надо, а в вытрезвитель, — зло говорил командировочный. — Еще жену за собой тащит...

— Минуточку, — остановил его милиционер. Внимательно осмотрел билеты, путевку. — Как же так: не успел отъехать — уже за бутылку?

— Тут недоразумение, товарищи, — спокойно, чуть принахмурившись и негромко заговорил железнодорожный конструктор. — Товарища колхозника угостил коньяком я, и выпили мы — вот, что видите — совсем немного. До этого он был совершенно трезв, я это утверждаю.

— Вы не заступайтесь за него, не заступайтесь, а то он отблагодарит вас, этот хам...

— Я не заступаюсь! — повысил голос конструктор. — Я констатирую (он выговорил — констатирую) факт: товарищ был совершенно трезв, и угостил его — я. А вас... вам стыдно, товарищ, бегать по милициям и вносить дезинформацию. Кляузами заниматься.

— Я же и кляузничая! А это что у вас на столе? Боржоми?

— Это коньяк. КВК. У нас в стране нет сухого закона. Ясно. И не бегайте, и не травмируйте людей. Люди едут на заслуженный отдых, а вы тут...

— А кто вы такой, собственно? — ошетинился командировочный.

— Это же самое я хочу спросить у вас. Где вы работаете, кстати? — Конструктор вынул из кармана записную книжку, приготовился записать.

— А вы куда едете? — спросил его милиционер.

— В Новосибирский академгородок, — небрежно бросил конструктор. — Так где вы работаете, товарищ?

— Не ваше дело.

— Хорошо. — Конструктор спрятал записную книжку. — Я постараюсь это узнать. Через Николая Сергеевича. — Конструктор посмотрел выразительно на милиционера. — Это не составит труда. И тогда вы не мне, а в другом месте ответите, почему вы ходите и запугиваете колхозников. Почему вы им устраиваете проверку документов... и прочее.

— Вы же не слышали, как он тут обзывался...

— Это ваше мужское дело! — Конструктор ни секунды не делал паузы, трудно было вклиниться в его речь еще с каким-нибудь вопросом, например. — Вышли в тамбур и выяснили отношения. Нет, вы приводите милиционера, отвлекаете его тем самым от прямых его обязанностей, да еще и внушаете работникам сельского хозяйства недоверие к форме уважаемых сотрудников общественного порядка...

— Спокойней, товарищи, спокойней! — влез наконец милиционер со словами. — Наше дело — предупредить, чтобы товарищ... не забывался, что он в дороге, тем более что он не один. И вам, так же самое, — совет: выпиваете, а без закуски. А еще молоды, опыта в этом деле мало — развезет, и сами не заметите как. Вон же, есть вагон-ресторан, взяли первое, второе, ну, и выпили. Но тогда есть уверенность, что не развезет. А так — это же риск. Езжайте, никто вам ничего не собирается делать, никто вас не запугивает. Но опять же, мой совет, как старшего товарища: будьте с этим делом бдительны. Коньяк — его ведь только пить приятно, но он свое берет. До свидания.

— До свиданья.

— До свиданья.

Дверь в купе задвинулась. Некоторое время все молчали. Конструктор откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза.

— Валерьянка есть? — спросил он. Он, и правда, побледнел.

Нюра испугалась.

— Я схожу спрошу у этого... какой постели выдавал... У них есть, наверно.

— Нет, — сказал конструктор. — Не надо. Сейчас мы вот этих капель накапаем. — Он налил себе полстакана коньяка и залпом выпил. — Вот так. Пройдет.

Поезд тронулся.

— Поехали? Ну, вот... а ты, дурочка, боялась...— Конструктора что-то кинуло в болтливость, с коньяка, что ли.

— Ты, Иван, спрашивал насчет системы игрек: только что, на твоих глазах, сработала система игрек. Мы же были в воздухе. Ты не заметил?

— Как в воздухе? — спросила Нюра.— Мы стояли.

— Мы были в воздухе. Пла-а-вненько поднялись и опусти-и-лись.— Конструктор показал рукой, как пла-авненько поднялись и опусти-и-лись.

— Не знаю, кто поднялся, кто опустился, но сердце у меня опустилось в пятки, это точно,— признался Иван.

Конструктор почему-то обрадовался. Даже засмеялся.

— Испугался?

— Испугался? Ссадют, думаю...

— А-а, вот так! И ссадили бы — запросто. Да. Ну, хорошо с вами... но мне пора.

— Куда вы?

— Да пойду поищу тут товарища одного...— Виктор затянул чемодан ремнями.— Товарищ один должен ехать... тоже конструктор.— Виктор взял чемодан в левую руку, правой еще пригубил на дорожку коньячку и раскланялся.

— Вы коньяк-то пробочкой заткните да в карман,— посоветовал Иван.— Товарища-то стренете,— будет что вышить.

— Мы найдем. До свидания.

— Виктор Александрыч,— заговорила Нюра,— за кофточку-то... я уж и не знаю как благодарить. Дай бог здоровья жене вашей, деткам, если есть...

— Должны быть по идее.

— Не заругали бы вас дома-то. Скажут: такое добро, а кому-то отдал.

Конструктор прислушался к шуму в коридоре.

— Ничего... Носите на здоровье, Нюся. В Крыму, даст бог, увидимся.

Конструктор отодвинул дверь, выглянул... И скоро ушел.

— Гляди-ка, какие люди-то бывают! — сказала Нюра.— Даже не верится. Ведь такая кофта... рублей сорок, а то и все пятьдесят. Вон Грушке Богатковой

брат прислал — сорок пять рублей, пишет, а она победней этой-то.

— Эта? — Иван прикинул на глаз.— А шестьдесят не хочешь? Сорок... Это ж заграничная, вон, гляди, клеймо-то. Это тебе не печки-лавочки.

— Все-таки, никак я его не пойму: за что?

— А мы и не пойдем. Мы ведь как рассуждаем: сами возимся, как жуки в навозе, и думаем, что и все так. А есть — люди! Орлы! Я бы сам такой же был, если бы не твоя жадность. Дай-ка мне сюда деньги, а то каждый раз лезешь туда... со стыда сгораю.

— Не сгоришь. Они там надежней будут. Дай тебе бог здоровья, добрый человек! — Нюра все не могла налюбоваться на кофту, все смотрелась в зеркало.— Прямо сият, сият!..

Вдруг зеркало отъехало в сторону — в двери стояли два милиционера и проводники. И еще один — в гражданском.

— Где он? — спросил милиционер, тот самый, который был здесь, с командировочным.

— Кто? — не понял Иван.

— С вами ехал... Он ушел?

— Ушел.

— Когда? Давно?

— С полчаса. Может, минут двадцать... Это вы про конструктора?

— Конструктора...

— Он все с собой забрал? Что у него было?

— Чемодан... Желтый такой.

— И все?

— Все... Вроде, все.

Нюра так и села. В кофте-то. И с ужасом смотрела на милиционеров.

— Но он не в Горске сошел? Позже?

— Позже. Ему так-то до Новосибирска ехать. Он пошел товарища, говорит, поискать...

— Наверно, на Верхотурском подъеме прыгнул,— стали гадать милиционеры и человек в гражданском.— Не иначе.

— Черт его... мог и на шестьдесят седьмом прыгнуть. Он куда пошел: вперед или в хвост поезда?

— Да вышел из купе, и все. Дальше мы не видели. А в чем дело?

Милиционеры и в гражданском ушли. Но сказали:

— Не уходите никуда из купе.
— Вот, брат, какое дело... — Один проводник, очень расстроенный, присел на краешек дивана. — Зачем посадил без билета?! Ну, есть места — и посадил. Ну, нет: теперь виноватых надо найти! Как же! Он вот и с вами, вижу, коньяк выпивал — выходит, и вы виноватые?

— А что случилось-то?

— Сами поймать не могут, давай на других сваливать!

Проводник очень, очень расстроился. — Ну, посадил... Они проснутся завсегда, а места есть, все равно до Новосибирска не займут. Ну, ехай — надо же ехать, ехай. Нет, теперь виноватых будут искать. Эх-хе-хе!.. — Проводник встал и ушел.

Нюра, как села в своей заграничной кофте, так сидела, не могла встать. Смотрела на мужа...

— Вань... да что же это?

— Вор, вот что это такое. Ворюга несусветный!.. — Но Иван не растерялся, а обрел даже какую-то деловитость. — Снимай кофту, — велел он. — Быстро! Давай ее сюда. Одевай свою!..

Началась операция по уничтожению страшной кофты. Иван затолкал ее себе под рубаху и только хотел выйти в туалет, как дверь отъехала и заглянул проводник.

— Бутылку с коньяком не велели трогать. Вообще, ничего не трогать — отпечатки пальцев будут снимать. И сами сидите.

— Сидим.

Проводник удалился... Иван подождал немного, выглянул в коридор... И быстро-быстро по коридору — в туалет.

В туалете, к счастью, никого не было. Иван затолкал кофту в унитаз, долго искал, где спустить воду, нашел, спустил... Кофта застряла в трубе: раковина наполнилась водой. Иван заметался по малому пространству сортира — нечем было протолкнуть кофту. В дверь толкнулись снаружи раз, другой... Пошевелили ручкой.

— Счас! — громко откликнулся Иван. — У меня понос, товарищи!

— Иди, там следователь пришел, — сказал проводник

— Счас приду.

Проводник все не уходил... Стоял за дверью.

— Иди, он зовет, — еще сказал он.

— Да счас иду! — заорал Иван со злостью.

— Давай, — сказал проводник. — И ушел.

С отчаяния Иван еще разок нажал на педаль внизу... Вода полилась через край, на пол...

В купе следователь расспрашивал пока Нюру.

— Он что, знакомым вашего мужа представился?

— Да нет, он вышел покурить, муж-то, а, смотрю, вместе идут...

— Значит, просто попутчик? — Следователь (это тот, что был в гражданском, в красивых очках) внимательно посмотрел на Нюру, чем окончательно доконал ее. — И что он сказал, когда вошел?

— Ничего. Здравствуйте, мол. Обходительный.

Проводник, который вошел и присел на диван, угоднически посмеялся.

— Обходительный...

— Ну, а где же... товарищ-то отсюда? — повернулся следователь к проводнику.

— Я сказал ему! — поспешно воскликнул тот. — У него... Разрешите? — Проводник наклонился к уху следователя, что-то сказал.

Следователь поморщился.

— Со страха, что ли?

Виноватый проводник опять противненько посмеялся и сказал:

— Это уж точно.

— Понос, что ли? — спросила Нюра. — У него бывает.

В дверь купе постучали.

— Да! — сказал следователь.

Вошел Иван... Правый рукав его нового пиджака весь был мокрехонек до плеча.

— Здравствуйте, гражданин следователь.

Следователь, забыв свое важное положение, громко засмеялся. И проводник — не понимая, в чем дело, — тоже неуверенно подхихикнул. И Иван тоже изобразил улыбку, только не понимал, что это за смешинка попала в рот серьезному следователю.

— Почему же я — гражданин? — спросил следователь, отсмеявшись.

— А как?

— Обыкновенно — товарищ.

Проводник понял наконец, в чем дело, и чуть не захлебнулся в восторге от своей догадливости. Даже вскочил.

— Рано!.. Рано гражданином-то. Это потом, чудак!..

Поезд в это время подошел к какой-то большой станции. Кого-то встречали, провожали, кто-то уезжал грустный, а кто-то улыбался и похохатывал... Жизнь, нормальная, крикливая, шла своим чередом. Шла и ехала на колесах.

Вот встретили какого-то флотского, старшину второй статьи. Флотский еще на подножке изобразил притворный ужас от того, что его столь много понашло, понаехало встречать... Актеры, эти флотские! Ему кричали, шли рядом с вагоном, его звали скорей сойти, а он, счастливчик, все изображал ужас, и что он теперь будет делать!.. Потом поезд совсем остановился, флотский упал в руки друзей...

А вот слегка поношенный человек идет через перонную сутолоку, держит в руках каракулевую папаху, какие носят полковники, и негромко, однообразно повторяет:

— А вот папаха. А вот папаха. Кому папаху?..

— А ну, дай глянуть,— остановился один удачливый спекулянт.

— Что просишь?

Поезд опять поехал.

Иван снял пиджак, надел другую рубаху... Сидели с Нюрой, молчали. Очень уж неожиданно и тяжело свалился на них этот «железнодорожный конструктор».

— Да-а,— только и сказал Иван, глядя в окно.—

Дела...

— Такой молодой — и надо же! — вздохнула Нюра.— И что заставляет?

Тут дверь в купе отодвинулась, вошел пожилой опрятный человек с усиками, с веселыми, нестариковскими живыми, даже какими-то озорными глазами. Вошел он и опускает на пол... большой желтый чемодан с ремнями.

— Здравствуйте! — приветливо сказал пожилой, веселый.— По-моему, это здесь... Двадцать четыре — здесь. Будем соседями?

Иван, увидев желтый чемодан с ремнями, «сделал ушки топориком». Нюра тоже смотрела на нового пассажира подозрительно и со страхом.

— Далеко ехать? — спросил словоохотливый сосед.

— Далеко,— сказал Иван.

— И мне далеко...— Сосед, однако, был удивлен столь явным недружелюбием соседей.— Я не помешал вам?

— Нет.

Некоторое время сидели молча.

— Вы не конструктор будете? — спросил Иван.

— Нет... А почему вы решили, что конструктор?

— Да так...— Иван насмешливо, с укоризной посмотрел на пожилого соседа.— А кто вы будете, интересно бы узнать?

— Я — профессор. Но... самый, наверно, несерьезный, странный профессор: ездил в ваши края собирать чащушки, сказочки...

Иван с Нюрой переглянулись.

— Собрали?

— И презрядное количество! — профессор хлопнул чемодан по пузу.— Богат народ! Ах, богат! Веками хранит свое богатство, а отдает даром — нате! Здесь, в этом чемодане,— пуд золота. Могу показать — хотите? — Профессор полез было в чемодан.

— Нам ничего не надо! — вскричала Нюра.

А Иван даже предостерегающе привстал... И смотрел на профессора недобро, очень серьезно.

Профессор вовсе был удивлен.

— Мгм,— сказал он. И замолчал.

Все долго молчали.

— Пойду, пожалуй, чайку спрошу,— сказал профессор. И встал.— Для вас не попросить?

— Нет,— сказал Иван.

— Нам не надо,— сказала Нюра.

Профессор вышел.

— Проверь деньги,— заговорил Иван, едва дверь за профессором закрылась.— А то тут снова пошли печки-лавочки.

Нюра пощупала на боку деньги.

— Здесь.

— Переверни вниз и сиди на них. И не вставай зря...

— Да уж отсюда-та... как, поди?

— Они с руки часы снимают, не то что... оттуда.
С такого объема — ты и не почувствуешь.

— Да ведь все какие обходительные!

— Чай принесет, тоже не бери: может подсыпать снотворного... По-моему, они из одной шайки.— Иван показал на чемодан профессора, так поразительно похожий на чемодан «железнодорожного конструктора».

— Может, сказать кому-нибудь?

— Да? А потом — нож под ребро... Сиди и помалкивай: мы — деревенские, люди темные, с нас взятки гладки. Спать будем по очереди.

Вошел профессор.

— Ну, вот и чаек! Да такой, знаете, славный!.. Напрасно отказались.

— Мы уже... почаявничали,— сказал Иван.

Профессор внимательно глянул на Ивана.

Нюра хранила молчание.

— Сельские? — любопытствовал профессор.

— Ага, сельские. Из деревни.

— Ну, и как там теперь, в деревне-то? По-моему, я вот поехал, веселей стало? А? Люди как-то веселей смотрят...

— Что вы!.. Иной раз прямо не знаешь, куда деваться от веселья. Просто, знаете, целая улица — как начнет хохотать, ну, спасу нет. Пожарными машинами отливают.

— О, как! Массовое веселье... Чего они?

— А вот — весело! Да я по себе погонюсь: бывает, встанешь утром, еще ничем-ничего, еще даже не позавтракал, а уж смех берет. Крепись-крепись, ну никак. Смешно! Иной раз вот так вот полдня прохочешь...

— А знаете, что надо делать, чтоб остановиться? Со мной бывало такое — тоже целыми днями хохотал. Меня один умный человек научил, как избавиться...

— Ну-ка? А то прямо беда!

— Беда, беда. Что вы!.. Я знаю. То ли работать, то ли смеяться...

— Вот, вот.

— Надо встать на одну ногу, взять правой рукой себя за левое ухо, за мочку, прыгать и... Вас как зовут?

— Иван.

— Прыгать и приговаривать:

Ваня, Ваня, попляши,
Больно ножки хороши;
Больно ножки хороши —
Ваня, Ваня, попляши,

Нюра невольно засмеялась.

А Ивана почему-то эта песенка оскорбила.

— Помогает? — зло спросил он.

— Как рукой снимет.

— Вот... ученые-то, все-то они знают! Прямо позавидуешь, ей-богу. Надо запомнить. Как? — Ваня, Ваня, попляши?

— Ваня, Ваня, попляши.

— А вдруг да заместо того, чтоб хохотать — плясать примешься? Тоже ведь — опасно.

— Плясать?

— Но. Попрыгаешь так-то, да и пойдет чесать целый день.

— Хм... Не исключено, не исключено. Ну, что-нибудь и здесь придумается. А не выпить ли нам бутылочку доброго сухого вина? — вдруг от души предложил профессор.— А то мы...— Он хотел еще сказать: «А то мы что-то никак не наладим добрые отношения — все что-то с подковыркой говорим». Но Иван и Нюра в один голос дружно сказали:

— Нет.

— Что так?

— Нет! Большое спасибо.

— Не понимаю...

— Он у меня не пьющий,— пояснила Нюра.

— И не курящий,— добавил Иван.

Профессор посмотрел на него.

— Золотой мужик.

— Подарок,— еще сказала Нюра.— На балалайке играет.

— А при чем тут — золотой? — спросил Иван.

— Ну,— не пьющий, не курящий... Денег, наверно, много?

— Откуда? — воскликнула Нюра.— Мы вот поехали к югу и только-только наскребли на билеты в один конец. С грехом пополам... назанимались...

— А как же оттуда? — удивился профессор.

— Да не знаю, как... Как-нибудь.

Профессор смотрел на сельских жителей — он, правда, не понимал, что происходит.

— Я вот, допустим, тракторист,— стал рассказывать Иван,— она — доярка... Откуда же у нас деньги? От сырости, что ли? Вот вы говорите — выпьем. Я б выпил, приласкал душеньку... Только она, рюмочка-то, кусается нынче. Я вот к вечеру-то наломаюсь хорошо, иду мимо магазина — эх, двести бы граммчиков! А? А в уме прикинешь — рубль с лиху... слишком это, знаете, чувствительно. Так уж придешь домой да нормального само... вот! И все, и проходишь мимо магазина. Попьешь молочка дома и ложишься спать. Вот он желудок-то и не подготовлен к вину. Даже к хорошему. А я выпил бы сейчас с вами. С удовольствием...

— Его сразу стошнит.

— Да, сразу...

— Чувствую,— заговорил профессор серьезно,— ломаете дурака, Иван Иванович...

— Иван Федорыч.

— Иван Федорыч... Ломаете дурака, Иван Федорович, а не пойму — зачем?

— Вы одного конструктора знаете? — в лоб спросил Иван.

— Я их много знаю, не одного... А что?

— Да нет, ничего, все ясно. По железной дороге, да?

— Что «по железной дороге»?

— Без мостов. Система игрек?.. Пожилой человек. Не стыдно?

— Вань!.. — взмолилась Нюра.

— Да пошли они к.! — открыто обозлился Иван.— Бессовестные. Люди за копейку-то горб ломают, а эти — стянул чемодан, и радешенек, и богатый, хорошее вино пьют, коньяки... Есть у меня деньги, есть! — не подговаривайся! Только попробуй возьми хоть один рубль — вот, видел? — Иван показал увесистый кулак.— Быка-трехлетка с ног сшибаю...

Профессор понюхал протянутый кулак.

— Да, погилой пахнет. Серьезный кулак. Надежный. И все же тут какое-то недоразумение, Иван. Вы меня за кого-то другого принимаете... Хотите, я приведу проводника, он объяснит вам? А ему я покажу документы. Хотите, вам покажу?..

— Не нужны мне ваши документы. И ходить никуда не надо. И я никуда не пойду — не мое дело. А поживиться здесь не удастся, заранее говорю.

— Нет, я все-таки схожу. А то этак мы всю дорогу и будем подозревать друг друга...

Профессор вышел.

— Вань,— встревожилась Нюра,— не зря мы человека-то обидели?

Иван молчал. Ему тоже сомнение вкралось в душу.

— А, Вань?

— А я откуда знаю? — взорвался Иван.— Иди разбери их... Откуда он, пуд золота-то? — Иван пнул профессорский чемодан.— Может, кокнул кого-нибудь в тайге — вот и...

— Да шибко уж не похожий.

— А тот был похожий?

— Господи, господа,— только и сказала Нюра.— Правда, трудно понять людей.

Вошли профессор с проводником. Проводник ухмыляется.

— Ты чего это тут бдительность развел? — спросил он.— Это товарищ Степанов, профессор, из Москвы... Тебе уж теперь на каждом шагу будут воры казаться. Некрасиво, обидел товарища...

— Насчет обиды — это не надо,— попросил профессор.— Никакой обиды.

— Ну, как же?..

— Никакой обиды! Хорошо, что все объяснилось.

— Давай тут... не очень! — счел нужным еще сказать проводник Ивану.— Какой же он вор! Хоть немного-то разбирайся в людях.

— Ты много разобрался в том конструкторе... которого без билета посадил? — обиделся Иван на нравоучения лакеистого кондуктора.— Бегал тут... икру метал. Еще ухмыляется!

— Ну-ка! — прикрикнул проводник.— Давай-ка, приведи себя в порядок! Не очень тут!.. Не дома на печке. Устраивайтесь, товарищ профессор.

— Я устроюсь. Хорошо.

— Если он будет тут чего-нибудь фордыбачить, скажите мне... Мы его живо приструним. Мы ему...

— Да идите вы к дьяволу! — вскричал вдруг профессор.— Чего вы пристали к человеку?!

Проводник опешил. Молчал.

— Извините, пожалуйста! — сказал профессор.— Спасибо. Мы теперь сами разберемся. Идите.

— Ну, давайте,— сказал проводник.— Ничего.— И ушел.

— Фу ты, дьявольщина какая! Нехорошо как...

— Товарищ профессор, вы уж простите нас, ради бога,— сказала Нюра.— Обознались мы...

— Да что вы!.. За что? Я, старый дурак, поперся к проводнику... Надо было самим разобраться.

Иван, опозоренный, молчал, насупив брови.

— Попроси прощения! — строго велела Нюра.— Язык-то не отсохнет.

— Та-а...— Иван сморщился.— В этом, что ли, дело?

— Забудем все недоразумения! — решительно сказал профессор.— Нам же далеко ехать!.. С какой стати мы испортим себе дорогу? Иван!..

А поезд опять подходил к станции.

И опять перронная кутерьма... Приехали. Уезжают.

В вагон, где ехали Иван, Нюра и профессор, садилась большая, гитаристая группа студентов — юноши и девушки, большинство — девушки.

Поезд тонко закричал...

Иван с профессором пригубили-таки из высокой бутылки дорогого вина. Профессор — с блокнотом в руках — экзаменует Ивана на предмет владения родным языком. Настроение у них хорошее; Иван относится к «экзамену» довольно серьезно: Нюра — больше на подсказках.

— Просто — ударить. Он ударил — я ударила — кто-то ударил...

— Вломил, — начинает Иван.

— Так.

— Жогнул.

— Жогнул?

— Ну — жогнул. Рраз! — жогнул.

— Ага! Хорошо. Еще?

— Тяпнул.

— Да. Еще?

— Матерно можно?

— Нет, это не надо.

— А там много, вообще-то...

— Нет, лучше не надо. Кроме того, здесь женщина.

— Она слышала...

— И так?

— Наподдал,— подсказала Нюра.

— Наподдал... Да. Невыразительный глагол. Женский какой-то.

— Хряпнул. Ломанул.

— Вот это... глаголы! Мускулистые.

— Перелобанил. Окрестил. Саданул... Нае... Нет, не туда. Врезал. Смазал.

— Так, так,— подбадривает профессор.

— Пиннул,— опять вмешивается Нюра.

— Пиннул? Это хорошо. Пнул, да?

— Ну да. Пиннанул, у нас бабка говорит.

— Это старушечий,— снисходительно бросив Иван.— Взял на калган,— еще вспоминает он.

— Это что такое?

— Головой дал! Вот так вот.— Иван взял профессора за плечи и рывком кинул на себя и подставил голову, но, конечно, не ударил — показал.

— О-о! А калган — это голова?

— Голова.

— Это по-каковски же?

— По-русски! Кал-ган. И нас еще зовут — сельсовет. Профессор засмеялся.

— А как еще?

— Чердак.

— Чего попало! — изумилась Нюра.— Неужели вам это на самом деле нужно?

— Нужно, Нюра.

Тут в купе вошли веселые девушки-студентки устраивать одну свою подружку. Трое.

— Нам сказали, у вас одно место свободное...

— Так точно! — приветливо откликнулся профессор.— Располагайтесь. Которая из вас? Стоп, мы сами выберем. Самую красивую...

— А ну? — Девушки все были хорошие, крепкие, голоногие.— Выбирайте!

Профессор поверх очков оглядел всех... Искренне вздохнул.

— Оставляйтесь все. Выбирает тот, кто... забирает. О-о! — сам болезненно сморщился он.— Вот это калламбур!

Девушки засмеялись.

— Какую же.

— Какую, Иван?

Иван гикнул, покраснел и... посмотрел на Нюру.

— Ну, раз ты уже выбрал, то мне — все равно: я свою станцию проехал, — сказал профессор.

Оставили голубоглазую, грудастую Любу.

— Закончена сессия — и ноги в руки! — позавидовал профессор. — Что за институт?

— Педагогический.

— Факультет?

— Физмат.

— Физмат, и только физмат. Всемогуший физмат! — огорченно сказал профессор. — Куда только прибежите со своим физматом.

— А вам не нравится физмат?

Профессор весело посмотрел на девушку с физмата.

— Милая, он вам самой не нравится.

— Почему? — растерялась девушка.

— Потому что вам нравится Лермонтов, Есенин...

— Одно другому не мешает.

— О, еще как!

— Педагогический — это, значит, будете учительствовать? — встрял в разговор Иван.

— Да.

— Да-а... — значительно сказал Иван. — Вот сейчас радуется, что учитесь, веселитесь — в люди выходите, а я смотрю на вас и жалею...

— Иван! — сказала Нюра.

— Что?

— Чего заборонил-то? Жалует он. Ты что?

— А что такое, Иван? — заинтересовался профессор. — Нюра, почему вы остановили.

— Да нет, я хотел про наших учителей рассказать, про сельских...

— Ну?

— Да ладно!

— Да что же ладно? Расскажи.

— Достается им, бедным... Но, может, я, правда, чего-нибудь не допонимаю, а полезу рассуждать... Ладно.

— Фигура учителя заметно стала ниже, — сказала девушка Люба. — Очевидно, он это хотел сообщить.

— Что ты хотел сообщить, Иван? — спросил профессор строго. — Что длинные учителя в городе остаются?

— Он сам не знает, что он хотел сообщить, —

сердито сказала Нюра. — Выпил лишнего? Ложись вои спи.

Иван только успевал поворачиваться на слова, к нему обращенные... Но молчал.

Тут из соседнего купе пришла делегация девушек

— Сергей Федорыч... простите, пожалуйста...

— Ну, ну, — сказал профессор.

— Мы вас узнали... вы по телевидению выступали...

— Выступал. Был грех.

— Пойдемте к нам... Расскажите нам, пожалуйста...

Мы вас приглашаем к себе. Мы — рядом.

— Пошли, Иван. Недалеко. — Профессор встал. — Бу тылочку брать с собой? — спросил девушек.

Девушки засмеялись.

— Берите!

— Ваня, а ты бы воздержался — не ходил, — сказала Нюра.

Но Ивану очень интересно с профессором.

— Да будет тебе! Чего тут такого? Рядом же.

— Да ничего! Будешь потом по вагону бегать...

— Нюра, он не будет бегать по вагону, — пообещал профессор.

И профессор с Иваном ушли.

А луна светила!.. Ночь шла по земле, выстилая на полянах белые простыни.

Жутковато, гулко прогудел мост... Поезд выскочил из его железной паутины и громко закричал, радуясь воле.

Выбежали к дороге белоногие березки — и такие они ясные, белые под луной, такие родные... И грустные. Смотрят вслед поезду.

— А вот вы приезжайте, посмотрите! — шумел в купе, где студенты, щедрый, размашистый Иван. — Вот тогда узнаете, как я вижу!..

Студентам весело. Ивану тоже.

Только профессор как-то задумчиво смотрел на Ивана: не то ему жалко Ивана, не то малость неловко за него.

— А косить мы будем?

— А зачем косить? У нас теперь машины косют... А-а, так — в охотку? Можно покосить. Я вам устрою. Но это, ребятки, тяжело. Лучшее мы с вами сядем в лодочки... Как в песне-то поется:

«С сестрой мы в лодочку сядились,
Тихо-онько плыли по волна-ам...»

Студенты засмеялись

— А «Волга» у вас есть?

— А зачем она мне? Я без «Волги» вот так живу! Я, ребята, живу крупно. Чего только у меня нет! У меня — зайдешь в дом — пять ковров сразу висят. Персидских.

— А шкура медвежья есть?

— Три штуки. Одна в прихожке — я сапоги об ее вытираю, одна в детской, детишки на ней играют, волосья дерут... Дальше, посмотрим направо — барометр висит...

— А громоотвод?

— Громоотвод — на крыше. Я пока внутренность описываю. А налево, как зайдешь — сервант на тоненьких ножках. Я его один раз — с полочки — задел нечаянно, на сорок восемь рублей одной посуды расколол...

— Жена вам — скандал?

— Не, она у меня не базланит. Это не то, что есть некоторые... Ох, не будьте такими — это хуже всего на свете. Тут и так-то... не сладко, а если еще и дома... Если я устал, как собака, я посплю — отдохнул, можно снова за работу. А если еще дома... Нет, это плохо. Хуже нет.

— Вы же говорите, вы хорошо живете.

— Я-то хорошо! Я про других. А я-то — дай бог каждому! Я, допустим, прихожу с работы: «Ну, Нюся, давай корми, голубушка». Она на стол — картошку с мясом. Мясо у меня круглый год не выводится. Свиннота эта у меня вот здесь сидит. — Иван хлопнул себя по загривку. — Ох, и прожорливые же!.. Иной раз взял бы ружье и пострелял всех к чертовой матери. А если, бывает, совсем здорово устанешь на работе, я сразу, с порога: «Ну, Нюся...»

Нюра сидела одна у темного окна, слушала песни по радио.

Вошел профессор

— Ну, Нюся!.. Что, скучаем?

— Что он там? — озабоченно спросила Нюра.

— Иван?.. Да ничего особенного, не беспокойтесь. Рассказывает студентам, как он хорошо живет, богато.

— Тыфу, трепло! Вот трепло-то! Пара штанов завелась лишняя да рубаха-перемыха... Богач! Вот, знаете, так мужик — ничего, грех жаловаться: ребяташек

любит, меня жалеет... Но как выпьет, тут уж держись: или хвастать начнет, какой он богатый, или в драку лезет. И ведь сколько уж раз учили, дурака, один раз голову стяжком проломил — неймётся! Нальет глаза, и все нипочем: на пятерых, на пятерых лезет.

— Часто пьет?

— Да нет, так-то грех тоже жаловаться. Работает-то он, правда, много. У их все в роду — работники. Его уважают. А вот есть эта дурацкая замашка... Как праздник подходит, так у меня душа загодя болит. Люди веселятся, а я сижу дома, жду: сейчас прибегут, скажут: «Ванька дерется!»

Профессор вздохнул.

— Смеются там над ним? — спросила Нюра.

— Да нет... Ну, молодые: им палец покажи, они смеяться будут. Там все беззлобно... Состричь опять же можно. Только... — Профессор не стал говорить, что это «только». — Ничего. Не беспокойтесь.

— Как же не беспокоиться — не чужой. Сердце-то болит.

В купе, где студенты, слышно, запели под гитару нечто крикливое, бестолковое:

— В трюмах кораллы и жемчуг;
Весел пиратский бриг.
Судно ведет с похмелья
Сам капитан — старик...

— Пираты, — в раздумье молвил старик профессор. — Пираты, ковбой... Суровая зелень. Отчаянный народ. В купе заглянул курносый парень.

— Это у вас?

— Что?

— Пели-то.

— Нет, это по соседству, — сказал профессор. — Они уже перестали. Слова списать?

— Я бы их так запомнил... Хорошая песня.

— Куда путь держим? — спросил профессор.

— В Крым. — Курносый присел на диван. — Второй раз. Опять радикулит... Замучил.

— Болит? — посочувствовала Нюра.

— Болит, — отмахнулся курносый, настраиваясь поговорить о другом. — Во народу где! Идешь по пляжу — тут женщина голая, там голая — валяются. Идешь, переступаешь через их...

— Совсем голые?! — удивилась Нюра.

— Зачем? В купальниках. Но это же так — фикция. Я сперва в трусах ходил, потом мне один посоветовал: «Купи плавки!» Так они что там делают: по улице и то ходят вот в таких штанишках — шортики называются. — Курносый чуть подсюсюкивал, у него получалось — «станиски», «сортики». — Ну, идешь, ну, смотришь же... Неловко, вообще-то...

— Ну да, — согласилась Нюра, — другая и по морде даст.

— Да нет, там это само собой разумеется. Но, вообще-то, неловко. Ну, мне там один тоже посоветовал: ты, говорит, купи темные очки — ни черта, говорит, не разберешь, куда смотришь...

— Во!

— Заходишь вечером в ресторан, берешь шашлык, а тут наяривают, тут наяривают!.. Он поет, а тут танцуют. Ну, танцуют, я скажу! Вот, собаки! Сердце заходится. Так глядишь — вроде совестно, а потом подумаешь: нет, красиво! Если уж им не совестно, чего мне-то совестно? Ритмичность... везде ритмичность. Там один тоже стоял: бесстыдники, говорит, что вытворяют! Ну, его тут же побрили: не нравится, говорят, не смотри. Иди спать. А один раз как дали «Очи черные», у меня на глазах слезы навернулись. Такое ощущение (осюсение), полез на меня десять человек — не страшно. Я чуть не заплакал. А полезли куда-то на гору, я чуть не на карачках дополз — ну, красота! На всех парходах — музыка. Такое осюсение, что музыка из воды идет. Спускаемся — опять в ресторан...

— Это ж сколько денег просадить можно?! — сказала Нюра. — Тут ресторан, там ресторан...

— Они там на каждом шагу! Мне там один тоже говорит: первый и последний раз. Корову, говорит, целую ухнул. Нет, там есть пельменные, вообще-то. Три порции — от так от хватает...

...А в купе, где Иван, некто молодой, очень красивый, пел под гитару очень красивую песню — про «Россию-матушку».

За Россию-матушку — все умны,
За Россию-матушку — все смелы...

Иван слушал, стиснув зубы. Песня ему очень нравилась.

Вошел курносый (курортник), присел, тоже стиснул зубы. Ему тоже очень понравилась песня.

Песня кончилась.

Все посидели молча... Курносый спросил гитариста:

— А «Очи» можешь? Дай «Очи»!..

Иван пристукнул кулаком по колену... Встал и пошел из купе.

И запел в коридоре:

С сестрой мы в лодочку
садились,
Тихо-онько плыли по волна-ам!..

Потом Иван вошел в свое купе.

— Дорогие мои, хорошие, — заговорил он было. Но профессор с Нюрой говорили негромко между собой, и Иван смолк.

А профессор и Нюра, не обращая на Ивана никакого внимания, продолжали говорить. И очень даже странно они говорили:

— Прямо не знаю, как вам и сказать... — раздумчиво сказала Нюра. — Все же у меня двое детей... да маленькие такие!..

— Господи! — тихонько воскликнул профессор. — Ну и что? И прекрасно. Он как раз детей очень любит. У него под Москвой домик... будете жить-поживать да добра наживать. Он не пьет, не буянит, сроду никогда грубого слова не сказал. Как у Христа за пазухой будешь жить. Решайся.

— Прямо не знаю... — тихо и грустно опять сказала Нюра. — Если уж честно-то: конечно, мне надоела такая жизнь. У людей праздник, а у меня загода душа болит. Или ехать куда: опять, думаешь, какая-нибудь история... А ему сколько лет-то?

— Тому человеку-то? Семьдесят. Но он еще в форме... Седой такой, головку носит гордо — красавец. Он всю жизнь танцевал в оперетте, поэтому... головку умеет держать.

— Многовато, вообще-то...

— Да я же говорю: он любого молодого за пояс заткнет! Ну, и потом — культура! Там же через каждое слово — «мерси», «пардон», «данке шен»... Ты хоть отдохнешь от этих всяких «чаво» да «надысь»...

— Да охота, конечно, пожить, как...

— Я извиняюсь,— вмешался Иван, заметно трезвея.— Про кого тут речь?

— Дело же не в том даже, что самой пожить,— продолжила Нюра, не слыша и не видя Ивана,— а в том, чтобы детей воспитать на хорошем примере. Сейчас-то — что за пример они видят!

— Я же про то и говорю! — подхватил профессор.— Пример же будет.

— Я подумаю,— сказала Нюра.

— Подумай, подумай.

— Ну и что, что семьдесят: я за ним ухаживать буду...

— Так, а что там ухаживать-то: утром отнес его в садик, посадил в креслице — и сиди он себе, «мерси-кай». Ест мало, кашку какую-нибудь сварил. он покушает, и все. А вечером...

— Слушайте,— заговорил Иван, угрожающе округлив глаза.— Я говорю, я извиняюсь, но я же — тут! В чем дело?!

— А, ты тут? — «спохватилась» Нюра.— А мы и не слышим — заговорились с Сергеем Федорычем. Давно пришел?

— Да как тихо вошел! — удивился и Сергей Федорыч.

— В чем дело! — спросил Иван.

— Ни в чем.

— Кому семьдесят лет?

— Мне,— сказал профессор.

— Нет, я же слышал...

— Ложись-ка спать, Ваня,— мирно сказала Нюра.— Ложись. Лезь вон на полку и засыпай. Все рассказал людям, рассказал, как живешь, спел... чего еще? Свою норму выполнил — можно и на боковую. Лезь, Ванюшенька, лезь, милый. Лезь баньки. Давай.

— Я ничего не понимаю,— пробормотал Иван.

— Завтра поймешь. Завтра все поймешь.

Иван полез на верхнюю полку и затих.

Пришла Люба... Прошуршала в полутьме платьем, легко запрыгнула на полку и тоже затихла.

Профессор с Нюрой остались сидеть у окна

— Что же, правда, что ли, там такая жизнь?.. — спросила Нюра тихо.— Парень-то рассказывал...

— Нет,— тоже тихо откликнулся профессор.— Впрочем... что-то есть и от правды

— Гляди-ка, корову, говорит, целую ухнул... Неужели можно?

— А сколько корова стоит?

— Четыреста — четыреста пятьдесят... А с телком — так и больше.

— Можно. Можно и корову с телком ухнуть... На Руси умеют коров ухать.

Все, наверно, спят в длинном поезде.

Не спят только на паровозе.

Машинист, пожилой уже человек, глядя вперед, вдруг спросил молодого помощника:

— Кольк, знаешь, как в отделе кадров бухгалтера подбирали?

— Знаю. Третий сказал: «А сколько вам надо?» Ты уж седьмой раз рассказываешь.

Машинист засмеялся.

— Придумают же!.. Смешно.

— Анекдот-то — вот с такой бородой.

— Все равно смешно. Интересно, кто их сочиняет?

Колька пожал плечами.

— Люди...

— Я вот хочу какой-нибудь сочинить, и никак не выходит.

Нюра спит... Но вот какая-то далекая тревога отразилась на ее спокойном лице.

Она увидела сон:

Распахнулся огромный, с плющом, с фикусами в огромных кадках, сверкающий зал ресторации. И весь он ходуном ходит. Полуголые девицы, волосатые парни зашлись в танце... «Очи черные».

Гремит и кривляется «ритмичная жизнь». То ли это какой-то вселенский шабаш, то ли завтра — конец света. Не архангел ли Гавриил дует в свою сзывающую трубу, и нет ли тут — среди обаятельных дам и джентльменов — этих, с хвостиками и на копытцах?

С трудом продралась Нюра через гремящий, орущий, бесноватый зал... И вышла к столу, где пирует ее Иван. Он славно пирует! По бокам его почти голые девицы, смеются, пьют шампанское...

— Пойдем домой! — сказала Нюра.

Иван отрицательно покачал головой. И усмехнулся.

И сильнее грянула музыка, и пошли кривляться вовсе безобразно...

Нюра пошла к выходу. Ей в лицо смеялись, девицы проплывали у нее перед носом, подергивая плечиками...

И вдруг Нюра остановилась. И заткнулась музыка... И все замерли. Нюра пошла опять к столу... И с ее шагами, сперва тихо, потом громче стала нарастать удалая, вольная музыка «Из-за острова на стрежень».

И сам Иван сидит за столом в облике Стеньки Разина... И грозно смотрит на Нюру.

Нюра подошла, выдернула мощной рукой его из-за стола и дала пинка под зад. И сама пошла следом за ним.

На пороге, в дверях, оглянулась и произнесла гневную речь.

— Эх, вы! — сказала она. — Смеетесь?! Над кем смеетесь?! Это над вами смешно-то. Это мне надо смеяться-то, а не вам. Что вы делаете?! Как вам не стыдно?! Девушки!.. Зачем заголились? Чтобы мужиков приманивать? Да если ты хорошая, если ты человек хороший, мужик и так увидит. На вас же глядеть мучительно! Тьфу!.. В такие-то годы — работать да детей рожать, а вы с ума сходите.

За Нюрой, за ее спиной, стали появляться мужчины пенсионного возраста, и тоже укоризненно смотрели. И молчали.

— Мой вам совет: прекратите это и займитесь полезным трудом!

Положительные мужчины за Нюрой захопали.

— Чтобы я этого больше не видела!

Мужчины опять захопали...

Нюра проснулась, полежала немного и шепотом позвала:

— Вань!..

Иван спал глубоким сном.

Нюра встала, потрогала его на верхней полке... И опять легла. И закрыла глаза.

Утром проснулся Иван с большой совестью. Проснулся и не поворачивался, лежал тихо.

Профессор негромко рассказывал Нюре и Любе нечто далекое из юношества.

— Я тоже был гордый! Я очень красиво выразился: «Не моя воля, что я родился под этой крышей, отныне моя воля в том, что я навсегда уйду отсюда!» Во,

как сказал! Я был позер. В двадцать лет все позеры.

— Почему все? — возразила Люба.

— Все, без исключения, — подтвердил профессор.

— Ну, а дальше? — попросила Нюра.

— Я ушел. Простите, уехал.

— А она?

— Она осталась.

— Но вы же любили ее!

— Да. Но себя я тоже любил. Себя я любил больше. Я ушел в Вологду, в Вологодщину, в деревню. Я стал учителем. Это было прекрасное время!.. Знаете, ближе к осени, когда с осины упадет первый лист, воздух в лесу — зеленый!..

— Что же дальше? — все не терпелось узнать Нюре.

— Дальше... Я встретил там Машу... Свою Марью Ивановну. И все.

— А Катя?

— А Катя встретила своего... какого-нибудь Василия Ивановича — баш на баш.

— А кто раньше встретил: Катя или вы? — спросила Люба.

Профессор засмеялся.

— Вот что значит — не романист я! — пропустил такую главу... Катя встретила первая. Я был очень далеко... в деревне — с экспедицией. И там я узнал. И ушел в свою деревню. На этот раз я ушел пешком. Я шел пешком сто двадцать верст...

— Что же, никто не мог подвезти?

— Я не хотел. Я нес свое горе, страдал! Не на телеге же страдать. И, знаете, я правильно сделал, что протопал эти сто двадцать верст. Я не верю в скоротечные — в одну ночь — перерождения... Но в сто двадцать верст вологодских дорог я верю. Много я передумал всякого... Много понял.

— Господи, прямо как в книге, — сказала завороченная Нюра.

— Вот это-то я и понял главным образом: что все это — мое горе, мои страдания — это пока роман. Но еще не жизнь. Жизнь началась потом...

— А к отцу-то вы вернулись?

— Нет, уже не вернулся. И, вообще, дальше уже... нечто иное. Не роман. Но роман был захватывающий... А?

Обе в один голос — и Нюра и Люба — воскликнули:

— Очень интересно!
— Очень!
В купе заглянул проводник.
— Чайку желаете?
— Желаем! — сказал профессор. — И побольше, пожалуйста. Десять стаканов. Скажите, а газеты здесь носят?
— Нет, газеты на станциях.
Иван воспользовался приходом проводника, скоренько надернул под простыню штаны, слез с полки.
— Здравствуйте, — сказал невнятно, взял полотенце и ужом выскользнул из купе.
— Стыдно, — сказала Нюра.
— Чего? — не понял профессор.
— Ну... вчера хватил лишка, сегодня стыдно. Весь день молчать будет.
— Ну, зачем же так? Так даже скучно.
— Ничего, пускай. Пускай помается.
— Всегда так?
— Всегда. А если где подерется, то и ночевать домой не придет — в мастерской спит, у сторожа. Дня по два там живет. Совестно.
Поезд подошел к станции.
Иван, с полотенцем в руках, выскочил из вагона и побежал к газетному ларьку. Накупил газет — всех по одной... побежал обратно.
В купе готовились пить чай.
Иван вошел с газетами... Положил их на стол. Фальшиво-небрежным тоном сказал:
— Почитаем, что ли...
— Газеты! — удивился профессор. — Где достал, Иван?
— Там... — Иван кивнул в сторону станции.
— Ну, как? — спросила Нюра строго.
Иван вздрогнул, быстро поднял голову и опустил. Спросил тоже скоро, испуганно.
— Что, что?
— Ничего!
— А что? Ничего. А что?
— Ничего... и совесть спокойна, и душа не болит?
— А что, что? — тихо, впробормот спрашивал Иван.
И ни на кого не глядел.
— Крепкая же у тебя совесть... — Нюра взяла полотенце и пошла умываться.

Профессор с Иваном остались одни (Люба ушла к своим).
— Попало? — спросил профессор.
— Та-а... — Иван поморщился, не поднимая головы. Он читал газету, которую разложил у себя на коленях.
— Голова болит?
— Не! — поспешно, с бодрейшей откликнулся Иван. Но головы опять не поднял.
— У меня есть бутылочка сухого... Выпьешь?
Иван глянул на дверь...
— Она долго не придет — там очередь. Выпей, легче станет.
— А вы?
— Я не хочу... У меня не болит.
Профессор достал из чемодана длинную бутылку. Сам тоже посматривал на дверь. Налил стакан.
Иван одним махом оглушил стакан.
— Ху!...
— Еще?
— Нет. Спасибо.
— Тяжело бывает после выпивки?
— Да не то что тяжело — мутрно.
— Но ты особо-то не переживай, ничего вчера безобразного не было.
Иван мучительно поморщился.
— Трепался, наверное?.. Гадский язык: обязательно натреться! Ненавижу себя за это!.. Один раз, знаете, поехал на мельницу. А мельница у нас в другом селе, за пятьдесят километров. Смолол. Ну, выпили там с мужиками... И чего мне в башку влетело: стал всем доказывать, что я Герой Социалистического Труда.
— О!
— Ну! Меня насмех, я в драку... Как живой остался! — их человек восемь, мужиков-то.
— Да-а. А вчера что-то быстро ты захмелел-то?
— Да я же еще днем коньяк пил! С этим ворюгой-то. Ну и развезло — ерш получился. Я так-то не слабый... А чего я говорил там?
— Где? У студентов? Рассказывал, как ты хорошо живешь.
— О-о!.. Вот же козел!
— Ну, а как жизнь, вообще-то? Если не трепаться...
— Да ничего живу... Нормально. Я не гонюсь за богатством. Мне бы вот ребятишек выучить — больше

ничего не надо. Ничего так-то — все есть. Телевизор есть, корова есть. Свинья даже есть, хоть я их ненавижу, собак, — прожорливые. Все есть, я не жалуясь.

— Иван, ты хотел про учителей рассказывать... Расскажи?

Иван посмотрел на дверь купе...

— Ладно, — сказал профессор, — мы еще выберем время.

Велика матушка-Русь!

И на восходе солнца, и на заходе солнца, и белым днем, и ночью — идут, идут, идут поезда. И куда только едут люди? Куда-то все едут, едут...

Молоденький офицерик, от которого вкусно пахнет маминым молоком, говорит миловидной соседке по купе:

— Все это хорошо, но это — сплошная чувствительность. Мы сегодня — не те.

— Но это же прекрасно, — неуверенно сказала соседка. И прочитала:

Будто я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

— Не мужские стихи, — проговорил жестокий лейтенант. — Розовый конь... — это не из двадцатого века. Согласитесь.

Как тут не согласиться! И миловидная соседка пожимает плечами, что можно понять, как «пожалуй».

Две дамы от души состязаются в любезности.

— Позвольте, разрешите, я полезу на верхнюю полку.

— Да нет, зачем же? Я могу туда прекрасно полезть.

— Но меня это несколько не затруднит!

— Меня это тоже ничуть не затруднит. Что вы!

— Прошу вас, устраивайтесь внизу. Честное слово, меня ничуть не затруднит...

— Нет, пожалуйста, пожалуйста...

Внизу на диване полулежит здоровенный парнишка, и, отложив «Огонек» в сторону, с интересом слушает дам.

А вот — дядя... Вооружившись мешком и чемоданом, таранит встречных и поперечных в проходе обшаренного вагона. Ему кричат:

— Что же ты прешь, как на буфет! Дядя!..

— Ну, куда? Куда?

— Эй!.. Можно поосторожней?!

Дядя — ноль внимания. Трудный опыт российского пассажира подсказывает ему, что главное — занять место. Можно себе представить, что когда-нибудь все вагоны будут купейные, а если будут общие, то в них будет свободно... И что же будет? — тоска зеленая!

Едут, едут, едут...

Спят...

Читают...

Играют в карты...

Играют в домино...

Рассказывают друг другу разные истории из жизни...

Едят...

Едят...

Едят...

Иван двинул с дороги письмо домой.

«Здравствуйте, родные:

теща Акулина Ивановна, дядя Ефим Кузьмич, тетя Маня, няня Вера, дед и детки: Валя и Нина! Во-первых строках моего письма сообщаю, что мы живы-здоровы, чего и вам желаем. Пишу с дороги, поэтому еще конца нет. Едем мы хорошо, но я по ошибке схватил купейный билет, но зато едем без горюшка. Едем по просторам нашей необъятной родины, смотрим в окно. Погода стоит хорошая — градусов двадцать пять по Цельсию. Один раз ходили в вагон-ресторан. Взяли на первое — по борщу, на второе — бистроганов. Едет с нами один старичок профессор, очень хороший. Ну, были другие разные происшествия — приедем, расскажем. Поедем мы через Москву. И вот этот самый профессор говорит, что когда приедем в Москву, то сможем у него остановиться хоть на сколь — у него пятикомнатная квартира. Ну, Нюра поддержала это предложение, потому что ей охота посетить ГУМ. Я тоже наметил для себя кое-какие места, например, зоопарк. Если удастся, съезжу в крематорий. Об нас не беспокойтесь. Берегите детей.

Иван».

И вот — Москва.

По радио торжественно объявили:

— «Граждане пассажиры! Наш поезд прибывает в столицу нашей Родины — город-герой Москву!»

Нюра и Иван заметно взволновались. Особенно Нюра.

Профессор с интересом наблюдал за ними.

— Ваня!.. Глянь-ка, дом-то! Вань! — вскрикивала Нюра.

Ивану тоже страсть как интересно, но он сдерживал себя. И Нюру.

— Чего ты орешь-то? Чего орешь-то? — Он даже посмеялся, пригласив взглядом и профессора — тоже посмеяться вместе над Нюрой. — Ну, дом... колоколенкой.

— Гостиница «Ленинградская», — сказал профессор.

— Сколько этажей? — спросил деловитый Иван.

— Черт его знает!.. Понятия не имею.

Поезд остановился.

Профессор и Иван с Нюрой вышли на перрон... Профессор высматривал кого-то в толпе.

— Сын должен встретить, — пояснил он. — Иван, расскажи ему про учительницу... Вообще, поговори с ним, а то эти молодые ученые... решили, что они все знают...

— Тоже ученый? — полюбопытствовал Иван, но только за ради одной голой вежливости, потому что ему куда как важнее все, что вокруг него.

— Постойм тут, — велел профессор. — А то разми-немся.

Остановились в сторонке от потока.

— Народу-то, народу-то! — все изумлялась Нюра.

— Миллионов десять живет? — поинтересовался точный Иван. — Или побольше?

— Понятия не имею! — несколько даже гордо ответил профессор. — Это наши ученые знают... Знают, а ничегошеньки сделать не умеют: Вавилон растет и растет. Вон он! О-о!.. Одна поступь чего стоит!.. Ужасно самовлюбленный народ... — Профессор помахал рукой,

— Чую, батько! — громко сказал высокий молодой человек, выдираясь из людского потока.

— Наконец! — сказал веселый, иронический профессор.

Они поцеловались. Профессор представил сына:

— Сын.

— Иван, — сказал сын.

Иван тоже назвался:

— Иван.

Профессор засмеялся.

— Нюра, — сказала Нюра. И подала ладонь лодочкой.

— Это мои гости, — пояснил профессор. — Мать здорова?

— Относительно...

— Твои?

— Все в порядке. Хорошо съездил?

— Хорошо. Пошли, пошли, чего мы стоим? Пошли.

— Тебе звонили из...

Трое наших затерялись в толпе.

А «миллион народа» все двигался и двигался, говорил, кричал, толкался, торопился, нервничал...

Хозяйина и гостей в квартире профессора встретила довольно толстая, круглолицая Мария Ивановна

Перецеловались, перезнакомились в прихожей...

— Проходите сюда! — позвал размашистый, великодушный профессор. — Иван!..

— Да, папа?

— Не ты, Иван-гость. Ну, и ты — давайте сюда! Иван-сын, как у тебя день?

— У меня лекции. Я отпросился тебя встретить.

— Лекции, лекции, — недовольно заметил профессор. — Поговорил бы лучше с живыми людьми — это не социологические столбики с цифрами...

— Социология — это как раз живые люди, — отрезал сын. — Вечером мы с удовольствием поговорим.

— Вечером у нас Дом кино, театр, друзья... Послушал бы, правда. Иван, расскажи ему про учительницу...

Где-то в одной из комнат затрещал телефон. Иван-сын скоро пошел туда.

— А ведь какая видимость деятельности! — все ворчал профессор.

Иван и Нюра не понимали: всерьез профессор чем-то недоволен или же это такая его манера говорить дома?

— Папа, тебя! — позвал сын.

Профессор пошел к телефону.

Супруги Расторгуевы на малое время остались одни.

— Опять вылетел с языком? — сердито, негромко

заговорила Нюра.— Чего рассказывал про учительницу-то? Про какую учительницу?

— Да это... про Федорову...

— Тьфу! Вот пропишут куда-нибудь в газету!.. Сказал — рассказал такой-то. Чего рассказывал-то?

Иван лихорадочно обдумывал положение.

— Ну, во-первых, можно сказать, что я был выпивши... Спьяну молот. Так? Потом, я говорил, что она получает сто рублей... Но я же забыл алименты! Сорок семь рублей алиментов. Сто сорок семь — не такая уж это бедность.

— Дрова бесплатно привозят,— подсказала Нюра.

— Налог меньше. Телефон провели, а мне, допустим, фигу...

— Для чего он тебе, телефон-то?

Иван сердился, что не понимают тонких извивов его мысли.

— Да здесь-то, для сравнения-то, надо чего-нибудь говорить! Мало ли, что он не нужен, делай вид, что пропадаешь без телефона...

— А чего ты ему говорил-то?

— Та-а...

— Ванька, скажи! Я, может, чего-нибудь приду маю — выручу тебя. Чего говорил-то?

— Ну, говорил, что я, необразованный человек, живу лучше ее... Ненормально, мол, это. Оно, так-то подумать — ненормально, конечно. Она наших детишек учит, а живет хуже... Да я готов ей вскладчину допла...

В комнату вошли профессор с сыном.

— Ну, иди, иди,— говорил отец.— Ай да наука!.. Наизусть на дом не задают?

Иван-сын пожал плечами и вышел.

Иван-гость и Нюра сидели на стульях прямо, неподвижно.

— Иван, Нюра... вы распрямитесь как-нибудь... Чувствуйте себя свободней!

Иван пошевелился на стуле, а Нюра — как сидела, так осталась сидеть — в гостях-то она знала, как себя вести. Она только чуть улыбнулась и чуть кивнула головой.

Профессор пошел на кухню.

— Они надолго? — спросила Марья Ивановна.

— А что? — настранился профессор.

— Ничего, просто спрашиваю.

— Мне показалось — не просто.

— Но я должна подумать, рассчитать...

— Изволь, они пробудут здесь две недели,— спокойно сказал профессор. И даже не стал смотреть, как удивилась Марья Ивановна.— Приготовь завтрак.

— Почему две недели? Они же куда-то дальше едут...

— Они едут на юг. А почему бы им не пожить две недели в Москве? У них это не так часто случается.

— Пожалуйста, пусть живут. Почему ты нервничаешь?

— Я? Нисколько.

— Только очень тебя прошу: води их по Москве сам, не проси Ивана — ему, действительно, некогда.

— Я знаю, у него лекции.

— У него лекции, да,— стала утрачивать спокойствие Марья Ивановна.— Если тебе...

Иван-гость осмелел в большой, обставленной книжными шкапами комнате. Прохаживался, смотрел книги.

— Не тронь! — сказала Нюра.

— Чего?

— Сядь и сиди. Не лазий там. Чего ты там забыл?

— Книжки смотрю... Что тут такого? Все культурные люди так делают.

— Культурные люди в чужом доме сядут и сидят.

— Ну, и неправильно! Надо... развязней быть. Поговорить...

— Ты уж один раз поговорил... Говорун.

— Конечно. А то сидим, как аршин проглотили. Надо, чтоб мы людям не в тягость были... Чтoб интересно с нами было,— учил Иван. Откуда только набрался! — Возьми вот Расскажи, как вы в прошлом годе от медведя чесали. Пусть люди похохочут...

Вошел профессор, весело объявил:

— Сейчас будем завтракать!

Нюра не шевельнулась.

А Иван кивнул головой, одобрил:

— Хорошее дело.

— Ну, так как вам Москва-то?

— Очень большая,— вежливо сказала Нюра.

— Вавилон! Заметьте, однако: за последние годы рождаемость в городах упала в два раза. А прирост населения в полтора раза увеличился. Опять отдувается деревня-матушка. Не хотим мы рожать в городе,

и все тут. Нам некогда, мы заняты серьезной деятельностью!.. Охломоны.

Марья Ивановна, собирая на стол, заметила с упреком:

— Не утомлял бы гостей, товарищ профессор. Сам же...

— Им это полезно знать.

— Сына упрекаешь за лекции, а сам...

— Это цифры ученых. Социология.

— Что же здесь плохого, если они знают эти цифры? Они этим занимаются... Они ставят перед обществом вопросы.

— Честные, деятельные люди перед собой ставят вопросы, а не...

В дверь в это время позвонили. Марья Ивановна пошла открывать.

Вошел пожилой человек, по облику тоже профессор... Лысый. Поздоровался.

— Приехал?

— Приехал...

— Ну как? Полностью сельский человек?

— Не говорите! С собой даже привез... На сына набросился — за лекции...

— Предлагает ехать в деревню? — с улыбкой спрашивал лысый профессор, снимая плащ. — В народ?

— Теперь это надолго, — вздохнула Марья Ивановна.

Лысый профессор погладил лысину, вошел в комнату.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте!.. С приездом. — Лысый уселся в удобное кресло, с улыбкой осмотрел хозяина. — Как поживает деревня-матушка?

Профессор-хозяин тоже изобразил обаятельную улыбку.

— А как себя чувствует Вавилон?

Профессор-гость не снимал игривого тона.

— Ну, ему-то что делается! Растет. Шумит.

— Нет, это не рост — нагромождение, — сказал хозяин. — Рост нечто другое... Живая, тихая жизнь. Все, что громоздится, то ужасно шумит о себе.

— Гуманитарии всякий раз забывают один простой и вечный закон природы: тело не упадет, если сохранит скорость... Не нам с тобой, Сергей Федорыч, дорогой, исправлять этот закон. Будут расти, шуметь, строить... Постараются сохранить скорость.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласила хозяйка к столу.

И тут Нюра совсем выпряглась.

— Спасибо, спасибо, — сказала она. — Мы утром чай попили...

— Да вы что! — воскликнул профессор-хозяин. — Ну-ка, давайте...

— Да не беспокойтесь, мы где-нибудь в столовой...

Даже Иван понял, что это уж слишком.

— Садись, что ты?

— Садитесь, пожалуйста, — пригласила и хозяйка. — Зачем же идти в столовую, когда можно дома?

— Мы в столовой-то, знаешь, сколько время потратим! — убеждал жену Иван. — А тебе интересней по магазинам походить, сама говорила.

Нюра сдалась.

— Ну, можно закусить немного...

Когда сели за стол (профессор-гость отказался, просматривал записи, привезенные хозяином), пришла Люда, невестка, высокая, статная, очень красивая. Иван неприлично открыто засмотрелся на нее.

— Это мои гости, — сказал профессор-хозяин.

— Очень приятно.

— Людмила... как у тебя день?

— У меня с двух часов заочники.

Профессор помрачнел. Замолчал.

— Ваня звонил? — спросила Люда, не замечая, а может, не желая замечать, что свекор помрачнел.

— Он ушел на лекции.

Люда с Марьей Ивановной ушли на кухню.

— Станный ты человек, Сергей Федорыч, — заговорил профессор-гость. — Ну, а что ты предлагаешь? Как предлагаешь им поступить?

— Это ты странный!.. Я предлагаю! Я уже давно ничего не предлагаю. Попробовал бы я предложить!..

— Ну, как же быть?

— На это мог бы ответить хозяин дома. Но таких теперь в домах не бывает... Разве вот у них, — Сергей Федорыч кивнул в сторону Ивана и Нюры. — И то вряд ли.

— Частенько русские... домострой вспоминают. Странная тоска... В профессорском доме. Не находишь?

— Нет, не нахожу.

Профессор-гость уткнулся в тетрадку.

Гости — Иван и Нюра — не поняли, о чем шла речь. Иван аккуратно доставал ложечкой красную икру из вазочки и ел прямо так — из ложечки же. И снова доставал.

— Вкусная штука, — похвалил он, когда почувствовал на себе взгляд хозяина.

— Ешь, ешь, — кивнул Сергей Федорыч. — Это память о домострое. Редкая штука.

ГУМ.

Людская река растекается здесь на десятки проток. То закрутит у прилавка с носками, то увлечет в салон электроприборов... То вынесет на горбатый мостик, и тогда можно оглядеться, передохнуть, прийти в себя.

Ивану очень понравилось смотреть сверху, с мостика, на людей внизу... Но Нюра торопила. Куда торопила? Впрочем, она что-то покупала — что-то такое Иван держал уже в руках, какую-то коробку.

Нюра неумоимо перебирала, прикидывала на голову платки... Продавщицы ей делали замечания, Нюра не обращала на них внимания. Ее очень увлекло это занятие — перебирать товары. Она прямо преобразилась вся. И куда девалась ее деревенская робость, нерешительность!

Она тащила Ивана все дальше и дальше... Они вместе трогали плащи, мяли рукава их, растягивали... Вместе заглядывали в бирочки, где указана цена... И шли дальше.

В одном месте толпа растащила их в разные стороны...

Иван забеспокоился... Стал кидаться туда-сюда, спрашивал людей, показывал руками, что потерял жену, крупная такая женщина, с веснушками.

Одни качали головой — не видели...

Другие улыбались...

А один сердобольный молодой человек стал, как видно, объяснять Ивану, что надо пойти на радиоузел, сказать фамилию, имя, отчество жены, и там объявят по радио, и жена придет к фонтану...

А профессор Сергей Федорыч в это время названивал по телефону в справочное Курского вокзала. Справочное все время было занято.

— Кошмар!.. — застонал профессор. — Целый час — все занято.

Профессор-гость, читая тетради хозяина, пояснил:

— Они кладут трубку на стол и читают детективные романы.

А Иван стоял у фонтана в ГУМе и ждал... жену. Волновался, как любовник.

— Нет, это черт знает что такое! — взревел профессор-хозяин. И бросил трубку. — Это же, простите, не работа!.. — Он встал и заходил по комнате. — Это не неумение работать, это не-же-ла-ние работать! Ну, как же: она десять лет училась, ей вдалбливали в голову, что удел человеческий — это беспосадочный перелет Москва — Владивосток...

— Старо! — сказал профессор-гость.

— Это первенство мира по прыжкам в высоту, а тут кто-то хочет узнать, когда идет поезд «Москва — Симферополь»! Фи! — Сергей Федорыч всерьез разволновался. — Ах ты, кудрявая, судьба обошла тебя, не повезло в жизни!.. Вот увидишь, сейчас, если дозволюсь, рявкнет: «Москва — Симферополь» отходит в ноль целых...» И подумает: «Старый осел».

— А ты как-нибудь... молодым баритоном попробуй. Профессор опять подсел к телефону. Опять было занято.

— Так!.. — Профессор тихо стал звереть. И неожиданно перешел от крика на тихий, зловеще-вкрадчивый голос: — А ведь никто не догадался объяснить ей, что простое человеческое дело — ответить, если спросили, — и есть высокий долг...

— Видишь, у тебя получается — баритоном-то.

— Пошел к дьяволу!

— Чего ты психуешь-то? Ну, занято... Один ты звонишь, что ли?

В это время пришел Иван-сын.

— Вий пришел, — сказал отец. — Слушай, Вий, объясни мне, пожалуйста...

— В чем дело?

— Не могу дозвониться в справочное Курского вокзала. Все время занято...

— Когда нужны билеты?

— Ты хотя бы узнай...

— Когда нужны билеты? Их принесут сюда, на дом.

— На завтра.

Иван-сын подсел к телефону, набрал номер...

— Сергей? Сережа, нужно два билета... Хотя, по-
дожди... У них сквозной до Симферополя?

— Нет.

— На завтра. Два билета. До Симферополя. Спа-
сибо.— Сын положил трубку.— Завтра утром сюда при-
несут два билета. От десяти до двенадцати.

Старики молчали. Долго молчали...

— Так жить можно,— не то шутя, не то серьезно
сказал профессор-отец,— блат кругом.— И продолжал
иным тоном:— Иван, я серьезно прошу, поговори с
деревенским человеком. Это очень умный, хитрый и в
то же время какой-то поразительно доверчивый чело-
век. Ведь это сегодняшняя Россия...

— Ну уж! — воскликнул профессор-гость.— Вся, сра-
зу — в одном Иване...

— О чем поговорить? О положении сельского учи-
теля сегодня? Но я больше его знаю об этом...

— О-е-е!

— Знаю, например, что подавляющее большинство
учителей в стране — женщины. Могу назвать цифры...

— Не надо. Ну и что, что женщины?

— Это нехорошо. То есть не то что вовсе нехорошо,
но желательно, чтоб мужчин-педагогов было больше.
Не нужно же тебе объяснять, что для ребенка-маль-
чишки, положим, сказанное учителем-мужчиной совсем
не одно и то же, что скажет учительница. Мы это
знаем.

— Ну, и что вы собираетесь делать?

— Пишем диссертации,— не то в шутку, не то
всерьез ответил сын.

— Лихие ребята!

— Дальше, мы знаем, что общекультурный уровень
тех же сельских учителей... Ну, как бы это... оставляет
желать лучшего, что ли. И вовсе не потому, что они...

Зазвонил телефон.

Профессор поднял трубку, послушал и сказал:

— Его нет дома. Позвоните попозже. Итак, вовсе
не потому, что они не хотят его повышать, а...

— Меня просили?

— Да. Переживут. А почему же?

— Первое: огромная, иногда нелепая перегружен-
ность в школе. Учителей, я имею в виду. Любовь мест-
ных властей общественную работу на селе сваливать на
тех же учителей. Они и агитаторы, и организаторы,

и участники художественной самодеятельности, и депу-
таты сельских Советов — словом, актив.

— Не вижу ничего в этом плохого.

— Плохо то, что некогда книгу почитать, фильм
посмотреть... Они падают от усталости.

— Третье?

— Третье: я бы увеличил им зарплату. Но из свое-
го кармана, сам понимаешь, я это не могу сделать.

— И, все-таки, что же делать? Ведь им доверено
будущее страны — дети. Между прочим, никто из них —
я говорил со многими — не пожаловался. Очень доб-
рые, приветливые люди... Даже веселые.

— Это труженики. И потом, что же, они тебе, мо-
сковскому профессору, станут жаловаться? Ты бы стал
жаловаться, когда был молодым?..

Профессор-отец ничего на это не сказал. Не ответил.

— Папа, мы не помешаем, если соберемся сегодня
у нас?..

— Кто? Да нет... что же? Нет, конечно, не поме-
шаете. Этот... волосатый — придет? — Профессор весь
перекорсился, перекосился — изобразил, что играет
на гитаре.

Иван-сын ушел к себе в комнату, никак не отреа-
гировав на выходку отца.

— Ах, славно! — воскликнул профессор-гость. И
хлопнул ладошкой по тетрадке.— Много ты добра при-
вез, Серега! Славные есть штучки.

Профессор-хозяин посмотрел на него... Ничего не
сказал. Помолчал, задумчиво глядя на телефон...
И сказал вдруг:

— А кумекают... эти-то.— Кивнул в сторону, куда
ушел сын.

— А? — откликнулся профессор-гость.— Эти-то? Ку-
мекают.

— Кумекают. Славные, говоришь, есть штучки?

— Ах, славные! — Профессор-гость ласково погладил
тетрадку.

В ту ночь профессору пришла в голову блиста-
тельная идея: устроить встречу студентов, какие оста-
лись на каникулах в Москве, аспирантов и препода-
вателей университета — всех, кто способен насладиться
музыкой живой русской речи,— встречу с Иваном Рас-
торгуевым. Собралось несколько человек — «любители
словесности».

В аудитории, где происходила встреча, во вступительном слове профессор сказал:

— Уважаемые коллеги, друзья! Я пригласил вас на эту встречу вот с какой — единственной — целью: просто, чтобы мы послушали одного из тех, кого мы называем языкотворцем, хранителем языка. Собираются же слушать музыку!.. И собираются, и внимательно слушают бесчисленных кликуш с гитарами... Я уже говорил и писал, почему эти... «ловцы губок» привлекают к себе внимание. Если привлекает подделка, значит, есть тоска по настоящему, неподдельному. Так было, так есть. Мы очень много знаем, мы строим невиданный Вавилон... Мы оглушили себя треском машин, воем сирен... Мы, в своем упоении цифрами, полупроводниками, схемами, телевидением, мы социологи, математики, нумизматики, мастера классической демагогии... мы уже давно не слышим, как говорит наш народ. Послушайте же!

Еще в машине, когда ехали московскими улицами в университет, профессор говорил Ивану:

— Рассказать?.. Ну, расскажи что-нибудь... О себе. Расскажи, как ты собираешься детей учить. Почему непременно надо учить. Расскажи, как ты обо всем этом думаешь — получится про жизнь.

— Можно, Нюра тоже выступит? — попросил Иван.

— Можно.

— Нет, я не буду, — воспротивилась Нюра. — Я не умею.

— Ну, посмотрим, как там будет... Только, Иван, дело-то в том, что это вовсе не значит — выступать. Надо рассказать, как умеешь... Понимаешь ли?

— Все будет в порядке, — заверил Иван.

А еще раньше, в тот же день, утром, у профессоров — Сергея Федорыча и его коллеги — произошел серьезный разговор.

— Почему? — спросил Сергей Федорыч коллегу.

— Потому, — стал внятно, жестко, но не зло пояснять лысый профессор, — что ты его не знаешь. Не понимаешь. Не чувствуешь, выражаясь дамским языком. И не суйся ты в это дело. И не срамись: и себя подведешь, и парня... поставишь в глупое положение. Не тот сегодня мужичок, Серега, не тот... И фамилия его — не Каратаев. Как ты еще не устал от своего идеализма! Даже удивительно.

— Жалко, Лев Николаич помер — послушал бы хоть. Тоже был идеалист безнадежный.

— В отношении мужичка — да, был идеалист.

— Ну, и как же его фамилия? Мужичка-то нынешнего? Полупроводник Шестеркин?

— Не знаю. Я, видишь ли, не специалист здесь, в отличие от... некоторых. Наверно, не Шестеркин, но и не Каратаев. И не Сивкин-Буркин. Не смехи, Серега, народ честной, не смехи.

— Посмотрим.

И вот вышел Иван на трибуну...

Профессор и Нюра сидели за столом. Лысый профессор — в зале.

— Уважаемые товарищи! — громко начал Иван. — Меня Сергей Федорыч попросил рассказать вам... как я думаю про жизнь. Я хорошо думаю, товарищи!

В зале засмеялись.

— Я родился в крестьянской семье... Нюра тоже в крестьянской. Значит... воспитывались там же, то есть в крестьянской семье. Я окончил шесть классов, Нюра прихватила восьмилетку. За границей не были...

В зале опять засмеялись.

— Что он делает? — негромко спросил профессор Нюру.

Нюра, очень довольная, сказала:

— Выступает. А что?

— Я по профессии механизатор, тракторист. Норму...

— А Нюра? — спросили из зала.

Нюра привстала и сказала:

— Я доярка, товарищи. Свою норму тоже выполняю.

— Даже перевыполняет, — продолжал Иван.

— На сколько процентов?! — опять выкрикнул веселый молодой человек, очень волосатый и не злой.

— Процентов, — поправил Иван. — Нюся, на сколько процентов, я забыл?

Нюра опять привстала.

— На тридцать-сорок.

— На тридцать-сорок, — сказал Иван. — Вот гляжу на вас, молодой человек, — тоже весело и не зло продолжал Иван, глядя на гривастого парня, — и вспомнил из молодости один случай. Я его расскажу. Была у меня в молодости кобыла... Я на ней копы возил.

И вот у этой кобылы, звали ее Селедка, у Селедки, стало быть,—Иван наладился на этакую дурашливо-сказочную манеру, малость даже стал подвывать,—была невиданной красоты грива. А бригадиром у нас был Гришка Коноплев, по прозвищу Дятел, потому что он ходил всегда с палочкой и все время этой палочкой себя по голенищу стучал, и вот этот самый Дятел приезжает раз в бригаду и говорит: «Ванька, веди сюда свою Селедку, мы ей гриву обкорнаем. Я видел в кино, как сделано у коня товарища маршала на параде». Привел я Селедку, и мы овечьими ножницами лишили ее гривы. Стало как у коня товарища маршала. Но что делает моя Селедка? — она отказывается надевать хомут. Брыкается, не дается... Хоть ты что с ней делай. Уж сам Дятел пробовал надевать — ни в какую! Кусается и задом норовит накинуть... Что делать? А был у нас в деревне дед Кузя, колдун. Мы — к нему. Он нам и говорит: «Отпустите ее на волю на недельку... Пусть она одна побудет, привыкнет без гривы-то. На кой, говорит, черт вы ей гриву-то отхватили, оглоеды?» Вот, товарищи, какой случай был. Теперь насчет...

— Почему кобылу звали Селедкой? — спросили из зала весело. Опять гривастый спросил.

— Почему Селедкой-то? А — худая. Худая, как селедка. Там только одна грива и была-то.

Засмеялись.

И профессор тоже невольно засмеялся. И покачал головой.

Нюра наклонилась к нему, спросила:

— Ну, как — ничего?

— Ничего,— сказал профессор.— Хитер мужик твой Иван. Хорошо выступает.

Нюра была польщена.

— Он умеет, когда надо...

— Иван,— спросил профессор Сергей Федорыч, когда ехали в машине из университета оба профессора, Иван и Нюра,— скажи, пожалуйста, зачем ты про кобылу-то рассказывал? Про Селедку-то...

Лысый профессор громко засмеялся.

Иван улыбнулся...

— Да повеселить маленько людей. Меня еще дед мой учил: как где трудно придется, Ванька, прикидывайся дурачком. С дурачка спрос невелик.

— А тебе что, трудно пришлось?

— Да не то чтоб уж трудно... Я же не знал, что они улыбаться начнут. А что, плохая история? С кобылой-то.

— Славная история, Иван! — воскликнул лысый профессор.— Славная. Жалко — про Вавилон еще не поговорили.

— Про какой Вавилон? — спросил Иван.

— Про город. Есть, видишь ли, люди, которым очень не нравится город...

— Не город,— поправил профессор Сергей Федорыч,— а Вавилон. Надо быть точным, даже если... передергиваешь карты.

— Вавилон,— согласился лысый профессор. И перевел Ивану: — Вавилон — это большой-большой город. И вот есть люди...

— Большой-большой недостроенный город,— опять уточнил Сергей Федорыч.

— Да. Так вот есть люди, которые прекрасно устроились в этом Вавилоне, с удобствами, так сказать, но продолжают всячески поносить...

— Нет,— резко сказал Сергей Федорыч,— это... Так нельзя. Это шулерство. Ты хочешь спросить Ивана: нравится ли ему город?

— Не совсем так...

— А как?

— А мне так нравится! — воскликнула Нюра.

— Мне тоже нравится,— сказал Иван.— Зря вы спорите, товарищи. Жить можно. Чего вы?

Профессора засмеялись.

Из Москвы Иван двинул домой второе письмо.

«Уважаемые родные, друзья!

Пишу Вам из Москвы. Нас здесь захватил водоворот событий. Да, это Вавилон! Я бы даже сказал, это больше. Мы живем у профессора. Один раз у них вечером собиралась молодежь. И был там один клоун. Это невозможно описать, как он выдрючивался. С Нюрой чуть плохо не стало от смеха. Кое-что я, может, потом скажу. Выступал также в университете... Меня попросил профессор рассказать что-нибудь из деревенской жизни в применении к городской. Я выступал. Кажись, не подкачал. Нюра говорит, хорошо. Вообще время проводим весело. Были в ГУМе, в ЦУМе — не удивляйтесь: здесь так называют магазины. В крематорий я, правда, не сходил, говорят, далеко и нечего делать.

Были с профессором на выставке, где показывали различные иконы. Нашу бы бабу Матрену туда, у ей бы разрыв сердца произошел от праздника красок. Есть и правда хорошие, но мне не нравится эта история, какая творится вокруг них. Это уже не спрос на искусство, а мещанский крик моды. Обидно. Видел я также несколько волосатиков. Один даже пел у профессора песню. Вообще-то, ничего, но... профессора коробит. Меня тоже.

Сегодня в 22.30 отбываем на юг.

Иван».

И вот — юг.

Иван объяснился для начала с директором санатория. В его, директорском кабинете.

— Как — с вами? — не понимал директор. — У вас же только одна путевка.

— Больше колхоз не дал... Не было.

— Так зачем же было ее везти с собой?

— А что же?.. Я один буду по санаториям прохлаждаться, а она дома сидеть? Несправедливо. Ей же тоже охота хоть раз в жизни на море побывать.

— Вы что, серьезно? — не понимал директор, крупный, толстый, в дорогом светлом костюме. — Вы не разыгрываете меня?

— Кто — я? Бог с вами!

— А где ваша жена?

— А вон! — Иван показал на окно. — Вон она сидит.

Директор подошел, посмотрел вниз.

Во дворе санатория, у фонтана с каменными лебедями, сидела Нюра.

Директор прошелся по кабинету.

— Вы сделали большую глупость.

— Почему?

— Ее придется отправлять назад...

— Почему? — Иван с этими своими «почему» способен был вызвать раздражение. И он вызвал раздражение.

— Да потому! Почему... Потому, что так никто не поступает: взять одну путевку и везти с собой еще жену.

— Но ей же тоже охота...

— Что вы дурачка-то из себя строите? Чего дурачка-то строите?

— Почему?

— А где она жить будет?

— Со мной.

— Да как с вами-то? Как?

— Но мне же положена одна комната...

— Так...

— Поставим раскладушку...

Директор в изумлении хлопнул себя по ляжкам.

— Феноменально! А тещу вы не могли прихватить с собой?

— Не трогайте мою тещу! — обиделся Иван. Обиделся и осердился: — Такую тещу, как у меня, — поискать! И нечего ее трогать.

— Идите устраивайтесь, — тоже осердился директор. — Ни о каких раскладушках, конечно, не может быть речи.

Иван растерялся... Долго молчал.

— А куда же она?

— Куда хотите. Вы что, думали, здесь Дом колхозника, что ли?

Ивану пришла в голову какая-то, как видно, толковая мысль.

— Счас, одну минуточку, — сказал он. — Я к жене схожу... — И вышел.

— Ну? — спросила Нюра.

— Уперся... Слушать не хочет.

— Да ты попроси хорошенько! Скажи, мол, изда-лека приехали...

— Просил всяко! Не могу, говорит. Это... чего я подумал: может, сунуть ему? Рублей двадцать...

— Ну-ка да не возьмет?

— Да возьмет, поди, куда он денется? Или мало — двадцать?

— Да хватит!

— Может, четвертак? Ведь месяц почти жить...

— Ну, дай, черт с им! Только уж пусть он получше комнату-то подберет. Побольше.

— Ну, сделает, наверно!..

— Хорошо бы, если б из окошка-то вот этот бы фонтан видно было. Прямо глаз не оторвать — до того глянется. Хорошо-то как здесь, господи! Рай.

— Вот черт, понимаешь... — стал мучиться Иван.

— Чего ты?
— Не умею я давать-то... Не приходилось.
— Сунь ему в руку...
— Сунь! Тут кто кому сунет: я ему или он мне, как сунешь...
— Ну, парень!.. Как же теперь? Надо как-то выходить из положения.
— Пойдем вместе? — сказал Иван.
— А я-то чего там?
— Ну, я, может, похрабрей буду...
— Да хуже только: так — с глазу на глаз, а так — свидетель. Иди, не бойся. Ну, не возьмет — не возьмет: в лоб не ударит.
— Да если б ударил-то — это бы полбеды, а го потянет за взятку-то. Отдохнешь... в другом месте, елки зеленые. Будешь там заместо отдыха... печки-лавочки делать.
— Как же быть-то?
— погоди, сейчас, может, на смеюсь... Черт, никогда с этим не приходилось! Шофера, те привычные... Ладно, пошел.
В кабинете директора, когда туда опять вошел Иван, сидела некая милая женщина, по виду врач.
— Подождите минутку, — сказал директор Ивану.
Иван понял так, что надо подождать здесь, в кабинете. И присел на стул.
Женщина-врач посмотрела на Ивана... И решила, что при нем можно рассказывать свое.
— Я говорю, но послушайте, укол всегда болезнен. Нет, говорит, присылайте другую сестру. Иначе буду жаловаться. Представляете? Что в таком случае...
— Минутку, — сказал директор. И повернулся к Ивану. — В чем дело? Что у вас еще? Я же вам сказал: идите устраивайтесь.
— Вы беседуйте, беседуйте, — вежливо молвил Иван. — Я подожду.
— Нина Георгиевна, зайдите, пожалуйста, через... десять минут. Мы вот с товарищем тут...
— Хорошо.
Женщина вышла.
Директор изготвился, видно, говорить строго.
— Слушаю.
Иван подошел к столу, посмотрел на директора —

в глаза ему в самые — и выложил на стол ассигнацию в 25 рублей.

— Сойдемся?

Директор... молчал.

— Что? — спросил Иван. — У меня больше нету: осталось здесь пожить и на обратную дорогу.

Директор посмотрел на бумажку... Потрогал ее.

— Я бы больше дал, нету, — еще сказал Иван.

— Ладно, — решил вдруг директор. Встал. — Устрою твою жену. А деньги возьми.

— Да без этих-то я обойдусь!.. — запротестовал Иван. — Бери!

Директор засмеялся.

— Что? — спросил Иван.

— Возьми деньги, — велел директор. — Откуда приехали-то?

— С Алтая. — Иван вышел на балкон и крикнул Нюре: — Заходи!

Нюра подошла ближе к балкону и спросила негромко, но так, чтоб Иван — на втором этаже — слышал:

— Взял?

— Потом. Сейчас я иду к тебе.

В бассейне, где били вверх струйки воды, плавали каменные лебеди.

И вот вышли они к морю!..

— А народу-то! — заорал Иван.

— Не ори, — сказала Нюра. И засмеялась.

Они подошли к воде... Иван скоренько разделся до трусов. Нюра пока не стала, присела пока так, на камушки.

— Море, море!.. — сказал Иван вдохновенно, оглядел, зачарованный, даль морскую, залитую солнцем... Подкрался к шаловливой волнишке, сунул в нее ногу и вскрикнул: — А холодная-то!

— Холодная? — испугалась Нюра.

Иван засмеялся.

— Я шучу Молоко парное!.. Раздевайся.

И третье письмо написал Иван — с моря. Оно начиналось словами:

«Здравствуйте, дорогие мои!

Стою на берегу моря! Если смотреть прямо, — будет Турция. Справа и слева от меня — голые счастливые люди. Да и сам я — в одних трусиках шеголяю. А Нюра смеется, дурочка...»

История эта началась в исправительно-трудовом лагере, севернее города «Н», в местах прекрасных и строгих.

...Был вечер после трудового дня.

Люди собрались в клубе...

На сцену вышел широкоплечий мужчина с обветренным лицом и объявил:

— А сейчас хор бывших рецидивистов споет нам задумчивую песню «Вечерний звон»!

На сцену из-за кулисы стали выходить участники хора — один за одним. Они стали так, что образовали две группы — большую и малую. Хористы все были далеко не «певучего» облика.

— В группе «Бом-бом», — возвестил дальше широкоплечий и показал на большую группу, — участвуют те, у кого завтра оканчивается срок заключения. Это наша традиция, и мы ее храним.

Хор запел. То есть завели в малой группе, а в большой нагнули головы и в нужный момент «ударили» с чувством:

— Бом-м, бом-м...

В группе «Бом-бом» мы видим и нашего героя — Егора Прокудина, сорокалетнего, стриженного. Он старался всерьез и, когда «звонили», морщил лоб и качал круглой крестьянской головой — чтобы похоже было, что звук «колокола» плывет в вечернем воздухе.

Так закончился последний срок Егора Прокудина. Впереди — воля.

Утром в кабинете у одного из начальников произошел следующий разговор:

— Ну, расскажи, как думаешь жить, Прокудин? — спросил начальник. — Он, видно, много-много раз спра-

шивал это — больно уж слова его вышли какие-то готовые.

— Честно! — поторопился с ответом Егор, тоже, надо полагать, готовым, потому что ответ выскочил поразительно легко.

— Да это-то я понимаю... А как? Как ты это себе представляешь?

— Думаю заняться сельским хозяйством, гражданин начальник.

— Товарищ.

— А? — не понял Егор.

— Теперь для тебя все — товарищи, — напомнил начальник.

— А-а! — с удовольствием вспомнил Прокудин. И даже посмеялся своей забывчивости. — Да, да... Много будет товарищей!

— А что это тебя в сельское хозяйство-то потянуло? — искренне поинтересовался начальник.

— Так я же ведь крестьянин! Родом-то. Вообще, люблю, знаете, природу. Куплю корову...

— Корову? — удивился начальник.

— Корову. Вот с таким выем. — Егор показал руками.

— Корову надо не по вымя выбирать. Если она еще молодая, какое же у нее — вот такое! — вымя? А то выберешь старую, у нее, действительно, вот такое вымя... Толку-то что? Корова должна быть... стройная.

— Так это что же тогда — по ногам? — сугоничал Егор с вопросом.

— Что?

— Выбирать-то. По ногам, что ли?

— Да почему по ногам? По породе. Существуют породы — такая-то порода... Например, холмогорская. — Больше начальник не знал.

— Обожаю коров, — еще раз с силой сказал Егор. — Приведу ее в стойло... поставлю...

Начальник и Егор помолчали, глядя друг на друга.

— Корова — это хорошо, — согласился начальник. — Только... что ж, ты одной коровой и будешь заниматься? У тебя профессия-то есть какая-нибудь?

— У меня много профессий...

— Например?

Егор подумал, как если бы выбирал из множества

своих профессий наименее... как бы это сказать — меньше всего пригодную для воровских целей.

— Слесарь...

Зазвонил телефон. Начальник взял трубку.

— Да. Да... А какой урок-то был? Тема-то какая? «Евгений Онегин»? Так, а насчет кого они вопросы-то стали задавать? Татьяны? А что им там непонятно в Татьяне? Что, говорю, им там... — Начальник некоторое время слушал тонкий крикливый голос в трубке, укоризненно смотрел при этом на Егора и чуть кивал головой — что все ясно. — Пусть... Слушай сюда: пусть они там демагогией не занимаются! Что значит — будут дети, не будут дети?!.. Про это, что ли, поэма написана! А то я им приду объясню! Ты им... Ладно, сейчас Николаев придет к вам. — Начальник положил трубку и взял другую. Пока набирал номер, недовольно сказал: — Доценты мне... Николаев? Там у учительницы литературы урок сорвали: начали вопросы задавать. А? «Евгений Онегин». Да не насчет Онегина, а насчет Татьяны: будут у нее дети от старика или не будут? Иди разберись. Давай. Во, доценты, понимаешь! — сказал еще начальник, кладя трубку. — Вопросы начали задавать.

Егор посмеялся, представив этот урок литературы.

— Хотят знать...

— У тебя жена-то есть? — спросил начальник строго.

Егор вынул из нагрудного кармана фотографию и подал начальнику. Тот взял фотографию, посмотрел...

— Это твоя жена? — спросил он, не скрывая удивления.

На фотографии была довольно красивая молодая женщина, добрая и ясная.

— Будущая, — сказал Егор. Ему не понравилось, что начальник удивился. — Ждет меня. Но живую я ее ни разу не видел.

— Как это?

— Заочница. — Егор потянулся, взял фотографию. — Позвольте. — И сам засмотрелся на милое русское простое лицо. — Байкалова Любовь Федоровна. Какая доверчивость на лице, а! Это удивительно. Да? На работницу сберкассы похожа...

— И что она пишет?

— Пишет, что беду мою всю понимает... Но, говорит,

не понимаю: как ты додумался в тюрьму угодить? Хорошие письма. Покой какой-то от них... Муж был пьянчуга — выгнала. А на людей все равно не обозлилась.

— А ты понимаешь, на что ты идешь? — негромко и серьезно спросил начальник.

— Понимаю, — тоже негромко сказал Егор. И спрятал фотографию.

— Во-первых, оденься как следует. Куда ты такой... Ванька с Пресни заявишься. — Начальник недовольно оглядел Егора. — Что это за... Почему так одет-то?

Егор был в сапогах, в рубашке-косоворотке... Фуфайка и какой-то форменный картуз должны были вовсе снять всякое подозрение с Егора — не то это сельский шофер, не то слесарь-сантехник, с легким намеком на участие в художественной самодеятельности.

Егор мельком оглядел себя, усмехнулся.

— Так надо было по роли. А потом уже некогда было переодеться. Не успел.

— Артисты... — только и сказал начальник. И засмеялся. Он был не злой человек, и его так и не перестали изумлять люди, изобретательность которых не знает пределов.

И вот она — воля!

Это значит — захлопнулась за Егором дверь, и он очутился на улице небольшого поселка. Он вздохнул всей грудью весеннего воздуха, зажмурился и покрутил головой... Прошел немного и прислонился к забору. Мимо шла какая-то старушка с сумочкой, остановилась...

— Вам плохо?

— Мне хорошо, мать, — сказал Егор. — Хорошо, что я весной сел. Надо всегда весной садиться.

— Куда садиться? — не поняла старушка.

— В тюрьму.

Старушка только теперь сообразила, с кем говорит. Опасливо отстранилась и посеменила дальше. Глянула еще на забор, мимо которого шла... Опять оглянулась на Егора.

А Егор поднял руку навстречу «Волге». «Волга» остановилась. Егор стал договариваться с шофером куда-то ехать. Шофер сперва не соглашался, Егор достал из кармана пачку денег, показал... и пошел садиться.

Он сел рядом с шофером.

В это время к ним подошла та старушка, которая проявила участие к Егору. Не поленилась перейти улицу.

— Я прошу извинить меня,— заговорила она, склоняясь к Егору.— А почему именно весной?

— Садиться-то? Так весной сядешь — весной и выйдешь. Воля и весна! Чего еще человеку надо? — Егор засмеялся старушке и продекламировал: — Май мой синий! Июнь голубой!

— Вон как!.. — Старушка изумилась. Выпрямилась и глядела на Егора, как глядят в городе на коня — туда же, по улице идет, где машины. У старушки было свежее печеное личико и ясные глаза. Она, сама того не ведая, доставила Егору приятнейшую минуту, дорогую минуту.

«Волга» поехала.

Старушка еще некоторое время смотрела вслед ей.

И сказала:

— Скажите... Поэт нашелся. Фет.

А Егор весь отдался движению...

Кончился поселок, выехали на простор.

— Нет ли у тебя какой музыки? — спросил Егор.

Шофер, молодой парень, достал одной рукой из-за себя транзисторный магнитофон.

— Включи. Крайняя клавиша...

Егор включил какую-то славную музыку... Откинулся головой на сиденье, закрыл глаза. Долго он ждал такого часа. Заждался.

— Рад? — спросил шофер.

— Рад? — очнулся Егор. — Рад... — Он точно на вкус попробовал это словцо. — Видишь ли, малыш, если бы я жил три жизни, я бы одну просидел в тюрьме, другую — отдал тебе, а третью прожил бы сам — как хочу. Но так, как она у меня всего одна, то сейчас я, конечно, рад. А ты радоваться умеешь? — Егор, от полноты чувства, мог иногда взбежать повыше — где обитают слова красивые и пустые. — Умеешь, нет?

Шофер пожал плечами. Ничего не сказал.

— Э-э, тухлое твоё дело, сынок, — не умеешь: кислую фигуру изобразил.

— А чего радоваться-то?

Егор вдруг стал серьезным. Задумался. У него это тоже было — вдруг ни с того, ни с сего задумается.

— А? — спросил Егор машинально.

— Чего, мол, шибко радоваться-то? — Шофер был парень трезвый и занудливый.

— Ну, это я, брат, не знаю — чего радоваться, — заговорил Егор, с неохотой возвращаясь из своего далекого далека — из своих каких-то мыслей. — Умеешь — радуйся, не умеешь — сиди так. Тут не спрашивают. Стихи, например, любишь?

Тусклый парень опять неопределенно пожал плечами.

— Вот видишь, — с сожалением сказал Егор, — а ты радоваться собрался.

— Я и не собирался радоваться.

— Стихи надо любить, — решительно закруглил Егор этот вялый разговор. — Слушай, какие стихи бывают. — И Егор прочитал — с пропуском, правда, потому что подзабыл, — стихи:

—...В снежную выбель
Замешалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу тебе выхожу.
Город, город! Ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске... — какой-то —

Тут подзабыл малость.

Телеграфными столбами давась.

Тут опять забыл, дальше:

...Ну, так что ж? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.
Пусть для сердца тягуче колко,
...Это песня звериных прав!..
...Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу.
Как и ты — я, отсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зарююсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

Егор, сам оглушенный силой слов, некоторое время сидел, стиснув зубы, глядел вперед... И была в его сосредоточенном далеком взгляде решимость, точно и сам он давно бросил прямой вызов тем каким-то — «на том берегу» и не страшился. И сам Егор в эту отрешенную минуту являл собой силу нешуточную, дерзкую. Жизнь, как видно, нелегкая, не сломала его, а только отковала фигуру крепкую, угловатую.

— Как стихи? — спросил Егор.

— Хорошие стихи.

— Хорошие. Как стакан спирту дернул, — сказал Егор. — А ты говоришь: не люблю стихи. Молодой еще, надо всем интересоваться. Останови-ка... я своих подружек встретил.

Шофер не понял, каких он подружек встретил, но остановился. Егор вышел из машины... А был вокруг сплошной березовый лес. И такой это был чистый белый мир на черной еще земле, такое свечение!.. Егор прислонился к одной березке, огляделся кругом.

— Вот же, курва, что делается! — сказал он с тихим восторгом. Повернулся к березке, погладил ее ладонью. — Здорово! Ишь ты какая... Невеста какая. Жениха ждешь? Скоро уж, скоро. — Егор быстро вернулся к машине. Все теперь было понятно. Нужен выход какой-нибудь. И скорее. Немедленно.

— Жми, Леша, на весь костыль. А то у меня сердце сейчас из груди выпрыгнет: надо что-то сделать. Ты спиртного с собой не возишь?

— Откуда!

— Ну, тогда рули. Сколько стоит твой музыкальный ящичек?

— Двести.

— Бери за триста. Он мне понравился.

В областном городе, на окраине, Егор остановил машину, не доезжая того дома, где должны были находиться свои люди.

Щедро расплатился с шофером, взял свой музыкальный ящичек и дворами — сложно — пошел «на хату». «Малина» была в сборе.

Сидела приятная молодая женщина с гитарой... Си-

дел около телефона некий здоровый лоб, похожий на бульдога, упорно смотрел на телефон... Сидели еще четыре девицы с голыми почти ногами... Ходил по комнате рослый молодой парень, временами поглядывая на телефон... Сидел в кресле Губошлеп с темными зубами, потягивал из фужера шампанское... Еще человек пять-шесть молодых парней сидели кто где — курили или просто так.

Комната была драная, гадкая. Синенькие какие-то обои, захватанные и тоже драные, совсем уж некстати напоминали цветом своим весеннее небо, и от этого во все нехорошо было в этом вонючем сокровенном мирке, тяжело. Про такие обиталища говорят, обижая зверей, — логово.

Все сидели в странном каком-то оцепенении. Время от времени поглядывали на телефон. Напряжение было во всем. Только скуластенькая молодая женщина чуть перебирала струны и негромко, странно-красиво пела (хрипловато, но очень душевно):

— Калина красная,
Калина вызрела,
Я у залеточки
Характер вызнала,
Характер вызнала.
Характер, ой какой,
Я не уважила,
А он ушел с другой.

А я...

Во входную дверь негромко постучали условным стуком. Все сидящие дернулись, как от вскрика.

— Цыть! — сказал Губошлеп. И весело посмотрел на всех. — Нервы, — еще сказал Губошлеп. И взглядом послал одного открыть дверь.

Пошел рослый парень.

— Чепочка, — сказал Губошлеп. И сунул руку в карман. И ждал.

Рослый парень, не скидывая дверной цепочки, приоткрыл дверь... И поспешно скинул цепочку. И сглянул на всех... Дверь закрылась...

И вдруг там грянул марш. Егор пинком открыл дверь и вошел под марш. На него зашикали и повскакали с мест.

Егор убрал марш, удивленно огляделся.

К нему подходили, здоровались... Но старались не шуметь.

— Привет, Горе. (Такова была кличка Егора — Горе.)

— Здорово.

— Отпыхтел?

Егор подавал руку, но все не мог понять, что здесь такое. Много было знакомых, а были не просто знакомые — была тут Люсьен (скуластенькая), был, наконец, Губошлеп — их Егор рад был видеть. Но что они?

— А чего вы такие все?

— Ларек берут наши, — пояснил один, здороваясь. — Должны звонить... Ждем.

Очень обрадовалась Егору скуластенькая женщина с гитарой. Она повисла у него на шее. И всего исцеловала. И глаза ее, чуть влажные, прямо сияли от радости неподдельной.

— Горе ты мое!.. Я тебя сегодня во сне видела...

— Ну, ну, — говорил счастливый Егор. — И что я во сне делал?

— Обнимал меня. Крепко-крепко.

— А ты ни с кем меня не спугала?

— Горе!..

— А ну, повернись-ка, сынку! — сказал Губошлеп в кресле. — Экий ты какой стал!

Егор подошел к Губошлепу, они сдержанно обнялись. Губошлеп так и не встал. Весело смотрел на Егора.

— Я вспоминаю один весенний вечер... — заговорил Губошлеп. И все стихли. — В воздухе было немножко сыро, на вокзале — сотни людей. От чемоданов рябит в глазах. Все люди взволнованы — все хотят уехать. И среди этих взволнованных, нервных сидел один... Сидел он на своем деревенском сундуке и думал горькую думу. К нему подошел некий изящный молодой человек и спросил: «Что пригорюнился, добрый молодец?» — «Да вот... горе у меня! Один на земле остался, не знаю, куда деваться». Тогда молодой человек...

В это время зазвонил телефон. Всех опять как током дернуло.

— Да? — вроде как безразлично спросил парень, похожий на бульдога. И долго слушал. И кивал. — Все сидим здесь. Я не отхожу от телефона. Все здесь, Горе пришел... Да. Только что. Ждем. Ждем. — Похожий на бульдога положил трубку и повернулся ко всем.

— Начали.

Все пришли в нервное движение.

— Шампанзе! — велел Губошлеп.

Бутылки с шампанским пошли по рукам.

— Что за ларек? — спросил Егор Губошлепа.

— Кусков на восемь, — сказал тот. — Твое здоровье! Выпили.

— Люсьен... Что-нибудь — снять напряжение, — попросил Губошлеп. Он был худой, спокойный и чрезвычайно наглый, глаза очень наглые.

— Я буду петь про любовь, — сказала приятная Люсьен. И тряхнула крашеной головой, и смаху положила ладонь на струны. И все стихли.

— Тары-бары-растобары,

Чары-чары...

Очи — ночь.

Кто не весел,

Кто в печали,

Уходите прочь.

Во лугах, под кровом ночи,

Счастье даром раздают

Очи, очи...

Сердце хочет:

Поманите — я пойду!

Тары-бары-растобары...

Всхлип гармонии...

Тихий бред.

Разбазарил — тары-бары,

Чары были,

Счастья нет.

Разбазарил — тары-бары...

Люсьен почти допела песню, как зазвонил телефон. Вмиг повисла гробовая тишина.

— Да? — из всех сил спокойно сказал Бульдог в трубку. — Нет, вы ошиблись номером. Ничего, пожалуйста. Бывает, бывает. — Бульдог положил трубку. — В прачечную звонит, сука.

Все опять пришли в движение.

— Шампанзе! — опять велел Губошлеп. — Горе, от кого поклонь принес?

— Потом, — сказал Егор. — Дай я сперва нагляжусь на вас. Вот, вишь, тут молодые люди незнакомые... Ну-ка, я познакомлюсь.

Молодые люди по второму разу с почтением подавали руки. Егор внимательно, с усмешкой заглядывал им в глаза. И кивал головой и говорил: «Так, так».

— Хочу плясать! — заявила Люсьен. И трахнула фужер об пол.

— Ша, Люсьен, — сказал Губошлеп. — Не заводись.

— Иди ты к дьяволу, — сказала подпившая Люсьен. — Горе, наш коронный номер!

И Егор тоже с силой звякнул свой фужер.

И у него тоже заблестели глаза.

— Ну-ка, молодые люди, дайте круг. Брысь!

— Ша, Горе! — повысил голос Губошлеп. — Выбрали время!

— Да мы же услышим звонок! — заговорили со всех сторон Губошлепу. — Пусть сбцают.

— Чего ты?

— Пусть выйдут!

— Бульда же сидит на телефоне.

Губошлеп вынул платочек и, хоть запоздало, но важно, как Пугачев, махнул им. Две гитары дернули «барыню».

Пошла Люсьен... Ах, как она плясала! Она умела. Не размашисто, нет, а четко, легко, с большим тактом. Вроде вколачивала каблучками в гроб свою калеку-жизнь, а сама, как птица, била крыльями — чтоб отлететь. Много она вкладывала в пляску. Она даже опрятной вдруг сделалась, сделалась родной и умной...

Егор, когда Люсьен подступала к нему, начинал тоже и работал только ногами. Руки заложены за спину, ничего вроде особенного, не прыгал козлом — а больно тоже и хорошо. Хорошо у них выходило. Таилось что-то за этой пляской — неизжитое, незабытое.

— Вот какой минуты ждала моя многострадальная душа! — сказал Егор вполне серьезно. Вот, видно, тот выход, какой хотел. Такой ждалась и понималась желанная воля.

— Подожди, Егорушка, я не так успокою твою душу, — откликнулась Люсьен. — Ах, как я ее успокою! И сама успокоюсь.

— Успокой, Люсьен. А то она плачет.

— Успокою. Я прижму ее к сердцу, голубку, скажу ей: «Устала? Милая, милая... добрая... Устала».

— Смотри, не клюнула бы эта голубка, — встрял в этот деланный разговор Губошлеп. — А то клюнет.

— Нет, она не злая! — строго сказал Егор, не глядя на Губошлепа. И жесткость легла тенью на его доброе лицо. Но плясать они не перестали, они плясали. На них хотелось без конца смотреть, и молодые люди смотрели, с какой-то тревогой смотрели, жадно, как будто тут заколачивалась некая отвратительная часть их жизни тоже — можно потом выйти на белый свет, а там — весна.

— Она устала в клетке, — сказала Люсьен нежно.

— Она плачет, — сказал Егор. — Нужен праздник.

— По темечку ее... Прутиком, — сказал Губошлеп. — Она успокоится.

— Какие люди, Егорушка! А? — воскликнула Люсьен. — Какие злые!

— Ну, на злых, Люсьен, мы сами — волки. Но душа-то, душа-то... Плачет.

— Успокоим, Егорушка, успокоим. Я же волшебница, я все чары свои пушу в ход...

— Из голубей похлебка хорошая, — сказал ехидный Губошлеп. Весь он, худой, как нож, собранный, страшный своей молодой ненужностью, весь ушел в свои глаза. Глаза горели злобой!

— Нет, она плачет! — остервенело сказал Егор. — Плачет! Тесно ей там — плачет! — Он рванул рубаху... И стал против Губошлепа. Гитары смолкли. И смолк перепляс волшебницы Люсьен.

Губошлеп держал уже руку в кармане.

— Опять ты за старое, Горе? — спросил он, удовлетворенный.

— Я тебе, наверно, последний раз говорю, — спокойно тоже и устало сказал Егор, застегивая рубаху. — Не тронь меня за болячку... Когда-нибудь ты не успеешь сунуть руку в карман. Я тебе сказал.

— Я слышал.

— Эх-х!.. — огорчилась Люсьен. — Проза... Опять покойники, кровь... Брр... Налей-ка мне шампанского, дружок.

Зазвонил телефон. Про него как-то забыли все.

Бульдог кинулся к аппарату, схватил трубку... Поднес к уху, и она обожгла его. Он бросил ее на рычачки.

Первым вскочил с места Губошлеп. Он был стремительный человек, но все же он был спокоен.

— Сгорели, — коротко и ужасно сказал Бульдог.

— По одному — кто куда, — скомандовал Губошлеп. — Веером. На две недели все умерли. Время!

Стали исчезать по одному. Исчезать они, как видно, умели. Никто ничего не спрашивал.

— Ни одной пары! — еще сказал Губошлеп. — Сбор у Ивана. Не раньше десяти дней.

Егор сел к столу, налил фужер шампанского, выпил.

— Ты что, Горе? — спросил Губошлеп.

— Я?.. — Егор помедлил в задумчивости. — Я, кажется, действительно займусь сельским хозяйством.

Люсьен и Губошлеп остановились над ним в недоумении.

— Каким сельским хозяйством?

— Уходить надо, чего ты сел?! — встряхнула его Люсьен.

Егор очнулся. Встал.

— Уходить? Опять уходить... Когда же я буду приходить, граждане? А где мой славный ящичек?.. А, вот он. Обязательно надо уходить? Может...

— Что ты! Через десять минут здесь будут. Наверно, выследили.

Люсьен пошла к выходу.

Егор двинулся было за ней, но Губошлеп мягко остановил его за плечо. И мягко сказал:

— Не надо. Погорим. Мы скоро все увидимся...

— А ты с ней пойдешь? — прямо спросил Егор.

— Нет, — твердо и, похоже, честно сказал Губошлеп. — Иди! — резко крикнул он на Люсьен, которая задержалась в дверях.

Люсьен недобро глянула на Губошлепа и вышла.

— Отдохни где-нибудь, — сказал Губошлеп, наливая в два фужера. — Отдохни, дружок, — хоть к Кольке Королю, хоть к Ваньке Самыкину, у него уголок хороший. А меня прости за... сегодняшнее. Но... Горе ты мое, Горе, ты же мне тоже на болячку жмешь, только не замечаешь. Давай. Со встречей. И до свиданья пока. Не горюй. Гроши есть?

— Есть. Мне там собрали...

— А то могу подкинуть.

— Давай, — передумал Егор.

Губошлеп вытащил из кармана и дал сколько-то Егору. Пачку.

— Где будешь?

— Не знаю. Найду кого-нибудь. Как же вы так — завалились-то?..

В это время в комнату вскользянул один из молодых. Белый от испуга.

— Квартал окружили, — сказал он.

— А ты что?

— Я не знаю, куда... Я вам сказать.

— Сам прет на рога Толстому, — засмеялся Губошлеп. — Чего ж ты опять сюда-то? Ах, милый ты мой, теленочек мой... За мной, братики!

Они вышли каким-то черным ходом и направились было вдоль стены в сторону улицы, но оттуда, с той стороны, послышались крепкие шаги патруля. Они — в другую сторону, но и оттуда раздались тоже шаги...

— Так, — сказал Губошлеп, не утрачивая своей загадочной веселости. — Что-то паленым пахнет. А, Егор? Чуешь?

— Ну-ка, сюда! — Егор втокнул своих спутников в какую-то нишу.

Шаги с обеих сторон приближались...

И в одном месте, справа, по стене прыгнул лучик сильного карманного фонаря.

Губошлеп вынул из кармана наган...

— Брось, дура! — резко и зло сказал Егор. — Психопат. Может, те не расколются... А ты тут стрельбу откроешь.

— Та знаю я их! — нервно воскликнул Губошлеп. Вот сейчас, вот тут он, пожалуй, утратил свое спокойствие.

— Вот: я сейчас рвану — уведу их. У меня справка об освобождении, — заговорил Егор быстро, негромко, и уже выискивал глазами — в какую сторону рвануть. — Справка помечена сегодняшним числом... Я прикрытый. Догонят — скажу испугался. Скажу: бабенку искал, услышал свистки — испугался сдуру... Все. Не поминайте лихом!

И Егор ринулся от них... И побежал напропалую. Тотчас со всех сторон раздались свистки и топот ног.

Егор бежал с каким-то азартом, молодо... Бежал да еще и приговаривал себе, подпевал первые попавшие слова. Увидел просвет, кинулся туда, полез через какие-то трубы и победно спел:

«Оп, тирдарпупия! Ничего я не видал, ох, ничего не знаю!..»

Он уже перебрался через эти трубы... Сзади в темноте совсем близко бежали. Егор юркнул в широкую трубу и замер.

Над ним загрохотали железные шаги...

Егор сидел, скрючившись, и довольно улыбался. И шептал:

«Да ничего я не видал, да никого не знаю».

Он затеял какую-то опасную игру. Когда гул железный прекратился и можно было пересидеть тут и вовсе, он вдруг опять снялся с места и опять побежал.

За ним опять устремились.

«Эх, ничего я не видал, эх, никого не знаю! Да никого не знаю!» — подбадривал себя Егор. Махнул через какую-то высокую изгородь, побежал по кустам — похоже, попал в какой-то сад. Близко взлаяла собака. Егор кинулся вбок... Опять изгородь, он перепрыгнул и очутился на кладбище.

— Привет! — сказал Егор. И пошел тихо.

А шум погони устремился дальше — в сторону.

— Ну надо же — сбежал! — изумился Егор. — Всегда бы так, елки зеленые! А то ведь, когда хочешь подорвать, попадаешься, как ребенок.

И опять охватила Егора радость воли, радость жизни. Странное это чувство — редкое, сильное, наверное, глупое.

«Ох, да ничего ж я не видал, да никого не знаю», — еще раз спел Егор. И включил свой славный ящик на малую громкость. И пошел читать надписи на надгробиях. Кладбище огибала улица, и свет фар надолго освещал кресты, пока машина огибала угол. И тени от крестов длинные, уродливые, плыли по земле, по холмикам, по оградкам... Жутковатая, в общем-то, картина. А тут еще музыка Егорова — вовсе как-то нелепо. Егор выключил музыку.

— «Спи спокойно до светлого утра», — успевал прочитывать Егор.

— «Купец первой гильдии Неверов...» А ты-то как здесь?! — удивился Егор. — Тыща восемьсот девяносто... А-а, ты уже давно. Ну, ну, купец первой гильдии... «Едут с товарами в путь из Касимова...» — запел было негромко Егор, но спохватился.

— «Дорогому незабвенному мужу — от неутешной вдовы», — прочитал он опять. Присел на скамеечку, посидел некоторое время... Встал.

— Ну, ладно, ребята, вы лежите, а я пойду дальше. Ничего не сделаешь... Пойду себе, как честный фратер: где-то же надо, в конце концов, приткнуться голову. Надо же? Надо. — И все же еще он спел разок: «Да ничего ж я не видал, да никого ж не зна-аю».

И стал он искать, куда бы приткнуться.

У одной двери деревянного домика из сеней ему сурово сказали:

— Иди отсюда! А то я те выйду, покажу горе... Горе покажу и страдание.

Егор помолчал немного.

— Ну, выйди.

— Выйду!

— Выйдешь... Ты мне скажи: Нинка здесь или нет? — по-доброму спросил Егор мужика за дверью. — Только правду! А то ведь я узнаю... И строго накажу, если обманешь.

Мужик тоже помолчал. И тоже сменил тон, сказал дерзко, но хоть не так зло:

— Никакой здесь Нинки нет, тебе говорят! Неужели нельзя сообразить? Шляются тут по ночам-то.

— Поджечь, что ли, вас? — вслух подумал Егор. И брякнул спичками в кармане. — А?

За дверью долго молчали.

— Попробуй, — сказал наконец голос. Но уже вовсе не грозно. — Попробуй, подожги. Нет Нинки, я те серьезно говорю. Уехала она.

— Куда?

— На север куда-то.

— А чего ты сразу лаяться кинулся? Неужели трудно было сразу объяснить?..

— А потому, что меня зло берет на вас! Из-за таких вот и уехала... С такими же вот.

— Ну, считай, что она в надежных руках — не пропадет. Будь здоров!

...В телефонной будке Егор тоже рассердился.

— Почему нельзя-то?! Почему? — орал он в трубку. Ему что-то долго объясняли.

— Заразы вы все, — с дрожью в голосе сказал Егор. — Я из вас букет сделаю, суки: головками вниз посажу в клумбу... Ну, твари! — Егор бросил трубку... И задумался. — Люба, — сказал он с дурашливой нежностью. —

Все. Еду к Любе.— И он зло саданул дверью будки и пошagal к вокзалу. И говорил дорогой:

— Мх, ты, лапушка ты моя! Любушка-голубушка... Оладушек ты мой сибирский! Я хоть отъемся около тебя... Хоть волосы отрастут. Дорогуша ты моя сдобная! — Егор все набирал и набирал какого-то остервенения.— Съем я тебя поеду! — закричал он в тишину, в ночь. И даже не оглянувшись посмотреть — не потревожил ли кого своим криком. Шаги его громко отдавались в пустой улице, подморозило на ночь, асфальт звенел. — Задушу в объятиях!.. Разорву и схавая! И запью самогонкой. Все!

И вот районный автобус привез Егора в село Ясное.

А Егора на взгорке стояла и ждала Люба. Егор сразу увидел и узнал ее... В сердце толкнуло — она!

И пошел к ней.

— Е-мое,— говорил он себе негромко, изумленный,— да она просто красавица! Просто зоренька ясная. Коллобок просто... Красная шапочка...

— Здравствуйте! — сказал он вежливо и наигранно застенчиво. И подал руку.— Георгий.— И пожал с чувством крепкую крестьянскую руку. И на всякий случай трянул ее, тоже с чувством.

— Люба. — Женщина просто и как-то задумчиво глядела на Егора. Молчала. Тому — от ее взгляда — сделалось беспокойно.

— Это я, — сказал он. И почувствовал себя очень глупо.

— А это — я, — сказала Люба. И все смотрела на него спокойно и задумчиво.

— Я некрасивый, — зачем-то сказал Егор.

Люба засмеялась.

— Пойдем-ка посидим пока в чайной, — сказала она.— Расскажи про себя, что ли...

— Я не пьющий, — поспешил Егор.

— Ой ли? — искренно удивилась Люба. И очень как-то просто у нее это получалось, естественно. Егора простота эта сбила с толку.

— Нет, я, конечно, могу поддержать компанию, но... это... не так, чтоб засандалить там... Я очень умеренный.

— Да мы чайку выпьем, и все. Расскажешь про себя маленько.— Люба все смотрела на своего заочника... И так странно смотрела, точно над собой же и подсмеивалась в душе, точно говорила себе, изумленная своим

поступком: «Ну, не дура ли я? Что затеяла-то?» Но женщина она, видно, самостоятельная: и смеется над собой, и делает, что хочет.— Пойдем... Расскажи. А то у меня мать с отцом строгие, говорят: и не заявляйся сюда со своим арестантом.— Люба шла несколько впереди и, рассказывая это, оглядывалась, и вид у нее был спокойный и веселый.— А я им говорю: да он арестант-то по случайности. По несчастью. Верно же?

Егор при известии, что у нее родители, да еще строгие, заскучал. Но вида не подал.

— Да, да,— сказал он «интеллигентно».— Стечение обстоятельств, громадная невезуха...

— Вот и я говорю.

— У вас родители — кержаки?

— Нет. Почему ты так решил?

— Строгие-то... Попрут еще. Я, например, курю.

— Господи, у меня отец сам курит. Брат, правда, не курит...

— И брат есть?

— Есть. У нас семья большая. У брата двое детей — большие уже: один в институте учится, другая десятилетку заканчивает.

— Все учатся... Это хорошо,— похвалил Егор.— Молодцы.— Но, однако, ему кисло сделалось от такой родни.

Зашли в чайную. Сели в углу за столик. В чайной былолюдно, беспрестанно входили и выходили... И все с интересом разглядывали Егора. От этого тоже было неловко, неудобно.

— Может, мы возьмем бутылочку да пойдем куда-нибудь? — предложил Егор.

— Зачем? Здесь вон как славно... Нюра, Нюр! — позвала Люба девушку.— Принеси нам, голубушка... Чего принести-то? — повернулась к Егору.

— Красенького,— сказал Егор, снисходительно поморщившись.— У меня от водки изжога.

— Красенького, Нюр! — Загадочное производила впечатление Люба: она точно играла какую-то умную игру, играла спокойно, весело и с любопытством всматривалась в Егора, разгадал тот или нет, что это за игра?

— Ну, Георгий?..— начала она.— Расскажи, значит, про себя.

— Прямо как на допросе,— сказал Егор и мелко посмеялся. Но Люба его не поддержала с этим смешком, и Егор посерьезнел.

— Ну, что рассказывать? Я бухгалтер, работал в орсе, начальство, конечно, воровало... Тут — бах! — ревизия. И мне намотали... Мне, естественно, пришлось отдуваться. Слушай, — тоже перешел он на «ты». — Давай уйдем отсюда: они смотрят, как эти...

— Да пусть смотрят! Чего они тебе? Ты же не сбежал.

— Вот справка! — воскликнул Егор. И полез было за справкой в карман.

— Я верю, верю, господи! Я так — к слову. Ну, ну? И сколько же ты сидел?

— Пять.

— Ну?

— Все... А что еще?

— Это с такими ручищами ты — бухгалтер? Даже не верится!

— Что? Руки?.. А-а. Так это я их уже там натренировал... — Егор потянул руки со стола к себе.

— Такими руками только замки ломать, а не на счетах... — Люба засмеялась.

И Егор, несколько встревоженный, фальшиво посмеялся тоже.

— Ну, а здесь чем думаешь заниматься? Тоже бухгалтером?

— Нет! — поспешно сказал Егор. — Бухгалтером я больше не буду.

— А кем же?

— Надо осмотреться... А можно малость попридерживать коней, Люба? — Егор тоже прямо глянул в глаза женщины. — Ты как-то сразу погнала вмах: работа, работа... Работа — не Алитет. Подожди с этим.

— А зачем ты меня обманывать-то стал? — тоже прямо спросила Люба. — Я же писала вашему начальнику, и он мне ответил...

— А-а, — протянул Егор, пораженный. — Вот оно что... — И ему стало легко и даже весело. — Ну, тогда гони всю тройку под гору. Наливай.

И включил Егор музыку.

— А такие письма писал хорошие, — с сожалением сказала Люба. — Это же не письма, а целые... поэмы прямо целые.

— Да? — оживился Егор. — Тебе нравятся? Может, талант пропадает... — Он пропел: «Пропала молодость,

талант в стенах тюрьмы. Давай, Любовь, наливай. Централка, все ночи полные огня... Давай, давай!»

— А чего ты-то погнал? Подожди... Поговорим.

— Ну, начальник, мля! — воскликнул Егор. — И ничего не сказал мне. А тихим фраером я подъехал. Да? Бухгалтер... — Егор сам хохотнул. — Бухгалтер... по учету товаров широкого потребления.

— Так чего же ты хотел, Георгий? — спросила Люба. — Обманывал-то... Обокрасть, что ли, меня?

— Ну, мать!.. Ты даешь: поехал в далекие края — две пары валенок брать. Ты меня оскорбляешь, Люба.

— А чего же?

— Что?

— Чего хочешь-то?

— Не знаю. Может, отдых душе устроить... Но это тоже не то: для меня отдых — это... Да. Не знаю, не знаю, Любовь.

— Эх, Егорушка...

Егор даже вздрогнул и даже испуганно глянул на Любу: так похоже она это сказала: так говорила далекая преступная Люсьен.

— Что?

— Ведь и правда, пристал ты, как конь в гору... только еще боками не проваливаешь. Да пена изо рта не идет. Упадешь ведь. Запалишься и упадешь. У тебя, правда, что ли, никого нету? Родных-то?..

— Нет, я сиротинушка горькая. Я же писал. Кличка моя знаешь какая? Горе. Вот мой псевдоним. Но все же ты мне на мозоль, пожалуйста, не наступай. Не надо. Я еще не побирושка. Чего-чего, а магазинчик-то подломить я еще смогу. Иногда я бываю фантастически богат, Люба. Жаль, что ты мне не в эту пору встретишься... Ты бы увидела, что я эти деньги вонючие... вполне презираю.

— Презираешь, а идешь из-за них на такую страсть.

— Я не из-за денег иду.

— Из-за чего же?

— Никем больше не могу быть на этой земле — только вором. — Это Егор сказал с гордостью. Ему было очень легко с Любой. Хотелось, например, чем-нибудь ее удивить.

— Ое-ей! Ну, допивай да пойдем! — сказала Люба.

— Куда? — сам удивился Егор.

— Ко мне. Ты же ко мне приехал. Или у тебя еще

где-нибудь заочница есть? — Люба засмеялась. Ей тоже было легко с Егором, очень легко.

— Погоди... — не понимал Егор. — Но мы же теперь выяснили, что я не бухгалтер...

— Ну, уж ты тоже выбрал профессию... — Люба качнула головой. — Хотя бы уж свиновод, что ли, и то лучше. Выдумал бы какой-нибудь падеж свиней — ну, осудили, мол. А ты, и правда-то, не похож на жулика. Нормальный мужик... даже вроде наш, деревенский. Ну, свиновод, пошли, что ли?

— Между прочим, — не без фанаберии заговорил Егор, — к вашему сведению: я шофер второго класса.

— И права есть? — с недоверием спросила Люба.

— Права в Магадане. Я правду говорю.

— Ну, видишь, тебе же цены нет, а ты — горе! Бича хорошего нет на это горе. Пошли.

— Типичная крестьянская психология. Ломовая. Я — рецидивист, дурочка! Я ворюга несусветный. Я...

— Тише! Что, опьянел, что ли?

— Так. А в чем дело? — опомнился Егор. — Не понимаю, объясни, пожалуйста. Ну, мы пойдем... Что дальше?

— Пошли ко мне. Отдохни хоть с недельку... Укрась у меня все равно нечего. Отдышись... Потом уж поедешь магазины ломать. Пойдем. А то люди скажут: встретила — от ворот поворот. Зачем же тогда звала? Знаешь, мы тут какие!.. Сразу друг друга осудим. Да и потом... не боюсь я тебя чего-то, не знаю.

— Так... А папаша твой не приглубит меня... колуном по лбу? Мало ли какая ему мысль придет в голову.

— Нет, ничего. Теперь уж надейся на меня.

Дом у Байкаловых большой, крестовый. В одной половине дома жила Люба со стариками, через стенку — брат с семьей.

Дом стоял на высоком берегу реки, за рекой открывались необозримые дали. Хозяйство у Байкаловых налаженное, широкий двор с постройками, баня на самой крутизне.

Старики Байкаловы как раз стряпали пельмени, когда хозяйка, Михайловна, увидела в окно Любу и Егора.

— Гли-ка, ведет ведь! — всполошилась она. — Любка-то!.. Ресторанта-то!..

Старик тоже приник к окошку...

— Вот теперь заживем! — в сердцах сказал он. — По внутреннему распорядку. Язви ты в душу! Вот это отчубила дочь!

Видно было, как Люба что-то рассказывает Егору: показывала рукой за реку, оглядывалась и показывала назад, на село. Егор послушно крутил головой... Но больше взглядывал на дом Любы, на окна.

А тут переполох полный. Не верили старики, что кто-то, правда, придет к ним из тюрьмы. И хоть Люба и телеграмму им показывала от Егора, все равно не верилось. А обернулось все чистой правдой.

— Ну, окаянная, ну, халда! — сокрушалась старуха. — Ну, чо я могла с халдой поделаться?! Ничо же я не могла...

— Ты вида не показывай, что мы напужались или ишо чего... — учил ее дед. — Видали мы таких... Разбойников! Стенька Разин нашелся.

— Однако и приветить ведь надо? — первая же и сообразила старуха. — Или как? У меня голова кругом пошла — не соображу...

— Надо. Все будем по-людски делать, а там уж поглядим: может, жизни свои покладем... через дочь родную. Ну, Любка, Любка...

Вошли Люба с Егором.

— Здравствуйте! — приветливо сказал Егор.

Старики в ответ только кивнули... И открыто, прямо разглядывали Егора.

— Ну, вот и бухгалтер наш, — как ни в чем не бывало заговорила Люба. — И никакой он вовсе не разбойник с большой дороги, а попал по... этому, по...

— По недоразумению, — подсказал Егор.

— И сколько же счас дают за недоразумение? — спросил старик.

— Пять, — кротко ответил Егор.

— Мало. Раньше больше давали.

— По какому же такому недоразумению загудел-то? — прямо спросила старуха.

— Начальство воровало, а он списывал, — пояснила Люба. — Ну, допросили? А теперь покормить надо — человек с дороги. Садись пока, Георгий.

Егор обнажил свою стриженую голову и скромненько присел на краешек стула.

— Посиди пока, — велела Люба. — Я пойду баню за-топлю. И будем обедать.

Люба ушла. Нарочно, похоже, ушла — чтобы они тут до чего-нибудь хоть договорились. Сами. Наверно, надеялась на своих незлобивых родителей.

— Закурить можно? — спросил Егор.

Не то что тяжело ему было — ну и выгонят, делов-то! — но если бы, например, все обошлось миром, то оно бы и лучше. Интереснее. Конечно, не ради одного голого интереса хотелось бы здесь прижиться хоть на малое время, а еще и надо было. Где-то надо было и пересидеть и осмотреться.

— Кури, — разрешил дед. — Какие куришь?

— «Памир».

— Сигаретки, что ли?

— Сигаретки.

— Ну-ка, дай я спробую.

Дед подсел к Егору... И все приглядывался к нему, приглядывался.

Закурили.

— Да какое, говоришь, недоразумение-то вышло? Метил кому-нибудь по лбу, а угодил в лоб? — как бы между делом спросил дед.

Егор посмотрел на смекалистого старика.

— Да... — неопределенно сказал он. — Семерых в одном месте зарезали, а восьмого не углядели — ушел. Вот и попались...

Старуха выронила из рук полено. И села на лавку.

Старик оказался умнее, не испугался.

— Семерых?

— Семерых. Напрочь: головы в мешок поклали и ушли.

— Свят-свят-свят... — закрестилась старуха. — Федя...

— Тихо! — скомандовал старик. — Один дурак гордит чего не поадея, а другая... А ты, кобель, аккуратней с языком-то: тут пожилые люди.

— Так что же вы, пожилые люди, сами меня с ходу в разбойники записали? Вам говорят — бухгалтер, а вы, можно сказать, хихикаете. Ну — из тюрьмы... Что же, в тюрьме одни только убийцы сидят?

— Кто тебя в убийцы зачисляет! Но только ты тоже... того, что ты бухгалтер, это ты тоже... не заливай тут. Бухгалтер! Я бухгалтеров-то видел-перевидел!.. Бухгалтера тихие все, маленько вроде пришибленные. У бухгалтера голос слабенький, очки... и, потом, я заметил: они все курносые. Какой же ты бухгалтер — об

твой лоб-то можно поросят шестимесячных бить. Это ты Любке вон говори про бухгалтера — она поверит. А я, как ты зашел, сразу определил: этот или за драку какую, или машину лесу украл. Так?

— Тебе прямо оперуполномоченным работать, отец, — сказал Егор. — Цены бы не было. Колчаку не служил в молодые годы? В контрразведке белогвардейской?

Старик часто-часто заморгал. Тут он чего-то растерялся. Чего, он и сам не знал. Слова очень уж зловещие.

— Ты чего это? — спросил он. — Чего мелешь-то?

— А чего так сразу смутился? Я просто спрашиваю... Хорошо, другой вопрос: колоски в трудные годы ворвал с колхозных полей?

Старик, изумленный таким неожиданным оборотом, молчал. Он вовсе сбился с налаженного было снисходительного тона и не находил, что отвечать этому обормоту. Впрочем, Егор так и поставил свой «допрос», чтобы сбивать и не давать опомниться. Он видел в своей жизни мастеров этого дела.

— Затрудняетесь, — продолжал Егор. — Ну, хорошо... Ну, поставим вопрос несколько иначе, по-домашнему, что ли: на собраниях часто выступаем?

— Ты чего тут Микитку-то из себя строишь? — спросил наконец старик. И готов был очень обозлиться. Готов был наговорить много и сердито, но вдруг Егор пружинисто снялся с места, надел форменную свою фуражку и заходил по комнате.

— Видите, как мы славно пристроились жить! — заговорил Егор, изредка остро взглядывая на сидящего старика. — Страна производит электричество, паровозы, миллионы тонн чугуна... Люди напрягают все силы... Люди буквально падают от напряжения, ликвидируют все остатки разгильдяйства и слабоумия, люди, можно сказать, заикаются от напряжения.

Егор наскочил на слово «напряжение» и с удовольствием смаковал его.

— Люди покрываются морщинами на Крайнем Севере и вынуждены вставлять себе золотые зубы... А в это самое время находятся другие люди, которые из всех достижений человечества облюбовали себе печку! Вот так! Славно, славно... Будем лучше чувал подпирать ногами, чем дружно напрягаться вместе со всеми...

— Да он с десяти годов работа! — встряла старуха. — Он с малолетства на пашне...

— Реплики — потом! — резковато осадил ее Егор. — А то мы все добренькие — когда это не касается наших интересов, нашего, так сказать, кармана...

— Я — стахановец вечный! — чуть не закричал старик. — У меня восемнадцать похвальных грамот.

Егор остановился, очень удивленный.

— Так чего же ты сидишь, молчишь? — спросил он другим тоном.

— Молчишь... Ты же мне слова не даешь воткнуть!

— Где похвальные грамоты?

— Там, — сказала старуха, вконец тоже сбита с толку.

— Где «там»?

— Вон, в шкапчике... все прибраны.

— Им место не в шкапчике, а на стенке! В «шкапчике». Привыкли все по шкапчикам прятать, понимаешь...

В это время вошла Люба.

— Ну, как вы тут? — спросила она весело.

Она раздумянулась в бане, волосы выбились из-под платка... Такая она была хорошая! Егор невольно загляделся на нее.

— Все тут у вас хорошо? Мирно?

— Ну и ухаря ты себе нашла! — с неподдельным восторгом сказал старик. — Ты гляди, как он тут попер!.. Чисто комиссар какой! — Старик засмеялся.

Старуха только головой покачала... И сердито поджала губы.

Так познакомился Егор с родителями Любы.

С братом ее, Петром, и его семьей знакомство произошло позже.

Петро въехал во двор на самосвале... Долго рычал самосвал, сотрясая стекла окон. Наконец стал на место, мотор заглох, и Петро вылез из кабины. К нему подошла жена Зоя, продавщица сельпо, членораздельная бабочка, быстрая и суетная.

— К Любе-то приехал... Этот-то заочник-то, — сразу сообщила она.

— Да? — нехотя полюбопытствовал Петро, здоровый мужчина, угрюмоватый, весь в каких-то своих думах. — Ну и что? — Пнул баллон, другой. — Мм?

— Говорит, был бухгалтером, ну, мол, ревизия, то се... А по роже видать — бандит.

— Да? — опять нехотя и лениво сказал Петро. — Ну и что?

— Да ничего. Надо осторожней первое время... Ты иди глянь на этого бухгалтера! Иди глянь! Нож воткнет и не задумается этот бухгалтер.

— Да? — опять сказал Петро, продолжая пинать баллоны. — Ну и что?

— Ты иди глянь на него! Иди глянь! Вот так нашла себе!.. Иди глянь на него — нам же под одной крышей жить теперь.

— Ну и что?

— Ничего! — завысила голос Зоя. — У нас дочь-школьница, вот что! Заладил свое: «Ну и что? Ну и что?» Мы то и дело одни на ночь остаемся, вот что! «Ну и что». Чтокала чертова, пень! Жену с дочерью зарежут, он шагу не прибавит...

Петро пошел в дом, вытирая на ходу руки ветошью. Насчет того, что он «шагу не прибавит» — это как-то на него похоже: на редкость спокойный мужик, медлительный, но весь налит свинцовой разящей силой. Сила эта чувствовалась в каждом движении Петра, в том, как он медленно ворочал головой и смотрел маленькими своими глазами — прямо и с каким-то стылым, немигающим бесстрашием. Спокойно.

— Вот счас с Петром вместе пойдете, — говорила Люба, собирая Егора в баню. — Чего же тебе переодеть-то дать? Как же ты так: едешь свататься, и даже лишней пары белья нету? Ну? Кто же так заявляется?

— На то она и тюрьма! — воскликнул старик. — А не курорт. С курорта и то, бывает, приезжают прозрачные. Илюха вон Лопатин радикулит ездил лечить: корову целую ухнул, а приехал без копыя.

— Ну-ка вот, мужнины бывшие... Нашла. Небось годится. — Люба извлекла из сундука длинную белую рубаху и кальсоны.

— То есть? — не понял Егор.

— Моего мужика бывшего... — Люба стояла с кальсонами в руках. — А чего?

— Да я что?! — обиделся Егор. — Совсем, что ли, подзаборник — чужое белье напялю. У меня есть деньги — надо сходить и купить в магазине.

— Где ты теперь купишь? Закрыто уж все. А чего тут такого? Оно стираемое...

— Бери, чего?! — сказал старик. — Оно же чистое, Егор подумал и взял.

— Опускаюсь все ниже и ниже, — проворчал он при этом. — Даже самому интересно... Я потом вам спою песню: «Во саду ли, в огороде».

— Иди, иди, — провожала его к выходу Люба. — Петро у нас не шибко ласковый, так что не удивляйся: он со всеми такой.

Петро уже раздевался в предбаннике, когда туда сунулся Егор.

— Бритых принимают? — постарался он заговорить как можно веселее, даже рот растянул в улыбке.

— Всяких принимают, — все тем же ровным голосом, каким он говорил «ну и что», сказал Петро.

— Будем знакомы, Георгий.

Егор протянул руку. И все улыбался и заглядывал в сумрачные глаза Петра. Все же хотелось ему освоиться среди этих людей, почему-то теперь уж хотелось.

Люба, что ли?.. Видно, Люба — милая женщина, простецкая, не дура, какая-то родная сразу.

— Я говорю, я — Георгий.

— Ну, ну, — сказал Петро. — Давай еще целоваться. Георгий, значит, Георгий. Значит, Жора...

— Джордж. — Егор остался с протянутой рукой. Перестал улыбаться.

— А? — не понял Петро.

— На! — с сердцем сказал Егор. — Курва, суюсь сегодня, как побирושка!.. — Егор бросил белье на лавку. — Осталось только хвостом повилать. Что я тебе, дорогу перешел, что ты мне руку не соизволил подать?

Егор и вправду заволновался и полез в карман за сигаретой. Закурил. Сел на лавочку. Руки у него чуть дрожали.

— Чего ты? — спросил Петро. — Расселся-то?

— Иди мойся, — сказал Егор. — Я — потом. Я же из заключения... Мы после вас. Не беспокойтесь.

— Во!.. — сказал Петро. И, не снимая трусов, вошел в баню. Слышно было, как он загремел там тазами, ковшом...

Егор прилег на широкую лавку, курил.

— Ну, надо же!.. — сказал он. — Как бедный родственник, мля!

В этот момент открылась дверь бани, из парного облака выглянул Петро.

— Чего ты? — спросил он.

— Чего?

— Чего лежишь-то?

— Я подкидыш.

— Во!.. — сказал Петро. И усунулся опять в баню. Долго там наливал воду в тазы, двигал лавки... Не выдержал и опять открыл дверь. — Ты пойдешь или нет?! — спросил он.

— У меня справка об освобождении! — чуть не заорал ему в лицо Егор. — Я завтра пойду и получу такой же паспорт, как у тебя! Точно такой, за исключением маленькой пометки, которую никто не читает. Понял?

— Счас возьму и силком суну в тазик, — сказал Петро невыразительно. — И посажу на каменку. Без паспорта.

Петру самому понравилось, как он сострил. Еще добавил:

— Со справкой.

Он хохотнул коротко.

— Вот это уже другой разговор! — Егор сел на лавке. И стал раздеваться. — А то начинает тут... Диплом ему покажи!

А в это время мать Любина и Зоя, жена Петра, загнали в угол Любу и наперебой допрашивали ее и внушали.

— На кой ты его в чайную-то повела? — визгливо спрашивала членораздельная Зоя, женщина вполне истеричная. — Ведь вся уж деревня знает: к Любке тюремщик приехал! Мне на работе прямо сказали...

— Любка, Любка!.. — насилу дозвалась мать, — ты скажи так: если ты, скажи, просто так приехал — жир накопить, да потом опять зауситься по свету, — то, скажи, уезжай седни же, не позорь меня перед людьми. Если, скажи, у тебя...

— Как это может так быть, чтобы у него семьи не было? Как? Что он, парень семнадцати годов? Ты думаешь своей головой-то?

— Ты скажи так: если, скажи, у тебя чего худое на уме, то собирай манатки и...

— Ему собраться, — только подпоясаться! — встрял в разговор молчаливый до этого старик. — Чего вы нава-

лились на девку? Чего сейчас с нее спрашивать? Тут уж — как выйдет, какой человек окажется. Как она за него может сейчас заручиться?

— Не пугайте вы меня, ради Христа, — только и сказала Люба. — Я сама боюсь. Что, вы думаете, просто мне?

— Вот!.. Я тебе чего и говорю-то! — воскликнула Зоя.

— Ты вот чего, девка... Любка, слышь? — опять за-тормошила Любу мать. — Ты скажи так: вот чего, добрый человек, иди седни ночей где-нибудь.

— Это где же? — обалдела Люба.

— В сельсовете...

— Тьфу! — разозлился старик. — Да вы что, совсем одурели?! Гляди-ка: вызвали мужика да отправили его в сельсовет ночевать! Вот так да!.. Совсем уж нехристи какие-то.

— Пусть его завтра милиционер обследует, — не сдавалась мать.

— Чего его обследовать-то? Он весь налицо.

— Не знаю... — заговорила Люба. — А вот кажется мне, что он хороший человек. Я как-то по глазам вижу... Еще на карточке заметила: глаза какие-то... грустные. Вот хоть убейте вы меня тут — мне его жалко. Может, я и...

В это время из бани с диким ревом выскочил Петро и покатился с веником по сырой земле.

— Свари-ил! — кричал Петро. — Живьем сварил!..

Следом выскочил Егор с ковшом в руке.

К Петру уже бежали из дома. Старик бежал с топором.

— Убили! Убили! — заполошно кричала Зоя, жена Петра. — Люди добрые, убили!..

— Не ори! — страдальческим голосом попросил Петро, садясь и поглаживая ошпаренный бок. — Чего ты?

— Чего, Петька? — спросил запыхавшийся старик.

— Попросил этого полудурка плеснуть ковшик горячей воды — поддать, а он взял меня да окатил.

— А я еще удивился, — растерянно говорил Егор, — как же, думаю, он стерпит?.. Вода-то ведь горячая. Я еще пальцем попробовал — прямо кипяток! Как же, думаю, он вытерпит? Ну, думаю, закаленный, наверно. Наверно, думаю, кожа, как у быка, — толстая. Я же не знал, что надо на каменку...

— Пальцем потрогал, — передразнил его Петро. — Что, совсем уж?.. Ребенок, что ли, малый?

— Я же думал, тебе окупнуться надо...

— Да я еще не парился! — заорал всегда спокойный Петро. — Я еще не мылся даже!.. Чего мне ополаскиваться-то?

— Жиром надо каким-нибудь смазать, — сказал отец, исследовав ожог. — Ничего тут страшного нету. Надо только жиру какого-нибудь... Ну-ка, кто?

— У меня сало баранье есть, — сказала Зоя. И побежала в дом.

— Ладно, расходитесь, — велел старик. — А то уж вон людишки сбегаются.

— Да как же это ты, Егор? — спросила Люба.

Егор поддернул трусы и опять стал оправдываться:

— Понимаешь, как вышло: он уже наподдавал — дышать нечем, и просит: «Дай ковшик горячей». Ну, думаю, хочет мужик температурный баланс навести...

— «Бала-анс», — опять передразнил его Петро. — Наверел бы я те сейчас баланс — ковшом по лбу! Вот же полудурок-то, весь бок ошпарил. А если б там живой кипяток был?

— Я же пальцем попробовал...

— Пальцем!.. Чем тебя только делали, такого.

— Ну, дай мне по лбу, правда, — взмолился Егор. — Мне легче будет. — Он протянул Петру ковш. — Дай, умоляю...

— Петро... — заговорила Люба. — Он же нечаянно. Ну, что теперь?

— Да идите вы в дом, ей-богу! — рассердился на всех Петро. — Вон, и правда, люди собираться начали.

У изгороди Байкаловых действительно остановилось человек шесть-семь любопытных.

— Чо там у их? — спросил вновь подошедший мужик у стоявших.

— Петро ихний... пьяный на каменку свалился, — пояснила какая-то старушка.

— Ох, е!.. — сказал мужик. — Так, а живой ли?

— Живой... Вишь, сидит. Чухается.

— Вот заорал-то, наверно!

— Так заорал, так заорал!.. У меня ажник стекла задрезжали.

— Заорешь...
— Что же, задом, что ли, приспособился?
— Как же задом? — он же сидит.
— Да, сидит же... Боком, наверно, угодил. А эт кто же у их? Что за мужик-то?
— Это ж надо так пить! — все удивлялась старушка.

...Засиделись далеко за полночь.

Старые люди, слегка захмелев, заговорили и заспорили о каких-то своих делах. Их, старых, набралось за столом изрядно, человек двенадцать. Говорили, перебивая друг друга, а то и сразу по двое, по трое.

— Ты кого говоришь-то? Кого говоришь-то? Она замуж-то вон куда выходила — в Краюшкино, ну!

— Правильно. За этого, как его? За этого...

— За Митьку Хромова она выходила!

— Ну, за Митьку.

— А Хромовых раскулачили...

— Кого раскулачили? Громовых? Здорово живешь?..

— Да не Громовых, а Хромовых!

— А-а. А то я слушаю — Громовых. Мы с Михайлой-то Громовым шишковать в чернь ездили.

— А когда, значит, самого-то Хромова раскулачили...

— Правильно, он маслобойку держал.

— Кто маслобойку держал? Хромов? Это маслобойку-то Воиновы держали, ты чо! А Хромов, сам-то, гурты вон перегонял из Монголии. Шерстобитку они держали, верно, а маслобойку Воиновы держали. Их тоже раскулачили. А самого Хромова прямо от гурта взяли... Я ишо помню: амбар у их стали ломать — пимы искали, они пимы катали, вся деревня, помню, сбежалась глядеть.

— Нашли?

— Девять пар.

— Дак, а Митьку-то не тронули?

— А Митька-то успел уже, отделился. Вот как раз на Кланьке-то женился, его отец и отделил. Их не тронули. Но, все равно, когда отца увезли, Митька сам уехал из Краюшкиной: чижало, ему показалось, после этого жить там.

— Погоди-ка, а кто же тада у их в Карасук выходил?

— Это Манька! Манька-то тоже ишо живая, в городе у дочери живет. Да тоже плохо живет! Этто как-то

стрела ее на базаре; жалеет, что дом продала в деревне. Пока, говорит, ребяташки, внучатки-то маленькие были, была, говорит, нужна, а ребяташки выросли — в тягость стала.

— Оно — так, — сказали враз несколько старух. — Пока водисся — нужна, как маленько ребяташки подросли — не нужна.

— Ишо какой зять попадет. Попадет обмылок какой-нибудь — он тебе...

— Какие они нынче зятя-то! Известное дело...

Несколько в сторонке от пожилых сидели Егор с Любой. Люба показывала семейный альбом с фотографией, который сама она собрала и бережно хранила.

— А это Михаил, — показывала Люба братьев. — А это Павел и Ваня... вместе. Они сперва вместе воевали, потом Пашу ранило, но он поправился и опять пошел. И тогда уж его убило. А Ваню последним убило, в Берлине. Нам командир письмо присылал... Мне Ваню больше всех жалко, он такой веселый был. Везде меня с собой таскал, я маленькая была. А помню его хорошо... во сне вижу — смеется. Вишь, и здесь смеется. А вот Петро наш... Во, строгий какой, а самому всего только... сколько же? Восемнадцать ему было? Да, восемнадцать. Он в плен попадал, потом наши освободили их. Его там избили сильно... А больше нигде даже не царапнуло.

Егор поднял голову, посмотрел на Петра... Петро сидел один, курил. Выпитое на нем не отразилось никак, он сидел, как всегда, задумчивый и спокойный.

— Зато я его сегодня... ополоснул. Как черт под руку подтолкнул.

Люба склонилась к Егору и спросила негромко и хитро:

— А ты не нарочно его? Прямо не верится, что ты...

— Да что ты! — искренно воскликнул Егор. — Я, правда, думал, он на себя просит, как говорится — вызываю огонь на себя.

— Да ты же из деревни, говоришь, как же ты так подумал?

— Ну... везде свои обычаи.

— А я уж, грешным делом, подумала: сказал ему чего-нибудь Петро не так, тот прикинулся дурачком да и плесканул.

— Ну!.. Что ж я?..

Петро, почувствовав, что на него смотрят и говорят о нем, посмотрел в их сторону... Встретились взглядом с Егором. Петро по-доброму усмехнулся.

— Что, Жоржик?..— сварил было?

— Ты прости, Петро.

— Да будет! Заведи-ка еще разок свою музыку, хорошая музыка.

Егор включил магнитофон. И грянул тот самый марш, под который Егор входил в «малину». Жизнерадостный марш, жизнеутверждающий. Он несколько странно звучал здесь, в крестьянской избе,— каким-то потусторонним ярким движением вломился в мирную беседу. Но движение есть движение: постепенно разговор за столом стих... И все сидели и слушали марш-движение.

А ночью было тихо-тихо. Светила в окна луна.

Егору постелили в одной комнате со стариками, за цветастой занавеской, которую насквозь всю прошивал лунный свет.

Люба спала в горнице. Дверь в горницу была открыта. И там тоже было тихо.

Егору не спалось. Эта тишина бесила.

Он приподнял голову, прислушался... Тихо. Только старик похрапывает да тикают ходики.

Егор ужом выскользнул из-под одеяла и, ослепительно белый, в кальсонах и длинной рубаше, неслышно покрался в горницу. Ничто не стукнуло, не скрипнуло... Только хрустнула какая-то косточка в ноге Егора, в лапе где-то.

Он дошел уже до двери горницы... И ступил уже шаг другой по горнице, когда в тишине прозвучал отчетливый, никакой не заспанный голос Любы:

— Ну-ка, марш на место!

Егор остановился. Малость помолчал...

— А в чем дело-то?— спросил он обиженно, шепотом.

— Ни в чем. Иди спать.

— Мне не спится.

— Ну, так лежи... думай о будущем.

— Но я хотел поговорить!— стал злиться Егор.— Хотел задать пару вопросов...

— Завтра поговорим. Какие вопросы ночью?

— Один вопрос,— вконец обозлился Егор.— Больше не задам...

— Любка, возьми чего-нибудь в руки... Возьми сквородник,— сказал вдруг голос старухи сзади, тоже никакой не заспанный.

— У меня пестик под подушкой,— сказала Люба.

Егор пошел на место.

— Поше-ол... На цыпочках. Котяра,— сказала еще старуха.— Думает, его не слышат. Я все слышу. И вижу.

— Фраер!..— злился шепотом Егор за цветастой занавеской.— Отдохнуть душой, телом. Фраер со справкой!

Он полежал тихо... Перевернулся на другой бок.

— Луна еще, сука!.. Как сдурела.— Он опять перевернулся.— Круговую оборону заняли, понял! Кого охранять, спрашивается?

— Не ворчи, не ворчи там,— миролюбиво уже сказала старуха.— Разворчался.

И вдруг Егор громко, отчетливо, остервенело процитировал: «Ее нижняя юбка была в широкую красную и синюю полоску и казалась сделанной из театрального занавеса. Я бы много дал, чтобы занять первое место, но спектакль не состоялся». (Пауза.) И потом в белую тишину из-за занавески полетело еще, последнее, ученое: — Лихтенберг!

И пялилась в окошки луна.

Старик перестал храпеть и спросил встревоженно:

— Кто? Чего вы?

— Да вон... ругается лежит,— сказала старуха недовольно.— Первое место не занял, вишь.

— Это не я ругаюсь,— пояснил Егор,— а Лихтенберг.

— Я вот поругаюсь,— проворчал старик.— Чего ты там?

— Это не я!— раздраженно воскликнул Егор.— Так сказал Лихтенберг. И он вовсе не ругается, а острит.

— Тоже, наверно, бухгалтер?— спросил старик без издевки.

— Француз,— откликнулся Егор.

— А?

— Француз!

— Спи!— сердито сказала старуха.— Разговорились

И стало тихо. Только тикали ходики.

И пялилась в окошки луна.

Наутро, когда отзавтракали, и Люба с Егором остались одни за столом, Егор сказал:

— Так, Любовь... Еду в город заниматься эки... ров... экипировкой. Оденусь.

Люба спокойно, чуть усмешливо, но с едва уловимой грустью смотрела на него. Молчала, как будто понимала нечто большее, чем то, что ей сказал Егор.

— Ехай,— сказала она тихо.

— А чего ты так смотришь? — Егор и сам засмотрелся на нее, на утреннюю, хорошую. И почувствовал тревогу от возможной разлуки с ней. И ему тоже стало грустно, но он грустить не умел — он нервничал.

— Как?

— Не веришь мне?

Люба долго опять молчала.

— Делай как тебе душа велит, Егор. Что ты спрашиваешь — верю, не верю?.. Верю я или не верю — тебя же это не остановит.

Егор нагнул свою стриженую голову.

— Я бы хотел не врать, Люба,— заговорил он решительно.— Мне всю жизнь противно врать... Я вру, конечно, но от этого... только тяжелей жить. Я вру и презираю себя. И охота уж добить свою жизнь совсем, вдребезги. Только бы веселей и желательнее с водкой. Поэтому сейчас я не буду врать: я не знаю. Может, вернусь. Может, нет.

— Спасибо за правду, Егор.

— Ты хорошая, — вырвалось у Егора. И он засуетился, хуже того, занервничал.— Повело!.. Сколько ж я раз говорил это слово! Я же его замусолил. Ничего же слова не стоят! Что за люди!.. Дай, я сделаю так.— Егор положил свою руку на руку Любы.— Останусь один и попрошу свою душу. Домой мне надо, Люба.

— Делай, как нужно. Я тебе ничего не говорю. Уйдешь — мне будет жалко. Жалко-жалко! Я, наверно, заплачу... — У Любы и теперь на глазах выступили слезы.— Но худого слова не скажу...

Егору вовсе стало невмоготу: он не переносил слез.

— Так... Все, Любовь. Больше не могу — тяжело. Прошу прощона.

И вот шагает он раздольным молодым полем... Поле не паханное, и на нем только-только проклюнулась первая остренькая травка. Егор шагает шибко. Решительно. Упрямо. Так он и по жизни своей шагал, как по этому полю,— решительно и упрямо. Падал, поднимался и опять шел. Падал и шел, падал, поднимался и шел, как будто в этом одном все искупление — чтобы идти и идти, не останавливаясь, не оглядываясь, как будто так можно уйти от себя самого.

И вдруг за ним — невесть откуда, один за одним — стали появляться люди. Появляются и идут за ним, едва поспевают. Это все — его дружки, подружки, потертые, помятые, с неким бессовестным откровением в глазах. Все молчат. Молчит и Егор — шагает. Шагает и шагает. А за ним толпа все прибывает... И долго шли так. Потом Егор вдруг резко остановился и, не оглядываясь, с силой отмахнулся от всех и сказал зло, сквозь зубы:

— Ну, будет уж! Будет!

Оглянулся... Ему навстречу шагает один только Губошлеп. Идет и улыбается. И держит руку в кармане. Егор стиснул крепче зубы и тоже сунул руки в карманы... И Губошлеп пропал.

...А стоял Егор на дороге и поджидал: не поедет ли автобус или какая-нибудь попутная машина — до города.

Одна грузовая показалась вдали...

Работалось и не работалось Любе в тот день... Перемогалась душой. Призналась неожиданно подруге своей, когда отдоились и молоко увезли и они выходили со скотного двора:

— Гляди-ка, Верка, присохла ведь я к мужику-то. Сказала и сама подивилась такому.

— Ну, надо же! Болит и болит душа — весь день.

— Так совсем уехал-то? Чего сказал-то?

— Сам, говорит, не знаю.

— Да пошли ты его к черту! Плюнь. Какой! «Сам не знаю». У него жена где-нибудь есть. Что говорит-то?

— Не знаю. Никого, говорит, нету.

— Врет! Любка, не дури: прими опять Кольку да живите. Все они пьют нынче! Кто не пьет-то? Мой вон позавчера пришел... Ну, паразит!..

И Верка, коротконогая живая бабочка, по секрету, негромко рассказала:

— Пришел, кэ-эк я его скалкой огрела! Даже сама

напугалась. А утром встал — голова, говорит, болит, ударился где-то. Я говорю: пить надо меньше.

И Верка мелко-мелко засмеялась.

— И когда успела-то? — удивилась опять Люба своим мыслям.

— А? — спросила Верка.

— Да когда, мол, успела-то? Видела-то... всего сутки. Как же так? Неужели так бывает?

— Он за что сидел-то?

— За кражу... — И Люба беспомощно посмотрела на подругу.

— Шило на мыло, — сказала та. — Пьяницу на вора... Ну, и судьбина тебе выпала! Живи одна, Любка. Может, потом путный какой подвернется. А ну-ка, да его опять воровать потянет? Что тогда?

— Что? — не поняла Люба.

— Да воровать-то кинется?... Что тогда?

— Что тогда? Посадют.

— Ну, язви тебя-то! Ты что, полоумная, что ли?

— А я сама не знаю, чего я. Как сдурела! Самой противно... Вот болит и болит душа, как, скажи, век я его знала. А знала — сутки. Правда, он целый год письма слал...

— Да им там делать-то нечего, они и пишут.

— Но ты бы знала, какие письма!..

— Про любовь?

— Да нет... все про жизнь. Он, правда, наверно, повидал много, черт стриженный. Так напишет — прямо сердце заболит, читаешь. И я уж и не знаю: то ли я его люблю, то ли мне его жалко. А вот болит душа — и все.

А Егор в это самое время делал свои дела в райгороде.

Перво-наперво он шикарно оделся...

Шел по улице небольшого деревянного городка, по деревянному тротуару, в новеньком костюме, при галстукке, в шляпе — руки в карманах.

Зашел на почту. Написал на телеграфном бланке адрес, сумму просьбу и несколько слов приветия. Подал бланк, облокотился возле окошечка и стал считать деньги.

— Деньги передать Губошлепу, — прочитала девушка за окошечком. — Губошлеп — это фамилия, что ли?

Егор секунду-две думал... И сказал:

— Совершенно верно, фамилия.

— А чего же вы пишете с маленькой буквы? Ну и фамилия!..

— Бывают похуже, — сказал Егор. — У нас в тресте один был — Пистонов.

Девушка подняла голову. Она была очень миленькая девушка, глазастенькая, с коротким тупым носиком.

— Ну и что?

— Ничего. Фамилия, мол. Пистонов. — Егор был серьезен. Он помнил, что он в шляпе.

— Ну, и... нормальная фамилия.

— Вообще-то нормальная, — согласился Егор.

И вдруг забыл, что он в шляпе, улыбнулся. И обеспокоился.

— Скажите, пожалуйста, — сунулся он в окошечко, — вот я приехал с золотых приисков, но у меня совершенно тут никаких знакомых...

— Ну и что? — не поняла девушка.

— У вас есть молодой человек? — прямо спросил Егор.

— А вам что? — Тупоносенькая вроде не очень удивилась, а даже оставила работу и смотрела на Егора.

— Я в том смысле, что не могли бы мы вместе совершить какое-нибудь уникальное турне по городу?

— Гражданин!.. — строго повысила голос девушка. — Вы не хамите тут! Вы деньги переводите? Вот и переводите.

Егор вылез из окошечка. Он обиделся. Зачем же надо было оставлять даже работу и смотреть ласково? Егор так только и понимал теперь: девушка, прежде чем зарычать, смотрела на него ласково. К чему, спрашивается, эти разные штучки-дрючки?

— И сразу на арапа берут! — негромко возмутился он. — «Гражданин!..» Какой я вам гражданин? Я вам — товарищ и даже друг и брат.

Девушка опять подняла на него большие серые глаза.

— Работайте, работайте, — сказал Егор. — А то только глазами стрелять туда-сюда!

Девушка хмыкнула и склонилась к бланку.

— Шляпу, главное, надел,— не удержалась и сказала она, не глядя на Егора.

И квиточек отдала, тоже не глядя: положила на стойку и занялась другим делом. И попробуй отвлечки ее от этого дела.

— Шалашовки! — ругался Егор, выходя с почты.— Вы у меня танец маленьких лебедей будете исполнять. Краковяк!..— Он зашагал к вокзальному ресторану.— Польшку-бабочку! — Он накалял себя. В глазах появился блеск, который свидетельствовал, что душа его струнулась и больно толкается в груди. Егор прибавил шагу.— Нет, как вам это нравится! Марионетки. Красные шапочки... Я вам устрою тут фигурные катания! Я наэлектризую здесь атмосферу и поселю бардак.

И дальше он вовсе бессмысленно бормотал под ногу, что влетит в голову:

— Парьям-па-пам, тарьям-папам!.. Тарьям-папам-папам-папам...

...В ресторане он заказал бутылку шампанского и подал юркому человеку, официанту, бумажку в двадцать пять рублей и сказал:

— Спасибо. Сдачи не нужно.

Официант даже растерялся...

— Очень благодарю, очень благодарю...

— Ерунда,— сказал Егор.

И показал рукой, чтоб официант присел на минуточку. Официант присел на стул рядом.

— Я приехал с золотых приисков,— продолжал Егор, изучая податливого человека,— и хотел вас спросить: не могли бы мы здесь где-нибудь организовать маленький бардак?

Официант машинально оглянулся..

— Ну, я грубо выразился... Я волнуюсь, потому что мне деньги жгут ляжку.— Егор вынул из кармана довольно толстую пачку десятирублевых и двадцатирублевых.— А? Их же надо пристроить. Как вас зовут, простите?

Официант, при виде этой пачки, тоже очень обеспокоился, но изо всех сил старался хранить достоинство. Он знал: людям достойным платят больше.

— Сергей Михайлович.

— А? Михайлович... Нужен праздник. Я долго был на Севере...

— Я, кажется, придумал,— сказал Михайлыч, избрав сперва, что он внимательно подумал.— Вы где остановились?

— Нигде. Я только приехал.

— По всей вероятности, можно будет сообразить... Что-нибудь, знаете, вроде такого пикника — в честь прибытия, так сказать.

— Да, да, да,— заволновался Егор.— Такой небольшой бардак. Аккуратненький такой бардельеро... Забег в ширину. Да, Михайлыч? Вы мне что-то с первого взгляда понравились! Я подумал: вот с кем я вздохмачу мои деньги!

Михайлыч искренно посмеялся.

— А? — еще раз спросил Егор.— Чего смеешься?

— О'кэй — весело сказал Михайлыч.— Ми фас по-ньяль.

Поздно вечером Егор полулежал на плюшевом диване и разговаривал по телефону с Любой. В комнате был еще Михайлыч и заходила и что-то тихонько спрашивала Михайлыча востроносая женщина с бородавкой на виске.

— Але-о! Любаша!..— кричал Егор.— Я говорю: я в военкомате! Никак не могу на учет стать! Поздно?.. А здесь допоздна. Да, да.— Егор кивнул Михайлычу.— Да, Любаша!..

Михайлыч приоткрыл дверь комнаты, громко хлопнул и громко пошел мимо Егора... И когда был рядом, громко крикнул:

— Товарищ капитан! Можно вас на минуточку?!

Егор кивнул ему головой, что — «хорошо», и продолжал разговаривать. А Михайлыч в это время беззвучно показушно хохотал.

— Любаша, ну что же я могу сделать?! Придется даже ночевать, наверно. Да, да...

Егор долго слушал и «дакал». И улыбался и смотрел на фальшивого Михайлыча счастливо и гордо. Даже прикрыл трубку ладошкой и сообщил:— Бесполоюсь, говорит. И жду.

— Жди, жди, дол...— подхватил было угодливый Михайлыч, но Егор взглядом остановил его.

— Да, Любушка!.. Говори, говори: мне нравится слушать твой голосок. Я даже волнуюсь!..

— Ну, дает! — прошептал в притворном восхищении Михайлыч.— Волнуюсь, говорит!..— И опять засмеял-

ся. Бессовестно он как-то смеялся: сипел, оскалив фиссатые зубы. Егор посулил хорошо заплатить за праздник, поэтому он старался.

— Ночую-то? А вот тут где-нибудь на диванчике... Да ничего! Ничего, мне не привыкать. Ты за это не беспокойся! Да, дорогуша ты моя!.. Малышкина ты моя милая!..

У Егора это рванулось так искренно, так душевно, что Михайлыч даже перестал изображать смех.

— До свиданья, дорогая моя! До свиданья, целую тебя... Да я понимаю, понимаю. До свиданья.

Егор положил трубку и некоторое время странно смотрел на Михайлыча — смотрел и не видел его. И в эту минуту как будто чья-то ласковая незримая ладонь гладила его по лицу, и лицо Егора потихоньку утрачивало обычную свою жесткость, строптивость.

— Да... — сказал Егор, очнувшись. — Ну что, трактирная душа? Займемся развратом? Как там?

— Все готово.

— Халат нашли?

— Нашли какой-то... Пришлось к одному старому артисту поехать. Нет ни у кого!

— А ну?

Егор надел длинный какой-то халат, стеганный, местами вытертый... Огляделся.

— Больше нигде нету, — оправдывался Михайлыч.

— Хороший халат, — похвалил Егор. — Н-ну... как я велел?

Михайлыч вышел из комнаты...

Егор полулег с сигаретой на диван.

Михайлыч вошел и доложил:

— Народ для разврата собрался!

— Давай, — кивнул Егор.

Михайлыч распахнул дверь... И Егор, в халате, чуть склонив голову, стремительно, как Калигула, пошел развратничать.

«Развратничать» собрались диковинные люди, больше пожилые. Были и женщины, но какие-то на редкость все некрасивые, несчастные. Все сидели за богато убранным столом и с недоумением смотрели на Егора. Егор заметно оторопел, но вида не подал.

— Чего взгрустнули?! — громко сказал Егор.

И прошел во главу стола. Остановился и внимательно оглядел всех.

— Да-а, — не удержался он. — Сегодня мы оторвем от хвоста грудинку. Ну!.. Налили.

— Мил человек, — обратился к нему один пожилой, старик почти, — ты объясни нам: чего это мы празднуем-то! Случай какой... или чего?

Егор некоторое время думал.

— Мы собрались здесь, — негромко, задумчиво, как на похоронах, начал Егор, глядя на бутылки шампанского, — чтобы...

Вдруг он поднял голову и еще раз оглядел всех. И лицо его опять разгладилось от жесткости и напряжения.

— Братья и сестры, — проникновенно сказал он, — у меня только что... от нежности содрогнулась душа. Я понимаю, вам до фени мои красивые слова, но дайте все же я их скажу.

Егор говорил серьезно, крепко, даже торжественно. Он даже несколько прошелся, сколь позволило место, и опять оглядел всех.

— Весна... — продолжал он. — Скоро зацветут цветочки. Березы станут зеленые... — Егор чего-то вовсе заволновался и помолчал. Он все еще слышал родной голос Любы, и это путало и сбивало.

— Троица скоро, чего же, — сказал кто-то за столом.

— Можно идти и идти, — продолжал Егор. — Будет полянка, потом лесок, потом в ложок спустился — там ручеек журчит... Я непонятно говорю? Да потому что я, как курва, говорю и стыжусь своих же слов!

Егор всерьез на себя рассердился. И стал валить направо — зло и громко, как если бы перед ним стояла толпа несогласных.

— Вот вы все меня приняли за дурака — взял триста рублей ни за что выбросил... Но если я сегодня люблю всех подряд! Я весь нежный, как самая последняя... как корова, когда отелится. Пусть бардака не вышло — не надо! Даже лучше. Но поймите, что я не глупый, не дурак. И если кто подумает, что мне можно наступить на мозоль, потому что я нежный, — я, тем не менее, не позволю. Люди!.. Давайте любить друг друга!

Егор почти закричал это. И сильно стукнул себя несколько раз в грудь.

— Ну чего мы шуршим, как пауки в банке? Ведь вы же знаете, как легко помирать?! Я не понимаю вас...— Егор прошелся за столом.— Не понимаю! Отказываюсь понимать! Я себя тоже не понимаю, потому что каждую ночь вижу во сне ларьки и чемоданы. Все!!! Идите воруйте сами... Я сяду на пенек и буду сидеть тридцать лет и три года. Я шучу. Мне жалко вас. И себя тоже жалко. Но если меня кто-нибудь другой пожалеет или сдуру полюбит, я... не знаю, мне будет тяжело и грустно. Мне хорошо, даже сердце болит—но страшно. Мне страшно! Вот штука-то...— неожиданно тихо и доверчиво закончил Егор.

Помолчал, опустив голову, потом добро посмотрел на всех и велел:— Взяли в руки по бутылке шампанского... взяли, взяли! Взяли? Откручивайте, там проволочки такие есть,— стреляйте!

Все задвигались, заговорили... Под шум и одобрение захлопали бутылки.

— Наливайте быстрее, пока градус не вышел! — распорядился Егор.

— А-а, правда,— выходит! Давай стакан!.. Подайка стакан, кум! Скорей!

— Эх, язви тебя!.. Пролил маленько.

— Пролил?

— Пролил. Жалко, добро такое.

— Да, штука веселая. Гли-ка, прямо кипит, кипит! Как набродило. Видно, долго выдерживают.

— Да уж, конечно! Тут уж, конечно, стараются...

— Ух, а шипит-то!..

— Милые мои! — с искренней нежностью и жалостью сказал Егор.— Я рад, что вы задвигались и за-улыбались. Что одобряете шампанское... Я все больше и больше люблю вас!

На Егора стеснялись открыто смотреть — такую он порол чушь и бестолочь. Затихали, пока он говорил, смотрели на свои стаканы и фужеры.

— Выпили! — сказал Егор.

Выпили.

— С ходу — еще раз! Давай!

Опять задвигались и зашумели. Диковинный случился праздник — дармовой.

— Ух ты, все шипит и шипит!

— Но сейчас уже поменьше. Уже сила ушла.

— Но вкус какой-то... Не пойму.

— Да, какой-то неопределенный.

— А?

— На вид — вроде конской мочи, а вкус какой-то... неясный.

— А чего-то оно в горле останавливается... Ни у кого не останавливается?

— Да, распирает как-то.

— Ага!.. И в нос бьет! Пей — хорошо!

— А вот градус-то и распирает.

— Да какой тут к черту градус — квас. Это газ выходит, а не градус.

— Так, оставили шампанское! — велел Егор.— Взяли в руки коньяк.

— А мы куда торопимся-то?

— Я хочу, чтоб мы песню спели.

— Э-э, это мы сумеем!

— Взяли коньяк!

Взяли коньяк. Тут уж — что велют, то и делай.

— Налили по полстакана! Коньяк помногу сразу не пьют. И если сейчас кто-нибудь заявит, что пахнет клопами,— дам бутылкой по голове. Выпили!

Выпили.

— Песню! — велел Егор.

— Мы же не закусили еще...

— Начинается...— обиженно сказал Егор. И сел.— Ну, ешьте, ешьте, все наесться никак не могут. Все бы ели, ели, ели!..

Некоторые — совестливые — отложили вилки, смотрели с недоумением на Егора.

— Да ешьте, ешьте! Чего вы?..

— Ты бы и сам поел тоже, а то захмелеешь.

— Не захмелею. Ешьте.

— Ну, язви тебя-то! — громко возмутился один лысый мужик.— Что же ты, пригласил, а теперь прекращаешь?! Я, например, не могу без закуски, я моментально под стол полезу. Мне же неинтересно так. И никому неинтересно, я думаю.

— Ну и ешьте!

А в это время в деревне мать с отцом допрашивали Любу. Ее, бедную, все допрашивали и допрашивали.

— Ну, а чего же, военкомат на ночь-то не запирается, что ли? — хотела понять старуха.

Знала бы Люба, как тут Егор «становится на учет», одним бы только глазком глянула... Но она не знала. Она терялась в догадках. И верилось ей и не верилось с этим военкоматом. Но ведь она же сама говорила с Егором, сама слышала его голос, и какие он слова говорил... Она и теперь еще, когда ее допрашивали, все говорила с ним мысленно. «Ну, Егор, с тобой не соскучишься,— говорила она.— Что же у тебя на уме, парень?»

— Любк?

— Ну.

— Какой же военкомат? Все на ночь запирается, ты чо!

— Нет, наверно, если он говорит, что ночует там...

— Да он наговорит, только развесь уши.

— Я думаю так,— решил старик.— Ему сказали: явиться завтра к восьми часам. Точь-в-точь — там люди военные. И он подумал, что лучше уж заночевать, чем завтра утром опять переться туда.

— Да он же и говорит! — обрадовалась Люба.— Ночую, говорит, здесь на диване...

— Да все учреждения на ночь запираются! — стояла на своем старуха. — Вы чо? Как это его там одного на ночь оставляют? А он возьмет да печать украдет...

— Ну, мама!..

И старик тоже скорезился на такую глупость.

— На кой она ему черт нужна, печать?

— Да я к слову говорю! Сразу «мама»! Слова не дадут сказать.

Егор налаживал хор из «развратников».

— Мы с тобой будем заводить,— тормозил он лысого мужика.— А вы, как я махну, будете петь «бом-бом». Пошли:

— Вечерний зво-о-он...— Егор махнул, но группа «бом-бом» не поняла.— Ну, чего вы?!— заорал Егор.

— Чего? — не поняли из группы.

— Где «бом-бом»?! Я же сказал: как махну — так «бом-бом».

— Дак ты махнул, а сам поешь...

— Наступай! Я от того и завыл, что вроде слышу, как на колокольне бьют. Тоска меня берет по родине... И я запел потихоньку. А вы свое: «бомм, бомм».

Вы и знать не знаете, как я здесь тоскую,— это не ваше дело.

— Вроде в тюрьме человек сидит — тоскует,— подсказал Михайлыч.— Или в плену где-нибудь.

— В плену какие церкви? — возразили на это.

— Как же? У их же там тоже церкви есть. Не такие, конечно, но все одно — церква, с колоколом. Верно же, Георгий?

— Да пошли вы!.. Только болтать умеете,— вконец рассердился Егор.— Во-от начнут говорить! И говорят, и говорят, и говорят... Чего вы так слова любите? Что за понос такой словесный?!

— Ну, давай. Ты не расстраивайся.

— Да как же не расстраиваться? Говоришь вам, а вы... Ну, пошли: — Вечерний зво-он.

— Вечерний зво-он-он...

— Бо-м, бо-ом, бо-о-ом...— вразной «забили на колокольне», — все спутали и погубили.

Егор махнул рукой и ушел в другую комнату. На пороге остановился и сказал безнадежно:

— Валяйте любую. Не обижайтесь, но я больше не могу с вами. Гуляйте. Можете свой родной «камыш» затянуть.

Группа «бом-бом», да и все, кто тут был, растерянно помолчали... Но вина и всевозможной редкой закуски за столом было много, поэтому — хоть и погоревали — но так, больше для очистки совести:

— Чего он?

— А вы уже тоже — «бом-бом» не могли спеть! — упрекнул всех Михайлыч, хозяин.— Чего там петь-то!

— Да, разной вышел.

— Это Кирилл вои... Куда зачастил?

— Кто зачастил? — оскорбился Кирилл.— Я пел нормально — как вроде в колокол бьют. Я же понимаю, что там не надо частить. Колокол, его еще раскатать надо.

— А кто зачастил?

— Да ладно, чего теперь? Давайте, правда, он же велел гулять.

— Оно, конечно, того... вроде, не заслужили, но, с другой стороны,— а если я не пою? Какого я хрена буду рот разевать, если у меня сроду голоса не было?

Егор, недовольный, полулежал на диване, когда вошел Михайлыч.

— Георгий, ты уж прости,— не вышло у нас... с ко- локолами-то.

Егор помолчал... И капризно спросил:

— А почему они все такие некрасивые?

Михайлыч даже растерялся.

— Да... это... Георгий, красивые-то все — семей- ные, замужем. А я одиноких собрал, ты же сам велел.

Егор некоторое время сидел... И лицо его стало опять светлеть. Похоже, встрепенулась — вспомнилась в душе его какая-то радость.

— Ты можешь такси вызвать?

— Могу.

— До Низовки... Я заплачу, сколько он хочет. Зво- ни! — Егор встал, прошелся... Сбросил халат и надел свой пиджак и поправил галстук.

— А зачем в Низовку-то?

— У меня там друг. — И опять стал взволнованно ходить.

— Чего ты? — спросил Михайлыч.

— Душа у меня... наскипидаренная какая-то, Ми- хайлыч. Заведет когда-нибудь, курва! Как волю по- чуе, так места себе не могу найти. Звони, звони! Сколь- ко ты собрал людей?

— Пятнадцать. С нами — семнадцать. А что?

— Вот тебе две сотни. Всем дать по червонцу, себе остальные. Не обмани! Я заеду узнаю.

— Да что ты, Георгий!..

И вот Георгий летел светлой лунной ночью по доб- рому большаку — в село, к Любе.

«Ну, что это, что это? — пытал себя Егор. — Что это я?» Беспокойство и волнение овладели им. Он уж забыл, когда он так волновался из-за юбки.

— Ну, как там... насчет семейной жизни? — спро- сил он таксиста. — Что пишут новенького?

— Где пишут? — не понял тот.

— Да вообще — в книгах...

— В книгах-то понапишут, — недовольно сказал так- сист. — В книгах все хорошо.

— А в жизни?

— А в жизни... Что, сам не знаешь, как в жизни?

— Плохо, да?

— Кому как.

— Ну, тебе, например?..

Таксист пожал плечами — очень похоже, как тот па- рень делал, который продал Егору магнитофон.

— Да что вы все какие-то!.. Ну, братцы, не пони- маю вас. Чего вы такие кислые-то все? — изумился Егор.

— А чего мне тут, — хихикать с тобой? Ублажать, что ли, тебя?

— Да где уж облажать! Ублажать — это ты свою бабу облажай. И то ведь — суметь еще надо. А то по- лезешь к ней, а она скажет: «Отойди, от тебя козлом пахнет».

Таксист засмеялся.

— Что, тебе говорили так?

— Нет, я сам не люблю, когда козлом пахнет. Да- вай-ка маленько опустим стекло.

Таксист глянул на Егора, но смолчал.

А Егор опять вернулся к своим мыслям, которые он никак не мог собрать воедино, все как-то в голове спуталось из-за этой Любы.

И подъехали к большому темному дому. Егор от- пустил машину... И вдруг оробел. Стоял с бутылками коньяка у ворот и не знал, что делать. Обошел дом, зашел в другие ворота, в ограду Петра, поднялся на крыльцо, постучал ногой в дверь. Долго было тихо, потом скрипнула избяная дверь, легко, босиком, про- шли по сеням, и голос Петра спросил:

— Кто там?

— Я, Петро. Георгий. Жоржик...

Дверь открылась.

— Ты чего? — удивился Петро. — Выгнали, что ли?

— Да нет... Не хочу будить. Ты когда-нибудь Ре- ми-Мартин пил?

Петро долго молчал, всматривался в лицо Егора.

— Чего?

— Реми-Мартин. Двадцать рублей бутылка. Пой- дем врежем в бане?

— Почто в бане-то?

— Чтоб не мешать никому.

— Да пойдем на кухне сядем...

— Не надо! Не буди никого.

— Ну дай я хоть обуюсь. Да закусить вынесу чего- нибудь.

— Не надо! У меня полные карманы шоколада, я весь уж провонял им, как студентка.

...В бане, в тесном черном мире, лежало на полу — от окошечка — пятно света... И зажгли еще фонарь. Сели к окошечку.

— Чего домой-то не пошел? — не понимал Петро.

— Не знаю. Видишь, Петро... — заговорил было Егор, но и замолк. Открыл бутылку, поставил на подоконник. Петро достал из кармана старых галифе два стакана. — Видишь — коньяк. Двадцать рублей, гад! Это ж надо!

Помолчали.

— Не знаю я, что говорить, Петро. Сам не все понимаю.

— Ну, не говори. Наливай своего дорогого... Я в войну пил тоже какой-то. В Германии. Клопами пахнет.

— Да не пахнет он клопами! — воскликнул Егор. — Это клопы коньяком пахнут. Откуда взяли, что он клопами-то пахнет?

— Дорогой, может, и не пахнет. А такой... нормальный... пахнет.

Ночь истекала. А луна все сияла. Вся деревня была залита бледным, зеленовато-мертвым светом. И тихо-тихо. Ни собака нигде не залает, ни ворота не скрипят. Такая тишина в деревне бывает перед рассветом. Или в степи еще — тоже перед рассветом, когда в низинках незримо скапливается туман и сырость. Зябко и тихо.

И вдруг в тишине этой из бани донеслось:

Сижу за решеткой.

В темнице сырой... —

завел первый Егор. Петро поддержал. И так неожиданно красиво у них вышло, так — до слез — складно и грустно:

Вскормленный в неволе орел
молодо-ой;

Мой грустный товарищ махая
крыло-ом,

Кровавую пищу клюет под окном...

Рано утром Егор провожал Любу на ферму. Так, увязался с ней и пошел. Был он опять в нарядном костюме, в шляпе и при галстукке. Но какой-то задумчивый. Любе очень нравилось, что он пошел с ней — у нее было светлое настроение. И утро было хорошее — с прохладцей, ясное. Весна все-таки, как ни крутись.

— Чего загрустил, Егорша? — спросила Люба.

— Так... — неопределенно сказал Егор.

— В баню за чем-то поперлись... — Люба засмеялась. — И не боятся ведь! Меня сроду туда ночью не загонишь.

Удивился Егор: — Чего?

— Да там же черти! В бане-то... Они там только и водятся.

Егор с изумлением и ласково посмотрел на Любу... И погладил ее по спине. У него это нечаянно вышло, сам не думал.

— Правильно: никогда не ходи ночью в баню. А то эти черти... Я их знаю.

— Когда ты ночью на машине подъехал, я слышала. Я думала — это мой Коленька преподобный приехал...

— Какой Коленька?

— Да муж-то мой.

— А-а. А он что, приезжает иногда?

— Приезжает, как же.

— Ну? А ты что?

— Ухожу в горницу да запираюсь там. И сижу. Он трезвый-то ни разу и не приезжал, а я его пьяного прямо видеть не могу: он какой-то дурак вовсе делается. Противно, меня трясти начинает.

Егор встрепенулся, услышав живые, гневные слова. Не выносил он в людях унылость, вялость ползучую. Оттого, может, и завела его житейская дорога так далеко вбок, что всегда, и смолodu, тянулся к людям, очерченным резко, хоть иногда кривой линией, но — резко, определенно.

— Да, да, да, — притворно посочувствовал Егор, — прямо беда с этими алкашами!

— Беда! — подхватила простодушная Люба. — Да беда-то какая! — горькая: слезы да ругань.

— Прямо трагедия. О, ё!.. — удивился Егор. — Коров-то сколько!

— Ферма... Вот тут я и работаю.

Егор чего-то вдруг остолбенел при виде коров.

— Вот они... коровы-то, — повторял он. — Они, вишь, тебя увидели, да? Заволновались. Ишь, смо-отриют... — Егор помолчал... И вдруг, не желая этого, проговорился: — Я из всего детства... мать помню да корову. Манькой звали корову. Мы ее весной, в апреле, выпустили из ограды, чтобы она сама пособираала на улице... Знаешь: зимой возют, а весной из-под снега вытаивает, на дорогах, на плетнях остается... Вот. А ей кто-то брюхо вилами проколол. Зашла к кому-нибудь в ограду, у некоторых сено было еще... Прокололи. Кишки домой приволокла.

Люба смотрела на Егора, пораженная этим незамысловатым рассказом.

А Егор — видно было — жалел, что он у него вырвался, этот рассказ, был недоволен.

— Чего смотришь?

— Егорша...

— Брось, — сказал Егор. — Это же слова. Слова ничего не стоят.

— Ты что, выдумал, что ли?

— Да почему!.. Но ты меньше слушай людей. То есть слушай, но слова пропускай. А то ты доверчивая, как...

Егор посмотрел на Любу и опять, ласково и бережно и чуть стесняясь, погладил ее по спине.

— Неужели тебя никогда не обманывали?

— Нет... Кому?

— Мгм. — Егор засмотрелся в ясные глаза женщины. Усмехнулся. Непонятно сказал: — Кошмар. — Все время хотелось трогать ее. И смотреть.

— Глянь-ка, директор совхоза идет, — увидела Люба. — У нас был... — Она оживилась и заулыбалась, сама не зная чего.

К ним шел гладкий, крепкий, довольно молодой еще мужчина, наверно, таких же лет, как Егор. Шел он твердой хозяйской походкой, с любопытством смотрел на Любу и ее — непонятно кого — мужа, знакомого?

— Чего ты так уж разулыбалась-то? — неприятно поразился Егор.

— Он хороший у нас... Хозяйственный. Мы его уважаем. Здравствуйте, Дмитрий Владимирович! Что, у нас были?

— Был у вас. Здравствуйте! — Директор крепко тряхнул руку Егора. — Что, не пополнение ли к нам?

— Дмитрий Владимирович, он — шофер, — не без гордости сказала Люба.

— Да ну? Хорошо. Прямо сейчас могу за руль посадить. Права есть?

— У него еще паспорта нету... — Гордость Любина скисла.

— А-а. А то поехали? Со мной. Моего зачем-то в военкомат вызывают... Боюсь, надолго.

— Егор!.. — заволновалась Люба. — А? Район наш поглядишь. Поглянется!

И это живое волнение, и слова эти нелепые — про район — подтолкнули Егора на то, над чем он, пять минут назад, негромко бы, искренно посмеялся.

— Поехали, — сказал он.

И они пошли с директором.

— Егор! — крикнула вслед Люба. — Пообедаешь в чайной где-нибудь! Где будете... Дмитрий Владимирович, вы ему подскажите, а то он не знает еще!

Дмитрий Владимирович посмеялся.

Егор оглянулся на Любу... Некоторое время смотрел. Потом отвернулся и пошел с директором. Тот пождал его.

— Сам из каких мест? — спросил директор.

— Я-то? Я здешний. Из вашего района, деревня Листвянка.

— Листвянка? У нас нет такой.

— Как нет? Есть.

— Да нету! Я-то знаю свой район.

— Странно. Куда же она девалась?

Егору не понравился директор: довольный, гладкий... Но особенно не по нутру, что довольный. Егор не переваривал довольных людей.

— Была деревня Листвянка, я хорошо помню.

Директор внимательно посмотрел на Егора.

— М-да, — сказал он. — Наверно, сгорела.

— Наверно, сгорела. Жалко — хорошая была деревня.

— Ну, так поедешь со мной?

— Поеду. Мы же и идем — ехать. Правильно я вас понял? —...И поехали они по просторам совхоза-гиганта, совхоза-миллионера.

— Чего так со мной заговорил-то? — спросил директор.

— Как?

— Ну... как — Ванькой сразу прикинулся. Зачем?

— Да не люблю, когда с биографии сразу начинают. Биография — это слова, ее всегда можно выдумать.

— Ну-у, как же так? Как это можно биографию выдумать?

— Как? Так... Документов у меня никаких нету, кроме одной справки, никто меня тут не знает — чего хочу, то и наговорю. Если хотите знать — я сын прокурора.

Директор посмеялся. И ему тоже Егор не понравился — какой-то бессмысленно строптивый.

— А что? Вон я какой — в шляпе, при галстук... — Егор посмотрел в зеркальце. — Чем не прокурорский сын?

— Я же не спрашиваю с тебя никаких документов. Без прав даже едем. Напоремся вот на участкового — что делать?

— Вы — хозяин.

Подъехали к пасеке... Директор легко выпрыгнул из машины.

— У меня тут дельце одно... А то, хошь, пойдём со мной — старик медом угостит.

— Нет, спасибо.

Егор тоже вышел на волю.

— Я вот тут... пейзажем полюбуюсь.

— Ну, смотри. — И директор ушел.

А Егор стал любоваться пейзажем. Посмотрел во круг... Подошел к березке, потрогал ее.

— Что?... Начинаешь слегка зеленеть? Скоро уж, скоро... Оденешься. Надоело голой-то стоять? Ишь ты какая... Скоро нарядная будешь.

Из избушки вышел дед-пасечник.

— А что не зайдешь-то?! — крикнул Егору с крыльца. — Иди чайку стакан выпей!

— Спасибо, батя! Не хочу.

— Ну, гляди. — И дед ушел.

Вскоре вышел и директор. Дед провожал его.

— Заезжайте почаще, — приветливо говорил дед. — Чай, по дороге. То и дело шмыгаете тут.

— Спасибо, отец, спасибо. Поехали.

Поехали.

— Вот... — сказал директор, устраивая какой-то сверточек между сиденьями. — Есть вещество такое — прополис, пчелиный клей, иначе.

— Язву желудка лечить?

— Да. Что, болел? — повернулся директор.

— Нет, слышал просто.

— Да. Вот один человек заболел, надо помочь: хороший человек.

— Говорят, здорово помогает.

— Да, говорят, помогает.

Впереди показалась деревня.

— Меня ссадишь у клуба, — сказал директор, — а сам съездишь в Сосновку — здесь, семь километров: привезешь бригадира Савельева. Если нет дома, найди — спроси, где он.

Егор кивнул.

Ссадил у клуба директора и уехал.

К клубу сходились мужики, женщины, парни, девушки... И люди пожилые тоже подходили. Готовилось какое-то собрание. Директора пока окружили, и он что-то говорил, и был очень уверен и доволен.

Молодые люди отбились в сторонку, и там тоже шел оживленный разговор. Часто смеялись.

Старики курили у штакетника.

На фасаде клуба висели большие плакаты... Все походило на праздник, к которому люди привыкли.

Клуб был новый, недавно выстроенный: возле фундамента еще лежала груда кирпичей и стоял на земле старый кузов самосвала с застывшим цементом.

Егор привез бригадира Савельева... И пошел искать директора. Ему сказали, что директор уже в клубе, на сцене, за столом президиума.

Егор прошел через зал клуба, где рассаживались рабочие совхоза... Поднялся на сцену и подошел сзади к директору.

Директор разговаривал с каким-то широкоплечим человеком, тряс бумажкой.. Егор тронул его за рукав.

— Владимирыч...

— А? А-а. Привез? Хорошо. Жди.

— Нет... — Егор позвал директора в сторонку, и когда они отошли, где их не могли слышать, сказал: — Вы сами умеете на машине?

— Умею. А что такое?

— Я больше не могу... Доехайте сами — не могу больше. И ничего мне с собой не поделайте, я знаю.

— Да что такое? Заболел, что ли?

— Не могу возить... Я согласен: я дурак, несознательный, отсталый... Зек несчастный, но не могу. У меня такое ощущение, что я, вроде, все время вам улыбаюсь, мне плохо! Я лучше буду на самосвале. На тракторе! Ладно? Не обижайся. Ты мужик хороший, но... Вот мне уже сейчас плохо — я пойду.

И Егор быстро пошел вон со сцены. И пока шел через зал, терзался, что наговорил директору много слов. Тараторил, как... Извинялся, что ли? А что извиняться-то? Не могу — не могу, все. Нет, пошел объяснять, пошел выкладываться, несознательность свою плятить... Тьфу!

Горько было Егору.

Так помаленьку и угодником станешь. Пойдешь в глаза заглядывать... Тьфу! Нет, очень это горько.

Директор же, пока Егор шел через зал, смотрел вслед ему, он не все понял, то есть он ничего не понял.

Егор шел обратно перелеском.

Вышел на полянку, прошел полянку, потом опять начался лесок — погуще, покрепче.

Потом он спустился в ложок — там ручеек журчит. Егор остановился над ним.

— Ну надо же! — сказал он.

Постоял-постоял, перепрыгнул ручеек, взошел на пригорок... А там открылась глазам березовая рощица, целая большая семья выбежала навстречу и остановилась.

— Ух, ты!.. — сказал Егор.

И вошел в рощицу.

Походил среди березок... Снял с себя галстук, надел одной, особенно красивой, особенно белой, стройной, на грудь. Потом увидел рядом высокий пенек, надел на него свою шляпу... Отошел и полюбовался со стороны на этих красавцев. И засмеялся.

— Ка-кие фраера! — сказал он. И пошел дальше. И долго еще оглядывался на этих нарядных красоток. И улыбался. На душе сделалось легче.

Дома Егор ходил из угла в угол, что-то обдумывая. Курил... Время от времени принимался вдруг напевать: «Зачем вы, девушки, красивых любите?» Бросал петь, останавливался, некоторое время смотрел в окно или в стенку... И снова ходил. Им опять овладело какое-то нетерпение. Как будто он на что-то такое решался и никак не мог решиться. И опять решался. И опять не мог... Он нервничал.

— Не переживай, Егор, — сказал дед, который тоже похаживал по комнате — к двери и обратно, сучил из суровых ниток лесу на перемет, которая концом была привязана к дверной скобке, и дед обшаркивал ее старой рукавицей. — Трактористом не хуже. Даже ишо лучше. Они вон по скольк сейчас выгоняют!

— Да я не переживаю.

— Сплету вот переметы... Вода маленько посветлеет, пойдем с тобой переметы ставить — милое дело. Люблю.

— Да... Я тоже. Прямо обожаю переметы ставить.

— И я. Другие есть — больше предпочитают сечь. Но сечь — это... Поймать могут, раз; второе: ты с ней намучаешься, с окаянной, пока ее разберешь да выкидаешь — время-то сколько надо!

— Да... Попробуй покидай ее. «Зачем вы, девушки...» А Люба скоро придет?

Дед глянул на часы.

— Скоро должна придти. Сейчас уже сдают молоко. Сдадут — и придет. Ты ее, Егор, не обижай: она у нас — последыш, а последышка жальчее всех. Вот пойдут детишки у самого — спомнишь мои слова. Она хорошая девка, добрая, только все как-то не везет ей... Этого пьянчужку нанесло — насилу отбрыкались.

— Да, да... С этими алкашами беда прямо! Я вот тоже... это... смотрю — прямо всех пересажал бы чертей. В тюрьму! По пять лет каждому. А?

— Ну, в тюрьму зачем? Но на годок куда-нибудь, — оживился дед, — под строгий изолятор, я бы их столкал! Всех, в кучу!

— А Петро скоро приедет?

— Петро-то? Сейчас тоже должен приехать. Пушай посидят и подумают.

— Сидеть — это каждый согласится. Нет, пусть поработают! — подбросил Егор жару.

— Да, правильно: лес вон валить!

— В шахты! В лес — это... на чистом-то воздухе, дурак согласится работать. Нет, в шахты! В рудники! В скважины!..

Тут вошла Люба.

— Вот те раз! — удивилась она. — Я думала, они где-нибудь ночью приедут, а он уж дома.

— Он не стал возить директора, — сказал дед. — Ты его не ругай — он объяснил, почему: его тошнит на легковушке.

— Пойдем-ка на пару слов, Люба, — позвал Егор. И увел ее в горницу. На что-то он, похоже, решился.

В это время въехал в ограду Петро на своем самосвале.

Егор пошел к нему... Он так и не успел сказать Любе, что его растревожило.

Люба видела, как они о чем-то довольно долго говорили с Петром, потом Егор махнул ей рукой, и она скоро пошла к нему. А Егор полез в кабину самосвала, за руль.

— Далеко ли? — спросил дед, который тоже видел из окна, что Егор и Люба собрались куда-то ехать.

— Да я сама толком не знаю... Егору куда-то надо, — успела сказать Люба на ходу.

— Любка!.. — хотел что-то еще сказать дед, но Люба хлопнула уже дверь.

— Чего он такое затеял, этот Жоржик! — сказал вслух дед. — Это же что за жизнь такая чертова пошла — вот и опасайся ходи, вот и узнавай бегай...

И он скоренько тоже пошел на половину сына — спросить, куда это Егор повез дочь, вообще куда они поехали?

— ...Есть деревня Сосновка, — объяснял Егор Любе в кабине, когда уже ехали, — девятнадцать километров отсюда...

— Знаю Сосновку.

— Там живет старушка, по кличке Куделиха. Она живет с дочерью, но дочь лежит в больнице...

— Где это ты узнал-то все?

— Ну, узнал... я был сегодня в Сосновке. Дело не в этом. Меня один товарищ просил разузнать про эту старуху, про ее детей — где они, живы ли?

— А зачем ему? Товарищу-то?

— Ну... Она родня ему какая-то, тетка, что ли. Но мы сделаем так: подведем, ты зайдешь... Нет, зайдём вместе, но расспрашивать будешь ты.

— Почему?

— Ты дай объяснить-то, потом уж спрашивай! — повысил голос Егор.

Нет, он, конечно, нервничал.

— Ну, ну! Ты только на меня не кричи, Егор, ладно? Больше не спрашиваю. Ну?

— Потому что, если она увидит, что расспрашивает мужик, то она догадается, что, значит, он сидел с ее сы... это, с племянником. Ну, и сама кинется расспрашивать. А товарищ мне наказал, чтоб я не говорил, что он в тюрьме... Фу-у! Дошел. Язык сломать можно. Поняла хоть?

— Поняла. А под каким предлогом я ее расспрашивать возьмусь?

— Надо что-то выдумать. Например: ты из сельсовета... Нет, не из сельсовета, а из рай... этого, как его, пенсии-то намеряют?

— Райсобес?

— Райсобес, да, из райсобеса, мол, проверяю условия жизни престарелых людей. Расспроси, где дети, пишут ли?.. Поняла?

— Поняла. Все сделаю, как надо.

— Не говори «гоп»...

— Вот увидишь.

Дальше Егор замолчал. Был он непривычно строг и сосредоточен. Уловил чутьем удивление Любы... Через силу улыбнулся и сказал:

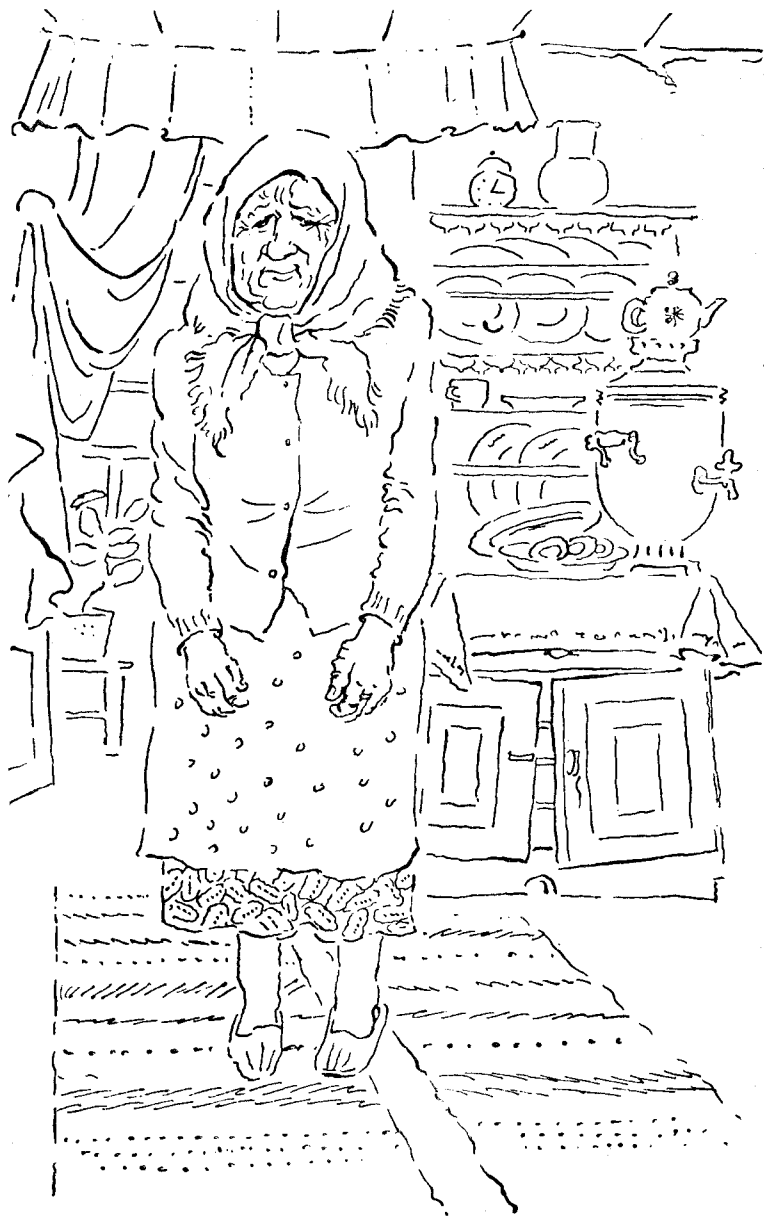
— Не обижайся, Люба, я помолчу. Ладно?

Люба тронула ладонью его руку... Сказала:

— Молчи, молчи. Делай, как знаешь, не спрашивай. — Такого Егора она сильней любила и ничуть не обижалась.

— А что закричал... прости, — еще сказал Егор. — Я сам не люблю, когда кричат.

Егор добро разогнал самосвал. Дорога шла обочинной леса, под колеса попадали оголенные корни, кочки, самосвал прыгал. Люба, когда ее подкидывало, хваталась за ручку дверцы и смотрела на Егора. Егор смотрел вперед — рот плотно сжат, глаза чуть прищурены — весь во власти одного желания. И Люба поняла, наконец, то, что очень хотела понять в эти дни и о

чем догадывалась: он очень сильный мужик, Егор. И потому ее так неудержимо повлекло к нему. Он сильный и надежный человек.

...Просторная изба... Русская печь, лавки, сосновый пол, мытый, скобленный и снова мытый... Простой стол с крашеными столешницами. В красном углу — Николай угодник.

Старушка Куделиха долго подслеповато присматривалась к Любе, к Егору... Егор был в темных очках.

— Чего же, сынок, глаза-то прикрыл? — спросила она. — Рази через их видать?

Егор на это неопределенно пожал плечами. Ничего не сказал.

— Вот мне велели, бабушка, все разузнать, — сказала Люба.

Куделиха села на лавочку, сложила сухие коричневые руки на переднике.

— Дак а чего узнавать-то? Мне плотют двадцать рублей...

Она снизу просто посмотрела на Любу. — Чего же еще?

— А дети где ваши? У вас сколько было?

— Шестеро, милая, шестеро. Одна вот теперь со мной живет, Нюра, а трое в городах... Коля в Новосибирском на паровозе работает, Миша тоже там же, он дома строит, а Вера на Дальнем Востоке, замуж там вышла, военный муж-то. Фотокарточку недавно прислали — всей семьей, внучатки уж большеенькие, двое: мальчик и девочка.

Старуха замолчала, отерла рот краешком передника, покивала маленькой птичьей головой, вздохнула. И она тоже умела уходить в мыслях далеко куда-то — и ушла, перестала замечать гостей. Потом очнулась, посмотрела на Любу и сказала — так, чтоб не молчать, а то неловко молчать, о ней же и заботятся:

— Вот... Живут. — И опять замолчала.

Егор сидел на стуле у порога. Он как-то окаменел на этом стуле, ни разу не шевельнулся, пока старуха говорила, смотрел на нее.

— А еще двое?.. — спросила Люба.

— А вот их-то... я и не знаю: живые они, сердешные душеньки, или нету их давно.

Старушка опять закивала сухой головой, хотела, видно, скрепиться и не заплакать, но слезы закапали

ей на руки, и она скоро вытерла глаза фартуком.

— Не знаю. В голод разошлись по миру... Теперь не знаю. Два сына ишо, два братца... Про этих не знаю.

Зависла в избе тяжелая тишина... Люба не знала, что еще спрашивать — ей было жалко бабушку. Она глянула на Егора... Тот сидел изваянием и все смотрел на Куделиху. И лицо его под очками тоже как-то вполне окаменело. Любе и вовсе не по себе стало.

— Ладно, бабушка...

Она вдруг забылась, что она из «райсобеса», пошла к старушке, села рядом, умело как-то — естественно, просто — обняла ее и приголубила.

— Погоди-ка, милая, погоди — не плачь, не надо: глядишь, еще найдутся. Надо же и поискать!

Старушка послушно вытерла слезы, еще покивала головой.

— Может, найдутся... Спасибо тебе. Сама-то не из крестьян? Простецкая-то.

— Из крестьян, откуда же. Поискать надо сынов-то...

Егор встал и вышел из избы.

Медленно прошел по сеним... Остановился около уличной двери, погладил косяк, гладкий, холодный. И прислонился лбом к этому косяку и замер. Долго стоял так, сжимая рукой косяк так, что рука побелела. Господи, хоть бы еще уметь плакать в этой жизни — все немного легче было бы. Но ни слезинки же ни разу не выкатилось из его глаз, только каменели скулы и пальцы до отека сжимали что-нибудь, что оказывалось под рукой. И ничего больше, что помогло бы в тяжкую минуту: ни табак, ни водка — ничто, все противно. Откровенно болела душа, мучительно ныла, точно жгли ее там медленным огнем. И еще только твердил в уме, как молитву: «Ну, будет уж! Будет!»

Егор слышал в избе шаги Любы, откочнул от косяка, спустился с низкого крылечка... И скорым шагом пошел по ограде, оглядываясь на избу. Был он опять сосредоточен, задумчив. Походил вокруг машины, попинал баллоны... Снял очки, стал смотреть на избу.

Вышла Люба.

— Господи, до чего же жалко ее стало, — сказала она. — Прямо сердце заломило.

— Поехали, — велел Егор.

Развернулись... Егор последний раз глянул на избу и даванул на железку.

Молчали. Люба думала о старухе, тоже взгрустнула.

Выехали за деревню...

Егор остановил машину, лег головой на руль и крепко зажмурил глаза.

— Чего, Егор? — испугалась Люба.

— Погоди... постоим, — осевшим голосом сказал Егор. — Тоже, знаешь... сердце заломило. Мать это, Люба. Моя мать.

Люба тихо ахнула.

— Да что же ты, Егор? Как же ты?..

— Не время, — зло почти сказал Егор. — Дай время... Скоро уж. Скоро.

— Да какое время, ты что?! Развернемся!

— Рано! — крикнул Егор. — Дай, хоть волосы отрастут... Хоть... на человека похожим стану.

Егор включил скорость, и поехали опять.

— Я ей перевел деньги, — еще сказал он, — но боюсь, как бы она с ними в сельсовет не поперлась — от кого, спросит? Еще не возьмет. Прошу тебя, доехай завтра до ней опять и... скажи что-нибудь. Придумай что-нибудь. Мне пока... Не могу пока — сердце лопнет. Не могу. Можешь понять?

— Останови-ка, — велела Люба.

— Зачем?

— Останови.

Егор остановил.

Люба обняла его, как обняла давеча старуху, — ласково, умело, — прижала к груди его голову.

— Господи!.. Да почему вы такие есть-то? Чего вы такие дорогие-то?.. — Она заплакала. — Что мне с вами делать-то?

Егор освободился из ее объятий, крикнул несколько раз, чтобы прошел комок из горла, включил скорость и с остервенением веселым сказал:

— Ничего, Любаша!.. Все будет в порядке! Голову свою покладу, но вы у меня будете жить хорошо. Я не говорю зря.

Дома их в ограде встретил Петро.

— Волнуется, видно. За машину-то, — догадалась Люба.

— Да ну, что я? Я же сказал...

Когда Люба с Егором вылезли из кабины, Петро подошел к ним.

— Там этот пришел... твой,— сказал он по своей привычке как бы нехотя, через усилие.

— Колька?! — неприятно удивилась Люба.— Вот гад-то, что ему надо-то? Замучил, замучил, слюнтяй!..

— Ну, я пойду познакомлюсь,— сказал Егор.

И глянул на Петра. Петро чуть заметно кивнул головой.

— Егор!..—всполошилась Люба.— Он же пьяный, небось,— драться кинется. Не ходи, Егор.— И Люба сделала было движение за Егором, но Петро придержал ее.

— Не бойся,— сказал он.— Только, Егор!..

Егор обернулся.

— Там еще трое дожидаются — за плетнем. Знай.

Егор кивнул и пошел в дом.

Люба теперь уже силой хотела вырваться, но брат держал крепко.

— Да они же избьют его! — чуть не плакала Люба.— Ты что? Ну, Петро!..

— Кого избьют? — спокойно басил Петро.— Жоржика? Его избить трудно. Пускай поговорят... И больше твой Коля не будет ходить сюда. Пусть поймет раз и навсегда.

— А-а,— сказал Коля, растянув в насильственной улыбке рот.— Новый хозяин пришел.

Он встал с лавки.

— А я — старый.

Он пошел на Егора.

— Надо бы потолковать?..

Он остановился перед Егором.

— Мм?

Коля был не столько пьян, сколько с перепоя. Высокий парень, довольно приятный, с голубыми умными глазами.

Старики со страхом смотрели на «хозяев» — старого и нового.

Егор решил не тянуть. Сразу лапнул Колю за шкирку и поволок из избы.

...Вывел с трудом на крыльцо и подтолкнул вниз.

Коля упал. Он не ждал, что они так сразу и начнут.

— Если ты, падали кусок, будешь еще... Ты был здесь последний раз,— сказал Егор сверху. И стал спускаться.

Коля вскочил с земли... И засуетился.

— Пойдем отсюда! Иди за мной... Идем, идем. Ну, собака!.. Иди, иди-и!..

Они шли из ограды. Причем Егор шел впереди, а Коля сзади, и Коля очень суетился, разок даже подтолкнул Егора в спину. Егор оглянулся и качнул укоризненно головой.

— Иди, иди-и,— с дрожью в голосе повторял Коля.

Поднялись навстречу те трое, о которых говорил Петро.

— Только не здесь,— решительно сказал Егор.— Пошли дальше.

Пошли дальше. Егор как-то опять очутился впереди всех.

— Слушайте,— остановился он.— Идите рядом, а то как на расстрел ведут. Люди же смотрят.

— Иди, иди-и,— опять сказал Коля. Он едва сдерживал себя.

Еще прошли немного.

Под высоким плетнем, где их меньше было видно с улицы, Коля не выдержал и прыгнул сзади на Егора. Егор качнулся вбок и подставил Коле ногу. Коля опять позорно упал... Но и еще один кинулся, этого Егор ударил — наотмашь — кулаком в живот. И этот сел. Двое стоявших оторопели от такого оборота дела. Зато Коля вскочил и побежал к плетню выламывать кол.

— Ну, собака!..— задыхался Коля от злости. Выломил кол и страшно ринулся на Егора.

Сколько уж раз на деле убеждался Егор, что все же человек никогда до конца не забывается — всегда, даже в страшно короткое время, успеет подумать: что будет? И если убивают, то — хотели убить. Нечаянно убивают редко.

Егор стоял, сунув руки в карманы брюк, смотрел на Колю... Коля наткнулся на его спокойный — как-то поособому спокойный, зловеще-спокойный — взгляд.

— Не успеешь махнуть,— сказал Егор. Помолчал и добавил участливо: — Коля.

— А чего ты тут угрожаешь-то?! Чего ты угрожаешь-то?! — попытался еще надавить Коля.— С ножом, что ли? Ну, вынимай свой нож, вынимай!

— Пить надо меньше, дурачок,— опять участливо

сказал Егор.— Кол-то выломил, а у самого руки трясутся. Больше в этот дом не ходи.

Егор повернулся и пошел обратно. Слышал, как сзади кто-то было двинулся за ним, наверно, Коля, но его остановили:

— Да брось ты его! Дерьма-то еще. Фраер городской! Мы его где-нибудь в другом месте прищучим.

Егор не остановился. Не оглянулся.

...Первую борозду в своей жизни проложил Егор... Остановил трактор, прыгнул на землю, прошелся по широкой борозде, сам себе удивляясь,— что это его работа. Пнул сапогом ком земли, хмыкнул.

— Ну и ну... Жоржик. Это ж надо! Ты же так ударником будешь!

Он оглянулся по степи, вдохнул полной грудью весенний земляной дух и на минуту прикрыл глаза. И постоял так.

Парнишкой он любил слушать, как гудят телеграфные столбы. Прижмется ухом к столбу, закроет глаза и слушает... Волнующее чувство, Егор всегда это чувство помнил: как будто это нездешний какой-то гул, не на земле гудит, а черт знает где. Если покрепче зажмуриться и целиком вникнуть в этот мощный утробный звук, то он перейдет в тебя — где-то загудит внутри, в голове, что ли, или в груди, не поймешь. Жутко бывало, но интересно. Странно, ведь вот была же длинная, вон какая разная жизнь, а хорошо помнилось только вот это немногое: как гудели столбы, корова Манька, да как с матерью носили на себе березки, мать большую, малолетний Егор поменьше — зимой, чтобы истопить печь. Эти-то дорогие воспоминания и жили в нем, и когда бывало вовсе тяжело, он вспоминал далекую свою деревеньку, березовый лес на берегу реки, саму реку... Легче не становилось, только глубоко жаль было всего этого, и грустно, и по-иному щемило сердце — и дорого и больно. И теперь, когда от пашни веяло таким покоем, когда голову грело солнышко и можно остановить постоянный свой бег по земле, Егор не понимал, как это будет — что он остановится, обретет покой. Разве это можно? Жило в душе предчувствие, что это будет, наверно, короткая пора.

Егор еще раз оглядел степь... Вот, и этого будет жаль.

«Да что же я за урод такой! — невольно подумал он.— Что я жить-то не умею? К чертям собачьим! — надо жить. Хорошо же? — хорошо, ну и радуйся».

Егор глубоко вздохнул...

— Сто сорок лет можно жить... с таким воздухом,— сказал он. И теперь только увидел на краю поля березовый колок и пошел к нему.

— Ох, вы мои хорошие!.. И стоят себе: прижухлись с краешку и стоят. Ну, что — дождались? Зазеленели...— Он ласково потрогал березку.— Ох, ох,— нарядились-то! Ах, невестушки вы мои, нарядились! И молчат стоят. Хоть бы крикнули — позвали, нет, нарядились и стоят. Ну, уж вижу теперь, вижу — красивые. Ну, ладно, мне пахать надо. Я тут рядом буду, буду заходить теперь.— Егор отошел немного от березок, оглянулся и засмеялся.— Ка-кие стоят! — И пошел к трактору.

Шел и еще говорил по своей привычке:

— А то прстоишь с вами и ударником труда не станешь. Вот так вот... Вам-то что, вам все равно, а мне надо в ударники выходить. Вот так.

И запел Егор:

Калина красная,
Калина вызрела,
Я у залеточки-и
Характер вызнала-а.
Характер вызнала-а,
Характер, ой, како-ой...

Так с песней и залез в кабину и двинул всю железную громадину вперед. И продолжал — видно было — петь, но уже песни не было слышно из-за этого грохота и лязга.

Вечером ужинали все вместе: старики, Люба и Егор. В репродукторе пели хорошие песни, слушали эти песни.

Вдруг дверь отворилась — и появился неожиданный гость: высокий молодой парень, тот самый, который заполошничал тогда вечером при облаве.

Егор даже слегка растерялся.

— О-о! — сказал он.— Вот так гости! Садись, Вася!

— Шура! — поправил гость, улыбнувшись.

— Да, Шура! Все забываю. Все пугаю с тем Васей, помнишь? Вася-то был, большой такой, старшиной-то работал...

Так тараторил Егор, а сам, похоже, приходил пока в себя — гость был, и вправду, неожиданный.

— Мы с Шурой служили вместе, — пояснил он. — У генерала Щелокова. Садись, Шура, ужинать с нами?

— Садитесь, садитесь, — пригласила и старуха.

А старик даже и подвинулся на лавке — место дал.

— Давайте.

— Да нет, меня там такси ждет. Мне надо сказать тебе, Георгий, кое-что. Да передать тут...

— Да ты садись, поужинай! — упорствовал Егор. — Подождет таксист.

— Да нет... — Шура глянул на часы. — Мне еще на поезд успеть...

Егор полез из-за стола. И все тараторил, не давая времени Шуре как-нибудь нежелательно вылететь с языком. Сам Егор, бунтовавший против слов пустых и ничтожных, сам умел иногда так много трещать и тараторить, что вконец запутывал других — не понимали, что он хочет сказать. Бывало это и от растерянности.

— Ну, как, знакомых встречаешь кого-нибудь? Эх, золотые были денечки!.. Мне эта служба до сих пор во сне снится. Ну, пойдём — чего там тебе передать надо, в машине, что ли, лежит? Пойдем, примем пакет от генерала... Расписаться ж надо? Ты сюда рейсовым? Или на перекладных? Пойдем...

Они вышли.

Старик помолчал... И в его крестьянскую голову пришла только такая мысль:

— Это ж сколько они на такси-то прокатывают — от города и обратно? Сколько с километра берут?

— Не знаю, — рассеянно сказала Люба. — Десять копеек.

Она в этом госте почуяла что-то худое.

— Десять копеек. Десять копеек — на тридцать шесть верст... Сколько это?

— Ну, тридцать шесть копеек и будет, — сказала старуха.

— Здорово живешь! — воскликнул старик. — Десять верст — это уже рупь. А тридцать шесть — это... три шестьдесят, вот сколь. Три шестьдесят да три шестьдесят — семь двадцать. Семь двадцать — только

туда-сюда съездить. А я, бывало, за семь двадцать-то месяц работал.

Люба не выдержала, вылезла тоже из-за стола.

— Чего они там? — сказала она и пошла из избы.

...Вышла в сени, а сеничная дверь на улицу открыта. И она услышала голоса Егора и этого Шуры. И замерла.

— Так передай. Понял? — жестко, зло говорил Егор. — Запомни и передай.

— Я передам... Но ты же знаешь его...

— Я знаю. Он меня тоже знает. Деньги он получил?

— Получил.

— Все. Я вам больше не должен. Будете искать, я на вас всю деревню подниму. — Егор коротко посмеялся. — Не советую.

— Горе... Ты не злишь только, я сделаю, как мне велено: если, мол, у него денег нет, дай ему. На.

И Шура, наверно, протянул Егору заготовленные деньги. Егор, наверно, взял их и с силой ударил ими по лицу Шуру — раз и другой и третий. И говорил негромко, сквозь зубы:

— Сучонок... Сопляк... Догадался, сучонок!..

Люба грохнула чем-то в сених. Вышагнула на крыльцо...

Шура стоял, руки по швам, бледный...

Егор протянул ему деньги, сказал негромко, чуть хриплым голосом:

— На. До свиданья, Шура. Передавай привет! Все запомнил, что я сказал?

— Запомнил, — сказал Шура. Посмотрел на Егора последним — злым и обещающим взглядом. И пошел к машине.

— Ну, вот! — Егор сел на приступку. Проследил, как машина развернулась... Проводил его глазами и оглянулся на Любу.

Люба стояла над ним.

— Егор... — начала она было.

— Не надо, — сказал Егор. — Это мои старые дела. Долги, так сказать. Больше они сюда не приедут.

— Егор, я боюсь, — призналась Люба.

— Чего? — удивился Егор.

— Я слышала, у вас... когда уходят от них, то...

— Брось! — резко сказал Егор.

И еще раз сказал: — Брось. Садись. И никогда боль-

ше не говори об этом. Садись...— Егор потянул ее за руку вниз.— Что ты стоишь за спиной, как... Это нехорошо — за спиной стоять, невежливо.

Люба села.

— Ну? — спросил весело Егор.— Что закручинилась, зоренька ясная? Давай-ка споем лучше!

— Господи, до песен мне...

Егор не слушал ее.

— Давай, я научу тебя... Хорошая есть одна песня.— И Егор запел:

— Калина красная-а-а,
Калина вызрела-а...

— Да я ее знаю! — сказала Люба.

— Ну? Ну-ка, поддержи. Давай.

— Калина...

— Егор,— взмолилась Люба,— Христом богом проси, скажи: они ничего с тобой не сделают?

Егор стиснул зубы и молчал.

— Не злись, Егорушка. Ну, что ты?

И Люба заплакала.

— Как же ты меня не можешь понять: ждала я, ждала свое счастье, а возьмут да... Да что же уж я, проклятая, что ли? Мне и порадоваться в жизни нельзя!..

Егор обнял Любу и ладошкой вытер ей слезы.

— Веришь ты мне? — спросил.

— Веришь, веришь... А сам не хочет говорить. Скажи, Егор, я не испугаюсь. Может, мы уедем куда-нибудь...

— О-о!..— взвыл Егор.— Станешь тут ударником! Нет, я так никогда ударником не стану, честное слово, Люба, я не могу, когда плачут. Не могу!.. Ну, сжался ты надо мной, Любушка.

— Ну, не буду, не буду. Все будет хорошо?

— Все будет хорошо,— четко, отдельно сказал Егор.— Клянусь, чем хочешь... всем дорогим. Давай песню.— И он запел первый:

— Калина красная-а-а,
Калина вызрела-а...

Люба поддержала, да так тоже хорошо подлади-лась, так славно. На минуту забылась, успокоилась.

— Я у залеточки
Характер вызнала-а,
Характер ой какой,
Я не уважила,
А он ушел к другой.

А я ушла с другим —
Ему не верится,
Он подошел ко мне
Удостовериться-а-а...

Из-за плетня на них насмешливо смотрел Петро.

— Спишите слова,— сказал он.

— Ну, Петро,— обиделась Люба.— Взял спугнул песню.

— Кто это приезжал, Егор?

— Дружок один. Баню будем топить? — спросил Егор.

— А как же? Иди-ка сюда, что скажу...

Егор подошел к плетню. Петро ему на ухо что-то заговорил.

— Петро! — сказала Люба.— Я ведь знаю, чего ты там, знаю. После бани!

— Я жиклер его прошу посмотреть,— сказал Петро.

— Я только жиклер гляну...— сказал Егор.— Там, наверно, продуть надо.

— Я вам дам жиклер! После бани, сказала,— сурово молвила напоследок Люба. И ушла в дом. Она, вроде, и успокоилась, правда, но все же тревога вкралась в душу. А тревога та — стойкая; любящие женщины знают, какая это стойкая, живучая боль.

Егор полез через плетень к Петру.

— Ббенди — это дерьмо,— сказал он.— Я предпочитаю или шампанзе или Реми-Мартин.

— Да ты попробуй!

— А то я не пробовал! Еще меня устраивает, например, виски с содовой...

Так, разговаривая, они направились к бане.

Теперь то самое поле, которое Егор пахал, засевали. Егор же опять и сеял. То есть он вел трактор, а на сеялке, сзади, где стоят и следят, чтоб зерно равномерно сыпалось, стояла молодая женщина с лопаточкой, Галя.

Петро подъехал к ним на своем самосвале с нашитыми бортами — привез зерно. Засыпали вместе в сеялку. Малость поговорили с Егором.

— Обедать здесь будешь или домой? — спросил Петро.

— Здесь.

— А то отвезу, мне все равно ехать.

— Да нет, у меня с собой все... А тебе чего, ехать?

— Да что-то стрелять начала. Правда, наверно, жиклер.

Они посмеялись, имея в виду тот «жиклер», который они вместе «продували» прошлый раз в бане.

— У меня дома есть один, все берег его...

— Может, посмотреть — чего стреляет-то?

— Ну, время еще терять. Жиклер, точно. Я с ним давно мучаюсь, все жалко было выбрасывать. Но теперь уж сменю.

— Ну, гляди.— И Егор полез опять в кабину. Галя стала на свое место, а Петро поехал развозить зерно к другим сеялкам.

И трактор тоже взревел и двинулся дальше.

...Егор отвлекся от приборов на щите, глянул вперед, а впереди, как раз у того березового колка, что с края пашни, стоит «Волга» и трое каких-то людей. Егор всмотрелся... и узнал людей. Люди эти были — Губошлеп, Бульдя, еще какой-то высокий. А в машине Люсьен. Люсьен сидела на переднем сиденье, дверца была открыта, и хоть лица не было видно, Егор узнал ее по юбке и по ногам. Мужчины стояли возле машины и поджидали трактор.

И ничто не изменилось в мире. Горел над пашней ясный день, рошица на краю пашни стояла вся зеленая, умытая вчерашним дождем... Густо пахло землей, так густо, тяжко, пахло сырой землей, что голова легонько кружилась. Собрала она всю свою весеннюю силу, все соки живые — готовилась опять породить жизнь. И далекая синяя полоска леса, и облако белое, кудрявое над этой полоской, и солнце в вышине — все была жизнь, и перла она через края, и не заботилась ни о чем, и никого не страшилась.

Егор чуть-чуть сбавил скорость... Склонился, выбрал гаечный ключ — не такой здоровый, а поаккуратней — и положил в карман брюк. Покосился — не виден он из-под пиджака? Вроде не виден.

Поравнявшись с «Волгой», Егор остановил трактор и заглушил мотор.

— Галя, иди обедать, — сказал помощнице.

— Мы же только засыпались, — не поняла Галя.

— Ничего, иди. Мне надо вот тут с товарищами... из ЦК профсоюзов поговорить.

Галя пошла к отдаленно виднеющемуся бригадному домику. На ходу раза три оглянулась на «Волгу», на Егора...

Егор тоже незаметно глянул по полю... Еще два трактора с сеялками ползли по тому краю; ровный гул их как-то не нарушал тишины огромного светлого дня.

Егор пошел к «Волге». Губошлеп заулыбался, еще когда Егор был далековато от них.

— А грязный-то! — с улыбкой воскликнул Губошлеп.— Люсьен, ты глянь на него!..

Люсьен вылезла из машины... И серьезно смотрела на подходящего Егора, не улыбалась.

Егор тяжело шел по мягкой пашне... Смотрел на гостей... Он тоже не улыбался.

Улыбался один Губошлеп.

— Ну не узнал бы, ей-богу! — все потешался он.— Встретил бы где-нибудь — не узнал бы.

— Губа, ты его не тронешь, — сказала вдруг Люсьен чуть хриплым голосом. И посмотрела на Губошлепа требовательно, даже зло.

Губошлеп, напротив, весь так и встрепенулся от мстительной какой-то радости.

— Люсьен!.. О чем ты говоришь! Это он бы меня не тронул! Скажи ему, чтобы он меня не тронул. А то как двинет святым кулаком по окаянной шее...

— Ты не тронешь его, тварь! — сорвалась Люсьен.— Ты сам скоро сдохнешь, зачем же...

— Цыть! — сказал Губошлеп. И улыбку его как ветром сдуло. И видно стало — проглянуло в глазах, — что мстительная немощность его взбесилась: этот человек оглох навсегда для всякого справедливого слова. Если ему некого будет кусать, он, как змея, будет кусать свой хвост.— А то я вас рядом положу. И заставлю обниматься — возьму себе еще одну статью: глумление над трупами. Мне все равно.

— Я прошу тебя, — сказала Люсьен после некоторого молчания, — не тронь его. Нам все равно скоро конец, пусть он живет. Пусть пашет землю — ему нравится.

— Нам конец, а он будет землю пахать? —

Губошлеп показал в улыбке гнилые зубы свои.— Где же справедливость? Что он, мало натворил?

— Он вышел из игры... У него справка.

— Он не вышел.— Губошлеп опять повернулся к Егору.— Он только еще идет.

Егор все шел... Увязал сапогами в мягкой земле, и шел.

— У него даже и походка-то какая-то стала!..— с восхищением опять сказал Губошлеп.— Трудовая.

— Пролетариат,— промолвил глуповатый Бульдя.

— Крестьянин, какой пролетариат.

— Но крестьяне-то тоже пролетариат!

— Бульдя!.. Ты имеешь свои четыре класса и две ноздри — читай «Мурзилку» и дыши носом. Здорово, Горе! — приветствовал Губошлеп Егора.

— А чего они еще сказали? — допрашивала встревоженная Люба своих стариков.

— Ничего больше... Я им рассказал, как ехать туда...

— К Егору?

— Ну.

— Да мамочка моя родимая! — взревела Люба. И побежала из избы.

В это время в ограду въезжал Петро.

Люба замахала ему — чтоб не въезжал, чтоб остановился.

Петро остановился...

Люба вскочила в кабину... Сказала что-то Петру. Самосвал попятился, развернулся и сразу шибко поехал, прыгая и грохоча на выбоинах дороги.

— Петя, братка, милый, скорей, скорей! Господи, как сердце мое чуяло!.. — У Любы из глаз катились слезы, она их не вытирала — не замечала их.

— Успеем,— сказал Петро.— Я же недавно был у него...

— Они только что здесь были... спрашивали. А теперь уж там. Скорей, Петя!..

Петро выжимал из своего горбатого богатыря все что мог.

Группа, что стояла возле «Волги», двинулась к березовому колку. Только женщина осталась у машины,

даже залезла в машину и захлопнула все двери.

Группа немного не дошла до берез — остановилась. О чем-то, видимо, поговорили... И двое из группы отделились и вернулись к машине. А двое — Егор и Губошлеп — зашли в лесок и стали удаляться, и скоро скрылись с глаз.

...В это время далеко на дороге показался самосвал Петра. Двое стоявших у «Волги» пригляделись к нему... Поняли, что самосвал гонит сюда, крикнули что-то в сторону леска... Из леска тотчас выбежал один человек, Губошлеп, пряча что-то в кармане. Тоже увидел самосвал и бегом побежал к «Волге». «Волга» рванула с места и понеслась, набирая скорость...

...Самосвал поравнялся с рощицей.

Люба выпрыгнула из кабины и побежала к берегам.

Навстречу ей тихо шел, держась одной рукой за живот, Егор. Шел, хватаясь другой рукой за березки... И на березках оставались ярко-красные пятна.

Петро, увидев раненого Егора, вскочил опять в самосвал, погнался было за «Волгой». Но «Волга» была уже далеко. Петро стал разворачиваться.

Люба подхватила Егора под руки.

— Измажу я тебя,— сказал Егор, страдая от боли.

— Молчи, не говори.— Сильная Люба взяла его на руки... Егор было запротестовал, но новый приступ боли накатил, Егор закрыл глаза.

Тут подбежал Петро, бережно взял с рук сестры Егора и понес к самосвалу.

— Ничего, ничего,— гудел он негромко.— Ерунда это... Штыком насквозь прокалывали, и то оставались жить. Через неделю будешь прыгать...

Егор слабо качнул головой и вздохнул — боль немного отступила.

— Там — пуля,— сказал он.

Петро глянул на него, на белого, стиснул зубы и ничего не сказал. Прибавил только шагу.

Люба первая вскочила в кабину... Приняла на руки Егора... Устроила на коленях у себя, голову его положила на грудь себе. Петро осторожно поехал.

— Потерпи, Егорушка... милый. Счас доедем до больницы...

— Не плачь,— тихо попросил Егор, не открывая глаз.

— Я не плачу...

— Плачешь... На лицо капает. Не надо.

— Не буду, не буду...

Петро выворачивал руль и так, и этак — старался не трясти. Но все равно трясло, и Егор мучительно морщился и раза два простонал.

— Петя... — сказала Люба.

— Да уж стараюсь... Но и тянуть-то нельзя. Скорей надо.

— Остановите, — попросил Егор.

— Почему, Егор? Скорей надо...

— Нет... все. Снимите.

Петро остановился.

Егора сняли на землю, положили на фуфайку.

— Люба, — позвал Егор, выискивая ее невидящими глазами где-то в небе — он лежал на спине. — Люба...

— Я здесь, Егорушка, здесь, вот она...

— Деньги... — с трудом говорил Егор последнее. — У меня в пиджаке... раздели с мамой... — У Егора из-под прикрытых век сползла слезинка, подождала, повиснув около уха, и сорвалась, и упала в траву. Егор умер.

И лежал он, русский крестьянин, в родной степи, вблизи от дома... Лежал, прикинув щекой к земле, как будто слушал что-то такое, одному ему слышное. Как в детстве, прижимался к столбам. Люба упала ему на грудь и тихо, жутко выла. Петро стоял над ними, смотрел на них и тоже плакал. Молча. Потом поднял голову, вытер слезы рукавом фуфайки...

— Да что же, — сказал он на выдохе, в котором почувствовалась вся его устрашающая сила, — так и уйдут, что ли? — Обошел лежащего Егора и сестру и, не оглядываясь, тяжело побежал к самосвалу.

Самосвал взревел и понесся прямо по степи, минуя большак. Петро хорошо знал все дороги здесь, все проселки, и теперь только сообразил, что «Волгу» можно перехватить — наперерез. «Волга» будет огигать выступ того леса, который синел отсюда ровной полосой... А в лесу есть зимник, по нему зимой выволакивают на тракторных санях лесины. Теперь, после дождя, захламленный ветками зимник даже надежнее для самосвала, чем большак. Но «Волга», конечно, туда не сунется. Да и откуда им знать, куда ведет тот зимник?

...И Петро перехватил «Волгу».

Самосвал выскочил из леса раньше, чем здесь успела прошмыгнуть бежевая красавица. И сразу обна-

ружилось безвыходное положение: разворачиваться назад поздно — самосвал несся в лоб, разминуться как-нибудь тоже нельзя: узка дорога... Свернуть — с одной стороны лес, с другой — целина, напитанная вчерашним дождем — не для городской машинки. Оставалось только попытаться, все же, по целине: с ходу, на скорости, объехать самосвал и выскочить на большак. «Волга» свернула с накатанной дороги и сразу завилыла задом, сразу пошла тихо, хоть скреблась и редела изо всех сил. Тут ее и настиг Петро. Из «Волги» даже не успели выскочить... Труженик-самосвал, как разъяренный бык, ударил ее в бок, опрокинул и стал над ней.

Петро вылез из кабины...

С пашни, от тракторов, к ним бежали люди, которые все видели...

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были два молодых человека — Пессимист и Оптимист. Жили они по соседству и все спорили. Пессимист говорил: «Все в жизни плохо, пошло, неинтересно». Оптимисту, наоборот, все чрезвычайно нравилось. «Жизнь — это сплошное устремление вперед, это как бы стометровка, — любил говорить он. И добавлял: — Я, может быть, говорю общеизвестные истины, но в том-то и дело, что я не думаю о том, как надо думать о жизни, — она переполняет меня всего, и мне остается только петь». И он часто пел. А Пессимист нехорошо как-то смеялся: «Ка-ка-ка!» — «под Мефистофеля».

— Вы, такие, не знаете, что такое жизни! — громко кричал Оптимист. — И мы вас, таких, предупреждаем!..

— Нет, это вы не знаете, что такое жизни! — тоже кричал Пессимист. — А мы знаем. Наша тоска оправданна!

— Ты неправ, Алик!

— Ка-ка-ка! — горько смеялся Алик, Пессимист.

Вот раз спорили они, спорили, чуть не подрались, но опять ни до чего не договорились. Тогда Оптимист говорит:

— Я знаю одного волшебного человека. Пойдем к нему, он нас рассудит.

— Я знаю, зачем вы пришли ко мне, — сказал Волшебный человек. — Я помогу вам. Но прежде вы мне —

каждый — покажете жизнь такой, какой вы ее видите. Только тогда я смогу разрешить ваш спор.

— Я согласен! — звонко воскликнул Оптимист.

— С удовольствием, — сказал Пессимист. — Я вам ее покажу. О, я вам ее покажу!

— Видите этот дом? — спросил Волшебный человек, поморщившись на такую чрезвычайную уверенность Пессимиста.

— Видим!

— Там живет девушка. Вечером ее придут сватать. Я хочу, чтобы каждый из вас показал это событие в ее жизни так, как он видит. Заделаем? — И Волшебный человек негромко засмеялся.

Сказано — сделано. Вечером все трое пришли к дому девушки и сели напротив, на лавочке. Волшебный человек посмотрел на часы.

— Пора. Кто первый?

— Я! — сказал Пессимист. Ему очень уж не терпелось.

Волшебный человек дал Пессимисту волшебную веточку и велел:

— Махни этой веточкой и скажи:

— «Распояштесь, распахнитесь,
Не стесняйтесь, покажитесь».

Веточка, веточка, покажи мне людей, но не такими, какими их все видят, а такими, какими я, имярек, вижу».

Пессимист взял веточку, взмахнул ею и сказал:

— «Распояштесь, распахнитесь,
Не стесняйтесь, покажитесь».

Веточка, веточка, покажи мне людей, но не такими, какими их все видят, а такими, какими я, Алик, вижу».

Только он так сказал, стена дома Невесты с треском раскололась. И видно стало: грязная комната; семейство Невесты — сама Невеста, ее Мать, Отец и Девушка сидят за столом, ужинают.

Мать Невесты наклонилась к уху свекра и сказала:

— Ну и жрать ты здоров, папаша!

Дед сморщился, переспросил:

— А?

— Кушаешь, говорю, много, куда к черту!
Старик обиделся, отодвинул тарелку.
За него вступился сын, Отец Невесты:
— Обьел он тебя? — крикнул он на жену.
— А что я такое сказала? — в свою очередь обиделась Мать Невесты. — Пусть ест. Надо только меру знать.
Невеста крикнула на ухо Деду:
— Рубай, Дедушка!
Старик придвинул тарелку и стал торопливо хлебать.

В это время по улице, направляясь в дом Невесты, прошла группа людей — семейство Жениха: сам Жених, его Мать, Отец. И с ними еще кто-то — непонятно кто.

— А ту комнату я все равно перегорожу, и мы будем там жить! — кричал Жених.
— А шишок под носок хочешь? — спросил Отец.
— А я говорю: буду!
— А я говорю: нет!
— А я говорю: буду!
— А я говорю: нет!
— А где же он жить-то будет? — спросила мужа Мать Жениха. — Интересный ты тоже какой-то.
— Пусть где хочет, там и живет, — заявил Отец. — Когда я женился, мне отец тоже так сказал: «Как хошь, так и живи».
— Суд разберется, — значительно сказал Жених.
— Суд разберется, — согласился Отец.
Группа вошла в подъезд.

А в комнате между тем Мать Невесты рассказывала:
— Эта зараза сегодня и говорит мне на кухне: «Мне, — говорит, — кто-то керосину в суп подлил». А сама на меня смотрит. Я говорю: «Если ты, — говорю, — думаешь, что это я, так ты глубоко ошибаешься — не из таких. Нас, — говорю, — девять человек в семье росло, и все в люди вышли, а ты, говорю, одного...»
— Мамаша, а я видела, — сказала Невеста.
Дед тихонько засмеялся.
— Чего ты видела? — строго спросила мать.

— Как ты керосин подливала.
Дед опять тихонько засмеялся. И все тихонько засмеялись. Мать Невесты тихо хихикнула.
— Я ей хотела туда мочалку положить, но пожалела мочалку, — призналась она.
В дверь постучали.
— Кого там еще черт несет, — проворчал Отец и пошел открывать.
В комнату вошел Жених со своим семейством. Поздоровались:
— Привет!
— Здравствуйте!
— Приятного аппетита!
— Здравствуйте.

Только двое промолчали: Дед и непонятно кто. Непонятно кто стал осматриваться в комнате.

— Может, ужинать с нами? — спросила Мать Невесты.

— Благодарственны, — сказал Отец Жениха. — Мы по делу к вам.

— По какому такому делу? — спросил Отец Невесты, будто не понимая, в чем, собственно, это дело.

Отец Жениха с неудовольствием посмотрел на сына, вышел на середину комнаты и сказал:

— Ну вот, значит: у вас, мы слышали, товар залежался, а у нас купец вот дурью мучается... Вобщем, надо их окрутить, и дело с концом. Как вы насчет жилплощади?

— Это вы не туда попали! — отрезала Мать Невесты.

— Как? — Отец Жениха посмотрел на сына; тот сделал ему знак рукой: «Туда. Она просто поломаться хочет». — Нет, мы туда попали. Мы «не туда» никогда не попадаем.

— Может, и туда, но товар у нас не залежался, — пояснила обиженным тоном Мать Невесты. — У нас в роду этого не было...

Тут не выдержала Невеста.

— Мама, ну чего ты? Прямо-то, как эта... Это же обряд такой, — сказала она.

— А ты молчи! — прикрикнула на нее Мать. — Прижми хвост и помалкивай. Без тебя как-нибудь разберемся.

— Вы свататься, что ли, пришли? — нетерпеливо спросил Отец Невесты.

— Свататься.

— Так и говорите, а то крутят тут...

— А то ты не понимаешь! — ехидно сказал Отец Жениха.

Непонятно кто не обращал никакого внимания на сватовство. Он осмотрелся, подошел к старику, спросил:

— Шифонер не сами делали?

Дед не расслышал.

— А?

— Шифонер, говорю, не сами делали?

Дед посмотрел на шифоньер.

— Нет. Какого лешего я его сам буду делать?

— А чего эт ты к шифонеру приглядываешься? — спросил Отец Невесты, подозрительно глядя на незнакомого человека. Тот в это время внимательно разглядывал тумбочку. На вопрос не ответил.

Жених все время стоял у двери. Когда Мать Невесты сказала дочери: «Прижми хвост и помалкивай!» — он уставился на нее немигающими строгими глазами. Потом не вытерпел и сказал:

— Я дико извиняюсь, но вы, мамаша, тоже неправильно выражаетесь. Вы, например, сказали: «Прижми хвост». Я не согласен.

Мать Невесты приятно изумилась.

— Скажите, какой заступник выискался! Она еще пока моя дочь — как хочу, так и говорю с ней. Вот когда она будет твоя жена, тогда можешь мне затыкать рот.

Жених, не почувствовав в словах будущей тещи доброго отношения к себе, глупо уперся.

— А я не согласен! Надо тоже выбирать выражения. Я вам тоже могу сказать: «Закройте поддувало». Вы тоже будете несогласны.

Мать Жениха и Отец Жениха засмеялись. Зато Мать Невесты и Отец Невесты нехорошо посерьезнели.

— Нет, почему, — сказал Отец Невесты, — я просто за такие слова в лоб дам разок, и все.

Жених снисходительно улыбнулся, а Невеста хихикнула.

— Папаша, — сказала она радостно, — он же перво-

разрядник по боксу. У него же удар — двести пятьдесят кило.

Отец Невесты прикусил язык.

— А тумбочки тоже не сами делали? — спросил Непонятно кто Деда.

— А?

— Тумбочки, говорю...

Дед посмотрел на тумбочки.

— Нет.

— Ну ладно, — сказал Отец Жениха, — это все пустые разговоры. Как у вас с жилплощадью? Только не тяните kota за хвост.

Тут неожиданно взорвался Дед.

— Это безобразия! — воскликнул он. — При чем тут жилплощадь, если они любят друг друга?

Все удивились.

— Ты что, чокнулся? — спросил Отец Невесты. — Или сорвался с одного места?

— Проснулся, — ядовито заметила Мать Невесты. — Чего ты лезешь не в свое дело? Твое место знаешь где?.. Сказать?

— Я правильно говорю. Сперва надо Невесту спросить: согласна она или нет. Ты согласна, внучка, за этого дурака?

Жених опять снисходительно улыбнулся. Все, однако, посмотрели в сторону Невесты.

В этот момент как на грех вошла Соседка, стареющая дева. Зыркнула глазами туда-сюда и моментально сообразила, что здесь происходит.

— О, у вас гости? — сказала она, улыбаясь. — Извините, пожалуйста, я только хотела утюга попросить. Катя, — к Невесте, — дай мне, пожалуйста, утюга.

Катя решила сыграть на Соседку, решила воздвигнуть на кухне небольшой нерукотворный памятник себе: решила убить Соседку.

— Я еще не знаю, — сказала она, потупясь. — Я еще подумаю. Вообще-то, мне еще рано замуж.

Все опешили. Повисла неловкая пауза.

— Да? — спросил Жених. — Может, нам лучше разойтись, как в море корабли? Чтобы без трепа?..

Опять пауза. Момент тяжелый, противный.

— Катя, — заговорила Соседка. — Я насчет утюга... Извините, пожалуйста.

Никто на нее не обращал внимания. Кате и подавно было не до утюга. Дед поднялся, нашел утюг, подал Соседке. Та вышла. Непонятно кто остановил Деда и заговорил:

— Интересно, а этажерку...

— Пошел к черту! — разозлился старик. — Я не столяр! Я машинистом был — ту-ту!.. Понял?

— Что вы кричите? Я же не глухой, как некоторые тут...

— Нет, я хочу понять — в каком смысле надо понимать: «Мне еще рано замуж»? — спросил Жених.

— Да в таком самом... — Невеста поняла, что ужасно слупила, растерялась.

— В каком «в таком самом»?

— Да в таком самом. И нечего ко мне приставать. — Она чуть не плакала от отчаяния.

— Я все понял, — сказал Жених. — Пойдемте, родители.

— Посмешили людей и пошли? Так только комики делают, — сказала Мать Невесты.

— Я, может, пошутила, — попробовала выйти из положения Невеста. — Я, может, просто так сказала.

— Ничего себе шуточки! — воскликнул Жених. — Я тоже могу сказать: «Мне еще рано жениться, я еще не нагулялся». Интересно, понравится тебе это? Не понравится, я больше чем уверен.

— Она не хотела так сказать, — сказала Мать Невесты.

— А как же она хотела сказать?! Я же не дурак, как намекает ваш глухарь, я же понимаю, как она сказала.

— Она — девушка и должна проявлять скромность, — встрял в неприятный разговор Отец Невесты. — Мало ли, что она согласна! Она должна говорить, что не согласна.

— Я только сказала: я подумаю.

— Знаете!.. — взревел Жених. — Знаем мы эти штучки! Сегодня — подумаю, а завтра — хаханьки с соседом. Знаем мы это. У меня один друг тоже женился: она ему на другой же день изменила.

— Ну и мы тоже кое-что знаем! — оживилась Невеста. — У одной моей подружки тоже муж сказал, что едет в командировку, а сам жил с нашей общей знакомой. Она их застучала. Так он набрался нахальства

и говорит: «А мы, — говорит, — ничего, мы, — говорит, — письмо турецкому султану пишем...»

— Тоже — комик, — заметила Мать Невесты.

— А у меня товарищ был, — вспомнил Отец Невесты, — так он что выкинул: застучал тоже жену с хахалем и скинул его с четырнадцатого этажа.

— Разбился? — поинтересовался Непонятно кто.

— Хахаль-то? Конечно. С четырнадцатого этажа... Попробуй.

— А я это иду вчера по улице, — заговорил Отец Жениха, — гляжу: муж колотит жену со всех сил. А у самого кулак — с детскую головку. Я ему говорю: «Что ж ты делаешь? Ты же можешь ей ребра сломать». А он мне отвечает: «Чем, — говорит, — меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей». Доцент какой-нибудь...

— У вас санузел объединенный? — спросил Непонятно кто у Отца Невесты.

— Объединенный, — ответил тот.

— Это плохо, — сказал Непонятно кто.

— Кому как. — Отец Невесты опять подозрительно посмотрел на незнакомца. — В тесноте, да не в обиде, говорят.

— А соседи как? Ничего?

— Ничего. Тимошка Соколов только буйнит часто. Вот тут, через стенку, живет. С топором бегает, стекла бьет иногда... А вчера, например, явился домой в состоянии зеленого алкоголя. А семья, — ну, то есть, родные и знакомые, смотрели телевизор. Ну, он тоже стал смотреть. Посмотрел немного и говорит: «Таких плотников не бывает!» Его попросили привести себя в порядок. А он свое: «Таких плотников не бывает! Я, — говорит, — сам плотник — знаю! Это вранье все». Снял сапог с левой ноги и произвел удар по телевизору.

— Сколько дали? — спросил Непонятно кто.

— Пятнадцать суток. Я сам и отвел его в отделение. Критик ты, — говорю, — а не плотник.

— Какой телевизор? — спросил Непонятно кто.

— Обыкновенный телевизор.

— Они разные бывают.

— У них «Рекорд» был, — сказала Невеста.

— Самый плохой. А вот у вас, я смотрю, никакого телевизора нету.

— Телевизор — это одно беспокойство, — упрямо сказал Жених. — У одного моего друга тоже телевизор был... Смотрели как-то с соседями постановку про любовь. Свет, конечно, выключен. Ну, один сосед начал щупать жену друга. Они, значит, так сидели: она впереди, жена-то, а муж с соседями сзади. Ну, он начал ее поглаживать. Она говорит: «Это ты, Вася?» — мужа-то Васей звать. А Вася ни сном, ни духом. «Чего?» — говорит. «Ничего», — это она-то. «Я, — говорит, — думала, это ты».

— Ая-яй, — сказала Мать Невесты.

— Ловко! — с восхищением заметил Отец Невесты.

— А, по мне, вот — хоть он есть, этот телевизор, хоть его нет, — все равно, — сказала Невеста. — Я больше люблю в окно смотреть.

— Баловство одно от этих телевизоров, — согласилась Мать Невесты.

— Нет, иногда можно посмотреть, почему, — сказал Жених. — Совсем не смотреть телевизор — это тоже отсталость. Но зачем свет выключать?

— Да, это уж так, — поддакнула Мать Невесты. — Свет выключут — тут уж конечно...

— Да, тут уж только держись, это точно, — подкинул Отец Невесты.

— При свете-то, конечно, можно посмотреть, — поправилась Невеста, — я в этом смысле и сказала. Я в этом смысле ничего не имею против. У одной моей подружки тоже телевизор есть... Она, как видит меня, всегда говорит: «Почему ты никогда на телевизор не приходишь?» Я говорю: «Нет, смотрите уж сами». Она говорит: «Почему? Хоть, — говорит, — посмеемся». — «Нет, — говорю, — смотрите уж сами». А потому что я знаю, что они, когда смотрят телевизор, свет всегда выключают.

— «Посмеемся!» — возмутилась Мать Невесты. — «Приходи, хоть посмеемся!» Начнут все смеяться, так ты и не заметишь, как тебя обшупают всю. И я всегда своей дочери говорила: «Никогда не смейся, доченька!» Она иной раз: «Мам, я в кино схожу». — «А чего, — говорю, — ты там не видела? Чего? Опять смеяться будете?»

— Нет, иногда можно посмеяться, почему. Если комедия какая-нибудь — пожалуйста, смейся. Для того и на афишах пишут: «Комедия». — Жених потихоньку наглед. — Я сам люблю комедии...

— В здоровом теле — здоровый дух, — согласился Отец Невесты. Чем больше наглед Жених, тем активнее заискивали перед ним Невеста, Отец Невесты, Мать: как ни крути, а замуж надо.

— А при чем тут тело? — строго спросил Жених.

— Я в том смысле, что я тоже кино уважаю.

— Надо же выбирать выражения.

— Это правильно, конечно.

— Вообще-то, кино — это разврат, — сказал жених. — Ты же берешь билет, ты же не знаешь, кто рядом с тобой сидеть будет. Бывает так, что сядет какая-нибудь фифочка... От нее духами и всякими... Тут не то что на экран, тут всякие мысли в голову лезут, хе-хе...

Все громко засмеялись.

В дверь постучали.

— Можно! — сказал Отец Невесты.

Вошел пожилой скромный Гражданин с газетой в руках.

— Что случилось, соседка? — миролюбиво спросил Отец Невесты.

— Нельзя ли потише, товарищи?

— У нас, видишь ли, ЧП — дочку замуж выдаем.

— Я понимаю, но все-таки... пожалуйста, а?

— Ладно.

Скромный Гражданин вышел.

— Кто это? — спросил Непонятно кто.

— Да бухгалтеришка один... Вредный, зараза! Мы тут на днях клопов морили керосином, ну, конечно, открыли дверь, чтобы запах в коридор выходил. Так он нарочно завязал голову полотенцем и ходит с полотенцем. «Голова, — говорит, — болит от вашего керосину».

— «От вашего керосину...» А сам, наверно, с похмелья мучился, — сердито сказала Мать Невесты.

— Закладывает? — спросил Непонятно кто.

— Да говорит, что у него желудок вырезан. А сам, наверно, пьет потихоньку. Кто нынче не пьет?

— Я сам на днях клюкнул с дружками в кафе — еле до дому добрался, — весело сказал Отец Невесты. — Спасибо, ребята-друзинники помогли.

— Если не буйните, почему не выпить? — вставила свое слово Мать Жениха. — Бывают буйные.

— Нет, он у нас спокойный, — не без одобрения сказала Мать Невесты.

Отец Невесты был явно польщен этим замечанием жены и стал хвастать:

— Я сразу — спать. Других тянет шататься где-ни-то, а я сразу домой — спать.

— Папа у нас, как напьется, так берет песенник и поет все песни подряд. И все на один мотив, — сказала Невеста, с любовью глядя на отца.

Довольный Отец засмеялся.

— Ну, ты уж скажешь, дочка.

— А что, неправда? Мама его ругает матом, а он себе поет.

— Хе-хе-хе... Нет, я действительно не понимаю таких: напьется — и вот начинает строить из себя! Правильно, что начали бороться с такими. Напился? — иди домой! И никто никогда тебе слова не скажет. Наоборот, будут в пример ставить.

— Если не буяните, то почему же, — опять сказала Мать Жениха и посмотрела на своего мужа.

— У меня отец-покойничек, царство ему небесное, дедушка Катин, — вспомнила Мать Невесты, — такой был. Душевный человек! Уж так пил, господи-батюшка!.. Один две пол-литры усиживал. Но чтобы он кому-нибудь лишнее слово сказал или ругнулся на улице — никогда! Придет, бывало, — еле на ногах стоит, а сам все улыбается. «Вот и я», — говорит. Любили его все. Так от запоя и помер, сердешный.

— А я вот никогда не помню, что со мной бывает, — сказал Отец Жениха. — Проснешься утром и думаешь: «Что же вчера было?»

— Это опасно, — авторитетно сказал Отец Невесты. — Так можно подзалететь. У нас на днях судили одного...

— А с моим другом тоже на днях история была, — заговорил Жених. — Пошел он с женой в гости к нашим общим знакомым, выпили тоже, завели радиолу, пошли танцевать. А он, друг-то, замечает, что у его жены что-то глаза блестят. Ну, притворился пьяным. Потом — раз на кухню: а там целует его жену наш общий знакомый. Свет, конечно, выключен.

— Ая-яй! — сказала Мать Невесты.

— Ловко! — воскликнул Отец Невесты.

— А он что? — спросил Непонятно кто. — Выкинул его?

— Кто?

— Муж-то?

— Он им ничего не сказал.

— !!!

— А когда они ушли из кухни, он взял им холодильник испортил и выпустил попугая из клетки. Совсем — в форточку.

— Ловко!

— Я вот не понимаю женщин, которые танцевать любят, — заговорила Невеста. — Что хорошего? Кружатся, кружатся — смотреть противно.

— Нет, иногда можно потанцевать, почему. Но вообще-то — это разврат, я по себе погонюсь: пойдешь с какой-нибудь фифочкой, а от нее духами всякими... Хе-хе...

Все опять громко засмеялись.

В дверь постучали.

— Можно! — сказал Отец Невесты.

Вошел пожилой человек с газетой.

— Товарищи, нельзя ли потише?

— Знаете что!.. — взорвалась Мать Невесты. — Идите лучше похмелитесь! Ходят тут алкоголики всякие! Гражданин вытарачил на нее глаза.

— Вы что, спятили?

На Гражданина двинулся Отец Невесты.

— Как ты сказал? Я что-то не расслышал. Ну-ка, повтори еще...

Жених остановил его и вежливо сказал скромному Гражданину:

— Товарищ, я вас сейчас изуродую. Вот сюда достану разок... Оп!.. — Он сделал выпад, пугая Гражданина.

Гражданин выбежал из комнаты. Все опять засмеялись.

— Вот так и надо с ними, — сказала Мать Невесты.

— До чего обнаглел народ! — возмутился Отец Невесты. — Это ж — не пройдешь по улице, чтобы тебе чего-нибудь не отдавили. Мне на днях все руки отдавили.

Непонятно кто вопросительно уставился на Отца Невесты.

— А я как-то иду по улице, — заговорил Отец Жениха, — ко мне подходят двое. «Давай, — говорят, — на троих?» Я говорю: «У меня денег нету». Так один мне сунул вот сюда кулаком и говорит: «Зазнался, сука».

— В таких случаях надо сразу вот сюда бить, — сказал Жених. Подошел к отцу, показал — под ложечку. — Вот так — р-раз!..

— Ой!

— У нас недавно случай был: приходим с другом в парк...

— Одну минуточку, я перебую,— сказал Непонятно кто.— Я не понял, как это вам руки отдавили?

Отец Невесты оглушительно захохотал. И все, кто был в комнате, оглушительно захохотали и посмотрели на Непонятно кого, как на дурачка.

— А вот как! — воскликнул Отец Невесты, встал на четвереньки и пошел по комнате.— Идите ко мне.

Непонятно кто стоял на месте.

— Ну иди, иди,— подтолкнул его Жених.

Непонятно кто пошел к Отцу Невесты.

— Вот я иду домой,— стал объяснять Отец Невесты, стоя на четвереньках.— Так? А ты — прохожий... Иди мимо меня. Иди!

— Зачем?

— Да иди, не бойся!

Непонятно кто пошел мимо него.

— Идешь, да? — спросил Отец Невесты.

— Иду.

— Теперь наступай мне на руку... Ну, наступай!

— А-а! — понял наконец Непонятно кто.

Все опять засмеялись. Отец Невесты встал, отрянул колени.

— Вот так и отдают руки, молодой человек,— сказал он, снисходительно улыбаясь.

— Ну, приходите вы, значит, с другом в парк? — напомнила Невеста Жениху, заранее улыбаясь.

— Ну, приходим мы, значит, в парк, друг и говорит мне: «Тут,— говорит,— один тип есть, он у меня девушку отбил. Пойдем,— говорит,— потолкуем с ним, как желтмены». Я ему как дал вот сюда, он двадцать семь минут в нокауте был.

— Ловко!

— Я только не поняла, кто в нокауте лежал: ваш друг или тот тип? — спросила Мать Невесты.

— Да тот тип, конечно,— воскликнула Невеста.— Мама скажет тоже...

— Тип,— подтвердил Жених.— Я ему в печень дал.

— Одну минуточку, я перебую: сколько у вас квартплата выходит? — спросил Непонятно кто.

— Пять с копейками,— ответил Отец Невесты.

— Продолжайте.

Но тут заговорил Отец Жениха.

— Ну, а как мы решим наше дело-то? — спросил он всех.

— Нет, я же ясно сказал: ничего не выйдет,— сказал Жених.— Мы разойдемся как в море корабли.

Минуты три все молчали, смотрели на Жениха.

— Я не люблю зря трепаться,— пояснил тот.— Я же сказал давеча: «Знаем мы эти штучки».

Дед тихонько засмеялся.

— Пошляк! — громко сказала Невеста и заплакала.

Отец Невесты, тоже чуть не плача от обиды и оскорбления, пошел снимать ружье.

— Ты боксер, да? Ты боксер? — снял ружье, взвел курок.— А я вас тогда дуплетом...

Первой, взвизгнув, бросилась из комнаты Мать Жениха, за ней — Отец Жениха. Потом выскочил Жених. Непонятно кто остался и, не обращая внимания на суматоху, стал мерять шагами комнату — считал метраж.

— А тебе чего тут надо?! — заорал Отец Невесты.— Ты кто такой?

— Я квартирант ихний, Лизунов Евгений Елизарович,— спокойно пояснил Непонятно кто.— Как вы насчет того, если мы поженимся с вашей дочкой?

Невеста неприлично разинула рот. Мать Невесты ущипнула себя за руку. Отец Невесты зачем-то посмотрел в дуло ружья и повесил ружье на стенку.

— Черт его знает,— сказал он.— Я что-то ничего не понимаю...

— Что ты не понимаешь?! — накинулась на него супруга.— Что тут непонятного, скажи, пожалуйста? Совсем уж одурел?..

Лизунов засмеялся.

— Это, знаете, бывает. По-научному — первая стадия.

— Закрой рот,— негромко сказала мать дочери. Потом обратилась с улыбкой к Лизунову: — Тонко же вы подъехали!.. Просто даже удивительно!

Лизунов снял пиджак, аккуратно повесил его на спинку стула, стал закатывать рукава.

— Жизнь, мамаша, сложная штука. Простите, ванночку можно принять? И мне бы махровое полотенце и детскую шампунь. Перхоть, знаете...

— Можно. Пойдемте, я покажу,— захлопотала Мать

Невесты.— А ты, Катюша, собери пока на стол. А ты, отец, сбегай в магазин...

Лизунов пошел и запел:

— Не брани меня, родная...

Тут Волшебный человек взял у Пессимиста волшебную веточку и взмахнул ею. Стена дома сомкнулась.

— Ты неправ, Алик! — воскликнул Оптимист и стал взволнованно ходить возле скамейки. — И откуда в тебе это?! Откуда?

— Ка-ка-ка!.. — засмеялся Пессимист.

Волшебный человек между тем перевел свои волшебные часы назад на два часа и отдал веточку Оптимисту.

— Теперь ты. Время вернулось назад на два часа — событие то же: придут сватать Невесту. Покажи, как ты это видишь.

Оптимист махнул веточкой и сказал:

«Распояшьтеесь, распахнитесь,
Не стесняйтесь, покажитесь».

Веточка, веточка, покажи нам людей, но не таких, какими их все видят, а такими, какими я, Эдуард, вижу.

Только он так сказал, стена дома Невесты с треском расколосась.

Все так же, как мы уже видели, и все тем не менее не так. Люди те же, и вместе с тем совсем другие. И в комнате все как будто так же, да не так...

— Ну и любите вы покушать, папаша! — весело сказала Мать Невесты на ухо Деду.

— А?

— Аппетит, говорю, у вас отличный!

— Не жалуюсь, не жалуюсь. Бывало, в империалистическую на спор барана съедал. Зато и силенка была! Посажу, бывало, трех неприятелей на штык — и через себя.

— Вы бы писали об этом, дедушка, — сказала Невеста. — У вас такая богатая жизнь.

— А я и пишу, внучка. Пишу книгу. Называться будет: «Руки вверх, неприятели!» Если хочешь, прочитаю после ужина.

— С удовольствием послушаю, — согласилась Невеста.

— Кушайте, папаша, кушайте, — угощала его Мать

Невесты. — Потом нам всем почитаете. Мы все с удовольствием послушаем.

По улице, направляясь в дом, проходит семейство Жениха, и с ними еще кто-то — непонятно кто.

— Ну, рояль, холодильник, телевизор — это все забирайте, — говорил Отец Жениха. — Вы — молодые, вам это нужно.

— Спасибо, отец! — с чувством сказал Жених. — Но я предпочитаю приобрести все на свои заработанные деньги.

Отец Жениха улыбнулся хорошей улыбкой.

— Понимаю — гордость! Вот таким я и хотел видеть своего сына.

Мать отвела сына в сторонку и сказала негромко:

— Отец хочет вам подержанную «Победу» купить на свои сбережения.

— «Победу»?!

— Тш!.. Только ни слова об этом. Он хочет сделать сюрприз.

Сын догнал Отца, обнял его и поцеловал в щеку.

— Что еще такое? — спросил Отец с мужской, доброй суровостью. — За что?

— За все, папа!

Мать Жениха и непонятно кто идут сзади.

— Какой у вас замечательный сын! — сказал непонятно кто.

Мать было всплакнула, но тут же вытерла слезы. Улыбнулась.

Вошли в подъезд.

А в комнате Мать Невесты рассказывала:

— Сегодня поссорилась с Марьей Николаевной.

— Что такое? — спросил муж. — Почему?

— Она говорит, что сегодня ее очередь оставаться с соседской девочкой, а я говорю — моя.

— Мама, но вы же вчера оставались с ней, — сказала дочь. — Марья Николаевна права.

— Да, но девочка ко мне привыкла, — стала оправдываться Мать. — Кроме того, мы с девочкой не дочитали повесть «Жилин и Костылин».

— Какая повесть! — сказал Дед. — Умел закручивать граф Толстой. А? Мастер, мастер. Биография только... того, а так — мастер.

— Мастер,— согласился Отец Невесты.— И что удивительно — все предельно просто и лапидарно!

— В том-то и штука. Я, например, в своей книге «Руки вверх, неприятели!» хочу тоже изложить события предельно простым языком. Но трудное это дело! Ох, трудное! Я понимаю Толстого с его «Не могу молчать!» Иной раз такое волнение охватит, думаешь: лучше бы я ему в морду дал, отрицательному герою какому-нибудь, хочется, извиняюсь, матом крыть, а приходится писать, что называется, кор-ректно. Тьфу!.. слово-то какое-то...

— Когда вы думаете закончить книгу, дедушка? — спросила Невеста.

— Думаю, что через пять лет закончу. Это будет мой скромный подарок грядущим поколениям.

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Отец Невесты.

Вошло семейство Жениха.

Жених: — Добрый вечер!

Отец Жениха: — Здравствуйте!

Мать Жениха: — Добрый вечер! Приятного аппетита!

Непонятно кто: — Здравствуйте, товарищи!

Невеста: — Здравствуйте!

Отец Невесты: — Вечер добрый!

Мать Невесты: — Добро пожаловать!

Дед: — К нашему шалашу!

— Извините, что в такой поздний час,— заговорил Отец Жениха.— Но дело, как говорят, не терпит отлагательств.

— Пожалуйста! — воскликнул Отец Невесты.— Какие могут быть разговоры? Присаживайтесь с нами.

— Спасибо за приглашение: мы только что отужинали — и сразу сюда.

Жених и Невеста переглядываются. Невеста покраснела. Дед с этакой стариковской хитрецей наблюдает за молодыми.

— Так по какому же такому делу пожаловали, товарищи? — спросил Отец Невесты: он действительно не понимает, в чем дело.

— Пожаловали мы по весьма, так сказать, щекотливому делу,— заговорил Отец Жениха, заметно волнуясь.— Молодые люди — ваша дочь и мой сын, оказывается, любят друг друга.

Отец Невесты очень удивился, а Мать Невесты не удивилась, но она тоже была заметно взволнована. А Дед улыбался хорошей стариковской улыбкой — хитрой и доброй. Невеста опустила глаза долу.

— Я со своей стороны серьезно и обстоятельно беседовал с сыном,— продолжал Отец Жениха.— Думаю, что к браку он готов.

Отец Невесты, заметно волнуясь, ходил по комнате.

— Ах, стрекоза!.. А я-то, старый дурак, живу и ничегошеньки не знаю! Я-то думаю, что она у нас все еще девчонка, а она вон что!.. Почему ты мне не сказала, что у тебя есть молодой человек и что вы хотите пожениться? Почему? Неужели я консерватор какой-нибудь?

— Папуля, мне было как-то стыдно об этом говорить. Я просто не знаю... Я знала, что вы не консерватор, и все равно... Мне и сейчас ужасно стыдно, товарищи... Просто не знаю.— Невеста тоже заметно взволнована.

— Как же так, дочка? Я удивлен, я тебе честно говорю: я удивлен. Не сказать отцу...

— Ну что ты к ней пристал, Микола,— вступился за внучку Дед.— Молодость диктует свои законы, которые нам не всегда дано понять. Ты тоже в свое время не сказал мне...

— Тогда было другое время, отец.

— Я бы хотела только обратить внимание молодых людей на тот факт, что женитьба — это очень и очень ответственный шаг, дети мои,— сказала Мать Невесты.— Я не против того, чтобы вы поженились. Я знала о том, что вы дружите... Мне обо всем рассказывали соседи и ваши учителя. Но вы не представляете, дети мои, насколько это серьезный и ответственный шаг.— Она всплакнула.

— Успокойся, мать,— сказал Отец Невесты.— Жизнь есть жизнь: молодое растет, старое старится. А давно ли, кажется, мы с тобой стояли на перроне вокзала... Я уезжал тогда на Крайний Север... Ах, время, время! — Отец смахнул скупую слезу.

— Да, да... И мы тоже стояли когда-то на перроне вокзала,— Отец Жениха тоже смахнул скупую слезу.

Непонятно кто подошел к Деду и спросил:

— Я слышал, вы книжку пишете, дедушка?

— Пишу, молодой человек, пишу.

— «Воспоминания пожилого человека»?

— Ась?

— Я говорю, называться будет: «Воспоминания пожилого человека»?

— Плохо вы о нас думаете, молодой человек! — обиделся Дед. — Какие же мы пожилые?! Разве годы могут старить человека?

Непонятно кто смутился.

— Нет, я не в том смысле сказал... Я понимаю, что годы тут ни при чем.

— То-то! Я в свои семьдесят девять лет моложе иного восемнадцатилетнего. А почему? Да потому, что не отстаю от жизни. А вот некоторые... Ну-ка, молодые люди!.. — (Это к отцам.) — Чего захлюпали?! Выше голову! Грянем, братцы, удалую!

Все громко засмеялись.

Стук в дверь.

— Войдите, — сказал Отец Невесты.

Вошел пожилой Гражданин с энциклопедией в руках.

— Добрый вечер, товарищи!

Отец Невесты: — Здорово, сосед!

Мать Невесты: — Здравствуйте, Семен Кузьмич!

Дед: — К нашему шалашу, Кузьмич!

Невеста: — Здравствуйте, дядя Семен.

Отец Жениха: — Здравствуйте!

Мать Жениха: — Здравствуйте!

Жених: — Здравствуйте!

Непонятно кто: — Здравствуйте!

— А я слышу: у вас какое-то торжество, дай, думаю, зайду, — сказал Гражданин.

— А вот они, виновники торжества! — сказал Отец Невесты и показал на Жениха и Невесту. — Моя дочь выходит замуж.

— Да что вы говорите! — изумился Гражданин. — Катюша, милая!.. Поздравляю тебя, дитя мое, поздравляю! — Подошел, поцеловал Невесту в лоб. — А где же?.. Ага, вот он! — Он строго, но вместе с тем любовно посмотрел на Жениха. — Ничего, ничего... хорош! А? Арсений Назарыч?.. Как находишь?

— Мне — лишь бы не отставал от жизни, — сказал Дед.

— Нет, хорош, хорош... Поздравляю, молодой че-

ловек, от души поздравляю! Вы, можно сказать, открыли клад.

— Э-э, что — клад, Семен Кузьмич, — упрекнул Гражданина Дед. — Что в наше время клад?

— Я просто к слову, Арсений Назарыч. Нет, хорош... А ведь я Катюшу-то вот с каких лет знаю, когда она еще под стол пешком ходила, хе-хе-хе... Ах, где мои семнадцать лет!

— А вот этого я не люблю, Семен Кузьмич, — опять осадил его Дед. — Что это за вздохи?

— Я так, Арсений Назарыч, к слову. Нет, хорош! Так, молодые люди... одну минуточку. — Семен Кузьмич вышел с таинственным видом.

— Неисправимый человек! — усмехнулся Отец Невесты. — Сейчас что-нибудь принесет в подарок, уж я его знаю.

— Когда я еще была маленькой, — заговорила Невеста, — дядя Семен водил меня в планетарий, показывал на Луну и говорил: «Учтите, вы там будете». И плакал.

— Он у нас, как Циолковский, — вставил Отец Невесты. — Тоже, кстати, все чертит чего-то. Спросишь: «Чего ты изобретаешь-то все?» Он махнет рукой и скажет: «Так... мысли распирают».

— Но сдает последнее время, сдает, — заметил Дед. Вошел Семен Кузьмич с телевизором в руках.

— Прошу принять от меня этот скромный подарок, молодые люди.

— Что вы, дядя Семен! — воскликнула Невеста.

— Что вы, Семен... э-э... Семен Кузьмич! — тоже воскликнул Жених.

— Прошу, прошу... И без церемоний — я этого не люблю. Иначе обижусь. Берите, мне тяжело держать. Жених принял телевизор.

— Спасибо.

— На здоровье. Мне он на старости лет...

Дед погрозил Семену Кузьмичу пальцем:

— Кузьми-ич!..

— Молчу. Эх, грянем, братцы, удалую!

Дед подхватил:

— Эх, на помин ее души!

Все громко засмеялись.

Семен Кузьмич посмотрел на часы.

— Хорошо с вами, дорогие мои, но дело есть дело:

судим одного прохвоста товарищеским судом. Представляете, выкинул номер: обиделся, что его покритиковали на жилактиве за некультурное поведение в лифте, пришел домой, включил везде свет — днем!.. Включил утюг, электроплитку и сидит.

— Позор! — сурово сказал Дед. — Выселить в необходимые районы.

— Мало того: он начал петь! Соседи, естественно, возмутились: попросили прекратить. И знаете, что он ответил? «Я, говорит, не знал, что в доме такая звукопроницаемость».

— А вот это уже нахальство, — сказал Отец Невесты. — Он не знал, что в доме такая звукопроницаемость! Наивный ребенок!

— В наше время многие под наив работают, — сказал Непонятно кто. — У нас в институте один парень тоже... «Я, говорит, не знаю, почему Ремарк — это плохо...»

— Пропесочить разок хорошенько — узнает, — посоветовал Дед.

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Отец Невесты.

Вбежала соседка, подруга Невесты.

— Боже мой!.. Катя!..

— Зина!..

Они обнялись.

— Катя!..

— Зина!..

— Катька!..

— Зинка!..

Семен Кузьмич засмеялся, махнул рукой и вышел.

— Ну, теперь разговорам конца не будет, — притворно рассердился Дед и повернулся к Непонятно кому. — А вы что, тоже пишете, молодой человек?

— Да.

— О чем, если не секрет?

— Вещь называется «Три товарища» — в пику Ремарку. Действуют три друга: Димка, Толик и Боб. Они сперва заблуждаются, потом находят себя. А потом я буду писать еще одну вещь — в пику Хемингуэю.

— Одобряю, — похвалил Дед. — Благословляю, так сказать. Нам надо раскладывать, надо бичевать, надо перетряхивать!.. Я, например, в своей книге «Руки вверх, неприятели!» перетряхиваю все на свете. Надо, надо.

— Итак, молодые люди, — заговорил Отец Невесты, — вы будете жить самостоятельно. Как вы себе это представляете? Я хочу спросить прежде всего вас, молодой человек.

Жених вышел на середину комнаты и заговорил, заметно волнуясь:

— Мне легко отвечать на этот вопрос, потому что я недавно отвечал на вопросы анкеты одной молодежной газеты — «Ваше мнение о семье и браке». Я подробно остановился там на духовном облике современной молодой семьи, на ее, так сказать, идейной подоплеке. Я высказал там одну, на мой взгляд, интересную мысль: современная молодая семья не может существовать без взаимопонимания и дружбы.

— Так, — Отец Невесты кивнул головой.

— Далее, я указывал, что современная молодая семья не мыслится без взаимного уважения и доверия.

— Правильно.

— Вот эти четыре компонента, как три кита, составляют, на мой взгляд, основу основ современной молодой семьи.

— Так.

Жених вошел в раж.

— Я глубоко убежден, — говорил он звенящим голосом, — что, если даже только один из этих четырех компонентов перестанет соответствовать нормам современного общежития, молодая семья распадется. Я глубоко убежден также, что бракоразводный процесс в нашем законодательстве очень уж усложнен. Я могу навлечь на себя немилость леваков, могу показаться излишне тенденциозным, но я говорил и говорить буду, что объявлять в газетах о расторжении брака — это... альковное кощунство!

Все внимательно слушают расходившегося жениха.

— Вы юрист? — спросил Отец Невесты.

— Я, так сказать, антиюрист. — Жених улыбнулся своей шутке. — Я филолог. Но дело тут, как вы сами понимаете, не в профессии. Меня глубоко волнует человеческая сторона этого вопроса. В самом деле, вы пришли с работы, приняли ванну, поужинали и ложитесь на диван. У вас отличное настроение. Вы берете газету и начинаете ее просматривать. Все хорошо. И вдруг: «Марья Иванна Загогулькина...»

Все громко засмеялись.
— «...возбуждает дело о расторжении брака с Загогулькиным».

Все опять громко засмеялись.

— Смешно? — спросил Жених. — Нет, грустно!!! Ты лежишь, тебе тепло, у тебя отличное настроение, а где-то плачет в пепел семейного счастья эта самая Загогулькина Марья Иванна...

Никто не смеется.

— Где-то пропадает хороший человек Загогулькин. Пропадает только потому, что вовремя не досмотрели, не проявили заботу! — В глазах Жениха горячие огоньки справедливого гнева. — Как же ты можешь лежать на диване, как ты можешь чувствовать себя хорошо, если где-то произошла драма! Нет, встань, найди этого самого Загогулькина, поговори с ним, узнай в чем дело, а потом уж ложись. А до этого не смей лежать!!! Я кончил.

— Так их, молодой человек! — вскричал Дед. — И не бойтесь быть излишне тенденциозным! Слово-то какое-то тоже...

— Но ты впал в противоречие, Андж, — заметила Невеста.

— В какое?

— Если бы не было объявлений в газете, ты бы не узнал о драме.

— Ага! Ну-ка, ну-ка. — Дед от удовольствия потер ладони. — Люблю всякие пикники.

Жених снисходительно и с любовью посмотрел на Невесту.

— Я впал в противоречие только потому, что тебе этого хочется.

— Но если бы не было объявления в газете, ты бы не узнал бы о драме, и у тебя было бы хорошее настроение, — стояла на своем Невеста. У нее тоже загорелся в глазах огонек.

— Значит, по-твоему, не будь газеты, я бы не знал жизни? — спросил Жених.

Все с интересом наблюдают за молодыми, хорошо улыбаются.

— Я не утверждаю, что, не читая газет, ты бы не знал жизни — для этого существует кино, радио, телевидение. Я только хочу сказать, что ты бы не узнал о конкретной драме Загогулькина.

— Да я этого Загогулькина за два квартала узнаю! — воскликнул Жених. — Идет человек с грустными глазами — стоп! В чем дело, товарищ? Ну-ка выкладывай, не стесняйся, что там у вас случилось? И неважно, будет это Загогулькин или кто еще.

— Ты узнаешь, а другой не узнает. Нельзя всех мерить на свой аршин. Я знаю сколько угодно молодых людей, которые со спокойной совестью пройдут мимо Загогулькина.

— Во-от! — воскликнул Жених и показал пальцем на Невесту. — Вот мы и договорились!.. Вот с кем надо бороться — с равнодушными! Именно об этом я и хотел сказать, когда заговорил о бракоразводном процессе.

— Это все правильно, молодой человек, — сказал Дед. — Мне нравится ваша горячность, с какой вы отстаиваете свои убеждения. На мой взгляд, это несколько запальчиво, но с годами это уйдет. Вы станете спокойнее, и вам легче будет находить те единственно верные слова, которые проложат вам путь к счастливой жизни. Я хочу спросить о другом: как вы себе представляете другую сторону семейной жизни — материальную, так сказать?

Жених поморщился.

— Как-то не хочется об этом сегодня...

— Нет, уж вы скажите, — настаивал Дед. — Я понимаю, мой вопрос несколько коробит вас, но мы, люди пожилые, знаем, что над этим вопросом многие ломали головы.

— Ну, во-первых, у нас будет две комнаты, два телевизора... Кроме того — я открываю чужую тайну... — Жених радостно засмеялся и посмотрел в сторону своего отца. — Но я очень рад и потому скажу: папа покупает мне подержанную «Победу».

В комнате воцарилась зловещая тишина. Все презрительно и гневно смотрят на Жениха. Он медленно, с ужасом постигает, как низко он пал со своей ничтожной, глупой, неуместной радостью.

— Вон, — негромко сказал Дед.

— Так вот вы какой, оказывается, — тоже негромко сказал Отец Невесты. — Вас в этом мире волнует только «Победа»? Можете считать, что сегодня вы не победили. Я присоединяюсь к требованию моего отца — вон! И, думаю, моя дочь тоже к нам присоединится.

— Я присоединюсь, папа. Я... я не знала, какой он на самом деле... — Невеста заплакала. — Когда мы с ним говорили о семейной жизни, он говорил только о четырех компонентах. Он даже не заикался о «Победе». Он казался мне благородным, с превосходной подоплекой, а оказывается... оказывается, он вынашивал мысль о собственной «Победе»! Ничтожество! О, как я обманулась!

— Я сам только сегодня узнал, — вкрякнул было Жених.

— Не смейте! — Дед стукнул костылем в пол. — Не смейте ничего говорить! Если вы радуетесь по поводу того, что у вас будет своя «Победа», то радуйтесь еще больше, что вы в моем доме и я не могу вас отлупить вот этим костылем, потому что я бла-ародный человек! Можете идти в ресторан!

— Я потрясен, товарищи! — заговорил бледный Отец Жениха. — Мне трудно сейчас говорить... Я не узнаю своего сына... Я что-то просмотрел в нем в свое время — это несомненно. Я что-то главное не увидел в нем. Я действительно хотел купить ему «Победу». Но я никогда не думал, что вместе с «Победой» в нем подымет голову тот маленький собственник, которого он так искусно скрывал в себе. Я сам всю жизнь вот этими руками разливал газировку (показал руки), мне подчас было не до сына, я передоверил его воспитание бабушке — и вот результат.

Мать Жениха тоже заплакала.

— Андрюша, сынок... Сколько раз я тебе говорила: не водись с этими молодыми людьми, это плохая компания. Ты мне что говорил? «Мама, это хорошие люди, хоть они и артисты. Но это не вина их, а беда». Ты говорил...

Отец Жениха: — О-о!

Отец Невесты: — Все понятно.

Мать Невесты: — Ая-яй!

Дед: — Ну, конечно!

Невеста: — Да-а!

Непонятно кто: — Да-а...

— А вместе с тем я знала, — продолжала Мать Жениха, что один из этих молодых людей развелся с женой, у другого — выговор по общественной линии за грубость с начальством... И сколько бы он ни говорил,

что это несправедливый выговор, я не верила. Несправедливых выговоров не бывает...

Жених стоял белый как бумага. Он посмотрел на Непонятно кого.

— Толик, скажи им, что это неплохие люди... Скажи хоть что-нибудь!

— Я не хочу с тобой говорить! — отрезал Толик. — Я больше тебе не друг. Ты только что говорил о борьбе с равнодушными — ты лгал! Ты не только не узнаешь Загогулькина, ты наедешь на него собственной «Победой». Ты раздавишь его! Подумай о том, что с тобой случилось сегодня, пойми, пока не поздно, что ты стоишь над пропастью во ржи! Ты говорил, что не надо объявлять расторгнутые браки в газетах, ты опять лгал: их давно не объявляют. Ты изолгался!

— Люди узнаются на крутых поворотах, — сурово сказал Дед. — Я не случайно заговорил о материальной, так сказать, стороне дела. Когда он говорил о четырех компонентах, в его словах чувствовалась какая-то неуверенность, он все время что-то недоговаривал. Меня не проведешь, молодой человек! Я раскусывал экземпляры последнее, и мне жаль вашего отца и вашу мать: не велика радость иметь такого сына.

— Я осознал, товарищи, — жалко залепетал Жених. — Мне ужасно стыдно. Мне... я... Мне так трудно сейчас... Он сморщился, сдерживая невольные слезы... Махнул рукой и быстро вышел, не попрощавшись.

— Ничего, у него есть еще время стать настоящим человеком, — все так же сурово сказал Дед — Помогите ему, не оставляйте сегодня его одного.

— Какой ужас! — простонал Отец Жениха. — Какой ужас!.. До свиданья!

— Вот до чего доводит дурная компания, — сказала Мать Жениха. — До свиданья.

— До свиданья.

— До свиданья.

— Всего хорошего, — сказал Дед. — Последите сегодня за ним. Уберите из его комнаты все ножи, вилки — вообще колющие предметы. Но особенно чернила — не допускайте, чтобы он писал упадочнические стихи.

Мать Жениха и Отец Жениха ушли. Тут на середине комнаты вышел Непонятно кто (Толик).

— Николай Арсеньич, и вы, Анна Иванна, и вы, Арсений Назарыч... — Голос Толика слегка дрожал. —

Одним словом, я прошу руки вашей дочери и внучки. Извините за дерзость.

Мать Невесты: — Как?

Отец Невесты: — Как?

Дед: — Как?

— Я давно люблю Катю. Но я знал, что она дружит с этим... Я не хотел мешать их счастью.

— Это бла-ародно, молодой человек!

— Я на последнем курсе филологического факультета — изучаю язык древних арабов. Защищаю диплом и еду на Крайний Север. Многим это может показаться странным: зачем, мол? Я же убежден, что мое знание древнеарабского языка пригодится в суровой тундре.

— Ничего в этом странного нет! — воскликнул Дед. — Это бла-ародно.

— А пока я живу в общежитии, гол как сокол, за душой — ни копейки. Все — в будущем. Если вас это смущает, скажите сразу — я напишу на вас фельетон.

— Что вы! — воскликнул Отец Невесты. — Кого это может смущать?

— Но учтите, дети мои, семейная жизнь, да еще в условиях тундры... — Мать Невесты опять всплакнула.

— Bravo, молодой человек! — опять воскликнул Дед. — Я когда-то так же начинал.

— Толик!.. Толька... — Невеста бросилась к Толику. — Я всегда за тебя голосовала!..

Волшебный человек взял веточку у Оптимиста, махнул ею — стена дома сомкнулась.

— Я затрудняюсь, молодые люди, — сказал он. — Вот что: у меня есть заместитель по оргвопросам, я попрошу его побеседовать с вами, он дока в этих делах. Потом мы решим. — И Волшебный человек исчез.

А Пессимист и Оптимист опять заспорили.

— Ты кретин, — сказал Пессимист.

— Нет, это ты кретин, — ответил Оптимист.

— Ты — восторженный конь!

— Подонок!

— Сейчас я тебя буду бить!

Тут они стали драться. Прибежали люди, разняли их. Пришел милиционер.

— В чем дело, граждане?

Оптимист показал на Пессимиста.

— Вот этот тип искажил картину жизни!

— Нет, это ты искажил!

— Нет, ты!

— Нет, ты!

Милиционер видит, что так они ни до чего не договорятся, хотел их взять с собой, но тут подскочил Некто, хромой и бойкий, и сказал, что он разберется.

Пришли в какое-то помещение.

Пессимист струсил, Оптимист — тоже: им не понравилось помещение.

— Посидите здесь пока, никуда не уходите, — сказал Некто, а сам ушел.

— Давай заключим пока мир, — предложил Пессимист.

— Давай, — согласился Оптимист.

— Что делать?

— Не знаю.

— Эх, ту бы волшебную веточку сюда! — вздохнул Пессимист.

— У меня есть один листочек от нее, — сказал Оптимист. — Когда старик дал мне веточку, я незаметно сорвал один.

— Давай его сюда! — взревел Пессимист.

— Ишь ты какой!

— Давай так: кого первого вызовут, тот возьмет с собой листок, — предложил Пессимист. — Нужно, чтобы нас там поняли. Без листочка не поймут. Давай?

— Давай, — согласился Оптимист. Он был великодушный малый.

Первого вызвали Пессимиста. Оптимист незаметно сунул ему листок от волшебной веточки.

Едва только Пессимист ступил на порог кабинета, как в кабинете все помрачнело и Некто в один миг из доброго, расторопного превратился в какого-то свирепого Малюту Скуратова, нервного и внимательного.

— Говори, подонок, что случилось? — рявкнул он. — Только не путай тут.

— Я высказывал свои взгляды на жизнь. Я убежден... Я утверждал...

— Короче!

— Я высказывал взгляды... Я утверждал...

— Короче!

— Я высказывал взгляды...
— Короче! Воруешь?
— Я бы попросил...
— Я тебе сейчас попрошу! — Некто встал, подошел к Пессимисту и начал его обыскивать. — Где нож?
— Нету.
— Где нож, я тебя спрашиваю?!
— Нету.
Некто дал Пессимисту в челюсть.
— Где нож?
Пессимист заплакал.
— Я не ворую, я принадлежу к философской группе...
Некто внимательно посмотрел на Пессимиста, сел, приготовился писать.
— Чем занимается группа? В каком районе действует? Кто вожак? Отвечать быстро и точно.
— Я — мыслитель.
— В чем заключаются твои обязанности?
— Я думаю. Я как бы разрезаю действительность и вскрываю...
— Где нож?
— Я мысленно разрезаю!
Некто ткнул Пессимиста в живот.
— Где нож!
Пессимист опять заплакал.
— У меня нет ножа. Я головой разрезаю...
Некто стоит в недоумении.
— Ты не темни здесь! Ты меня путаешь!
— Честное слово! Я головой разрезаю, извилинами...
Некто сел, начал писать.
— Говори дальше, все говори.
— Я считаю, что самый верный и быстрый способ познания жизни — это заставить ее врасплох, неожиданно... Это мой метод. Я бросаюсь на нее прыжкообразно и срываю всяческие покрывала...
Некто достал из ящика стола наган, положил рядом с собой.
— Дальше.
— Меня уже ничем не удивишь. В жизни действуют одни подлецы и мошенники. Хороших людей нет. Их выдумывают писатели, чтобы заработать хорошие деньги. Честных людей тоже нет. Все воруют, лгут и оскорбляют друг друга...

Некто встал, подошел к Пессимисту и... пожал ему руку.
— Спасибо. Наконец-то я встретил настоящего человека. Извини, я принял тебя за вора. Говори дальше, я буду записывать каждое слово и вечерами читать.
— Самое мое любимое занятие — смотреть в чужие окна. И что же я там вижу?! Я вижу там одни свинцовые мерзости.
— Свинцовых мерзостей не бывает, — поправил Некто. — Бывают — пьяные. В нашем волшебном мире, например, много пьяот.
— Кстати, что это за волшебный мир? Что вы там делаете? — поинтересовался Пессимист.
— Мы хотим жизнь превратить в сказку!
— Да?
— Да!
— Хотел бы я знать, как вы это болото превратите в сказку. Бульдозерами, что ли? Засыплете?
— Это не ваше собачье дело! — почему-то вдруг обозлился Некто. — Ваше дело...
Но тут Пессимист показал волшебный листик.
— Вы забываетесь...
— Да, да... Извините, увлекся. Так на чем мы остановились?
— Что жизнь — болото.
— Болото. Кстати, вы не хотели бы пойти поучиться на волшебника?
— Зачем это? — удивился Пессимист.
— Видите ли, в той сказке, которую мы хотим создать, предполагаются... как бы это выразиться... представители темных сил, что ли.
— Баба Яга, Змей Горыныч...
— Что-то вроде этого, только без той гадкой сущности, какую привыкли нести эти твари. Так вот, для подготовки этих персонажей...
— Нет, — твердо сказал Пессимист. — Я буду продолжать копаться в грязи, я буду выдумывать все новые и новые комбинации отчаяния и грусти. Я никогда не поверю ни в какое светлое будущее...
Некто перестал записывать.
— Я это не пишу. Дальше.
— Хорошо. Но я буду смеяться над теми, кто поверит в светлое будущее. Вот так: «Ка-ка-ка!»

— Прелесть! Умница! Оскар!
— Какой Оскар?
— Ну, тот... в тюрьме-то, в Рэдингской, забыл фамилию...

— Вы бросьте, слушайте! — прикрикнул опять Пессимист.

— Я уже заткнулся.

— Нам и так-то не сладко, а вы еще с намеками тут...

— Какие намеки? Бросьте вы тоже...

— Не надо. Не надо! Не надо!! — Пессимист стал нервничать и подергиваться. — Не надо!! А то я дам в лоб мраморной пепельницей...

— Довольно, — сказал Некто. — Спасибо. Я слушал ваши слова, как музыку. Это что-то невероятное!.. Пишите книгу, молодой человек, пишите стихи, делайте что-нибудь, черт вас возьми, но не зарывайте ваш талант. Подождите в коридоре, мы потом еще поговорим.

Пессимист вышел из кабинета.

— Ну что? — спросил его Оптимист.

— Ажур. Мы поняли друг друга: я ему наговорил...

— Давай листик.

— На. Только не потеряй его. Смело гни свою линию: листик работает.

В кабинет вызвали Оптимиста. И едва только он вошел туда, как все вокруг посветлело. Некто преобразился. Это уже не Малюта Скуратов, и это не бойкий нервный зам — это спокойный проницательный добряк, веселый и жизнерадостный.

— Садитесь, молодой человек, — вежливо предложил он. — Курите.

— Спасибо.

— Так что у вас там случилось?

— Я волнуюсь и не умею говорить, но я скажу. Я все скажу! — загорячился Оптимист.

— Скажите, скажите, — Некто добродушно улыбался.

— Я не только скажу, я просто не позволю, чтобы всякие нытики глумились над жизнью. Ведь жизнь — это... это как бы стометровка!

— Почему же стометровка? — возразил Некто. — Я бы сказал: жизнь — это рысистые испытания. Или лучше: бег с препятствиями. Препятствия, в смысле —

трудности, еще имеются, молодой человек. Незначительны, конечно, пустяковые, но имеются. Итак?..

— А меня лично жизнь зовет, и я устремляюсь. И я лично не понимаю, о каких трудностях вы говорите!..

— Ну, ну... я пошутил просто. Какой горячий молодой человек! Уж и пошутить нельзя!

— Ну а если, скажем, молодой человек или девушка едут в необжитые районы в Сибирь, должны же им сказать, что их там, кроме всего прочего, ждут и трудности?

— Ни в коем случае! — воскликнул Оптимист. — Мы делаем великую глупость, когда предупреждаем об этом. Вот потому-то и видишь иной раз: человек едет в необжитый район, а задумчив. Почему, спрашивается? О чем задумался? Что ты оставил здесь, что давало бы тебе основания задумываться? Квартиру с удобствами? Родных и друзей?.. А там тебя ждет палатка! Там тебя ждут бураны, медведи, волки!.. Спрашивается: что же лучше? Что лучше: удобная квартира или палатка с медведем?

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Конечно, палатка с медведем лучше. Но ведь едут-то они туда строить дома с удобными квартирами. Это тоже нельзя забывать. Значит, медведь не вечен? — Некто поднял кверху палец, хитро прищурился.

— Медведь, к сожалению, не вечен, — согласился Оптимист. — Но это не должно нас смущать: кончатся трудности — мы их выдумаем!

— Это вы точно сказали. Это не в бровь, а в глаз.

— Я всегда говорю в глаз, хотя и не умею говорить и всегда волнуюсь. Да, так о чем мы? Ага, о юноше, который едет в необжитый район и сидит в вагоне задумчив.

— Нет, мы заговорили о медведе. И я хотел спросить вас с связи с этим: вот, скажем, вышли вы утром из палатки, а в десяти шагах стоит медведь. Бурый обыкновенный медведь средних размеров. Ваши действия?

Оптимист немного подумал.

— Песня! — воскликнул он. — Я запеваю бодрую песню и иду от палатки. Медведь слушает и идет за мной. Таким образом я увожу его от палатки, в которой спят мои товарищи, и они никогда не узнают, какая опасность подстерегала их в то утро. Я иду по тайге и пою.

Медведь идет за мной. Я устаю идти, устаю петь, но я иду и пою. Потом я ползу и пою. Потом я перестаю ползти и петь. Медведь подходит ко мне, и я вижу в его звериных глазах восторг и удивление...

— Так, правильно. Еще один вопрос: вы идете с товарищем по тайге. Вы заблудились. У вас на исходе продукты. Вы все делите пополам и продолжаете идти...

— Стоп! — воскликнул Оптимист. — Во-первых, я не стану делить продукты пополам — я отдам товарищу все.

— Я знал, что вы так скажете. Поэтому еще один вопрос: а если ваш товарищ поступит точно так же?

— Тогда мы бросаем пищу и идем дальше.

— Правильно. Вас не поймает.

— Как-нибудь!

— Последний вопрос: вы выходите из тайги?

— Не-сом-нен-но!

— Вы готовы к трудностям, молодой человек!

— Потрогайте. — Оптимист дал потрогать свои бицепсы. Некто потрогал.

— Да, вы готовы к трудностям. В этом я еще и еще раз убеждаюсь.

— Я готов ко всяким трудностям.

— Значит, вы едете в Сибирь?

— Я повторяю: я готов ко всяким трудностям и лишениям, но у нас их нету. Палатка с медведем — это, сами понимаете, не трудность. Значит?..

Некто не догадывается, что — «значит».

Оптимист улыбнулся.

— Ну?.. Я готов к трудностям, но их нет, — значит?..

Логика, логика!

— Не могу догадаться. — Некто смутился.

Оптимист терпеливо объясняет:

— К трудностям я готов. Так? Но трудностей нет.

Палатка, бураны и медведи не трудности. Значит?..

— Честное слово, не могу...

— Значит, я не еду в Сибирь! — громко и весело сказал Оптимист.

Оба искренне смеются.

— Bravo, молодой человек! Двадцать копеек с меня. А в волшебники к нам не хотите пойти работать? У нас есть кое-какие трудности.

— Ваши трудности — это тоже не трудности, — сказал Оптимист. — Я их, кстати, не знаю и не хочу знать.

Жизнь идет вперед. И как поезд идет мимо небольшого полустанка, не останавливаясь на нем, так жизнь грохочет мимо ваших, например, трудностей, не обращая на них внимания. Значит?..

Некто опять в затруднении.

Оптимист решил объяснить предметно.

— Вот полустанок — то есть ваши трудности. — Положил на стол коробок спичек. — Так? Вот — жизнь... — Хотел взять наган, но Некто смущенно убрал его. Оптимист взял протокол, свернул его в трубку. — Вот — жизнь, которая стремительно проносится мимо. — Показал. — Теперь: я занимаюсь вашими трудностями... — Ткнул в коробок пальцем. — А жизнь — смотрите! — грохочет мимо. Значит? Логика?..

— Не понимаю. — Некто опять в затруднении.

— Значит, я не иду к вам работать!

Опять весело рассмеялись.

— Ловко вы меня, — сказал Некто.

— Если я пойду к вам работать, значит, я останусь на полустанке, и жизнь будет грохотать мимо меня. Я же хочу все время устремляться вперед. И я устремляюсь.

— Стоп! Сейчас я угадаю вашу профессию, — сказал Некто.

— Не угадать.

— Угадаю!

— Ни за что!

Некто пристально посмотрел на Оптимиста.

— Летчик.

Оптимист покачал головой.

— Вы слишком буквально поняли устремление вперед. Летчик — это механическое устремление.

— Геолог!

— Геолог — это устремление вглубь, а не вперед.

— Преподаватель истории!

— Ну-у, это совсем не то. История — это...

— Нет, нет, это действительно не то. Сейчас, сейчас...

Оптимист улыбается, ждет.

— Ну?..

— Сейчас, сейчас... Поэт?

— Близко, но не то.

— Черт возьми! Сейчас, сейчас... Сутенер! То есть...

Тьфу, черт... не то хотел сказать, извините, пожалуйста.— Некто покраснел.

— Ничего,— великодушно сказал Оптимист.

— Я хотел сказать — связист!

— Не то.

— Тогда не знаю. Пас.

— Вы взялись за непосильную задачу. Мою профессию определить невозможно.

— Почему?

— Потому что у меня нет никакой профессии.

Некто так и покатился.

— Ну, ловко же вы меня!.. Ха-ха-ха!.. А что вы делаете?

— Ничего, в том-то и дело.

— Как?

— Так. Обычно лежу на диване или прохаживаю по улице.

— Но вы же сказали, что вы все время устремляетесь вперед!

— Да, я лежу и устремляюсь. Понимаете?

— ???

— Ну, лежу и одновременно устремляюсь вперед! Неужели вы себе не можете представить такого? Это после эйнштейновской-то теории?!

— Как-то трудно, знаете... Не могу, знаете, ощутить этого явления.

— Душой! Сердцем! Помыслами устремляюсь!

— А-а, вот теперь понял...

В этот момент окна кабинета сами собой распахнулись, ворвался с улицы вихрь, выхватил из рук Оптимиста волшебный листик и унес в окно.

— Так вы, значит, нигде не работаете? — строго спросил Некто. Он сделался пожилым, усталым.

— Нет.

— И не желаете работать?

— Работать — значит не устремляться вперед. Верно? Значит?..

— Попросите другого сюда,— распорядился Некто.

Но дверь сама открылась, и вошли Волшебный человек и Пессимист. Пессимист сразу зарычал на Оптимиста:

— Сороконожка!.. Где волшебный лист?! Сейчас я тебя буду бить...

Волшебный человек остановил его твердой рукой.

— Спокойно.

— Вы видели подонков, которые никуда не устремляются?! — вскрикнул Оптимист. — Вот один из них. Позвольте ваш наган, на минутку: я его кокну.

— Спокойно! — опять сказал Волшебный человек. — Сядьте. Лист у меня, больше вы его не получите.

— Но он же искажил картину жизни!

— Нет, это ты ее искажил!

— Спокойно! — еще раз сказал Волшебный человек. — А то я превращу вас в баранов, и мы с замом наделаем с вас шашлыков. — Волшебному человеку самому понравилась эта шутка, и он засмеялся: — Гы-гы-гы...

Пессимист и Оптимист не засмеялись.

Волшебный человек скрестил руки и долго ходил по кабинету. Он думал.

— Вы оба искажили картину жизни, — сказал он. — Вы оба ударились в крайность. А смысл в том, чтобы... — Он опять погрузился в свои думы.

— В чем смысл? — спросил Оптимист. — А то я волнуюсь.

— Смысл в том, чтобы... Заманчивая идея, черт возьми! — Волшебный человек опять погрузился в думы.

— У вас туалет где? — негромко спросил его Оптимист.

— В коридор и налево. Побыстрее там, я сейчас буду изрекать смысл — нечто новое.

— Бойтесь, что убегу? Принципиально не пойду. Я лучше здесь...

— В чем смысл? — нетерпеливо спросил Пессимист.

— Смысл в том, — торжественно заговорил Волшебный человек, — чтобы соединить обе эти точки зрения и в результате напряженного философского акта породить — третью! А? Заделаем?

— Как? — спросили все.

— Так. Я перевожу свои волшебные часы... Есть. Сватовство идет. Семейство Невесты такое, каким его видит наш Оптимист. Семейство Жениха — как видит Пессимист.

— Ура! — вскричали Пессимист и Оптимист. Взялись за руки и стали танцевать.

В этом мире — тру-ля-ля!
тру-ля-ля!
тру-ля-ля!

Жизнь не стоит ничего!
ничего!
ничего!

— Вперед, шалунишки! — скомандовал Волшебный человек. — Все идемте. Мы увидим сейчас нечто новое.

А в это время в доме Невесты творилось что-то невероятное.

Дед читал непонятно кому свою книгу:

— ...Тут я взял винтовку и шарахнул его. Голубые мозги свистнули на парапет и ухлюпами догто содрогались. В этот момент она вышла из комнаты и подняла свою гадючью головку, стараясь произвести обратное впечатление. Я заклацал затвором, чувствуя, что меня всего обволакивает. «Получай!» — сказал я и ее тоже шарахнул. «Гук! Гук! Гук!» — разнеслось по всем комнатам.

— Сколько метров? — спросил непонятно кто.

— Где?

— Квартира?

— Не знаю.

— А чего же пишешь? Тумбочки лучше делай.

В другом углу Жених учил Отца Невесты боксу. Обматывал кулак полотенцем и показывал приемы.

— Крюк! — кричал разгоряченный Жених. — Опп!

Отец Невесты отлетел к стенке.

Отец Жениха повел его опять к окну.

— Удар, а?..

— Отличный удар. Вот я помню, когда уезжал на Крайний Север...

— Погоди ты со своим Севером! Становись.

— Вы полегче его, — сказала Мать Невесты. — А то сотрясение будет.

— Какое сотрясение! — воскликнул Отец Невесты. — Надо — значит, надо!

— Он мне один раз как засветил, — вспомнил Отец Жениха, — я неделю на кварц ходил. Ну-ка, сынок, как ты мне тогда?.. Ну-ка, ему тоже так!

— Прямой правой? — спросил важный Жених.

— Я не видел. У меня тогда искры из глаз посыпались.

Все засмеялись.

— Как образно! — сказала Невеста. — «Искры посыпались...» Какой все-таки русский язык!..

— Это — правой в лоб, снизу, — вспомнил Жених. — Это делается так... Нагни голову.

Отец Невесты послушно нагнул голову.

— Есть.

— Ниже.

— Есть.

— Следите за моей правой ногой... Вот что она делает... Удар пойдет оттуда.

Все замерли и следили за правой ногой Жениха. Он прыгал.

— Опп! — сказал Жених, и Отец Невесты полетел в угол.

— Все, нокаут, — сказал Жених.

Действительно, Отец Невесты не поднимался. Его стали приводить в чувство.

— Ты увлекся, Андж, — сказала Невеста.

— Если бы я увлекся, здесь бы давно уже никого не было. Мы один раз пошли с дружкой к одним знакомым... А дружок с женой был. А там один фраер был. Ну, мы их застучали в туалете. Вот там я увлекся! Начали фраера в унитаз толкать, он не лезет...

— Принципиально не лезет или просто не может? — спросила Мать Невесты.

— Не хочет!

— А вы?

— Мы сняли с него костюм и пустили в одной шляпе. Он в два часа ночи голый когти рвал.

— Это же неэтично, Андж.

— Э? — спросил Жених.

— Неэтично...

— Зато — голый! И скорость приличная.

— Я понимаю твоё увлечение скоростью, Андж, но согласишься: голый человек в два часа ночи... Ты можешь возразить: а как же Высокое Возрождение?..

— Они не успели, — сказал Жених.

— То есть?

— Мы пришли раньше.

— Я говорю о Возрождении...

— Я тоже. Они не успели. Мы пришли раньше.

— При чем тут вы?

Жених посмотрел на Невесту как на дуру. Показал пальцем на лоб.

— У тебя что, замкнуло?

— Андж!!!

В это время в комнату вошли Волшебный человек, Оптимист, Пессимист и Некто. На них никто не обратил внимания.

Дед и Непонятно кто о чем-то спорили в своем углу. Невеста тоже что-то горячо доказывала. Жених возражал. Мать Жениха и Отец Жениха тоже заспорили с Матерью Невесты и Отцом Невесты.

— Он меня хотел изуродовать! — кричал Отец Невесты. — Это членовредительство!

— Членовредительство бывает не такое! — возражал Отец Жениха. — Он куда тебя шарахнул? По башке?..

— Я бы попросила!..—тоже горячо заговорила Мать Невесты. — Я бы попросила выбирать выражения!

— Да?! — спросила Мать Жениха.—А мне кажется, что тут кое-кому надо закрыть поддувало! А то — сквозняк!

Отец Жениха взял Отца Невесты за грудки.

— А я тебе говорю: голова — это что?

— А что же это такое, по-вашему?

— Голова-то?

— Ну.

— Голова — это орган. А членовредительство—это...
Пойдем к двери, я тебе покажу членовредительство!

— Не пойду!

— Пойдешь!..

Страсти разгорались.

Все говорили сразу, ничего нельзя было разобрать. И в этот момент раздался громкий протяжный возглас:

— Полундра!..—Это Дед вскочил с места и забегал по комнате.—Где моя сабля?! Я его сейчас развалю на две половинки! У меня еще полно пороха в пороховницах!..

Непонятно кто бегал за Дедом и повторял:

— Сундук! Сундук!

— Атаас!—вскричал Жених и стал снимать пиджак.

Отец Жениха тащил Отца Невесты к двери.

— Иде-ем! Счас узнаешь, что такое членовредительство! Счас я тебе объясню...

— Полундра-а! — кричал Дед.

Тут не выдержал Волшебный человек и решил вмешаться.

— В чем дело, дедушка? Почему вы так раздухарились?

— Он на меня говорит: «Сундук»!

— Слушай,— обратился Волшебный человек к Непонятно кому.— Почему ты на него говоришь «Сундук»?

— Потому что он не хочет делать тумбочки,— сурово сказал Непонятно кто.

— Я пишу книгу!

— Он пишет книгу...

Тут подошел Пессимист и засмеялся «под Мефистофеля»:

— Ка-ка-ка!

— Что, что тут смешного? — встрял Оптимист.— Продолжайте, дедушка, писать, не слушайте разных хлюпиков.

— В том-то и дело! Поэтому-то я и хочу развалить его на две половинки!

Тут к ним подошли Отец Жениха и Отец Невесты.

— У нас спор,— сказал Отец Невесты.— Что такое голова?

— Голова? — удивился Волшебный человек.— Голова — это...— он подумал,— это чердак. Я выражаюсь образно. Вот дедушка меня поймет.

— Я в своей книге «Руки вверх, неприятели!» называю голову — кумпол.

— А вот у нас тоже был случай,— подошел Жених.— Идем мы раз с другом к нашей общей знакомой, к нам подходят двое. Я как дал одному...

— В каком районе? — спросил его Некто.

— Запутать хочешь, да? — насторожился Жених.— Не на того нарвался.

— При чем тут сразу — «запутать»? — вмешался Волшебный человек.— Он просто поинтересовался...

— А ты закрой поддувало и не вякай. Я не с тобой разговариваю.

— Сынок, дай им всем снизу вверх под сорок пять градусов,— посоветовал Отец Жениху.

— Что-то я не вижу тут ничего нового,— сказал Пессимист.

Волшебный человек нахмурился.

— Молодой человек, разве можно так выражаться?

— Они вообще расхамились тут,— сказал Отец Невесты.— Дочка, дай ружье.

— Руки! — закричал Дед.

— Кто сказал — «руки»? — озверел Жених.— Кто?

Вот этот нафталин? Внимание, сейчас будет — правой снизу в челюсть! Следите за ногами.— Он запрыгал перед Дедом.

— Сейчас он его изуродует,— радостно сказал Отец Жениха.

Все остановились возле Жениха и Деда и ждали.

— Следите за ногами,— предупредил Жених,— удар начнется оттуда.

Дед растерянно ждет.

— Он же убьет его! — сказала Мать Невесты.

— Не убьет, у нас бокс любительский,— заметил Оптимист.— Но челюсть может вылететь.

— Сынок,— заговорила Мать Жениха,— лучше левой в печень, чтобы он сразу загнулся.

— Правильно,— согласился Непонятно кто,— метраж будет свободнее. Все равно он не хочет тумбочки делать.

— Нет, лучше по голове...

— По голове не надо,— предупредил Дед.— Я не допишу книгу.

— Следите за ногами! — опять крикнул Жених.

— Сейчас он его...

— Дедушка, сколько вам было лет? — спросил Оптимист.— Я завтра статью о вас буду писать.

— Семьдесят восемь.

— Кошмар! Давно надо было...

— Что давно?

— Давно надо было полное собрание написать. На чем вы остановились в вашей книге?

— Как я попал в плен и измордовал неприятельского генерала.

Жених перестал прыгать.

Все тоже удивились.

— В плену?

— Конечно. Он у меня двое суток пятый угол искал. Причем, что удивительно: он мне нарисовал карту земного шара и говорит: «Все, я больше ничего не знаю». Но этот номер ему не прошел...

— Следите за моими ногами! — вскричал опять Жених.

— В печень, сынок! В печень!

— Дочка, дай ружье!

— Держись, дедушка!

Все кричат, ничего не разобрать.

Дед громко запел:

— А я еду, а я еду за туманами,
За туманом и за запахом тайги!

— Слушайте, прекратите это! — потребовал Некто у Волшебного человека.— Тут ничего невиданного нет. Волшебный человек посмотрел на руку...— часов нет.

— Кто свистнул мои волшебные часы?!

— Следите за ногами!..— орал Жених.

— В печень, сынок! В печень!

— Снизу вверх под сорок пять! Снизу вверх под сорок пять!

— Гоп со смыком — это буду я! Ха-ха!..

— Папаша, стреляй! Огонь, папа!

— Кто свистнул часы?!

А я еду, а я еду за туманами,

За туманом и за запахом тайги!

— Кто взял часы? Какая сволочь?

В этом мире — тру-ля-ля!

тру-ля-ля!

тру-ля-ля!

Жизнь не стоит ничего!

ничего!

ничего! —

пели Оптимист и Пессимист.

— Огонь, папа!

Некто и Волшебный человек пытаются навести порядок, но не могут. Пошли в ход подушки, стулья.

— Снизу вверх под сорок пять!

В это время вошел Сосед.

Взял за воротник Волшебного человека, подвел к двери и дал ему пинка под зад.

Потом взял Пессимиста и выпроводил его таким же образом. И Оптимиста также. И Некто пошел следом.

Все замолчали и смотрят друг на друга с недоумением.

— Теперь давайте так, как это бывает на самом деле — с точки зрения нормальных людей.

Сатирическая повесть для театра

— Проходите, товарищи,— сказал Отец Невесты,— садитесь, пожалуйста. Чем обязаны?

Гости (семейство Жениха) расселись, где кому удобно.

— Дело такое,— заговорил Отец Жениха,— пришли мы, как говорится, по весьма щекогливому делу: сватать вашу дочь. И решили целым семейством сразу: заодно и познакомимся. Не возражаете?

— Да ведь тут... как тут возразишь? — Отец Невесты засмеялся (нормально).— Кое-кто тут, надо полагать, раньше знаком. Что ж... просим к столу. Мы, правда, не готовились, но как-нибудь выйдем из положения.

— Прощу, дорогие гости, прощу,— сказала Мать Невесты.

— Э-э! — воскликнул Дед.— Так я еще и на свадьбе погуляю!

Все засмеялись и стали садиться за стол.

К о н е ц

Жил-был на свете Аристарх Петрович Кузькин, и жила-была жена его, Вера Сергеевна... Впрочем, почему—жили, они и теперь живут, а это и есть рассказ про их жизнь: какая случилась с ними и с их друзьями непредвиденная печальная история. Обои им под сорок, конкретные, жилистые люди; у Аристарха Петровича интеллигентная плешь, маленькие, сведенные к носу глаза, он большой демагог, не лишен честолюбия. Вера Сергеевна — тоже демагог, но нет того мастерства, изящества, как у Аристарха Петровича, она из рабочей семьи, но тоже очень честолюбива и обидчива. Он и она — из торговой сети, он даже что-то вроде заведующего, что ли, она — продавщица ювелирного магазина «Сапфир». Была у них 3-комнатная квартира. Все было бы хорошо, но... Про это «но» много уже рассуждали — да: НО...

Аристархушка крепко пил.

И пил, собака, изобретательно.

ВЕЧЕР, КОТОРЫЙ НЕЗАМЕТНО ПРЕВРАЩАЕТСЯ В НОЧЬ

Аристарх назвал гостей пять человек, заставил письменный стол шампанским, коньяками, икрой в баночках.. В комнате у Аристарха накурено и шумно — что-то такое, кажется, обмывали, может быть, автомобильные покрышки, потому что в коридоре лежали автомобильные покрышки, пять штук.

Вера Сергеевна много боролась с пьянством мужа, обозлилась вконец и отрешилась. Сидела в своей комнате и смотрела телевизор, нарочно запустив его на полную громкость, чтобы хоть как-то мешать этим идиотам, которые шумели в комнате Аристарха.

Гости шумели.

— Ты ль меня, я ль тебя любить буду!.. — пел один, вовсе лысый; и все одно: «ты ль меня, я ль тебя...»

— Ну, полетели?! Вы, полетели?! — приставал ко всем курносый человек в очках и смеялся, и махал руками, как птица, и все звал: — Ну, полетели?!

— Рано, рано, — говорил Аристарх. — Тут еще полно всяких мошек.

Похоже, этот курносый хотел затеять какую-то знакомую игру, в перелетных птиц, что ли, но еще не все наклюкались. А один — с большим брюхом — не знал, что это такое — «полетели». И тоже приставал ко всем:

— А куда полетели-то? А? Куда это лететь-то?

— На Кудыкину гору!

— Куда, куда?

— Туда!..

— Да он же не знает, чего ты озверел-то? — остановил Аристарх одного чернявого, который обозлился на этого, с брюхом.

— Ну, полетели же! — стонал курносый.

— Ну, полетели, — сказал Аристарх.

Присели на дорожку, налили по чарочке...

— Прощай, родина, — грустно сказал Аристарх. — Березки милые...

Курносый всерьез заплакал и замотал головой.

— Полянки... Простор...

Чернявый дал кулаком по столу.

— Не распускать нюни!..

— Инстинкт, — сказал один пожилой с простым лицом.

— Выпили на дорожку! — пригласил Аристарх.

Все выпили... Аристарх первый поднялся из-за стола, пошел открыл дверь комнаты, вернулся и стал наизготовке посреди комнаты.

— Я — вожак, — сказал он.

За «вожаком» выстроились остальные пятеро...

И они «полетели»... Они замахали руками, закурькакали и мелкими шажками потянулись за «вожаком». Сделали прощальный круг по комнате, «вылетели» в коридор, «пролетели», курлякая, через комнату Веры Сергеевны и очутились в третьей комнате, где был тоже стол и холодильник.

Они сели, печальные, за стол... А Аристарх доставал из холодильника коньяк.

— Далеко теперь наши березки, — сказал курносый; он уже опять готов был плакать.

— А я люблю избу! — громко и враждебно сказал человек с простым лицом. — Я вырос на полатах и они у меня до сих пор — вот где! — Он стукнул себя в грудь. — Обыкновенную русскую избу! И вы мне с вашими лифтами, с вашими холодильниками...

— А коньячок-то любишь — похолодней, — вставил чернявый.

— Он и в погребе будет холодный.

— В погребе он будет плесенью отдавать, — сказал брюхатый. — Ты попробуй поставь на недельку в погреб — потом выпей: плесенью будет отдавать.

— Сам ты плесень! — свирепел человек с простым лицом. — Свесил на коленки... По какому месяцу?

— Только... знаешь... не надо, — обиделся брюхатый.

— Не надо? Не надо и вякать, про чего не знаешь!

— Хватит вам, — хотел утихомирить их Аристарх. — Это вечная тема...

— Вот в деревне-то у тебя не было бы такого брюха! Ты бы там не жрал на ночь бифштексы кровавые, боров, а утром не валялся бы до двенадцати...

— Ты!.. Жлоб! — прикрикнул брюхатый. — Ты грузишь тару — грузи дальше, а язык не распускай, а то на него наступить можно!

— Да хватит вам! — встрял опять Аристарх.

— Деревню он любит!.. — тоже очень обозлился брюхатый. — Чего ж ты не едешь в свою деревню? В свою избу?..

— У меня ее нету.

— А-а... трепачи. Писатель есть один — все в деревню зовет! А сам в четырехкомнатной квартире живет, паршивец! Я... — брюхатый ударил себя в пухлую грудь. — Я в коммунальной тогда жил, а он — в такой же — один...

— Как один? — не понял чернявый.

— Ну, с семьей!.. Но я — в коммунальной и никуда не призывал...

— Ему за это деньги хорошие платят, что призывает, — вставил курносый.

— Я его один раз в лифте прижал: чего ж ты, говорю, в деревню-то не едешь? А? Давай — покажи пример! А то — понаехало тут... не пройдешь. В автобусе не проедешь...

— Брюхо надо нормальное иметь, тогда и проедешь, — сказал человек с простым лицом. — А то отрас-

тили тут... на самом деле, не проедешь. По какому месяцу, я тебя спрашиваю?

— Грузите бочки апельсинами! — огрызнулся брюхатый. — Избу он любит... Полати он любит... А дулю с маслом любишь? Ну, и катись отсюда!

— Вот: я занимаюсь погрузкой, — показал свой кулак человек с простым лицом, — поэтому он у меня тренированный: разок двину, так у тя сразу выкидыш будет.

— Ну!.. — громко огорчился Аристарх, — прилетели в жаркие страны и давай тут... Мы же в жарких странах!

Все засмеялись.

— С прие... это — с прилетом! — воскликнул чернявый.

(Мы уж теперь так и будем называть их: чернявый — это Чернявый, брюхатый — Брюхатый, курносый — Курносый, лысый, который все песни поет, — это Лысый, а человек с простым лицом будет, для краткости, — Простой человек.)

— С приехалом! — поддержали Чернявого.

— С прилетелом! — сострил Аристарх.

— А мне здесь не нравится, — заявил Лысый. — Вообще мне вся эта история с журавлями... не того... не очень. Давайте споем?

— Выпить же надо, — сказал Простой человек.

— Да, елочки!..

— Коньяк стоит, а мы...

— С прилетелом! — еще раз громко сострил Аристарх.

Выпили.

— Споем? — предложил опять Лысый. И запел:

Из-за острова на стрежень,
На просто-ор речной волны-ы...

Его поддержали Чернявый и Курносый.

Эх, выплыва-ают расписны-ые
Стеньки Ра-азина-а челны...

Но песня не сладилась — не вышла.

— Поехали обратно! — предложил Брюхатый. — Мне здесь тоже не нравится.

— Полетели?! — выкрикнул радостно Курносый. — К березкам!

— Я больше не полечу, — наотрез отказался Брюхатый. — Я поеду поездом.

— Идея! — закричал Лысый. — Едем поездом. Прихватим с собой на дорожку; будем на станциях выходить...

— Можно всю дорогу в вагон-ресторане просидеть, — предложил Простой человек. — Я раз из Воронежа ехал...

— Нет, нет!.. — кричал Лысый. — Нет, мы нормально сядем в поезд, выпьем на дорожку...

— Можно с собой взять!..

— Не надо! — Лысый воодушевился и сильно кричал. — Не надо! Зачем? Мы нормально сядем в поезд, выпьем на дорожку...

— Можно сразу... Слушай сюда! — закричал тоже Простой человек. — Мы — сели, поклади чемоданы — и в вагон-ресторан.

— Да иди ты со своим вагон-рестораном! — оборвал его Брюхатый. — Дай сказать человеку. Когда это ты в вагон-ресторане сидел?

— Я не сидел! — гордо сказал Простой человек. — Я там ночевал.

— Мы нормально сядем в поезд, — продолжал Лысый, — выпьем на дорожку.

— Ты только один в вагон-ресторанах сидишь, да? — Простого человека задело за живое, что Брюхатый ему не верит.

— Так, дальше? — слушал Брюхатый Лысого. — Выпили на дорожку?..

— Выпили на дорожку, малость проехали — у нас пересадка!

— Где пересадка?

— А вон в этой комнате, — показал Лысый на комнату, где сидела Вера Сергеевна. — Мы ее сейчас развеселим!

— По вагона-ам! — скомандовал Брюхатый. — Берите с собой на дорожку, а то пять минут осталось!

— А на посошок-то? Э-э!.. — напомнил Чернявый.

— Давайте быстрее! Быстрее, быстрее. — Брюхатый посмотрел на часы. — Четыре минуты осталось.

Тут все оживились, засмеялись, задвигались... Стали скоренько разливать коньяк по рюмкам.

— Скорей, скорей, — суетился Брюхатый. — А то опоздаем.

— Успеем. Он не точно отходит...

— На ходу запрыгнем.

— Ты-то запрыгнешь, а некоторые... могут родить на рельсах.— Это Простой человек все кусал Брюхатого. Тот снисходительно посмотрел на него.

— Я предлагаю вот этого... жлоба не брать с собой,— сказал он.— Он напьется, и нас из-за него в милицию заберут.

— Ничего! — кричал Лысый.— Дернули!

Выпили.

И «побежали на поезд». На этот раз в голове строя стал Брюхатый и запыхтел, и даже ногой подстукивал.

— Пх-х, пх-х, пх-х... Ну, сели?

— Сели.

— Ту-ту-у!.. — тонко и выразительно «загудел» Брюхатый и медленно тронулся с места. И «поехали»...

«Выехали» в комнату Веры Сергеевны... Брюхатый стал «замедлять ход» и опять тонко, с какой-то даже тоской «прогудел»: — Ту-ту-у!..

Вера Сергеевна с ненавистью смотрела на «поезд».

— Пересадка! — объявил Брюхатый.

«Пассажиры» вышли из вагонов... Расселись кто где смог: кто на тахту присел, кто на кресло... Простой человек сел на полу прямо.

— Много народу на вокзале, — сказал он.

— Вы давно сидите, гражданка? — любезно обратился Аристарх к Вере Сергеевне.

— Нет, я недавно. А вот вам... не знаю, сколько сидеть придется, — как-то значительно сказала Вера Сергеевна.

«Пассажиры» переглянулись.

— То есть? — не понял Аристарх.

— Я эти... путешествия с выпивками пресеку раз и навсегда, — опять зло и непонятно сказала Вера Сергеевна.— Вы у меня подудите... Подудите у меня, паразиты.

— Что, контролеры пришли? — испуганно спросил Простой человек с пола.— А у нас билеты-то есть?

Брюхатый засмеялся и хлопнул одобритительно по плечу Простого человека.

— Да это так — пугают, — сказал Чернявый.— Гражданочка, а вы что, билет не можете достать?

Вера Сергеевна больше не смотрела на «пассажиров», а смотрела телевизор.

— Ну, а почему же сразу — «паразиты»? — оскорбился Аристарх.

— А кто же вы? — повернулась Вера Сергеевна. И зло смотрела на мужа.— Ну — спекулянты, если не паразиты: еще хуже.

— Гражданочка, — опять заговорил Чернявый весело, — вы нас с кем-то спугали: мы обыкновенные пассажиры... Едем на свои денежки.

— Вот и проезжайте. А потом вас повезут бесплатно.

— Куда это? — тоже зло спросил Аристарх.— Куда это нас бесплатно повезут?.. — Он двинулся было к жене, но его остановил Брюхатый.

— Стоп, Аристархушка! — сказал он разумно.— Никаких скандалов на перроне... Нам действительно пора ехать. По вагонам! — опять скомандовал он.

И все опять со смехом построились в затылок друг другу, Брюхатый опять «загудел» — и «поехали» в комнату Аристарха. А в комнате рассыпались и стали занимать места за столом.

— Хотя нормально посидим в ресторане, — пожаловался Лысый.— А то все — в дороге и в дороге... Все всухомятку, как попало...

— Что будем заказывать? — обратился ко всем Чернявый.

— Лично я, — сказал Простой человек, — выпил бы простой водочки. А?

Брюхатый интеллигентно скосоротился на это.

— Пусть пьет водку. А нам, пожалуйста, шампанского...

— И коньячку, — подсказал Курносый.— На меня шампанское как пиво работает: я то и дело бегаю.

— Итак, — подвел Аристарх, перебросив полотенце с одной руки на другую, — коньяк, шампанское... Водки, извините, не держим.

— Ну, как же так — не держите?! — возмутился Брюхатый.— А если человек на полатах вырос?.. Что ему, ваш коньяк пить?

— Ерша ему! — подсказал Курносый.

А Вера Сергеевна в это время выключила телевизор, достала бумагу, ручку... И села писать.

И дальше, — если вообразить, что это на сцене, —

можно услышать что она пишет. Причем уже слабо слышно, как там «сидят в ресторане» наши «пассажиры», а отчетливо слышен голос Веры Сергеевны:

«Уважаемый товарищ прокурор!

В то время, когда все наши люди занимаются производительностью труда, есть отдельные элементы, которые только хотят есть и пить. И занимаются этим каждый день. Вы меня спросите: на какие деньги? Я вам отвечу: они занимаются спекуляцией. Я уже не могу слушать их пьяные голоса, меня глубоко возмущает, как они импровизируют свои дела, а потом по всей ночи курлыкают или изображают из себя пассажиров...»

«Пассажиры» в это время танцевали летку-енку.

«Вот сейчас, когда я пишу Вам это заявление, они танцуют летку-енку. А в коридоре лежат покрышки для «Волги» в количестве пять штук. Вы думаете, где они их взяли? Они их симпровизировали. Так что, я думаю, что при вашей помощи, они станцуют более ответственный танец и поедут пассажирами на казенный счет, я им об этом намекнула. Они мой намек не поняли, только понял мой муж Аристарх, но он думает, что я только пугаю. А у меня уже всякое терпение мое лопнуло: мы перестали уважать друг друга, потому что, как мне кажется, он импровизирует не только с покрышками, но и с чужими женщинами...»

УТРО

Утром Аристархушка проснулся с больной головой... Потянулся к стулу, где был всегда заготовлен стакан с водой. Стакан стоял на месте, а под стаканом — бумага. Аристарх взял бумагу и прочитал:

— Копия...

И побежал глазами по бумаге... И, даже еще не дочитав всего, вскочил и побежал в комнату жены.

Вера Сергеевна, одетая, слышав его шаги, направилась к выходу... И тут ее перехватил Аристарх.

— Ты что? — спросил он.

— Что? — спросила Вера Сергеевна. Она стояла с сумочкой и сумочку держала у груди.

— Ты куда?

— Туда...

— Куда это туда? — спросил Аристарх зло, сквозь зубы. — Куда это туда?

— Ударить хочешь? — спросила Вера Сергеевна спокойно. — Ударь — получишь лишних три года.

— Вера... — Аристарх растерялся. — Сядь... Давай сядем, поговорим. В чем дело?

Вера стояла в шубке, а Аристарх в нижнем белье... Аристарх был жалок рядом с каракулевой шубкой.

— Давай сядем, — суетился Аристарх. — Сядь же ты!.. Скотина.

— Пусти!

— Вера!.. Прости — ну, вылетело. Сядь, я прошу.

— От этого ничего не изменится. — Вера Сергеевна села на диван, на краешек.

— В чем дело? — спросил Аристарх. Подставил стул к двери и сел тоже. — Что случилось?

— Мне надоело! — закричала Вера Сергеевна. — Мне надоела ваша пьяная самодеятельность! Я тебе не служанка!..

— При чем тут служанка? Ну, повеселились... Что, пошутить нельзя?

— С кем ты позавчера шутил? У тебя весь пиджак был в пудре! С кем?!

— Да мало ли... в автобусе прислонился...

— В автобусе?! А вот эту записку ты тоже в автобусе нашел? — Вера Сергеевна достала из сумочки записку и прочитала: — «Аристарх, голубь, а не пора ли нам бросить этот официоз — и мирно, любовно встретиться где-нибудь в укромном уголке?..»

— Это деловое письмо! — вскричал Аристарх. Дай сюда!

— Да? Шиш! — Вера Сергеевна спрятала записку в сумочку. — Развратник. Спекулянт. Я те покажу — голубь!..

— Да это мужчина писал, дура! Это однокурсник мой...

— Однокурсник? А почему же подпись — «Соня»?

— Псевдоним! Мы его в институте так дразнили.

— А почему «твоя Соня»?

Аристарх опять растерялся... И от растерянности больше обзлится.

— Плебейка, — сказал он зло и тихо. — Что, я тебя должен утонченному стилю обучать? Если люди шутят,

то шутят — до конца. Если он подписался «Соня», то он последовательно написал «твоя». Твоя — это значит твой.

— Твой Соня?

— Что, врезать, что ли? Врежу...

— Попробуй. Так тебе — лет восемь дадут, а так — одиннадцать.

— Ну, чумичка!.. — занервничал Аристарх. — В чем дело-то? Чего ты взбесилась-то?

— Я все там написала.

— Так. И куда ты сейчас?

— К прокурору.

— Сегодня воскресенье.

— Я в почтовый ящик брошу.

Аристарх побледнел... И долго стоял над Верой Сергеевной.

— Я — спекулянт? — спросил он дрожащим голосом.

— Спекулянт, — сказала Вера Сергеевна.

— Я ворую у государства деньги?

— Ворую у государства деньги.

— Снимай все с себя! — приказал Аристарх. — Снимай, снимай!.. Это все куплено на ворованные деньги. — Аристарх стал снимать с жены шубку, дорогой костюм. — Это все воровано — чего ты напялила? Снимай!

— Пожалуйста! На!.. На, ворюга!..

— Все снимай! Твоего тут ничего нету!

— Что я, голая к прокурору пойду?

— Голая! — Аристарх изловчился, вырвал у Веры Сергеевны сумочку, заглянул — там ли заявление: заявление было там. Он достал из сумочки ключи, закрыл квартиру изнутри на ключ и ушел с сумочкой и с шубой в свою комнату. И сел к телефону. Дрожавшим пальцем набрал номер. — Але? Семеныч? — И Аристарх говорил негромко и торопливо. — Слушай, срочно ко мне... Да нет! Моя швабра накатала на нас телегу и собралась к прокурору... — Аристарх долго молчал, слушал. — Иди ты к черту! — сказал он. — Созвонись со всеми... дайте как-нибудь все... прощения, что ли, попросим. Уговорим ее как-нибудь. Мне эта Сонька еще подлянку кинула: записку в карман подсунула, я даже не знал... А я знаю? Из-за Вальки, наверно. Давайте. Срочно.

Аристарх бросил трубку, минутку посидел подумал, оделся, выпил фужер шампанского и пошел с шубой жены и с ее костюмом к ней в комнату.

Вера Сергеевна лежала в нижнем белье на диване.

— Одевайся, Вера, — сказал он миролюбиво. — Давай спокойно поговорим обо всем.

Вера Сергеевна стала надевать костюм, а Аристарх заходил по комнате, как преподаватель вуза.

— Во-первых, — начал он, — ты думаешь, государство наше такое глупое?

— Я об этом не писала. Нечего мне тут...

— Я тебе прочитаю курс экономики! — воскликнул Аристарх. — Чтоб ты не бегала и не смешила прокурора. И прокурор твой, и все, кто всерьез занимается экономикой, прекрасно знают, что — воруют. Больше того, какой-то процент, кажется, пятнадцать процентов, государственного бюджета отводится специально — под воровство. Не удивляйся и не делай детские глаза. Всякое развитое общество живет инициативой... энергичных людей. Но так как у нас — равенство, то мне официально не могут платить зарплату в три раза больше, чем, например, этому вчерашнему жлобу, который грузит бочки. Но чем же тогда возместить за мою энергию? За мою инициативу? Чем? Ведь все же знают, что у меня в магазине всегда все есть — я умею работать! Какое же мне за это вознаграждение? Никакого. Все знают, что я — украду. То есть те деньги, которые я, грубо говоря, украю, — это и есть мои премиальные. Поняла? Это — мое, это мне дают по негласному экономическому закону...

— А сколько тебе дадут по гласному закону?

— Дура!.. — сорвался на крик Аристарх. — Ты думаешь, меня посадят? Ни-когда! Посадят — это, значит, я там буду канавы рыть? Но у меня же — голова, и твой прокурор это знает. Прокурор знает, что общество должно жить полнокровной жизнью, моя голова здесь нужна, я здесь нужен, а не канавы рыть. Вот они — покрывки лежат, — показал Аристарх в коридор. — Пять штук. Лежат? Лежат — ты можешь подойти и пощупать их: они есть. — Аристарх остановил свой вузовский ход и торжественно поднял руку. — Но их нету! Их нигде нету, их не сделали на заводе. Их не существует. А они — лежат, пять штук, друг на друге. Это и называется: экономический феномен. Попробуй... без спе-

циальной подготовки, без головы!.. Попробуй это сделать. Да как только прокурор обнаружит, например, эти покрывала, которых никто никогда не делал, он сразу поймет, с кем он имеет дело. И ты останешься с носом. Ну, разумеется, тебя поблагодарят, наговорят слов... А мне, я так думаю, предложат какое-нибудь повышение, пошлют куда-нибудь. Ведь не хватает же умных людей-то, не хватает. Где их набраться-то? Ну, окончил он свой вузико, ну — с дипломом... А что дальше? А дальше ничего: еле-еле будет на восемьдесят процентов тянуть. А то я не знаю таких! Так что ты... поторопилась с этим своим заявлением, Верунчик.—Аристарх подсел к жене.—У нас вчера была самостоятельность... Согласен, самостоятельность, но это от избытка... я не знаю—чувств, что ли, ну расшалились... Может же художник... артист какой-нибудь там... в бассейне в бане кильку ловить и закусывать, ну а почему мы журавлей не можем изобразить! Нет, там, видите ли, понятно, а тут... Да, самостоятельность, но у тебя с этим заявлением—это, прости меня, безграмотность, это на уровне дворничихи. Мне даже стыдно, что ты моя жена.

Вот этого Аристарху не следовало говорить. Он уже и понял это, но поздно.

— Прекрасно,—сказала Вера Сергеевна,—иди к своей Сонечке, она твою голову ценит, а мне дай сюда ключ. Дай ключ! Я сделаю свое дело... Твою голову оценит прокурор. И не пудри мне мозги своими... своей экономикой: будешь канавы рыть как миленький. Шалуниска... Энергичный? Там энергичные тоже требуются. Канавы тоже надо энергично рыть.

Аристарх свирепо уставился на супругу.

— Лахудра,—сказал он весьма грязно, не по-вузовски.—Раздевайся! Этого костюма тоже не шили на фабрике — чего ты его напялила? И шубу не смей трогать: этих баранов, — показал он на каракулевую шубу, — никогда не было на свете. Чумичка в каракуле!.. Не пойдет. Я ей мозги пудрю!.. Да я тебе элементарно хотел объяснить, что определенная прослойка людей и должна жить... с выдумкой, более развязно, я бы сказал, не испытывать ни в чем затруднений. Нет, эта чумичка предлагает мне рыть канавы! Сэн-кью! — Аристарх забрал шубу, костюм жены и ушел в свою комнату.

ДВА ЧАСА СПУСТЯ

Все вчерашние «пассажиры» собрались у Аристарха. Нет только Простого человека — его не позвали.

Аристарх ходил в волнении по комнате, несколько театрально заламывал руки и повторял:

— Как, как эту дуру образумить? Как?

— Как ты с ней говорил-то? — спросил озабоченно Брюхатый.

— Всяко!.. Даже развивал мысль, что нация... должна иметь своих представителей... людей с повышенной энергией, надо же возбуждать фантазию всех органов государства, иначе будет застой...

— Аристофан, мать твою!.. — заругался Брюхатый.— Мысли он развивал! Оскорблял, нет?

— А что, молиться на нее, на дуру?

— На карачках!.. Вот так вот ползать будешь! — воскликнул Брюхатый. И с досады даже показал, как ползают.— Вот так будешь, а не мысли развивать. Мысли он развивал! Пока ты их будешь развивать, мы уже будем... — Брюхатый сложил пальцы решеткой.— Я тебя вижу, ты меня — нет. Пойду сам...

Брюхатый одернул пиджак, сделал губы трубочкой, подумал... И пошел.

Постучал интеллигентно казанком в дверь комнаты Веры Сергеевны и сладким голосом сказал:

— Вера Сергеевна!.. Можно ваше одиночество нарушить?

— Ну? — откликнулась Вера Сергеевна; она по-прежнему лежала на диване, но не в костюме, а в платье.

— Здравствуйте, Вера Сергеевна! — приветствовал ее, появляясь в дверях, Брюхатый. Он улыбался.

— Здравствуйте,—с неким вызовом сказала Вера Сергеевна.

— Позвольте присесть?

— Что, опять куда-нибудь едете? Пересадка?

Брюхатый снисходительно посмеялся и махнул жирной рукой.

— Ну, уж... вы прямо в обиду! Хотел как раз попросить извинения за вчерашнее. Сильно шумели?

— Шумели-то, это бы еще ничего...

— А что такое? — встревожился Брюхатый.— Выражался кто-нибудь?

— И это бы ничего... Это я слышала.
— Ну, а что же мы такое вчера сделали?
— Да вы не только вчера, вы давно этим занимаетесь.

— Чем?
— Воруете. Спекулируете.
Брюхатый долго, скорбно, но в то же время как-то мудро молчал, глядя в пол. Потом поднял голову.
— Эх, Вера Сергеевна, Вера Сергеевна... Посадить хотите?

— Хочу посадить.
— А я уж сидел! — почему-то весело сказал Брюхатый. — Сидел. Четыре года и восемь месяцев.
— Ну, еще разок посадите.
— А хотите расскажу, как это было?.. Нет, я не про подробности дела, а про... судьбу, так сказать, человеческую. Случай-то у нас, если можно так выразиться, аналогичный: жена посадила. Не то что прямо пошла и заявила, а... когда надо было сказать «нет», она сказала «да». — Брюхатый обрел отеческий снисходительный, ласковый даже тон в голосе. Смотрел на Веру Сергеевну, как на дочь. — А прожили мы с ней — ни много, ни мало — четырнадцать годков. И когда я уходил, я ей внимательно посмотрел в глаза, внимательно, внимательно. И говорю: «Прощай, Клава. Не скучай, — говорю, — тут без меня... Даст бог, увидимся когда-нибудь, ну, а если уж не приведет бог, то, — говорю, — не поминай лихом. У меня, — говорю, — зла на тебя нету, прости и ты меня, если был когда виноватый перед тобой, невнимательный там, сгрубил когда... Я, — говорю, — старался всегда сделать для тебя что-нибудь полезное, ну, может, не всегда умел». Так я ей сказал. Она, значит, в слезы... А у меня вот тут вот закаменело — смотрю на нее... Ну, в общем, отсидел я свои годки — не досидел даже, вел себя примерно — вышел. Вышел — и к своей Клаве. «Здравствуй, — говорю, — Клава! Вот — дал бог, свиделись». И так это улыбаюсь — изображаю радость. Она, значит, тоже обрадовалась, опять в слезы... И — было на шею мне. Я говорю: «Стоп, Клава Михайловна: семафор закрыт. Проезда нету. Извините, — говорю, — Клава Михайловна, дальше нам не по пути: разъезд». Она — туда-сюда — мол, я иначе не могла... Все! — Брюхатый

это «все» сказал очень жестко. И прямо посмотрел на Веру Сергеевну. — Все, милая!

— К чему это вы? — спросила Вера Сергеевна.

— А просто!.. Случай-то — аналогичный. Но это не конец! Конец тут тоже немаловажную роль играет. Я ей все отдаю... Все отдал! Квартиру, тряпки — все! А за четырнадцать-то лет мы же нажили кое-чего — все отдал! Бери! У тебя будет квартира, туфли, платья... А у меня — голова. Он вот тут перед вами хвастался, что у него — голова, — показал Брюхатый на комнату Аристарха, — а не надо этим хвастаться, не надо. Есть она — есть, нет ее — ничего не сделаешь. Это ведь тоже, как деньги: или они есть, или их нету. Верно? Все бери! А со мной все мое богатство — тут! — Брюхатый ударил себя кулаком в лоб. — Хвастать не буду, но... прожить сумею. И что мы имеем на сегодняшний день? Она: выскочила замуж, разошлась; тот у ней половину площади оттяпал — он для того и расписывался... Тряпочки-шляпочки потихоньку в комиссионку ушли — ша! Как у нас там говорили: кругом шешнадцать. Я: имею трехкомнатную квартиру, — Брюхатый стал загибать пальцы, — дачу, «Волгу», гараж... У меня жена, Валентина, на семнадцать лет моложе меня. Но я опять же не хвастаюсь, но таковы, как говорится, факты. От них никуда не денешься.

— Вы пугаете, что ли, меня?

— Да господь с вами! Пугаю... Просто рассказываю про... некоторые эпизоды своей жизни. Теперь спросите меня: что я потерял за эти четыре года и восемь месяцев? Что? А ничего. Даже не похудел. А особенно, когда вышел, прямо в дверь не стал пролезать. Счас веду переговоры насчет института питания — надо маленько сбросить, а то даже неудобно. А что потеряла моя Клавдия Михайловна? Все. Год назад встретил — с авоськой из магазина кондехаает... А я на «Волге» еду. Думаю, подвезти, что ли? Даже остановился... Подвезу, думаю. Скажу: «Клавдия Михайловна, позвольте, я вас до дома подвезу, я только не знаю, где вы теперь живете». Хотел так сострить, но душа не повернулась. Сто метров не подвезу! Она, видите ли, «иначе не могла», а я тоже не могу: шлепай дальше со своей авоськой.

— Слушайте, не надо, — попросила Вера Сергеевна

на.— Не надо: я же знаю, к чему вы это все. Не надо, умоляю.

Брюхатый встал.

— Да я ведь... что же... я ведь так: эпизоды. Смотрите, вам виднее. Конечно, порыв к прокурору — это красиво, руку будут жать, соседи скажут: «Какая молодец!» Но в душе подумают,— поверьте моему слову, я жизнь повидал,— в душе подумают: «Вот дура-то!» Вы вот телевизор любите смотреть: вот пусть вам там про жизнь расскажут, пусть расскажут... Смотрите, конечно, телевизор, книжки поучительные читайте, но мои слова тоже не забудьте. Так, на всякий случай...

Брюхатый вышел. Он сам растрогался от своих слов.

В комнате Аристарха его молча ждали «пассажиры».

— Ну!..— Брюхатый погрозил пальцем Аристарху.— Если она все же посадит нас...— он замолчал и слезливо заморгал глазами. И даже головой закрутил и по казал на себя, и воскликнул сквозь слезы:— куда я такой поеду? Я в воронок не влезу! Не мог с женой уладить!.. Купил бы ей... не знаю, чертика с рогами — забавлялся. Нет, он ей про государственные органы!.. Подожди, ты с имя еще будешь иметь дело, будешь. Она вон насмерть стоит, слюной исходит — посадить охота.

«Пассажиры» подавленно молчали.

Вдруг Курносый снялся с места и пошел к Вере Сергеевне.

— Вы, я вижу, оба умники! В гробу я вас видал с вашими теориями!.. С вашим опытом.

Он открыл дверь в комнату Веры Сергеевны и тут же, в дверях, опустился на четвереньки... И пошел так к дивану, где лежала Вера Сергеевна с книжкой.

— Пусть они как хотят, а я вот так буду. Не вставайте, умоляю вас,— сказал Курносый,— так и лежите: я буду так разговаривать.

— В чем дело?! — Вера Сергеевна все же чуть привстала.

— Я человек тоже энергичный, как треплется ваш муж,— быстро заговорил Курносый не поднимаясь,— но я не такой упорный долдон, как они: я прошу пощады. Не говорите!.. Дайте я скажу, потом — казните или милуйте. Я тоже замешан в этой... в этих... Но у меня двое маленьких детей, мать с отцом престарелые...

Они не вынесут. Жена тоже не вынесет. Вы сразу уложите пятерых. Я, может быть, не такой энергичный, как эти... про себя информирует везде, но я очень конкретный, Вера Сергеевна. И я немножко внимательней их... Я же вижу, Вера Сергеевна: вы скучаете. Не надо, не надо говорить! — Курносый вскочил с четверенек, побежал, закрыл дверь, подбежал и стал опять на колени перед диваном.— Но вы же — красивая! Как вы можете скучать? Это нельзя. Теперь слушайте меня внимательно: я не знаю, чего там у них было, у Аристарха с Сонькой, но он какие-то движения делал... Помоему, она тоже хотела его обаять. Но я не ручаюсь, дошло у них до этого или нет. Не знаю. Но я знаю, что он движения делал... в ресторане несколько раз сидели. Я знаю, что он вас сегодня оскорблял. Вера Сергеевна!..— Курносый приложил умоляюще руку к сердцу.— Только не удивляйтесь и не пугайтесь фальшиво... то есть это, я хочу сказать, что я конкретный и деловой человек, и всякие деловые тайны умиряют вместе со мной: давайте наставим ему рога. Не говорите, не надо — дайте я все скажу! Чего тут удивляться-то? Чего глаза-то делать? Это жизнь, Вера Сергеевна, жизнь. За Соньку, за его оскорбления!.. Как он может оскорблять?! Он спекулянт-то не крупный, он — так: середнячишка, щипач. Как он может оскорблять? Вместо того, чтобы... Нет, у меня в голове не укладывается! Давайте наставим ему рога. Хотите, я сам этим займусь, хотите... Только не надо, не говорите: дайте я все скажу. Поймите меня: говорю это, спасая свою шкуру. Мне это сто лет не надо, я коньяк больше люблю, но... Вера Сергеевна, сидеть, сидеть неохота! Хотите, сам займусь, а если не подхожу, у меня есть один артист знакомый. Красавец! Под два метра ростом, нос, как у Потемкина... Ну, все, все при нем, я, мужчина, люблюсь на него. Он даже своим режиссерам рога ставит. А ему гараж позарез нужен: я договорюсь с ним. Вера Сергеевна, можно же так жизнь украсить!.. И на него,— Курносый показал на комнату Аристарха,— на него-то злости не будет! Это уже проверено. Мир будет в доме, у кого хотите спросите. Вот спросите у своих подружек, которые рога мужьям наставляют: ведь позавидовать можно, как они живут. Моя мне тоже, помоему, ставит, потому что ласковая со мной... Я человек откровенный, я вам все говорю. Не обижайтесь на меня, а

поймите: мне сильно сидеть неохота. Хотите, я вам завтра фотографию этого артиста покажу?.. Глаз не оторвете! Ну, Потемкин и Потемкин, собака! Он сам рассказывал, но, по-моему, малость врет: к нам одну шпионку заслали, а ее надо было расколоть — ну, то есть, разузнать у нее побольше, так, говорит, его подослали, он познакомился и... доложил начальству, что задание выполнил. А? Ведь жизнь совсем другая будет!

— Вон! — вскричала Вера Сергеевна, как графиня. — Вон отсюда!.. Сволочи! Совсем уж?..

— Да ну, что совсем? Что совсем?.. — бормотал Курносый, поднимаясь. — Что совсем-то? Чего тут кричать-то? Я дело предлагаю, верняк же предлагаю... Вы подумайте, а мне только намекните...

— Во-он! — пуце прежнего заблужила Вера Сергеевна.

— Ну-у... орать будем, да? Что за люди!.. — Курносый пошел из комнаты. Подошел к двери, вдруг резко обернулся и, грозя Вере Сергеевне пальцем, громко, зло и уверенно сказал: — Но сидеть я не буду! Понятно? Пусть Аристарх сидит, если ему хочется, а я сидеть не буду!

— Будешь, — сказала Вера Сергеевна. — Еще как будешь-то.

Курносый с этим боевым, невесть откуда слетевшим на него настроением вошел в комнату, где сидели все «пассажиры». И им тоже всем погрозил пальцем и сказал твердо и зло:

— Сидеть я все равно не буду, учтите! Вы можете садиться, а я не хочу. Поняли?!

— Ты что, с гвоздя сорвался? — спросил Аристарх. — Чего ты?

— Ничего! Пить надо меньше! — закричал Курносый на Аристарха. — Тогда жена будет любить... и сажать не будет. Импортанто!.. Садись тут... по милости всяких... Не буду сидеть! Не буду сидеть!

— Это уже психоз начинается, — сказал Лысый. — Неужели с одной бабенкой ничего сделать не можете?

— Она нас из-за Соньки вон его всех закатает! — все нервничал Курносый. — Нашел с кем — с Сонькой!..

— В том-то и дело, что — не нашел! — тоже стал нервничать Аристарх. — Она мне со злости записку в карман сунула, чтобы эта нашла.

— Ну, так и объясни ей, — сказал Лысый. — Я, мол, не захотел флиртовать, она обозлилась...

— Так она и поверила!

— Ну, а что же делать-то?! — теперь уж и Лысый закричал. — Что, так и поведут всех туда, как телят?

— Почему покрываешь до сих пор здесь?! — закричал и Чернявый на всех, но особенно на Аристарха.

— А куда их теперь?! — закричал и Аристарх на всех, но особенно на Чернявого. — Сейчас прикажешь выносить?

— Вчера надо было!

— Вчера!.. Вчера мы в жаркие страны улетали, — горько съязвил Аристарх.

«Пассажиры» явно нервничали... И не знали, что делать.

Вера Сергеевна, пристроив на коленях книгу, делала вид, что читает. Она была довольна, она догадывалась, что вчерашние нахальные «пассажиры» сейчас боятся и нервничают.

— Так, — сказал Лысый, — если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к ней... с уголовным кодексом. Посмотрим, что там за крепость. Где ее тряпки? — спросил он Аристарха.

— Зачем? — не понял тот.

— Дай-ка сюда... — он взял шубку Веры Сергеевны, костюм и пошел к ней в комнату.

— С вашего позволения! — явился он вполне официально, с шубой и костюмом на руке. — Позвольте присесть?

— Разрешаю — садитесь, — со скрытым значением сказала Вера Сергеевна, полулежа на диване.

Лысый разгадал скрытое значение в этом ее «садитесь». Он внимательно и серьезно посмотрел на женщину, помолчал... И сказал:

— Сидеть будем вместе, гражданка Кузькина, — сказал он вполне бесцветным голосом.

— Как это? — не поняла Вера Сергеевна.

— Вы с уголовным кодексом знакомы? — в свою очередь спросил Лысый.

— Приблизительно... А вы что, юрист?
— Я не юрист, но с уголовным кодексом знаком,—
неопределенно сказал Лысый. А дальше он спросил
вполне определенно: — Это ваши вещи?

— Мои.

— Вы их купили?

— Мне их... купил муж.

— Сколько ваш муж получает?

— Какое ваше дело?

— Это не ответ.— Лысый отлично «вел дело»: спо-
койно, точно, корректно.— Сколько эта шуба стоит?

— Какое ваше дело?

— Сидеть будем вместе, гражданка Кузькина,— еще
раз отчетливо сказал Лысый.— Вы прекрасно знали,
что эти вещи — не по карману вашему мужу: он их
«сымпровизировал», как вы пишете прокурору. Почему
же вы про покрывало пишете, а про шубу, про костюм...—
Лысый мельком оглядел довольно богато обставленную
комнату,— а про все остальное не пишет. Здесь все
ворованное.— Лысый сделал широкий жест рукой по
комнате.— И вы это прекрасно знаете. Вы пользо-
вались ворованным... И молчали. За это по статье...

— Здесь все мое! — вскричала Вера Сергеевна гнев-
но, но и встревожено.

— Ваша зарплата? — вежливо осведомился Лысый.

— Не ваше дело.

— Сто десять рублей, нам это прекрасно известно.
Прикиньте на глаз стоимость всего этого хрустала, это-
го гарнитура, этих ковров...

— Вы меня не пугаете!

— А я вас не пугаю. Это вы нас пугаете прокуро-
ром. А я просто вношу ясность: сидеть будем вместе.
Не в одной колонии, разумеется, но в одно время. При-
чем учтите: из всей этой гоп-компании мне корячиться
меньше всех, я не с перепугу влетел к вам, а зашел,
жалая вас: вы еще молодая.

Вера Сергеевна что-то такое соображала... И сооб-
разила.

— Все это,— сказала она и тоже повела рукой по
комнате,— мое: мне папа с мамой дали деньги. Пусть
Аристарх докажет, что это он купил...

— Лапочка,— сказал Лысый почти нежно,— тут и
доказывать нечего: вот эту «Рамону» (гарнитур юго-
славский) доставал ему я: я потерял на этом триста

целковых, но зато он мне достал четыре дубленки: мне,
жене, дочери и зятю — по нормальной цене.

— А чего же вы говорите, что вам меньше всех ко-
рячиться? Наберем! — весело сказала Вера Сергеевна.—
Всем наберем помаленьку! А вы думаете, Аристарх бу-
дет доказывать, что это он все покупал? Да вы все в
рот воды наберете. Вам за покрывало-то, дай бог, по-
ровну разделить на каждого. Пришел тут... на испуг
брать. Вы вон сперва за них получите! — Вера Серге-
евна показала в сторону коридора, где лежали покрыва-
ло.— Там их — пять штук: за каждую пять лет: пятью-
пять — двадцать пять. Двадцать пять. Двадцать пять
лет на всех. Что, мало?

Эта «арифметика» явно расстроила Лысого, хотя он
изо всех сил не показывал этого.

— Примитивное решение вопроса, гражданочка.
Сколько получают ваши папа с мамой?

— Мои папа с мамой всю жизнь работали... а я у
них — единственная дочь.

— Неубедительно,— сказал Лысый. Но и у него
это вышло тоже неубедительно. Он проиграл «процесс»,
это было совершенно очевидно. Но он не сдавал тона.—
Аристарх,— продолжал он снисходительно,— конечно,
не захочет говорить, что все это купил он, да... Но ведь
там-то,— показал Лысый пальцем вверх,— тоже не ду-
раки сидят: скажет! Там умеют... И папаша ваш, если
он потомственный рабочий,— что он, врать станет? Да
он на первом же допросе... гражданскую войну вспо-
мнит, вспомнит, как он с белогвардейцами сражался. Не
надо, не надо, гражданка Кузькина, строить иллюзий.
Возьмите это...— Лысый встал и положил на валик
дивана шубу и костюм.— Поносите пока.

И Лысый вышел.

А в комнате, где «пассажиры», о чем-то оживленно
договаривались. На Лысого посмотрели... но тут же и
утратили всякую надежду. Не очень-то, видно, и на-
деялись.

— Чего вы тут?

— Инсценируем сейчас ее убийство,— сказал Курно-
вый, хихикнув.— Надо такого ей страху нагнать!.. Так
ее, дуру, напугать, чтобы она... на диван сделала.

Аристарх что-то быстро писал, склонившись к столу.

— Как это? — не мог понять Лысый.
— Сделаем вид, что мы ее сейчас устроим. Изрубим на куски, а вечером — по одному — всю вынесем в хозяйственных сумках.

— А он чего пишет?
— Полное ее отречение: «Ничего не видела, ничего не знаю». А? Я придумал. Или она подписывает это, или секир башка. Надо только все на полном серьезе! — предупредил Курносый. — Лично я зашиб бы ее без всякой инсценировки, — добавил он, помолчав.

— Все, — сказал Аристарх, поднимаясь. — Пошли. Вооружайтесь чем-нибудь пострашней... Все делаем, как на самом деле.

— Все на полном серьезе!
— А заорет? — спросил Лысый.
— Ори. Кругом никого нету, все на сдаче норм ГТО, она это знает, — сказал Аристарх.

Стали вооружаться: Курносый взял большой кухонный нож, Брюхатый выбрал тяжелый подсвечник...
— Я, как Юсупов, — сообщил он в связи с этим. — Они Распутина подсвечником добивали.

Аристарх взял топорик, которым рубят мясо, а Чернявый взял... подушку.

— А это-то зачем? — спросил Брюхатый.
— А я ей вроде рот буду затыкать.

— А-а.

А Лысый не взял ничего. Он пояснил так:
— А я буду бегать вокруг вас и умолять: «Братцы, может, не надо? Братцы, может, она одумается?»

Все это одобрили.

— Это хорошо.

— Правильно... А то все явемся, как в этой... мульти-пульти такой есть...

— Никакой оперетты! — еще раз предупредил Аристарх. — Она ж тоже... не совсем дура.

— Во, комедию отломаем! — воскликнул Курносый и опять хихикнул.

— А ее инфаркт не хватит раньше времени? — вдруг спросил всех Брюхатый.

Все на мгновение замерли...

— А?

— Инфаркт?

— Инфаркт... Нормальный инфаркт миокарда. Или — инсульт.

— Да ну!.. — сказал Лысый. — Она из рабочей семьи, у нее отец на гражданской...

— Как, Аристарх?

— А черт ее!.. Не знаю.

— Ну, а если хватит? Ну и что? — спросил Курносый. И посмотрел на Аристарха. — Ну, допустим, хватит?

— Пошли, — сказал Аристарх жестко. — Она всех нас переживет... Какой там инфаркт!

И они вошли в комнату Веры Сергеевны.

Вера Сергеевна вскочила с дивана и попятилась к окну...

— Вера, — дрогнувшим голосом заговорил Аристарх. — У нас положение безвыходное... Ты не догадываешься, зачем мы пришли?

Веру Сергеевну стали потихоньку окружать.

— Другого выхода у нас нет, Вера...

— Братцы, может, не надо? Может, она одумается? — засуетился Лысый.

— Вера?.. — Аристарх медленно приближался к супруге — в одной руке топорик, в другой — «отречение».

Вера Сергеевна побледнела... И все пятилась к окну.

— Да ничего она не одумается! — воскликнул Курносый. — Давайте кончать.

— У тебя два выбора: или подписываешь на наших глазах вот это вот — что ты ничего не видела и не знаешь, не собиралась к прокурору... Или мы тебя...

— Давайте кончать! Чего тут тянуть?

— Я закричу, — еле слышно пролепетала Вера Сергеевна.

— А подушечка-то! — вылетел вперед Чернявый.

— Ты же знаешь, что кругом никого нет... Все на сдаче ГТО.

— А сумки-то заготовили? — спросил Брюхатый. — Разрезать-то мы ее разрежем, а в чем выносить-то?

— Да есть сумки — полно. Помельче только разрезать... и по одному все вынесем.

— Все уже предусмотрели! — сердито обернулся на всех Аристарх. — Вы выносите по одному, а я останусь — замою тут все. Чего тут базарить-то?

— Главное, внутренности вынести, а остальное-то...

— Внутренности! А руки, ноги?.. Куда ноги, например, денешь? Они ни в какую сумку не полезут.

— Переруби! Я ж те говорю: помельче изрубить.

— Вы же интеллигентные люди, — негромко сказала Вера Сергеевна. — Все в шляпах... в галстуках...

— Вывеска! — воскликнул Чернявый.

— Интеллигентные!.. — Брюхатый колыхнул животом от смеха. — Я в лагере трех человек задушил... вот этими вот руками.

— Мы, значит, жестокие? — спросил Аристарх. — А ты? Ты не жестокая? — столько людей сразу посадить собралась. Подписывай!

Как-то не заметили, что, пятясь, Вера Сергеевна подошла к самому окну, которое очень легко открывалось... Она вдруг вскочила на подоконник, распахнула окно и сказала заполошно:

— Если кто только двинется, я прыгаю! Тут только два этажа: сломаю ноги, но все расскажу. Только двиньтесь!

Все так и замерли.

Первым пришел в себя Аристарх. Он засмеялся искусственно.

— Мы же шутим, Верунчик!.. Неужели ты поверила?

— Немедленно все убирайтесь отсюда! — Вера Сергеевна обрела уже спокойный и злой голос. — Шутники.

— Нет, вы... Нет, она правда поверит, что мы...

— Убирайтесь!

— Да шутим же мы! — воскликнул в отчаянии Брюхатый. И бросил подсвечник. — Какие мы убийцы! Нас самих счас...

— Убирайтесь!

— Нет, она в самом деле может подумать!..

— Да думай она! — взорвался Курносый. — Что хочешь, то и пускай думает! — И тоже бросил нож. И первым пошел к выходу. В дверях остановился, обернулся, как он давеча сделал, точно так же погрозил пальцем всем и сказал остервенело: — Но сидеть я все равно не буду! Ясно?! Сидеть я там не буду! Вот пусть они вот все... они вот, они — пусть сидят, а я не буду!

Никто ему на это ничего не сказал.

Он вышел... И за ним все тоже вышли.

И собрались опять в комнате Аристарха. Долго молчали.

— Интересно, — заговорил Чернявый, обращаясь к Курносому, — как это ты сидеть не будешь? Все будут сидеть, а ты не будешь?

— Не буду! — повторил Курносый.

— А у ты что, сиделки, что ли, нету? — ядовито спросил его Брюхатый. — Она у тебя на месте: будешь сидеть, как все.

— Он там ходить будет, — подал голос Лысый.

Аристарх сидел, обхватив голову руками, и тихо покачивался.

— Не буду сидеть! — опять тупо повторил Курносый. — Вы все как хотите, а я — не буду!

— Все будем сидеть, — сказал Аристарх, не поднимая головы.

Опять некоторое время молчали.

— Конечно, — заговорил опять Курносый, — если бы ты был человек как человек, мы, может быть, и не сидели бы.

Аристарх поднял голову.

— А кто же я?

— Бабник! Шлюха в штанах!.. Да хоть бы умел, господи! А то... не выходит же ничего, нет, туда же, куда добрые люди: давай любовницу! Даже Соньку, и ту... тьфу! Рогоносец. С этой Сонькой...

— А ты подхалим, — сказал Аристарх первое, что выскочило из его оскорбленной души. — Ты перед начальством на полусогнутых ходишь.

— У меня пятеро на шее! — Курносый крепко хлопнул ладонью себя по загривку. — Пятеро!.. Ты вон с одной телкой справиться не можешь, а у меня их — пятеро. Мне не до любовниц!

— Зато тебе — до коньяка, — вставил Брюхатый.

— А ты вообще заткнись! — развернулся к нему Курносый. — Тебе-то даже полезно посидеть: может, похудеешь маленько. В институт питания собрался!.. Вот тебе и будет институт питания. — И Курносый нервно засмеялся.

Брюхатый навел на него строгий взгляд.

— Шавка, — сказал он. Помолчал и еще сказал. — Моська.

— А ты слон, да? — вступился за Курносого Чернявый. — Это не тебя по улицам водили?

— Меня,— сказал Брюхатый.— А это не тебе я нечаянно на туфель наступил... двадцать седьмого июня тыща девятьсот семьдесят третьего года: на профсоюзном собрании? Что-то ты тогда был... зеленатый, а сейчас, гляди-ка, кукарекает. Выговор-то кому тогда всучили?

— А кто всучил-то? Кто?

— Я, в том числе.

— Да ты сам первый лодырь! Прохиндей. Выговор он всучил!.. У меня первый раз недосмотр случился.

— Минуточку, минуточку,— прервал Брюхатый,— как это ты выразился — «прохиндей»? Я одиннадцать лет после суда без единого взыскания проработал! А ты мне, обезьяна, будешь еще вякать тут! Сам в выговорах весь, как... Ни одного же собрания не обходится, чтобы тебя...

— Хватит! — взревел Аристарх.— У меня вон,— показал он на стол,— семь почетных грамот лежат!.. Я и то молчу.

— А чего ты можешь сказать? — спросил его Лысый.— Там — семь почетных грамот, а там,— в сторону коридора,— пять покрывшек. Я думаю, покрывшки — потяжелше, перевесят. Если уж кто самый чистый среди вас, так это я.

— Ой! — изумились.

— Глядите на этого ангела!

— Прямо невеста... в свадебной марле.

— Шариков только не хватает.

— И ленточек разноцветных...

— Да! — гордо сказал Лысый.— У меня две общественных нагрузки, а у вас... У кого хоть одна общественная нагрузка?

Все промолчали.

— А-а, нечего говорить-то. Вы думаете, это на суде не учтется? Все учтется.

— Да, я думаю, все учтется,— сказал Аристарх.— Я думаю, что тот грузовичок с пиломатериалом — тоже учтется.

Лысый подрожал в гневе и обиде губами.

— Ворюга,— сказал он.— Плюс идейный ворюга: с экономической базой. Ты знаешь, сколько тебе за эту базу накинут? Вот сколько нам всем дадут, столько тебе — отдельно — за базу.

— База — для дураков,— струсил Аристарх.— Я — нормальный спекулянт, чего ты тут?

— А-а!.. Очко-то не железное?

— Но ты тоже — не ерпенься тут, кудрявый!..

В это время в дверь позвонили.

Все оторопели на миг... Брюхатый даже за сердце взялся.

Еще резко, длинно позвонили.

— По одному... с вещами,— тихо сказал Чернявый.

— Иди,— кивнул Брюхатый Аристарху.

— Может, это макулатуру собирают... пионеры,— тихо сказал бледный Аристарх.— Подождем.

Опять звонок.

— А я нож-то там бросил! — вскричал Курносый.— Подождите, я нож-то хоть уберу, а то же!..

— Топорик мой...

— А?

— Топорик, топорик,— невнятно повторил Аристарх. И показывал пальцем на комнату Веры Сергеевны. Топорик...

— Чего топорик?

— Топорик мой тоже возьми, а то нам попытку к изнасило... ой, это... к убийству, к убийству...

— Тьфу!.. — заругался Курносый. И побежал за ножом и за топориком.

— Мама, роди меня обратно: рубля государственно-го не возьму,— сказал Брюхатый.

— Не будет она тебя больше рожать,— зло и тихо сказал Чернявый.— Она и за этот-то раз расканивается, наверно.

Курносый принес нож и топорик... И засуетился с ними. И зачем-то их оглядел еще.

— Ты что? — одними губами спросил Аристарх.

— Где они лежали-то?

— Вон...

Опять звонок, на этот раз вовсе длинный, никакой не «пионерский».

— Какая макулатура! — тихо воскликнул Лысый.— Иди.

Аристарх поднялся... И медленно, тяжело — как если бы он шел уже по этапу — пошел к двери.

— Кто? — спросил он тихо, обреченно.

Из-за двери что-то ответили...

Аристарх смело распахнул дверь и налетел на вошедшего:

— Какого черта ходишь тут?! Звони-ит!..

Вошедшим был Простой человек. Он держал ящик с коньяком и улыбался.

— А я думал, нет никого! — Он не обратил никакого внимания на ругань Аристарха, он держал в руках ящик с коньяком и улыбался. — Куда, думаю, они подевались? Договаривались же вчера. Вот он!

И Простой человек пошел с тяжелым ящиком к столу.

— Ну, ребятки, седня нам... до Владивостока хватит. На него молча смотрели.

Только Брюхатый сказал:

— Идиот... Василий блаженный. На полатах вырос.

— А чего вы такие? — только теперь заметил Простой человек. — А? Что вы сидите-то, как вроде вас золотарь облил?

— Хочешь в свою Сибирь? В деревню? — спросил Брюхатый.

— Хочу, — сказал Простой человек. — Нынче поеду: у меня в сентябре отпуск...

— А в долгосрочный отпуск поедешь?

— Стоп! — воскликнул Чернявый. — Идея! Вот идея так идея. — И он вскочил и обнадеживающе посмотрел на всех... — Кажется, мы спасены!

— Как? — спросили все в один голос.

— Ждите меня! — велел Чернявый и куда-то убежал — вовсе, из квартиры.

ВЕЧЕР, КОТОРЫЙ НЕ УСПЕЛ ПРЕВРАТИТЬСЯ В НОЧЬ

«Пассажиры» ждали. Сидели молча и ждали. Стоял коньяк на столе, но никто к нему не притрагивался... Нет, одна бутылка была распочата: похоже, это Простой человек пригубил. Но и он тоже сидел и ждал. Тикали часы, слабо слышалась какая-то значительная кинематографическая музыка: Вера Сергеевна опять смотрела телевизор.

Долго-долго сидели и ждали.

Наконец Простой человек не выдержал и встал...

— Пойду еще раз, — сказал он. — Хлопну для смелости — и пойду.

Он выпил коньяку... Все — от нечего делать — внимательно глядели, как он наливал, как подержал рюм-

ку в руке, тоже глядя на нее, и как выпил. Простой человек выпил и пошел к Вере Сергеевне.

— Я еще раз, — сказал он, входя. — Сергеевна, голубушка... ведь все это — опишут, — сказал он, показывая рукой гарнитур, диван, ковры... — Все-все. Одни обоим останутся.

— Пусть, — сказала Вера Сергеевна. — Зато преступники будут наказаны.

— Преступников не надо наказывать...

— А что же их надо — награждать?

— И награждать не надо. На них не надо обращать внимания. В крайнем случае, надо с имя находить общий язык.

— Спасибо за науку. А они будут продолжать воровать?

— Они так и так будут продолжать! Потом: ну какие же они преступники? Вот эти-то?.. Господи!.. Это сморчки! Они вон уже перепугались сидят... с них капает. Ведь на них глядеть жалко. Вы зайдите, гляньте — ведь это готовое Ваганьково. Там только надписи осталось сделать: был такой-то, грел руки возле гарнитуров. Пожалейте вы их, ей-богу! Ну, припугнули — и хватит. Хоть Аристарха свою пожалейте: ведь он со страху... мужиком года полтора не будет.

— Ну, что вы — он любовниц заводит! — воскликнула Вера Сергеевна с дрожью в голосе. — У него есть Соня.

— Сонька?! — удивился Простой человек. И хлопнул себя руками по штанам. — Господи, боже мой. Ну нашла же ты к кому приревновать. Да с Сонькой вся база... Я! Я!.. — постучал себя в грудь Простой человек, — я один, может, только и не вокшался: потому что я тоже больше коньяк уважаю. Не коньяк даже, а простую водку. Соньку!..

— Тем более! — мстительно воскликнула Вера Сергеевна. И встала от телевизора и нервно прошлась по комнате. — Тем более!.. Скотина он такая. Мне его насколько не жалко! Из всей этой бригады, — показала она на комнату Аристарха, — мне ни-ко-го не жалко. Вас только жалко.

— Да меня-то!.. — махнул рукой Простой человек. — Я и там грузчиком буду. Это им переквалификацию надо проходить, а мне-то... Коньячка вот только не будет, вот жалко. Ну, отдохну от него, наберусь сил —

тоже полезно. Да мне много и не дадут — от силы, два года: за компанию. Мне их жалко, Сергеевна: у их, у всех, почесть, детишки. Вот этого толстого!.. — почему-то вдруг обозлился Простой человек, — вот этого бы я посадил, не моргнув глазом. Ох, эт-то журавь, скажу тебе! Это самый главный воротила. Но его же отдельно не посадишь. Сажать, так уж всех.

— Вот все и будут сидеть.

— Оно, конечно... так. Знамо, что... А куда денешься? — будем сидеть.

И Простой человек вышел.

Когда он вошел в комнату, где сидели «пассажиры», на него посмотрели без всякой надежды, обреченно.

Простой человек присел к столу... И засмотрелся на бутылки с коньяком. И вдруг всплакнул.

На него удивленно посмотрели.

— Прощайте... драгоценные мои, — говорил Простой человек, глядя на бутылки. — Красавицы мои. Как я буду без вас?.. Одно страдание будет, тоска зеленая... Любимые мои. Тяжело мне с вами расставаться, ох, тяжело...

— Поплачь, поплачь, говорят, легче становится, — сказал Брюхатый.

— А я и плачу. Плачу и стою. Сердце кровью плачет, когда на них смотрю. Но канавы рыть с тобой в одной бригаде я не буду! — Простой человек сердито посмотрел на Брюхатого. — Я твою норму там не буду выполнять. Я за тебя... Недоедать из-за тебя не буду!

— Чего это ты решил, что я там канавы рыть буду? — спросил Брюхатый.

— А что же ты там будешь делать?

— Библиотекарем пойду... Или санитаром.

Все засмеялись: это был нехороший смех, нездоровый смех, болезненный смех, если можно так сказать про смех.

— Налей-ка и мне, — подошел к столу Курносый. Простой человек налил две рюмочки... Одну пододвинул Курносому. Они чокнулись.

— За счастливую дорогу, — сказал Простой человек.

И тут вдруг сорвался «с гвоздя» Аристарх. Он вскочил, затопал ногой и закричал:

— Хватит паясничать! Хватит паясничать!.. Коме-

ди франсез развели тут! Вон все отсюда! Вон! Скоты!.. Говядина!

Курносый поставил свою рюмку на стол и внимательно посмотрел на Аристарха.

— Слушай... — сказал он, — я умею останавливать истерики: я перворазрядник по боксу. Я хоть давно не в форме, но все равно... такую-то экономическую гниду я сделаю.

Аристархушка сел так же резко, как вскочил, обхватил опять руками голову и тихо стал покачиваться.

Простой человек промакнул губы уголком дорогой скатерти и опять пошел к Вере Сергеевне. Ему, похоже, пришла какая-то дельная мысль в голову.

— Сергеевна, — сказал он, — а на кого квартира записана?

— Как?.. — не то что не поняла, а, скорее, растерялась Вера Сергеевна. — Как «на кого»?

— Кто ответственный квартиросъемщик?

— Он...

— Он. — Простой человек выразительно смотрел на Веру Сергеевну.

— А что? — спросила та.

— А ты куда? — спросил в свою очередь Простой человек.

— Как куда? Никуда.

— Она кооперативная?

— Да.

— С конфискацией имущества! Он же не к Марье Иванне в карман залез, он государству в карман залез...

— Ну? И что?

— С конфискацией всего имущества, — повторил Простой человек, даже с каким-то удовлетворением повторил. — У их теория одна: с конфискацией всего имущества.

— А я куда же?

— Я вот и зашел спросить: а ты куда?

— Нет такого закона! — слабо запротестовала Вера Сергеевна.

Простой человек присел на дорогое зеленое кресло.

— Коломийцева посадили — с конфискацией, — стал он загибать пальцы, — Коренева Илью Семеныча, ве-

сельный человек был! — с конфискацией... Он, к тому же, анекдоты любил...

— При чем тут Корнев какой-то? А я что, на улице, что ли?

Простой человек помолчал...

— Угол снимать где-нибудь.

— Здравствуйте!

— Прощайте, — жестко сказал Простой человек — откуда и нашел в себе такую жестокость, он был добрый человек — и отбыл к «пассажирам».

— Слюнтяи, — сказал он всем. И прямо прошел к столу. — Интелефу занюханые. — Налил себе большой фужер коньяка и выпил один. — Энергичные люди!.. Это я... — стукнул он себя в грудь, — я энергичный! Соображать надо! Жить надо уметь! От меня три жены ушло, и ни одна, — он подчеркнул это, — ни одна не делает волны насчет алиментов! А потому что — что с меня возьмешь? С меня взять-то нечего. Я за свой труд беру, в основном, коньяком, а они не хотят коньяком. Не положено, они это прекрасно знают. Они каждый божий день видят, что я к вечеру лыка не вяжу, а сделать ничего не могут. Их мужья все озозлились... иззавидовались, а сделать ничего не могут. А вы — энергичные... Вот энергия-то! Боксер, садись, врежем. Не вешай свой курносый нос — он у тебя все равно кверху торчит. Вот ты еще, более-менее, энергичный. А эти все... Тара для... сказал бы для чего, но у меня настроение улучшилось.

Раздался звонок в дверь.

Все опять замерли.

— Открывайте! — велел Простой человек. — Памятники.

Но никто не стронулся с места.

Простой человек сам пошел открывать. И на ходу изобразил, что вроде в самом деле меж памятников идет: приостанавливался и разглядывал.

— Люблю по кладбищу ходить. Думаешь: а кто были эти люди? — рассуждал сам с собой Простой человек. Он остановился перед Брюхатым. — Вот этот, наверно, плохой был...

— Проходи, — негромко сказал Брюхатый, — а то я встану из гроба и задую тебя.

— Да, этот был плохой, — повторил Простой человек. — Вор был, наверно.

Он подошел к двери, открыл... и воскликнул:

— Соня!..

Стояли: Соня и Чернявый. Соня всех внимательно разглядывала, а Чернявый улыбался значительно.

Никто ничего не понимал... Особенно Аристарх: он встал было, но сел снова, опять встал и опять сел — не мог встать от растерянности. Понимал что-то такое один Чернявый. Он помог снять Соне дорожную шубку... И, похоже, не собиравшись проходить с гостей к «памятникам», а легонько — интеллигентно — подталкивал ее в комнату Веры Сергеевны.

И вошли.

Вера Сергеевна тоже растерялась... Встала с дивана и смотрела на женщину Сою.

А там, в комнате Аристарха, по-прежнему все сидели неподвижно. Только Простой человек, пробираясь опять меж «памятников» к столу, сказал:

— Счас там будет третья империалистическая. — Он тихо засмеялся, набулькал из бутылки в рюмочку и качнул головой. — Ключья полетят...

А в комнате, где Вера Сергеевна, пришли в движение.

— Это — Соня, — представил Чернявый гостью хозяйке. — Моя любовница.

— Ну, — засмушалась Соня. — Прямо сразу уж... Зачем так?

— Соня, мы договорились: все начистоту. Раз тут недоразумение, мы должны...

— У вас же семья, — сказала с удивлением Вера Сергеевна. — Как же вы говорите — любовница...

— Да! — гордо сказал Чернявый. — Я — из казаков... — И он энергично показал — не то лихо дернул поводья скакуна, не то... шут его знает, что-то такое показал энергичное руками, — густых, так сказать, кровей! Все даже удивляются. Ну, говорят, Сучков, ты да-

ешь! Вы знаете, сколько я плачу алиментов? — Чернявый навис вопросом над Верой Сергеевной и сам заранее выпучил глаза. — Семьдесят пять процентов! Вы думаете, — горячо продолжал он, — если я связался с этими государственными ворюгами, то это от веселой жизни? Нет! Если я добуду рубль на стороне, то он хоть весь мой. С законного рубля мне только положено двадцать пять копеек. А у меня — четверо детей.

— Четверо детей!..

— Это — со мной, при мне. А так их у меня... по моему, одиннадцать. Вместе с этими, которые со мной.

— Но как же... еще любовница? — все не могла прийти в себя Вера Сергеевна.

— А что я, хуже других? Вы думаете, этот Брюхатый, например, любовницу не имеет? Имеет. Я только не знаю, что он с ней делает, но имеет. А Лысый этот?.. С чего это он, скажите пожалуйста, полысел в сорок три года? Думал много? Над чертежами ночью склонялся? Нет, не над чертежами... Только уж не над чертежами. Да все имеют любовниц! Вы простите, вы замужняя женщина, но откройте глаза-то, откройте: ведь это же позор считается, кто не имеет любовницы. Ведь это только один Аристарх ваш... Ведь над ним весь отдел смеется! Я уж не знаю, что у вас за любовь такая... не знаю. Значит, она есть еще на земле? Я не знаю... с этим Аристархом... Он мне все представления о жизни перевернул. Любовь, что ли, у вас такая? — прямо спросил Чернявый Веру Сергеевну. — Даже интересно, честное слово.

— Слушайте, — заговорила Вера Сергеевна неуверенно, — а как же записка?.. Ваша записка, я ее нашла в кармане...

— Ва-аша записка, в несколько строчек, — пропел беспечный Чернявый. — Она вам все расскажет про записку. Соня, только всю правду. Влюбилась, дурочка, в вашего Аристарха и... решила вас поссорить. Я когда сегодня узнал об этом, у меня глаза на лоб полезли. «Поедем, — говорю, — немедленно поедем к Вере Сергеевне, и ты ей все расскажешь». Все, Соня!.. Я выйду, чтоб не мешать вам... — Уходя, Чернявый ласково, но и строго погрозил Соне. — Все, решительно все. Про нас подробности можешь тоже не скрывать — я лишен пред-рассудков. — Он чуть подумал. — И, по-моему, совести тоже.

«Пассажиры» никак не могли понять, что такое творит Чернявый. И когда он вошел, все вопросительно на него смотрели и ждали.

Чернявый в изнеможении опустился в кресло, прикрыл глаза, долго сидел так, вольно раскинув руки и ноги.

— Дядя Вася, налей мне граненый стакан коньяку, — сказал он устало и капризно.

— Зачем же стакан? — с уважением сказал Простой человек. — Тут есть всякое хрустальное дерьмо...

— Нет, я хочу только из граненого стакана. Я сегодня спас... — Чернявый открыл глаза, огляделся, — от тюрьмы... много-много людей. Поэтому я хочу пить только из граненого — по-казацки. Я вас всех вывел из окружения! — возгласил он, принимая стакан из рук Простого человека. Отпил, передохнул и сказал всем строго: — Соньке — книжный шкаф «Россарио», мне — золотой перстень с эмблемой: казак скачет на коне.

А в комнате Веры Сергеевны в это время две женщины беседовали. Соня что-то рассказывала Вере Сергеевне, что-то показывала руками... Вера Сергеевна то изумлялась, то удивлялась, то ужасалась, то жалостливо смотрела на Соню. По всему видно, что они поняли друг друга, помирились и даже, кажется, готовы дружить, как иногда дружат порядочная женщина и величайшая распутница. Об этом много писали.

А в комнате, где «пассажиры», хотели понять, что вообще происходит? То есть, о чем-то уже догадывались, но — подробности, подробности.

— Как ты ее уговорил? — пытал Брюхатый Чернявого.

— Книжный шкаф «Россарио»...

— Для чего он ей?

— Не знаю... Сошлись на книжном шкафу.

— Как «сошлись»? — не понял Простой человек. — Неудобно же...

— Нет, все в порядке, что ли?! — закричал в нетерпении Лысый.

— Да, — сказал Чернявый.

— Ур-ра-а! — закричали Курносый и Простой человек.

— Едем седня до Владивостока! — заявил Простой человек.

Аристархушка в волнении ходил по комнате.

— А что она ей говорит? — спросил он.

— Они говорят на иностранном языке, — сказал Курносый в сильнейшем раздражении на Аристарха. — Импортанто де ла кругом и околе. — Он подошел к Чернявтому и крепко пожал ему руку. — Как мужчина мужчине, — сказал он уважительно и скупно.

Чернявый махнул рукой...

— Я тоже... перехватил там: наговорил на себя, что я чуть не Тарас Бульба. Еще немного — и Тарас Бульба. По-моему, она меня теперь бояться будет.

— Кто, Сонька?

— Кстати... если Сонька счас войдет в роль и начнет приставать ко мне, ты...

Но тут вошли Соня и Вера Сергеевна.

— На колени! — скомандовала Соня Аристарху. — На колени перед Верой Сергеевной.

— Зачем? — спросил Аристарх.

— На колени!! — потребовали все, еще не разобравшись, зачем надо на колени.

— Оказывается, ты оскорблял ее! — продолжала с возмущением Соня. — Ты ей тут, оказывается, наговорил гадостей и грубостей! На колени!

— На колени!!! — опять закричали все. А Курносый даже двинулся к Аристарху.

— Импортанто!.. — с угрозой сказал он, — ты знаешь, что такое нокдаун? Я не говорю уже о нокауте, я говорю о небольшом нокдауне... На колени!

Аристархушка стал на колени...

— Проси прощения у Веры Сергеевны, — велела Соня.

— Проси прощения у Веры Сергеевны! — закричали все в один голос.

Аристарх замешкался было... Но тут ему разумно посоветовал Простой человек:

— Давай, Аристархушка... да благословясь поедем во Владивосток.

— Вера, — дрогнувшим голосом заговорил Аристарх, — прости. Клянусь: ни одной больше покрышки, ни одного колеса...

— Не об этом речь! — прервал его Брюхатый.

Говори по существу дела! Что значит ни одного колеса! Что ты, на лыжах собрался ездить?

— Но о чем тогда говорить-то?! — взбунтовался Аристарх на коленях.

Но тут уж возмутились все.

— Ах, он не знает о чем говорить! Ах ты, бедняжка... Первоклашка.

— Тебя мама еще за ручку водит, да?

— Нет, он все еще хочет получить небольшой нокдаун.

— Да не нокдаун, а нормально — по сусалам! — громко возмутился и Простой человек. — Поедем во Владивосток! Поезд же отходит, вы что?

— Вера, — опять дрогнувшим голосом заговорил Аристарх, — клянусь, после этого случая буду каждый день проверять карманы...

— Опять!.. Ему говорят стриженный, он — бритый, — вконец вышел из терпения Брюхатый. Но тут же взял себя в руки и уже продолжал говорить с Аристархом, как с полным, но безвредным дураком, не зlostным дураком: — Зачем ты будешь проверять карманы?

— Не разговаривай со мной, как с идиотиком...

— Нет, зачем ты будешь проверять каждый день карманы?

— Чтобы там записок не было...

— А жить так, чтобы в твоей жизни вообще никаких записок не было, — так будешь жить?

— Что я, просил ее, чтобы она мне писала?! — опять было загорячился Аристарх и показал на Соню. И хотел даже встать с колен, и уж было встал, но тут встрепенулась Соня.

— На колени! — закричала она. — А что это, женщину надо обязательно просить, чтобы она писала? — спросила она надменно. — А сама женщина не имеет права написать записку? Может у нас женщина пошутить?

Вот это понравилось всем. С этим «может ли у нас женщина пошутить» она попала в самую точку. На Аристарха опять все навалились.

— Домостроевщину развел! — воскликнул Лысый.

— Нет, этот человек просит нокаута! — тоже воскликнул Курносый. — Не хочет он нокдауна, никак не хочет! Ему больше нравится нокаут! Ведь достану в печень — до утра будут считать,

— Нет, ты ответь... Ти-ха! — рявкнул Брюхатый на всех. — Ты ответь на вопрос, который тебе, подлецу, поставили: может у нас женщина пошутить?

— Может. — Аристарху надоело стоять на коленях, и он стал со всем соглашаться.

— Значит, что надо теперь сказать?

— Что? — искренне не понял Аристарх.

Брюхатый изумился; за ним некоторые тоже изумились, но так, для вида: никто, кроме Брюхатого, не понял, что надо теперь сказать Аристарху.

— Ты должен сказать, — вылез с поучением Простой человек, — ребята, мол, забудем все — и поедem во Владивосток.

— Прекрати со своим Владивостоком! — прикрикнул на него Лысый. — По-моему, ты и так уже где-то... под Хабаровском. Тут серьезное дело.

— Что ты должен сказать? — пытал Брюхатый Аристарха.

— Что?! Что?! Что?! — С Аристархом, кажется, началась истерика. — Не понимаю!.. — Он стукнул двумя кулаками себя в грудь, и в голосе его послышались слезы. — Не понимаю: что я должен сказать?!

Брюхатый пожалел его.

— Ты должен сказать: Верунчик, я тебя люблю. И не формально сказать, а с чувством, как ты говорил... сколько лет назад? — повернулся Брюхатый к Вере Сергеевне.

— Что говорил? — не поняла Вера Сергеевна.

— Когда он вам первый раз сказал: Верунчик, я тебя люблю? Сколько лет назад это было?

— Это было... девять лет назад, — сказала Вера Сергеевна. — Но он не так говорил... — Вера Сергеевна, вообще-то, была довольна — и этим стоянием Аристарха на коленях, и тем, что все его очень ругают. — Он сказал: «Хочешь, я сделаю тебя самой богатой женщиной микрорайона?»

— Трепло! — возмутились все.

— Про экономическую базу он ничего не говорил?

— Хвастунишка.

— Я не так говорил! — заспорил Аристарх на коленях.

— А как?

— Я сказал: «Хочешь, я МОГУ сделать тебя самой

богатой женщиной микрорайона?» Еще я сказал: «Только не носи синтетическое белье».

— Почему это? — спросила Соня.

— Искры летят, — пояснил Аристарх.

— Да? — удивилась Соня. — Не замечала.

— Ну, так, — поднялся Брюхатый. — Я думаю, что он все осознал... Осознал, Аристарх?

— Осознал.

— Поднимайся, — велел Брюхатый. — Вера Сергеевна, идите сюда... Идите, идите. Я предлагаю такую детскую игру. Кто видел, как мирятся детишки?

Никто не видел. То есть, наверно, видели, но не знали, куда клонит Брюхатый.

— Они берутся вот так... — Брюхатый взял руку Аристарха и руку Веры Сергеевны, сцепил их мизинцы. — Теперь повторяйте за мной... Вот так вот махайте и повторяйте. Повторяйте: мирись, мирись — больше не дерись, если будешь драться, я буду кусаться.

Все засмеялись остроумной выдумке Брюхатого, даже заплодировали. Все были рады.

— Давайте, давайте!.. — требовали от Аристарха и Веры Сергеевны.

— Мирись, мирись, — стали вместе говорить Аристарх и Вера Сергеевна, — больше не дерись, если будешь драться, я буду кусаться.

Опять заплодировали... Вера Сергеевна была счастлива; Аристарх был смущен, но тоже доволен. Их окружили, поздравляли с примирением... Сделался вокруг них хоровод, пошли, взявшись за руки, и запели:

Как на Вериных менинах,
Испекли мы каравай:
Вот тако-ой вышины!
Вот тако-ой ширины!..

Опять засмеялись, опять заплодировали себе. Все были счастливы.

— Черт его знает!.. — воскликнул растроганный Брюхатый. — Жить да радоваться!.. Нет, мы начинаем себе же сложности находить.

— Именно: можно же красиво жить! — подхватил Курносый.

— Да... со вкусом! Ведь один раз живем-то! — тоже с чувством сказал Лысый. — Вы вдумайтесь: один раз! И все, и больше нас ни-ког-да не будет.

— Поехали во Владивосток! — опять призвал Простой человек. Но на всех слетела какая-то тихая, задумчивая минута, всем как-то было не до Владивостока.

— Иной раз думаешь: люди, в чем дело? — продолжал глубоко и даже с грустинкой Брюхатый. — В чем дело, люди?

— Дело в том, что — уважения побольше друг к другу, — подхватил его мысль Лысый. — Уважения!

— Я бы сказал — и любви, — сказал Чернявый. Он даже встал. — Любовь — это... Все можно достать! — воскликнул он. — Все! А любовь не достанешь, если ее вот тут вот нету.

— Это ты, брат, верно, — похвалил Брюхатый. — Это ты — в десятку.

— Суетимся, суетимся много, — вздохнул Лысый. — Сказано же: «Не суетитесь». Нет, мы суетимся...

— Не потопашь — не полопашь, — вставил и свое раздумчивое слово Простой человек. — Попробуй не посуетись.

— Заговорила матушка-деревня! — горестно и насмешливо сказал Брюхатый. — А ведь на полатах-то не суетились! — вдруг решил поймать он Простого человека на слове.

— Почему это на полатах не суетились? — не понял Простой человек. — И на полатах суетились, и на печке, и в банях... А чего ты ко мне с полатами-то привязался? Если хочешь, то я на покосе родился. Но полата я любил, потому что там можно сверху наблюдать.

— И чего ты оттуда наблюдал, интересно?

— Все... Жизнь. Мы там сказки рассказывали друг дружке... Нас одиннадцать человек росло.

— А нас — двое, — вспомнила и Соня, — но я была младшая. Это хуже всего — младшей сестрой быть: все платья, все туфли, все юбки я за Зинкой донашивала. А сейчас — все наоборот! — Она сама рассмеялась такому нелепому обороту в жизни. — Я ей говорю: а помнишь, Зин, как я за тобой все донашивала? Она говорит: не говори. А вот нечего, говорю!.. Заладила тогда: учиться, учиться! Дырки всем на боку провертела со своей учебой! Выучилась?.. Ну, давай теперь, гордись передо мной: ты же ученая! А я вот — неученая. Я — продавщица, нормальная продавщица!.. А давай, говорю, пройдем с тобой — для эксперимента — по улице:

я надену все свое на себя, а ты свое на себя... Давай говорю, пройдем? Не хочет.

Все засмеялись.

— Нет, мы едем во Владивосток или не едем?! — на исходе всякого терпения закричал Простой человек. — Во-от вспоминать пустились... Чего мы сидим-то?

— Это мы — перед дальней дорогой, — молвил Курносый, улыбаясь.

— Хватит вам со своим Владивостоком! — сказала Вера Сергеевна, тоже по-доброму улыбаясь. — Давайте... сядем все за столом, как нормальные люди... Представляете, — обратилась она к Соне, — выдумали какую-то... странную игру: то в жаркие страны летают в качестве журавлей, то ездят куда-то...

Соня махнула рукой.

— Делать нечего!

— Энергия! — воскликнул Чернявый. — Не зря же про нас говорят: энергичные люди.

— Ну-ка, энергичные люди, — стала распорядиться Вера Сергеевна, — приложите свою энергию к делу: раздвиньте пока стол. Соня, а мы пойдем на кухню — вы мне поможете салат приготовить...

И пошло тут веселое хорошее оживление, когда вроде и делом занимаются, а вроде и дела никакого нет. Мужчины умело раздвинули стол, закурили... Аристарх включил дорогой магнитофон «Сони».

— У тебя «Сони»? — спросил Брюхатый со знанием дела.

— Да.

— Прекрасная вещь. У меня тоже... Шестьсот рублей.

Курносый чему-то вдруг весело рассмеялся... Да так искренне, так неукротимо долго смеялся, что все стали смотреть на него с тревогой.

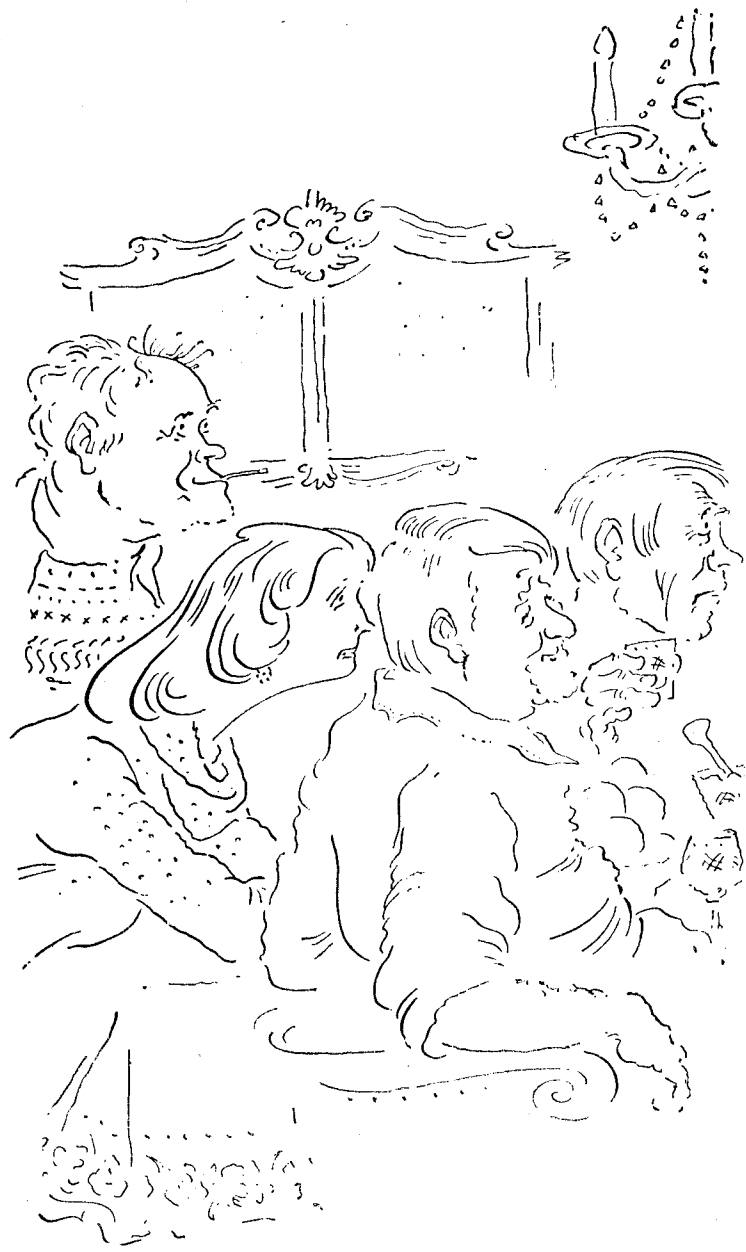
— Ты чего? — спросил Брюхатый.

Курносый хохотал и показывал пальцем на Чернявого, хотел что-то сказать и не мог сказать от смеха.

— Чеканулся, что ли? — спросил Чернявый вполне тревожно.

— Со...ня, — продохнул наконец от смеха Курносый. — У вас «Сони», а у этого — Соня...

— Смех смехом, — серьезно заговорил Чернявый, — но если кто из вас трепанет где-нибудь, что она моя любовница... Слушайте, я серьезно говорю! Не вздумайте пошутить где-нибудь! А то... их же выручил, по-

нимаешь... Мне тогда — заходя с седьмого этажа прыгать.

— С седьмого — это высоко, — согласился Лысый. — Но со второго я прыгал. Причем не муж даже, не муж — брат застучал... Не понимаю, чего она так перепугалась! Глаза вот такие: убьет, говорит! Я маханул... Хорошо, на цветочную клумбу угодил.

— А я раз... — хотел было тоже вспомнить Брюхатый, но вошли Вера Сергеевна и Соня. Внесли всякие закуски.

— Пожалуйста, к столу! — пригласила Вера Сергеевна.

И стали садиться к столу. На душе у всех было мирно и хорошо.

— Уверяю вас: можно же прекрасно жить! — еще раз сказал Брюхатый с чувством тихой благодарности к жизни. — Мирно, спокойно...

— Главное, не суетиться перед клиентом, — согласился с ним Лысый. — Скажите, чего нет? — спросил он, приглашая всех тоже, как Брюхатый, к тихому восторгу перед жизнью, но был конкретней: он показывал на богатый стол. — Чего не хватает?

— Так-то бы жил! — сказал Простой человек. — Таксисты только хамят: не хотят везти и все! Каждый день у меня с имя стычка.

— Хамства много, это верно, — согласился Курносый. — Но я заранее трояк показываю. Ты сразу трояк показывай, и все, и повезет.

— Хорошо, если он есть. А если его нету?

— Тогда — кулак, — сострил Брюхатый. — И скажи: «Я на покосе родился!» — сразу повезет.

Засмеялись.

— Повезет он... — проворчал Простой человек.

За разговорами сели к столу.

— Ой, я забыла эту... открывалку-то... — вспомнила Вера Сергеевна. — Сонечка, не в службу, а в дружбу: у меня в ящике лежит... в «Рамоне» в левом ящике, в нижнем... такая — с ручкой, как у...

— Найду, — сказала Соня. И пошла за открывалкой.

Пока она ходила, тут опять наладились было на мирный, хороший разговор.

— Я как-то товарища своего школьного встретил... — вспомнил Брюхатый. — Ну — «Где? Как?» Оказывается,

— шишка. Ну, выпили, закусили... Потом эта «шишка» спрашивает: «Слушай, — говорит, — ты не можешь мне женские сапоги «на платформе» достать? За горло, — говорит, — взяли...» — «И все? — говорю. — Вся проблема?» А сам думаю: эх...

Но тут случилось нечто, что и назвать-то как-то... не поймешь, как и назвать: шутка? Но уж больно тупая. Соня!..

В то время, как Брюхатый говорил: «А сам думаю: эх...», вошла в комнату преподобная Сонечка... с пистолетом в руках: наставила на всех и говорит:

— Руки вверх! Я из обзхээса!

Да так спокойно, уверенно, так СТРАШНО это сказала, что за столом обмерли. Все застыли, кто как сидел... И тут Соня расхохоталась! Вот уж она посмеялась, дура, — до слез прямо досмеялась. Смеялась и показывала... открывалку, которая была похожа на пистолет — вылитый пистолет!

За столом не знали: то ли сердиться на эту дуру, то ли уж махнуть рукой... Но признались, что перепугались насмерть.

— Сонька!.. — с укором сказал Брюхатый, — у меня же сердце, дура ты такая, дура... Ведь так — парализует, и все. И будешь: одна половинка жить будет, а другая рядом лежать, по соседству.

— А у меня — холод: вот отсюда вот пошел, от затылка, — признался Лысый, — и по спине, по спине — куда-то в копчик уперся: чувствую — примерз к стулу! Ну, надо же так додуматься! Ну, Соня!..

Отходили от испуга; даже уж с некоторым весельем продолжали рассказывать, кто что почувствовал и подумал, когда Соня наставила «пистолет».

— А я думаю: пока тут сейчас всех будут обыскивать да личности проверять, я незаметно успею сунуть одну бутылку в штанину, — поделился своими мыслями Простой человек. — Глянь, у меня штаны-то: туда полприлавка влезет. Пока, думаю, будем ехать в воронке — там же темно! — я ее из горлышка... Мы бы ее с боксером вот раздавили бы.

— Нет, тут уж не до бутылочки было бы, — признался Курносый. — У меня в глазах темно сделалось. Вот понимаю же: все же на месте, никуда же никто не успел... А — никого не вижу! Туда смотрю (в зрительный зал) — никого не вижу, сюда смотрю — никого!..

Повесть для театра

Одну Соню с этой открывалкой вижу, и все. Ну, Соня!.. Ну, шуточки у тебя!..

— А я думаю так: прикинусь счас невменяемым!.. — поделился мыслями и Чернявый. — С ума сошел. Сошел с ума — тронулся!.. А таких не судят.

— Так тебе и поверили! — сказал Простой человек, разливая коньяк по рюмкам.

— Это — как держать себя.

— Да как ни держи!.. Пару раз промежду глаз...

— А я, — сказал Аристарх, — я вот что подумал. — И все замолкли и смотрели на Аристарха: интересно было, что он подумал. — Я подумал — все: и Соня, и моя жена, обе — оттуда... из обзэхэса.

— Ну!.. — изумилась Вера Сергеевна. — Девять лет живем, а он...

Все засмеялись такой, в самом деле, нелепости. Заговорили все сразу:

— Аристарх, ты уж...

— А что? А что?.. А знаете, случай был...

— Да ну, случай!.. Случаи в кино бывают, в театре...

— Нет, Аристарх, в самом деле?

— Клянусь! Ну, думаю, это мне — пятнадцать лет!..

— Да нам бы всем!.. Мы же ее «убивать» ходили! Нам бы за одну эту комедию...

— Едем во Владивосток! — громко объявил Простой человек. — Присели!.. Присели!.. Помолчали перед дальней дорожкой...

Все замолчали.

В это время позвонили в дверь.

— Это соседка ко мне — за выкройками, — сказала Вера Сергеевна. И пошла открывать.

Открыла дверь... И попятилась назад.

Вошли трое, показали книжечки.

— Милиция, — сказал один. — Просьба всем оставаться на местах и предъявить документы.

Один из трех, в милицейской форме (двое были в штатском), прошел несколько в коридор и увидел по-крышки.

— Вот они! — сказал он. — Даже не спрятали.

За столом сидели тихо, неподвижно.

Только Простой человек, повернувшись к зрительному залу, негромко, с искренним интересом спросил:

— А кто же тогда, граждане?.. А? Кто капнул-то?

Рано-рано утром, во тьме, кто-то отчаянно закричал:

— Где я?! Э-эй!.. Есть тут кто-нибудь?! Где я?..

И во тьме же, рядом, заговорили недовольные голоса, сразу несколько.

— На том свете. Чего орешь-то?

— Где я? Где мы?..

— На том свете. Чего орешь-то?

— Ну чего зря пугать человека! Не на том свете, а в морге пока. У меня вон номерок на ноге... вот он — болтается, чувю. Интересно, какой я по счету?

— А где мы? Чего зубоскалите-то? Где, я спрашиваю?!

— Не ори, а то я подумаю сдуру, что ты моя жена и полезу целоваться; она всегда орет с утра. Она орет, а я ей — раз — поцелуйчик: на, только не вопи.

— Ну и как? — поинтересовался хриплый басок. — Помогает?

— Слабо...

— Если б ты ей четвертным рот залепил, она бы замолкла.

— Четвертного у меня с утра... Я за четвертной-то сам зареву, не хуже слона... А ты мне лепи четвертные.

— Где мы находимся, я вас спрашиваю?! — опять закричал тот, истеричный.

Тут вспыхнул свет... И видно стало, что это — вытрезитель. И лежат на кроватках под простынями восемь голубчиков... Смотрят друг на друга — век не виделись.

Открылась железная дверь, и в комнату вошел дежурный старшина.

* Повесть осталась незавершенной.

— Чего кричите? — спросил он. — Кто кричал?

— Я, — сказал человек довольно интеллигентного вида. Он хотел встать с кровати, но, обнаружив, что он почти голый, запахнулся простыней и тогда только встал. И подошел к старшине... — У меня к вам вопрос: скажите, пожалуйста, где я нахожусь? — Он стоял перед старшиной, как древний римлянин, довольно знатный, но крепко с похмелья. — Я что-то не могу понять — что это здесь?

— Санаторий «Светлые горы».

— Что за шуточки! — повысил голос интеллигент. — Я вас серьезно спрашиваю.

— Ложись, — показал старшина, — и жди команды. Серьезно он спрашивает... Это тебя сейчас будут серьезно спрашивать.

Интеллигент струсил.

— Простите... Вы в каком звании, я без очков не вижу? Где-то потерял очки, знаете...

— Генерал-майор.

Древний помятый римлянин стоял и смотрел на старшину.

— Я вас не понимаю, — сказал он. — Вы всегда с утра остриете?

— Чтоб тишина была, — велел старшина. И пошел к двери.

— Товарищ старшина!.. — вежливо позвал его здоровенный детина, сосед очкарика по кровати. — У вас закурить не будет?

— Не будет, — жестко сказал старшина. И вышел. И закрыл дверь на ключ.

— Опять по пятницам, — запел детина, качая голос; он был, наверно, урка, — пойдут х-свидания-а, и слезы горькие моей... Ложись, очкарь. Что ты волну поднял? Мы находимся в медвытрезвителе... какого района, я, правда, не знаю. Кто знает, в каком мы районе?

— Районе!.. — сказал мрачный человек. — Я город-то не знаю.

Очкарик ринулся взволнованно ходить по комнате.

— Слушай, ты мне действуешь на нервы, — зло сказал урка, — сядь.

— Что значит действую на нервы? Что значит сядь?

— Значит, не мельтеши. А то я гляжу на тебя — и мне всякие покойники в башку лезут.

— Но что я мог такого сделать? — все не унимался

очкарик. И все ходил, и ходил, как маятник. — Почему меня... не домой, а куда-то... черт его знает куда? Что они, озверели?

— Ты понял! — воскликнул урка. — Убил человека и еще ходит удивляется!.. Во, тип-то.

Очкарик остановился... и даже рот у него открылся сам собой.

— Как это? Вы что?..

— Что?

— Человека?..

— Нет, шимпанзе. Что ты дурачка-то из себя строишь? Ты же не на следствии пока. Перед следователем потом ваяль Ваньку, а перед нами нечего.

— Да-а, милок, — сочувственно протянул маленький сухонький человек, — вляпают тебе... Но ты напирай, что — неумышленно. А то... это... как бы того... не это...

— Он же выпимши был, — заспорил с сухоньким некто курносый, с женским голосом. — Чего ты намекаешь тут — «того», «не того»?.. Человек был выпимши. Вишь, он даже не помнит, как попал сюда.

— Теперь это не считается, — приподнялся на локте сухонький; видно, любитель был поспорить. — Теперь, что был выпимши, что не был — один черт.

— Наоборот! — воскликнул урка. — Отягчающее мешок обстоятельство. За что ты его под трамвай-то толкнул?

Очкарик стоял белый, как простыня... И вертел головой то туда, то сюда, где говорили.

— Вы что? — сказал он трагическим голосом, тихо.

— Что?

— Какого человека?

— Это тебе лучше знать. Шли, спорили про какие-то уравнения... — стал рассказывать урка. — Как раз ехал трамвай, этот — чух его под трамвай!.. Того — пополам. Жутко смотреть было. Народу сразу сбежалось!.. Седой такой лежал... он головой к тротуару упал, а вторая половина под трамваем. И портфель так валяется... — Ты видел, что ли? — спросил сухонький.

— Я видел!.. — повторил по-одесски урка. — А почему я здесь? А потому, что я сзади шел. А когда стали свидетелей собирать, я заартачился... нагрубил милиционеру...

— Тьфу!.. Из-за какого-то уравнения — человека под трамвай! — искренне и глубоко возмущился человек

с женским голосом; он был очень нервный человек, даже какой-то сосредоточенно-нервный.— Что уж в том уравнении? Сели на лавочку и решили...

— Совсем одичал народ,— негромко, сам себе, промолвил мрачный.— Убить — запросто.

Парень крестьянского облика не принимал участия в этом страшном разговоре, лежал, смотрел в потолок... Вдруг он сел и с ужасом сказал:

— А не убил ли и я кого?

И так это у него простодушно вышло, с таким неподдельным ужасом, что некоторые невольно — через силу — засмеялись.

— Ты откуда будешь-то?— спросил его сосед, весьма потертый, весьма и весьма, видно, стреляный воробей, электрик, как он впоследствии отрекомендовался.

— Из Окладихи,— сказал парень.— Тракторист.

— Ого! — удивились.— Куда тебя занесло.

— Что, тоже кого-нибудь убил?

— Нет, он, наверно, теще всыпал,— предположил электрик.— Или соседа поджег.

— У меня теща хорошая,— сказал парень.

— Ну, соседа поджег.

Парень мучительно вспоминал:

— Неужели Мишке чего?.. Я, вообще-то, сулился его свинье глаз выбить: повадилась в огород, зараза, спасу нет. Говорю, да надень ты ей эту... крестовину у нас такую надевают свинёшкам на шею, забыл, как называется,— чтоб они в дырки в городье не пролезали... Надень ты, говорю, ей эту штуку, житья же нет от твоей свиньи! Он мне: «Сам надевай!» — «Тогда,— говорю,— я ей глаз выблю, она будет по кругу ходить — и в свой же огород придет».

— Это ты точно рассчитал,— похвалил электрик. Ему очень понравилась техническая мысль тракториста, он даже стал показывать пальцем на простынке схему движения свиньи.— Значит, она вышла из дома и направилась в твой огород... Так? Но у ней же косинус, поэтому она загнет такой круг — от так от пойдет — пойдет — пойдет — и придет к себе же в огород. А сама будет думать, что она — в твоём огороде.

— Да она-то!..— воскликнул тракторист.— Пусть как хочет, так и думает, зараза, меня не волнует. Главное, Мишка бы задумался. Неужели я ей все же вышиб глаз?

— Ну, особо-то не переживай: за глаз больше семи суток не дадут.

— Или заставят стеклянный вставить,— хихикнул сухонький.

Остолбеневший очкарик сдвинулся наконец с места и подсел было к урке.

— Слушайте, вы что...

— Не садись ко мне! — закричал урка испуганно.— Я тебя не знаю! Первый раз вижу!..

Очкарик вскочил как ошпаренный... И беспомощно посмотрел на всех.

Некоторое время все молчали.

— У тебя семья-то есть? — спросил его электрик.

— А? Семья? — потерянно переспросил интеллигент.— Нет, вы что, разыгрываете меня, что ли?

На него горестно и серьезно смотрели.

— Ну что, что-о?! — чуть не заплакал очкарик.— Что смотрите-то?!

— Молодой еще...

— Может, и хорошо, что молодой: не такой старый выйдет.

— Так-то оно так... если, конечно, не... это... не того...— Это разговаривали между собой электрик и сухонький.— Могут ведь и... того... Как посмотрят.

— Да, это уж какое примут решение.

— Из-за какого-то уравнения!..

— Да расстреляют,— открыто ляпнул нервный с женским голосом.— Чего тут гадать-то? Ученого же толкнул...

— А? — машинально спросил очкарик.

— Кого толкнул под трамвай-то? Ученого?

Вместо ответа очкарик бросился к двери и забарабанил в нее кулаками.

— Откройте! Откройте, пожалуйста!.. Я хочу спросить!

Дверь скоро открылась... Заглянул старшина.

— Что такое?

— Что я вчера сделал? Я не помню... Что я сделал? Почему они про какое-то...

Старшина захлопнул дверь и, запирая ее снаружи на ключ, сказал:

— Скоро скажут, что сделал. Больше не стучать.

— Товарищи,— взмолился очкарик, обращаясь ко

всем, к урке в частности,— да вы что? Не мог я целю века под трамвай!..

— Крепись,— сказал ему мрачный человек.

— Вот хуже нет этих!.. — с некоторой даже брезгливостью сказал урка.— Чего теперь психовать-то? Сделал — сделал, все. Нет, он будет окружающим кишки мотать, на нервы, пала, действовать. Ляжь — и жди.

— Ученого толкнул или нет? — все хотел понять нервный.

— Ну, а как же? Раз об уравнениях шли спорили... Это Иван вон: ни с кем не спорил, а взял и рассчитал, как свинья будет ходить с одним глазом. И так точно рассчитал! — Электрику очень нравился расчет тракториста.— Это же надо так рассчитать. Вот же и Ванька!..

— Вспомнил! — сказал тракторист. И сел.— Никакой свиньи не было: я выехал трактором на асфальт.

— Ну? И что? — не понял электрик.

— Что... Не положено, что. Я вижу: приближаются на коляске... А у меня с собой бутылка была, я домой ехал, в баню торопился, поэтому на асфальт выехал — угол срезать...

— Ничего не понимаю: какой угол?

— Чтоб сократить маленько. Если от Игренева на Окладиху идти проселком — это семь километров, а если маленько асфальта прихватить...

— Ну, ну?

— Ну, думаю, все равно они ее счас найдут... Пока они приближались, я ее всю осадил.

— Бутылку?

— Ну.

Тут все даже привстали от удивления. Не все поверили.

— Всю бутылку?

— Всю.

— С какой же скоростью они ехали? — опять живо заинтересовался электрик.— На коляске-то.

— Ты спроси, с какой скоростью он пил? Не верю,— заявил сухонький.— Что, насос, что ли?

— А далеко ты их увидел? — поинтересовался и урка.

— За километр примерно. Оглянулся — догоняют...

— Можно успеть,— авторитетно сказал урка.—

Запросто. С какой бы скоростью они ни ехали. Надо только бутылку вот так вот раскрутить...

Тут в комнату вошла — ее впустил старшина — тетя Нюра с ведром и тряпкой.

— Всем лежать,— приказала тетя Нюра.— Курева не просить, в магазин не провоцировать — не положено.

— Здравствуй, тетя Нюра,— ласково сказал электрик.— Доброе утречко! Чего это ты спозаранку не в настроении?

— О, опять тут? — не очень удивилась тетя Нюра.

— Тут, тут... Как поется: де-евушки, где вы? Тута, тута!..

— И я тут, тетя Нюр,— хихикнул сухонький.— Не узнаешь?

Тетя Нюра пригляделась... И узнала.

— Опять жена привела?

Сухонький на это почему-то обиделся.

— Что значит, жена? Что я, телок, что ли, бессловесный, что она каждый раз будет приводить меня к вам на веревочке? — Сухонький помолчал и сказал не без гордости.— Меня привезли.

Тетя Нюра оглянулась на дверь... И скоренько полезла рукой куда-то под фартук себе.

— По одному — у окошка вон, чтоб запаху не было... В порядке живой очереди.

Первым вскочил шустрый электрик, взял у тети Нюры сигаретку, спички и пошел к окну курить.

— Я за тобой,— застолбил сухонький.

Но тут встал урка, запахнулся простыней, подошел к электрику и отнял у него сигарету.

— После меня будете,— сказал он.

— Ты чего тут? — возмутилась добрая тетя Нюра.— Ну-ка, отдай сейчас же! А то огрею вот тряпкой, будешь знать, как отбирать. Здоровый?.. Иди в цирк гири поднимать, а обижать не смей!

— Спокойно, тетя Нюра,— сказал урка, затягиваясь сигаретой.— Не поднимай волны.

— Отдай,— кратко сказал мрачный человек, дядя решительный и еще более здоровый, чем урка.

Урка значительно посмотрел на мрачного... И отдал сигаретку электрику. И лег.

— Там будешь свои порядки устанавливать,— еще сказал мрачный,— а здесь... пока рано.

Урка опять значительно посмотрел на мрачного. Всем стало как-то не по себе.

— Ну, ладно,— сказал сухонький урке,— так и быть — будешь за ним, а я за тобой.

— Чего это? — уперся мрачный.— Будешь, как занял, я за тобой, за мной... Ты куришь? — повернулся он к нервному, с тонким голосом.

— Нет,— откликнулся тот.— Бросил. У меня язва луковицы двенадцатиперстной кишки.

— А ты? Кандидат?

— Я? — очнулся очкарик.— Нет.

— А я бы курнул,— с тоской молвил Иван-тракторист.

— Ты за мной,— сказал ему мрачный.— А ты,— мрачный небрежно глянул на урку,— за Иваном.

Урка лежал, закинув руки за голову... Свирепо смотрел в потолок.

— Сколько у тебя, тетя Нюр? — спросил электрик.

— По одной всем хватит. Пускай дым-то повыше... а то мне опять на вид поставют. Жалеешь вас...

Электрик вчистую докурил сигарету, старательно пуская дым к высокому зарешеченному окну, рамы которого, по летнему времени, были открыты.

— Давай,— сказал он сухонькому. А сам лег опять в кровать.

Теперь сухонький пристроился к окну, и с удовольствием пошел затягиваться, и даже затараторил — от удовольствия же.

— Как ты говоришь: луковица двенадцатиперстной кишки? — поинтересовался он.

— Да,— откликнулся нервный.— Ниша.

— Ниша?

— Ниша.

Сухонький покачал головой... Но все равно на лице у него было одно сплошное удовольствие.

— Ну язык выдумали! Я как-то был в поликлинике, читаю на дверях: «Исследование моторной функции желудка». Совсем зарапортавались: мотор в желудке исследуют...

— Ты не болтай, а кури,— посоветовал мрачный.— Легко, думаешь, лежать смотреть на тебя.

Очкарик сидел на своей кровати, тупо смотрел перед собой... Ничего, казалось, не видел и не слышал.

— Подними-ка ноги-то,— попросила его тетя Нюра, подлезая с тряпкой под кровать.

Очкарик поднял ноги и в этом неловком положении заговорил с ней.

— Тетя Нюра... Анна... как вас по отчеству?

— Анна Никитишна.

— Анна Никитишна, вы не слышали, кого вчера под трамвай толкнули?

— Под трамвай? — удивилась тетя Нюра.— Да кого же это? Когда?

— Вчера вечером.— Очкарик все держал ноги на весу, хотя в этом не было теперь надобности.— В районе Садовой... Было там какое-нибудь движение?

— Движение там всегда есть...

— Я имею в виду — народ сбегался?

— Да брось ты, чудак! — пожалел его мрачный.— Разыграли тебя. Вон лежит... соловей-разбойник с кондитерской, развлекается. Кого ты можешь под трамвай толкнуть? Хорошо, самого не толкнули...

Очкарик опустил ноги и встал... И долго, и внимательно — очень долго, очень внимательно — смотрел на урку.

— Что, очкарь? — повеселел тот.— Перетрухал? Хох, гнида!..

— Сейчас подойду и дам пощечину,— сказал очкарик дрожащим от обиды голосом.

Урка изумленно выпучил на него глаза... Смотрел некоторое время. Потом встал, шикарным жестом запахнулся простыней и медленно — очень медленно — пошел к очкарику.

— Я вас прошу, синьор духарь, дайте мне пощечину. Умоляю... надо же держать слово. А то я обижусь и буду вас долго-долго метелить. Ну?.. Мы же с вами джелътмены, вы сказали слово, надо же держать слово.

— Совершенно верно, слово надо держать. Я плохо вижу, где ваше лицо?

— Вот мое лицо, вот...— урка показал пальцем вокруг своего лица.

— Вот эта вот окружность — это моя личность, в такую луну нельзя промахнуться. Ну? Я же тебя оскорбил... Разыграл, как дуру, ты же кандидат...

Все напряженно ждали, чем закончится эта сцена между двумя «джелътменами».

— Могу еще оскорбить: вонючка ученая. Гнида. Как еще?..

— Достаточно,— молвил очкарик. Он распрямился и довольно торжественно,— то ли не чувствуя страха, то ли от театральности, свойственной ему,— произнес фразу: — От имени всех очкариков! — И залепил урке отчетливую пощечину.

— Вот как! — удивилась даже Нюра; по простоте душевной она сперва не поняла, что готовится именно пощечина.— Ты што это, эй!

— Мх-х, хорошо, — как-то даже сладострастно сквозь стиснутые зубы пропел урка.— Еще раз... Умоляю, с другой стороны.

— Нет, этого вполне достаточно,— снисходительно сказал очкарик; странно, неужели он так и не почувствовал опасности, или эта театральность так въелась в человека? Он хотел величаво отбыть в сторону своей койки, но урка поймал его за простыню и подтянул к себе.

— Ну, гнидушка-а, ну умоляю — еще раз, с другой стороны. Ох, как я сейчас буду метелить! — Урка зажмурился и покачал головой.— Как же я буду метелить, мама родимая!.. Умоляю, кинь еще одну — для напряжения, чтобы я о так от, о так — рразорвал сразу...

Но тут встал мрачный со своей койки, подошел к ним и с усилием, решительно оторвал урку от очкарика.

— Дальше будешь иметь дело со мной,— сказал он урке.

Урка опять значительно и долго — в который уже раз он пускал свой взгляд в дело! — посмотрел на мрачного... Тот спокойно — тому, кажется, даже доставляло удовольствие, что на него смотрят так значительно,— выдержал этот опасный взгляд и лег на свою кровать. Урка тоже лег. Все произошло в полной тишине. И в тишине же урка вдруг рывком скорчился на своей кровати, заскрипел зубами, закрутил головой и — не то простонал, не то взмолился злорадно своему жестокому богу — поклялся:

— Ох, как же я буду метелить! Как я буду метелить!..

— Благодарю вас,— сказал очкарик мрачному.— Если бы у меня были очки, я бы схватился с этим оран-

гутангом: я когда-то занимался боксом. Но без очков я плохо вижу.

Мрачный промолчал на это. А урка глубоко вздохнул и сказал негромко себе:

— Только бы дожить до светлых дней.

Сухонький между тем докурил свою сигарету; с кровати поднялся мрачный; тетя Нюра вынула из-под фартука сигарету и уважительно дала ему.

— Чего тут не поделили-то? — спросила она серьезного сильного человека, мрачного.

— Да так... с похмелья, — сказал тот.

— Ох, как же я буду метелить! — воскликнул опять урка, крутнулся под простыней и мучительно застонал. На него посмотрели, но никто ничего не сказал. Мрачный спокойно курил у окна, старался тоже пускать дым повыше.

— Любопытная вещь, — заговорил очкарик, — до определенной минуты все отчетливо помню, дальше — полный провал: ничего не помню. Что за странный механизм памяти? По идее, я же ничего не должен помнить.

— Не-ет, — авторитетно заговорил электрик, — тут так: пока ты свою меру не взял, ты помнишь, дальше — взял меру, но в душе думаешь: мало, надо еще — все, пошел перебор. Дальше — рога в землю, и память автоматически отключается.

— Ни-че-го подобного, — тоже авторитетно и взволнованно возразил сухонький. — А как же бывает: домой пришел, а как пришел — не помнишь.

— Ну и что?

— Ну, по-твоему, я же не должен до дому дойти. А я дошел.

— Это значит, тебя развезло уже дома...

— Да где дома, где дома! — больше загорячился сухонький. — Я же утром-то вижу, какой я пришел.

— Все зависит от нервной системы, — встрял в спор нервный. — У кого какая нервная система. Сколько ты можешь выпить? — спросил он электрика.

— Ну, это смотря как выпить. Я могу, допустим...

— Дошибачки. Сколько потребуется, чтобы ты упал и не поднялся?

Электрик подумал:

— Бутылку белой и бутылку чернил.

— Смотря каких...

— Три семерки.

— Так. А я с двух стаканов под стол лезу — потому что нервы.

— А вот я... Слушай сюда! Вот я, — затараторил сухонький и постучал пальцем в тощую свою грудь, — не смотря, что у меня такая комплекция, засосу полторы бутылки белой и не лягу.

— Ты?

— Я.

— Карлик с оглоблей, — непонятно сказал мрачный. И сам себе посмеялся.

— Мы, бывает, соберемся на трех, — продолжал сухонький, — по пять рваных на рыло — это получается...

Тут скрежетнул ключ в двери — раз, другой... Мрачный бросил сигарету в окно и в два свободных прыжка очутился возле своей койки. И лег. Дверь открылась, вошел старшина, а за ним еще некто, молодой, длинный, стеснительный, с портфелем.

— Однако курили? — остановился старшина.

— Откуда! — воскликнул сухонький. — Где мы возьмем-то?

Старшина подозрительно посмотрел на тетю Нюру... Тетя Нюра старательно мыла пол. Домыла последнюю половицу и вышла.

— Поговорите вот... с товарищем, — сказал старшина. — Да не врите: это для статистики надо. — И старшина ушел.

— Товарищи, — подчеркнуто миролюбиво заговорил длинный с портфелем, — я не корреспондент, не из газеты... Я — социолог. Что я вас спрошу и что вы ответите — это никуда не пойдет, никаких фельетонов никто писать не будет. Я объясню, в чем дело. Группа социологов, я в том числе, исследует... мы исследуем вопрос происхождения... ну, пьянства, грубо говоря. Так сказать, причины и следствия. Для этого — на один-единственный вопрос, который я вам задам, — надо ответить... надо сказать всю правду. Вопрос такой: как вы здесь оказались? Еще раз повторяю: ваши ответы дальше моего блокнота никуда не пойдут, в том смысле, что никак вам не повредят. Начнем? — Ближе всех к нему оказался нервный. — Вот вы, например... Как вы здесь оказались? Расскажите, пожалуйста.

Вместо подробного рассказа о том, как он здесь оказался, нервный вдруг устремил на социолога вни-

мательный и тоже не лишенный значительности, как у урки, взгляд.

— А попрошу документы,— сказал он сухо.

Никто не ждал такого оборота. Притихли.

— Зачем? — спросил социолог.

— Рассказывай ему... А кто вы такой?

— Да я же вам только что объяснил.

— Документы.

— Ну, слушайте... уж поверьте, если бы я не имел права спрашивать вас, наверно, меня бы сюда не пустили.

— Документы.

— Да нет у меня никаких документов, то есть, наверно, есть какие-то... нет, дома.

В комнате откровенно засмеялись такому наиву...

Нервный, хоть опасливо, но тут же обнаглел.

— А голову, извиняюсь, вы не того... не это... Она не дома у вас?

— Ну, дела!..

Социолог встал.

— Хорошо,— сказал он,— я попрошу начальника отделения, он объяснит вам... Не обманываю же я вас! Зачем мне это надо?

— Да, да,— согласился нервный,— зачем вам это надо? Вы наденьте форму и спрашивайте.

— Да нет, товарищи!.. Да действительно же я ученый! Ну, как вам?.. Хорошо, сейчас начальник скажет то же самое.

Социолог пошел к двери, постучал... Старшина открыл дверь и выпустил его.

— Понял?! — воскликнул нервный хвастливо.— Какую штуку удумали, а? Во, деятели...

— Да нет, друзья,— сказал очкарик,— это действительно ученый. Вы думаете, переодетый следователь? Нет.

Тут с койки рывком вскочил урка и мягко прошелся меж кроватей.

— Колонулся, мальчик! — Урка радостно засмеялся.— Ученый... Я бы не хотел с таким ученым за одной партией сидеть, умоляю. Наоборот, я бы хотел, чтобы он сидел под партией. Ну, Петя, ну, подрулил!..

— Да чушь это! — воскликнул очкарик.— Никакой он не следователь. Я знаю эти группы социологов...

— И его знаешь? — спросил нервный.

— Его не знаю, но знаю, чем они занимаются. Занимаются изучением серьезнейших вопросов...

— В вытрезвителях?

— И в вытрезвителях. А где же еще ему расскажут, почему человек напился, какие причины побудили...

— А если их нету, причин-то? — закипятился нервный.— Чего их искать, если их нету?

— Причины всегда есть. Просто они не всегда ясны нам самим...

— Ну, это уж тоже... лишь бы с портфелем бегать — ученых из себя изображать,— недовольно сказал мрачный.— Чего вот мне рассказать? Нечего. Напился, и все.

— Что же, без всякой причины? — поинтересовался очкарик.

— Без всякой причины.

— Но какая-то же должна быть причина...

— Да никакой причины. Взял две бутылки водки и выпил.

— И часто вы так?

— Раз в месяц напьюсь обязательно.

— Но почему? Тоска, что ли, какая?

— Никакой тоски,— убежденно сказал мрачный.— Напьюсь, и все.

Очкарик был в затруднении.

— Не понимаю,— сказал он.

— Я сам не понимаю,— искренне сказал мрачный.— Не хочу понимать.

— Ну, может, ты фронт вспомнил, боевых товарищей,— подсказал сухонький; все как-то обнаружили вдруг, что, казалось бы, пустой разговор имеет некий сокрытый смысл.

— Никаких товарищей... Вообще не люблю войну вспоминать.

— А что вы читали до этого момента? Или смотрели по телевизору?

— До какого момента?

— Как пойти в магазин.

— Ничего не смотрел. Я люблю «В мире животных» смотреть, но она вечером бывает...

— Вы кто по профессии? — стал невольно входить в подробности очкарик.

— Крановщик.

— Может, тебе с высоты грустно на людей смотреть?

реть? — опять выскочил с подсказкой сухонький.

— Да ну!.. — мрачному надоело отвечать. — С высоты... Это тогда все летчики давно уже должны с круга спиться: там высота-то вон какая.

— А что ты думаешь? Ты знаешь... — кинулся было спорить электрик, но открылась дверь — вошли социолог и начальник отделения. Старшина тоже вошел и стал сзади них.

— Здравствуйте! — громко приветствовал всех начальник.

С ним поздоровались. Может быть, не так громко, но почти все.

— Кто тут самый бдительный? — начальник посмотрел на социолога. — Кто требовал документы?

— Да нет, тут не в том дело, кто... Вы просто объясните.

— А чего тут объяснять-то? Спрашивайте, и все. — Начальник сел на стул. — А я посижу пока.

— Лучше бы вы объяснили...

— Вы спрашивайте, спрашивайте.

— Итак, — обратился социолог к нервному, — что же с вами вчера случилось?

— Это ученый разговор? — уточнил нервный.

— Абсолютно ученый, никакой больше. Просто расскажите...

— Я погожу пока, — сказал нервный.

— То есть? — не понял социолог.

— Я малость подзабыл... Я пока сосредоточусь.

— Что значит «пока сосредоточусь»? — заговорил было начальник. — Что значит...

Но социолог тут же запротестовал.

— Товарищ начальник... Я боюсь, мы так не поговорим.

— Почему? — удивился начальник.

— Не поговорим. Это надо иначе.

— Да у нас же тут есть духари! — воскликнул урка. — Вон у нас... духарь номер один — ничего не боится. — Урка показал на мрачного.

Мрачный внимательно посмотрел на урку... Опустив голову, подумал... И согласился.

— Я расскажу, если надо. Мне один черт. — Он сел на койке, посмотрел на социолога. — Про вчерашний случай?

— Да именно: как было с вами вчера.

— Жена у меня, — сразу начал мрачный, — как бы это вам сказать... вечно у ней какие-то гости, мужики какие-то подозрительные, бабенки... Они мне надоели.

— А говоришь, причины нету, — сказал нервный.

— Это не причина, это тянется уже лет семь, — возразил мрачный. — И напился я вчера не из-за этого. Но они мне тоже сильно надоели.

— Жена где работает? — спросил социолог, поспевая писать в блокнот.

— Кассиршей в магазине. Не надо меня перебивать, я сам все расскажу. Радости мне тут... от этого рассказа — не шибко. Я не знаю, чего они делают: я прихожу, они уходят. Я ее много раз предупреждал, она не вникает. Вчера прихожу — опять два мужика сидят и какая-то женщина. Коньяк на столе... Я их выкинул из квартиры. Один в трусах был. Жена где-то спряталась: все перерыл — нету. Может раньше вышла куда, черт ее знает, не нашел. Все перерыл — не нашел. Я лег спать. Только заснул, пришла милиция...

Тут начальник милиции почему-то засмеялся. На него посмотрели с недоумением.

— Ничего, ничего, — сказал начальник, — продолжай. Я потом объясню.

— Вы выпивши были, когда пришли? — спросил социолог.

— Крепко.

— Это все?

— Все. Который в трусах был, сильно визжал: я его хотел в мусоропровод затолкать, он уперся...

— Плечи пролезли? — выскочил с вопросом любопытный электрик.

— Куда? — не понял мрачный.

— В мусоропровод-то. Лишь бы плечи пролезли, а там весь пройдет.

— Ну все? — спросил начальник мрачного. И спросил как-то не просто, с каким-то значением. — На этом конец?

— Все, — ответил мрачный. — А что еще?

— А то, что ты не из своей квартиры людей выкинул, вот что. Они вон у меня как раз сидят, эти люди.

Мрачного как стулом в лоб ударили, он аж назад качнулся на койке.

— Как? — спросил.

— Не знаю. В двенадцатом часу ночи заявляется вот такой верзила и начинает выкидывать людей с их собственной жилплощади... Я представляю, как люди заволновались: выселяют.

— Вот это дал,— молвил электрик.— Как же ты так? Перепутал, что ли?

Мрачный долго скорбно молчал, глядя себе под ноги... потом вдруг вскинул голову и крепко стукнул кулаком по колену.

— Не на тот троллейбус сел,— понял он.— Мне надо было на семнадцатый, а я, наверно, на девятку сел... или на четырнадцатый.

— О!.. В другой район приехал. Ничего себе! — электрик возбужденно хихикнул.— И дом, наверно, похожий попался...

— Похожий,— откликнулся мрачный.— И в квартире все так же... Даже попугай в клетке.

— Это бывает,— сказал начальник.— То и дело такие случаи.

— И что ему теперь будет, товарищ начальник? — спросил нервный. Он как-то странно притих и задумался.— Он же неумышленно...

— Посмотрим, посмотрим,— неопределенно сказал начальник. И встал.— Что значит «неумышленно»? Ну и что? Вы же знаете последние постановления... Поблажек никаких никому не будет. Ну, продолжайте,— велел он. И ушел.

— Продолжим,— сказал социолог. И посмотрел на нервного.— Вы?..

— А? — очнулся тот.— Так а чего продолжать-то?.. Тоже сплошное недоразумение. Провожал, знаете, друга... У меня друг живет в Хабаровске, приезжал в командировку... ну, погуляли малость: давно не виделись, а у него на производстве со спиртом связано. Потом, знаете, эти сибиряки: наскучают там, приезжают и давай ферверки пускать. Кошмар! Я уж говорю: «Коля, тормози, я не выдюжу», он только рукой машет. Ну, пришла пора ему ехать... И тут-то мы и наскочили с ним на мину. Такое вышло недоразумение, такое недоразумение!.. Но и люди тоже, знаете... Вот кого еще изучать да изучать, просто поголовный опрос устроить: такие, знаете, недотроги, такие психованные все, прямо... это... черт знает, какие мимозы. Главное, мы же... это... по-хорошему! Я уж мысленно допрашиваю себя: «Соколов,

может, что не так было?» Нет, все проверил, все изучил до последнего слова — все было на высшем уровне.

ИСТОРИЯ НА ПЕРРОНЕ, РАССКАЗАННАЯ СОКОЛОВЫМ

Соколов и его друг Коля, хихикая и отпуская невинные шуточки, прошли с чемоданом в вагон поезда дальнего следования. Прошли в вагон, отыскивали свое купе и, продолжая культурно хихикать, постучали в дверь. Им ответили из купе, что — «да, можно». Вошли они в купе, а там как раз четверо — все места заняты.

— Здравствуйте! — сказали Коля и Соколов.— А вы что, тоже все едете?

— Да, едем,— ответили им.

— Как это «едете»? — удивился сибиряк Коля.— А как же я? Что это еще за штучки!

— Тихо, тихо, Коля,— сказал Соколов,— только тихо. Сейчас все выясним, все проверим... Тут кто-то третий лишний. Попрошу билеты!

Четыре пассажира показали свои билеты — все правильно: они совершенно законно сидели на своих местах, они едут домой.

— Мне эти штучки сильно не нравятся! — воскликнул сибиряк Коля.— А как же я?

— Ну-ка, а ваш билет? — спросили его.

Коля показал свой билет... Один дотошный надел очки и долго крутил билет перед носом... Потом посмотрел его на просвет и сказал:

— Вы едете вчера, уважаемый.— И вернул билет.

Тут сибиряк Коля заволновался и стал показывать, что он в полном отчаянии и что необходимо срочно кого-то одного выкинуть из купе, ибо ему срочно надо ехать. Однако вежливый и корректный Соколов решил, что надо не так.

— Тихо, тихо, тихо,— сказал он,— сейчас мы установим, кто не едет. Не надо шума... Кому не так срочно? — спросил Соколов четверых. Четверо заволновались и стали показывать, что им тоже надо срочно.

— Тихо, тихо, тихо,— сказал им Соколов.— Вы что, намекаете, что Николай Иванович пойдет пешком? Вы ошибаетесь. Предлагаю жребий...

Эти четверо как все равно взбесились.

— Какой жребий?! — стали они кричать.

— Это нахальство!..

Кто-то даже крикнул:

— Позовите кондуктора!

Тут Коля-сибиряк вконец осердился.

— Закрывай дверь! — закричал он. — Они у меня под лавкой поедут, зайцами!

Но терпеливый Соколов не терял надежды решить все миром.

— Тихо, тихо, тихо, — опять воззвал он, — не надо шума. Вот вы, — обратился он к дотошному, который проверял у Коли билет, — вы сунулись к чемодану... Почему?

— Потому что, я смотрю, какие-то бандиты пришли... — заговорил было дотошный.

— Стоп! — осадил его Соколов. — Можете брать свой чемодан и выходить, нечего с бандитами в одном купе ездить. Верно, товарищи?

Николай Иванович его поддержал и даже изъявил желание помочь вынести чемодан.

— Где его чемодан? Где твой чемодан?.. Который? Этот? Принимай, а то он на голову кому-нибудь упадет. Это называется едет человек в командировку — целую квартиру с собой везет. Что там у тебя?

Дотошный вцепился в свой чемодан, как в мелкую собственность... И всех рассмешил. Он закричал громко:

— Грабят!..

Николай Иванович так смеялся, что нечаянно сел женщине на колени; тогда мужчина, ее муж, нажал какую-то кнопку возле двери... А Николай Иванович посидел маленько, потом встал и выкинул чемодан этого дотошного в окно.

— Кому он нужен, ваш чемодан! — сказал он. — И не вводите людей в заблуждение, что вас, дескать, грабят.

Тут прибежали кондуктор с милиционером...

— Вот и вся история, — закончил нервный. — Такое вот... недоразумение. И что вот?.. Что теперь? — нервный сорвался с койки и стремительно стал ходить по комнате; простыня разлеталась на нем в стороны, видны были его чрезвычайно худые ноги. — Что вот теперь?

— А где тот, — спросил электрик. — Сибиряк-то.

— А не знаю! Его куда-то в другое место повезли.

Он, конечно, вообще-то, неправильно сделал: взял выкинул этого гражданина тоже... с чемоданом вместе.

— В окно?

— Ну да, на перрон. А тот, по-моему, иностранец.

— О-о!.. — сказал сухонький. — Ничего себе!

— Худо дело, — сказал и электрик.

— Хорошо еще, там как раз почту везли, мешки... на этих... на тележках-то...

— На электрокаре.

— Он на них упал, а то бы...

— Только одно может спасти, — сказал сухонький.

— Что? — нервный сбавил свой стремительный шаг. — Что именно?

— Если... — сухонький опасливо глянул на социолога и вскочил тоже с койки. — Иди сюда, — позвал он нервного. И пошел в угол. — Иди сюда.

— Ну?

— Только одно может спасти, — быстро и негромко заговорил сухонький, — если этот, с чемоданом, окажется какой-нибудь шпион. Понял? Если бы его разоблачили...

— Ну, жди, когда его там разоблачат! — тоже негромко воскликнул нервный. — Пока его...

— Слушай сюда! — зашипел сухонький. — Послушай сперва, потом паникуй. — Вы — так: мол, этот человек показался нам подозрительным — разглядывает, мол, все, всем интересуется... Чемодан у него какой-то... Говорил же твой друг: «Что это у тебя там?» У него фотоаппарата не было?

— Что же теперь, показался человек подозрительным — давай его из окна выкидывать?

— Ну, сидите тогда, — обиделся сухонький. И пошел на свое место. — Им хочешь, как лучше, а они... Сидите! Охота сидеть — сидите.

— Так, — сказал социолог, заканчивая записывать историю нервного. — Ну, а вы? — это он к электрику.

— Да у меня тоже... с гостями связано, — стал охотно рассказывать электрик. Сперва он несколько сбивался, но скоро наладился, и все пошло гладко, и тон он обрел — снисходительно-грустный, но не безысходный. — Теща пришла и дочь ее с мужем. Мужа этого, свояка-то мово, фамилия — Назаров. Этот Назаров всячески распространяет про меня, что я часто выпиваю. Такой тоже склочный мужик, просто... это... не

знаю. Я просто измучился с ним. «Назаров, — говорю, — ну что ты, ей-богу? Ну что? Вот же какой ты человек, ей-богу! Вот же ведь какой ты». Морда, как на витрине, — весь... такой... только распоряжаться; и долдонит свое. «Да брось ты, — говорю, — Назаров, чего ты? Ну какой же ты, ей-богу! Не надо, Назаров, не надо. Ну чего ты?» А тут он кандидатскую диссертацию защитил... Ну, приходят вчера. А я за кефиром как раз ходил... Выпили, правда, на углу с мужиками по кружке пива. Я даже свою не допил: придет, думаю, этот Назаров, начнет опять... Мужики еще посмеялись. «Чего ты? — говорят. — Брось ты, — говорят, — Пахомов, ерунду-то, говорить: свояк какой-то. Брось, Пахомов, не надо». Э, думаю, не знаете вы Назарова. Нет, думаю, не буду. И вот прихожу я домой...

ИСТОРИЯ В ДОМЕ ПАХОМОВА, РАССКАЗАННАЯ ПАХОМОВЫМ

Приходит электрик к себе домой, а у него гости: теща его с дочерью и Назаров.

— Здравствуйте, — вежливо сказал электрик. — Ну что, Назаров, тебя можно поздравить?

— Можно поздравить, — сказал Назаров. — Можно поздравить.

— Поздравляю, — сказал электрик.

— Кто же на сухую поздравляет! — удивился Назаров.

И теща тоже удивилась:

— Ты что это, Пахомов, завязал, что ли?

Электрик ничего не сказал на это.

— Завязал что ли? — еще раз спросила теща. — А?

— Нет, почему завязал, — молвил электрик после некоторого молчания. — Наоборот, я сейчас кружку пива выпил. А больше нет настроения.

— Что значит, «нет настроения»? У людей такое событие... — это вступила жена электрика. — Сядьте и выпейте.

— Ну и что же, что у людей событие? А у меня нет настроения. Если желаете, могу сыграть в шахматы с кем-нибудь. Давай, Назаров?

— Ерунда какая-то получается, — возмутился Назаров. — К нему пришли как к человеку, а он — в шахматы. Фишер нашелся. Ты что, смеешься над нами?

— Никто над вами не смеется, а пить не буду. Я уже выпил сегодня кружку пива, хватит.

— Но так же тоже нельзя, — обиделась и жена Назарова, Назариха. — Зачем же нас в смешном виде-то выставлять?

— Никто вас в смешном виде не выставляет, — спокойно, с достоинством сказал электрик. — Наоборот, будьте как дома... Предлагаю в шахматы.

— Да при чем тут шахматы?! — закричал Назаров. — Я — ученый человек теперь, я столько трудов положил, а ты не соизволишь даже за столом со мной посидеть! У меня сейчас кризис после такого напряжения, а ты мне шахматы в нос суешь. Бессовестный ты после этого! У тебя никакого уважения нету к ученым. Как был электрик, так электрик и есть.

— Я ученых уважаю, — парировал эту бестактную выходку электрик, — но я не уважаю тех ученых, которые начинают сразу зазнаваться. Вот таких ученых я не уважаю, это ты точно заметил, Назаров! Смотри, Назаров, ох, смотри... зазнайство до добра не доводит. Смотри, Назаров.

— Нахал! — закричал опять Назаров. — А еще родственник! Ну давай хоть шампанского выпьем?

— Нет, — стоял электрик. — Ни шампанского, ни сухого — ничего.

— Пахом, — обратилась к электрику жена его, — людей надо уважать. Ну чего ты? Садитесь за стол... у меня всего полно: водки всякой, даже твоя любимая перцовка есть. Нельзя же так, в самом деле.

— Как? — спросил ее электрик.

— Да вот так-то вот: люди тебя упрашивают, а ты не хочешь свою гордость побороть. Может, тебя обидел кто?

— Никто меня не обидел. Но только я пить не буду. Ясно? Пусть я электрик, но по принуждению пить не буду.

— Но, Пахом...

— Что «Пахом»? Что «Пахом»? Я пятьдесят лет Пахом. Я сказал — нет. Все.

— Но почему? Почему-у?!

— Не буду, и все. И хватит на эту тему. Давайте лучше в шахматы.

— Да пошел ты к чертовой матери со своими шахматами! — вышел из себя Назаров. — Чего ты привязался со своими шахматами. Я тебя последний раз спрашиваю: будешь пить?

— Нет.

Все некоторое время смотрели на упрямого электрика.

— Знаешь, кто ты после этого? — спросил Назаров.

— Не знаю, ну-ка?

— Верблюд. Те тоже подолгу не пьют в пустыне. Вот тебя тоже надо в пустыню...

— Куда, куда? — спросил электрик. — Куда меня надо?

— В пустыню, к верблюдам...

Электрик встал и дал Назарову шахматами в лоб. Фигурки разлетелись на полу... Электрик пополз их собирать.

— Извини, Назаров, — сказал он. — Я не хотел... Черт его знает, затемнение какое-то... Может, все же сыграем в шахматы? Или ты сильно обиделся?

— Обиделся? — спросил нервный электрик.

— Обиделся, — вздохнул электрик.

— Вот они все так. Ну до того обидчивые, до того обидчивые — спасу нет!

— Что же ему, спасибо говорить — в лоб засветили?.. — подал голос мрачный.

— Он же извинился.

— Я же извинился.

— Не могу! — взревел вдруг урка. — Не могу!.. Счас буду метелить обоих — за вранье. Да хоть бы ввали, пала, как люди, а то врут, как... — Урка сел в кровати и смотрел злыми глазами на электрика и нервного, которые сидели рядышком. — Христосики! Фишерá! До того культурные, пала, до того вежливые — аж зубы ломит. Шмакодявки... шкуру спасать кинулись. Никакой гордости у людей!

— Ты! — крикнул электрик Пахомов. — Ну-ка, закрой сифон! Смелый... Смелый? Ну-ка расскажи, как ты здесь очутился? Ну-ка?..

— А чего мне скрывать-то? Напугал, пала. Я те все без науки скажу: взял часы у одного... Выпить не хватило, я вышел на улицу и попросил у какой-то пьяной шляпы часы в долг.

— Вона — часы в долг! — вконец обозлился электрик. — А костюм в долг не попросил? Часы он в долг попросил. Это и есть твоя гордость? Это об этом ты шумишь?

— Это называется — ограбил, а не попросил, — подержал электрика нервный, тоже оскорбленный выкриками урки. — Интеллигент нашелся.

— Нет, это называется — по-про-сил, — настивал урка. — Ты мне чужую статью не шей. Поал? Не шей. Я подошел и по-про-сил: «Гражданин, одолжи мне свои бока». Я не сказал: «отдай», я сказал: о-дол-жи. Поал?

— Как? — спросил вдруг очкарик. — Как?

— Чего «как»?

— Как вы сказали: «бока»?

— Ну, бока — часы... Некоторые называют часы — бока. Еще называют — бочата. Если часы золотые, тогда — рыжие.

Очкарик встал и подошел к социологу.

— У вас какие очки? — спросил он. — Я не в том смысле, рыжие или нет, — с какой диоптрией?

— Минус четыре.

— Разрешите? — попросил очкарик.

Социолог снял очки и подал очкарику. Тот надел их... огляделся... Сказал:

— Неплохо.

Затем он подошел к урке и внимательно всмотрелся в него.

— Да, — сказал он. — Совершенно точно! Встать!

— Ша... — заговорил было урка.

— Встать! — опять скомандовал очкарик довольно властно.

— Ша, — сказал урка, поднимаясь. — В щем дело?

Очкарик развернулся и вклеил ему такую же звонкую, такую же отчетливую пощечину, как и давеча. Урка кинулся было на очкарика, но тот умело уклонился и правой в челюсть свалил урку на кровать.

— Это был я, — сказал очкарик спокойно. — Я вспомнил это идиотское «бока».

Урка хотел опять вскочить, и вскочил, но очкарик спокойно стоял и ждал, так профессионально стоял и ждал, что урка... остался стоять.

— Та пьяная шляпа — это был я, — пояснил очкарик. — Я вспомнил слово «бока»... и узнал вас. Что вы отняли часы — это я готов понять: с такой рожей дарить, например, часы — нелепо. Но за что вы меня еще и ударили?

— Да шо ты ко мне пришил?! — заорал урка истерично. — Какие щасы?!

Открылась дверь и вошел старшина. Он заглянул в бумажку, с трудом прочитал:

— Гриши... Гришаков и Ковалев, к дежурному. В простынях прямо, там переоденетесь.

Урка и очкарик пошли на выход.

— Товарищ...— сказал социолог.— Очки-то.

— О!— спохватился очкарик.— Извините. Спасибо.

— Пожалуйста. Вы еще вернетесь?

Очкарик пожал плечами:

— Не знаю.

Старшина и двое в простынях вышли.

— Надавал он ему,— с восхищением сказал сухонький.

— Хилый, хилый, а двинул хорошо, правда.— Соколов нервю потер руки.— В челюсть красивый был удар.

— Сейчас вас, наверно, будут вызывать,— заговорил социолог.— Я бы хотел, чтобы еще кто-нибудь... Может быть, вы?— обратился он к сухонькому.

— Нет,— твердо сказал сухонький.— Я не буду.

— Почему?

— Не буду... Все.— У сухонького отчеканилась на лице непреклонность. Он пояснил:— Пусть наука занимается своим делом, а не бегает по вытрезвителям. Нашли тоже... Делать, что ли, больше нечего?

— Да почему вы так?

— Да потому! До сих пор на луну не высадились, а по вытрезвителям бегаете. На луну лететь надо, вот что!— сухонький чего-то осмелел и стал кричать на социолога.— Взяли моду — рису-уют, высмеивают.. А на луну кто полетит?! Пушкин? Чем рисованием-то заниматься, на луну бы летели. А то на луну вас не заго-нишь, а по вытрезвителям бегать — это вы рады без ума. Чего тут хорошего? — бегаете... Чего тут интерес-ного? Ничего тут интересного нет — хворают люди, и все. Тяжело людям, а вы бегаете с вопросами. На луну надо лететь!

Социолог очень изумился... Он поглядывался кру-гом,— полагая, что и все тоже изумились,— все вни-мательно слушали сухонького, и он тоже стал слушать. Сухонький враз как-то устал, лег на кровать и закрыл-ся простыней.

— Последние силы растратишь тут,— сказал он.— У меня никаких историй не было,— еще сказал он,

помолчав.— Я ручной. Причин никаких нету... Тоски тоже. И грусти нет. Я сам по себе... Независимый.

Социолог пожал плечами, посидел, уткнувшись в блокнотик, что-то записал. Потом повернулся к Ива-ну-трактористу.

— Я тоже,— сразу отрубил Иван.

— Что «тоже»? — не понял социолог.

— У меня тоже тоски нет.

— А при чем здесь тоска?

— Ну, вы же причину ищете?

— Да...

— Вот. Я ее не знаю. Но тоски никакой не было. Ехал в баню... Наоборот, хорошо на душе было.

— Нет, они этого не понимают! — вскричал вдруг сухонький и сел на кровать. — Ты им дай тоску какую-то — печаль! А так просто не может человек выпить! Просто — взял и...

Тут вошел старшина и объявил:

— Собирайтесь. Поедем в суд.

— Вот,— сказал сухонький,— а мы тут причину ищем. Счас нам найдут причину... помогут.

СУД

И грянул суд.

Судили три строгие женщины. Они сидели за столом, одна, похоже, главная, — в центре, две — по бокам, по-жилая и молодая.

Подсудимые сидели в коридоре. Урки среди них не было.

Первого вызвали очкарика.

— Григорьев,— позвал старшина.

Подсудимые все пошевелились... Очкарик встал и пошел к двери, которая вела в комнату судей.

— Гришаков,— поправил он старшину.

— Чего? — не понял тот.

— Моя фамилия Гришаков, а не Григорьев.

— Какая разница,— мирно сказал старшина.

— Разница большая,— заметил сухонький.— Одно дело...

— Ждите! — велел старшина. Сухонький замолк.

— Здравствуйте,— сказал очкарик женщинам-судьям. С ним тоже поздоровались. И сказали:

— Садитесь.

— Мы ознакомились с вашим делом,— заговорила

главная женщина.— Здесь — показания свидетелей... Заявление заведующего магазином...

— Надо же — дело! — усмехнулся очкарик. Но он рано стал усмехаться, он это скоро понял.

— Вы пока не улыбайтесь,— сказала пожилая женщина.— Не надо пока.

— Да нет, я... но не очень ли это громко — дело? Там дела-то нет.

— Есть дело,— говорила дальше главная женщина.— И вам действительно рано улыбаться.

— А в чем дело-то?

— Мы хотим услышать это от вас.

— Я плохо помню. С утра вообще ничего не помнил... С мясником что-то? В магазине? Мне в милиции сказали сейчас...

— Вы оскорбили продавца мясного отдела Завалихина Геннадия Николаевича...

— О-о,— простонал очкарик.— Он же обвешивает покупателей! Этот лоб нахально обвешивает всех покупателей, я ему сказал это...

— Минуточку, минуточку,— прервала его главная женщина,— давайте по порядку: вы сделали замечание продавцу. И выражайтесь... точнее: фамилия продавца Завалихин, никакой он не лоб.

— Он самый настоящий лоб, лоботряс, жулик...

— Сейчас не о нем речь, мы говорим о вас.

— Хорошо. Что вас интересует?

— Как было дело?

— Я не помню.

— Напомню. Двенадцать пятого сентября сего года вы пришли в продовольственный магазин номер двадцать восемь,— стала рассказывать с бумажки женщина,— и сделали замечание продавцу мясного отдела Завалихину Геннадию Николаевичу, что он обвешивает покупателей. Завалихин вышел из-за прилавка и вывел вас на улицу...

Очкарик поежился, качнул головой. Сказал негромко и горько:

— Кошмар.

— Кошмар не в этом. Кошмар дальше: вы пошли, где-то напились и пришли в таком состоянии выяснять отношения с Завалихиным. Вас пытались остановить...

— Хорошо... дальше не нужно: я что-то такое припоминаю. А где у меня часы отняли?

— Это вы должны вспомнить, здесь происшествие в магазине.

— Хорошо... черт с ним, с часами. Что я теперь должен делать?

Три женщины выразительно посмотрели на него. Очкарик занервничал.

— Я не понимаю,— сказал он.— Ну, случилось... что дальше?

— Вы должны объяснить, почему вы устроили дебош в магазине. Почему напились? Часто это у вас?

— Я напился с отчаяния. Когда этот лоб выставил меня из магазина, я решил, что наступило светопреставление, конец.

— Не надо острить,— попросила молодая женщина.— Вы не уголовник, вы научный сотрудник, не забывайте об этом.

— Я не острою,— заволновался очкарик.— И, пожалуйста, не напоминайте, кто я такой — это не имеет никакого значения.

— Это имеет значение.

— Это не имеет никакого значения,— уперся очкарик.— Это абсолютно все равно. Я решил, что дальше жить бессмысленно. У вас было когда-нибудь такое чувство?

— Здесь мы спрашиваем, Гришаков,— заметила главная женщина.

— Я и отвечаю: я отчетливо понял, что наступил конец света. Конец...— Гришаков мучительно поискал, как еще обозначить «конец», не нашел.— Конец, понимаете? Дальше я буду притворяться, что живу, чувствую, работаю...

— Он ударил вас?

— Нет, просто выкинул из магазина... И закрыл дверь. Я думал, он будет драться... я приготовился драться, поэтому покорно шел из магазина. Это ужасно... Это катастрофа.

— В чем катастрофа? — спросила пожилая женщина.— Уточните, пожалуйста.

— В том, что меня выкинули из магазина. Даже так: катастрофа в том, что... Не знаю,— вдруг резко сказал Гришаков.— Неужели вы сами не понимаете? В магазине орудует скотина... Черт, не знаю. Противно мне об этом говорить.

ДО ТРЕТЬИХ ПЕТУХОВ

(Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума)

Как-то в одной библиотеке, вечером, часов этак в шесть, заспорили персонажи русской классической литературы. Еще когда библиотекарша была на месте, они с интересом посматривали на нее со своих полок — ждали. Библиотекарша напоследок поговорила с кем-то по телефону. Говорила она странно, персонажи слушали и не понимали. Удивлялись.

— Да нет, — говорила библиотекарша, — я думаю, это пшено. Он же козел... Пойдем лучше потопчемся. А? Нет, ну он же козел. Мы потопчемся, так? Потом пойдем к Владу... Я знаю, что он баран, но у него «Грюндик» — посидим... Тюлень тоже придет, потом этот будет... филин-то... Да я знаю, что они все козлы, но надо же как-то расстрелять время! Ну, ну... слушаю...

— Ничего не понимаю, — тихо сказал некто в цилиндре — не то Онегин, не то Чацкий — своему соседу, тяжелому помещику, похоже, Обломову. Обломов улыбнулся.

— В зоопарк собираются.

— Почему все козлы-то?

— Ну... видно ирония. Хорошенькая. А? Господин в цилиндре поморщился.

— Вульгаритэ.

— Вам все француженок подавай, — с неодобрением сказал Обломов. — А мне глянется. С ножками — это они неплохо придумали. А?

— Очень уж... того... — встрял в разговор господин пришибленного вида, явно чеховский персонаж. — Очень уж коротко. Зачем так?

Обломов тихо засмеялся.

— А чего ты смотришь туда? Ты возьми да не смотри.
— Да мне что, в сущности?.. — смутился чеховский персонаж. — Пожалуйста. Почему только с ног начали?

— Что? — не понял Обломов.

— Возрождаться-то.

— А откуда же возрождаются? — спросил допытливый Обломов. — С ног, братец, и начинают.

— Вы не меняетесь, — со скрытым презрением заметил пришибленный.

Обломов опять тихо засмеялся.

— Том!.. Том!.. Слушай сюда! — кричала в трубку библиотекарша. — Слушай сюда!.. Он же козел! У кого машина? У него? Нет, серьезно? — Библиотекарша надолго умолкла — слушала. — А каких наук? — спросила она тихо. — Да? Тогда я сама козел...

Библиотекарша очень расстроилась... Положила трубку, посидела просто так, потом встала и ушла. И закрыла библиотеку на замок.

Тут персонажи соскочили со своих полок, задвигали стульями...

— В темпе, в темпе! — покрикивал некто канцелярского облика, лысый. — Продолжим. Кто еще хочет сказать об Иване-дураке? Просьба: не повторяться. И — короче. Сегодня мы должны принять решение. Кто?

— Позвольте! — Это спрашивала Бедная Лиза.

— Давай, Лиза, — сказал лысый.

— Я сама тоже из крестьян, — начала Бедная Лиза, — вы все знаете, какая я бедная...

— Знаем, знаем! — зашумели все. — Давай короче!

— Мне стыдно, — горячо продолжала Бедная Лиза, — что Иван-дурак находится вместе с нами. Сколько можно? До каких пор он будет позорить наши ряды?

— Выгнать! — крикнули с места.

— Тихо! — строго сказал лысый конторский. — Что ты предлагаешь, Лиза?

— Пускай достанет справку, что он умный, — сказала Лиза.

Тут все одобрительно зашумели.

— Правильно!

— Пускай достанет! Или пускай убирается!..

— Какие вы, однако, приткие, — сказал огромный Илья Муромец. Он сидел на своей полке — не мог встать. — Разорались. Где он ее достанет? Легко сказать...

— У Мудреца, — Лысый, который вел собрание, сердито стукнул ладонью по столу. — Илья, я тебе слова не давал!

— А я тебя не спрашивал. И спрашивать не собираюсь. Закрой хлебало, а то враз заставлю чернила пить. И промокашкой закусывать. Крыса конторская.

— Ну, начинается!.. — недовольно сказал Обломов. — Илья, тебе бы только лаяться. А чем плохое предложение: пускай достанет справку. Мне тоже неловко рядом с дураком сидеть. От него портянками пахнет... Да и никому, я думаю, не...

— Цыть! — громыхнул Илья. — Неловко ему. А палицей по башке хошь? Достану!

Тут какой-то, явно лишний, заметил:

— Междоусобица.

— А? — не понял конторский.

— Междоусобица, — сказал Лишний. — Пропадем.

— Кто пропадет? — Илья тоже не видел опасности, о какой говорил Лишний. — Сиди тут, гусарчик! А то достану тоже разок...

— Требую удовлетворения! — вскочил Лишний.

— Да сядь! — сказал конторский. — Какое удовлетворение?

— Требую удовлетворения: этот сидень карачаровский меня оскорбил.

— Сядь, — сказал и Обломов. — Чего с Иваном-то делать?

Все задумались.

Иван-дурак сидел в углу, делал что-то такое из полы своего армяка, вроде ухо.

— Думайте, думайте, — сказал он. — Умники нашлись... Докторá.

— Не груби, Иван, — сказал конторский. — О нем же думают, понимаешь, и он же еще сидит грубит. Как ты насчет справки? Может, сходишь возьмешь?

— Где?

— У Мудреца... Надо же что-то делать. Я тоже склоняюсь...

— А я не склоняюсь! — бухнул опять Илья. — Склоняется он. Ну и склоняйся сколько влезет. Не ходи, Ванька. Чушь какую-то выдумали — справку... Кто это со справки высочил? Лизка? Ты чего, девка?

— А ничего! — воскликнула Бедная Лиза. — Если ты сидишь, то и все должны сидеть?! Не пройдет у вас,

дядя Илья, эта сидячая агитация! Я присоединяюсь к требованию ведущего: надо что-то делать. — И она еще раз сказала звонко и убедительно: — Надо что-то делать!

Все задумались.

А Илья нахмурился.

— Какая-то сидячая агитация, — проворчал он. — Выдумывают чего ни попадя. Какая агитация?

— Да такая самая!.. — вскинулся на него Обломов. — Сидячая, тебе сказали. «Кака-ая». Помолчи, пожалуйста. Надо, конечно, что-то делать, друзья. Надо только понять: что делать-то?

— И все же я требую удовлетворения! — вспомнил свою обиду Лишний. — Я вызываю этого горлопана (к Илье) на дуэль.

— Сядь! — крикнул конторский на Лишнего. — Дело делать или дуэлями заниматься?! Хватит дурака валжать. И так уж ухлопали сколько... Дело надо делать, а не бегать по лесам с пистолетами.

Тут все взволновались, зашумели одобрительно.

— Я бы вообще запретил эти дуэли! — крикнул бледный Ленский.

— Трус, — сказал ему Онегин.

— Кто трус?

— Ты трус.

— А ты — лодырь. Шулер. Развратник. Циник...

— А пошли на Волгу! — крикнул вдруг какой-то гулевой атаман. — Сарынь на кичку!

— Сядь! — обозлился конторский. — А то я те покажу «сарынь». Задвину за шкаф вон — поорешь там. Еще раз спрашиваю: что будем делать?

— Иди ко мне, атаман, — позвал Илья казака. — Чего-то скажу.

— Предупреждаю, — сказал конторский, — если затеете какую-нибудь свару... вам головы не сносить. То же мне, понимаешь... самородки.

— Сказать ничего нельзя! — горько возмутился Илья. — Чего вы?.. Собаки какие-то, истинный бог: как ни скажешь — все не так.

— Только не делайте, пожалуйста, вид, — с презрением молвил Онегин, обращаясь к Илье и к казаку, — что только вы одни из народа. Мы тоже — народ.

— Счас они будут рубахи на груди рвать, — молвил

некий мелкий персонаж, вроде гоголевского Акакия Акакиевича.— Рукава будут жевать...

— Да зачем же мне рукава жевать? — искренне спросил казачий атаман.— Я тебя на одну ладошку посажу, а другой прихлопну.

— Все — междоусобица, — грустно сказал Лишний.— Ничего теперь вообще не сделаем. Вдобавок еще и пропадем.

— Айда на Волгу! — крикнул опять атаман.— Хоть погуляем.

— Сиди, — сердито сказал Обломов.— Гуляка... Все бы гулять, все бы им гулять! Дело надо делать, а не гулять.

— А-а-а, — вдруг зловеще-тихо протянул атаман, — вот кохо я искал-то всю жизнь. Вот кохо мне надоть-то... — и потащил из ножен саблю.— Вот кому я сейчас кровя-то пушу...

Все повскакали с мест...

Акакий Акакиевич птицей взлетел на свою полку. Бедная Лиза присела в ужасе и закрылась сарафаном... Онегин судорожно заряжал со ствола дуэльский пистолет, а Илья Муромец смеялся и говорил:

— О-о, забегали?! Забегали, черти драповые?! Забегали?

Обломов загородился от казака стулом и кричал ему надрываясь:

— Да ты спроси историков литературы! Ты спроси!.. Я же хороший был! Я только лодырь беспросветный!.. Но я же безвредный!

— А вот похлядим, — говорил казак, — похлядим, какой ты хороший: хороших моя сабля не секет.

Конторский сунулся было к казаку, тот замахнулся на него, и конторский отскочил.

— Бей, казаче! — гаркнул Илья.— Цеди кровь поганую!

И бог знает, что тут было бы, если бы не Акакий Акакиевич. Посреди всеобщей сумятицы он вдруг вскочил и крикнул:

— Закрыто на учет!

И все замерли... Опомнились. Казак спрятал саблю, Обломов вытер лицо платком, Лиза встала и стыдливо оправила сарафан.

— Азия, — тихо и горько сказал конторский.— Разве можно тут что-нибудь сделать! Спасибо, Акакий.

Мне как-то и в голову не пришло — закрыть на учет.

— Илья, у ты вина нету? — спросил казак Муромца.

— Откуда? — откликнулся тот.— Я же не пью.

— Тяжко на душе, — молвил казак.— Маяться буду...

— А нечего тут... размахался, понимаешь, — сказал конторский.— Продолжим. Лиза, ты чего-то хотела сказать...

— Я предлагаю отправить Ивана-дурака к Мудрецу за справкой, — сказала Лиза звонко и убежденно.— Если он к третьим петухам не принесет справку, пускай... я не знаю, пускай убирается от нас.

— Куда же ему? — спросил Илья грустно.

— Пускай идет в букинистический! — жестко отрезала Лиза.

— О-о, не крутенько ли? — усомнился кто-то.

— Не крутенько, — тоже жестко сказал конторский.— Нисколько. Только так. Иван...

— Аньки! — откликнулся Иван. И встал.

— Иди.

Иван посмотрел на Илью.

Илья нагнул голову и промолчал. И казак тоже промолчал, только мучительно сморщился и поискал глазами на полках и на столе — все, видно, искал вино.

— Иди, Ванька, — тихо сказал Илья.— Ничего не сделаешь. Надо идти. Вишь, какие они все... ученые. Иди и помни: в огне тебе не гореть, в воде не тонуть... За остальное не ручаюсь.

— Хошь мою саблю? — предложил казак Ивану.

— Зачем она мне? — откликнулся тот.

— Иван, — заговорил Илья, — иди смело — я буду про тебя думать. Где тебя пристигнет беда... Где тебя задумают погубить, я крикну: «Ванька, смотри!»

— Как ты узнаешь, шо ехо пристихла беда? — спросил казак.

— Я узнаю. Сердцем учую. А ты мой голос услышишь.

Иван вышел на середину библиотеки, поклонился всем поясным поклоном... Подтянул потуже армячишко и пошел к двери.

— Не поминайте лихом, если где пропаду, — сказал с порога.

— Придешь со справкой, Иван, — взволнованно сказала Лиза, — я за тебя замуж выйду.

— На кой ты мне черт нужна,— грубо сказал Иван.— Я лучше царевну какую-нибудь стрену...

— Не надо, Иван,— махнул рукой Илья,— не связывайся. Все они... не лучше этой вот.— Показал на Лизу.— На кой ляд тебе эта справка? Чего ты заегила-то? Куда вот парню... на ночь глядя! А и даст ли он ее, справку-то, ваш Мудрец? Тоже небось сидит там...

— Без справки нельзя, дядя Илья,— решительно сказала Лиза.— А тебе, Иван, я припомню, что ты отказался от меня. Ох, я те припомню!

— Иди, иди, Иван,— сказал конторский.— Время позднее — тебе успеть надо.

— Прощайте,— сказал Иван. И вышел.

И пошел он куда глаза глядят.

Темно было... Шел он, шел — пришел к лесу. А куда дальше идти, вовсе не знает. Сел на пенек, закурился.

— Бедная моя головушка,— сказал,— пропадешь ты. Где этот Мудрец? Хоть бы помог кто.

Но никто ему не помог. Посидел-посидел Иван, пошел дальше.

Шел-шел, видит — огонек светится. Подходит ближе — стоит избушка на курьих ножках, а вокруг кирпич навален, шифер, пиломатериалы всякие.

— Есть тут кто-нибудь?! — крикнул Иван.

Вышла на крыльцо баба Яга... Посмотрела на Ивана, спрашивает.

— Кто ты такой? И куда идешь?

— Иван-дурак, иду к Мудрецу за справкой,— ответил Иван.— А где его найти, не знаю.

— Зачем тебе справка-то?

— Тоже не знаю... Послали.

— А-а... — молвила баба Яга.— Ну, заходи, заходи...

Отдохни с дороги. Есть небось хочешь?

— Да не отказался бы...

— Заходи.

Зашел Иван в избушку.

Избушка как избушка, ничего такого. Большая печка, стол, две кровати...

— Кто с тобой еще живет? — спросил Иван.

— Дочь. Иван,— заговорила Яга,— а ты как дурак-то — совсем, что ли, дурак?

— Как это? — не понял Иван.

— Ну, полный дурак или это тебя сгоряча так окрестили? Бывает, досада возьмет — крикнешь: у, дурак! Я вот на дочь иной раз как заору: у, дура такая! А какая же она дура? Она у меня вон какая умная. Может, и с тобой такая история: привыкли люди: дурак и дурак, а ты вовсе не дурак, а только... бесхитростный. А?

— Не пойму, ты куда клонишь-то?

— Да я же по глазам вижу: никакой ты не дурак, ты просто бесхитростный. Я, как только тебя увидела, сразу подумала: «Ох, и талантливый парень!» Или ты полностью поверил, что ты — дурак?

— Ничего я не поверил! — сердито сказал Иван.— Как это я про себя поверю, что я — дурак?

— А я тебе чего говорю? Вот люди, а?.. Ты строительством когда-нибудь занимался?

— Ну как?.. С отцом, с братьями теремки рубили... А тебе зачем?

— Понимаешь, хочу котэджик себе построить.. Материалы завезли, а строить некому. Не возьмешься?

— Мне же справку надо добывать...

— Да зачем она тебе? — воскликнула баба Яга.— Построишь котэджик... его увидют — ко мне гости всякие приезжают — увидют — сразу: кто делал? Кто делал — Иван делал... Чуешь? Слава пойдет по всему лесу.

— А как же справка? — опять спросил Иван.— Меня же назад без справки-то не пустют.

— Ну и что?

— Как же? Куда же я?

— Источником будешь при котэджике... Когда будешь строить, запланируй себе комнату в подвале... Тепло, тихо, никакой заботушки. Гости наверху заскучали — куда? — пошли к Ивану: истории разные слушать. А ты им ври побольше... Разные случаи рассказывай. Я об тебе заботиться буду. Я буду тебя звать — Иванушка...

— Карга старая,— сказал Иван.— Ишь ты, какой невод завела!.. Иванушкой она звать будет. А я на тебя буду горб гнуть? А ху-ху не хо-хо, бабуленька?

— А-а,— зловеще протянула баба Яга,— теперь я поняла, с кем я имею дело: симулянт, проходимец... тип. Мы таких знаешь что делаем — зажариваем. Ну-ка, кто там?! — И Яга трижды хлопнула в ладоши. — Стража! Взять этого дурака, связать — мы его будем немножко жарить.

Стражники, четыре здоровых лба, схватили Ивана, связали и положили на лавку.

— Последний раз спрашиваю,— еще попыталась баба Яга,— будешь котэджик строить?

— Будь ты проклята! — гордо сказал связанный Иван. — Чучело огородное... У тебя в носу растут волосы.

— В печь его! — заорала Яга. И затопала ногами. — Мерзавец! Хам!..

— От хамки слышу! — тоже заорал Иван. — Ехидна! У тебя не только в носу, у тебя на языке шерсть растет!.. Дармоедка!

— В огонь! — вовсе зашла Яга. — В ого-онь!! Ивана сгребли и стали толкать в печь, в огонь.

— Ох, брил я тебя на завалинке! — запел Иван. — Подарила ты мне чулки-валенки!.. Оп — тирдарпупий! Мне в огне не гореть, карга! Так что я иду смело!

Только Ивана затолкали в печь, на дворе зазвенели бубенцы, заржали кони.

— Дочка едет! — обрадовалась баба Яга и выглянула в окно. — У-у, да с женихом вместе! То-то будет им чем поужинать.

Стражники тоже обрадовались, запрыгали, захлопали в ладоши.

— Змей Горыныч едет, змей Горыныч едет! — кричали они. — Эх, погуляем-то! Эх, и попьем же!

Вошла в избушку дочка бабы Яги, тоже сильно страшная, с усами.

— Фу-фу-фу,— сказала она. — Русским духом пахнет. Кто тут?

— Ужин,— сказала баба Яга. И засмеялась хрипло: — Ха-ха-ха!..

— Чего ты? — рассердилась дочка. — Ржет, как эта... Я спрашиваю: кто тут?

— Ивана жарим.

— Да ну? — приятно изумилась дочка. — Ах, какой сюрприз!

— Представляешь, не хочет, чтобы в лесу было красиво — не хочет строить котэджик, паразит.

Дочка заглянула в печку... А оттуда вдруг — не то плач, не то хохот.

— Ой, не могу-у!.. — стонал Иван. — Не от огня помру — от смеха!..

— Чего это? — зло спросила дочка бабы Яги. И Яга тоже подошла к печке. — Чего он?

— Хохочет?

— Чего ты, эй?

— Ой, помру от смеха! — орал Иван. — Ой, не живу я!..

— Вот идиот-то, — сказала дочка. — Чего ты?

— Да усы-то!.. Усы-то... Ой, господи, ну бывает же такое в природе! Да как же ты с мужем-то будешь спать? Ты же замуж выходишь...

— Как все... А чего? — не поняла дочка. Не поняла, но встревожилась.

— Да усы-то!

— Ну и что? Они мне не мешают, наоборот, я лучше чую.

— Да тебе-то не мешают... А мужу-то? Когда замуж-то выйдешь...

— А чего мужу? Куда ты гнешь, дурак? Чего тебе мой будущий муж? — вовсе встревожилась дочка.

— Да как же? Он тебя поцелует в темноте-то, а сам подумает: «Черт те что: солдат не солдат, и баба не баба». И разлюбит. Да нешто можно бабе с усами! Ну, эти ведьмы!.. Ни хрена не понимают. Ведь не будет он с тобой жить, с усатой. А то еще возьмет, да голову откусит со зла, знаю я этих Горынычей.

Баба Яга и дочка призадумались.

— Ну-ка, вылазь,— велела дочь.

Иван-дурак скоро вылез, отряхнулся.

— Хорошо погрелся...

— А чего ты нам советуешь? — спросила баба Яга. — С усами-то.

— Чего, чего... Свести надо усы, если хотите семейную жизнь наладить.

— Да как свести-то, как?

— Я скажу как, а вы меня опять в печь кинете.

— Не кинем, Ванюшка,— заговорила ласково дочь бабы Яги. — Отпустим тебя на все четыре стороны, скажи только, как от усов избавиться.

Тут наш Иван пошел тянуть резину и торговаться, как делают нынешние слесаря-сантехники.

— Это не просто,— заговорил он,— это надо состав делать...

— Ну и делай!

— Делай, делай... А когда же я к Мудрецу-то попаду? Мне же к третьим петухам надо назад вернуться...

— Давай так,— заволновалась баба Яга,— слушай сюда! Давай так: ты сводишь усы, я даю тебе свою метлу, и ты в один миг будешь у Мудреца.

Иван призадумался.

— Быстрее! — заторопилась усатая дочь.— А то Горыныч войдет.

Тут и Иван заволновался.

— Слушайте, он же войдет, так?..

— Ну?

— Войдет и с ходу сожрет меня.

— Он может,— сказала дочь.— Чего бы такое придумать?

— Я скажу, что ты мой племянник,— нашлась баба Яга.— Понял?

— Давайте,— понял Иван.— Теперь — так: мой состав-то не сразу действует.

— Как это? — насторожилась дочь.

— Мы его сейчас наведем и наложим на лицо маску... Так? Я лечу на метле к Мудрецу, ты пока лежишь с маской...

— А обманет? — заподозрила дочь.— Мам?

— Пусть только попробует,— сказала баба Яга,— пусть только надует: навернется с поднебесья — мокрое место останется.

— Ну, елки зеленые-то!.. — опять заволновался Иван, похоже, он и хотел надуть.— Ну что за народ! В чем дело? Хочешь с усами ходить? Ходи с усами, мне-то что! Им дело говорят, понимаешь,— нет, они начинают тут... Вы меня уважаете, нет?

— При чем тут «уважаете»? Ты говори толком...

— Нет, не могу,— продолжал Иван тараторить.— Не могу, честное слово! Сердце лопнет. Ну, что за народ! Да живи ты с усами, живи! Сколько влезет, столько и живи. Не женщина, а генерал-майор какой-то. Тьфу!.. А детишки народятся? Потянется сынок или дочка ручонкой: «Мама, а что это у тебя?» А подра-

сут? Подрастут, их на улице начнут дразнить: «Твоя мамка с усами, твоя мамка с усами!» Легко будет ребенку? Легко будет слушать такие слова? Ни у кого нету мамки с усами, а у него — с усами. Как он должен отвечать? Да никак он не сможет ответить, он зальется слезами и пойдет домой... к усатой мамке...

— Хватит! — закричала дочь бабы Яги.— Наводи свой состав. Что тебе надо?

— Пригоршню куриного помета, пригоршню теплого навоза и пригоршню мягкой глины — мы накладываем на лицо такую маску...

— На все лицо? Как же я дышать-то буду?

— Ну что за народ! — опять горько затараторил Иван.— Ну ничего невозможно...

— Ладно! — рявкнула дочь.— Спросить ничего нельзя!

— Нельзя! — тоже рявкнул Иван.— Когда мастер соображает,— нельзя ничего спрашивать! Повторяю: навоз, глина, помет. Маска будет с дыркой — будешь дышать. Все.

— Слышали? — сказала Яга стражникам.— Одна нога здесь, другая в сарае! Арш!

Стражники побежали за навозом, глиной и пометом. А в это самое время в окно просунулись три головы змея Горыныча... Уставились на Ивана. Все в избушке замерли. Горыныч долго-долго смотрел на Ивана. Потом спросил:

— Кто это?

— Это, Горыныч, племянник мой, Иванушка,— сказала Яга.— Иванушка, поздоровайся с дядей Горынычем.

— Здравствуйте, дядя Горыныч! — поздоровался Иван.— Ну, как дела?

Горыныч внимательно смотрел на Ивана. Так долго и внимательно, что Иван занервничал.

— Да ну что, елки зеленые? Что? Ну — племянник, ты же слышал! Пришел к тете Ежке. В гости. Что, гостей будем жрать? Давай, будем гостей жрать! А семью собираемся заводить: всех детишек пожрем, да? Пана, называется!..

Головы Горыныча посоветовались между собой.

— По-моему, он хамит,— сказала одна.

Вторая подумала и сказала:

— Дурак, а нервный.

А третья выразилась и вовсе кратко:

— Лангет,— сказала она.

— Я сейчас такой лангет покажу!..— взорвался от страха Иван.— Такой лангет устрою, что кое-кому тут не поздоровится. Тетя, где моя волшебная сабля?— Иван вскочил с лавки и забегал по избушке — изображал, что ищет волшебную саблю.— Я сейчас такое устрою!.. Головы надоело носить?!— Иван кричал на Горыныча, но не смотрел на него — жутко было смотреть на эти три спокойные головы.— Такое сейчас устрою!..

— Он просто расхамился,— опять сказала первая голова.

— Нервничает,— заметила вторая.— Боится.

А третья не успела ничего сказать: Иван остановился перед Горынычем и сам тоже долго и внимательно смотрел на него.

— Шпана,— сказал Иван.— Я тебя сам съем.

Тут первый раз прозвучал голос Ильи Муромца.

— Ванька, смотри! — сказал Илья.

— Да что «Ванька», что «Ванька!» — воскликнул Иван.— Чего ванькать-то? Вечно кого-то боимся, кого-то опасаемся. Каждая гнида будет из себя.. великую тварь строить, а тут обмирай от страха. Не хочу! Хватит! Надоело! — Иван и в самом деле спокойно уселся на лавку, достал дудочку и посвистел маленько.— Жри,— сказал он,— отвлекаясь от дудочки.— Жрать будешь? Жри. Гад. Потом поцелуй свою усатую невесту. Потом рожайте усатых детей и маршируйте с имя. Он меня, видите ли, пугать будет!.. Хрен тебе! — И Ванька опять засвистел в свою дудочку.

— Горыныч,— сказала дочь,— плюнь — не обращай внимания. Не обижайся.

— Но он же хамит,— возразила первая голова.— Как он разговаривает!

— Он с отчаяния. Он не ведает, что творит.

— Я все ведаю,— встрел Иван, перестав дудеть.— Все я ведаю. Я вот сейчас подберу вам марш... для будущего батальона...

— Ванюшка,— заговорила баба Яга кротко,— не хами, племянш. Зачем ты так?

— Затем, что нечего меня на арапа брать. Он, видите ли, будет тут глазами вращать! Вращай, когда у тебя батальон усатых будет — тогда вращай. А сейчас нечего.

— Нет, ну он же всю хамит! — чуть не плача, сказала первая голова.— Ну как же?..

— Заплачь, заплачь,— жестко сказал Иван.— А мы посмеемся. В усы.

— Хватит тянуть,— сказала вторая голова.

— Да, хватит тянуть,— поддакнул Иван.— Чего тянуть-то? Хватит тянуть.

— О-о! — изумилась третья голова.— Ничего себе!

— Ага! — опять дурашливо поддакнул Иван.— Во дасть Ванька! Споем? — И Ванька запел:

Эх, брил я тебя
На завалинке,
Подарила ты мне
Чулки-валенки...

— Горыныч, хóром! Оп — ти-ирдарпупий! — допел Ванька.

И стало тихо. И долго было тихо.

— А романсы умеешь? — спросил Горыныч.

— Какие романсы?

— Старинные.

— Сколько угодно... Ты что, романсы любишь? Изволь, батюшка, я тебе их нанизаю сколько хошь. Завалю романсами. Например:

Хаз-булат удалой,
Бедна сакля твоя-а,
Золотою казной
Я осыплю тебя-а!..

А? Романс?!— Ванька почуял некую перемену в Горыныче, подошел к нему и похлопал одну голову по щеке...— Ух ты... свирепый. Свирепунчик ты мой.

— Не ерничай,— сказал Горыныч.— А то откушу руку.

Ванька отдернул руку.

— Ну, ну, ну,— молвил он мирно,— кто же так с мастером разговаривает? Возьму вот и не буду петь.

— Будешь,— сказала голова Горыныча, которую Иван приглубил.— Я тебе возьму и голову откушу.

Две другие головы громко засмеялись. И Иван тоже мелко и невесело посмеялся.

— Тогда-то уж я и вовсе не спою — нечем: чем же я петь-то буду?

— Филе,— сказала голова, которая давеча говорила «лангет». Это была самая глупая голова.

— А тебе бы все жрать! — обозлился на нее Иван.— Все бы ей жрать!.. Живоглотка какая-то.

— Ванюшка, не фордыбачь,— сказала баба Яга.— Пой.

— Пой,— сказала и дочь.— Разговорился. Есть слух — пой.

— Пой,— велела первая голова.— И вы тоже пойте.

— Кто? — не поняла баба Яга.— Мы?

— Вы. Пойте.

— Может быть, я лучше одна? — вякнула дочь; ее не устранивало, что она будет подпевать Ивану.— С мужиком петь... ты меня извини, но...

— Три, четыре,— спокойно сказал Горыныч.— Начали.

Дам коня, дам седло,—

запел Иван. Баба Яга с дочкой подхватили:

Дам винтовку свою-у,
А за это за все
Ты отдай мне жену-у.
Ты уже стар, ты уже се-ед,
Ей с тобой не житье:
Ты погубишь ее-о-о.
С молодых юных ле-ет

Невыразительные круглые глазки Горыныча увлажнились: как всякий деспот, он был слезлив.

— Дальше,— тихо сказал он.

Под чинарой густой,—

пел дальше Иван,—

Мы сидели вдвое-ом;
Месяц плыл золотой,
Все молчало круго-ом.

И Иван с чувством повторил еще раз, один:

Эх, месяц плыл золотой,
Все молчало круго-ом.

— Как ты живешь, Иван? — спросил растроганный Горыныч.

— В каком смысле? — не понял тот.

— Изба хорошая?

— А-а. Я счас в библиотеке живу, вместе со всеми.

— Хочешь отдельную избу?

— Нет. Зачем она мне?

— Дальше.

Она мне отдала-ась,—

повел дальше Иван,—

До последнего дня-а...

— Это не надо,— сказал Горыныч.— Пропусти.

— Как же? — не понял Иван.

— Пропусти.

— Горыныч, так нельзя,— заулыбался Иван,— из песни слова не выкинешь.

Горыныч молча смотрел на Ивана; опять воцарилась эта нехорошая тишина.

— Но ведь без этого же нет песни! — заервничал Иван.— Ну? Песни-то нету!

— Есть песня,— сказал Горыныч.

— Да как же есть? Как же есть-то?!

— Есть песня. Даже лучше — лаконичнее.

— Ну, ты смотри, что они делают! — Иван даже хлопнул в изумлении себя по ляжкам.— Что хотят, то и делают! Нет песни без этого, нет песни без этого, нет песни!.. Не буду петь лаконичнее. Все.

— Ванюшка,— сказала баба Яга,— не супротивничай.

— Пошла ты!.. — вконец обозлился Иван.— Сами пойте. А я не буду. В гробу я вас всех видел! Я вас сам всех сожру! С усами вместе. А эти три тыквы... я их тоже буду немножко жарить...

— Господи, сколько надо терпения,— вздохнула первая голова Горыныча.— Сколько надо сил потратить, нервов... пока их научишь. Ни воспитания, ни образования...

— Насчет «немножко жарить» — это он хорошо сказал,— молвила вторая голова.— А?

— На какие усы ты все время намекаешь? — спросила Ивана третья голова.— Весь вечер сегодня слышу: усы, усы... У кого усы?

А па-арень улыбается
В пшеничные усы,—

шутливо спела первая голова.— Как там дальше про Хаз-булата?

— Она мне отдалась,— отчетливо сказал Иван.
Опять сделалось тихо.

— Это грубо, Иван,— сказала первая голова.— Это дурная эстетика. Ты же в библиотеке живешь... как ты можешь? У вас же там славные ребята. Где ты набрался этой сексуальности? У вас там, я знаю, Бедная Лиза... прекрасная девушка, я отца ее знал... Она — невеста твоя?

— Кто? Лизка? Еще чего?

— Как же? Она тебя ждет.

— Пусть ждет — не дожидется.

— Мда-а... Фрукт,— сказала третья голова. А голова, которая все время к жратве клонилась, возразила: — Нет, не фрукт,— сказала она серьезно.— Какой же фрукт? Уж во всяком случае — лангет. Возможно, даже шашлык.

— Как там дальше-то? — вспомнила первая голова.— С Хаз-булатом-то?

— Он его убил,— покорно сказал Иван.

— Кого?

— Хаз-булата.

— Кто убил?

— М-м...— Иван мучительно сморщился.— Молодой любовник убил Хаз-булата. Заканчивается песня так: «Голова старика покатила на луг».

— Это тоже не надо. Это жестокость,— сказала голова.

— А как надо?

Голова подумала.

— Они помирились. Он ему отдал коня, седло — и они пошли домой. На какой полке ты там сидишь, в библиотеке-то?

— На самой верхней... Рядом с Ильей и донским атаманом.

— О-о! — удивились все в один голос.

— Понятно,— сказала самая умная голова Горыныча, первая.— От этих дураков только и наберешься... А зачем ты к Мудрецу идешь?

— За справкой.

— За какой справкой?

— Что я умный.

Три головы Горыныча дружно, громко засмеялись. Баба Яга и дочь тоже подхихикнули.

— А плясать умеешь? — спросила умная голова.

— Умею,— ответил Иван.— Но не буду.

— Он, по-моему, и котэджики умет рубить, — встряла баба Яга.— Я подняла эту тему...

— Ти-хо! — рявкнули все три головы Горыныча.— Мы никому больше слова не давали!

— Батюшки мои,— шепотом сказала баба Яга.— Сказать ничего нельзя.

— Нельзя! — тоже рявкнула дочь. И тоже на бабу Ягу.— Базар какой-то!

— Спляши, Ваня,— тихо и ласково сказала самая умная голова.

— Не буду плясать,— уперся Иван.

Голова подумала.

— Ты идешь за справкой...— сказала она.— Так?

— Ну? За справкой.

— В справке будет написано: «Дана Ивану... в том, что он — умный». Верно? И — печать.

— Ну?

— А ты не дойдешь.— Умная голова спокойно смотрела на Ивана.— Справки не будет.

— Как это не дойду? Если я пошел — я дойду.

— Не.— Голова все смотрела на Ивана.— Не дойдешь. Ты даже отсюда не выйдешь.

Иван постоял в тягостном раздумье... Поднял руку и печально возгласил:

— Сени!

— Три, четыре,— сказала голова.— Пошли.

Баба Яга и дочь запели:

Ох, вы сени, мой сени,
Сени новые мои...

Они пели и прихлопывали в ладоши.

Сени новые-преновые,
Решетчатые...

Иван двинулся по кругу, пристукивая лапоточками... А руки его висели вдоль тела: он не подбоченился, не вскинул голову, не смотрел соколом.

— А почему соколом не смотришь? — спросила голова.

— Я смотрю,— ответил Иван...

— Ты в пол смотришь.

— Сокол же может задуматься?

— О чем?

— Как дальше жить... Как соколят вырастить. Пожалей ты меня, Горыныч,— взмолился Иван.— Ну, сколько уж? Хватит...

— А-а,— сказала умная голова.— Вот теперь ты помнел. Теперь иди за справкой. А то начал тут... строить из себя. Шмакодявки. Свистуны. Чего ты начал строить из себя?

Иван молчал.

— Становись лицом к двери,— велел Горыныч.

Иван стал лицом к двери.

— По моей команде вылетишь отсюда со скоростью звука.

— Со звуком — это ты лишку хватил, Горыныч,— возразил Иван.— Я не сумею так.

— Как сумеешь. Приготовились... Три, четыре!

Иван вылетел из избушки.

Три головы Горыныча, дочь и баба Яга засмеялись.

— Иди сюда,— позвал Горыныч невесту,— я тебя ласкать буду.

А Иван шел опять темным лесом... И дороги опять никакой не было, а была малая звериная тропка. Шел Иван, сел на поваленную лесину и закручинился.

— В душу как вроде удобрение свалили,— грустно сказал он.— Вот же как тяжело! Достанется мне эта справка...

Сзади подошел медведь и тоже присел на лесину.

— Чего такой печальный, мужичок? — спросил медведь.

— Да как же!..— сказал Иван.— И страху натерпелся, и напелся, и наплся... И уж так-то теперь на душе тяжело, так нехорошо — ложись и помирай.

— Где это ты так?

— А в гостях... Черт занес. У бабы Яги.

— Нашел к кому в гости ходить. Чего ты к ней поперся?

— Да зашел по пути...

— А куда идешь-то?

— К Мудрецу.

— Во-он куда! — удивился медведь.— Далеко.

— Не знаешь ли, как к нему идти?

— Нет. Слышать слышал про такого, а как идти —

не знаю. Я сам, брат, с насиженного места поднялся... Иду вот тоже, а куда иду — не знаю.

— Прогнали, что ль?

— Да и прогнать не прогнали, и... Сам уйдешь. Это вот — недалеко — монастырь, ну, жили себе... И я возле питался — там пасек много. И облюбовали же этот монастырь черти. Откуда только их нашугало! Обложили весь монастырь — их вовнутрь-то не пускают — с утра до ночи музыку заводят, пьют, безобразничают.

— А чего хотят-то?

— Хотят внутрь пройти, а там стража. Вот они и оглушают их, стражников-то, бабенок всяких ряженных подпускают, вино наливают — сбивают с толку. Такой тарарам навели на округу — завязывай глаза и беги. Страсть что творится, пропадает живая душа. Я вот курить возле их научился... — медведь достал пачку сигарет и закурил.— Нет жителя никакого... Подумал, подумал — нет, думаю, надо уходить, а то вино научусь пить. Или в цирк пойду. Раза два напивался уж...

— Это скверно.

— Уж куда как скверно! Медведицу избил... льва в лесу искал... Стыд головушке! Нет, думаю, надо уходить. Вот — иду.

— Не знают ли они про Мудреца? — спросил Иван.

— Кто? Черти? Чего они не знают-то? Они все знают. Только не связывайся ты с имя, пропадешь. Пропадешь, парень.

— Да ну... чего, поди?

— Пропадешь. Попытай, конечно, но... гляди. Злые они.

— Я сам злой сейчас... Хуже черта. Вот же как он меня исковеркал!.. Всего изломал.

— Кто?

— Змей Горыныч.

— Бил, что ли?

— Да и не бил, а... хуже битья. И пел перед ним, и плясал.. тьфу! Лучше бы уж избил.

— Унизил?

— Унизил. Да как унизил!.. Не переживу я, однако, эти дела. Вернусь и подожгу их. А?

— Брось,— сказал медведь,— не связывайся. Он таковой, этот Горыныч... Гад, одно слово. Брось. Уйди лучше. Живой ушел, и то слава богу. Эту шайку не одолеешь: везде достанут.

Они посидели молча, медведь затаился последний раз сигаретой, бросил, затоптал окурочок лапой и встал.

— Прощай.

— Прощай,— откликнулся Иван. И тоже поднялся.

— Аккуратней с чертями-то,— еще раз посоветовал медведь.— Эти похуже Горыныча будут... Забудешь, куда идешь. Все на свете забудешь. Ну, и охальное же племя! На ходу подметки рвут. Оглянуться не успеешь, а уж ты на поводке у их — захомутали.

— Ничего,— сказал Иван.— Бог не выдаст, свинья не съест. Как-нибудь вывернусь. Надо же где-то Мудреца искать... леший-то навязался на мою голову. А время — до третьих петухов только.

— Ну, поспешай, коли так. Прощай.

— Прощай.

И они разошлись.

Из темноты еще медведь крикнул:

— Вон, слышь, музыка?

— Где?

— Да послушай!.. «Очи черные» играют.

— Слышу!

— Вот иди на музыку — они. Вишь, наяривают!

О, господи! — вздохнул медведь.— Вот чесотка-то мировая! Ну, чесотка... Не хотят жить на болоте, никак не хотят, хотят в кельях.

А были — ворота и высокий забор. На воротах написано:

«Чертям вход воспрещен».

В воротах стоял большой стражник с пикой в руках и зорко поглядывал кругом.

Кругом же творился некий вялый бедлам — пауза такая после бурного шабаша. Кто из чертей, засунув руки в карманы узеньких брюк, легонько бил копытцами ленивую чечетку, кто листал журналы с картинками, кто тасовал карты... Один жонглировал черепами. Двое в углу учились стоять на голове. Группа чертей, расстелив на земле газеты, сидели вокруг коньяка и закуски — выпивали. А четверо — три музыканта с гитарами и девица — стояли прямо перед стражником: девица красиво пела «Очи черные». Гитаристы не менее красиво аккомпанировали ей. И сама-то девица очень даже красивая, на красивых копытцах, в красивых

штанах... Однако стражник спокойно смотрел на нее — почему-то не волновался. Он даже снисходительно улыбался в усы.

— Хлеб да соль! — сказал Иван, подходя к тем, которые выпивали.

Его оглядели с ног до головы... И отвернулись.

— Что же с собой не приглашаете? — жестко спросил Иван.

Его опять оглядели.

— А что ты за князь такой? — спросил один, тучный, с большими рогами.

— Я князь такой, что если сейчас понесу вас по кочкам, то от вас клочья полетят. Стать!

Черти изумились... Смотрели на Ивана.

— Я кому сказал?! — Иван дал ногой по бутылкам. — Стать!!!

Тучный вскочил и полез было на Ивана, но его подхватили свои и оттащили в сторону. Перед Иваном появился некто изящный, среднего возраста, в очках.

— В чем дело, дружок? — заговорил он, беря Ивана под руку.— Чего мы шумим? М-м? У нас где-нибудь бо-бо? Или что? Или настроение испорчено? Что надо?

— Надо справку,— зло сказал Иван.

К ним еще подошли черти... Образовался такой кружок, в центре которого стоял злой Иван.

— Продолжайте, — крикнул изящный музыкантам и девице.— Ваня, какую справку надо? О чем?

— Что я — умный.

Черти переглянулись... Быстро и непонятно переговорили между собой.

— Шизо,— сказал один.— Или авантюрист.

— Не похоже,— возразил другой.— Куда-нибудь оформляется. Всего одну справку надо?

— Одну.

— А какую справку, Ваня? Они разные бывают... Бывает — характеристика, аттестат... Есть о наличии, есть об отсутствии, есть «в том, что», есть «так как», есть «в виду того, что», а есть «вместе с тем, что» — разные, понимаешь? Какую именно, тебе сказали, принести?

— Что я умный.

— Не понимаю... Диплом, что ли?

— Справку.

— Но их сотни, справок! Есть «в связи с тем, что», есть «несмотря на то, что», есть...

— Понесу ведь по кочкам,— сказал Иван с угрозой.— Тошно будет. Или спою «Отче наш».

— Спокойно, Ваня, спокойно,— занервничал изящный черт.— Зачем подымать волну? Мы можем сделать любую справку, надо только понять — какую? Мы тебе сделаем...

— Мне липовая справка не нужна,— твердо сказал Иван,— мне нужна такая, какие выдает Мудрец.

Тут черти загалдели все разом.

— Ему нужна только такая, какие выдает Мудрец.

— О-о!..

— Липовая его не устраивает... Ах, какая неподкупная душа! Какой Анжелико!

— Какой митрополит! — он нам споет «Отче наш». А «сухой бы я корочкой питалась» ты нам споешь?

— Ша, черти! Ша... Я хочу знать: как это он понесет нас по кочкам? Он же берет нас на арапа! То ж элементарный арапинизм! Что значит, что этот пошехонец понесет нас?

Подошли еще черти. Ивана окружили со всех сторон. И все глядели и размахивали руками.

— Он опрокинул коньяк!..

— Это хамство! Что значит, что он понесет нас по кочкам? Что это значит? Это шантаж?

— Кубок «Большого орла» ему!

— Тумаков ему! Тумаков!..

Дело могло обернуться плохо; Ивана теснили.

— Ша, черти! Ша! — крикнул Иван. И поднял руку.— Ша, черти! Есть предложение!..

— Ша, братцы,— сказал изящный черт.— Есть предложение. Выслушаем предложение.

Иван, изящный черт и еще несколько чертей отошли в сторонку и стали совещаться. Иван что-то вполголоса говорил им, посматривал в сторону стражника. И другие тоже посматривали туда же.

Перед стражником по-прежнему «несли вахту» девица и музыканты: девица пела теперь ироническую песенку «Разве ты мужчина!» Она пела и пританцовывала.

— Я не очень уверен,— сказал изящный черт.— Но... А?

— Это надо проверить,— заговорили и другие.— Это не лишено смысла.

— Да, это надо проверить. Это не лишено смысла.

— Мы это проверим,— сказал изящный черт своему помощнику.— Это не лишено смысла. Если этот помер у нас проходит, мы посылаем с Иваном нашего черта, и он делает так, что Мудрец принимает Ивана. К нему очень трудно попасть.

— Но без обмана! — сказал Иван.— Если Мудрец меня не принимает, я вот этими вот руками... беру нашего черта...

— Ша, Иван,— сказал изящный черт.— Не надо лишних слов. Все будет о'кей. Маэстро, что нужно? — спросил он своего помощника.

— Анкетные данные стражника,— сказал тот.— Где родился, кто родители... И еще одна консультация Ивана.

— Картотека,— кратко сказал изящный.

Два черта побежали куда-то, а изящный обнял Ивана и стал ходить с ним туда-сюда, что-то негромко рассказывал.

Прибежали с данными. Один доложил:

— Из Сибири. Родители — крестьяне.

Изящный черт, Иван и маэстро посоветались на коротке.

— Да? — спросил изящный.

— Как штык,— ответил Иван.— Чтоб мне сдохнуть!

— Маэстро?..

— Через... две с половиной минуты,— ответил маэстро, поглядев на часы.

— Приступайте,— сказал изящный.

Маэстро и с ним шестеро чертей — три мужского пола и три женского — сели неподалеку с инструментальной и стали сыграваться. Вот они сыгрались... Маэстро кивнул головой, и шестеро грянули:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Здесь надо остановить повествование и, сколь возможно, погрузиться в мир песни. Это был прекрасный мир, сердечный и грустный. Звуки песни, негромкие, но сразу какие-то мощные, чистые, ударили в самую

душу. Весь шабаш отодвинулся далеко-далеко; черти, особенно те, которые пели, сделались вдруг прекрасными существами, умными, добрыми, показалось вдруг, что смысл истинного их существования не в шабаше и безобразиях, а в ином — в любви, в сострадании.

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбачью он лодку берет,
Унылую песню заводит —
О родине что-то поет.

Ах, как они пели!.. Как они, собаки, пели! Стражник прислонил копьё к воротам и, замерев, слушал песню. Глаза его наполнились слезами; он как-то даже ошалел. Может быть, даже перестал понимать, где он и зачем.

Бродяга Байкал переехал —
Навстречу родимая мать.
Ой, здравствуй, о, здравствуй, родная,
Здоров ли отец мой и брат?

Стражник подошел к поющим, сел, склонил голову на руки и стал покачиваться взад-вперед.

— М-мх... — сказал он.

А в пустые ворота пошли черти.

А песня лилась, рвала душу, губила суету и мелочь жизни — звала на простор, на вольную волю.

А черти шли и шли в пустые ворота.

Стражнику поднесли огромную чару... Он, не раздумывая, выпил, грахнул чару о землю, уронил голову на руки и опять еказал:

— М-мх...

Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землю зарыт.
А брат твой давно уж в Сибири —
Давно кандалами гремит.

Стражник дал кулаком по колену, поднял голову, — лицо в слезах.

— А брат твой давно уж в Сибири —
Давно кандалами гремит, —

сказал он страдальческим голосом. — Жизнь моя, иль

ты приснилась мне? Дай «Камаринскую»!.. Пропади по пропадом, гори все синим огнем! Дай вина!

— Нельзя, мужичок, нельзя, — сказал лукавый маэстро. — Ты напьешься и все забудешь.

— Кто?! — заорал стражник и лапнул маэстро за грудки. — Кто тут меня учить будет?! Ты, козел? Да я тебя... в три узла завяжу, вонючка! Я вас всех понесу по кочкам!..

— Что они так обожают кочки? — удивился изящный черт. — Один собирался нести по кочкам, другой... Какие кочки вы имеете в виду, уважаемый? — спросил он стражника.

— Цыть! — сказал стражник. — «Камаринскую»!

— «Камаринскую», — велел изящный музыкантам.

— Вина! — рявкнул стражник.

— Вина, — покорно вторил изящный.

— Может, не надо, — заспорил притворяшка маэстро. — Ему же плохо будет.

— Нет, надо! — повысил голос изящный черт. — Ему будет хорошо!

— Друг!.. — заревел стражник. — Дай я тебя поцелую! Иди ко мне!..

— Иду! — откликнулся изящный черт. — Счас мы с тобой нарежемся! Мы их всех понесем по кочкам! Мы их всех тут!..

Иван удивленно смотрел на чертей, что крутились вокруг стражника; особенно изумил его изящный черт.

— Ты-то чего раздухарился, эй? — спросил он его.

— Цыть! — рявкнул изящный черт. — А то я тебя так понесу по кочкам, что ты...

— Что, что? — угрожающе переспросил Иван. И поднялся. — Кого ты понесешь по кочкам? Ну-ка, повтори.

— Ты на кого это хвост поднимаешь? — тоже угрожающе спросил верзила стражник Ивана. — На моего друга?! Я из тебя лангет сделаю!

— Опять лангет, — сказал Иван, останавливаясь. — Вот дела-то!

— «Камаринскую»! — раскапризничался изящный черт. — Иван нам спляшет. «Камаринскую»! Ваня, давай!

— Пошел к дьяволу! — обозлился Иван. — Сам давай... с другом, вон.

— Тогда я не посылаю с тобой черта, — сказал изящный черт. И внимательно, и злобно посмотрел на Ива-

на.— Понял? Попадешь ты к Мудрецу!.. Ты к нему ни-ког-да не попадешь.

— Ах ты, харя ты некрещеная! — задохнулся от возмущения Иван.— Да как же это? Да нешто так можно? Где же стыд-то у тебя? Мы же договорились. Я же такой грех на душу взял — научил вас, как за ворота пройти.

— Последний раз спрашиваю: будешь плясать?

— О, проклятие!.. — застонал Иван.— Да что же это такое-то? Да за что же мне муки такие?

— «Камаринскую»! — велел изящный черт.— «Похехонские страдания».

Музыканты-черты заиграли «Камаринскую». И Иван пошел, опустив руки, пошел себе кругом, пошел пристукивать лапоточками. Он плясал и плакал. Плакал и плясал.

— Эх, справочка!.. — воскликнул он зло и горько.— Дорого же ты мне достаешься! Уж так дорого, что и не скажешь, как дорого!..

И вот — канцелярия. О, канцелярия! Вот уж канцелярия так канцелярия. Иван бы тут вконец заблудился, если бы не черт. Черт пригодился как нельзя кстати. Долго ходили они по лестницам и коридорам, пока нашли приемную Мудреца.

— Минуточку, — сказал черт, когда вошли в приемную.— Посиди тут... Я скоро.— И куда-то убежал. Иван огляделся.

В приемной сидела молоденькая секретарша, похожая на библиотекаршу, только эта — другого цвета и зовут Милка. А ту — Галка. Секретарша Милка печатала на машинке и говорила сразу по двум телефонам.

— Ой, ну это ж пшено! — говорила она в одну трубку и улыбалась.

— Помнишь, у Моргуновых: она напялила на себя желтое блестящее платье, копну сена, что ли, символизировала? Да о чем тут ломать голову? О чем?

И тут же — в другую, строго:

— Его нету. Не зна... А вы не интонируйте, не интонируйте, я вам пятый раз говорю: его нету. Не знаю.

— Во сколько ты там был? В одиннадцать? Один к одному? Интересно... Она одна была? Она кадрилась к тебе?

— Слушайте, я же ска... А вы не интонируйте, не интонируйте. Не знаю.

Иван вспомнил: их библиотекарша, когда хочет спросить по телефону у своей подруги, у себя ли ее начальник, спрашивает: «Твой бугор в яме?» И он тоже спросил Милку:

— А бугор, когда будет в яме? — Он вдруг, что-то разозлился на эту Милку.

Милка мельком глянула на него.

— Что вы хотите? — спросила она.

— Я спрашиваю: когда бу...

— По какому вопросу?

— Нужна справка, что...

— Понедельник, среда, девять тире одиннадцать.

— Мне... — Иван хотел сказать, что ему нужна справка до третьих петухов.

Милка опять отстукала:

— Понедельник, среда, с девяти до одиннадцати. Тупой?

— Это пшено, — сказал Иван. И встал и вольно прошелся по приемной.— Я бы даже сказал — компот. Как говорит наша Галка: «собачья радость на двух», «смесь козла с «грюндиком». Я спрашиваю глобально: ты невеста? И сам отвечаю: невеста. Один к одному.— Иван все больше накалялся.— Но у тебя же — посмотри на себя — у тебя же нет румянца во всю щеку. Какая же ты невеста? Ты вот спроси у меня — я вечный жених — спроси: появилась у меня охота жениться? Ну-ка, спроси.

— Появилась охота?

— Нет, — твердо сказал Иван.

Милка засмеялась и захлопала в ладоши.

— Ой, а еще? — попросила она.— Еще что-нибудь. Ну, пожалуйста.

Иван не понял, что «еще»?

— Еще покажите что-нибудь.

— А-а, — догадался Иван, — ты решила, что я — шут гороховый. Что я — так себе, Ванек в лапоточках... Тупой, как ты говоришь. Так вот знай: я мудрее всех вас... глубже, народнее. Я выражаю чаяния, а вы что выражаете? Ни хрена не выражаете! Сороки. Вы пустые, как... Во мне суть есть, а в вас и этого нету. Одни танцы-шманцы на уме. А ты даже говорить толком со мной не желаешь. Я вот как осержусь, как возьму дубину!..

Милка опять громко засмеялась.

— Ой, как интересно! А еще, а?

— Худо будет! — закричал Иван. — Ой, худо будет!..
Лучше вы меня не гневите, не гневите лучше!..

Тут в приемную влетел черт и увидел, что Иван орет на девицу.

— Тю, тю, тю, — испуганно затараторил черт и стал теснить Ивана в угол. — Чего это тут такое? Кто это нам разрешил выступать?.. А-я-я-я-яй! Отойти никуда нельзя. Предисловий начитался, — пояснил он девице «выступление» Ивана. — Сиди тихо, сейчас нас примут. Сейчас они придут... Я там договорился: нас примут в первую очередь.

Только черт сказал так, в приемную вихрем ворвался некто маленький, беленький — сам Мудрец, как понял Иван.

— Чушь, чушь, чушь, — быстро сказал он на ходу. — Василиса никогда на Дону не была.

Черт почтительно склонил голову.

— Проходите, — сказал Мудрец, ни к кому отдельно не обращаясь. И исчез в кабинете.

— Пошли, — подтолкнул черт Ивана. — Не вздумай только вылететь со своими предисловиями... Поддакивай, и все.

Мудрец бегал по кабинету. Он, что называется, рвал и метал.

— Откуда?! Откуда они это взяли?! — вопрошал он кого-то и поднимал руки вверх. — Откуда?!

— Чего ты расстроился, батя? — спросил Иван участливо.

Мудрец остановился перед посетителями, Иваном и чертом.

— Ну? — спросил он сурово и непонятно. — Облапошили Ивана?

— Почему вы так сразу ставите вопрос?.. — уверливо заговорил черт. — Мы, собственно, давно хотели...

— Что вы? Что вам надо в монастыре? Ваша цель?

— Разрушение примитива. — твердо сказал черт. Мудрец погрозил ему пальцем.

— Озоруете! А теоретически не готовы.

— Нет, ну серьезно... — заулыбался черт на стари-

ковскую нестрашную угрозу. — Ну тошно же смотреть. Одни рясы чего стоят!

— Что им, в полупендриках ваших ходить?

— Зачем в полупендриках? Никто к этому не призывает. Но, положив руку на сердце: неужели не ясно, что они безнадежно отстали? Вы скажете — мода. А я скажу: да, мода! Ведь если мировые тела совершают свой круг по орбите, то они, строго говоря, не совсем его совершают.

— Тут, очевидно, следует говорить не о моде, — заговорил старик важно и взволнованно, — а о возможном положительном влиянии крайне бесовских тенденций на некоторые устоявшиеся нормы морали...

— Конечно! — воскликнул черт, глядя на Мудреца влюбленными глазами. — Конечно, о возможном положительном влиянии...

— Всякое явление, — продолжал старик, — заключает в себе две функции: моторную и тормозную. Все дело в том, какая функция в данный момент больше раздражается: моторная или тормозная. Если раздражитель извне попал на моторную функцию — все явление подпрыгивает и продвигается вперед; если раздражитель попал на тормозную — все явление, что называется, съезживается и отползает в глубь себя. — Мудрец посмотрел на черта и на Ивана. — Обычно этого не понимают...

— Почему, это же так понятно, — сказал черт.

— Я все время твержу, — продолжал Мудрец, — что необходимо учитывать наличие вот этих двух функций. Учитывайте функции, учитывайте функции! Всякое явление, если можно так выразиться, о двух головах: одна говорит «да», другая говорит «нет».

— Я видел явление о трех головах... — выкнул было Иван, но на него не обратили внимания.

— Ударим одну голову, услышим — «да», ударим другую, услышим — «нет». — Старик Мудрец стремительно вскинул руку, нацелился пальцем в черта. — Какую ударили вы?

— Мы ударили, которая сказала «да», — не колеблясь, ответил черт.

Старик опустил руку.

— Исходя из потенциальных возможностей данных голов, данного явления, голова, которая говорит «да», — крепче. Следует ожидать, что все явление подпрыгнет

и продвинется вперед. Идите. И — с теорией, с теорией мне!.. — Старик опять погрозил пальцем черту. — Манкируете! Смотрите! Распушу!.. Ох, распушу!

Черт, мелко кивая головой, улыбаясь, пятился и пятился к выходу... Задом открыл дверь и так, с подкупающей улыбкой на мордочке, исчез.

Иван же, как стоял, так упал на колени перед Мудрецом.

— Батя, — взмолился он, — ведь на мне грех-то: я научил чертей, как пройти в монастырь...

— Ну?.. Встань-ка, встань — я не люблю этого. Встань, — велел Мудрец.

Иван встал.

— Ну? И как же ты их научил? — с улыбкой спросил старик.

— Я подсказал, чтоб они спели родную песню стражника... Они там мельтешили перед ним — он держался пока, а я говорю: «Вы родную его запойте, родную его...» Они и запели...

— Какую же они запели?

— «По диким степям Забайкалья».

Старик засмеялся.

— Ах, шельмы! — воскликнул он. — И хорошо запели?

— Так запели, так сладко запели, что у меня у самого горло перехватило.

— А ты петь умеешь? — быстро спросил Мудрец.

— Ну, как умею?.. Так...

— А плясать?

— А зачем? — насторожился Иван.

— Ну-ка... — заволновался старичок, — вот чего! По-едем-ка мы в одно место. Ах, Ваня!.. Устаю, дружок, так устаю, — боюсь, упаду когда-нибудь и не встану. Не от напряжения упаду, заметь, от мыслей.

Тут вошла секретарша Милка. С бумагой.

— Сообщают: вулкан «Дзидра» готов к извержению, — доложила она.

— Ага! — воскликнул старичок и пробежался по кабинету. — Что? Толчки?

— Толчки. Температура в кратере... Гул.

— Пойдем от аналогии с беременной женщиной, — подстегнул свои мысли старичок. — Толчки... Есть толчки? Есть. Температура в кратере... Общая возбудимость беременной женщины, болтливость ее, — это не что иное,

как температура в кратере. Есть? Гул, гул... — Старичок осадил мысли, нацелился пальцем в Милку. — А что такое гул?

Милка не знала.

— Что такое гул? — Старичок нацелился в Ивана.

— Гул?.. — Иван засмеялся. — Это смотря какой гул... Допустим, гул сделает Илья Муромец — это одно, а сделает гул Бедная Лиза — это...

— Вульгартеория, — прервал старичок Ивана. — Гул — это сотрясение воздуха.

— А знаешь, как от Ильи сотрясается! — воскликнул Иван. — Стекла дребезжат!

— Распушу! — рявкнул старичок. Иван смолк. — Гул — это не только механическое сотрясение, это также... утробное. Есть гул, который человеческое ухо не может воспринять...

— Ухо-то не может воспринять, а... — не утерпел опять Иван, но старичок впери в него строгий взор.

— Ну что тебя — распушить?

— Не надо, — попросил Иван, — больше не буду.

— Продолжим. Все три признака великой аналогии — налицо. Резюме? Резюме: пускай извергается. — Старичок выстрелил пальчиком в секретаршу. — Так и запишите.

Секретарша Милка так и записала. И ушла.

— Устаю, Ваня, дружок, — продолжал старичок свою тему, как если бы он и не прерывался. — Так устаю, что иногда кажется: все!.. больше не смогу наложить ни одной резолюции. Нет, наступает момент, и опять накладываю. По семьсот, по восемьсот резолюций в сутки. Вот и захочется иной раз... — Старичок тонко, блудливо засмеялся. — Захочется иной раз пощипать... травки пощипать, ягодки... черт те что!.. И, знаешь ли, принимаю решение... восемьсот первое: перекур! Есть тут одна такая... царевна Несмеяна, вот мы сейчас и нагрянем к ней.

Опять вошла секретарша Милка.

— Сиамский кот Тишка прыгнул с восьмого этажа

— Разбился?

— Разбился.

Старичок подумал...

— Запишите, — велел он. — Кот Тимофей не утерпел.

— Все? — спросила секретарша.

— Все. Какая по счету резолюция на сегодня?

— Семьсот сорок восьмая.

— Перекур.

Секретарша Милка кивнула головой. И вышла.

— К царевне, дружок? — воскликнул освобожденный Мудрец. — Сейчас мы ее рассмешим! Мы ее распотешим, Ваня. Грех, грех, конечно, грех... А?

— Я ничего. До третьих петухов-то успеем? Мне еще идти сколько.

— Успеем! Грех, говоришь? Конечно, конечно, грех. Не положено, да? Грех, да?

— Я не про тот грех... Чертей, мол, в монастырь пустили — вот грех-то.

Старичок значительно подумал.

— Чертей-то?.. Да, — сказал он непонятно. — Все не так просто, дружок, все, милый мой, очень и очень не просто. А кот-то... а? Сиамский-то. С восьмого этажа! Поехали!

Несмеяна тихо зверела от скуки.

Сперва она лежала просто так... Лежала, лежала и взвыла.

— Повешусь! — заявила она.

Были тут еще какие-то молодые люди, парни и девушки. Им тоже было скучно. Лежали в купальных костюмах среди фикусов под кварцевыми лампами — загорали. И всем было страшно скучно.

— Повешу-усь! — закричала Несмеяна. — Не могу больше!

Молодые люди выключили транзисторы.

— Ну, пусть, — сказал один. — А что?

— Принеси веревку, — попросила его.

Этот, которого попросили, полегал, полегал... Сел.

— А потом — стремянку? — сказал он. — А потом — крюк искать? Я лучше пойду ей по морде дам.

— Не надо, — сказали. — Пусть вешается, — может, интересно будет.

Одна девица встала и принесла веревку. А парень принес стремянку и поставил ее под крюк, на котором висела люстра.

— Люструними пока, — посоветовали.

— Сам снимай! — огрызнулся парень.

Тогда тот, который посоветовал снять люстру, встал и полез на стремянку — снимать люстру. Мало-помалу задвигались... Дело появилось.

— Веревку-то надо намылить.

— Да, веревку намыливают... Где мыло?

Пошли искать мыло.

— Есть мыло?

— Хозяйственное... Ничего?

— Какая разница! Держи веревку. Не оборвется?

— Сколько в тебе, Алка? — Алка — это и есть Несмеяна. — Сколько весишь?

— Восемьдесят.

— Выдержит. Намыливай.

Намылили веревку, сделали петлю, привязали конец к крюку... Слезли со стремянки...

— Давай, Алка.

Алка-Несмеяна вяло поднялась... Зевнула и полезла на стремянку. Влезла...

— Скажи последнее слово, — попросил кто-то.

— Ой, только не надо! — запротестовали остальные.

— Не надо, Алка, не говори.

— Этого только не хватает!

— Умоляю, Алка!.. Не надо слов. Лучше спой.

— Ни петь, ни говорить я не собираюсь, — сказала

Алка.

— Умница! Давай.

Алка надела на шею петлю... постояла.

— Стремянку потом ногой толкни.

Но Алка вдруг села на стремянку и опять взвыла:

— Тоже скучно-о!.. — не то пропела она, но то заплакала. — Не смешно-о!

С ней согласились.

— Действительно...

— Ничего нового: было-перебыло.

— К тому же — патология.

— Натурализм.

И тут вошли Мудрец с Иваном.

— Вот, изволь, — бодренько заговорил старичок, хихикая и потирая руки, — дуреют от скуки. Ну-с, молодые люди!.. Разумеется, все средства испробованы, а как избавиться от скуки — такого средства нет. Так ведь? А, Несмеянушка?

— Ты прошлый раз обещал что-нибудь придумать, — капризно сказала Несмеяна со стремянки.

— А я и придумал! — воскликнул старичок весело. — Я обещал, я и придумал. Вы, господа хорошие, в поисках так называемого веселья совсем забыли о народе. А ведь народ не скучал! Народ смеялся!.. Умел сме-

яться. Бывали в истории моменты, когда народ прогонял со своей земли целые полчища — и только смехом. Полчища окружали со всех сторон крепостные стены, а за стенами вдруг раздавался могучий смех... Враги терялись и отходили. Надо знать историю, милые люди... А то мы... слишком уж остроумные, интеллектуальные... а родной истории не знаем. А, Несмеянушка?

— Что ты придумал? — спросила Несмеяна.

— Что я придумал? Я взял и обратился к народу! — не без пафоса сказал старичок. — К народу, к народу, голубушка. Что мы споем, Ваня?

— Да мне как-то неловко: они нагишом все... — сказал Иван. — Пусть хоть оденутся, что ли.

Молодые безразлично промолчали, а старичок похихикал снисходительно — показал, что он тоже не в восторге от этих средневековых представлений Ивана о стыдливости.

— Ваня, это... ну, скажем так: не нашего ума дело. Наше дело — петь и плясать. Верно? Балалайку!

Принесли балалайку.

Иван взял ее. Потренькал, потинькал — подстроил... Вышел за дверь... И вдруг влетел в комнату — чуть не со свистом и с гиканьем — с частушкой.

Эх, милка моя,
Шевелилка моя;
Сама ходит, шевелит...

— О-о!.. — застонали молодые и Несмеяна, — не надо! Ну, пожалуйста... Не надо, Ваня.

— Так, — сказал старичок. — На языке офеней это называется — не прохонжé. Двинем резерв. Переплясь!.. Ваня, пли!

— Пошел к чертовой матери! — рассердился Иван. — Что я тебе — Петрушка? Ты же видишь, им не смешно! И мне тоже не смешно.

— А справка? — зловеще спросил старичок. — А? Справка-то... Ее ведь надо заработать.

— Ну вот, сразу — в кусты. Как же так, батя?

— А как же? Мы же договорились.

— Но им же не смешно! Было бы хоть смешно, ей-богу, но так-то... Ну стыдно же, ну.

— Не мучай человека, — сказала Несмеяна старичку.

— Давай справку, — стал нервничать Иван. — И так проваландались сколько. Я же не успею. Первые пету-

хи когда ишо пропели!.. Вот-вот вторые грянут, а до третьих надо успеть. А мне ишо идти да идти.

Но старичок решил все же развеселить молодежь. И пустился он на очень и очень постыдный выверт — решил сделать Ивана посмешищем: так охота ему стало угодно своей «царевне», так невтерпеж сделалось старому греховоднику. К тому же и досада его взяла, что никак не может рассмешить этих скучающих баранов.

— Справку? — спросил он с дурашливым недоумением. — Какую справку?

— Здрате! — воскликнул Иван. — Я же говорил...

— Я забыл, повтори.

— Что я умный.

— А! — «вспомнил» старичок, все стараясь вовлечь в нехорошую игру и молодежь тоже. — Тебе нужна справка, что ты умный. Я вспомнил. Но как же я могу дать такую справку? А?

— У тебя же есть печать...

— Да печать-то есть... Но я же не знаю: умный ты или нет. Я, допустим, дам тебе справку, что ты умный, а ты — дурак дураком. Что это будет? Это будет подлог. Я не могу пойти на это. Ответь мне прежде на три вопроса, ответишь — дам тебе справку, не ответишь — не обессудь.

— Давай, — с неохотой сказал Иван. — Во всех предисловиях писано, что я вовсе не дурак.

— Предисловия пишут... Знаешь, кто предисловия пишет?

— Это что, первый вопрос?

— Нет, нет. Это еще не вопрос. Это так... Вопрос вот какой: что сказал Адам, когда бог вынул у него ребро и сотворил Еву? Что сказал при этом Адам? — Старичок искоса лукаво посмотрел на свою «царевну» и на других молодых: поинтересовался, как приняли эту его затею с экзаменом. Сам он был доволен. — Ну?.. Что же сказал Адам?

— Не смешно, — сказала Несмеяна. — Тупо. Плоско.

— Самодеятельность какая-то, — сказали и другие.

— Идиотизм. Что он сказал? «Сам сотворил, сам и живи с ней»?

Старичок угодливо засмеялся и выстрелил пальчиком в молодого человека, который так сострил.

— Очень близко!.. Очень!

— Мог бы и поостроумнее сказать.
— Минуточку! Минуточку!.. — суетился старичок. — Самое интересное, как ответит Иван! Ваня, что сказал Адам?

— А можно я тоже задам вопрос? — в свою очередь спросил Иван. — Потом...

— Нет, сначала ответ: что сказал...

— Нет, пусть он спросит, — закапризничала Несмеяна. — Спроси, Ваня.
— Да что он может спросить? Почему куль овса на базаре?

— Спроси, Ваня. Спроси, Ваня. Ваня, спроси. Спроси, Ваня!

— Ну-у, это уже ребячество, — огорчился старичок. — Хорошо, спроси, Ваня.

— Ответь мне, почему у тебя одно лишнее ребро? — Иван, подражая старичку, нацелился в него пальцем.

— То есть? — опешил тот.

— Нет, нет, не «то есть», а — почему? — заинтересовалась Несмеяна. — И почему ты это скрывал?

— Это уже любопытно, — заинтересовались и другие. — Лишнее ребро? Это же из ряда вон!..

— Так вот вся мудрость-то откуда!

— Ой, как интересно-о!

— Покажите, пожалуйста... Ну, пожалуйста!..

Молодые люди стали окружать старичка.

— Ну, ну, ну, — испугался старичок, — зачем же так? Ну что за шутки? Что, так понравилась мысль дурака, что ли?

Старичка окружали все теснее. Кто-то уже тянулся к его пиджаку, кто-то дергал за штаны — Мудреца вознамерились раздеть без всяких шуток.

— И скрывать, действительно, такое преимущество... Зачем же?

— Подержите-ка пиджак, пиджак подержите!.. О, тут не очень-то их прощупаешь!

— Прекратите! — кричал старичок и начал сопротивляться изо всех сил, но только больше раздражал этим. — Немедленно прекратите это безобразие! Это не смешно, понимаете? Это не юмор, это же не юмор! Дурак пошутил, а они... Иван, скажи, что ты пошутил!

— По-моему, я уже нащупал!.. Рубашка мешает, — вовсю шуровал один здоровенный парень. — У него тут

еще майка... Нет, теплое белье! Синтетическое. Лечебное. Подержите-ка рубашку...

С Мудреца сняли пиджак, брюки... Сняли рубашку. Старичок предстал в нижнем теплом белье.

— Это безобразие! — кричал он. — Здесь же нет основания для юмора! Когда смешно? Смешно, когда намерения, цель и средства — все искажено! Когда налицо отклонение от нормы!..

Здоровенный парень деликатно похлопал его по круглому животу.

— А это?.. Разве не отклонение?

— Руки прочь! — завопил старичок. — Идиоты! Придурки!.. Никакого представления, что такое смешно!.. Кретины! Лежебоки...

В это время его аккуратненько пощекотали, он громко захохотал и хотел вырваться из окружения, но молодые бычки и телки стояли весьма плотно.

— Почему вы скрывали наличие лишнего ребра?

— Да какое ребро?! Ой, ха-ха-ха!.. Да где? Ха-ха-ха!.. Ой, не могу!.. Это же... ха-ха-ха!.. это же... ха-ха-ха!..

— Дайте ему сказать.

— Это примитив! Это юмор каменного века! Все глупо, начиная с ребра и кончая вашим стремлением... Ха-ха-ха!.. О-о-о!.. — И тут старичок пукнул, так это по-старчески, негромко — дал, и сам очень испугался, весь встрепенулся и съежился. А с молодыми началась истерика. Теперь хохотали они, но как! — взхлеб, легли. Несмеяна опасно качалась на стремянке, хотела слезть, но не могла двинуться от смеха. Иван полез и снял ее. И положил рядом с другими — хохотать. Сам же нашел брюки старика, порылся в кармане... И нашел. Печать. И взял ее.

— Вы пока тут занимайтесь, — сказал он, — а мне пора отправляться.

— Зачем же ты всю-то... печать-то? — жалко спросил Мудрец. — Давай, я тебе справку выдам.

— Я сам теперь буду выдавать справки. Всем подряд. — Иван пошел к двери. — Прощайте.

— Это вероломство, Иван, — сказал Мудрец. — Насилие.

— Ничего подобного. — Иван тоже стал в позу. — Насилие — это когда по зубам бьют.

— Я ведь наложу резолюцию! — заявил Мудрец с угрозой. — Наложу ведь — запляшете!

— Слабо, батя! — крикнули из компании молодых. — Клади!

— Возлюбленный мой! — заломила руки в мольбе Несмеяна. — Наложил! Колыхни атмосферу!

— Решение! — торжественно объявил Мудрец. — Данный юмор данного коллектива дураков — объявляется тупым! А также несвоевременным и животным, в связи с чем он лишается права выражать собой качество, именуемое в дальнейшем — смех. Точка. Мой так называемый нежданчик считать недействительным.

И грянула вдруг дивная стремительная музыка... И хор. Хор, похоже, поет и движется — приплясывают.

Песенка чертей

Аллилуя — вот,
Три-четыре — вот,
Шуры-муры.
Шуры-муры.

Аллилуя-а!
Аллилуя-а!

Мы возьмем с собой в поход
На покладастый народ —
Политуру.
Политуру.

Аллилуя-а!
Аллилуя-а!

Наше — вам
С кистенем;
Под забором,
Под плетнем —
Покультури.
Покультури.
Аллилуя-а!
Аллилуя-а!

Это где же так дивно поют и пляшут? Где так умеют радоваться? Э-э!.. То в монастыре. Черти. Монахов они оттуда всех выгнали, а сами веселятся.

Когда наш Иван пришел к монастырю, была глубокая ночь; над лесом, близко, висела луна.

На воротах стоял теперь черт-стражник. Монахи же облепили забор и смотрели, что делается в монастыре. И там-то как раз шел развеселый бесовский ход: черти шли процессней и пели с приплясом. И песня их далеко разносилась вокруг.

Ивану стало жалко монахов. Но когда он подошел ближе, он увидел: монахи стоят и подергивают плечами в такт чертовой музыке. И ногами тихонько пристукивают. Только несколько — в основном пожилые — сидели в горестных позах на земле и покачивали головами... но вот диковина: хоть и грустно они покачивали, а все же — в такт. Да и сам Иван — постоял маленько и не заметил, как стал тоже подергиваться и притопывать ногой, словно зуд его охватил.

Но вот визг и песнопение смолкли в монастыре — видно, устали черти, передых взяли. Монахи отошли от забора... И тут вдруг вылез из канавы стражник-монах и пошел с пьяных глаз на свое бывшее место.

— Ну-ка, брысь! — сказал он черту. — Ты как здесь?..

Черт-стражник списходительно улыбался.

— Иди, иди, дядя, иди проспись. Отойди!

— Эт-то што такое?! — изумился монах. — По какому такому праву? Как ты здесь оказался?

— Иди проспись, потом я тебе объясню твое право. Пшел!

Монах полез было на черта, но тот довольно чувствительно ткнул его пикой.

— Пшел, говорят! Налют глаза-то и лезут... Не положено подходить! Вон инструкция висит: подходить к воротам не ближе десяти метров.

— Ах ты, харя! — заругался монах. — Ах ты, аборт козлиный!.. Ну, ладно, ладно... Дай, я в себя приду, я тебе покажу инструкцию. Я тебя самого повешу вместо инструкции!

— И выражаться не положено, — строго заметил черт. — А то я тебя быстро определю — там будешь выражаться, сколько влезет. Обзыватья он будет! Я те пообзываюсь!.. Иди отсюда, пока я те... Иди отсюда! Бочка пивная. Иди отсюда!

— Агафангел! — позвали монаха. — Отойди... А то наживешь беды. Отойди от греха.

Агафангел, покачиваясь, пошел восвосяси. Пошел и загудел:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная...

Черт-стражник захихикал ему в спину.

— Агафангел... — сказал он, смеясь. — И назовут

же! Уж скорей — Агавинус. Или просто — Вермут.

— Што же это, братцы, случилось-то с вами? — спросил Иван, подсаживаясь к монахам. — Выгнали?

— Выгнали, — вздохнул один седобородый. — Да как выгнали! — пиночьями, вот как выгнали. Взашей попросили.

— Беда, беда, — тихо молвил другой. — Вот уж беда так беда: небывалая. Отродясь такой не видывали.

— Надо терпеть, — откликнулся совсем ветхий старичок и слабо высморкался. — Укрепиться и терпеть.

— Да что же терпеть-то?! — воскликнул Иван. — Что терпеть-то? Надо же что-то делать!

— Молодой ты, — урезонили его. — Потому и шумишь. Будешь постарше — не будешь шуметь. Што делать? Што тут сделаешь — вишь, сила какая!

— Это нам за грехи наши.

— За грехи, за грехи... Надо терпеть.

— Будем терпеть.

Иван с силой, зло стукнул кулаком себе по колену. И сказал горько:

— Где была моя голова дурная?! Где она была, тыква?! Я виноватый, братцы, я виноватый!.. Я подкузьмил вам. На мне грех.

— Ну, ну, ну, — стали его успокаивать. — Чего ты? Эка, как тебя ограбастало. Чего ты?

— Эх-а!.. — сокрушался Иван. И даже заплакал. — Сколько же я на душу взял... За один-то поход! Как же мне тяжело!..

— Ну, ну... Не казись, не надо. Что теперь сделаешь? Надо терпеть, милоч.

— Да ну!.. Все терпеть да терпеть!.. Только и умеем — терпеть.

— Што же делать-то? Ничего теперь не сделаешь. Тут вышел из ворот изящный черт и обратился ко всем.

— Мужички, — сказал он, — есть халтура! Кто хочет заработать?

— Ну? А чего такое? — зашевелились монахи. — Чего надо-то?

— У вас там портреты висят... в несколько рядов...

— Иконы.

— А?

— Святые наши, какие портреты.

— Их надо переписать: они устарели.

Монахи опешили.

— И кого же заместо их писать? — тихо спросил самый старый монах.

— Нас.

Теперь уж все смолкли. И долго молчали.

— Гром небесный, — сказал старик монах. — Вот она, кара-то.

— Ну? — торопил изящный черт. — Есть мастера? Заплатим прилично... Все равно ведь без дела сидите.

— Бей их! — закричал вдруг один монах. И несколько человек вскочило... И кинулись на черта, но тот быстро вбежал в ворота, за стражника. А к стражнику в момент подстроились другие черти и выставили вперед пики. Монахи остановились.

— Какие вы все же... грубые, — сказал им изящный черт из-за частокола. — Невоспитанные. Воспитывать да воспитывать вас... Дикари. Пошехонь. Ничего, мы за вас теперь возьмемся.

И он ушел. И только он ушел, в глубине монастыря опять грянула музыка... И послышался звонкий перестук копыт по булыжнику — черти били на площади массовую четку.

Иван взялся за голову и пошел прочь.

Шел он по лесу, а его все преследовала, догоняла, стегала окаянная музыка, чертячий пляс. Шел Иван и плакал — так горько было на душе, так мерзко.

Сел он на ту же поваленную лесину, на какой сидел прошлый раз.

Сел и задумался.

Сзади подошел медведь и тоже присел.

— Ну, сходил? — спросил он.

— Сходил, — откликнулся Иван. — Лучше бы не ходил...

— Что? Не дали справку?

Иван только рукой махнул, не стал говорить — больно было говорить.

Медведь прислушался к далекой музыке... И все понял без слов.

— Эти... — сказал он. — Все пляшут?

— Где пляшут-то? В монастыре пляшут-то.

— Ох, мать честная! — изумился медведь. — Прошли?

— Прошли.

— Ну, все, — сказал медведь обреченно, — надо уходить. Я так и знал, что пройдут.

Они помолчали.

— Слушай,— заговорил медведь,— ты там ближе к городу... какие условия в цирке?

— Вроде ничего... Я, правда, не шибко знаю, но так, слышно, ничего.

— Как насчет питания, интересно... Сколько разное?

— Шут его знает. Хочешь в цирк?

— Ну, а что делать-то? Хочешь не хочешь — пойдешь. Куда больше?

— Да...— вздохнул Иван.— Дела.

— Сильно безобразничают? — спросил медведь, закуривая.— Эти-то.

— А что же... смотреть, что ли, будут?

— Это уж... не для того старались. Погарцуют теперь. Тыфу, в душу мать-то совсем!..— Медведь закашлялся. Долго, с храпом, кашлял.— Еще откажут вот... в цирке-то — собрался. Забракуют. Легкие, как тряпки, стали. Бывало, пробку вышибал — с оглоблю толщиной вылетала, а давеча за коровой погнался... кхо, кхо, кхо... с версту пробежал и язык высунул. А там небось тяжести надо подымать.

— Там надо на задних лапах ходить,— сказал Иван.

— Зачем? — не понял медведь.

— Да что же ты, не знаешь, что ли? Тех и кормят, кто на задних лапах умеет. Любая собака знает...

— Да какой интерес-то?

— Это уж я не знаю.

Медведь задумался. Долго молчал.

— Ну и ну,— сказал.

— У тебя семья-то есть? — поинтересовался Иван.

— Где!..— горько, с отчаянием воскликнул Михайло Иваныч.— Разогнал. Напился, начал буяннить-то — они все разбежались. Где теперь, сам не знаю.— Он еще помолчал. И вдруг встал и рявкнул.— Ну, курва!.. Напьюсь водки, возьму оглоблю и пойду крушить монастырь!

— Зачем же монастырь-то?

— Они же там!..

— Нет, Михайло Иваныч, не надо. Да ты и не попадешь туда.

Михайло Иваныч сел и трясущимися лапами стал закуривать.

— Ты не пьешь? — спросил.

— Нет.

— Зря,— зло сказал Михайло Иваныч.— Легче становится. Хошь, научу?

— Нет,— решительно сказал Иван.— Я пробовал — она горькая.

— Кто?

— Водка-то.

Михайло Иваныч оглушительно захохотал... И хлопнул Ивана по плечу.

— Эх, дите ты, дите!.. Чистое дите, ей-богу. А то научу?

— Нет.— Иван поднялся с лесины.— Пойду: время осталось с гулькин нос. Прощай.

— Прощай,— сказал медведь.

И они разошлись в разные стороны.

И пришел Иван к избушке бабы Яги. И хотел уж было мимо протопать, как услышал — зовут:

— Иванушка, а Иванушка!.. Что ж мимо-то?

Оглянулся Иван — никого.

— Да здесь я,— опять голос,— в сортире!

Видит Иван — сортир, а на двери — замок пудовый. А голос-то оттуда, из сортира.

— Кто там? — спросил Иван.

— Да это я, дочка бабы Яги... усатая-то, помнишь?

— Помню, как же. А чего ты там? Кто тебя?

— Выручи меня отсюда, Иванушка... Открой замок. На крыльчке, под половиком, ключ, возьми его и открой. Потом расскажу все.

Иван нашел ключ, открыл замок. Усатая дочь бабы Яги выскочила из сортира и стала шипеть и плевать.

— Вот как нынче с невестами-то!.. Ну, змей!.. Я тебе этого не прощу, я тебе устрою...

— Это Горыныч тебя туда законопатил?

— Горыныч... Тыфу, змей! Ладно, ладно... чердак в кубе, я тебе придумаю гауптвахту, гад.

— За что он тебя? — спросил Иван.

— Спроси у него!.. Воспитывает. Полковника из себя изображает — на гауптвахту посадил. Слова лишнего не скажи! Дубина такая.— Дочка бабы Яги вдруг

внимательно посмотрела на Ивана.— Слушай,— сказала она,— хочешь стать моим любовником? А?

Иван оторопел поначалу, но невольно оглядел усатую невесту: усатая-то она усатая, но остальное-то все при ней, и даже больше — и грудь, и все такое. Да и усы-то... это ведь... что значит усы? — темная полоска на губе, какие это, в сущности, усы, это не усы, а так — призрак.

— Я что-то не понял... — замаялся Иван.— Как-то это до меня... не совсем... не того...

— Ванька, смотри! — раздался вдруг голос Ильи Муромца.— Смотри, Ванька!

— Начинается! — поморщился Иван.— Заванькал.

— Что начинается? — не поняла невеста; она не могла слышать голос Ильи: не положено.— Можно подумать, что тебе то и дело навязываются в любовницы.

— Да нет... — сказал Иван, — зачем? Я в том смысле, что... значит, это... дело-то такое...

— Чего ты мямлишь-то? Вот мямлит стоит, вот крутит. Да — так да, нет — нет, чего тут крутить-то? Я другого кого-нибудь позову.

— А баба Яга-то?..

— Она в гости улетела. А Горыныч на войне.

— Пошли, — решил Иван.— У меня полчаса есть еще. Побалуемся.

Вошли они в избушку...

Иван скинул лапоточки и вольготно прилег пока на кровать.

— Устал, — сказал он.— Ох, и устал же! Где только не был! И какого я только сраму не повидал и не потерпелся...

— Это тебе не на печке сидеть. Что лучше: салат или яишенку?

— Давай чего-нибудь на скорую руку... Время-то — к свету.

— Успеешь. Лучше мы яишенку, с дороги-то — посытней.— Дочь бабы Яги развела на шестке огонек под таганком, поставила сковородку.

— Пусть пока разогревается... Ну-ка, поцелуй меня — как ты умеешь? — И дочь бабы Яги навалилась на Ивана и стала баловаться и резвиться.— О-о, да ты не умеешь ничего!.. А лапти снял!

— Кто не умеет? — взвился Иван соколом.— Я не умею? Да я тут сейчас так размахнусь, что ты... Держи

руку! Руку держи!.. Да мою руку-то, мою — держи, чтоб не тряслась. Есть? Держи другую, другую держи!.. Держишь?

— Держу! Ну?

— Отпуска-ай,— заорал Иван.

— погоди, сковородка перекалилась, наверно, — сказала дочь бабы Яги.— Ты смотри, какой ты! А ребеночка сделаешь мне?

— Чего же не сделать? — всюду раздухарился Иван.— Хоть двух. А сумеешь ты с ним, с ребеночком-то? С имя ведь возни да возни... знаешь сколько!

— Я уже пеленать умею, — похвасталась дочь бабы Яги.— Хошь, покажу? Сейчас яишенку поставлю... и покажу.

Иван засмеялся.

— Ну, ну... — сказал.

— Сейчас увидишь.— Дочь бабы Яги поставила на огонь яичницу и подошла к Ивану.— Ложись.

— Зачем я-то?

— Я тебя спеленаю. Ложись.

Иван лег... И дочь бабы Яги стала пеленать его в простыни.

— Холесенький мой, — приговаривала она, — маленький мой... Сынуленька мой. Ну-ка, улыбнись мамочке. Ну-ка, как мы умеем улыбаться?.. Ну-ка?

— У-а-а, у-а-а, — поплакал Иван.— Жратеньки хочу-у, жратеньки хочу-у!..

Дочь бабы Яги засмеялась.— А-а, жратеньки захотели? Жратеньки захотел наш сынуленька... Ну, вот... мы и спеленали нашего маленького. Сейчас мы ему жратеньки дадим... все дадим. Ну-ка, улыбнись мамочке!

Иван улыбнулся «мамочке».

— Во-от.— Дочь бабы Яги опять пошла в куть.

Когда она ушла, в окно, с улицы, — прямо над кроватью просунулись три головы Горыныча. И замерли, глядя на спеленатого Ивана... И долго молчали. Иван даже зажмурился от жуты.

— Утююсеньки, — ласково сказал Горыныч.— Маленький... Что же ты папе не улыбаешься? Мамочке улыбаешься, а папе не хочешь. Ну-ка, улыбнись... Ну-ка?

— Мне не смешно, — сказал Иван.

— А-а, мы, наверно, того?.. Да, маленький?

— По-моему, да, — признался Иван.

— Мамочка! — позвал Горыныч. — Иди, сыночек обкакался.

Дочь бабы Яги уронила на пол сковородку с яишенкой... Остолбенела. Молчала.

— Ну, что же вы?.. Чего же не радуетесь? Папочка пришел, а вы грустные. — Горыныч улыбался всеми тремя головами. — Не любите папочку? Не любят, наверно, папочку, не любят... Презирают. Тогда папочка будет вас жратеньки. Хавать вас будет папочка... с косточками! — Горыныч перестал улыбаться. — С усами! С кашками! Страсти разыгрались?! — загремел он хором. — Похоть свою чесать вздумали?! Игры затеяли?! Представления?.. Я проглочу весь этот балаган за один раз!..

— Горыныч, — почти безнадежно сказал Иван, — а ведь у меня при себе печать... Я вместо справки целую печать добыл. Эт-то ведь... того... штука! Так что ты не ори тут. Не ори! — Иван от страха, что ли, стал вдруг набирать высоту и крепость в голосе. — Чего ты разорался? Делать нечего? Схавает он... Он, видите ли, жратеньки нас будет! Вон она, печать-то, — глянь! Вон, в штанах. Глянь, если не веришь! Припечатаю на три лба, будешь тогда...

Тут Горыныч усмехнулся и изрыгнул из одной головы огонь, опалил Ивана. Иван смолк... Только еще сказал тихо:

— Не балуйся с огнем. Шуточки у дурака.

Дочь бабы Яги упала перед Горынычем на колени.

— Возлюбленный мой, — заговорила она, — только пойми меня правильно: я же тебе его на завтрак приготовила. Хотела сюрприз сделать. Думаю: прилетит Горыныч, а у меня для него что-то есть вкусненькое... тепленькое, в простынках.

— Вот твари-то! — изумился Иван. — Сожрут и скажут: так надо, так задумано. Во, парочка собралась! Тьфу!.. Жри, прорва! Жри, не тяни время! Проклинаю вас!..

И только Горыныч изготовился хамкнуть Ивана, только открыл свои пасти, в избушку вихрем влетел донской атаман из библиотеки.

— Доигрался, сукин сын?! — закричал он на Ивана. — Доигрался?! Спеленали!

Горыныч весь вострепнулся, вскинул головы...

— Эт-то что еще такое? — зашипел он.

— Пошли на полянку, — сказал ему атаман, вынимая свою неразлучную сабельку. — Там будет способней биться. — Он опять посмотрел на Ивана... Укоризненно сморщился. — Прямо подарок в кулечке. Как же ты так?

— Оплошал, атаман... — Ивану совестно было глядеть на донца. — Маху дал... Выручи, ради Христа.

— Не горюй, — молвил казак. — Не таким оглоедам кровя пускали, а этому-то... Я ему враз их смахну, все три. Пошли. Как тебя? Горыныч? Пошли цапнемся. Ну и уродина!..

— Какой у меня завтрак сегодня! — воскликнул Горыныч — Из трех блюд. Пошли.

И они пошли биться.

Скоро послышались с полянки тяжелые удары и невнятные возгласы. Битва была жестокая. Земля дрожала.

Иван и дочь бабы Яги ждали.

— А чего это он про три блюда сказал? — спросила дочь бабы Яги. — Он что, не поверил мне?

Иван молчал. Слушал звуки битвы.

— Не поверил, — решила дочь бабы Яги. — Тогда он и меня сожрет: я как десерт пойду.

Иван молчал.

Женщина тоже некоторое время молчала.

— А казак-то!.. — лстиво воскликнула она. — Храбрый какой. Как думаешь, кто одолеет?

Иван молчал.

— Я за казака, — продолжала женщина. — А ты за кого?

— О-о, — застонал Иван. — Помру. От разрыва сердца.

— Что, плохо? — участливо спросила женщина. — Давай я распеленаю тебя. — И она подошла было, чтобы распеленать Ивана, но остановилась и задумалась. — Нет, подождем пока... Черт их знает, как там у них? Подождем.

— Убей меня! — взмолился Иван. — Проткни ножом... Не вынесу я этой муки.

— Подождем, подождем, — трезво молвила женщина. — Не будем пороть горячку, тут важно не ошибиться.

В это время на поляне сделалось тихо. Иван и дочь бабы Яги замерли в ожидании...

Вошел, пошатываясь, атаман.

— Здоровый бугай,— сказал он.— Насилу одолел... А где эта... А-а, вот она, краля! Ну, чего будем делать? Вслед за дружкой отправить тебя, гадину?

— Тю, тю, тю,— замахала руками дочь бабы Яги.— О, мне эти казаки!— сразу за горло братъ. Ты хоть узнай сперва, что тут было-то!

— А то я не знаю вас!— Атаман распеленал Ивана и опять повернулся к женщине.— Что же тут было?

— Да ведь он чуть не изнасиловал меня! Такой охальник, такой охальник!.. Заласкаю, говорит, тебя до умопомраченья. И приплод, мол, оставлю: назло Горынычу. Такой боевитый, такой боевитый — так и обжигает!..— И дочь бабы Яги нескромно захихикала.— Прямо огонек!

Атаман удивленно посмотрел на Ивана.

— Иван...

— Слушай ее больше! — воскликнул Иван горько.— И правда бы, убить тебя, да греха на душу братъ неохота — и так уж там... неспорот всякого. Хотя сейчас бы не крутилась!

— Но какой он ни боевитый,— продолжала женщина, словно не слыша Ивана,— а все же боевитее тебя, казак, я мужчин не встречала.

— А что, тебе так глянутся боевитые? — игриво спросил атаман. И поправил ус.

— Брось! — сказал Иван.— Пропадем. Не слушай ее, змею.

— Да ну, зачем пропадать... Мы ее в плен возьмем.

— Пойдем, атаман: у нас времени вовсе нету. Вот вот петухи грянут.

— Ты иди,— велел атаман,— а я тебя догоню. Мы тут маленько...

— Нет,— твердо сказал Иван.— С места без тебя не тронусь. Что нам Илья скажет?

— Мх-х,— огорчился казак.— Ну ладно. Ладно... Не будем огорчать Муромца. До другого разочка, краля! Ишь ты, усатая. Ох, схлестнемся мы с тобой когда-нибудь... усы на усы! — Атаман громко засмеялся.— Пошли, Ивашка. Скажи спасибо Илье — он беду-то почуял. А ведь он остерегал тебя, чего не послушал?

— Да вот... вишь мы какие боевитые... Не послушал. Иван с атаманом ушли.

А дочка бабы Яги долго сидела на лавочке, думала.

— Ну, и кто же я теперь? — спросила она сама себя... И сама же себе ответила: — Вдова не вдова и не мужняя жена. Надо кого-нибудь искать.

В библиотеке Ивана и донца встретили шумно и радостно.

— Слава богу, живы-здоровы.

— Ну, Иван, напужал ты нас! Вот как напужал!..

— Ванюша! — позвала Бедная Лиза.— А Ванюша!

— Погоди, девка, не егози,— остановил ее Илья,— дай сперва дело узнать, как сходил-то, Ванька? Добыл справку?

— Целую печать добыл — вот она. — И Иван отдал печать.

Печать долго с удивлением разглядывали, крутили так, этак... Передавали друг другу. Последним, к кому она попала, был Илья; он тоже долго вертел в огромных пальцах печать... Потом спросил всех:

— Ну, так... А чего с ней делать?

Этого никто не знал.

— И зачем было посылать человека в такую даль? — еще спросил Илья.

И этого тоже теперь никто не знал. Только Бедная Лиза, передовая Бедная Лиза хотела выскочить с ответом:

— Как это ты говоришь, дядя Илья...

— Как я говорю? — жестко перебил ее Муромец.— Я говорю: зачем надо было посылать человека в такую даль? Вот — печать... Что дальше?

Этого и Бедная Лиза не знала.

— Садись, Ванька, на место и сиди,— велел Илья.— А то скоро петухи грянут.

— Нам бы не сидеть, Илья! — вдруг чего-то вскипел Иван.— Не рассиживаться бы нам!..

— А чего же? — удивился Илья.— Ну, спляши тогда. Чего взвился-то? — Илья усмехнулся и внимательно посмотрел на Ивана.— Эка... какой пришел.

— Какой? — все не унимался Иван.— Такой и пришел — кругом виноватый. Посиди тут!..

— Вот и посиди и подумай,— спокойно молвил Илья.

— А пошли на Волгу! — вскинулся и другой путешественник, атаман. Он сгреб с головы шапку и хлопнул ее об пол.— Чего сидеть?! Сарынь!!

Но не успел он крикнуть свою «сарынь», раздался трубный глас петуха: то ударили третьи.

Все вскочили на свои полки и замерли.

— Шапка-то! — вскрикнул атаман.— Шапку оставил на полу.

— Тихо! — приказал Илья.— Не трогаться! Потом подберем... Счас нельзя.

В это время скрежетнул ключ в дверном замке... Вошла тетя Маша, уборщица. Вошла и стала убираться.

— Шапка какая-то... — увидела она. И подняла шапку.— Что за шапка?.. Чудная какая-то.— Она посмотрела на полки с книгами.— Чья же это?

Персонажи сидели тихо, не двигались... И атаман сидел тихо, никак не показал, что это его шапка.

Тетя Маша положила шапку на стол и продолжала убираться.

Тут и сказке нашей конец.

— Будет, может быть, другая ночь... Может быть, тут что-то еще произойдет... Но это будет уже другая сказка. А этой — конец.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАМ, ВДАЛИ	5
ЖИВЕТ ТАКОЙ ПАРЕНЬ	64
ПОЗОВИ МЕНЯ В ДАЛЬ СВЕТЛУЮ...	111
БРАТ МОЙ...	165
ПЕЧКИ-ЛАВОЧКИ	214
КАЛИНА КРАСНАЯ	280
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	356
ЭНЕРГИЧНЫЕ ЛЮДИ	399
А ПОУТРУ ОНИ ПРОСНУЛИСЬ	445
ДО ТРЕТЬИХ ПЕТУХОВ	474